Редактор:
Д. М. Буланин

Рецензент:
А. А. Турилов

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 95-06-31926

ISBN 5-86007-001-2
ISBN 5-86007-079-9

П

Павел (ум. 4.II.1692) — митрополит Сибирский и Тобольский, автор наставлений и грамот. Долгие годы был архимандритом известных русских монастырей — Суздальского Спасо-Евфимиевского (1663—1671 гг.), Московского Симонова (1671—1674 гг.), Московского Чудова (1674—1679 гг.). 21 июня 1678 г. поставлен в митрополиты Сибирские и Тобольские. Приехав в Тобольск 25 марта 1679 г., произвел не слишком хорошее впечатление на местных жителей (по словам *С. У. Ремезова*, «всяким образом бе гонитель и сребролюбец»). За полгода до смерти его разбил паралич, о чем С. У. Ремезов сообщает следующее: «...в 199-м внезапу июня в 26 день в 9 часу дни отъятся язык, и все тело расслабело, накось руки и ноги, и мало приоздравел, и снова в грамоте учился» («Служебная чертежная книга»). Похоронен в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.

Наиболее известно его «превосходное» (Филарет) наставление об обращении сибирских народов-язычников в христианство: «Лета 7189 мая в 15 день ... указ игумену Феодосию да черному попу Макарею с братьею. Ехати им из Тобольска в Сибирские понизовские города ... приехав в Дауры, в Селинчинском и в иных Даурских городех и острожках иноверцев всяких вер от неверствия к истенней православной христианстей вере призывати ... без тчеславия и гордости со благоучителным намерением, без всякого озлобления...». Сохранились тридцать две его грамоты с различного рода распоряжениями по делам епархии (1680—1691 гг.), в которых много места уделено борьбе с раскольниками. Язык грамот местами образен и выразителен. Предполагается, что при П. в Тобольске была создана Головинская редакция *Летописного свода Сибирского* (Н. А. Дворецкая).

Изд.: АИ. СПб., 1842. Т. 5. С.101—102; Древние церковные грамоты восточного сибирского края (1653—1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань, 1875. С. 8—42.

Лит.: Строев П. М. Спнскн нерархов и настоятелей монастырей Российской церквн. СПб., 1877. Стб. 317; РБС: «Павел преподобный — Петр (Илейка)». СПб., 1902. С. 75—77: Андреев А. И. Очеркн по нсточниковеденню Снбнри. Вып. 1: XVII век. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. С. 143; Соловьев С. М. История Россин с древнейшнх времен. М., 1962. Кн. 7. С. 318, 319. 321, 326, 329; История Снбнрн. Л., 1968. Т. 2. С. 121; Дворецкая Н. А. Снбирский летописный свод: (вторая половина XVII века). Новоснбирск, 1984. С. 43—45, 59. Брюсова В. Г. Материалы к нстории иконописного дела в Сибири в XVII—XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегоднк 1993 г. М., 1994. С. 157—158.

В. К Зиборов

Павел (в миру Моравский) (ум. 5.IX.1686) — митрополит Рязанский и Муромский, автор грамоты. В 1672 г. П. был поставлен архимандритом Макарьева Желтоводского монастыря, в 1676 г. — архиепископом Коломенским и Каширским, а в сентябре 1676 г. — архиепископом Суздальским и Юрьевским. С ноября 1681 г. и до конца жизни был митрополитом Рязанским. При участии П. в Рязани были построены Симеоновский монастырь и Успенский собор — одно из замечательнейших зданий города. Его наставительная грамота 1683 г. обращена к архимандриту Богословского монастыря Иосифу и к келарю Солотченского монастыря Пахомию, в ней говорится о многочисленных нарушениях церковных правил и обрядов в Рязанской епархии. Коснулся П. и знаменитого спора о времени пресуществления, причем он придерживался иной точки зрения по этому вопросу, нежели патриарх *Иоаким*: «В божественной литургии ума намерение твердо имети. Ума же намерение сие есть, егда глаголет словеса сия: Приимите, ядите и пейте от нея — да имать ум свой весь собран в оны словеса... Блюди, о иерее! аще во время оно ум твой будет неподвижным... Аще ж в то время уста твоя глаголют оне словеса, ум же твой иная мыслит, веждь, яко смертию, сиречь непрощенно согрешаеши». В своей грамоте П. показывает глубокое знание текста Библии.

Изд.: Тихон Воздвиженский. Исторнческое обозрение Рязанской епархин. М., 1820. С. 171—181; Пискарев А. И. Древнне грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854. № 51, С. 130—131.

Лит.: РБС: «Павел преподобный — Петр (Илейка)». СПб., 1902. С. 69—70; Соловьев С. М. Историня Россин с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 432—434; Лаппо-Даннлевскнй А. С. Историня русской общественной мысли н культуры XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 139, 164.

В. К. Зиборов

Павел (в миру Петр) (ум. 9.IX.1675) — митрополит Крутицкий (Сарский и Подонский), автор посланий, грамот, речей. О жизни П. до принятия сана митрополита известно мало. Он был священником, в 1650-е гг. — протопопом московской церкви Сретения «на сенях у царя». После смерти жены принял монашество в Спасо-Преоб-

раженском (Новоспасском) монастыре. С 1659 г. поставлен архимандритом Чудова монастыря. 22 августа 1664 г. хиротонисан в Крутицкие митрополиты. В период междупатриаршества (1658—1667 гг.) трижды был местоблюстителем патриаршего престола, о чем упоминается в эпитафии на смерть П.: «Между патриаршества трикратно вверенный». В разное время управлял другими епархиями — Казанской, Рязанской и Вятской (об этом говорит *Симеон Полоцкий* в своем «Слове по преставлению Павла»).

Хотя П. в целом поддержал реформы *Никона*, отношения между ним и патриархом были сложными. Уже в 1660 г. Никон обвинил П. в попытке отравить его. Специальное расследование не нашло никаких улик против П. Однако, во время собора 1666—1667 гг. Никон отказался в присутствии Крутицкого митрополита вести разговор с царем и восточными патриархами, приехавшими в Москву, обвиняя П., а также Новгородского митрополита *Питирима* в том, что они хотели его не только отравить, но и удавить. В 1664 г. *Алексей Михайлович* послал П. к Никону за патриаршим посохом. Но патриарх возвращать посох отказался и прямо заявил П.: «Тебя я знал в попах, а в митрополитах не знаю, кто тебя в митрополиты поставил — не ведаю!». В то же время П. активно боролся со старообрядцами — *Никитой Константиновым Добрыниным* (Пустосвятом), священником *Лазарем*, боярыней *Феодосией Морозовой*, диаконом *Феодором*, неоднократно лично допрашивал протопопа *Аввакума*. Аввакум рассказывает в своем Житии (Пряничниковский список) следующее: «Он же меня у себе на дворе, привлачая к своей прелестной вере, томил всяко пять дней; и козновав и стязався со мною... И лаяше меня Павел и посылаша к чорту... зело было стязание много: разошлись, яко пьяни, не могли и поесть после крику». Более подробно Аввакум рассказывает о спорах с П. и о том, как он «брады терзания, по ланитам биения прия от Сарского и Подонского митрополита Павла», в своих ответах митрополиту П. (ГПБ, собр. Титова, № 2344, л. 118—137 об.).

П. принимал участие в соборе 1666—1667 гг., встречал прибывших в Москву восточных патриархов—Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, читал им приветственную речь. Вместе с тем он отказался подписать принятый на соборе акт о низложении Никона из-за содержавшихся в нем указаний на подчиненное положение патриарха по отношению к царю. В дальнейшем П. покаялся в своем упрямстве, но был подвергнут серьезному наказанию — отрешен от блюстительства патриаршего престола, ему было временно запрещено совершать богослужение.

В 1668 г. П. купил себе дом в Крутицах, который вскоре становится своеобразным культурным центром. Рядом с домом он разбил сад в голландском стиле, с фонтанами, устроил для ведения ученых споров специальные беседки, украшенные надписями (например, «Труд с покоем»). Когда в 1674 г. ему было поручено осуществлять

надзор за переводом Библии с греческого языка, он поселил в этом доме переводчиков во главе с *Епифанием Славинецким*. Современники писали о П. , что он, «яко Филадельф оный, семдесятным переводником устрои домы вне града Египта, в месте, глаголемом Фара, тако и сей устрои», имея в виду историю создания Септуагинты. Впрочем, затея с переводом Библии далеко не продвинулась (переведен был только Новый Завет), ибо в 1675 г. почти одновременно скончались Епифаний Славинецкий и сам П.

Помимо надзора за переводом Библии, П. руководил работой по исправлению знаменного пения, собрав для этого так называемую Вторую комиссию (1669—1670 гг.). Итогом ее трудов явилось «Извещение о согласнейших пометах», одним из авторов и редакторов которого был *Александр Мезенец*. В предисловии к «Извещению» Александр Мезенец сообщает, что царь Алексей Михайлович «повелеша богомолцу своему Паулу, преосвященнейшему митрополиту Сарскому и Подонскому, паки мастеров собрати, добре ведущих знаменное пение и знающих того знамени лица и их разводы...» (Бражников. Древнерусская теория музыки. С. 416).

П. был высокообразованным человеком, имел значительную для своего времени библиотеку (149 печатных и рукописных книг), в которой были книги на латинском, польском и греческом языках. С 26.VI.1667 по 17.III.1675 гг. возглавлял Печатный двор. В числе близких друзей П. был Симеон Полоцкий, который писал для него речи и поучения (П. был известен как хороший декламатор), переводил для П. речи восточных церковных иерархов, приезжавших в Москву, посвятил П. несколько стихотворений и эпитафий, читающихся в «Вертограде многоцветном» и «Рифмологионе». В эпитафии, сохранившейся в сборнике XVII в. (нач.: «Отец сирот, вдовиц же и нищих питатель, / Мудролюбцев церковных и странных приятель...») указана точная дата смерти П.: «В седмтысящное лето миротворения, / Сто осмдесять чвертое (*так!*), в девятый септемврия» (ГПБ, собр. ПДА, № 192, л. 54). На похоронах П. Симеон произнес обширную речь (ГИМ, Синод. собр., № 251; впоследствии, убрав все конкретные указания на П., Симеон Полоцкий напечатал эту речь в составе своей «Вечери душевной»). В этой траурной речи, сообщив краткие биографические сведения об умершем, Симеон Полоцкий дал ему такую характеристику: «Книжным сущым он бе отец, дом его пристанище ... Ту бо не ины беседы бываху, точию разсуждения богословская о различных трудностях священнаго Писания, ту состязания философская совершахуся, ту недоведомых разрешения содевахуся, даже во правду леть бяше дом его училище мудрости именовати, трапезу его — трапезу богословофилософскую нарицати».

П. принадлежит ряд грамот и писем, касающихся внутрицерковных дел и его многочисленных вкладов в монастыри и храмы: о строительстве при Костромском Успенском соборе придела во имя

Феодора Стратилата (1665 г.); в Колесникову пустынь — о строительстве там новой церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, с ее подробным описанием (1674 г.); к Вологодскому архиепископу *Симону* — с просьбой приготовить склад для зерна, присланного в Вологду Федором Ртищевым (1671 г.); в г. Сундырь — дьяку Алексею Земцову. П. написал Завет архимандритам Новоспасского монастыря (ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 133—137) — духовное поучение, связанное с очередным вкладом в монастырь (не опубликован). П. принадлежит также поздравительная речь, прочитанная им еще в бытность архимандритом Чудова монастыря (1660 г.) и обращенная к архимандриту Игнатию (опубликована в ДРВ).

В 1673 г. П. составил духовное завещание (ГИМ, Синод. собр., № 684, л. 468—482; опубликовано С. А. Белокуровым), которое представляет собой обширное прощальное послание, обращенное ко всем христианам с нравоучениями и указаниями, как необходимо жить православным. Считается, что основную часть завещания написал Симеон Полоцкий, а самому П. принадлежат лишь содержащиеся в тексте распоряжения об имуществе. По поручению П. *Феодор Константинов* написал Чиновник, где подробно сообщается о событиях, связанных с пребыванием вселенских патриархов в Москве.

Изд.: Речь ответная чудовского архнмандрита // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 2. С. 369—370; Колесннкова пустыия: Грамота мнтрополита Павла, Сарского н Подонского // Ярославскне губернскне ведомостн. 1853. № 41. Часть неофнц. С. 412—413; Письмо Крутицкого митрополита Павла к вологодскому архнепнскопу Снмону // Памятиая книжка для Вологодской губерннн иа 1860 г. Вологда, 1860. С. 369—370; Белокуров С. К биографнн Павла, мнтрополнта Сарского и Подонского // Христ. чт. 1866. № 3—4. С. 593—619; Грамота в г. Суидырь дьяку Алексею Земцову // ЧОИДР. 1894. Ки. 3. С. 170—174.

Лит.: Евгенний (Болховнтинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-россиийской церквн. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 143—144; Ундольскнй В. М. Библиотека Павла, митрополита Сарского н Подоиского // ВОИДР. 1850. Ки. 5. С. 65—75; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 98—154; Горский А., Невоструев К. Опнсаиие славяискнх рукописей Московской Сннодальиой библнотеки. М., 1862. Отд. II, ч. 3. С. 215—218, 250; Материалы для нсторни раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботииа. М., 1875. Т. 1. С. 401—404; М., 1881. Т. 6. С. 232—234; Татарский И. Снмеои Полоцкнй: (его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 108—111; Соловьев Н. А. Сарская и крутицкая епархии // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. С. 84—91; Родосский А. Описанне 432-х рукописей, принадлежащнх С.-Петербургской духовиой академнн. СПб., 1894. С. 211—212; Брокгауз Ф. А., Ефрои И. А. Эицнклопедическнй словарь. СПб., 1897. Т. 44. С. 545—546; РБС: «Павел преподобный—Петр (Илейка)». СПб., 1902. С. 73—75; Малышев В. И. Неизвестиые н малоизвестиые материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 388, 393—394; Соловьев С. М. История России с древиейших времен. М., 1961. Ки. 6 (т. 11—12). С. 246—248, 257, 265; Луппов С. П. Киига в Росснн в XVII веке. Л., 1970. С. 136—137; Бражников М. Древнерусская теорня музыкн: По рукопнсным матерналам XV—XVIII веков. Л., 1972. С. 416; Рижскнй М. И. История переводов Бнблни в Россни. Новоснбирск, 1978. С. 112; Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов

и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 54—55, 142—143, 169—173; Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 78—79, 186—187. (Русская старопечатная литература: (XVI—первая четверть XVIII в.)); Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель музыкальной культуры XVII века певчий дьяк Федор Константинов // Древнерусская певческая культура и книжность. Л., 1990. С. 125; Симеон Полоцкий. Вирши. Минск, 1990. С. 357, 431; ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 73—74, 213; Лукичев М. П., Морозов Б. Н. К истории организации официального летописания XVII в. // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 141.

В. К. Зиборов, В. В. Яковлев

Пазухин Марк Иоаин (2-я пол. XVII в.) —переводчик. В 1676 г. перевел с польского и латинского книгу, получившую в переводе наименование «Анфиръмария (*так! должно быть:* Инфирмария) христианская» (Mościcki. Infirmaria chrześciańska, sporządzona przez jednego kapłana. Kraków, 1626). Если верить заглавию, к переводу сделаны дополнения («преписана с докладом»). Известны два списка перевода: ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 2239, конец XVII в.; ГБЛ, собр. ОИДР, № 4, 1730 г. Сведения о переводчике по другим источникам неизвестны. Имя переводчика установлено А. И. Соболевским по тайнописи — «простой литорее». Перевод не опубликован.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 209—210.

О. А. Белоброва

Паисий Лигарид (в миру Пантелеймон (Панталеон)) (ок. 1610—24.VIII.1678) — митрополит Газский, автор посланий, полемических сочинений, стихотворений. П. Л. родился на о. Хиос, с тринадцати лет воспитывался в иезуитской греческой коллегии в Риме, после ее окончания получил степень доктора богословия и философии (1636 г.) и был поставлен в священники униатским митрополитом Рафаилом Корсаком (1639 г.). В 1637 г. участвовал в издании книг латинских миссионеров Петра Аркудия и Неофита Родина. В 1641 г. П. Л. покинул Рим и поехал в Константинополь для распространения римской веры (о связях П. Л. с Конгрегацией пропаганды веры см. в статье П. Пирлинга). Позднее П. Л. направился в Молдавию и Валахию, где, вместе с Игнатием Петрици, готовил к изданию Кормчую, переведенную с греческого на румынский язык, был «дидаскалом» в ясской школе. В 1650 г. принимал участие в споре о вере старца *Арсения Суханова* с греками. 16 ноября 1651 г. он постригся в монахи и был поставлен Иерусалимским патриархом в митрополиты Газы Иерусалимской (сентябрь 1652 г.). Хотя П. Л. принял православие, он поддерживал переписку со своим товарищем по коллегии Львом Алляцием и с католической Конгрегацией пропаганды веры. Известно, что в 1656—1658 гг. П. Л. жил в Молдавии и Валахии. По просьбе П. Л., он был рекомендован Арсением Суха-

новым патриарху *Никону* в качестве справщика и в конце 1656 г. от лица патриарха был приглашен в Россию. Однако на этот раз приезд П. Л. в Россию не состоялся. В Москву он прибыл позднее — 12 февраля 1662 г., имея на руках рекомендательную грамоту Константинопольского патриарха Парфения, в которой П. Л. рекомендуется как знаток церковных уставов и именуется иерусалимским митрополитом Предтеченского монастыря. Пребывание П. Л. в Москве подробно описано в кн. Н. Ф. Каптерева. Это пребывание иерарх использовал в собственных интересах, обогащался за счет царской казны и даже занимался торговыми делами. Приезжий быстро завоевал доверие царя *Алексея Михайловича* и выступал в роли строгого ревнителя православия. В 1665 г. он успешно отклонил от себя обвинение в неправославии, выдвинутое против него Никоном. Вместе с тем, имеются сведения, что П. Л. вел из Москвы переговоры с представителями Речи Посполитой об объединении церквей. Попытка П. Л. добиться звания патриаршего экзарха оказалась неудачной.

П. Л. сыграл решающую роль в подготовке собора, низложившего патриарха Никона. 29 июля 1668 г. в Москву была доставлена грамота Иерусалимского патриарха Нектария, в которой сообщалось, что П. Л. был отрешен от служения и проклят еще при предшественнике Нектария Паисии. По просьбе Алексея Михайловича, запрещение было снято преемником Нектария Досифеем (грамота об этом была получена в Москве 24 января 1670 г.), но возобновлено уже через два месяца. В феврале 1673 г. П. Л. выехал в Палестину. По пути он задержался в Киеве, где читал в тамошней академии лекции по философии. 21 августа 1675 г. П. Л. получил приказ ехать из Киева обратно в Москву. На этот раз он пробыл в столице недолго: 1 сентября 1676 г. П. Л. был вновь отправлен на родину, но умер в Киеве в Братском монастыре.

П. Л. не знал русского языка. Написанные им в России сочинения были созданы на греческом или латинском, многие из них были переведены на русский. Сочинения П. Л. на греческом языке рассматриваются в статье Б. Л. Фонкича. К числу их относятся ответы на тридцать вопросов боярина С. Л. Стрешнева. Греческий оригинал ответов не сохранился, списки русского перевода, осуществленного *Стефаном,* указаны в монографии А. И. Соболевского. «Отписка к болярину Симеону Лукияновичу Стрешневу митрополита Паисия Газскаго и на 30 вопросов ответы новых обычаев Никоновых, бывшаго патриарха Московскаго, во 171 (1663)-м году» опубликованы Н. А. Гиббенетом. В качестве антиниконовского сочинения ответы П. Л. (22 главы) были включены в «Христианоопасный щит веры» (опубликованы в «Материалах для истории раскола...». Т. 7).

В 1663 г. П. Л. составил на греческом языке двадцать пять вопросов восточным патриархам, в которых излагалось дело Никона (имя Ни-

кона в этих вопросах не упоминалось). Они были переданы адресатам вместе с царскими грамотами через дьякона Мелетия (перевод вопросов и ответов на английский язык дан в кн. В. Палмера).

Сочинение П. Л., посвященное суду над патриархом Никоном, было закончено вскоре после 6 апреля 1667 г. Оно сохранилось в единственном списке ГИМ, Синод. собр. греч., № 409. Известны русские переводы этой книги. Один из них («Изложение поместного собора, бывшего в Москве против патриарха Никона, составленное митрополитом газским Паисием Лигаридом») был сделан вскоре после появления греческого оригинала (Гиббенет. Историческое исследование... Ч. 2. С. 449—456). Перевод на русский язык принадлежит А. Н. Муравьеву (ЛОИИ, ф. 261, бумаги В. Н. Бенешевича, № 8), другой перевод XIX в. находился в Московской духовной академии (Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 286). Перевод книги П. Л. на английский язык опубликован В. Палмером.

1 января 1669 г. П. Л. завершил работу над предисловием к Номоканону Матфея Властаря, которое сохранилось в двух греческих списках. Существует и русский перевод, выполненный, по предположению А. И. Соболевского, *Николаем Спафарием.* Еще до появления П. Л. в Москве, в 1656 г., им был составлен сборник «Хрисмологион»; единственный известный список хранится в Иерусалимской патриаршей библиотеке, № 160. Перевод «Хрисмологиона» осуществил в 1673 г. Николай Спафарий.

В Москве П. Л. сочинял и стихотворения на греческом языке. Это эпиграммы в честь царевичей *Феодора Алексеевича* и Алексея (известен автограф, включающий текст латинского перевода: ЦГАДА, ф. 27, Госархив, № 552), стихотворения в честь царя Алексея Михайловича и Константинопольского патриарха Фотия. В русском переводе дошли тексты «На двоеглавнаго орла всевеличайшаго царя нашего Алексея Михайловича напис», «Напис на венец», «На царствующую Московию напис» (публикацию, перечень списков и замечания о переводе первого из названных произведений см. в кн. А. И. Соболевского; о двух других текстах см. в статье Б. Л. Фонкича). А. И. Соболевский указывает также списки перевода «Слова о мантии» («Благодарственное слово ко благочестивейшему государю царю и великому князю Алексию Михайловичу ... Паисия, митрополита Газского. Преведено монахом Арсением Греком»). По предположению Н. И. Субботина, П. Л. были составлены «Назнаменования, или наблюдения из различных соборов о обычаи, его же употребляху святые отцы в синодотворении», «Поучение, или беседа увещевательная», «Слово в день Рождества Христова от лица святейших патриарх Паисия Александрийскаго и Макария Антиохийскаго о взыскании премудрости божественныя» (два последних произведения опубликованы в «Материалах для истории раскола...». Т. 9).

В Москве пытались прибегнуть к помощи П. Л. в борьбе с расколом. В 1666 г. ученый грек составил опровержение на челобитную *Никиты Добрынина* (с текстом челобитной П. Л. познакомился по сделанному для него переводу). Это опровержение было написано на латинском языке, на русский его перевел *Симеон Полоцкий* (перевод опубликован в «Материалах для истории раскола...». Т. 9). Позднее Симеон Полоцкий использовал текст опровержения при составлении своего «Жезла правления». Средством борьбы с расколом П. Л. считал, в частности, организацию училищ (Горский А. В. О духовных училищах в Москве в XVIII столетии // Творения святых отцов в русском переводе. 1845. Т. 3. Прибавления. С. 160—167).

П. Л. принадлежит большое количество посланий разным лицам, в том числе Льву Алляцию, царю Алексею Михайловичу (некоторые из них опубликованы в работах Н. Гиббенета и В. Палмера и др.), патриарху Никону (послание включено в сочинение о соборе на Никона), Николаю Гейнзию (греческий оригинал и перевод на русский язык опубликованы в статье А. А. Куника), протосинкелу Козме (Описание рукописного отделения БАН СССР. Т. 5: Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973. С. 149). П. Л. писал также письма по поручению московских властей, в частности, письма о признании царского титула Федора Алексеевича архиепископу Грана Георгию и кардиналу Барберини, датируемые 15 февраля 1676 г.

Около 1666 г., по просьбе шведского резидента при московском дворе И. Лилиенталя, П. Л. составил трактат о евхаристии, в котором прослеживается стремление показать незначительность различий в учении о евхаристии между латинской и греческой церквами (Лавровский. Несколько сведений... С. 679, 735—736). В истории иерусалимских патриархов, составленной патриархом Досифеем и изданной патриархом Хрисанфом в 1715 г., сообщается, что П. Л. написал в прокатолическом духе по-видимому не сохранившуюся историю иерусалимских патриархов (см. статью А. А. Куника). По утверждению митрополита Евгения (Болховитинова), существовал также текст лекций по философии, читанных П. Л. в Киеве.

После отъезда на родину *Дионисия Грека* книги из его библиотеки перешли к П. Л. После того как в 1673 г. П. Л. покинул Москву, они были переданы на Печатный двор. Известны греческие тексты, переписанные в Москве рукой П. Л. Так, для голландского посла при шведском дворе Николая Гейнзия ученый грек сделал выписки из сборника сочинений патриарха Фотия, которые восходят к не известным в то время беседам.

Изд.: СГГД. М., 1828. Ч. 4. С. 118—121; Творения святых отцов в русском переводе. 1845. Кн. 2. С. 160—162; Palmer W. The Patriarch and the Tsar. Vol. 3: History of the Condemnation of the Patriarch Nicon by a Plenary Council of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A. D. 1666—1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. London, 1873. P. 15—311, 314—347, 547—548, 557—558; Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 518—559, 585—589,

596—597, 661, 810—811; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботиина. М., 1885. Т. 7. С. 150—181; 1895. Т. 9. С. 13—265, 271—295; Соболевский. Переводная литература. С. 342—343, 345—346, 353—354, 364—365, 367; Куиик А. А. О трех списках Фотиевых бесед 865 года // Записки имп. Академии иаук. Сер. 8. 1906. Т. 7, № 8. С. 49—86.

Лит.: Евгеиий (Болховитииов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чииа греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 145—149; ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. № 54; [Горский А. В.] Несколько сведений о Паисии Лигариде до прибытия его в Россию // Творения святых отцов в русском переводе. 1862. Прибавления. Ч. 21. С. 133—148; Соловьев С. М. История России с древнейших времеи. М., 1991. Т. 11. С. 218—220, 223—231, 244, 253, 328—332, 528—530; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 379—438, 450—462, 500—528, 679—681, 754—757; Каптерев Н. Ф. Характер отношеиий России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 181—207; Лавровский Л. Я. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита газского // Христ. чт. 1889. № 11—12. С. 672—736; Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889. С. 13—14, 16, 20, 24; Воробьев Г. А. 1) Паисий Лигарид: (1662—1666) // Русский Архив. 1893. Кн. 1. С. 5—32, 447; 2) Паисий Лигарид // РБС: «Павел, преподобиый—Петр (Илейка)». СПб., 1902. С. 118—122; Брайловский С. О месте коичины Паисия Лигарида // Русский Архив. 1893. Ки. 4. С. 447—448; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 281—291; Пирлииг П. Паисий Лигарид: Дополиительиые сведеиия из римских архивов // РС. 1902. Т. 109. С. 337—351; Ериштедт В. К. Выдержки Паисия Лигарида из Бесед патриарха Фотия // Записки имп. Академии иаук. Сер. 8. 1906. Т. 7, № 8. С. 01—039; Шмурло Е. Паисий Лигарид в Риме и иа греческом Востоке // Труды V съезда русских академических оргаиизаций за граиицей в Софии 14—21 сеитября 1930 г. [София], 1932. Ч. 1; Голубев И. Ф. Встреча Симеоиа Полоцкого, Епифаиия Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294—301; Фоикич Б. Л. 1) Греческо-русские культуриые связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 130, 134—137; 2) Греческое киигописание в России в XVII в. // Кинжиые цеитры Древией Руси: XVII век. Разиые аспекты исследоваиия. СПб., 1994. С. 33—38, 42—44; Τσιρπανλῆς Ζ. Ν. Τὸ Ἑλληνικὸ κολλέγιο τῆς Ῥώμης καὶ οἱ μαθητές του: (1576—1700). Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 472—478; Καραθανάσης Α. Ε. Οἱ ἕλληνες λόγιοι στὴ Βλαχία: (1670—1714). Θεσσαλονίκη, 1982. Σ. 24—26, 31, 61, 62, 105, 135, 217.

А. А. Романова

Палладий Рогов (Роговский) (1655—23.I.1703) — ректор Славяно-греко-латинской академии, писатель, проповедник, переводчик. По собственным словам П., он родился в Тверской губернии в Кашинском уезде в вотчинах Макарьева Калязинского монастыря, откуда перешел в Новгородские земли и там, в монастыре Саввы Вишерского, принял постриг. Впервые прибыл в Москву, между 1682 и 1684 гг. Там познакомился с Леонтием, первым епископом новоучрежденной тогда Тамбовской епархии, который увез П. в свои владения и поставил в диаконы. Когда Леонтий в 1684 г. за мздоимство был лишен сана, П. снова вернулся в Москву и с разрешения патриарха был приписан к Богоявленскому монастырю. Здесь он служил диаконом и в течение полутора лет учился латинскому и гре-

ческому языкам у приехавших в 1685 г. братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*.

Не удовлетворившись полученными знаниями, П. уехал в Европу и обучался в латинской школе в Вильне, затем вНиссе, Ольмюце. Согласно правилам иезуитов, для того чтобы иметь право продолжать обучение, необходимо было принять унию. Это П. и сделал в Ольмюце. По его собственным словам, он, «желая достигнути высших наук, присягнул. И тако отступство от благочестивыя веры учиних, не сердцем, но едиными усты сотворих наук ради». Последние семь лет отлучки П. учился в Риме в греко-униатском училище. Он прошел весь курс тогдашних наук — поэтику, риторику, философию, богословие и ок. 1694 г. получил диплом доктора философии и богословия. В Риме, одновременно с учением, он священнодействовал в грекоуниатской церкви святого Афанасия Великого, для чего был рукоположен в иерейский чин. Вскоре после окончания учебы П. обратился к папе с просьбой, чтобы его отпустили служить в малороссийские униатские монастыри. Получив разрешение, он по дороге заехал в Венецию, где у православного митрополита Филадельфийского вымолил прощение за отступничество. Там же, в Венеции, он познакомился с князем П. А. Голицыным, который помог ему приехать в Россию.

В феврале 1699 г. П. подал челобитную патриарху *Адриану* с мольбой о прощении. Патриарх в ответ потребовал, чтобы П. представил свое исповедание веры, описал подробно историю своих странствований и отступничества, сам определил себе приговор и, наконец, изложил все заблуждения Римской церкви и торжественно их проклял. П., поселенный в Московском Новоспасском монастыре, выполнил все условия, менее чем за два месяца написав «Исповедь» (издана в ДРВ). 2 июня 1699 г. указом патриарха П. «причтен в церковное единение» восточной церкви. Было признано и священство, полученное им в Риме.

В 1700 г. П. был определен учителем Славяно-греко-латинской академии, но из-за слабого знания греческого языка получил разрешение преподавать только на латыни. Одновременно он стал игуменом Заиконоспасского монастыря, в котором находилась академия. В расходной книге 24 сентября 1701 г. он назван префектом, а 29 ноября 1701 г. — уже ректором, каковым и оставался до своей смерти. Похоронен в трапезной монастыря.

По утверждению иезуита Франциска Эмилиана, у П. в личной библиотеке было более 500 томов изданий творений святых отцов, соборов, полемических и прочих богословских сочинений, которыми его снабдила при отъезде из Рима Священная конгрегация de propaganda fide и флорентийский герцог. Часть этих книг попала в библиотеку Стефана Яворского.

Известен сделанный П. перевод церковной истории византийского писателя XIV в. Никифора Каллиста Ксанфопула — первые 37 глав

первой книги находятся в рук. Ярославского музея-заповедника, № 174, л. 170—262. По предложению А. И. Соболевского, этот перевод был сделан перед назначением в ректоры, для испытания. В те же годы, как считает С. Смирнов, в 1701 или 1702 г., П. произнес в церкви Заиконоспасского монастыря десять проповедей, приуроченных к крупным христианским праздникам, в которых иногда использовал цитаты из католических писателей, обращался к западной литературе. Проповеди П. находятся в том же сборнике Ярославского музея. Сохранился и автограф «Исповеди», датированный 1 апреля 1699 г. (ГИМ, Синод. собр., № 550, л. 1—45). Филарет (Гумилевский) атрибутировал П. также описание Рима и римского двора. Предположение основано на том, что описание сделано в годы, когда П. находился в Риме; здесь, в частности, упоминается об Иннокентии XII как о современном папе (избран в 1691 г., умер в 1700 г.). Авторство П. доказывают и анализом стилистических особенностей произведения. Опубликованы две главы описания (часть большого сочинения?), рассказывающие об архитектуре Рима, его жителях, церквах, папском дворе.

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Т. 18. С. 148—198; Описание Рима, составленное русским путешественником в конце XVII в. // Сын Отечества. 1838. Т. 1. Отд. III. С. 109—130; Смирнов С. Десять поучений первого русского доктора богословия игумена Палладия Роговского // Творения святых отцов в русском переводе. 1883. Ч. 32. Прибавления. С. 269—339.

Лит.: Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневским // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Т. 16. С. 302; Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 149; Надеждин Н. Палладий Роговский, первый русский доктор // Сын Отечества. 1840. Кн. 2, август. С. 598—628; Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 24, 78—81; Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Палладий Роговский // ПО. 1863. № 10. С. 162—172; Образцов И. Киевские ученые в Великороссии // Эпоха. 1865. № 1. С. 36—37; Строев. Словарь. С. 223; Забелин И. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. Стб. 394; Филарет. Обзор. С. 162; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 65, 288, 296—297; Соболевский. Переводная литература. С. 86—87; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1904. С. 25—27, 49, 76, 111—112, 300; Верховский В. П. Очерки по истории русской церкви XVIII и XIX столетий. Варшава, 1912. Вып. 1. С. 77—79; Скворцов Г. А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань. 1913. С. 282—287, 339—343; Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 23; Харлампович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 420, 570, 649, 651, 790; Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958. С. 132. (Краеведческие записки. вып. 3); Будовниц. Словарь. С. 208.

Е. Н. Матвеева

Парфений Небоза (ум. 1.I.1704) — митрополит Лаодикийский, впоследствии Азовский и Холмогорский, автор стихотворений и послания Петру I. Прозвище Небоза означает «бедный», «убогий», «несчастный», «обездоленный» (Словарь церковно-славянского языка, составленный академиком А. Х. Востоковым. СПб., 1858. С. 236—237; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 18: «ради быхом небози», «Увы, мне...небозе»); в послании Петру сам П. Н. подобрал к своему прозвищу синоним — «рабский». О жизни П. Н. известно очень мало. Выходец с Украины («многия лета прожил в Малороссийской стране», — пишет он о себе сам), П. Н. длительное время жил на Ближнем Востоке, много путешествовал, участвовал в освобождении христиан из турецкого плена, для живших в Турции соотечественников совершал богослужение по-славянски (для тех, кто «жаждет слышати слово Божие русским языком»). В 1686 г. П. Н. встретился в Константинополе со своим знакомым по Украине Иваном Лисицей, который приехал из Москвы вместе с послом Никитой Алексеевым и переводчиком Авраамом к патриарху Дионисию за грамотами, санкционирующими подчинение киевской митрополии русскому царю и строительство в Константинополе церкви Иоанна Предтечи. П. Н. показывал приезжим город, водил их в Софийский собор, куда «с великою трудностию и платежем входят христиане», а также договорился о том, чтобы освобожденные им православные отправились с посольством в Россию. Сам П. Н. тоже решил ехать в ними в Москву, однако доплыл только до Очакова, где посольство было задержано, и ему пришлось через Белгород (нынешний Белгород-Днестровский) возвращаться обратно на Восток.

В 1691 г. П. Н. был поставлен на Лаодикийскую митрополию и одновременно послан в Кизическую епархию, где в течение двух лет замещал Кизического митрополита Кирилла. В 1696 г. П. Н., наконец, добрался до России. В 1701 г. он был рукоположен в митрополиты Азовские (существует точка зрения, что Азовская митрополия была образована специально для назначения на эту должность П. Н.), а после упразднения епархии в 1703 г. — митрополитом Холмогорским. Однако П. Н. скончался в дороге, так и не доехав до Холмогор. Похоронен в церкви Печерской Божьей матери Ярославского Спасо-Преображенского монастыря. О поставлениях и о смерти П. Н. сообщается в *Летописи Новгородской Погодинской* под 7212 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 1411, л. 306 об.), причем он называется греком.

Литературное наследие П. Н. невелико, все оно уместилось на 15 листах в небольшом сборнике в четверку ГПБ, собр. Погодина, № 1745, конец XVII—нач. XVIII в. Содержание сборника таково: л. 1 — начало послания Петру I, полностью помещенного на л. 7—15; л. 2—3 об. — толкование надписи на могильном камне императора Константина Великого с небольшими предисловием и послесловием П. Н. (нач.: «Перевод з греческаго языка на словенский

предлагаю аз, богомолец ваш, смиренный Парфений, митрополит Лаодикийский...»). В послесловии он отмечает, что «преведе же сие з греческаго на словенский язык и преосвященный Гавриил, митрополит Назарета Галилейскаго, сый бывый в царствующем граде Москве в лето 7159 марта 10 день» (см. *Гавриил, митрополит Назаретский*). Завершает перевод стихотворение П. Н., посвященное автору толкования — Константинопольскому патриарху Геннадию (нач.: «Вселенский патриарше, / началниче и ерарше, / кир Геннадие светило, / явися мудрый кормило...»); л. 4—6 — панегерические «Стихи на победу» над турецким султаном Мустафой (нач.: «Петре, ты царю избранный, / От Христа Бога посланный, / Приял еси ты крест в руки, / Им же гониш враги турки». В стихотворении описываются гонения на христиан в Турции, предсказывается окончательная победа Петра I над турками, бранными словами награждается султан: «Ты же, враже наш и льстивый, / Диавол тя научивый, / Мустафа еси обманец / И злодей ты избранец». «Стихи» завершаются словами: «Сие стихи сложены смиренным Парфением, митрополитом Лаодикийским, в лето от Христа 1698-е, априлиа в 12 дне»; л. 7—15 — послание Петру I, нач.: «Великому государю царю и великому князю Петру Алексиевичу, всеа Великиа и Малыя и Белыя России самодержцу, Иисуса Христа последний раб, твой же богомолец смиренный митрополит Лаодикийский Парфений рабский повествует, како и где, препровождая жизнь свою, свобождал неволников из неволнаго мучения агарянскаго». В послании П. Н. рассказывает о своей жизни на Востоке, встрече с посольством Никиты Алексеева и совместных с ним поездках, о своей деятельности в бытность Лаодикийским митрополитом. Послание и панегерический стих читаются и в другом сборнике конца XVII—нач. XVIII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 421, л. 346—361).

А. Горский и К. Невоструев ошибочно приписали П. Н. сочинение под названием «Символ или изображение священных утварей и сосудов церкве православновосточныя, сложенный архиепископом митрополитом Назаретянским россиянином и екзархом всея Галилея» (ГИМ, Синод. собр., № 140, л. 448—464). Предисловие к произведению начинается обращением к русскому народу («Благочестием сияющему роду российскому в полезных преуспеяниях присный желатель»). В «Символе» автор толкует значение частей храма, чинов церковных, священных одежд, сосудов, славословий, а в конце разъясняет звериное число в Апокалипсисе. Ни в заглавии, ни в тексте произведения имя автора не упоминается, а П. Н. никогда не был митрополитом Назаретским и экзархом Галилеи. Скорее всего, произведение принадлежит Гавриилу, который действительно носил названные в «Символе» титулы.

Изд.: Донесение Парфения, митрополита Лаодикийского, его императорскому величеству государю императору Петру Первому о том, как он освободил из турецкого

плена российских пленных // Отечественные записки. 1828. № 94. С. 203—220; Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Донесение Петру I // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. № 4. Часть неофиц. С. 29—35; Перетц В. Н. Записка митрополита Лаодикийского Парфения о невольниках // ЧИОНЛ. 1901. Кн. 15, вып. 1. Отд. III. С. 24—33.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 151—153; Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. II, ч. 2. С. 187—188; Филарет. Обзор. С. 259; Шляпкин И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время: (1651—1709). СПб., 1891. С. 361. (Записки историко-филологического ф-та С.-Петербургского ун-та, ч. 24); Соболевский. Переводная литература. С. 362—363; Полный православный богословский энциклопедический словарь / Изд. П. П. Сойкина. СПб., б. г. Т. 2. Стб. 1763 (репринт: М., 1992); Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 427, 429.

В. К. Зиборов, В. В. Яковлев

Патерик Соловецкий — название рукописных сборников, содержащих жития соловецких святых и службы им. Первоначальный состав П. не определен; по наблюдениям П. М. Строева, он был составлен в конце XVI в. на основе *Жития Зосимы и Савватия Соловецких*, к которому постепенно прибавлялись чудеса основателей монастыря. В. О. Ключевский отнес появление П. к 1679 г., когда «по поручению соловецкого архимандрита Макария службы соловецким основателям, записки о них Максима Грека и Досифея с позднейшими чудесами соединены были в один сборник». Н. П. Барсуков выделил несколько рукописных сборников аналогичного состава.

П. М. Строев обнаружил рукописные сборники, состав которых не ограничивался статьями об основателях Соловецкого монастыря, а расширялся за счет других житий соловецких подвижников и служб им. Все известные ему рукописные сборники были разделены на восемь видов. В III—VII виды, по классификации П. М. Строева, попали сборники житий Зосимы и Савватия Соловецких в разных редакциях; по наблюдениям исследователя, в них варьируется состав служб, чудес, похвальных слов и т. д. Ко II виду П. М. Строев отнес рукопись из Новгородской Софийской библиотеке, состоящую «из двух рукописей» конца XVII в.; в сборнике — жития Зосимы и Савватия, службы им, *Жития Германа Соловецкого*, *Филиппа митрополита* со службами. Написана она не позднее 1698 г.: «...4 августа 7206 года, по завещанию Псковского митрополита Илариона, отдана в домовую казну». Как установила Н. А. Голоскова, эта рук. хранится в ГПБ, Соф. собр., № 1422.

Рукопись, выделяемая П. М. Строевым в I вид, «самый полный», как удалось установить, находится в ГПБ, Соф. собр., № 452 (Старователова С. К. К вопросу об источниках «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989.

С. 151). Бумага рукописи конца XVII в., создана она не позднее 1725 г., когда, согласно записи монаха Соловецкого монастыря Евфимия на л. 1, «октября в день 4» он «продал свою книгу иеродиакону Авраамию в Палеостровский монастырь в казну...». П. М. Строев сделал постатейное описание сборника, который содержит службы Зосиме и Савватию и их жития, службу Герману и «Повесть» о нем, службу *Филиппу II* митрополиту и Житие его, «Сказание вкратце от Летописца о Соловецких благоговейных и богоподвижных игуменах с преподобнаго Филиппа игумена и прочих по нем бывших рачителей, о строении монастырском и церковном и о здании каменном», службу Иоанну и Логгину Яренгским, *Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских*, «Предисловие» и «Сказание» о перенесении их мощей в редакции *Сергия Шелонина*, «Сказание вкратце» о Яренгских чудотворцах из чуда Жития Зосимы и Савватия Соловецких, *Сказание о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских*, «Сказание о житии» Никиты, пустынножителя Соловецкого, «О инех же святых отшелницех...» соловецких, «Сказание вкратце» о *Елеазаре Анзерском* (см. *Житие Елеазара Анзерского*), тропарь, кондак и молитву Иринарху Соловецкому, «Сказание» об Иринархе (см. *Иларион*), тропарь Елеазару Анзерскому.

Совершенно очевидно, что содержание П. составили жития и службы соловецких подвижников, написанные уже к концу XVII в. Основная цель составителя П. состояла, по-видимому, в том, чтобы иллюстрировать историю Соловецкого монастыря, причины его популярности жизнью и деятельностью его основателей, игуменов, пустынножителей — выходцев из монастыря. Поэтому он собрал сведения о них из памятников соловецкой письменности, при этом широко привлек известные ему источники о каждом герое. Любопытна подборка материалов о Яренгских чудотворцах, включающая несколько «Сказаний», в том числе и в редакции *Сергия Шелонина*, а также выписку из чуда Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Совершенно не изучено «Сказание вкратце от Летописца...», включенное составителем П. в комплекс статей о соловецких подвижниках, вероятно, с целью воссоздания наиболее полной картины жизни Соловецкого монастыря и деятельности соловецких игуменов после игуменства Филиппа.

Часть статей П. (например, об Иринархе и Елеазаре Анзерском) была составлена на основе бытовавших в рукописной традиции житий, появление которых относится ко 2-й пол. XVII в. Сведения о Елеазаре в «Сказании» во многом сходны со сведениями о нем в его Житии. Однако при сравнении «Сказания» и Жития Елеазара оказалось, что каждое произведение содержит ряд деталей (о родителях Елеазара, об учениках, в рассказе о приезде к подвижнику беса), которые предполагают существование какого-то не известного до сих пор общего источника сведений об анзерском строителе. «Сказание» об Иринархе наиболее близко к самому раннему из известных спис-

ков Жития Иринарха, написанному до 1687 г., — ГПБ, О.I.304. В составе П. — ранние списки и других произведений о соловецких пустынножителях. В П. читается самый ранний список «Сказания о житии преподобнаго Никиты» (Голоскова. Повести о соловецких пустынножителях. С. 177—186).

П. отличается яркой самобытностью. Рассказы о чудесах, видениях, фантастических явлениях имеют реальную основу, так как разворачиваются на фоне исторической действительности XV—XVII вв. Из содержания статей, составивших П., узнаем, как постепенно рос и креп Соловецкий монастырь, об управлении монастырем, об отношении соловецких властей к местному населению и пустынножителям, об обстановке внутри монастыря на протяжении нескольких веков и т. д. Перед нами — живая история Соловецкого монастыря. Рассказы П. о конфликтах в Соловецком монастыре не ограничиваются традиционными житийными трафаретами — столкновениями монахов с бесами. Как правило, эти рассказы являются отражением внутримонастырских житейских ситуаций, связанных с монастырским бытом и управлением Соловецкой киновией. Значение П. как исторического источника определяется тем, что в его основу положены жития и повести в редакциях соловецких писателей, знакомых с бытом монастыря.

В жанровом отношении П. разнороден. Его составляют такие «первичные» жанры, как собственно житие, сказание, повесть, служба. Появление этого памятника в конце XVII в. объясняется вниманием соловецких иноков к истории своего монастыря, к деятельности основателей и игуменов соловецких, к своим святым, попыткой возродить былую славу, могущество и популярность Соловецкого монастыря, утраченные после восстания 1668—1676 гг. Открытие мощей соловецких подвижников способствовало созданию во 2-й пол. XVII в. рассказов о новых святых и пустынножителях, составивших затем основу П. Рукописная традиция этого «полного» П. не была продолжена в XVIII—XIX вв., что можно объяснить не только постепенным угасанием агиографической традиции на Соловках, но и ее качественно новым уровнем.

VIII вид П. охарактеризован П. М. Строевым не вполне отчетливо. По его словам, это П., который «раскольники напечатали в 1787 году». По-видимому, исследователь имел в виду впервые изданную в 1788 г. «Историю об отцах и страдальцах соловецких» *Семена Денисова*. Как показал анализ некоторых источников «Истории...», Семен Денисов составил свой собственный Соловецкий патерик, включая в него в четкой хронологической последовательности сведения о соловецких «отцах» и «страдальцах», начиная с первых святых — основателей Соловецкого монастыря и кончая своими современниками (Староватова С. К. К вопросу об источниках... С. 150—152).

В рук. ГПБ, Солов. собр., № 1195/1366 (XIX в.), принадлежавшей архимандриту Досифею, содержится поздняя стилистическая редак-

ция повестей о пустынножителях и «Верное и краткое изъчисление ... преподобных отец соловецких...», где перечисляются сорок соловецких подвижников от основателей монастыря до пустынника Феофана, который умер в 1819 г. Как показала Н. А. Голоскова, здесь повести о пустынножителях приобрели форму небольшого патерика. Редактором было добавлено предисловие по образцу *Патерика Скитского*, весь текст был разделен на пять примерно одинаковых по объему небольших повестей (о пустынножителях XVII в.), подобных главам других патериков. Органическим продолжением повестей этого сборника стало «Верное и краткое изъчисление...», завершающееся общим заключением. Рукопись получилась цельным произведением, охватывающим историю подвижничества в Соловецком монастыре до нач. XIX в.

В конце XIX в. как результат обостренного интереса к отечественной церковной истории и ее святым были составлены и изданы несколько оригинальных патериков, среди которых особое место занял «Соловецкий патерик», описывающий жизнь 35 православных и местночтимых соловецких подвижников (1873 г.). Автор этого патерика, рассказывая о жизни соловецких святых, использовал сведения о них из имевшихся уже житий, составивших основу рукописного «полного» П., а также привлек некоторые легенды и слухи о них. Близок по содержанию к печатному «Соловецкому патерику» «Архангельский патерик» (СПб., 1901), прибавивший к рассказам о соловецких святых рассказы о кожеозерских, сийских и пинежских подвижниках. Из числа патериков и цветников, составленных владыкой Мануилом (Лемешевским), Марк (Лозинский) выделил Новый Соловецкий патерик.

Изд.: Соловецкий патерик. СПб., 1873; Никодим. Верное и краткое изъчисление преподобных отец соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1900.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 327; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 491; Строев. Словарь. С. 383—391; Никодим. Архангельский патерик. СПб., 1901; Будовниц. Словарь. С. 323; Марк (Лозинский). Из истории патериков // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 3. С. 72—75; Голоскова Н. А. 1) Повести о соловецких пустынножителях // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 126—134; 2) «Соловецкий патерик» XVII века и традиция патерикового рассказа в соловецкой литературе XIX в. // Устные и письменные традиции в духовной жизни народа: (Тезисы докладов). Ч. 2: Лингвистическое изучение европейского Севера. Сыктывкар, 1990. С. 26.

С. К. Севастьянова

Патрикий Патрикиевич (ум. II.1757) — старообрядец-поповец, глава дьяконовского согласия в Стародубье и на Ветке, автор посланий и полемических сочинений. Появился на Ветке в нач. 1720-х гг. В одном из следственных дел полковой стародубской канцелярии он называется «вдовым попом Патракеем Патракеевичем». Старообрядец Федор Семенов Чопов, попав в руки духовных властей в 1757 г.,

рассказывал следующее: тому будет 23 года, как «явился ему во сне неякийсь человек старый ... и приказал ему, Федору, дабы он от того времени крестился двоперстным сложением... Потом, как бы года с два, когда был он ... в городе Орле, случилось ему увидеться в том городе с попом раскольничьим Патрикием Патрикиевичем вдовым (кой де ныне живет в слободе Зыбкой ... с сыном своим Михаилом женатым, на едином дворе живет)... И он де, Федор, от него, Патрикея, так от книг наставлен в расколе..., что уже онаго оставить никогда не желает».

Первоначально П. П. поселился в заграничной старообрядческой слободе Вылевой. Из ветковских свидетельств известно, что в 1725 г., в бытность свою на Ветке, П. П. вручил «через Еремия Семенова некоторому человеку тетради и тогда и ныне на тетради требует свидетельства», а потом, еще до 1727 г., подал в Ветковский Покровский монастырь «книжку за руками», в которой доказывал, что дьяконовцы кадят правильно (разногласия между дьяконовцами и ветковцами касались способа каждения во время службы). В этой поданной ветковским отцам «книжке» он сравнивал церковный обычай ветковцев с «эллинским обычаем».

Книжка и тетради П. П. известны нам только по цитатам из ветковских сочинений. Если противники П. П. хулили его сочинения, то последователи и приверженцы, напротив, высоко ценили их. В дьяконовской «Книжице о каждении» литературная борьба П. П. с ветковскими учителями приравнивалась к деятельности дьякона *Александра*, защищавшего старообрядчество от обличений Нижегородского епископа Питирима: «О крестообразии, еже творят священный крест кадилом... тридесять свидетельств, а во вторыя вкратце 12 свидетельств подаде священный отец Патрикий на увещание ветковским учителем» (ГПБ, О.I.489, л. 27—27 об.).

По мнению ветковцев, именно П. П. с другим дьяконовским учителем *Тимофеем Лысениным* добивались от панов Халецкого и Красинского, на землях которых селились старообрядцы, устроения диспута между ветковцами и дьяконовцами. Диспут-собор состоялся в 1727 г. и, как писали ветковцы, окончился победой ветковцев; обличения ветковцев против дьяконовцев были настолько сильны, что «вельможные паны ему, попу Патрикию, отказаша, чтоб он на Ветку и в прочая слободы ни в какие домы, ни с какою потребою не входил, и чтоб: аще дети ево духовные восхотят, и они бы ходили к нему на Вылево». Ветковцы от имени собора послали во все слободы письма о том, чтобы П. П. в дома не пускать.

В момент первой «выгонки» Ветки в 1735 г. П. П. уцелел. Некоторое время он был чуть ли не единственным попом среди оставшихся в окрестностях старообрядцев, не тронутых русскими войсками. Он приобрел в этих условиях такую известность, что его даже называли патриархом. Ок. 1739 г. П. П. переселился в главную в то время строоб-

рядческую слободу Зыбкую (нынешний г. Новозыбков). Благодаря П. П. слобода Зыбкая сделалась центром дьяконовского толка. В своих посланиях этого времени, изданных Андреем Иоанновым (Журавлевым), П. П. называл себя «благодатию Бога Спаса нашего Исус Христа иерей обретающейся в Стародубских слободах и по области Польскаго королевства церкви».

В 1-й пол. 1753 г. полковая стародубская канцелярия командировала «для сыску и взятия раскольничьего попа Петракея» атамана Лемешевича. Но зыбковские старообрядцы не отдали своего наставника и побили явившихся атаманов с казаками. В 1758 г. консистория Черниговской епископии требовала сыска и поимки П. П. Но поиски не увенчались успехом, так как к тому времени П. П. уже не было в живых. О времени смерти П. П. сообщается в особой приписке одного из списков «Книжицы о каждении»: «1757 году преставился отец Патрикий месяца февраля в Великий пост, во вторую неделю, на память священномученика Поликарпа, епископа Змирнскаго».

Сохранилось два послания П.: одно из них — рекомендательное письмо священнику Афиногену, направляемому к заграничным дьяконовцам, другое — послание в слободу Борскую о том же Афиногене.

Изд.: Андрей Иоаннов (Журавлев). Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках... СПб., 1799. С. 287—290.

Лит.: Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 363, 406—436, 438—457, 518—519; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 279—280.

Н. В. Понырко

Пафнутий (ум. между 1732 и 1739) — старообрядец, автор посланий, выходец из Соловецкого монастыря, где был священноиноком. При создании Выговского старообрядческого общежительства пришел к братьям *Андрею* и *Семену Денисовым* и остался на Выгу. В Выговском монастыре на П. лежала обязанность исполнять духовные требы. Он способствовал перенесению в церковный обиход поморцев традиций Соловецкого монастыря. Историк Выговской пустыни *Иван Филиппов* писал о П. так: «Муж велми духовен, много лет живый в Соловецкой обители и весь чин церковный и монастырский добре ведый»; по словам Филиппова, он «всерадостно благословляше устав общежительства и церковныя службы, возвещая вся благочестивыя уставы и обычаи Соловецкого монастыря, и сладостно прилагашеся сего (т. е. Выговского. — *Н. П.*) общежительства уставу».

От П. дошло послание в Лексинскую обитель (женскую половину Выговского монастыря) «к дщерем ... духовным» о необходимости соблюдать правила благочинного поведения («чтоб щапств в платье, и в походках, и убеленей, и власов учреждений, от чего гордость бывает, соблюдатися»). Так как в послании Андрей Денисов назван

настоятелем, то позволительно датировать сочинение временем после 17 сентября 1702 г., когда Андрей Денисов был избран главным наставником и управителем Выговского общежительства. Послание сохранилось в двух списках: БАН, собр. Дружинина, № 8 (20), л. 22 об. и ИРЛИ, колл. Заволоко, № 3 (Выговский чиновник), л. 25; оно не опубликовано.

П. С. Смирнов опубликовал еще одно послание, посланное от имени П. с «братством» ко всем старообрядческим общинам с просьбой поделиться своим опытом. С этим посланием специально был отправлен выговский представитель Андрей Денисов. Послание датируется временем раньше 17 октября 1702 г., т. к. Андрей Денисов упоминается в нем только как «от причта единый сын и брат», а не как настоятель. В строгом смысле это послание следует считать коллективным, так как под ним, кроме П., подписались («приложили руку») еще 19 человек.

Сохранились автографы П. в виде подписей под двумя соборными постановлениями и двумя уставными статьями в Выговском чиновнике (ИРЛИ, колл. Заволоко, № 3, л. 18 об., 116 об., 126 об., 133). Эти документы относятся соответственно к 1719, 1726, 1732, 1731 гг.

В 1739 г., во время работы на Выгу следственной комиссии Квашнина-Самарина, старца П. называли уже умершим. Следовательно, он умер между 1732 и 1739 гг.

Изд.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 0104—0106.

Лит.: Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 86, 107; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 225, 380; Понырко Н. В., Бударагин В. П. Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Сб. научных трудов. Л., 1985. С. 185, 193.

Н. В. Понырко

Пафнутий (1-я пол. XVI в.—IV.1611) — Крутицкий митрополит, книголюб. Согласно вкладным записям на книгах, подаренных П. Чудовской обители, П. был постриженником Павлова Обнорского монастыря. Допустимо отождествлять его с чудовским старцем Пафнутием, который в декабре 1585 г. привез в Москву из монастырского села Высокого (Коломенский уезд) «присудные», «явочные» и таможенные деньги (в 1596 г. по челобитной П. Чудов монастырь получил уставную таможенную грамоту на это село; см.: Маматова Е. П. Таможенная грамота 1596 г. на сельский торжок // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1962. Вып. 25. С. 349, 355). В 1595—1604 гг. П. являлся архимандритом Чудова монастыря, в последующее время — митрополитом Крутицким (Сарским и Подонским). Участвовал в Земском соборе, избравшем на престол *Бориса Годунова*. Как сообщает *Авраамий Палицын*, наряду с другими высшими иерархами русской церкви, П. в скрепленной его «рукопри-

кладством» грамоте в Речь Посполитую «свидетельствовал» о Лжедмитрии I как истинном сыне *Ивана Грозного*, хотя «наипаче» других знал, что под личиной нового московского царя скрывался «Григорий чернец». Ведь в период настоятельства П. в Чудовом монастыре *Григорий Отрепьев* был там клирошанином (Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 111—112, 262). После гибели самозванца П. активно выступал за избрание на престол Василия Шуйского. По мнению Р. Г. Скрынникова, он претендовал на патриарший сан. В Успенском соборе он нарек объявленного царем Шуйского «государем всеа Руси» и отслужил молебен; П. был в числе составителей грамоты об избрании Шуйского на трон, а позднее принимал участие в его коронации (в *Летописце Пискаревском* отмечено, что главную роль в церемонии играл Крутицкий митрополит, но в чине венчания эта роль перешла к Новгородскому владыке *Исидору*). По свидетельству Авраамия Палицына, вскоре после воцарения (очевидно, в нач. лета 1606 г.) Василий Шуйский восставших жителей северской «украйны» «много молив ... посланьми, митрополитом Пафнутием Крутицким со архимариты и игумены и с прочим народом, но не преклонишася от застояния ... воров» (Сказание... С. 116, 266). В одной из описей посольского архива упомянут «распрос 115 году» П. и боярина Ф. Т. Долгорукого, пославших с Пахры «к вором» на Лопасну торговца С. Шитикова и садовника Б. Поневина (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 320). По В. И. Корецкому, в нач. осени 1606 г. П. и Ф. Т. Долгорукий пытались установить контакты с повстанцами при приближении их к Москве; Р. Г. Скрынников же думает, что они хотели «разведать силы противника». *Арсений Елассонский* указывает, что П. умер через пятнадцать дней после «московского разорения» и погребен в Чудове монастыре (Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 154—155).

В 1598/1599—1599/1600 гг. П. передал в Чудов монастырь в качестве вкладов рукописи *«Лествицы» Иоанна Синайского*, сочинений Петра Дамаскина, Поучений аввы Дорофея, Толкований на 16 пророков, Псалтири толковой (два списка), а также книгу Василия Великого о постничестве, напечатанную в 1594 г. в Остроге (см.: Записи на книгах старой печати XVI—XVII веков // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 179; Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 367). В 1599—1600 гг. в Чудовом монастыре было переписано 17 объемистых томов, над одиннадцатью из которых (*Минеями Четьими Чудовскими*) трудилось 22 писца. Это свидетельствует о существовании в кремлевской обители в период настоятельства там П. книгописной мастерской (см.: Костюхина Л. М. 1) Из истории рукописного дела России XVII века // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 59—63; 2) Писцовая школа московского Чудова монастыря в конце XVI в. // Новое

о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 134—142; 3) Книжное письмо в России XVII в. М., 1974. С. 7—11, 26). В «Извете» Варлаама (спутника Лжедмитрия I во время бегства из Москвы в Литву) передаются слова Григория Отрепьева о том, что, живя в келье П., он «сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе» (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 142). По всей вероятности, это делалось с санкции архимандрита, «произволением» которого, согласно «Повести, како отомсти...» (см.*«Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго»*), будущий самозванец был рукоположен патриархом *Иовом* в диаконы.

Лит.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 163; Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 26—28; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 295—297; Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980; Скрынников Р. Г. 1) Борис Годунов. М., 1983. С. 163, 164; 2) Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 29, 30, 206; 3) Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 43, 44, 46, 52, 57, 104.

Я. Г. Солодкин

Пахомий (ум. 31.V.1655) — архиепископ Астраханский, составитель Хронографа, который назван его именем. Достоверные биографические данные о П. имеются только с 1633 г., когда он был поставлен архимандритом Новгородского Хутынского монастыря. О более раннем времени жизни П. сохранилось не вполне достоверное известие, будто до назначения в Новгород он жил в Вологде при местном архиепископе Варлааме. В 1640 г. П. был рукоположен в епископы, а в 1641 г. назначен Астраханским архиепископом. П. принимал активное участие в жизни своей епархии: защищал ногайских татар от притеснений астраханского воеводы Телятевского, по приказу царя вместе со вторым воеводой Иваном Траханиотовым посадил Телятевского «за приставы» и управлял делами края, пока не прибыл в Астрахань новый воевода Репнин. Имя П. упоминается в связи с делом самозванца *Тимофея Акундинова*, который выдавал себя за сына царя Василия Шуйского. Сторонник самозванца Костка Конюховский под пыткой показал, что П. и его дворовые люди хотели помочь Акундинову, «потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе». На этот донос, вероятно, не обратили внимания, т. к. П. сохранил за собой кафедру. Умер П. во время морового поветрия, опустошившего край. Двоюродным братом П. был *Федор Злобин* — известный книжник 2-й пол. XVII в.

Хронограф, который составил П. в 1650 г., дошел до нас в четырех списках. Интересен текст послания, предшествующего Хронографу, под заглавием «Сей ярем яко на своего послушника налагает и еже бы не отрещися тризны Мисаилу», откуда узнаем о подробностях составления Хронографа. П. задумал писать свой труд в 1649 г. и в течение года выписывал статьи «на столбцы» из божественных книг и летописцев, а через год поручил иеромонаху Мисаилу внести эти выписки в книгу. Текст Хронографа состоит из двух частей: общая история и русские статьи. Первая часть, разделенная на семь отделов, начинается «Летописщиком вкратце от сотворения мира до потопа» и оканчивается повестью о падении Константинополя в 1453 г. Источниками для нее послужили *Хронограф Русский* 2-й редакции (по классификации А. Н. Попова), *Евангелие Никодима*, Константиново вено, сочинения *Ивана Пересветова* и другие произведения. Источниками второй части (заглавие: «Летописщик вкратце о Русской земли, от которого колена Российския и Словянския люди, почему имянуется Россия и Словяне, и о создании Великого Новаграда, и откуда влечашеся род великих князей») являются 2-я и 3-я редакции Русского Хронографа, «Степенная книга» (см. *Афанасий, митрополит*). Предполагается, что изложение событий 1619—1650 гг. принадлежит самому П. (текст известий за эти годы напечатал по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1450 А. Н. Попов). Интересны оценка П. деятельности патриархов *Филарета* и *Иоасафа I* и рассказ о смоленском походе Шеина. Исследователи Хронографа отмечали, что своего, оригинального П. внес в текст очень мало.

Изд.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 315—321.

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 236—242; Филарет. Обзор. С. 330; РБС: «Павел преподобный—Петр (Илейка)». СПб., 1902. С. 413—414; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1380—1381; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 5 (т. 9—10). С. 610; Богданов А. П. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 64, 84; Росовецкий С. К. Одно из стилевых течений русской беллетристики второй половины XVII—начала XVIII в. и провинциальный книжник Федор Злобин // Там же. С. 346, 351, 352; Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 95—96.

В. К. Зиборов

Пахомий (2-я пол. XVII в.—до 1767) — келейник и ученик Корнилия Выговского, автор его Жития («Повесть душеполезна о житии и жизни преподобного отца нашего Корнилия, иже на Выге реце»). П. сделался последователем Корнилия в последние годы жизни старообрядческого святого, когда тот скитался по Северу в олонецких пределах, на Выгу. После смерти Корнилия П. остался

в Выговской пустыни, где и написал Житие (между 1723 и 1727 гг.). В жизни П. был период, когда он пробовал порвать с пустыннической жизнью, «вышел в мир», но вскоре вновь возвратился в Выговское общежительство (см. добавочиую статью при 2-й редакции Жития «О возвращении по обещанию и прешествии реки»).

Житие писалось П. во многом со слов самого Корнилия (что сказывается в частом внедрении в повествование прямой речи от лица Корнилия и в смешении повествоваиия от первого и третьего лица) и имеет зиачение первоисточника. Как современник многих русских патриархов и десяти царей, от *Ивана Грозного* до Петра I, Корнилий был свидетелем, а иногда и участником крупнейших событий XVII в., главиым среди которых, с точки зрения автора-старообрядца, была причастность к основанию Выговского общежительства. Житие изобилует именами людей, оставивших след в русской истории. В этом старообрядческом сочииении отразились обрядовые и догматические проблемы, волновавшие старообрядческий мир в первое время его существования. Сочииеиие П. — типичный образец раннего старообрядческого жития, его можио поставить в один ряд с такими памятииками, как *Повесть о боярыне Морозовой*, *Житие Иоанна* (*Григория*) *Неронова*. Их роднят такие черты, как историзм, повествовательность, публицистический характер. Язык Жития тяготеет к киижному, ио сохраняет при этом просторечиый характер, народный склад, напомииающий местами «вяканье» протопопа *Аввакума*. По-аввакумовски ярки отдельиые сцены Жития, как, иапример, та, где описывается столкиовеиие диакоиа Корнилия с никонианским духовенством в Ниловой пустыни (отстаивая старый чин богослужения, Корнилий ударяет никонианского попа разожженным кадилом по голове), или та, что повествует, как иекая «уедииениая вдова» понуждала запоздалого путиика — Корнилия, остановившегося у нее иа ночлег, «на дело блудное».

Житие, иаписаниое П. относительио простым языком и достаточио богатое бытовыми деталями, было вскоре (в 1731 г.) переработаио выговским писателем *Трифоном Петровым* в украшенное житие, в соответствии с принципами выговской литературной школы. Однако, как показывает рукописная традиция, наиболее популярной в XVIII—XX вв. оставалась редакция П., которая по числу списков значительно превосходит редакцию Трифона Петрова.

Изд.: Брещинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская киижиость: По материалам Пушкиисюго Дома. Л., 1985. С. 62—107 (ср.: Список опечаток к статье Д. Н. Брещинского «Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты)» // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 479—480).

Лит.: Дружинин В. Г. О житии Корнилия Выгопустыиского, иаписаииом Пахомием // ЖМНП. 1884. Ч. 235, № 9. С. 1—12; Брещииский Д. Н. 1) Житие Корнилия Выговского как литературиый памятник и его литературиые связи иа Вы-

гу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 127—141; 2) Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции и его литературная история // Там же. Л., 1983. Т. 37. С. 269—285.

Н. В. Понырко

Переписка Ивана Грозного с турецким султаном см. *Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном.*

Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом см. *Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом.*

Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками см. *Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками.*

«Персидский крииный дол» и «Персидский деревный сад» (далее Пкд и Пдс) — переводы 2-й пол. XVII в. двух сборников персидского поэта и философа Саади (шейха Муслихуддина Саади Ширазского), написавшего в 1257 и 1266 гг. обширные сочинения, известные в европейской литературе под названием «Гюлистан» — Розовый сад и «Бустан»(«Бостан») — Плодовый сад. Европейская литература познакомилась со сборниками Саади благодаря переводам и изданиям Адама Олеария (Persianisches Rosenthal / Uebersetzt von Ad. Olearius. Schleswig, 1654). «Бустан» (Fruchtgarten) был сначала переведен на голландский язык, а уже с него «в высокой цесарской язык». Русские переводы были сделаны с немецкого издания Олеария, т. е. не ранее 1654 г. и, по-видимому, не позднее 1680-х гг., к которым относится старший список ГПБ, F.XV.12. Другой список — ГПБ, F.XVII.4 датируется нач. XVIII в. Хотя в старшем списке сказано, что немецкий перевод сделан «тому назад лет с пятьдесят», а в младшем — «лет с десять», использовать эти указания для датировки русского перевода нельзя.

Пкд содержится в обеих рукописях полностью. Из десяти книг Пдс в F.XV.12 представлено только две, а в F.XVII.4 — только неполная первая книга. Но А. В. Рыстенко нашел конец первой книги и остальные девять книг в сборнике Одесского общества истории и древностей Российских — Отд. III. I. 134 (в настоящее время это собрание находится в Киеве, в ЦНБ АН УССР; см.: Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост. Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.; Л., 1963. С. 224, 232). Текст, обрывающийся на л. 432 рук. ГПБ F.XVII.4, продолжается в рукописи Одесского общества, т. е. перед нами части прежде одной рукописи.

Сочинения Саади представляют собой сборники рассказов и анекдотов, частично на исторические темы, частично почерпнутые из жизни самого поэта, сопровождающиеся нравоучительными выводами. Книги выдержаны в одном тематическом ключе. Так, в Пкд

первая книга содержит истории из жизни государей, вторая — истории о дервишах, третья — «о свирепстве и избранстве», причем приводит к выводу, что каждый должен довольствоваться своим жребием; четвертая книга посвящена теме «прибыльности и молчаливости»; пятая рассказывает «о любви и младости»; шестая — о старости, седьмая — о воспитании детей; восьмая в русском переводе называется «о обыкновении, чтобы знак с людьми водитися воздержати в себе некоторые притчины, и избранные статьи, которые надобны человеку в рядовом житие примечати и оберегати», и в какой-то мере делает нравоучительные выводы из приведенных ранее рассказов.

А. Н. Пыпин отметил невысокое искусство переводчика, которому трудно было справиться с немецкой фразой, а для передачи немецких слов он подчас сочинял новые, не совсем удачные. Не блещут достоинствами и помещенные в русских сборниках вместе с Пкд и Пдс переводы басен Локмана. Они восходят к тому же источнику, что и сочинения Саади. Возможно, перевод выполнен жителем Немецкой слободы. Язык басен характеризуется исследователем как «беспорядочное смешение приказно-бытовой речи..., с элементами архаической книжности и беспомощными кальками немецкого оригинала» (Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 17). До основательного изучения языка Пкд и Пдс трудно сказать, переводил ли сочинения Саади и басни Локмана один и тот же человек. Древнерусские переводы сочинений Саади остаются неопубликованными.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 177—179; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1875. Т. 1, 2-я пол. С. 280; Соболевский. Переводная литература. С. 75; Рыстенко А. В. Рукописи, принадлежащие библиотеке имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1910. Вып. 1. С. 58—60; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 199; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966. С. 470; Азволинская И. Д. О датировке первого русского перевода «Гюлистана» Саади // Материалы научной конференции студентов филологического факультета ЛГУ. Л., 1972. С. 31—33.

М. Д. Каган

Песнь о взятии Азова в **1696 г.** — панегирическое книжное стихотворение (кант) конца XVII в., посвященное победе над Турцией в 1696 г. под Азовом. Нач.: «Возлетел есть орел славны с Российския страны...». Как произведение на историческую тему кант сохранил ряд исторических реалий: точную дату взятия Азова, ход сражения и стратегический план военных действий, роль в них «командора» флота Петра I и «мудрого воеводы» «боярина Алексея Шеина», участие в осаде Азова 18 июня украинских казаков под командованием черниговского полковника Якова Лизогуба, неудачное нападе-

ние на русский лагерь тысячного турецкого отряда во главе с «Нарадыном» (Нар эд-Дином). Однако как произведение поэтическое, панегирическая П. допускает некоторые исторические неточности, даже пропуск важных исторических деталей, таких, как, например, участие в событиях донских казаков. Памятник известен в четырех списках, указанных А. В. Позднеевым, два из которых изданы А. С. Орловым (ГИМ, собр. Уварова, № 1926(135)) и А. В. Позднеевым (ГИМ, Отдел письменных источников, собр. А. С. Щукина, № 554, полка Д.996).

П. написана в традиции старинных русских панегирических духовных книжных песен (кантов), встречающихся в рукописных песенных сборниках 1680—1690-х гг. Автор ее неизвестен. П. состоит из 60 строк, написанных 14-сложными силлабическими рифмованными двустишиями (вирши типа: 8 + 6 слогов), с правильным чередованием ударяемых и неударяемых слогов, благодаря чему в канте намечается тенденция к силлабо-тоническому стиху.

Кант предназначался для пения, о чем свидетельствует и указание на повторение против каждого второго стиха, и то, что он находился в составе Демидовского сборника «Канты спевальные», в который включены 115 псальм (духовных песен) и 11 кантов (панегирических песен), и то, что он помещен на линейных нотах. С народной поэзией (историческими песнями) это книжное сочинение сближают «следы народной версификации» (А. С. Орлов) и языковые особенности, отражение в нем стихии народной речи в сочетании с «пестротой» языка Петровской эпохи. Кант построен на основе символического противопоставления образов вражеских поверженных сил и победителя их — Петра I, который изображен как российский «белый орел», «возлетевший» «с Российския страны» и «побеждающий черные враны злыя бесурманы».

Изд.: Орлов А. С. Песня и Повесть об Азове // Старина и новизна. 1905. Кн. 10. С. 274—282; Позднеев А. В. Песнь о взятии Азова в 1696 году // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 353—357.

Лит.: Дурново Н. Н. Иерархия всероссийской церкви. М., 1892. Т. 1. С. 142; Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 321—326; Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 429—431.

Н. Ф. Дробленкова

Петлин Иван (1-я пол. XVII в.) — сибирский казак, участник посольства в Монголию (к алтын-ханам) и в Китай в 1618—1619 гг., автор «Росписи Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам». Роспись дошла в двух авторских редакциях (вариантах): одна была создана еще в Сибири, по возвращении в Томск, между серединой мая и началом июля 1619 г., другая, записанная со слов

П., в Москве, — осенью того же 1619 г. Путь П. лежал по маршруту: Томск — кочевные земли алтын-хана — Абакан — Саяны у верховьев Енисея — Монголия — Пекин. П. с товарищами (в их числе были казаки Андрей Мундов и Петр Кизылов) удалось пересечь всю Монголию («Калканское царство») на пути к Северному Китаю.

В «Росписи» сообщается о природе увиденных стран — о пастбищах, рощах, склонах гор, горных перевалах («итти щелью промежь камени страсти изымут»), степях, долинах. Внимание П. привлекли буддийские монастыри (он их называет городами), с каменной и кирпичной кладкой храмов и палат, со скульптурой («болваны», «звири»), с монахами-ламаистами в характерных желтых одеждах. В Китае П. отметил невоинственность народа («к воинскому делу робливы, а воюют с муганами»), обширные торговые связи с различными странами, многообразие товаров на внутреннем и внешнем рынке. Упоминает П. и великую китайскую стену («китайский крым»), где участники посольства «сочли ... башен со сто». Отчеты о путешествии П. — первые описания Китайской земли русским очевидцем.

Рассказ в «Росписи» ведется от первого лица, причем автор явно знаком со сведениями, привезенными из их недавнего путешествия в Монголию *Василием Тюменцем* и Иваном Петровым. Иногда П. полемизирует с ними. Литературных задач «Роспись» П., разумеется, не ставила. В изданиях XIX в. сочинение П. ошибочно приписывалось другим лицам — Ивану Петрову и *Бурнашу Ялычеву* (И. П. Сахаров, А. Н. Попов) или Василию Тюменцу и Ивану Петрову (А. Ф. Бычков).

Изд.: Сибирский вестник. 1818. Кн. 8. Отд. III. С. 211—236; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 8. С. 183—186; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 430—437; Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Т. 1. С. 43—45 и 525 (отрывки); Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 257—304; Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China. London, 1919. Vol. 2. P. 81—86; Материалы по истории русско-монгольских отношений: 1607—1636. М., 1959. № 34, С. 81—86; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Новые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966. С. 41—55.

Лит.: Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием, сочиненная на немецком языке... И. Е. Фишером. СПб., 1774. Кн. 1. С. 267—268; Евгений. Словарь. Т. 2. С. 117; Строев. Словарь. С. 235; Филарет. Обзор. С. 223; РБС: «Павел преподобный—Петр (Илейка)». СПб., 1902. С. 631; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 119—121; Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Китай. М., 1954; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. С. 72; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 79—95, 534; Записки русских путешественников XVI—XVII вв. / Подгот. текстов и комм. Н. И. Прокофьева. М., 1988. С. 333—341. («Сокровища древнерусской литературы»).

О. А. Белоброва

Петр Артемьев (1670-е—30.III.1700) — диакон Петропавловской церкви в Московской Новомещанской слободе, автор писем и дневника, поэт. Родился в Суздале в семье священника Артемия. Отец возил его в Нижний Новгород, Василев, Елатьму, Флорищеву пустынь. После 1685 г. П. А. приехал в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию, где учился у братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*. В 1688 г. вместе с Иоанникием Лихудом уехал в Венецию, посетил Рим. За границей учился в католических школах. Под влиянием иезуитов П. А. проникся симпатией к католическим обрядам: соблюдал католические посты, носил на себе образ Антония Падуанского, хвалил органную музыку в церкви и проповеди, придерживался католических взглядов на догмат об исхождении святого Духа и на время пресуществления святых даров. По возвращении в Москву в 1691 г. П. А. тайно продолжал свое знакомство с иезуитами, проповедуя идею соединения католической и православной церквей. Некоторые исследователи называют П. А. фанатиком-католиком, доходившим до мистического экстаза, другие более осторожно считают его взгляды униатскими. Патриарх *Адриан* рукоположил П. А. в диаконы. Служа в церкви, П. А. произносил длинные импровизированные проповеди, читал католические молитвы. После того как ему запретили служить в церкви, П. А. читал проповеди в частных домах, вокруг него собрался кружок сторонников из светских и духовных лиц, среди которых было два латинских священника. В мае 1698 г. патриарх отправил П. А. в заключение в Новоспасский монастырь, а затем, осудив на соборе в июле 1698 г., его расстригли и сослали в Важский архиерейский монастырь в Холмогорах в строгое заключение и под надзор архиепископа *Афанасия*. Поскольку П. А. упорствовал в своих взглядах и даже проявил симпатии к гонимым раскольникам, 11 сентября того же года его сослали в Соловецкий монастырь, где он вскоре и скончался.

Деятельность П. А. в Москве проходила в обстановке еще не остывших споров между приверженцами греческого направления во главе с Лихудами и *Евфимием Чудовским* и латинской партией *Сильвестра Медведева*, осужденного собором 1689 г. Поэтому пропаганда католических обрядов и особенно решение в латинском духе вопроса о пресуществлении, бывшего основным предметом полемики, вызвало резкий отпор патриарха и других московских иерархов. Этим и объясняется суровая расправа над П. А. Впрочем, новоявленный «еретик» легко отделался: в московской практике борьбы с инакомыслящими существовали и более жестокие методы убеждения. П. А. образно писал об этом патриарху из Новоспасского монастыря: «В Константиновке (Константиновской башне Кремля. — *М. К.*) при дыбе стоят учителя немые, вместо Евангелия огнем просвещают, вместо Апостола кнутом учат».

Все материалы, касающиеся биографии П. А., и его собственные сочинения оказались собраны в рук. ГИМ, Синод. собр., № 393, XVII в., в четверку. Исследователи, изучавшие рукописные материалы о П. А., ссылаются еще на академическую рукопись под шифром F. № 191, однако установить ее современный шифр в БАН не удалось. В рук. ГИМ, Синод. собр., № 393 собраны письма П. А. к отцу, выдержки из дневника, который он вел во время путешествия и пребывания за границей, соборные акты, в которых он осуждался как еретик. По-видимому, отрывки из писаний П. А. в соединении с соборным определением 1698 г. представляли собой нечто вроде досье на осужденного диакона. Произведения П. А., собранные в рук. ГИМ, Синод. собр. № 393, не изданы и известны только в цитатах исследователей.

П. А. считал себя мучеником за веру, признавался в своем преклонении перед святым Петром, сравнивал своего отца с Авраамом, а себя с Исааком, которого надо принести в жертву. «Остави с собою, Господь, мне хотя один уголок на кресте, да распнусь с тобою не мысленно только, но делом», — писал он.

После гибели Сильвестра Медведева П. А. продолжал борьбу с его противником Евфимием Чудовским, называя последнего «гнилой главой и провонялой пашней», обвиняя в том, что тот «уже лет двадцать и больше выжил из ума и псовидне брехчет на восточную Христову церковь, злыя сын на природную мати»; упрекая его в невежестве, П. А. говорил, что Евфимий и в академиях не учился, «разве за печью в углу, что сверчок или муха в щели». Нападал П. А. и на Лихудов, показывая их лицемерие: в России они выступали приверженцами греческих обрядов, а в Венеции Иоанникий общался с католическими священниками и говорил о своей склонности к латинству. Уже находясь в Новоспасском монастыре, П. А. написал против Лихудов обвинительные тетради, в которых доносил на Иоанникия, что тот, «приехав из Италии, приезжал помногократно ко священником римским на цесарский двор в Слободу и хвалился им быти их мудрования, но прикровен зде за страх, чему они приуверяхуся, и о сем возвещаху ми они, священники цезарские». Обвинения эти были довольно серьезными. Если в 1694 г. по требованию Иерусалимского патриарха Досифея Лихуды были отстранены от преподавания и трудились в Московской типографии, то в 1698 г. они были сосланы в Новоспасский монастырь. Возможно, в этом некоторую роль сыграли показания П. А.

Кроме посланий и дневников, до нас дошли стихи П. А. — одиннадцати- и тринадцатисложные силлабические вирши, которые он в холмогорской тюрьме писал «по обоконьям по дереву». Они изданы в составе *Летописца Двинского*, содержащего донесение в Москву от 5 сентября 1699 г. об отсылке П. А. на Соловки. Стихи эти посвящены Спасителю, Богоматери, Иоанну Предтече, Иосифу, Иоакиму и Анне, государю (2 строки) и пещи как символу геенны

2 Зак. 3636

огненной. По предложению И. А. Шляпкина, стихи Богоматери («Радуйся, Марие богоблагодатная! Господь с тобою, весь, о обрадованная...») — перевод латинской молитвы.

Изд.: Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 108—110.

Лит.: Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Петр Артемьев // ПО. 1863. № 3. С. 246—270; Шляпкин И. А. 1) К истории полемики между московскими и малорусскими учеными в конце XVII века // ЖМНП 1885. Ч. 241, № 10. С. 210—252; 2) Св. Димитрий Ростовский и его время: (1651—1709). СПб., 1891. С. 214, 220—222. 235; Б[орозди]н А. Русские католики в Москве в конце XVII столетия // ИВ. 1886. Т. 25. сентябрь. С. 594—599; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 19, 149. 228, 233. 244, 256. 315—318; Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 518—523, 669.

М. Д. Кагин

Петр Прокопиев (1665—25.IV.1719) — первый уставщик Выговского старообрядческого общежительства, племянник настоятелей *Андрея* и *Семена Денисовых*, автор посланий и других сочинений. Как и братья Денисовы, П. П. был родом из села Повенец на Онежском озере. Отец его Прокопий умер в миру, о матери же Евросинии, во иночестве Екатерине, известно, что она обратилась к пустынножительству (не ясно только, вслед за П. П. или прежде него). Будучи 19 лет отроду, П. П. ушел из мира и «поживе в пустыни 35 лет» до конца своих дней. Это значит, что странническую жизнь в лесах он начал около 1684 г., т. е. за десять лет до основания Выговского монастыря. В монастыре П. П. жил с момента его создания, причем вывез туда своих сестер Февронию и Татьяну и брата Ивана, был одним из его организаторов и главным уставщиком («екклезиархом»). Он владел пением по знамени и обучал этому искусству других, учил также грамоте. Как блюститель устава богослужения П. П. заботился об учреждении часовен в скитах монастыря. В первые годы по создании Выговского общежительства П. П. участвовал в организованной Андреем Денисовым деятельности по сбору книг и икон. С этой целью он ездил в Псков и Новгород. Андрей Денисов говорил о П. П., что он «чтению священных писаний, яко райския сладости, по дни и по нощи выну наслаждатися не преста, читая. преписуя, каталоги устрояя» (Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выгопустыннаго общежительства екклесиарху Петру Прокопиевичу. Сочинено того же общежительства господином киновиархом Андреем Дионисиевичем / Сообщ. И. Д. Беляев // РС. 1879. Т. 26. С. 523—537). Как сообщает выговский историк *Иван Филиппов*, П. П. собрал корпус четьих миней из 12 книг (сам переписывая и разыскивая тексты, а также побуждая к этому Андрея и Семена Денисовых), которые служили выговцам все последующие годы

существования монастыря (История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862. С. 107, 136, 141, 156—165). Выговцами создана служба в честь П. П. и написаны «Рифмы воспоминательные о екклисиархе Выгорецкого общежительства Петре Прокопьевиче» (см.: Понырко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 29. С. 290).

Из сочинений П. П. известны следующие: 1) Послание к Даниле Викулину о самоубийственных смертях (о том, что «предающие себя во время гонения ради благочестия и за правоверие самовольной смерти во огнь и в воду или инако како удостаиваются венцов и похвал от Господа»); как предполагает П. С. Смирнов, это сочинение, созданное в ответ на вопрошение Данилы Викулина, бывшего в 1690-е гг. сторонником «самоубийственных смертей», написано также в 1690-е гг.; 2) Послание к некоему Михаилу Степановичу о «суете и прелести» жизни и о необходимости более заботиться о спасении душевном, нежели о внешнем украшении, ризах и проч.; 3) Послание 1714 г. Семену Денисову в заточение; 4) несколько духовных завещаний: а) распоряжение о келейном имуществе; б) обращение к выговским отцам и братиям; в) обращение к инокиням Лексинской обители; г) обращение к сестрам Февронии и Татьяне; д) обращение к Семену Денисову.

По мнению П. С. Смирнова, П. П. принадлежат также два послания к новгородцу Никифору Семенову по нескольким обрядово-догматическим вопросам, подписанные в рукописях именем Поликарпа Яковлевича. В. Г. Дружинин не разделял этого мнения и поместил оба послания в своем справочнике под именем Поликарпа Яковлева (см.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 270).

Изд.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 95—101, 307—310, 081—0100; Гурьянова Н. С. Духовное завещание Петра Прокопьева // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 136—145; Юхименко Е. М. Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 162—165, 170—176, 179—186.

Лит.: Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик. Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. СПб., 1883. С. 30. (ПДП, вып. 44); Срезневский В. И. Из истории поморского согласия. I. Лексинский летописец // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 277; Смирнов П. С. Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910. № 3. С. 326—331; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 237—240; Юхименко Е. М. Новые материалы о начале Выговской пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 331, 338—342; Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.

Н. В. Понырко

«Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина» — рассказ о неожиданной смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского в 1610 г., написанный в ближайшие два—три года после этого события. Судя по многочисленным подробностям в рассказе о болезни и похоронах Скопина, а также в характеристиках разных лиц, автор П. был свидетелем этого события. Темные обстоятельства внезапной смерти полного сил и здоровья князя, который снискал в народе широкую популярность успешной борьбой с поляками, и искреннее сожаление о его кончине вызвали у автора потребность изложить в литературной форме свое отношение к случившемуся. Он более осторожен в объяснении причин смерти Скопина, чем другие современники, прямо обвинявшие царя и его братьев в смерти 23-летнего боярина и воеводы.

Уклонившись от прямого обвинения Шуйских, автор П. выразил свое мнение иначе. Во-первых, он поместил в начале произведения генеалогическую справку, подобную тем, которые сопровождают биографии великих князей в Степенной книге. Он показал в ней, что, как и Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский, близкий родственник великих князей и царей Московских, происходит «от единаго великаго князя Александра Ярославича Невского» и тем самым достоин царского места в той же мере, как и Василий Шуйский. Этой же мысли подчинены и другие композиционно-стилистические элементы П.: рассказ о том, как народ, узнав о намерении похоронить Скопина в Чудове монастыре, потребовал положить тело князя в Архангельском соборе, где он «будет и гробом причтен царским и великих князей великие ради его храбрости и одоления на враги и понеже он от их рода и колена». Гиперболизированная всеобщая скорбь передана в многочисленных плачах и описательно, — желание присутствовать на погребении Скопина вызвало такое стечение народа, что «торжыща источишася и купилища быша порозни ... и домы порозни быша». Автор определяет Скопина как «столпа ... Русские земли». Во-вторых, автор П. указывает главного виновника смерти Скопина. Он не говорит о нем ни единого худого слова и не называет прямо, но открывает имя его жены, главной, согласно народной молве, исполнительницы замысла Шуйских. Отравительницей Скопина была дочь Малюты Скуратова, «княгиня, жена князя Дмитрия Шуйского Марья».

Стремление создать панегирик Скопину-Шуйскому обусловило широкое использование в П. стилистических средств Степенной книги и княжеских житий, характерного для них торжественного книжного языка, многочисленных цитат из ветхозаветных книг. Связь с житиями прослеживается не только в общем торжественном тоне описания, но и в конкретных деталях. Лирические плачи жены, матери, народа близки подобным плачам из княжеских житий, которые ведут свое начало от народных похоронных плачей-причитаний. В

восклицании Якова Делагарди: «Уже де нашего кормилца и вашего доброхота, Русския земли столпа и забрала, крепкаго воеводы не стало» — использован традиционный для древнерусской литературы прием прославления русских героев устами иностранцев (ср. отзыв чужеземца Андрияша об Александре Невском в *Повести о житии Александра Невского*).

Еще одним источником П., определившим его жанровое и стилистическое своеобразие, благодаря которому оно выглядит необычным среди литературных памятников эпохи Смуты, послужило устно-поэтическое народное творчество. Так, в П. присутствует характерный для древнерусского эпоса мотив богатырского телосложения — для Скопина не смогли во всех «торгах» подыскать дубовую колоду, соответствующую его росту. Встречаются в П. элементы былинной речи: «Тогда убо стекаются ко двору его множество войск, дружины и подручия его хоробраго».

Главной отличительной чертой П. явилось смелое решение автора ввести в его композицию фольклорное произведение. Центральное по смысловой нагрузке место произведения, где раскрываются причины и обстоятельства отравления и смерти Скопина, заняла народная песня. Она сложилась уже в 1611 г., и в ней народ выразил враждебное отношение к Шуйским, обвинив их в убийстве освободителя страны.

Введение песни в состав П. вызвало нарушение стилевого единообразия панегирика и искажение жанровых признаков произведения. Автор понимал, видимо, это сам, поэтому не назвал свое сочинение ни повестью, ни похвалой, а дал нейтральное название: «Писание о преставлении и о погребении...». Он писал не повесть и не похвалу, а рассказ о взволновавшем его событии — теми средствами и в той форме, которые позволяли ему выразить свои чувства. Такой рассказ не имел аналогий в литературной традиции, поэтому не было и привычного жанрового определения для него.

Как самостоятельное произведение П. сохранилось в двух рукописях — БАН, 32.4.4 и ГПБ, собр. ОЛДП, F. 12, в которой читается также повесть «*О рожении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина*» и по которой П. было опубликовано П. Г. Васенко. С некоторыми изменениями П. вошло в состав компилятивной *Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском*.

Изд.: Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30. (ПДПИ, вып. 156); РИБ. СПб., 1909. Т. 13. 2-е изд. Стб. 1332—1348; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 29—38; ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 58—73; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 261—269 (пер. на русс. яз.).

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 348—351; Ржига В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 81—107; Адрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народ-

ное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 67—96 (то же в кн.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 63—98); Серова И. Ю. Новые списки Повести о М. В. Скопине-Шуйском // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 44—46.

Г. П. Енин

Питирим (ум. 19.IV.1673) — патриарх Московский, автор духовного завещания, документов собора 1666—1667 гг., приветственной речи восточным патриархам. П. был уроженцем Суздаля, постриженником Спасо-Евфимиева монастыря. В этом монастыре П. сделался архимандритом. В сан митрополита Сарского и Подонского, или Крутицкого (по Крутицкому монастырю в Москве, где жили владыки Сарской епархии), П. был возведен в 1656 г. уже из архимандритов Московского Спасского, что на Новом, монастыря. На Крутицах П. оставался митрополитом девять лет, до августа 1664 г., когда был поставлен в митрополиты Новгородские. По обычаю как митрополит Крутицкий он в течение шести лет до этого ведал в качестве местоблюстителя патриаршим престолом после самовольного оставления его *Никоном*. 7 июля 1672 г., уже в преклонных летах, П. был избран на патриарший престол Московского государства, через десять месяцев после этого он скончался (см.: Роспись, или краткий летописец новгородских владык // ПСРЛ. Т. 3. С. 192—193).

Когда в 1656 г. по случаю объявления войны шведам царь *Алексей Михайлович* выезжал из Москвы к своему войску, готовившемуся к военным действиям на западных границах, в его свите находился новопоставленный Крутицкий митрополит П. В Полоцке произошла его встреча с начинавшим тогда свою карьеру *Симеоном Полоцким*, который выступил перед царем и его свитой с торжественным стихотворным приветствием. В этом сочинении к П. были обращены следующие строки:

И твое святительство хвалим буди, Питириме,
Освященный митрополите всегда и ныне.
Яже на сей войне всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
Дабы несумненно шли воевати за веру,
Ты же о сем приносил всегда святую оферу.

Можно ли из этих строк делать вывод о том, что деятельность П. как духовной особы при русском войске заключалась в устной проповеди («Всегда утверждая воинство сладкими словесы»), или их следует расценивать всего лишь как этикетные слова? Для однозначного ответа на этот вопрос нет достаточных данных.

Знакомство патриарха П. с придворным дидаскалом Симеоном Полоцким было, как видим, давним. В московских бумагах Симеона сохранились речи П. и даже его духовное завещание (см.: ГИМ, Синод. собр., № 229, л. 277 об.). Писал ли их Симеон для П. или только

редактировал? Или тексты П. понадобились Симеону для каких-то особых литературных целей? На примере литературной обработки деяний собора 1666 г. видно, что подлинные речи, говоренные разными лицами, Симеон Полоцкий заменял писаниями своего собственного сочинения. Именно на месте торжественной речи П. к царю (собор открыл царь своим Словом, а П. в ответ на него произнес речь) в «Деяниях» Симеона Полоцкого значится: «Здесь речь преосвященного митрополита написати или вместо ея сей Ответ», вслед за этими словами помещена речь, сочиненная Симеоном.

Кроме короткой грамоты 1644 г. о том, можно ли священносхимонаха поставить архиереем (в связи с делом патриарха Никона), писанной в ответ на запрос царя, и уведомительной грамоты о собственном возведении на патриарший престол в 1672 г. к Цареградскому патриарху Дионисию, от П. дошло два документа, связанных с собором 1666—1667 гг., низложившим патриарха Никона и осудившим старообрядчество, — с собором, в котором П. принимал деятельное участие. Это — лаконичное «Исповедание» православности восточных патриархов, греческих богослужебных книг и московского церковного собора 1654 г. — документ, открывающий собой соборный акт 1666 г., подписанный, вслед за П., прочими архиереями и другими духовными лицами, и Ответ царю на первом заседании собора (как уже было сказано, он сохранился в изложении Симеона Полоцкого). Собору 1666 г. предшествовала торжественная встреча прибывших в Москву восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского. Известно, что П. говорил им приветственную речь при встрече в Кремле у Успенского собора.

Будучи Новгородским митрополитом, П. написал духовное завещание (дата написания неизвестна), оно составлено в традициях этого жанра. Став патриархом, П. написал новое духовное завещание (17 апреля 1673 г., за два дня до смерти), представляющее собой небольшую переделку старого. Духовные завещания П. напечатаны в ПСРЛ и М. Г. Поповым.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 193—197; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 34, 64—65, 74—77; П о п о в М. Г. Материалы для истории патриарха московского Питирима // Христ. чт. 1890. № 9—10. С. 489—523; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 120.

Лит.: М а к а р и й (Б у л г а к о в). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 332—378; Т а т а р с к и й И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 49—50, 100—101; К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 29—32, 150; П о н ы р к о Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещаиие // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387.

Н. В. Понырко

Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства (в рук.: «Плачь о пленении и о конечном разорении превысокаго и пресветлейшаго Московъскаго государства в ползу и наказание послушающим») — произведение, посвященное событиям Смутного времени и написанное летом или осенью 1612 г., в самый сложный момент лихолетья нач. XVII в. Довольно точная датировка памятника основана на отсутствии в нем сведений об освобождении Москвы в октябре 1612 г. В П. не отразились личные наблюдения автора. События изложены по другим источникам. Этот факт и слова: «Приступите, правовернии людие, иже не видеша сицеваго великия России разорения» — указывают на место происхождения П. Он был написан за пределами Москвы, вероятнее всего, в северных районах страны, куда интервенты не дошли.

П. отразил в своеобразной форме усиление антипольских настроений и рост патриотического сознания русского народа. Этот литературный памятник не случайно был написан в виде плача. Древнерусские писатели издавна обращались в тяжелые для России времена к жанру «плачей», который давал возможность с большой эмоциональной силой выразить сожаление о бедственном состоянии страны. Композиционная схема П. проста. Он начинается обширным риторического характера введением, в котором автор оплакивает утраченное величие России и ищет причины ее несчастий. В центральной части П., где последовательно излагаются события последних лет, автор называет пагубное, по его мнению, появление самозванцев, «междоусобные брани», нашествие «иноплеменник», предательство Михаила Салтыкова и Федора Андронова, которые «своими злохищными глаголы Москву прелстиша», захват столицы войсками «злояростного и бесодерзостнаго» гетмана Жолкевского — все эти последствия того, что русские люди «бесчисленных бесовских язв исполнишася», а цари «прияша ... бесовские козни, волшбу и чарование..., гордость и злобу возлюбили». За такие тяжкие грехи и наказание последовало беспримерное — ни в каких книгах, написанных богословами, философами и историками, нет «таковаго наказания ни на едину монархию». В небольшом риторическом заключении автор призывает русский народ «просити милости у всещедраго Бога», чтобы «он потребил от нас врагов наших» и сохранил «останок рода християнскаго».

Автор П. был хорошо знаком с древнерусской книжностью; наряду с библейскими книгами, из которых в П. введены и большие цитаты, и отдельные образные выражения, в произведении заметны традиции ораторской прозы. В П. оказывается предпочтение языку церковной книжности, что особенно заметно в манере стилистически перерабатывать документальные источники. Грамоты патриархов *Иова* и *Гермогена* 1607 г., грамоты 1611—1612 гг., рассылавшиеся по городам из ополчений *Прокопия Ляпунова* и *Д. М. Пожарского* (ААЭ. Т. 2. № 67, 185, 188; Т. 5. № 203; СГГД. Т. 2. № 251), составили

основу фактического содержания П. Автор строго следует грамотам в изложении событий и большими отрывками включает их в свой текст. Однако заимствованный текст он всегда распространяет, амплифицирует за счет украшения его оборотами агиографической и дидактической литературы. Наглядным примером может служить характеристика в П. *Григория Отрепьева* (подчеркнутые слова внесены в заимствованный из грамоты текст автором П.): «Воста предтеча богоборнаго антихриста, сын тмы, сродник погибели, от чина иноческаго и дияконскаго и преже светлый ангельский чин поверже и отторгнувся от части християнския, яко Июда от пречистаго ангельскаго лика, и избежав в Полшу, и тамо безчисленных богомерских ересей скрижали сердца своего наполнил и тмообразную свою душу паки предая в руце сатанины...». Такого рода изменения сделаны с целью привести заимствования из документальных источников в соответствие с общим стилем произведения.

В П. много оценочных эпитетов, как одиночных, так и объединенных в синонимические группы. Наиболее заметны они в характеристиках героев: Василий Шуйский — «богоизбранный», Сигизмунд III — «нечестивый», его войско — «бесояростное», а патриарх Гермоген изображен как «непоколебимый же столп благочестия, предивный рачитель христианския веры, крепкий адамант, человеколюбивый отец, премудрый ерарх...». В некоторых местах стиль П. достигает красочности и звучности лучших образцов риторической прозы Древней Руси. В частности, многие эпитеты, сравнения и метафоры в обращениях к читателю находят соответствие в проповедях *Кирилла Туровского*. Анализ особенностей языка и стиля П. приводит исследователей к единодушному выводу о принадлежности его автора к духовенству.

Одной из особенностей П. является присутствие в тексте грамматических рифм:

яко денница с превысочайшаго небеси спаде
и ангельския светлости и славы отпаде.

Такие строки появились в П. в результате влияния на нее стиля грамот времен Смуты, характерной особенностью которых было украшение прозаической речи вкраплениями строк с рифмованными окончаниями (Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 71—78).

П. нашел признание у современников. Он не только переписывался как самостоятельный литературный памятник, но и включался в состав других произведений. Почти целиком П. вошел в «Казанское сказание», которое появилось почти одновременно с П. Отдельные отрывки П. вошли в состав исторической компиляции 2-й пол. XVII в., сохранившей отчасти и заглавие своего предшественника:

«Плач о пленении Московскаго государства, како наведе на ны, грешныя, Господь Бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися великая Россия попущением Божиим от неверных язык и от междоусобныя брани, и о излиянии крови многия християнския греческаго закона сынов руских». Под влиянием П. в 1-й пол. XVII в. возник стихотворный «Плач земли Российской», сохранивший его идейное содержание.

Автор П. был явно знаком с правилами ораторского искусства. Это видно из содержания памятника, характера обращений, патетического тона, напоминающих черты проповеди. Признаки устной проповеди проявляются также в обычной для нее композиции, когда основная часть обрамляется риторическими введением и заключением.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 220—234; ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 130—145; Красноречие Древней Руси: (XI—XVII вв.) / Сост. и комм. Т. В. Черторицкой. М., 1987. С. 321—330. («Сокровища древнерусской литературы») (фрагмент с пер. на русс. яз.).

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 130—147; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 39—40; Тихомиров М. Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 81—131 (то же в кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 193 233); Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 89—103; Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 105.

Г. П. Енин

«Плач о пленении Московскаго государства, како наведе на ны, грешныя, Господь Бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися великая Россия попущением Божиим от неверных язык и от междоусобныя брани, и о излиянии крови многия християнския греческаго закона сынов руских» — произведение, посвященное событиям Смутного времени. П. известен в единственном списке в составе сборника ГИМ, собр. Уварова, № 896. Палеографические особенности сборника и запись, оставленная писцом («182 года сентября 1 день о Растриге у Трегубова»), позволяют датировать П. 1673 г. Его автор неизвестен. Содержание П. свидетельствует о том, что события нач. XVII в. продолжали интересовать русских людей и в новых исторических условиях.

П. — произведение компилятивное. Круг его литературных источников широк, но охватывает только те произведения о Смуте, которые были написаны в 1-й четв. XVII в. За исключением «*Повести книги сея от прежних лет*» и *Хронографа Русского* в редакции 1617 г., все они появились до освобождения Москвы в 1612 г. Автор П. строит свое произведение на заимствованиях из самых первых исторических повестей Смутного времени — из «*Повести, како вос-*

хити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго» и из *«Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его»*, пересказывает «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*, вводит в П. часть *Жития Димитрия Углицкого*, внесенного в Минеи *Иоанна Милютина*, цитирует грамоты 1606 г. Многочисленные заимствования — обвинения *Бориса Годунова* в преступлениях, главным из которых было убийство царевича Димитрия с целью захватить престол, разоблачение первого и второго Лжедмитриев, раскрытие злодеяний интервентов способствовали обличительной направленности П. Главным источником П., вступлением из которого он начинается и от которого получил свое заглавие, послужил *Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства.* Текст последнего, расчлененный на отдельные отрывки, полностью вошел в состав П., поэтому С. Ф. Платонов привлекал его как один из списков для анализа Плача 1612 г.

Неизмеримо бóльший объем поздней компиляции по сравнению с памятником 1612 г. и характер заимствований обусловили существенные различия между ними. Они касаются как художественной природы, так и идейного содержания обоих произведений. Лучше всего эти расхождения заметны при сравнении заключительной части памятников. Ранний Плач, написанный в период экономической разрухи, крайне неустойчивой политической ситуации, выражал в заключении чувство отчаяния. Форма Плача вполне соответствовала этому чувству. П. почти утратил из-за многочисленных дополнений из других источников жанровые признаки своего предшественника. Известие об освобождении Москвы и избрании на царство *Михаила Феодоровича*, которым он заканчивается, делает заглавие компилятивного памятника весьма условным. В рассказе об этих событиях, очень беглом и неточном (автор считает, что войско князя *Д. Т. Трубецкого* соединилось с Нижегородским ополчением еще до похода на Москву, сообщает, что «в три лета едва возмогоша» освободить столицу), автор не скрывает радости по поводу изгнания поляков. Торжествующий тон совершенно не согласуется с горестным настроением, которое создает включенный в П. текст Плача 1612 г., противоречит изображенной в нем беспросветности положения. Все это свидетельствует о невысоком писательском мастерстве автора П. Выдержки из П. опубликованы в книге С. Ф. Платонова.

Лит.: П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 130—144.

Г. П. Енин

Плач о реке Нарове см. *Белоус Леонтий.*

Повести о перстне — условное название двух повестей XVII в., использующих мировой сюжет «Поликратов перстень». П. построены по одной и той же сюжетной схеме: царь, желая испытать вельможу, отдает ему перстень (или золото и драгоценности), который надо вернуть (или сделать) к утру, велит напоить его допьяна и сам («своима рукама») крадет у него драгоценность, чтобы бросить в море; утром вельможа, захотевший «рыбы ясти», покупает у рыболова рыбу, находит в ней дорогую пропажу и возвращает царю.

Первая из П., озаглавленная «Притча о истинне господине», известная по списку XVII в., была опубликована В. П. Адриановой-Перетц. Нравоучительность памятника подчеркивается ее жанровым определением («притча») и понятием «истинна господина» — Бога, а не царя. Уже в завязке беседа царя с «богобоязливым» мужем «о многих Божиих словесах о премудрости истинны тайны Господни» выявляет разницу их позиций: царь считает, что никто не может «помощи сотворити» тому, кого он не желает миловать, а старый муж возражает, что все это в воле Божией. Весь спор и начинается, и развивается в своеобразном «философском» аспекте, что подчеркивается и заключительной беседой героев наедине.

Вторая П., озаглавленная «О вельможи цареве» (опубликована Е. К. Ромодановской), сохранилась в двух списках XVII—XVIII вв., из которых самый ранний, 1665 г., принадлежал *С. В. Жюлеву*. Ее несомненным источником послужила «Притча о истинне господине». При переработке текст был сокращен, внимание перемещено на отношения царя и мудрого советника, оклеветанного завистниками. Соответственно, изменены действующие лица и обстоятельства событий. Отличительной чертой П. «О вельможи цареве» является обширное отступление о гордости царя, не поверившего во всемогущество Божьей милости, что сближает эту обработку с повестями о гордом царе.

Изд.: Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской повести XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 199—202; Ромодановская Е. К. К истории сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 400—404.

Е. К. Ромодановская

Повести о табаке — цикл произведений, посвященных происхождению табака и основанных на древнем мифологическом представлении о произрастании различных трав и деревьев на могилах сообразно свойствам покойников. В русской рукописной традиции известно две П. Первая П. представлена в большом количестве списков XVII—XVIII вв. Большинство списков этой П. указывает в ка-

честве ее источника некую книгу «Пандок» («Сказание от книги, глаголемыя Пандок...»). Некоторые ученые считают, что эта книга была переведена с греческого в нач. XVII в., причем курение было изображено в ней как смертный грех, а табак как проклятая Богом трава (Д. М. Львов). П. впервые была издана в 1860 г. в ПЛ по списку XVIII в. — ГПБ, собр. Погодина, № 1364, а затем дважды переиздавалась по тому же списку. Ядро сюжета П. составляет рассказ о том, как некоему «эллинскому царю» Анепсию удалось выяснить (при посредничестве божественного посланца) происхождение неизвестной дотоле травы, приводившей его подданных в крайне экстатическое состояние. Насадителем табака здесь выступает исконный враг рода человечского — дьявол, покропивший землю на могиле блудницы из чаши, полной «мерзости и скверности любодеяния» ее, которую он «во чреве ея почерпе». В той земле и «вкоренися» «былие травное», которое «еллины», по наущению сатаны, начали разводить в своих огородах «на прелесть будущим родом».

Относительно происхождения П. ученые прошлого и начала нынешнего столетия высказали две гипотезы. Согласно одной, она является переводным памятником, согласно другой, — сложилась самостоятельно в XVII в. уже на русской почве. Автор П. представлялся Н. И. Костомарову некиим «грамотеем», наслушавшимся в детстве народных преданий о травах, вырастающих на могилах людей, а затем начитавшимся переводных повестей благочестивого содержания.

Вторая П. известна пока в единственном списке XVIII в. из собрания Киевской духовной академии (Аа 117), по которому она была опубликована в 1916 г. учеником В. Н. Перетца А. П. Сысоевым. Эта П. называет в качестве своего источника некий «греческий летописец», а место действия в ней перенесено в Литовскую землю. Повторяя главный сюжетный мотив первой П. — произрастание табака на могиле согрешившей девушки, вторая П. совершенно самостоятельно разрабатывает тему грехопадения блудницы. Текст этой П., как считал В. Н. Перетц, испытал на себе значительно меньше литературных влияний и представляет собой самостоятельный рассказ, являющийся в значительной мере независимой записью устного предания (Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев... С. 130).

Героиня П., согласно ее сюжету, — единственная дочь богатого королевского сановника, посланная бездетным родителям Богом за обещание сохранить ребенка в телесной чистоте. Выросшая в заточении дочь «впаде ... в блуд со псом». Родив четырех «песцей», девушка, не вынеся «срама», удавилась собственным поясом. В этом сюжете дьяволу также отведено центральное место. В образе «ангела света» он неоднократно является отцу блудницы и руководит его действиями, связанными с дальнейшим распространением табака, вырастающего на могиле дочери. Особый интерес представляет

включенное в сюжет П. видение, ниспосланное Богом некоему святому мужу. Ему открывается загробная судьба «нюхарей» и курильщиков табака: им уготована вечная мука в «тартаре», «его же и сам сатана трепещет».

В основе сюжета обеих П., как отмечали уже первые их исследователи (А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, В. Н. Перетц), лежат древние мифологические представления о произрастании различных трав и деревьев на могилах добродетельных и порочных людей сообразно свойствам покойников. Согласно народным поверьям, красивые цветы и кустарники (розы, лилии, боярышник) украшают могилы добрых, хороших, зачастую несчастных людей, а на могилах скверных, злых людей вырастают дурные, некрасивые травы (крапива, волчец). В контексте мифологической бинарной дифференциации трав народное сознание могло связать табак только с порочными людьми. Об этом свидетельствуют многочисленные легенды и поверья, записанные в центральных областях России (Орловская, Ярославская губернии), на Украине, у терских и закавказских молокан. На почве христианской культуры образ дьявола вытесняет в легендах о табаке более архаический мотив, и многие из них уже не связывают происхождение табака с могилами грешников, а прямо ведут его происхождение из ада. Церковь, стремясь по возможности подчинить себе народные традиции и приспособить их к своим требованиям, постепенно перемещает акценты в истории табака с обстоятельств его происхождения на пагубность его воздействия на человека, который через курение, а особенно через нюхание табака, «отпадает от Бога» и обрекает себя на вечные муки в аду.

Раскол церкви в XVII в. обусловил новый этап в развитии темы. Она обросла новыми деталями и подробностями, апокалиптическими мотивами и религиозной дидактикой. По-видимому, именно в старообрядческой среде и возникают литературные варианты легенды о табаке, известные нам сейчас в поздней рукописной традиции.

Кроме рассмотренных П., в рукописях встречаются еще две короткие статьи о табаке: 1) «О табаке, о чаю, кофии» (нач.: «Аще кто от православных христиан...»); 2) «Книга венец веры, глава 19, слово о проклятом табаке» (нач.: «Не хотя Господь Бог наш рода человеча погубити...»).

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 427—434; Повесть о Новгородском белом клобуке и Сказание о хранительном былии мерзком зелии, еже есть табаце: Два старинных произведения раскольничьей литературы / Изд. Д. В. Кожанчикова. СПб., 1861. С. 47—75; Львов Д. М. Легенда о происхождении табака // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те. 1898. Т. 14, вып. 6. С. 593—600; О происхождении табака. М., 1914; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая —10 июня 1915 года. Киев, 1916. С. 125—154.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 207—209; 2) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2

С. 542—543; Петров Н. И. Южиорусские легенды // Труды КДА. 1877. Март. С. 612; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. М., 1880. Т. 2. С. 462—465 (раздел написаи А. Н. Веселовским); Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 4. С. 265—267; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. VI—X. СПб., 1883. Приложение № 1. С. 85—89. (Записки имп. Академии наук, т. 45); Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Кн. 7. С. 138; Перетц В. Н. 1) Легенды о происхождении картофеля // Сборник памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 89—98; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г. Киев, 1912. С. 97; Polívka J. Lidové pověsti o původu tabáku // Zbornik u slavu V. Jagića. Berlin, 1908. S. 378—388 (рец.: Гнатюк В. // ЗНТШ. 1908. Т. 5. С. 233—234); Назаревский А. А. 1) К истории легенды о происхождении картофеля // РФВ. 1911. Т. 66, № 3—4. С. 15—20; 2) Библиография. С. 153—159; Никифоров А. Н. 1) Литературные материалы: (Из рукописей Казанского центрального музея) // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 66—74; 2) Русские повести, легенды, поверья о картофеле. Казань, 1922; Богословский П. С. Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине (тексты и заметки). X. О табаке, картофеле, чае и кофе // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 79—80; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 291—295; Волкова Т. Ф. 1) Отраженис мифологических представлений о произрастании «дурных» трав на могилах грешииков в легендах и сказаниях о табаке // Семиотика культуры: III Всесоюзная летняя школа-семинар 15—20 сентября 1991 г. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1991. С. 65—68; 2) Легенды и сказания о табаке в круге чтения устьцилемов // Духовная культура: История и тенденции развития. 1—5 июня 1992 г. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1992. Ч. 2. С. 104—106.

Т. Ф. Волкова, Н. В. Понырко

Повести о увозе Соломоновой жены — произведения, варьирующие наиболее распространенный в мировой литературе сюжет из цикла сказаний о царе Соломоне, появляются в русских рукописях не ранее XVII в. В русской рукописной традиции этот сюжет представлен тремя повестями: Повестью о похищении Соломоновой царицы Китоврасом (Китоврасовская повесть — П1); Повестью об увозе Соломоновой жены царем Кипрским (Кипрская повесть — П2); Повестью о рождении и похождениях царя Соломона, где похитителем является царь Пор (Поровская повесть — П3).

В П. рассказывается о том, как царь Китоврас похищает у своего брата красавицу-жену. Соломон, узнав, где находится его супруга, отправляется к Китоврасу со своим войском. Воинов он оставляет неподалеку от царства Китовраса и наказывает явиться к нему по третьему сигналу рожка. Сам же, переодевшись странником, идет ко дворцу брата. Жена узнает его, приглашает к себе и предательски передает в руки Китовраса. Китоврас решает казнить Соломона, но Соломону благодаря его мудрости удается избежать казни. По третьему сигналу рожка к нему на помощь является его войско, и Соломон расправляется с изменницей-женой и братом-похитителем.

П1 тяготеет к устным повествовательным формам. Она обнаруживает большую близость к сказке. Персонажи П. напоминают ска-

зочных героев: премудрый царь Соломон вполне удовлетворяет качествам главного героя волшебных и бытовых сказок. В роли антагониста царя Соломона выступает полузверь-получеловек — царь Китоврас. Помощник у Китовраса тоже необычен — это волхв, волшебник, который может «помрачить всех людей», внезапно напустить сон. Стиль П1 также близок сказочному: он отличается предельной насыщенностью повествования, каждая фраза — это сюжетный поворот. В П1 часто встречаются формулы, характерные для русского фольклора. Судя по стилю, можно предположить, что П. существовала вначале в форме устного сказания, сказки и только позднее, скорее всего, в XVII в. была оформлена как литературное произведение.

Решение вопроса о появлении П. на Руси весьма затруднено. А. Н. Веселовский, выясняя «международную судьбу» Соломоновых сказаний, считал П1 самым ранним сюжетом об увозе Соломоновой жены, известным русскому читателю уже в XIV в. Основным аргументом А. Н. Веселовского было изображение Китовраса на Васильевских вратах Софийского собора (создание их летописи относят к 1336 г.), где на переднем плане — Китоврас, держащий в руке небольшую фигурку в короне. Очевидно, это и есть царь Соломон, которого Китоврас собирается забросить на конец земли обетованной. Надпись под этим изображением гласит: «Китоврас меце братом своим на обетованную землю зр...». Под братом здесь явно подразумевается Соломон, но таковым он является лишь в П1. Этот факт и дал возможность А. Н. Веселовскому отнести произведение к XIV в. (Веселовский. Славянские сказания... С. 223—224). Однако в сборнике *Ефросина* XV в. Я. С. Лурье обнаружил текст «О Китоврасе от Палеи», отдаленно напоминающий палейный рассказ, где Соломон также назван братом Китовраса (см. *Апокрифы о Соломоне*). Таким образом, датировка П1 лишается своего основания. Несомненно только, что задолго до XVII в. существовали различные сказания о Соломоне и Китоврасе. Была ли среди них П1 — неизвестно, списки этого памятника сохранились лишь от XVII—XVIII вв. П1 известна в 7 списках под заглавием: «Повесть царя Соломона о царе Китоврасе, како царь Китоврас хотел царя Соломона повесить, ради лепоты жены его бысть», или «Притча царя Соломона о царе Китоврасе».

П2 значительно отличается от Китоврасовской повести. Кроме того, что здесь похититель — Кипрский царь, развитие сюжета изменено, характеристики героев далеки от сказочных. Анализ списков показал, что русские тексты восходят к южнославянским. Южнославянские списки самые ранние, наиболее близки к ним белорусский и украинский списки, русские также обнаруживают зависимость от южнославянских; основные расхождения в русских списках П2 наблюдаются в передаче явно южнославянской по своей природе «загадки», предложенной Соломоном Кипрскому царю:

«Чюждуся, где коло на коло восъседа, а обое у кала». Иносказание говорит о превратности судьбы (Ярошенко-Титова. «Повесть об увозе Соломоновой жены...» С. 263). Текст этого иносказания в русских списках значительно перерабатывался, первоначальный смысл постепенно утрачивался, вероятно, по причине его неясности для русского читателя.

Известно 13 списков П2, причем три из них южнославянского происхождения, один белорусский и один украинский. Самый ранний список — сербский (XIV—XV вв.), где П2 названа «Слово о Соломоне, како бысть»; болгарский и второй сербский списки относятся к XVI в. («Слово премудра Соломона и о жене его»); русские списки датируются XVII—XIX вв., П2 носит в них различные названия: «О премудрости Соломона и о прелюбодеянии жены его, како изведеся от Соломона к Кипрскому царю», «О премудрости царя», «Слово о премудром Соломоне», «О премудрости Соломоней и жене его», «Сказание о премудрости Соломоней жены». Обособленно от всех списков П2 стоит «Повесть о прекрасном и наличном царе и о Соломоне», опубликованная Н. С. Тихонравовым в «Летописях русской литературы и древностей» (Т. 4. С. 147—153). Этот текст своеобразно передает содержание П2, в нем чувствуется смешение устной и письменной традиций.

Наиболее широкое распространение сюжет об увозе Соломоновой жены на русской почве имел в виде П3. Это произведение, вероятно, создано русским книжником, который несомненно ориентировался на П2. В основном развитие сюжета П3 совпадает с развитием сюжета в П2, обе повести имеют ряд почти дословно совпадающий эпизодов. Но, повторяя сюжетную основу Кипрской повести, П3 содержит множество значительных изменений, позволяющих считать ее самостоятельным произведением. Здесь опять-таки осуществлена замена героев: соперником Соломона становится царь Пор, его помощником, похитителем Соломоновой царицы — княженецкий слуга; дана новая мотивировка похищения — месть. Более подробно разрабатываются многие эпизоды, а самое главное — П3 имеет отличную от П1 и П2 композицию. В П3 рассказывается о Соломоне все — от рождения до конца жизни. Первая часть П3 представляет собой занимательный рассказ о рождении Соломона и его похождениях в изгнании, вторая — о похищении царем Пором Соломоновой жены.

В настоящее время известно 19 списков П3 со следующими названиями: «Повесть о царе Давиде и сыне его Соломоне и о их премудрости», «Повесть великаго царя премудраго Соломона, сына царя Давида, о рождении и похождении его зело умилительная», «Сказание о царе Соломоне», «Повесть о царе Давиде и о сыне его Соломоне, о премудрости и о похождениях его велия дивно прочитающим и слушающим дивная словеса», «История о царе Давиде, и

о сыне его царе Соломоне, како возопи великим гласом во утробе матери своей, и о прочих его премудростях».

Выделяется 4 редакции П3. Первоначальная редакция (XVII в.) во второй своей части наиболее близка по структуре к П2. На рубеже XVII—XVIII вв. создается книжная — распространенная редакция П3. Редактор как бы упорядочивает текст: снимаются сюжетные повторы, сказочные эпизоды заменяются бытовыми и дополняются новыми. В первой части помещен совершенно новый текст (другие загадки Соломона, центральное место занимают его суды). Чтобы похищение Соломоновой жены было более мотивированным, здесь повествуется о службе Соломона у Индийского царя Пора и об измене Поровой царицы с Соломоном.

На основе сюжета П3 в XVIII в. создаются две редакции: одна из них представлена единственным списком ГИМ, собр. Забелина, № 336 (список опубликован Н. С. Тихонравовым в «Летописях русской литературы и древностей». Т. 4. С. 121—147). Первая часть этой редакции (о рождении и похождениях) полностью повторяет текст распространенной редакции, вторая же ее часть (рассказ о похищении жены Соломона) — оригинальное переложение первоначальной редакции П3. Соперник Соломона здесь не персонифицирован, это «некий царь», за которого Соломонида (жена Соломона) «желала прежде замуж, когда ей бывшей девице сущей», т. е. и мотивировка увоза Соломоновой жены не совпадает с традиционной: похититель умыкает здесь свою возлюбленную. В повествование вводится несколько новых эпизодов.

Другая редакция XVIII в. известна в двух списках — БАН, 34.8.13 и ГПБ, собр. Титова, № 1533. Все особенности этой редакции явно связаны с устной народной традицией. Начинается повествование с древнейшей легенды о жене слепого, обманывающей мужа со своим любовником, загадки напоминают сказку о Девке-семилетке, увоз Соломоновой царицы происходит с помощью беса Солца, который не только похищает жену Соломона, но и освобождает заключенных Соломоном в «корчежец» собратьев. По содержанию и по стилю текст близок поздним фольклорным записям.

Изд.: ПЛ. СПб., 1862. Вып. 3. С. 59—74; Летописи Тихонравова. М., 1862. Т. 4. С. 112—153; В е с е л о в с к и й А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III—V // Записки имп. Академии Наук. 1881. Т. 40. Приложение № 4. С. 143—147; С п е р а н с к и й М. Н. Заметки о рукописях Белградской и Софийской библиотек // Известия историко-филологического ин-та в Нежине. Нежин, 1898. Т. 16. С. 67—73. Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской литературе // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 2. С. 304—308; Т и т о в а Л. В. Неизданная редакция «Повести о рождении и похождении царя Соломона» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 343—363; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 455—461; Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 404. («Сокровища древнерусской литературы») (фрагмент).

Лит.: В е с е л о в с к и й А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872; А д р и а н о в а-П е р е т ц и П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть. С. 107—113; Н а з а р е в с к и й. Библиография

С. 144—147; Е л е о н с к и й С. Ф. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 444—448; Я р о ш е н к о-Т и т о в а Л. В. 1) «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. // Там же. Л., 1974. Т. 29. С. 257—273; 2) Фольклорные обработки XVIII в. Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 209—251.

Л. В. Титова

«Повесть душеполезна Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате» — нравоучительное сочинение сер. XVII в., примыкающее к жанру «видений», с элементами автобиографического повествования. П. рассказывает о нечестивом юноше-иноке, предававшемся пьянству («яко скоту невоздержно живущу»). Он получил избавление от порока и от искушавших его бесов после явления ему архангела Михаила и после посещения по обету Соловков и Костромы. События П. приурочены к 1638 г. и излагаются от лица Никодима типикариса, знавшего быт как Соловецкого, так и Троице-Сергиева монастыря, иноком которого был безымянный герой произведения.

Сохранилось не менее 20 списков П. XVII—XX вв., преимущественно севернорусского происхождения. П. известна сейчас в двух редакциях, одна из которых, более пространная и, по-видимому, первоначальная, не издана (ГБЛ, Музейное собр., № 5470, XVII в. и др.). История странствий и исцеления героя излагается в этой редакции с большим числом подробностей. Посещение иноком Костромы вместе с московским юродивым Елисеем (в другой редакции — Тимофеем) мотивируется здесь не религиозным обетом, а желанием навестить мать. Нарушив данное архангелу Михаилу обещание следовать его заповедям, инок заболевает страшной болезнью «пострелом». Окончательное исцеление он получает в одной из церквей Нерехты от местной иконы Богоматери Владимирской, прославившейся как чудотворная в 1630-е гг. (см. *Сказание о иконе Богоматери Владимирской в г. Нерехте*). Несомненный интерес представляет эта редакция и для изучения народных верований: по дороге в Москву герой встречает демона «женска обличия», в котором он признает «кикимору». В рукописной традиции более широкое распространение получила другая, краткая редакция, существующая в нескольких вариантах.

Известен уставщик старец Никодим, названный во владельческих записях на рукописных книгах Соловецкого собрания (Месяцеслов XVII в. и Святцы 1645 г. — ГПБ, Солов. собр., № 594/499). Уставщику Соловецкого монастыря Никодиму был сдан по приговору церковных властей от 27 июля 1649 г. «под крепкое начало» сосланный на Соловки *Арсений Грек*. Никодим был причастен к возникновению *Жития Анны Кашинской*, которое «слогал и писал Соловецкого монастыря старец Игнатей по повелению того ж монас-

тыря уставщика старца Никодима». Был ли Никодим автором П. или только собеседником, выслушавшим и запомнившим исповедь незадачливого героя, остается не ясиым.

Несмотря на дидактизм (согрешение — наказание; покаяние — прощение), П. не лишена некоторых литературных достоинств: автор искусно перемещает героя из Троицкого монастыря на Соловки и в Кострому; живостью отличаются сцены с бесами, а также картина наказания героя. П. отражает реальные контакты между Соловками и Троицкой обителью, отчасти знакомит с бытом Москвы (нищие и юродивые у храма на Кулишках). В литературной истории П. примечательно ее включение в нравоучительные сборники, кроме того, в качестве одной из последних глав — в сборник *Великое Зерцало* (ГБЛ, Музейное собр., № 5470). Своим «душеполезным» содержанием, обличением «напоев хмелных и табаки бесковския» П. привлекала внимание старообрядцев (БАН, Каргопольское собр., № 118 и др.). Одним из источников П. было *Житие Никодима Кожеозерского*.

Изд.: Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 200—210.

Лит.: Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам: (К истории северно-русской литературы XVII в.). СПб., 1916. С. XXVIII—XXIX. (ПДПИ, вып. 188); Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 168; Белоброва О. А. Троице-Сергиевские рукописи XVI—XVII вв. в Пушкинском Доме // Там же. Л., 1968. Т. 23. С. 315; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 511—513; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. I: XV—XVIII века. М., 1976. № 168, С. 78; Пигин А. В. Бесоодержимость и мифологические представления о смерти: (на древнерусском материале) // Проблемы изучения традиционной культуры Севера: (К 500-летию г. Сольвычегодска). Сыктывкар, 1992. С. 111.

О. А. Белоброва, А. В. Пигин

«Повесть известна и удивлению достойна о мощах неудоведомаго святаго» см. *Иаков, священник* (Дополнения в вып. 3, часть 4).

«Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго» — произведение, посвященное событиям Смутного времени нач. XVII в. В первой редакции П. была озаглавлена: «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго». Оба варианта заглавия происходят от одного и того же места в тексте: «Видев же сия всевидящее недреманое око Христос, яко неправдою восхити Российския области скифетр, и восхоте ему (Борису Годунову. — *Г. Е.*) отомсти неповин-

ные крови кровопролитие... И попусти на него такова же врага и законопреступника ... от малые чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков и сам той святоубийца Борис Годунов». Согласно выводам Е. Н. Кушевой, подтвержденным впоследствии в работе В. И. Буганова, В. И. Корецкого и А. Л. Станиславского, именно первая редакция П. («Повесть, како отомсти...») стала одним из основных литературных источников «*Иного сказания*». Что касается П., то изменения, внесенные в нее, сравнительно с «Повестью, како отомсти...», должны были придать произведению более оригинальный характер и приблизить его к правительственным грамотам. Кое-где в П. были внесены и уточнения. В. И. Буганов, В. И. Корецкий и А. Л. Станиславский полагают, что переработка «Повести, како отомсти...» в П. происходила в том же Троице-Сергиевом монастыре, в стенах которого была создана первая редакция. Вместе с тем, исследователи считают, что в работе по превращению «Повести, како отомсти...» в П. принимали участие деятели Посольского приказа. Точка зрения С. Ф. Платонова о первичности так называемой *Повести 1606 года* и вторичности П. отвергается современной наукой.

Хотя автор утверждает, что все им описанное, кроме рассказа о пребывании *Григория Отрепьева* за пределами России, он «зря своима очима», следовательно, обладает абсолютной достоверностью, он далеко не всегда придерживается исторической истины. Это проявляется и в тенденциозном подборе фактов, характеризующих того или иного человека, и в чрезмерном возвеличивании либо в столь же неумеренных обличениях главных героев П. Эти особенности П. объясняются ее ярко выраженным публицистическим характером. П. стоит в ряду других литературных произведений (*«Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его»*, *Житие Димитрия Угличского*), создание которых было частью проводимой правительством Василия Шуйского идеологической кампании. Это была агитация за нового царя. Чтобы с большей убедительностью показать право Василия Шуйского на престол, автор, его откровенный сторонник, доказывает в обличительном тоне незаконность присвоения царской власти *Борисом Годуновым* и Лжедмитрием I. При этом Годунов и Григорий Отрепьев, с одной стороны, и Шуйский — с другой, получают полярно противоположные характеристики. Первые изображаются всегда преступниками и злодеями, Шуйский — как патриот, мужественный борец за справедливость и веру. Их общее противопоставление раскрывается в ходе повествования с помощью оценок религиозно-нравственного и социального свойства. Если Борис «забы веру» и действует по дьявольскому наущению, а «богомерзкий» Григорий Отрепьев испытал Божий гнев за вероотступничество, обман и обещание папе римскому «попрати» православие, то Шуйского Бог спасает за его благочестие и праведность, несмотря на пре-

следования со стороны Годунова и Лжедмитрия I. Шуйский, как и все его родственники, доверчив, во всем соблюдает «нелицемерную правду» — Годунов и Отрепьев добиваются успеха обманом, «лукавством» и «злоковарными своими умышлении». Василий Шуйский выступает в П. как «приятель» и защитник последних Рюриковичей, препятствующий злым помыслам Годунова и бесстрашно разоблачающий Лжедмитрия, в то время как Годунов — виновник прекращения династии Калиты, ибо его усилиями был умерщвлен не только младший сын *Ивана Грозного*, но и Федор Иоаннович, а Отрепьев «ложно наименова себя» царевичем Димитрием. Особенно подчеркивает автор худородность Бориса и Лжедмитрия, которые происходят «от малыя чади», и аристократизм «великого боярина» Василия Шуйского, называя в числе его предков князя Владимира и Александра Невского. П. была рассчитана на широкие слои населения, поэтому автор стремится придать своим оценкам объективный характер. Но расхождение между действительным положением вещей и выдаваемым за действительное настолько велико, что он вынужден либо прибегать к прямому искажению фактов, либо отказаться от строгой прямолинейности в изображении главных героев. Именно здесь более всего заметна определяемая политической ориентацией субъективность его взгляда на события. Бориса Годунова он изображает «поругаема от всенароднаго множества и попираема»; народ собирается даже «побити камением» его, а избрание Бориса на царство объясняется исключительно тем, что одних он запугал, других подкупил. Шуйских народ уважает, защищает от преследований Годунова, а Василия Шуйского выбирает на царство «всею Российскою областию». Все это прямо противоречит действительности. Лжедмитрий I после смерти тоже был «ото всех проклинаем и поругаем и попираем», но автор вынужден признать, что в момент появления его в пределах России все русские люди «с радостью ожидаху его», так что «за щитом богомерзкий он не взя ни единоя веси».

Автор сам указал основной источник, который явился для него авторитетным образцом в идейном и художественном плане. Таким источником послужила *Хроника Константина Манассии*, широко использованная в *Хронографе Русском*. В бесконечной борьбе за византийский престол автор увидел аналогию событиям конца XVI— нач. XVII в. в России и перенес в свою П. как соответствующие его мировоззрению личностные оценки, так и стилистические особенности. К ним относятся характерные для Хронографа риторические вопросы и восклицания, усиливающие эмоциональность авторского отношения к происходящему. Еще более заметен в П. хронографический дидактизм, который проявляется в назидательных сентенциях о пагубности и тщетности преступных замыслов Годунова и Лжедмитрия, уподобляемых «Фоце Мучителю, Констянтину Мотылоимянному и Улияну Законопреступнику», в предупреждении против-

ников Шуйского о возмездии «и зде, и в будущем веце». Лексика и художественные тропы П. тоже обнаруживают следы заимствования из Хроники Манассии.

В то же время в П. явственно ощущается влияние Степенной книги, в духе княжеских и царских похвал которой написан идеализированный портрет Шуйского. Однако торжественный стиль литературно-исторических памятников XVI в., вызванный к жизни для прославления величия и могущества Русского государства, утратил свою силу и выразительность в остропублицистическом произведении, написанном в интересах узкого круга феодальной знати во главе с Василием Шуйским. Уничижительные и хвалебные эпитеты, оскорбительные и возвеличивающие сравнения и метафоры, создающие гиперболизированные образы, носят абстрактный характер и не отразили подлинных черт героев, хорошо известных современникам, которые вполне осознавали литературную условность характеристик Шуйского, Годунова и Отрепьева.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 145—176; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти...» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231—254.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 43—58; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21—97; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 34; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 275—277; Солодкин Я. Г. 1) О происхождении «Повести, како отомсти...»: (Из истории ранней публицистики Смутного времени) // Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1988. С. 88—99; 2) История позднего русского летописания. М., 1997. С. 86.

Г. П. Енин

«Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго» см. *«Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Углецкаго»*.

«Повесть книги сея от прежних лет» (в рук. также: «Книга, глаголемая кроник, сиречь летописец о мятежных временах и летах...»; «Кроника, сиречь летописец от великаго князя Василия Ивановича начало прия...») — памятник, посвященный событиям Смутного времени и датирующийся 1-й третью XVII в. В научной литературе П. фигурирует под разными названиями: «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского», «Так называемая

повесть Катырева-Ростовского», «Летописная книга». П. известна в 18 списках (перечислены в работах И. Ю. Серовой), в большинстве из которых текст включает несколько частей: после обширного заголовка следует описание событий русской истории с 1534 по 1612 г. (нач.: «Царство Московское, его же имянуют от давных век Великая Росия...»), причем повествование о временах Смуты разбито на небольшие главки со своими названиями (например, «О взыскании мощей благовернаго царевича Дмитрия», «О приходе к Москве Ивашка Болотникова», «Речь послов Московских» и т. д.). Основная часть П., написанная прозой, завершается первыми виршами (нач.: «Сему писанию конец предлагаем...»). Теми же виршами, но распространенными еще двумя строками, оканчивается список ГПБ, собр. ПДА, № 305, замечательный тем, что здесь в акростихе читается имя — «Тарасииас»; вирши завершаются словом «аминь» (в остальных списках П. сохранилась только часть акростиха — «асиаас»). За первыми виршами следует небольшой по объему текст в прозе со своим заголовком («Написание вкратце о царех Московских, о образех их и возрасте их, и о нравех»), написанный в жанре литературного портрета (например, о *Иване IV Грозном* сообщается: «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен, покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чюднаго разсуждения, в науке книжнаго почитания доволен и многоречив зело...»). Портретные зарисовки (царь Иван IV, его сын Федор, царь *Борис Годунов* и его дети — царевич Федор и царевна *Ксения Борисовна Годунова*, *Григорий Отрепьев*, царь Василий Шуйский) завершаются вторыми виршами (нач.: «Начаток виршем, мятежным вещем...»), где описательно указывается имя автора (известно два варианта: «Сын предиреченнаго князя Михаила, роду Ростовскаго сходатай» и «Роду Ярославскаго исходатай»).

П. была введена в научный оборот в нач. XIX в. и неоднократно привлекала внимание исследователей. Наиболее оживленно обсуждалась проблема авторства П. Поскольку первоначально П. была известна в составе хронографа *Сергея Иевлевича Кубасова*, предполагали, что он и являлся ее автором (митрополит Евгений, А. Н. Попов, А. М. Ставрович). П. М. Строев считал автором П. князя *И. А. Хворостинина* или князя *С. И. Шаховского*. В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов, анализируя содержание П., обосновали участие в работе над ней князя И. М. Катырева-Ростовского («рода Ростовскаго сходатай»); они считали Катырева-Ростовского автором первоначальной редакции П. В редакции, принадлежащей перу князя И. М. Катырева-Ростовского, в конце заголовка сообщается время его работы над произведением — 1626 г. («Написана бысть сия книга в лето 7134-го, июля в 28 день»). В одном из списков П. — ГПБ.

Солов. собр., № 880/990 читается приписка, позволившая М. В. Кукушкиной утверждать, что автором произведения был князь С. И. Шаховский: «Изложена бысть сия книжица летописная многогрешным в человецех Семеном Шеховским...». В. К. Зиборов высказал предположение об участии в создании П. некоего Тарасия, чье имя читается в акростихе другого списка. На сегодняшний день вопрос об авторстве П. и степени участия в истории ее текста названных лиц остается открытым.

История текста П. представлялась ученым по-разному, схема его развития менялась по мере обнаружения новых списков. Прежние исследователи делили списки П. на две (С. Ф. Платонов) или три редакции (П. Г. Васенко, О. А. Державина), считая первичной редакцию Катырева-Ростовского. Последняя схема эволюции текста П. была предложена И. Ю. Серовой. Исследовательница также делит списки П. на три редакции, из которых первична Пространная редакция, представленная двумя вариантами, двумя видами и 5 списками; далее, согласно этой схеме, идет Особая редакция, представленная двумя вариантами, двумя видами и 7 списками; наконец, следует Краткая редакция, представленная четырьмя вариантами и 6 списками. Схему И. Ю. Серовой, в которой на 18 списков приходится 16 гипотетических этапов развития и в которой эти гипотетические этапы «задавили» реальные редакции и реальных претендентов на авторство, едва ли можно считать окончательной.

Среди источников П. исследователями были отмечены летописи, хронографы, польские и литовские хроники, философско-догматические трактаты, сочинения по логике и риторике, русские и переводные повести. Обилие использованных в П. материалов свидетельствует о широкой начитанности автора. В литературе наиболее обстоятельно разобран вопрос об одном источнике П. — *«Троянской истории» Гвидо де Колумна* (А. С. Орлов, Н. К. Гудзий, О. А. Державина, И. Ю. Серова). Наблюдения над использованием «Троянской истории», по-разному представленной в разных списках П., положила в основу своей классификации И. Ю. Серова. В числе характерных особенностей П. отмечалось обилие рифмованных строк внутри прозаического текста, указывалось на заметное в П. южнорусское влияние, в том числе влияние сочинений *Андрея Курбского.*

Исследователи неизменно подчеркивают высокое литературное мастерство автора П. Особенно выделяется данное в П. описание весны («Растаявшу снегу и тиху веющу ветру, и во пространные потокы источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую бразду прочертает, и плододателя Бога на помощь призывает; растут желды, и зеленеются поля, и новым листием облагают древеся, и отовсюду украшают плоды земля, поют птицы сладким воспеванием...»), которое сравнивают с аналогичными пассажами в сочинениях *Кирилла Туровского* и В. К. Тредиаковского. С. Ф. Платонов

считал П. одним из лучших произведений о Смутном времени, он назвал ее «первым по времени трудом, в котором был дан стройный и цельный очерк Смуты». Вслед за С. Ф. Платоновым Н. К. Гудзий подчеркивает «исключительно книжный стиль» П.: «Художественно насыщенная, изобилующая эпитетами, образными формулами и характеристиками, она, однако, ни в какой мере не отражает влияние народно-поэтического творчества».

В письменности XVII в. П. распространялась главным образом как составная часть более обширных памятников, например, разрядных книг и хронографов. Она привлекалась при написании *Рукописи Филарета* и *«Плача о пленении Московскаго государства, како наведе на ны, грешныя, Господь Бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися великая Россия попущением Божиим от неверных язык и от междоусобныя брани, и о излиянии крови многия християнския греческаго закона сынов руских»*.

Изд.: Русские достопамятиости, издаваемые при имп. Московском университете. М., 1815. Ч. I. С. 170—175; Четыре сказания о Лже-Дмитрие, извлеченные из рукописей имп. Публичной Библиотеки. СПб., 1863. С. 25—52; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 283—315; РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 556—712; 2-е изд. СПб., 1909; Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. СПб., 1908 (извлечено из РИБ, т. 13); ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 358—427; За землю Русскую: Древнерусские повести. Челябинск, 1991. С. 455—503; Древнерусские повести / Ред.-сост. И. Остапенко. Пермь. 1991. С. 198—200 (фрагмент в пер. на русс. яз.).

Лит.: Е в г е н и й. Словарь. Т. I. С. 322—323; П о п о в А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 231—236; С т р о е в. Словарь. С. 289—290; В а с е н к о П. Г. О редакциях повести И. М. Катырева-Ростовского // Записки Русского археологического общества. СПб., 1900. Т. 11, вып. 1—2. С. 378—384; П л а т о н о в С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 257—281; 2) Старые сомнения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 172—180; О р л о в А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Трояиская история Гвидо де Колумна // Там же. С. 73—98; К л ю ч е в с к и й В. О. Боярская дума древней Руси. 5-е изд. Пб., 1919. С. 355; С т а в р о в и ч А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись: (Новые мысли по поводу «Старых сомнений») // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 285—293; Г у д з и й Н. К. 1) Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 306—309. (СОРЯС, т. 101, № 3); 2) К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 290—297; Н и к о л ь с к а я А. Б. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе: (Несколько описаний весны) // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. С. 433—439; Д е р ж а в и н а О. А. История создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 48. Кафедра русской литературы. М., 1955. С. 29—45; К у к у ш к и н а М. В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 75—78; П р о к о ф ь е в Н. И. К литературной эволюции весеннего пейзажа: (Кирилл Туровский, И. М. Катырев-Ростовский и В. К. Тредиаковский) // Новые черты в русской литературе: (XVII—начало XVIII в.). М., 1976 С. 231—242; З и б о р о в В. К. 1) Об авторе так называемой повести Катырева-

Ростовского // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 244—250; 2) Об авторстве Сергея Кубасова // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. К 80-летию профессора В. В. Мавродина. Л., 1987. С. 154—166; С е м е н о в а Е. П. Об источниках «Повести преславной» С. И. Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 333—340; С е р о в а И. Ю. 1) «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Трояиская история» Гвидо де Колумна // Там же. Л., 1989. Т. 42. С. 107—114; 2) История текста «Летописной книги» // Там же. Л., 1990. Т. 44. С. 269—283; Б у л а н и н Д. М. Трояиская тема в Житии Михаила Клопского // Там же. СПб., 1993. Т. 48. С. 218—220; От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 282—289 (Очерк X: Повести о Смутном времени); Литература и культура Древней Руси. С. 64—65; С о л о д к и н Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 80, 101.

В. К. Зиборов

Повесть некоего боголюбивого мужа — нравоучительная повесть, предположительно датируемая нач. XVII в. В П. рассказывается о некоем царе, который царствовал в полном благоденствии до тех пор, пока не прислушивался к чужому мнению. Его беды начались после того, как он попал под влияние любимого «синклита» и «четыредесять чародей», которые клевещут на неповинных людей, чем «смути царя на люди, людей же на царя». Это вызвало наказание свыше, посланное в виде врагов, восставших на царя и осадивших столицу. Прощение царь получает только после длительного покаяния и молитв. Безмятежное царствование восстановилось после сожжения «чародеев». Полное заглавие П. таково: «Повесть некоего боголюбивого мужа списана при Макарье митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, да сие ведяще не впадете во злыя сети и беззакония от злых прельщенных человек и губительных волков, не щадяще души, ей же весь мир не достоин. Прочетше же сие, человецы, убойтеся чары и волхования, творящей скверная Богу и грубая, и мерская, и проклятая дела»).

До появления статьи Р. П. Дмитриевой все исследователи, так или иначе касавшиеся П., полностью доверяли заглавию и относили ее появление ко времени *Ивана Грозного*, отмечая при этом антибоярскую направленность сочинения. Р. П. Дмитриева выдвинула весьма аргументированное предположение о том, что П. была написана не при Иване IV, а в Смутное время. Первое основание для такого заключения дает анализ состава и палеографических особенностей сборника ГПБ, собр. Погодина, № 1570, в котором содержится единственный известный список произведения. Сборник составил из трех рукописей П. М. Строев, он же написал к нему в 1831 г. оглавление. Рукопись, в которую входит П., написана на одной бумаге, датируемой по филиграням нач. 1620-х гг. Она включает в себя, главным образом, произведения исторического содержания и документальные материалы о событиях нач. XVII в., преимущественно относящиеся ко времени Василия Шуйского.

Р. П. Дмитриева показала на конкретных примерах тематическую и идейную близость П. к произведениям Смутного времени. Так, в литературе нач. XVII в. было весьма распространено объяснение злоключений царей их обращением за помощью к знахарям-«врачам» и чародеям. Главная идея П. — об ответственности людей перед Богом за свои грехи свойственна всем без исключения произведениям этого времени. По мнению Р. П. Дмитриевой, П. представляет собой не «абстрактно-моральное поучение», а содержит «более конкретную идею — об ответственности царя перед Богом за управление страной». С этой стороны П. также очень близка произведениям нач. XVII в., поскольку в них впервые выносилось на обсуждение поведение царей. Особенно заметное сходство Р. П. Дмитриева обнаруживает при сопоставлении П. с «Повестью о видении некоему мужу духовну» (см. *Терентий*). Оно проявляется не только в общей для них идее ответственности за грехи, но и в стилистической близости, а также в одинаковой мотивировке событий.

Главным препятствием для датировки П. нач. XVII в. является заглавие произведения, где указано, что оно написано для Ивана Грозного. С другой стороны, писателям нач. XVII в. присущ повышенный интерес к личности Ивана Грозного и событиям его царствования. Многие исторические произведения о Смутном времени начинаются рассказом о последних годах правления Грозного. Кроме того, в литературе нач. XVII в. известны и иные произведения легендарно-исторического содержания, связанные с именем Грозного. Характерно, наконец, что в заглавии П. использовано не настоящее, а прошедшее время.

Некоторые исследователи, основываясь на заглавии, видели в П. аллегорическое изображение времени Ивана Грозного и пытались найти в ее содержании отражение конкретных исторических реалий. И. Я. Порфирьев и В. С. Иконников считали, что фигурирующий в П. главный «губитель» и «чародей» — это медик Бомелий. И. У. Будовниц полагал, что описанные в П. события следует связывать с деятельностью и падением «Избранной рады» и *Сильвестра*. Но и в этом случае П. более правомерно относить к Смутному времени, к царствованию Василия Шуйского. Обвинения в чародействе и волховании тоже подходят больше Василию Шуйскому, нежели Ивану Грозному. Кроме *И. А. Хворостинина* и *Ивана Тимофеева*, по словам которого Шуйский царствовал «во вражбах богомерских, ими же мняся во царствии утвердити..., чародеяния творя», пристрастие к нашептываниям и колдовству приписывает ему *«Повесть книги сея от прежних лет»:* «К единым же тем тщание имея, которыя во уши его ложное на люди шептаху..., и к волхованию прилежая» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 710). В П. враги царя «до царьствующаго града доидоша, иде же царьский престол», и осаждают столицу длительное время, причем посланные против них царем «южики ... и воины» переходят на сторону врагов. Такая ситуация ассоциируется с

осадой Москвы войсками *И. И. Болотникова* и, в особенности, Лжедмитрия II. Сходство ситуаций усиливается тем, что изменники безнаказанно возвращаются, когда к царю приходит успех, как это было при освобождении Москвы князем М. В. Скопиным-Шуйским. Следовательно, создание П. можно отнести к периоду между освобождением Москвы в начале марта 1610 г. и свержением Шуйского в июле 1610 г., когда в столице установилось временное затишье. Наконец, в П. есть намек на то, что речь идет о царе, которого выбрали на царство. Об этом напоминает ему глас Божий: «Царю, воспомяни, аз избрах тя царя и преславна тя сотворих». Такое напоминание, неуместное по отношению к Ивану Грозному, могло быть адресовано Василию Шуйскому.

Своеобразной иллюстрацией содержания П. служит помещенная в той же рукописи грамота патриарха *Гермогена* к перешедшим на сторону Лжедмитрия II русским людям. В ней говорится как раз о тех проблемах и событиях, на которые намекает П.

Изд.: Повесть о волховании, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного // Москвитянин. 1844. № 1. С. 246—249; Б у с л а е в. Историческая христоматия. Стб. 877—882.

Лит.: П о р ф и р ь е в И. Я. История русской словесности. Ч. 1: Древний период. Казань, 1891. С. 601; И к о н н и к о в. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1814; С а к у л и н П. Н. Русская литература. М., 1928. Ч. 1. С. 159—161; Б у д о в н и ц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 218—221; Д м и т р и е в а Р. П. К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 278—283.

Г. П. Енин

Повесть о Азове документальная — произведение из цикла повестей о взятии Азова казаками в 1637 г. и их успешной борьбе с турецкой армией, осаждавшей крепость в 1641 г. В первоначальном виде П. носила заглавие «Сказание о прихождении Крымского царя и турских пашей и о их приступех ко граду Азову» и подзаголовок «Список с записки с распросных речей слово в слово». Место П. в Азовском цикле не совсем ясно. А. С. Орлов, основываясь на ее сходстве с *Повестью о Азове поэтической*, считал П. источником последней. А. Н. Робинсон, учитывая различия между произведениями, считает П. независимой от Поэтической. Их расхождения он объясняет разными документальными основами: Поэтическая повесть построена на материалах казачьей отписки, П. — на расспросных речах, представляя собой литературно обработанную выписку из бумаг Посольского приказа, содержавших записи речей. Ни записка казаков, ни расспросные речи не сохранились в подлиннике. На расспросные речи указывает концовка вступления П.: «...и в Посольском приказе про всякие вести по государеву указу печатник и думный дьяк Федор Федорович Лихачев их роспрашивал, а в роспросе сказали атаман с товарищи». Особенностью рас-

спросных речей, сохраненной в тексте П., является рассказ от третьего лица с частым употреблением частицы «де»: «И они де атаманы и казаки...»; «А их де атаманов и казаков...».

Для П. характерно отсутствие лиризма, эмоционально-экспрессивной прямой речи, образных сравнений. Отсюда делают вывод о ее невысокой ценности как художественного произведения. Однако П. замечательна лаконичной, точной и полной передачей главнейших событий героической трехмесячной осады Азова — с 24 июля по 26 сентября 1641 г., во время которой казаки отразили 24 штурма, 16 подкопов, выдержали артиллерийские обстрелы, когда турки в течение шестнадцати дней делали «по тысечи по шти сот выпусков», сбив городовые стены и башни, разбив церкви и дома «по подошву». Потеряв три из пяти тысяч защитников, осажденные тем не менее не согласились сдать Азов туркам за большой выкуп. Так же кратко рассказано о чудесах, сопровождавших осаду. Казаки видят во сне «жену прекрасну в багряной ризе» — Богородицу, «мужа древна, власата, боса» — Иоанна Предтечу, «их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганых заступающа и на поганыя помогающа». От образа Иоанна Предтечи, «от суха древа» струей текут слезы.

По-видимому, П. была написана вскоре по приезде «станицы» Наума Васильева в Москву в октябре 1641 г., после того как в Посольском приказе были составлены расспросные речи. В период подготовки Земского собора 1642 г. она должна была сыграть определенную роль в агитации за принятие Азова под царскую руку и оказания казакам военной помощи. Однако, когда получила распространение официальная правительственная «роспись», такого краткого сочинения, каким была П., оказалось недостаточно, чтобы повлиять на общественное мнение, и казаки заменили ее эмоционально и художественно выразительной Поэтической повестью.

А. С. Орлов делит тексты П. на три вида. Первый сохранился в наибольшем количестве списков — ученый называет около десятка рукописей XVII в. Второй вид отличается от первого заглавием и новыми сведениями — в начале текста, кроме Федора Лихачева, назван Григорий Львов, в конце текста рассказано о гибели бежавших на море турок и взятии казаками их катарг с добычею, — а также характерными для этого вида разночтениями. Третий вид, сокращенный, имеет два извода: первый, читающийся в Летописи о многих мятежах, второй — в Латухинской Степенной книге (см. *Тихон*).

Изд.: Летопись о многих мятежах. СПб., 1771. С. 371—373; Изборник славянских и русских переводов и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 392—394; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 69—91; Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 375—377.

Лит.: Робинсон А. Н. 1) Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Уч. зап. МГУ. 1946. Кн. 2. С. 44—47. (Труды кафедры русской литературы, вып. 118); 2) Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков

в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 30—31; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 263; Литература Древней Руси. С. 135—139.

М. Д. Каган

Повесть о Азове историческая («Повесть и храбрость и мужество атаманов и казаков донского войска о граде Азове, преднаписание о граде Азове и о прихождении атаманов и казаков великого донского войска и о взятии его») — произведение из цикла повестей о взятии Азова казаками в 1637 г. и их успешной борьбе с турецкой армией, осаждавшей крепость в 1641 г. П. является самой ранней в цикле Азовских повестей, она написана вскоре после взятия донскими казаками Азова в 1637 г.

П. — публицистическое произведение, призванное идеологически обосновать необходимость взятия крепости. Для этого автор обращается к историческому прошлому, во введении («Предписания о граде Азове») излагает полулегендарную историю города, основанного греками. «За согрешения» Азов перешел в руки турок, когда христианство пало в восточных странах — Иерусалиме, Константинополе, по берегам Эгейского, Черного, Азовского морей. Далее автор возвращается к современности, описывая зло, которое приносят турки Московскому государству своими нападениями, разоряя церкви, уводя в плен людей, продавая их в рабство за море. Захват Азова объясняется исполнением божественной воли, тем, что Бог желает наказать неверных и вернуть христианам их город.

Вторая часть — «О прихождении атаманов и казаков великого донского войска» подробно рассказывает о подготовке к войне в начале апреля 1637 г., о сборе войскового круга в Монастырском яру, рассылке грамот, прибытии казаков из Запорожья и выборе атаманом Михаила Иванова по прозвищу Татарин.

Третья часть — непосредственно описание осады и взятия Азова изобилует подробностями, числами, именами, событиями, из которых наиболее интересен эпизод, приведший к казни турецкого посла — грека Фомы Кантакузина и его толмача, отступника Осанки, издевавшегося над казаками, отвозившими из-под Азова в судах тела погибших товарищей: «Тепере де перед нами казаков из-под Азова погибших возят каюками, а станут де возить и бударами». Истинной же причиной казни послужила посылка Кантакузиным тайных агентов в Азов с советом гарнизону спешно послать за помощью в Крым, Тамань и Керчь. Подробно описаны и два подкопа, которые «под град повел» «казак родом Немецкия земли именем Иван».

Заключение П. — явление казакам во сне Иоанна Предтечи и Богородицы, торопящих их со штурмом и предсказывающих победу, — возвращает читателя к исходной идее: покровительству небесных сил в деле овладения Азовом.

П. написана в агитационных целях. Хотя казаки захватили Азов самовольно, вопреки стремлению Московского правительства сохранить мир с Турцией, они хотели убедить царя *Михаила Феодоровича* в необходимости этого шага и добиться военной поддержки. Отсюда — особый пиетет перед царем, нарочитое упоминание о государевом жаловании — хлебных запасах, денежной и пороховой казне. Сведения, изложенные в П., достоверны настолько, что она, наряду с войсковой отпиской от 3 декабря 1637 г., может служить историческим источником для изучения осады и взятия Азова. Это подтверждается совпадением части ее текста с казачьими войсковыми документами. Надо думать, что автор хорошо их знал, так как скорее всего он был кем-то из дьяков или подьячих казачьей войсковой канцелярии, участвовавших во взятии крепости. Кроме того, он проявил знание истории и литературы — прошлого Азова, истории турецких завоеваний на Востоке, ему известно о последнем византийском императоре Константине, об Александре Македонском, с воинами которого он сравнивает донских казаков. Его начитанность проявилась и в применении им художественных средств, типичных для стиля древнерусских воинских повестей. С другой стороны, тесная связь произведения с реальной жизнью и демократизм автора обусловили проникновение в П. живой разговорной речи, переходящей местами в ритмическую прозу, тяготеющую к народной поэзии. Такова, например, насмешка над казаками осажденных в Азове турок: «Сколько де вам, казакам, под городом Азовом не стоять, а нашего де вам Азова не взять»; «Бывало де вас, казаков, под Азовом градом и не такая сила, а Азову де погибели не было».

А. С. Орлову, исследователю П., было известно около 25 списков памятника, которые он по текстологическим признакам разделил на три группы: 1) нормальная (один вид); 2) распространенная (четыре вида); 3) сокращенная (три вида).

Изд.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 3—68, 155—165; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 47—56, 166—187.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 258—260; Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 113—119; Литература Древней Руси. С. 135—139.

М. Д. Каган

Повесть о Азове особая —произведение из цикла повестей о взятии Азова казаками в 1637 г. и их успешной борьбе с турецкой армией, осаждавшей крепость в 1641 г. П. посвящена событиям, происшедшим между 18 июня 1637 г. (взятие донскими казаками Азова) и 24 июня 1641 г. (начало осады Азова турецким и татарским войском). Война с Персией помешала султану Мураду IV начать воен-

ные действия против казаков в 1637 г. В 1638 г. по его приказанию под Азов двинулся крымский хан Бегадыр Гирей с татарами, ногаями и черкесами. Турки поддерживали их с моря, сосредоточив в Керченском проливе до 60 крупных судов. Войско Донское вступило с ними в бой на 40 стругах с двумя тысячами казаков, но было разбито. В августе 1638 г. татары осадили Азов, но, не владея опытом осадной войны, успеха не добились и под ударами казаков вынуждены были уйти из-под города.

П. состоит из двух частей. Первая озаглавлена «Повесть о чюдесех Божиих, святаго пророка и Предтечи Иоанна, о (*так! должно быть:* и) прочих святых». В ней читается запись о нескольких чудесах, происшедших в Азове. 24 декабря 1640 г. образ Иоанна Предтеча «испустил слезы от очию своею до конца брады своея» (об этом чуде упоминается в *Повести о Азове документальной* и *Повести о Азове поэтической*); казаки во главе с атаманом Наумом Васильевым отслужили по этому поводу молебен и устроили крестный ход. В это же время от образа Иоанна прозрел казак Еунтропий (возможно, это имя значимое, ἐντροπία по-гречески — «увертка, уловка»), наказанный слепотой за нарушенное обещание, освободившись из турецкого плена, постричься в Чернеевом монастыре святого Николая. Тем самым он отступил от принятого у донских казаков обычая после плена у неверных пройти очищение в монастыре. 27 июня Богородица, явившись кому-то во сне («Пречистые Богородицы видение во сне»), приказала взять ее образ из церкви Иоанны Предтечи и поставить «на углу среднево города от верхние стены в победу поганым, нашедшим на град Азов». 6 августа было видение казаку — во сне ему явился образ святого Василия Кесарийского из Деисуса, побывавший в руках у поганых, которые «перетерли» его «на полы» пилою; перед образом надо было поставить «свещу большую поставную». 16 августа казаки видели во сне образы Алексея, человека Божия, и Максима, московского юродивого, оказавшиеся в часовне среди ветхих образов. Те сказали, что посланы из Москвы на помощь казакам. Эти, казалось бы, не связанные между собой записи преследуют одну цель — показать, что пребывание казаков в Азове поддержано небесными силами, угодно святым и Богородице. В том, что в Азове оказались чудотворные образы московских святых, был скрыт намек на необходимость помощи казакам со стороны московского правительства.

Вторая часть П. вводится словами: «И после того Азовского взятия». Это также погодные записи отдельных событий — удачного похода казаков «стругом на море» в 1637 г., похода весной 1638 г., когда казаки на стругах оказались хитростью крымского хана запертыми в лимане (А. С. Орлов считает, что речь идет о бое в Одыхонском, или Духонском, лимане под Таманью). Часть казаков попала в плен, а части удалось освободиться и бежать в Азов. Хронологически следом за этим известием идет сообщение о приходе крымского хана под Азов и

3 Зак. 3636

история осады 1638 г. («А он, безбожный агарянин, похитив, аки лютый волк, безлобивых агнец, и пришел под Азов со своею силою великою»). Однако хронологическое изложение событий перебито сообщением о взятии казаками в 1639 г. большого турецкого корабля, оно известно также из войсковой челобитной от 21 ноября 1639 г. О том, что в П. это известие находится не на месте, свидетельствует окончание статьи: «и сия до зде».

В П. большое место занимают переговоры казаков с крымским ханом, содержание их подтверждается документами. Характерна для татарской дипломатии клятва, которой крымский хан обманул казаков, «выяв свою саблю из ножен, та бы де сабля от ваших рук на моей шее была». Переговоры происходят и во время осады, когда крымский хан сначала угрожает казакам, а затем пытается их подкупить. Близость к документам и эмоциональная живая речь придают П. черты выразительности и достоверности.

Обе части П. отличаются пристрастием к точным хронологическим датам и по жанру близки к летописным записям. Существовал ли у донских казаков летописчик, пока не известно. Но, при наличии канцелярии и развитой дипломатической традиции, весьма вероятно предположение, что кто-либо из казачьих писателей составлял такой летописчик. Именно он мог отразиться в П. В таком случае следовало бы поменять местами ее части и «Повесть о чудесах», согласно хронологии, поместить после записей о боевых эпизодах и татарской осаде.

П. дошла до нас в одном списке — ГПБ, собр. Погодина, № 1556, 2-я пол. XVII в. В этой же рукописной тетради тем же почерком была переписана вторая редакция *Повести о двух посольствах*. Возможно, что соседство с этой повестью, написанной в Посольском приказе, означает, что П., вышедшая из канцелярии казачьего войскового круга, бытовала и сохранялась в среде Посольского приказа.

Изд.: Особая повесть об Азове 1637—1651 гг. / К изд. пригот. и объяснил А. Орлов. [Б. м.], 1907.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 260—262; Литература Древней Руси. С. 135—139.

М. Д. Каган

Повесть о Азове поэтическая — произведение из цикла повестей о взятии Азова казаками в 1637 г. и их успешной борьбе с турецкой армией, осаждавшей крепость в 1641 г. П. занимает центральное место в цикле. История осады изложена в ней исторически точно, что подтверждается не только документами, составленными в канцелярии Войска Донского, но и записками турецкого путешественника Эвля Эфенди, находившегося в лагере осаждавших Азов (Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8).

Положение казаков оставалось крайне тяжелым, вторую осаду они выдержать уже не смогли бы, поэтому они обращаются к царю с просьбой взять Азов под свою царскую руку и прислать в него русский гарнизон, который бы сменил израненных защитников. 28 октября 1641 г. в Москву приезжает казачья «станица» из 24 человек во главе с атаманом Наумом Васильевым (фигурировавшим в *Повести о Азове особой*), чтобы вести переговоры об Азове. «Станица» привезла казачью отписку с изложением истории осады и обоснованием своей просьбы. Документ этот до нас не дошел, но он довольно полно отражен в царской грамоте, которая читалась на соборе в январе 1642 г. До собора вопрос, принимать ли у казаков Азов, широко обсуждался в правительственных и общественных кругах. По рукам ходила официальная «роспись», передающая содержание казачьей отписки. Вероятно, в это время и была написана П., призванная художественно-эмоциональными средствами подкрепить позицию казаков. П. — литературный «близнец» войсковой отписки, использующий форму казачьего документа. Участники казачьего посольства были лишены в Москве свободы передвижения и не допущены на собор. Они имели доступ только в Посольский приказ. Но именно здесь в конце XVI—нач. XVII в. были написаны так называемые посольские повести — литературно-публицистические произведения, имитирующие форму статейных списков, посольских грамот, курантов. Тематическая и жанровая близость П. к данным произведениям позволяет думать, что знакомство автора П. с этой литературой повлияло на выбор для П. формы документа. Это тем более вероятно, что профессиональные писательские навыки войскового канцеляриста были близки к практике служащего Посольского приказа, в среде которого и начала свое бытование П.

С большой долей вероятности автором П. можно считать члена посольства в Москву есаула и войскового дьяка Федора Ивановича Порошина, составителя казачьей отписки. Этот грамотный, хорошо начитанный человек был в прошлом холопом князя *Н. И. Одоевского*. Возможно, именно на службе у Одоевского Порошин приобрел знание литературы и писательские навыки, пригодившиеся ему в деятельности казачьего канцеляриста и писателя. Причина бегства его на Дон неизвестна. 28 сентября 1640 г., в период подготовки обороны Азова, Порошин пишет царю отписку, в которой в довольно смелом тоне высказаны соображения о необходимости помощи со стороны Москвы и принятия Азова в царскую отчину. Отписка вызвала гнев царя и расследование. Написание П. привело к окончательной гибели Порошина. После приема царем 19 февраля 1642 г. турецкого посольства было решено не вступать в войну с Турцией из-за Азова. Царь щедро наградил казачью «станицу». Возвращение же на Дон Федора Порошина, рьяного защитника идеи принятия Азова в московское подданство, представлялось опасным. Правительство,

вспомнив его старые вины, указом от 21 февраля лишило его царского жалования и сослало в Сибирь.

П. — публицистическое произведение, в котором политические вопросы занимают одно из главных мест: взятие Азова рассматривается не только как избавление Московского государства от набегов татар и турок, но и как предпосылка для окончательного разгрома Турции и освобождения Иерусалима и Констанстинополя. В П. обнажены те социальные и политические противоречия, которые в предыдущих повестях цикла еще не сформулированы. Во-первых, двойственное положение казаков, с одной стороны — защитников южных границ, но с другой стороны — беглых холопов, которых «на Руси не почитают и за пса смердящего». Во-вторых, двойственная и вероломная политика московского правительства, использующего военные силы казаков, поддерживающего их хлебом, деньгами, порохом, но отрекающегося от открытой политической поддержки в дипломатических переговорах с султаном. Намерение израненных и увечных защитников Азова основать монастырь, где игуменом станет их атаман, а строителем — есаул, — не эффектная литературная концовка П., а отражение подлинной бытовой ситуации: казаки действительно имели два монастыря, в которых, как правило, кончали жизнь члены этой военной корпорации.

П. написана талантливым писателем, создавшим произведение большой художественной ценности. В нем умело соединены формы чисто деловой письменности, живая устная речь, приемы эпического повествования. Трагические эпизоды обороны Азова давали автору возможность придать казакам черты былинных богатырей. В описании боевых действий автор применяет традиционные формулы воинских повестей, придающих произведению торжественность (отмечено психологическое действие страшной турецкой трубной музыки перед штурмом, приведено сравнение стрельбы с громом и молнией, многочисленность турецкого войска передана образами прогибающейся земли и выступившего из берегов Дона, и пр.). Возможно, здесь сказалось влияние художественных приемов *Сказания о Мамаевом побоище*, хорошо известного в Посольском приказе. Стиль воинских повестей объединяется с мотивами и образами фольклора, отчасти воспринятыми из литературных памятников, но во многом почерпнутыми из типично казачьего устного творчества. Это образы птиц и зверей, реагирующих на события, сравнение вражеского войска с лесом, внезапно выросшим в степи, а шатров осадного лагеря — с горами. Фольклорным можно считать и лирическое предсмертное прощание казаков с царем, церковными властями, лесами и дубравами, морями и тихим Доном Ивановичем, очень близкое казачьим песням и народным плачам.

А. С. Орлов разделил списки П. на четыре редакции. Первая редакция была ему известна в списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 794, конец XVII в., не имеющем конца. А. С. Орлов ошибочно обозначил

несколько неполных списков, с которыми познакомился, когда исследование было уже закончено, пятой редакцией. В действительности, они представляют собой второй вариант первой редакции, как это установил А. Н. Робинсон, найдя полный список этого вида — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 435. По этому списку восстанавливается недостающий конец П. Оба варианта первой редакции близки между собой, но основаны на разных протографах. По определению А. С. Орлова, все редакции П. восходят к одному прототипу, хотя ни одна не передает его точно. Вторая редакция почти тождественна первой, за исключением конца, — здесь в победе казаков не участвуют небесные силы. Для третьей редакции характерны распространения, перестановки и повторения текста (издана И. Некрасовым). Четвертая редакция, сокращенная, по-видимому восходит к тексту, близкому к третьей редакции. В 1939 г. Н. И. Сутт пытался пересмотреть классификацию А. С. Орлова и предложил считать вторую редакцию первой, а первую — второй. Однако дальнейшее исследование П., проведенное А. Н. Робинсоном, и находки новых списков подтвердили правильность схемы А. С. Орлова.

Изд.: Некрасов И. О современных задачах изучения древнерусской литературы: Речь, произнесенная на торжественном акте Новороссийского университета. Одесса, 1869. Приложение. С. 25—27; Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 2-е изд., испр. М., 1877. С. 270—288 (сводный текст); Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906. С. 92—155, 165—236; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 59—81, 187—227, 261—265, 274—279, 314—330; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 54—73, 215—234, 366—375 (подгот. текста, пер., ст. В. К. Митрофановой); «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 550—556; Воинские повести Древней Руси / Сост. Н. В. Понырко. Л., 1985. С. 430—467; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 277—295 (пер. на русс. яз.); Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 45—49. («Сокровища древнерусской литературы») (отрывок); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 139—154; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 412—427; 2-е изд. СПб., 1997. С. 412—427.

Лит.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Ч. 4. Приложения. С. LXV—LXX; Орлов А. С. Сказочные повести об Азове.«История» 7135: Исследование и текст. Варшава, 1906. С. 22—23; Сутт Н. И. Повести об Азове: (40-е годы XVII в.) // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы. 1939. Вып. 2. С. 3—67; Робинсон А. Н. 1) Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Кн. 2. С. 43—71. (Труды кафедры русской литературы, вып. 118); 2) Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 24—59; 3) Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове // Доклады и сообщения филологического ф-та МГУ. 1948. Вып. 5. С. 65—70; 4) Жанр Поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 98—130; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 262—266; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1950. С. 360—367; Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254; Хазагеров Г. Г. «Поэтическая» повесть об Азове и ее место в истории русского литературного языка // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки.

1989. № 1(65). С. 119—123; Литература и культура Древней Руси. С. 138—139; Литература Древней Руси. С. 135—139.

М. Д. Каган

Повесть о Азове сказочная — произведение из цикла повестей о взятии Азова казаками в 1637 г. и их успешной борьбе с турецкой армией, осаждавшей крепость в 1641 г. П. завершает цикл Азовских повестей. Она создавалась в 1670—1680-х гг. совсем в других условиях, чем ее предшественницы. Донское казачество перестало быть военной корпорацией относительно равных и свободных людей. Оно разделялось на зажиточных низовых и голутвенных верховых казаков. Азовская эпопея в конце XVII в. становится легендой, она возрождается в литературе на легендарной основе.

В П. соединен рассказ о взятии Азова с историей его осады. Основной список носит заглавие: «История о азовском взятье и осадном сидении от турского царя Брагима донских казаков, атамана Наума Васильева и есаула Ивана Зыбина с товарищы, лета 7135 году» (дата ошибочна). Автор П. использовал в своем произведении некоторые мотивы *Повести о Азове исторической*, ввел в нее большой фрагмент из *Повести о Азове поэтической*. Однако эта литературная основа дополнена большим количеством легенд, устных преданий, песен, почерпнутых из казачьего фольклора. На легендарных мотивах и строится сюжет П. Прологом служит история пленения дочери азовского паши, предназначенной в жены крымскому хану Старчию, за которую казаки получают большой выкуп. Казаки берут Азов хитростью, проникнув в город под видом купцов, спрятав на возах вооруженных казаков. Этот мотив встречается в украинских и русских народных песнях, в частности, в песне о Степане Разине (см., например: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Л., 1977. Т. 1. № 46, С. 89. («Памятники русского фольклора»)). Рассказ об осаде Азова турками насыщен множеством эпизодов — о пленении казаков, хотевших спрятать на острове табун коней; о казачьих вылазках, во время одной из которых казаки, переодетые в турецкое платье, проникли ночью во вражеский лагерь, убили крымского хана Старчия, захватили богатую добычу и боевые знамена; об устройстве механизма, при помощи которого осажденные таскали на городские стены подкапывающихся под них турок («что снопы из-под стен на ужищах кверху летают»); о гибели есаула Ивана Зыбина, тело которого турки привязали к коню, и пр. Большинство эпизодов — несомненный вымысел, но часть из них соответствует действительности и известна из воспоминаний участников осады.

Если автор Поэтической повести выступал от лица всего Войска Донского, то в П. уже действуют отдельные персонажи — атаман Наум Васильев, есаул Иван Зыбин, его жена-турчанка, оплакивающая гибель мужа, безымянные казаки, участвующие в боевых эпизодах. Как и в ранних повестях об Азове, в П. фигурируют «небес-

ные силы» — Иоанн Предтеча, Николай Чудотворец, Богородица, приходящая к шатру царя Брагима и угрожающая ему: «Ой, еси, злочестивый царю, поганый! Доколе тебе людей Божиих томити? Да изыдеши отсюду, донде же не умреши смертию», отчего царь «весь ужасеся и нача трепетатися». Вмешательством небесных сил и объясняется внезапное бегство турок из-под Азова. Казаки захватывают богатые трофеи, а затем, выполняя свое обещание, покидают Азов, основывают монастыри Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, ставят на Дону три города.

Автор П. прибегает к литературным приемам как книжной прозы, так и народной поэзии. А. С. Орлов полагал, что он — русский писатель, знавший Азовские повести и знакомый с казачьим фольклором и бытом, что было очень возможно при интенсивном общении деловых и дипломатических кругов Московского государства с Войском Донским. А. И. Соболевский, а за ним и А. Н. Робинсон склонялись к мысли, что автор, скорее всего, выходец из казачьей среды, а сама П. написана на Дону.

П. не преследовала каких-либо злободневных агитационных целей. Большую роль в ней играет вымысел, характерный для жанра исторической беллетристики 2-й пол. XVII в. Усилия автора направлены на формирование занимательного и развлекательного сюжета, правдоподобие достигается подбором бытовых деталей.

А. С. Орлов и А. Н. Робинсон, исследователи П., разделяют ее списки на две редакции. Первая редакция — ГБЛ, собр. Ундольского, № 795, конец XVII в.; ГПБ, собр. Погодина, № 1631, 1825 г.; ГИМ, Музейское собр., № 42779, конец XVIII в. Вторая редакция — ГИМ, собр. Титова, № 2283, нач. XIX в., и рукопись, принадлежавшая Е. В. Барсову (нынешнее местонахождение неизвестно; опубликована П. Н. Рыбниковым). Вторая редакция возникла после 1740 г. и восходит к первой редакции полного вида, но имевшей некоторые чтения и ошибки, типичные для списка ГИМ, Музейское собр., № 42779. Н. И. Сутт пытался представить П. как пятую редакцию Поэтической повести, лишая этот оригинальный литературный памятник самостоятельного значения.

Изд.: Взятие Азова донцами в царствование Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1864. Кн. 3. Отд. V. С. 12—17; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Ч. 4. С. 169—184; Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 83—112, 227—243, 265—266.

Лит.: Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года: Исследование и текст. Варшава, 1906; Соболевский А. И. Отзыв о сочинениях А. С. Орлова // Отчет о сорок девятом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1909. С. 466—469; Сутт Н. И. Повести об Азове: (40-е годы XVII в.) // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы. 1939. Вып. 2. С. 13, 47; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 267—270; Литература Древней Руси. С. 135—139.

М. Д. Каган

Повесть о Александре и Лодвике — пространная версия заключительного рассказа царевича из *Повести о семи мудрецах*. Сюжет о нерассказанном сне осложнен здесь сюжетом о двух верных друзьях, которые защищают друг друга и помогают во всем: так, Александр, в которого влюблена цесарская дочь, устраивает все, чтобы она полюбила восхищающегося ею Лодвика и вышла за него замуж; Лодвик же позднее принимает к себе обнищавшего Александра и спасает его от болезни, пожертвовав собственными детьми, потому что только кровь может служить лекарством, исцеляющим недуг.

Наиболее ранние списки П. датируются XVII в.; тогда, по-видимому, она и была переведена. Явно фольклорный характер сюжета определил тесную связь П. с народной словесностью: параллели к П. отмечаются в сказках, былинах, она известна в лубочной литературе. Неоднократно отмечалось знакомство с П. автора Гистории о Василии Кориотском, герой которой при виде королевны Ираклии «паде от ея лепоты на землю, яко Лодвик» (см.: Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 53—54, 196). Различные восточные и западноевропейские вариации сюжета были указаны И. Н. Ждановым и А. С. Орловым, но монографическое исследование памятника отсутствует. П. публиковалась (за исключением издания XVIII в.) только в составе Повести о семи мудрецах.

Изд.: Исторические сказки: первая — О золотой горе или приключения Идана, Восточного Царевича; вторая — Награда любви; третья — О двух славных богатырях Александре и брате его Лодвиге. СПб., 1793; «Книга седми мудрецов Римския земли о королех и о цысарех и о сыне цысареве Диоклитиане». СПб., 1880. С. 105—140. (Изд. ОЛДП, № 35); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 235—265.

Лит.: Жданов И. Н. Повесть об Александре и Людовике и былина «Нерассказанный сон» // Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 152—192; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 123—128; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 148—149.

Е. К. Ромодановская

Повесть о ангеле, ослушавшемся Бога — беллетристическое произведение, дошедшее до нас в списках XVIII и XIX вв., но сочиненное, скорее всего, в конце XVII в. Композиционно оно делится на четыре части: 1) Царь Африкии Асириан посылает своего боярина управлять неким великим городом. По дороге на боярина нападают сарацины. Боярина убивают, а жена его «непраздна» убегает в лес, где рождает двух дочерей. Бог посылает ангела с приказом взять душу женщины, но ангел, пожалев младенцев, отказывается это сделать, за что лишается ангельского чина. Женщину умерщвляет другой ангел. Воевода, посланный царем в погоню за сарацинами, находит тело боярина, а царский повар в лесу находит младенцев, 40

дней питавшихся молоком мертвой матери. Погибших хоронят в монастыре Богородицы, где в качестве простого инока живет наказанный ангел. Царь велит воеводе воспитать сестер; 2) Через 30 лет сестры, выданные замуж за царских бояр, отправляются в монастырь поклониться гробам родителей. Ангел рассказывает историю их спасения и своего осуждения и обличает монахов в страшных грехах. Бог прощает его, возвращает ему крылья, и ангел, обернувшись молнией, исчезает, предупредив монахов о нападении на монастырь сарацин; 3) Сарацины осаждают монастырь, который обороняют мужья сестер. Ангел помогает осажденным, вновь спасая сестер от гибели. Он велит им с частью клириков уйти из монастыря, унести старую икону Богородицы, привести к царю пленных сарацин. Монастырю же за грехи монахов суждено погибнуть; 4) Монастырь сожжен молнией вместе с монахами, грабившими церкви. Царь строит на этом месте новый монастырь.

Каждая часть представляет собой почти самостоятельную новеллу. В то же время части связаны общими персонажами, главный из которых — ангел, движением сюжета и развитием идеи о неисповедимости Божьего наказания. Четырехчастное деление подчеркнуто автором (или переписчиком-редактором), заключившим три первые части словами «тако и бысть». По предположению Е. К. Ромодановской, «усложненная структура этой Повести ... отражает позднейшие этапы ее бытования, значительно отстоящие от архетипа». Это предположение подкрепляется тем, что в П. лишь постепенно появляются имена и географические названия: если имена царей вынесены в начало повествования, то имена убитого боярина, его жены и др. названы только во второй части, а мужья сестер поименованы лишь в третьей. Во второй и третьей частях П. появляется рассказчик — свидетель посещения сестрами монастыря и осады его сарацинами («изыде абие архимарит ... на сретение нама»; «пришедшим же нам во обитель», и т. д.).

Произведение обладает чертами разных жанров. Первая часть и начало второй сходны с повестями, переводными и оригинальными (ср. *Повесть о царице и львице* — чудесное спасение в лесу близнецов; *Повесть о Марфе и Марии* — совместное путешествие сестер, сооружение ими святыни). Рассказ о жизни ангела-инока в монастыре носит черты агиографического жанра. Оборона монастыря описана в стиле воинской повести с использованием формул, характерных для памятников этого жанра. Заключительная часть — гибель и восстановление монастыря, как и появление ангела в виде молнии, — сопоставима с чудесами житий или патериков.

Занимательность П. сочетается с нравоучением. В некоторых списках это отразилось в заглавии, причисляющем П. к притчам: «Выписано из книги Палеи, толкования из приточника», или: «Выписано из приточника Палеи толковой». Само это заглавие еще требует объяснения, т. к. в Палее такой повести нет. Возможно, в про-

тографе П. или часть ее находилась в одном сборнике с Палеей, или выписками из нее, возможно, она примыкала к Притчам Соломона (аналогичная ситуация имела место в истории *Повести о царе Адариане*).

Большое значение в идейном замысле автора имеют обличительные речи ангела, направленные как против мирян, так и, особенно, против монахов, которые «осквернили сие святое место ... гордостию, величанием, пищею, піянством безмерным ... Тако же и презвитери церковь опустошили своим нечестием». Обличение духовенства придает всему произведению антиклерикальный смысл и сближает его, по мнению А. И. Белецкого, с антиклерикальными сатирическими произведениями конца XVII в., возникшими в обстановке религиозного кризиса на Руси. Исследователи не обратили внимания на то, что большинство списков первой редакции П. (ГПБ, Q. I. 1161; собр. Титова, № 23 (1530), 2443 (1560); БАН, 4.1.33) — старообрядческие и находятся в старообрядческих сборниках.

Список второй редакции (ГПБ, собр. Погодина, № 1603), озаглавленный «Повесть зело полезна о царе африкийском Асириане и сыне его Клавдионисе», отличается сокращением текста в местах, касающихся вопроса о соразмерности деяния и наказания и справедливости «Божьих судов»; сокращена в этой редакции обличительная речь ангела, нет концовки — сожжения монастыря. Эти особенности второй редакции дали повод Н. С. Демковой и З. П. Семяковой связать ее возникновение со средой ортодоксального духовенства, возможно даже — монашеской средой. Однако присутствие второй редакции П. в сборнике беллетристических произведений (*Повести о Брунцвике, о Василии Златовласом,* о царе Адариане, о Вавилоне, о Соломоне, новеллы из *«Римских деяний»*) позволяет воспринимать ее как занимательно-беллетристическую, сократившую менее интересные нравоучительно-религиозные места. Скорее всего, редакция возникла в светской среде.

Легенда об ангеле, ослушавшемся Бога, знакома фольклору разных народов, известны ее болгарская, хорватская, румынская, белорусская, украинская и русская версии (Драгоманов М. Забележки върху славянските религиозни и етически легенди: За ангела, когото Господь изгонил // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Кн. 7. С. 265—274). Из русских фольклорных записей наиболее близок к П. Самарский вариант (Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1884. Т. 12. № 84, С. 251—253), где наказанный ангел уходит в монастырь (в других версиях он служит у сапожника, ксендза, архиерея). Н. С. Демкова и З. П. Семякина отмечают некоторые черты П., характерные для волшебной сказки (троекратное повторение истории спасения сестер, битва, длившаяся три дня и три ночи, тридцатилетнее наказание ангела). Можно упомянуть и само-

стоятельный фольклорный сюжет об умершей матери, приходящей по ночам кормить своего младенца (см.: А ф а н а с ь е в А. Н. Народные русские сказки. М., 1957. Т. 3. № 361, С. 122—123). В научной литературе возникал вопрос о первичности письменного или устного варианта сюжета. А. И. Пономарев, опубликовавший румынскую и русскую устные версии, склонялся к мысли о существовании общего для них византийско-славянского книжного источника (П о н о м а р е в А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1896. Вып. 2. С. 148—149, 210—216). Наличие у П. греческого прототипа предполагал и А. И. Белецкий. Возможность существования у легенды письменного источника признают Н. С. Демкова и З. П. Семякина.

Известно десять списков П., пять из которых, указанные Е. К. Ромодановской, еще не изучены. Есть сведения о двух списках, местонахождение которых неизвестно: список ЦНБ АН УССР и список, хранившийся в БАН под шифром 16.4.35 (рукопись состояла из двух тетрадок, в первой из которых была П.).

Изд.: Б ы ч к о в И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. С. 176—178 (пересказ содержания П.); Д е м к о в а Н. С., С е м я к и н а З. П. «Повесть об ангеле, ослушавшемся Бога»: (Из истории русской повести конца XVII—начала XVIII века) // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С 128—159.

Лит.: Б е л е ц к и й А. И. Малоизвестная повесть конца XVII—начала XVIII в. о наказании ангела // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 453—456 (то же: Білецький О. Зібрания праць у п'яти томах. Т. 1: Давня українська і давня російська літератури. Київ, 1965. С. 450—456); Р о м о д а н о в с к а я Е. К. 1) Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 40, 48; 2) Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994. С. 41, 107.

М. Д. Каган

Повесть о Аполлонии Тирском — произведение, переведенное на русский язык в XVII в. в составе сборника «*Римские деяния*» (далее: РД) и восходящее к латинской «Истории об Аполлонии Тирском», оригиналом которой послужил, по общему признанию, несохранившийся позднеэллинистический роман II или III в. н. э. П. получила очень широкое распространение в средневековых литературах как на латинском языке, так и в переводах. Во многих европейских странах она была известна в нескольких редакциях и обработках, причем авторами некоторых из них были такие писатели, как Шекспир, Лилло, Генрих Нейштадский и др.

Первооснова славянских версий П. — чешский роман, возникший в XV в. Происхождение его до конца не выяснено. Немецкие ученые С. Зингер (S i n g e r S. Apollonius von Tyrus: Untersuchungen über das Fortleben des antiken Romans in spätern Zeiten. Halle, 1895) и Э. Клебс (K l e b s E. Die Erzählung von Apollonius aus Tyrus. Berlin, 1899) считали, что оригиналом для чешского автора послужил

какой-то немецкий текст. Однако более убедительной представляется точка зрения Ю. Поливки, Н. Нильссона и др., считавших чешский роман самостоятельной обработкой латинского текста. Чешский протограф находился, по мнению Н. Нильссона, под сильным влиянием рыцарских романов, но в последующих редакциях рассказ во многом воспринял сказочную поэтику. Польский перевод П., почти дословно следующий чешскому оригиналу, позднее был включен в сборник «Historie rzymskie» («Gesta Romanorum») — при переводе этого сборника с латинского языка. Таким образом, в сборник «Historie rzymskie» вошла не латинская редакция П., а славянская обработка одной из латинских редакций. В сер. XVII в. «Historie rzymskie» были по крайней мере дважды переведены на русский язык (впрочем, не все исследователи согласны с тем, что существовало несколько переводов РД).

Текст П. в составе первого русского перевода РД (ред. РД-1) изобилует полонизмами (см. издание 1877 г.). Текст второго русского перевода П. в составе РД (ред. РД-2) известен в единственном списке — ГИМ, собр. Уварова, № 555 (в сборнике всего 6 глав). Если первый перевод РД был сделан со сборника первой польской редакции, то в основе второго перевода РД лежит вторая польская редакция, по словам А. Брюкнера, «модернизированная и сокращенная» (Brückner A. Zwei polnische Unicate der Bayrischen Staatsbibliothek // Archiv für slavische Philologie. 1927. Bd 41. S. 161—168).

П. в ред. РД-2 отличается типично русскими языковыми чертами, но, по-видимому, это не первоначальный этап развития текста, а уже русифицированный и несколько видоизмененный вариант. На эту мысль наводит существование западнокарпатской рукописи Ст. Самборины (см. о ней: Франко I. Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. Львів, 1900. С. 92—95), которая, судя по составу сборника, порядку следования глав и их названиям, так же как и РД-2, передает текст второй польской редакции и при этом отличается, по словам Ю. А. Яворского, рабским следованием оригиналу (Яворский Ю. А. Повести из «Gesta Romanorum» в карпато-русской обработке конца XVII в. Прага, 1929. С. 5, примеч. 3).

Если две указанные редакции П. в составе РД являются дословными переводами польской повести, то третья редакция, переписывавшаяся как отдельная повесть (в два списка РД — ГБЛ, Музейное собр., № 490 и собр. Ундольского, № 913 она была включена позднее), представляет собой близкий к тексту РД, но свободный пересказ П., с иной трактовкой сюжета и в иной стилистической манере. Н. С. Тихонравов, опубликовавший текст этой редакции, по традиции называемой Тихонравовской (далее: ред. Т), предполагал, что это особый перевод П., причем не с польского, а с чешского языка. Однако позднее было доказано, что ред. Т. — это не самостоятельный перевод, а оригинальная переработка текста, входящего в состав РД. При составлении ред. Т (в 1660-х—нач. 1670-х гг.) были

использованы оба перевода П. в составе РД. За основу была взята ред. РД-1, а точнее, Спарвенфельдовский вид этой редакции, что следует из обнаруженного Н. Нильссоном сходства ред. Т со списком П. в неполной рукописи РД-1 из собрания *И. Спарвенфельда* в Швеции. Ред. РД-2 была использована как дополнительный источник.

Тихонравовскую редакцию с полным правом можно считать самостоятельной русской обработкой П. Переработка текста, на первый взгляд, незначительная и чисто стилистическая, при более внимательном наблюдении оказывается настолько существенной, что влечет за собой жанровую переориентацию П. Приключенческий роман приобретает в новой редакции учительную трактовку в духе христианской морали и превращается в связи с этим в роман дидактический. Происходит это в результате следующего. Во-первых, автор ред. Т стремится внести в произведение религиозно-христианскую идеологию; в П. меняется концепция жизни. Мысль о том, что все происходит в жизни людей по воле всесильного Бога, сформулирована в ред. Т уже в заглавии П. и затем настойчиво подчеркивается на протяжении всего повествования. Во-вторых, автор ред. Т использует «агиографический» метод изображения персонажей. Он состоит в абстрагировании от всех черт индивидуального характера, в идеализации отдельных героев, которые должны служить примером поведения, в приписывании им христианских добродетелей. Жанровой переориентации романа об Аполлонии из приключенческого в дидактический способствует, в-третьих, стиль ред. Т. Приключенческий сюжет пересказан здесь языком церковно-учительной литературы с использованием в отдельных случаях «высокого» стиля, что настраивало читателя на восприятие этого произведения не как развлекательного, а как «душеполезного», «доброго» чтения. Дидактическая редакция П. не была в этом отношении исключением. В XVII в. были созданы дидактические редакции (термин Л. В. Соколовой) и других переводных романов, например, *Повести о Петре Златых Ключей* («агиографическая» редакция), *Повести о Оттоне и Олунде (Повесть о царице и львице)*, *«Троянской истории» Гвидо де Колумна* («печатная» редакция *Федора Ивановича Злобина*) и др. Цель их создания — перевести светские повести, повышенный интерес к которым обнаруживается в XVII в., в разряд церковной «душеполезной» литературы. Авторами дидактических редакций были, по всей видимости, представители монашества, представители старой литературной традиции («традиционалисты»). Об этом свидетельствует, в частности, их отношение к истории: они ценили ее за душеполезность, за то, что она врачует душу, в отличие от «западников», для которых история была интересна сама по себе. О том, что автор П. в ред. Т был традиционалист, свидетельствует еще и стиль этой редакции, стремление к «словесному изяществу», использование рафинированного церковнославянского языка и т. д.

В XVIII в. возникает множество новых обработок П., разнообразных по своему характеру. Перерабатываются все три редакции П. XVII в., часто при этом создаются сводные тексты. Отличительной чертой редакций XVIII в. является то, что в это время П. переходит в разряд занимательных «гисторий». Об этом свидетельствуют и названия П. в редакциях XVIII в., и состав сборников, в которые она включается, и изменения, вносимые редакторами в сюжет П., и, наконец, приписки переписчиков и читателей. Авторами этих редакций были, по преимуществу, представители демократической среды, приспосабливавшие П. к своим вкусам. Одни редакторы при этом ограничивались лишь модернизацией церковнославянского языка ред. Т (ред. T_1 — список ГИМ, собр. Барятинского, № 498; собр. Барсова, № 2364). Авторы других редакций пересказывали П. в совершенно иной манере. Ред. T_6, например (список ГИМ, собр. Барятинского, № 160), — это пересказ П. в форме канцелярского отчета; для нее характерны «приказной» язык, выпрямление сюжета, краткость изложения, в ущерб различным художественным деталям. У некоторых редакторов XVIII в. П. ассоциировалась с галантными «гисториями», что нашло отражение в ред. T_5 (список Института украинской литературы (Киев), № 961). Авторы большинства редакций изменяли и сюжет П., часто модернизировали ее, внося понятия и черты современного им русского быта. Особенно интересен с этой точки зрения список ГИМ, Музейское собр., № 1312. Читаемая здесь П. — по сути дела, оригинальное русское произведение XVIII в. на сюжет древнерусской повести. В одной из редакций, которую можно назвать «христианизированной» (список ГПБ, O.XV.5), были полностью ликвидированы упоминания языческих культов, языческие праздники, обряды и храмы были заменены христианскими, в текст введены молитвы к Богу, ссылки на пророков, используется фразеология, характерная для христианской литературы. В XIX в. текст ред. Т был переработан А. М. Ремизовым (переработка напечатана в журнале «Аргус». 1917. № 5).

Изд.: Повесть об Аполлоне Тирском / Изд. Н. С. Тихонравов // Летописи Тихонравова. М., 1859. Т. 1, ч. 2. С. 1—33; Римские деяния («Gesta Romanorum»). СПб., 1877. (Изд. ОЛДП, № 5); Антиуха (сказка № 18) // Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 95—100; Анчиух (сказка № 19) // Там же. С. 100—104; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 407—426; Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 407—408. («Сокровища древнерусской литературы») (фрагменты).

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 242—244; Снегирев И. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861. С. 113; Polívka J. 1) Román o Apollonovi králi Tyrském v české, polské i ruské literatuře // Listy filologické. 1889. Roč. 16, seš. 5. S. 353—358; seš. 6. S. 416—435; 2) Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském // Drobné příspěvky literárně-historické. V Praze, 1891. Č. 1—4. S. 116—136; Murko M. Die russiche Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum // Archiv für slavische Philologie. 1892. Bd 14. S. 405—421; Пташицкий С. Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах. 1. История

из «Римских деяний». СПб., 1897; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 150—154; Nilsson N. Å. Die Apollonius-Erzählung in den slawischen Literaturen. Uppsala, 1949; Назаревский. Библиография. С. 45—46; Соколова Л. В. 1) Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 313—322; 2) Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 279—291; 3) К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские Деяния» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 266—273; 4) Литературная история Повести об Аполлонии Тирском. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982; Венедиктов Г. Л. Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 400—409.

Л. В. Соколова

Повесть о астрологе Мустаеддыне — произведение, переведенное с польского языка в 1670-х гг. Как установила польская исследовательница Э. Малэк, оригиналом П. послужила книга польского шляхтича Кржиштофа Дамианеуса «Liga z zawadą Koła Poselskiego» (Kraków, 1596). Автор несколько лет провел в турецком плену, знал историю Турции, бывал в Константинополе, был знаком с турецкой литературой. Возможно, П. создана на основе турецких легенд. В начале сочинения Дамианеуса, как и в русском переводе, стоит дата 1596 г., обозначающая, вероятно, не только год издания, но и год сочинения книги. Датировка ее подтверждается и упоминанием «нынешнего» султана Махмета, правившего в 1595—1603 гг.

Актуальность П. в 1670-е гг. объясняется международной политической ситуацией. В это время Турция начала войну против Польши и России. В 1672 г. турки осадили Львов, захватили польскую крепость Каменец-Подольск, завоевали Подолию и готовились к нападению на Украину. Русское правительство пыталось создать антитурецкую коалицию европейских государств, заключив союзы с Польшей, Священной Римской империей, южно-германскими княжествами, Венецией. С этой целью в Европу были отправлены посольства. Однако из-за внешнеполитических противоречий между европейскими странами и из-за враждебного отношения польских магнатов и части шляхты к России антитурецкая лига не состоялась, и в 1677—1678 гг. в войне за Украину Россия оказалась один на один с Турцией.

В этой обстановке и появилась в русской литературе переводная П. Турецкий султан Сулейман, рассказывается здесь, завещает своим потомкам не наступать на Польшу, которая, соединившись с Московским государством и с «Веденским королем» (императором Священной Римской империи), победит Турцию. Сын Сулеймана Селим соблюдал завещание отца, но его внук Мурат усомнился в правоте деда и начал готовить поход на Польшу. Он увлекался предсказаниями астрологов и собрал звездочетцев из Египта, Дамаска и других стран Востока. Самым искусным оказался приехавший из Пер-

сии Мустаеддын, предсказания которого султану дважды сбылись. Тогда султан просит астролога посмотреть, что предсказывают звезды о судьбе Турецкого государства. Мустаеддын повторяет завещание Сулеймана: Турции опасна только Польша, соединившаяся со своим соседом — Россией. Паши советуют султану убить астролога, тогда его пророчество не сбудется. По приказу султана, Мустаеддына бросают в море, причем, встречая слуг султана, он уже знает о своей участи: «Рыбы морские днесь ми гробом будут», тем самым в третий раз доказывая, что его предвидения сбываются. При этом предсказатель повторяет: «Народ же полунощный вскоре вами властвовати учнет».

П. — публицистическое произведение, тесно соприкасающееся по жанру с многочисленными и широко распространенными в европейской литературе, начиная с XIV в., антитурецкими памфлетами, содержанием которых являются предсказания о конце агрессивной Турецкой империи. В древнерусской литературе тема борьбы с Турцией становится популярной с нач. XVII в., вызывая к жизни оригинальные и переводные сочинения.

Перевод П. выполнял агитационно-публицистические задачи, внушая русским читателям мысль о необходимости объединения государств против общего врага. Идея была сформулирована уже в четверостишии, предваряющем текст:

Всегда предкове наши собранием ходили
на волка, его же так удобно ловили.
Сим же образом вкупе на турка идите,
христиане, аще жити в мире вы хотите.

По предположению А. М. Панченко, П. могла быть переведена в Посольском приказе и, возможно, по заказу царского двора. П. играла в русской литературе и роль исторического источника, т. к. знакомила читателей с реальными историческими деятелями: это и турецкие султаны, и «Смахмет паша» — Сокол-оглу Мехмет паша, происхождением из христиан, видный государственный деятель, великий визирь у Сулеймана и его сына Селима, при котором он фактически правил государством. Внук Сулеймана Мурад предполагает в П., что его дед сохранял перемирие с Польшей «жены своея ради»; действительно, мать Селима II Хоррем-Султане, по свидетельству европейцев, была пленной украинской поповной по имени Роксолана из г. Рогатина, находящегося к юго-востоку от Львова. Упоминаемые в П. военные походы в Венгрию и Персию во многом соответствуют историческим фактам. Город Сыгер, осаждая который, Сулейман пишет свое завещание, — это венгерская крепость Сигет, при осаде ее в 1566 г. Сулейман умер. Персидская столица Тиверий, под которым турки потерпели поражение, — это Тебриз, столица Персии с 1358 г. до сер. XVI в. Перечисленные в П. Египет,

Дамаск и другие восточные страны, действительно, в XVI в. принадлежали Турции.

В П. точно передается топография Константинополя. Вначале Мустаеддын селится в районе Скутари, на азиатской стороне города. Автор уточняет, что в древности здесь находился город Халкидон. Затем прорицатель строит себе обсерваторию на европейской стороне за Галатою, на месте, принадлежавшем раньше итальянцу из Венеции, «от которого места не токмо Константинополь и корабли, к пристанищу приходящие, но и карабли, и катарги, и пушечной наряд далече на море сквозь Констянтинополь видети могл». Здесь довольно точно описано местоположение находящегося за районом Галаты высокого района Перы, где с давних времен селились европейцы. При всем том П. — целиком вымышленное, легендарное произведение, политические идеи которого поданы в занимательной беллетристической форме с применением сказочных элементов тройкого предсказания.

П. известна в четырех списках: ГПБ, собр. ПДА, № 302, 1670-е гг.; БАН, Арханг. собр., С. 228, посл. четв. XVII в.; собр. Дружинина, № 178, XVIII в.; Государственный архив Калининской области, № 1752, XVIII в. Списки XVII в. почти идентичны и близки польскому оригиналу; в них сохранились полонизмы и присущие польскому языку обороты. Вирши отражают расположение слов в польских стихах. Как отметила Э. Малэк, в русском переводе сохранен сюжет произведения, но исключены все рассуждения польского автора. В списках XVIII в. текст прошел обработку русского редактора, приблизившего его к стилистическим нормам русского языка. В виршах сделаны перестановки, преобразовавшие равносложные строки в неравносложные. В древнерусских сборниках рядом с П. помещались близкие ей по содержанию и духу произведения. В сборнике ГПБ с П. соседствует отрывок из перевода *Хроники Мартина Бельского,* в сборнике из Арханг. собр. — «Календарь течений небесных на лето ... 1689», также перевод с польского, содержащий политическое пророчество, относящееся к Турции. Календарь был переведен переводчиком Посольского приказа *Семеном Лаврецким.* Окружение П. в сборниках XVIII в. еще более однородно: это специальный подбор произведений, пророчествующих о конце Турецкого государства. Здесь и эсхатологические сочинения о конце света, и надпись на гробе царя Константина с пророчеством о гибели Турции, и вирши *Симеона Полоцкого* и *Епифания Славинецкого* на рождение Петра I, содержащие строфы о покорении басурман. П. интересовала разные круги русского общества. Например, Архангельский сборник открывается своеобразным титулом, свидетельствующим о том, что он был списан по указу Холмогорского архиепископа *Афанасия* с рукописи, принадлежащей Андрею Артемоновичу Матвееву.

Впервые П. в сокращенном и переработанном виде была издана в XVIII в. (Предсказание о падении Турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном. СПб., 1789); в переводе на современный русский язык она была переиздана в 1828 г.; в этой же книжке помещены другие древнерусские произведения о падении Турецкой империи, в том числе переводы предсказаний на эту тему греческого царя Льва Премудрого, Мефодия Патарского, Мартына Задеки и султана Солимана, Написание на гробе царя Константина. В изданиях XVIII и XIX вв. исчезает упоминание о Польше, и все предсказания о государстве, которому суждено сокрушить Турцию, относятся только к России. В этих изданиях не указана древнерусская рукопись, легшая в основу переделок. Только в одном издании содержание древнерусского текста передано более точно: как установил С. И. Николаев, все статьи сборника Архангельской семинарии, в том числе и П., пересказаны довольно близко к тексту в «Архангельских губернских ведомостях». 1877. № 66—67, под заглавием «Рукописи библиотеки Архангельской епархиальной семинарии». Обработки П. и самостоятельные произведения на этот сюжет появлялись в литературе XIX и даже нач. XX в. неоднократно; как правило, это было связано с обострением русско-турецких отношений.

Изд.: Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 242—258; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 462—467; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 151—157. (Б-ка русской фантастики. т. 2).

Лит.: Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 257—258; Małek E. 1) Powieść o astrologu Mustaeddynie — nieznany XVII-wieczny staroruski przeklad z piśmiennictwa polskiego // Slavia Orientalis. 1971. Rocz. 20, N 3. S. 235—243; 2) Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 17—18; 3) Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988. S. 17—18; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XII—XVII вв. М.; Л., 1973. С. 347—354; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 177—178; Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 57.

М. Д. Каган

Повесть о боярыне Морозовой — старообрядческое произведение, посвященное *Феодосии Прокофьевне Морозовой* и написанное в Москве в 1675—1677 гг. очевидцем и участником событий, который хорошо знал героиню П., близких ей лиц и ее окружение. Автором П. был аноним, укрывшийся из соображений безопасности под условным именем «большой брат» (по предположению А. И. Мазунина, сочинителем был дворецкий Морозовой Андрей, брат сожженного за приверженность к староверию Исайи). «Начальная» редакция П. нам не известна, до нас дошли три более поздних редакции —

Пространная, Сокращенная и Краткая. Ближайшей к «Начальной» редакции, прочно связанной со старыми литературными традициями, является Пространная редакция. В ней наиболее полно сохранились исторические сведения и факты, бытовые реалии, языковая и стилистическая манера писателей XVII в.

При рассказе о новоявленной мученице автор избрал не привычный для книжников XVI—XVII вв. житийно-канонический принцип повествования, а новую реально-биографическую манеру рассказа. В П. нет видений, знамений, борьбы с бесами и других атрибутов житийной литературы; заключающие Пространную редакцию прижизненные «чудеса» были малоубедительными даже для современников, опускались при переписке, полный их объем неизвестен. Рассказ автора передает живое и непосредственное впечатление от драматических событий и лиц, большинство которых он знал лично. Талантливый автор сосредоточил внимание на коротком, но наиболее насыщенном бурными событиями периоде жизни героини (1664—1675 гг.). Страдания за старую веру знатной боярыни, ее стойкость, мужество и непримиримость перед властями и самим государем служили морально-назидательным примером для читателей. Публицистически заостренное произведение ярко рисовало несгибаемую волю героини, злобу и бессилие ее противников. Действие в П. динамично и идет по нарастающей, достигая кульминации в диалоге умирающей от голода боярыни с воином и предсмертной просьбой вымыть ее сорочку. Завезенная из Москвы на Север еще при жизни пустозерских страдальцев, Пространная редакция сохранилась преимущественно в списках северного происхождения.

Пространная редакция послужила основой для последующих переработок П. В нач.—1-й пол. XVIII в..в различных старообрядческих центрах России независимо друг от друга возникли Сокращенная и Краткая редакция. Редакция Сокращенная, «заметно более обработанная» (Н. Субботин), предварена тщательно составленным предисловием, особенностью которого является замалчивание имени протопопа *Аввакума* среди противников патриарха *Никона*. В Сокращенной редакции не упомянута роль Аввакума в духовном развитии Морозовой, отсутствуют или переосмысляются эпизоды и сцены, известные по Пространной редакции, нет эпизода тайного посещения боровских заключенных «большим братом». Вместо «чудес» Пространной редакции в редакции Сокращенной приводится «чудо» с дьяконом *Феодором*, относящееся к концу мая 1677 г. Как при описании драматических сцен и диалогов, так и в стилистическом отношении Сокращенная редакция явно уступает Пространной редакции. Упорное игнорирование имени и роли протопопа Аввакума в начальной истории раскола заставляет предполагать, что Сокращенная редакция отразила споры керженских старообрядцев в конце XVII—нач. XVIII в. относительно догматического достоинства писем протопопа Аввакума (Материалы для истории раскола...

Т. 8. С. XVII—XIX, 204—353). Возникновение Сокращенной редакции относится к 1-й четв.—1-й пол. XVIII в. и связано с Поволжьем и центральной Россией; списки Сокращенной редакции северного происхождения неизвестны.

Краткая редакция П. была написана *Семеном Денисовым* на Выгу между 1722—1730 гг. как одна из глав «Винограда Российского». Она отразила новый этап развития старообрядческого движения, которое уже утратило бунтарский характер, искало компромиссов с правительством, углубилось в споры по догматическим вопросам. Семен Денисов показывает не мятежную и бунтующую Морозову, какой она предстает в Пространной редакции, а кроткую мученицу за веру, проявляющую смирение и «гражданскую» покорность царю и духовным властям. Историческая достоверность в данном случае не интересует агиографа. Описание детства, постижения Морозовой и *Евдокией Урусовой* «святых писаний» дано приемами агиографического шаблона; постриг Морозовой совершают ангелы Господни. Для усиления эмоционального напряжения приводятся плачи Ивана Глебовича по уводимой из дома матери и самой Морозовой по умершем сыне. Последовательность кончины боровских заключенных в Краткой редакции не соответствует показаниям Пространной редакции и историческим источникам. Краткая редакция лишена динамизма, характерного для Пространной редакции, стиль отличается риторичностью, свойственной выговской литературной школе.

Краткая редакция распространялась в рукописях как в составе «Винограда Российского», так и самостоятельно, полностью или в различных сокращениях. В составе сборников Краткая редакция окружена поморскими сочинениями и другими популярными на Севере литературными произведениями.

Изд.: Житие боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой // Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под. ред. Н. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 137—203; Описание и отчасти исповедание и страдание новых мучениц Московского царствия царския сигклитикии Феодосии Морозовой. И сестры ея княгини Евдокии Урусовой и с ними Марии, соузницы их в лето 7170 года. Б. м., б. г. 44 л.; Житие и страдание боярыни Морозовой и сестры ее княгини Урусовой // Старая вера: Старообрядческая хрестоматия / Под ред. А. С. Рыбакова. М., 1914. С. 68—94 (с сокращениями); The Life of Boyarina Morozova, Princess Urusova, and Maria Danilova // Anthology of Old Russian Literature. Ed. by Ad. Stender-Petersen. New York, 1954. P. 387—404 (с сокращениями); Sullivan J., Drage C. L. Poems in an Unpublished Manuscript of the «Vinograd Rossiiskii» // Oxford Slavonic Papers. 1968. N. S. Vol. 1. P. 37; Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979; ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 455—484; Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, пер. и примеч. Н. С. Демковой. М., 1991; Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой / Изд. подгот. Н. В. Понырко. СПб., 1994. С. 108—150.

Лит.: Тихонравов Н. С. Боярыня Морозова: (Эпизод из истории русского раскола) // Русский вестник. 1865. Т. 59, № 9. С. 5—44; Pascal P. Avvakum et les débuts du rascol. Paris, 1933; 2 ed. Paris, 1963; История русской литературы. М.; Л.

1948. Т. 2, ч. 2. С. 329—332; Мазунин А. И. 1) Об одной переработке Жития боярыни Морозовой // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 429—434; Краткая редакция Повести о боярыне Морозовой // Там же. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 341—350; 3) Реплика американскому ученому, профессору Г. Дьюи // РЛ. 1962. № 3. С. 223—224; 4) Из комментария к Повести о боярыне Морозовой // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 237—238; 5) Возможный автор Повести о боярыне Морозовой // Там же. Л., 1979. Т. 33. С. 338—342; Dewey H. W. The Life of Lady Morozova as Literature // Indiana Slavic Studies. 1967. Vol. 4. P. 74—87.

А. И. Мазунин

Повесть о бражнике («Сказание о некоем бражнике премудрем»; «Слово речено о бражнике, како вниде в рай Божий» и т. п.) — памятник смеховой литературы, представляющий собой переработку западноевропейского средневекового сюжета и получивший особое распространение в рукописной традиции XVII—XVIII вв. Если в западноевропейской версии этого текста в рай попадает после прений со святыми крестьянин (мельник), то в русском варианте аналогичная роль отводится пьянице. В этой связи можно предположить, что автор П. в процессе переделки заимствованного материала отталкивался от чрезвычайно популярных в древнерусской литературе дидактический сочинений, порицавших пьянство («Слово святаго Василия о пьянстве», «Слово святых отец о пьянстве ко всем крестьяном», *Слово о Хмеле* и др.). Так, в Слове о Хмеле, известном начиная с XV в., о пьянице говорится как о «блуднике», «к Богу не молебнике»; пьянство отнимает у человека ум («Аще познается (со) мною князь — учиню его безумна, люта на люди и немыслена») и приводит к отпадению от общества и Бога («А аще познается со мною болярин ... и, узрев его, добрый князь извержет его ис сану»; пьющая женщина «будет от Бога отлучена»). Между тем, главный герой П., напротив, «за всяким ковшем Господа Бога своего прославляет» (в варианте, опубликованном Г. Кушелевым-Безбородко, фраза, которая развивает эту тему — «и часто в нощи Богу молился», возможно, зеркально цитирует Слово о Хмеле, где о пьянице читаем: «пръвие доспею его ... на молитву невстанлива, а в нощь несонлива»); хитроумный бражник оказывается способным выиграть словесный поединок, который он ведет с райской стражей; все попытки возбранить ему вход в рай обречены на неудачу.

П. строится по цепному принципу (воспроизведение одинаковых ситуаций с заменой одного из двух действующих в этих ситуациях лиц). К «толкающемуся» в святые врата бражнику поочередно выходят навстречу апостолы Петр и Павел, царь Давид, Соломон, «святитель Никола» и Иоанн Богослов (в разных редакциях число этих персонажей может колебаться от шести до трех; чаще других выпадает из текста святой Николай). Райские служители повторяют одну и ту же формулу: «Бражником не входимо в рай». Герою, прибегающему к аргументам ad hominem, удается переспорить каждого из

них (например, он упрекает Петра в том, что тот трижды отрекся от Христа, но тем не менее пребывает рядом с ним; посрамленный Петр удаляется, уступая место новому участнику словесных состязаний). Цепная организация сюжета позволяет соотнести П. с кумулятивной сказкой. К сказачно-мифологической традиции восходит не только сюжетная форма этого произведения. Бражник просит всех, вступающих с ним в диалог, называть свои имена: «Ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». Поскольку после открытия имени райские обитатели попадают в проигрышное положение, постольку следует считать, что здесь присутствует реликтовое представление об опасности, возникающей при неосторожном произнесении имени, причем эта мифологема объединяется с другим древнейшим представлением — мотивом невидимости того, кто принадлежит к потустороннему миру. Однако оба мотива отрываются в П. от мифологической почвы, ибо выведывание имен дает герою возможность одержать верх над его оппонентами с помощью ссылок на такие данные, которые в рамках древнерусской культуры мыслятся в качестве исторических фактов.

Наряду со *Службой кабаку*, Службой пиворезам и некоторыми другими памятниками смеховой культуры XVII—1-й пол. XVIII в., П. относится к жанру сакральной пародии. В одних редакциях черты сакральной пародии нарастают, как, скажем, в списке, опубликованном Ф. И. Булгаковым, где в начале текста пьяный сон иронически освещается как сон аскета (бражник не только славил Бога за каждой чашей, но и «в нощи на камени спал»), или в тех ответвлениях текста, в которых герой, попадая в рай, занимает там самое почетное место. В других случаях эти черты ослабевают, например, благодаря введению морализирующего финала, как это имеет место в списке, изданном В. И. Срезневским и затем воспроизводившемся В. П. Адриановой-Перетц: «А вы, братия моя, сынове рустии, православныя християна, Богу молитеся..., а не упивайтесь без памяти, не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители». В 1664 г. П. попала в *Списки отреченных книг*. Вряд ли допустимо на этом основании утверждать, вслед за М. Н. Покровским, что в П. содержатся элементы «русского протестантизма». Пафос П. состоит не в призыве к пересмотру религиозно-обрядовой практики (цель, чуждая сакральной пародии), но, главным образом, в отстаивании права на воздаяние социально обездоленного персонажа (ср. сказку, которая завершается перемещением героя с низшей ступени общественной иерархии на высшую). В этом отношении П. родственна таким комическим текстам XVII в., как *Сказание о крестьянском сыне* и *Повесть о Шемякином суде*. В согласии с культурным контекстом этой эпохи (который характеризуется возникновением национальной драматургии, театрализацией жизни и распространением барочной метафорики, уравнивавшей мир со сценой) находится и стили-

стика П., отличающаяся преобладанием диалогического слова над монологическим.

Последние текстологические исследования позволили отнести создание П. к времени «ранее XVII в.» (О. Н. Фокина). Этот вывод сделан на основании датировки самого раннего списка, содержащего, однако, отнюдь не первоначальный текст П. — ГПБ, Солов. собр., № 1137/1247, л. 153 об. Список относится к нач. XVII в. 52 известных в настоящее временя списка П. подразделяются, по мнению О. Н. Фокиной, на 8 редакций. Эти редакции, в свою очередь, распадаются на две группы (по признаку наличия-отсутствия в концовке спора о лучшем месте). Все редакции П. возникли в XVII— 1-й трети XVIII вв., хотя большая часть списков (37) относится к более позднему времени — ко 2-й трети XVIII—1-й четв. XIX в. Причем «ни один из сборников XVII в. не включает произведений из круга демократической сатиры. Видимые признаки сознательного прикрепления Повести к сатирической, смеховой традиции XVII века появляются на более позднем этапе — в начале XVIII в.» (Фокина. Памятник ранней демократической сатиры.... С. 12).

Как показала Л. М. Лотман, П. вошла в число источников «Преступления и наказания» (именно на нее намекает пьяный Мармеладов, заявляя: «А пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия»). Ссылка на П. в романе Достоевского сопровождается полемикой с ее первым комментатором — К. С. Аксаковым, который полагал, что она оправдывает «пиршественную радость жизни» (ср. слова Мармеладова: «...не веселья жажду, а скорби и слез»).

Изд.: Русская беседа. 1859. № 6. С. 181—188 (с комм. К. С. Аксакова); Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859. С. 81—82, 171 (переизд.: Казань, 1914. Т. 1. С. 145—147; М., 1914. С. 177—179. Новосибирск, 1990. С. 129—130); ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 477—478; Булгаков Ф. И. Сборник повестей скорописи XVII века // ПДП: Доклад Комитета 16 декабря 1878 г. СПб., 1878—1879. С. 88—91. (ПДП, вып. 1); Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии наук в 1902 году // Известия имп. Академии наук. 1903. Т. 19, № 1. С. 98—99; Перетц В. Н. Из истории старинной русской повести // Университетские известия. Киев, 1907. № 8. Приложение. С. 71—76; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 346—347; 8-е изд. М., 1973. С. 447; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 107—109, 210—213, 275—277; 2-е изд. М., 1977. С. 85—86, 161—164, 213—215; Голубев И. Ф. Собрание рукописных книг г. Калинина: Приложение // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 461—463; Адрианова-Перетц В. П. Из истории текста антиклерикальных сатир: («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Савве») // Там же. Л., 1957. Т. 13. С. 497; Слово о бражнике, како вниде в рай / Подгот. текста и примеч. А. М. Панченко // «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 594—596, 779—780; Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. 2-е изд., испр. М., 1974. С. 238—240; Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг государственого архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 141—143 (публикация

Е. К. Ромодановской); Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980. С. 363—365; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 282—283; Фокина О. Н. 1) Бытование «Повести о бражнике» в сборниках XVII века // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 18—42; 2) Литературная история «Повести о бражнике» и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 169—171, 452—453 («Сокровища древнерусской литературы»); Повесть о бражнике / Подгот. текста и комм. А. М. Панченко // ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 222—224, 610—611; Соболева Л. С. Проблема человеческой судьбы в рукописном сборнике повестей строгановского крестьянина XVIII в. // Народная культура Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 19—21; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 469—471; 2-е изд. СПб., 1997. С. 469—471.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Русские народные легенды: (По поводу издания г. Афанасьева в Москве в 1860 г.) // Современник. 1860. Т. 80. С. 89—90 (переизд. в кн.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Казань, 1914. Т. 1. С. 220—221); 2) Для объяснения статьи о ложных книгах // ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1. С. 39; Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 562—563; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880. Т. 1. С. 497—500 (раздел написан А. Н. Веселовским); Веселовский А. Н. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // ЖМНП. 1888. Ноябрь. С. 87—116; Соколов М. И. О рукописном сборнике старинных повестей // Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 4—5 (второй пагинации); Сперанский М. Н. 1) История древней русской литературы: Московский период. М., 1921. С. 207—208; 2) Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С. 72, 157; Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 5-е изд. Пг., 1923. Ч. 2. С. 60—61; Адрианова-Перетц В. П. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 169—171; 2) Материалы к вопросу о русско-украинских связях XV—XVII вв. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 57—62; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 246—248; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 200; Назаревский. Библиография. С. 56—58; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 126—127, 151 и след.; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных русских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 166; Лотман Л. М. 1) Романы Достоевского и русская легенда // РЛ. 1972. № 2. С. 129—141; 2) Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 286—291; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 12, 76; Чередникова М. П. Древнерусские источники повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 361—369; Карпов Н. В. Сюжетные мотивы антиклерикальной сатиры XVII в. в русской нелегальной поэме XIX в. // Литература Древней Руси. М., 1978. Вып. 2. С. 84—95; Боева Л. 1) Русские сатирические повести XVII века // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. Славянски литератури. 1979. Т. 72, кн. 2. С. 163—227; 2) Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII веков. София, 1985. С. 86; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 374—375; Черная Л. А. Пародия на церковные тексты в русской литературе XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1980. № 2. С. 53—63; Судаков Г. В. Названия «питейной» посуды старой Руси // Русская речь. 1983. № 1. С. 90—97; Слизина И. А. Традиции ортодоксальной и апокрифической литературы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Русская литература 1870—1890 годов: Литература и философия. Свердловск, 1984. С. 63—64; Фокина О. Н. 1) Проблемы бытования сборников с «Повестью о бражнике» // Материалы XXIV Все-

союзной студенческой конференции: Филология. Новосибирск, 1986. С. 52—59; 2) Бытование «Повести о бражнике» в демократических сборниках XVIII—XIX вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 75—97; 3) Тобольские списки «Повести о бражнике» // Археография и изучение духовной культуры: III Уральские археографические чтения. Тезисы докладов. Свердловск, 1987. С. 48—49; 4) Археографический обзор списков Повести о бражнике // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. Новосибирск, 1988. С. 119—136; 5) Памятник ранней демократической сатиры в литературном процессе XVII—XVIII вв.: («Повесть о бражнике»). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1988; 6) Жанровое своеобразие «Повести о бражнике» // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф., 7—9 декабря 1988 г. Томск, 1990. С. 24—25; Peters J.-U. Die russische Satire im 17. Jahrhundert: Überlegungen zur Gattungstradition und Funktionsgeschichte // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen. Wiesbaden, 1987. S. 133—154; Серман И. Царев кабак и его отражение в русском литературном процессе 17 столетия // Filologia e letteratura nei paesi slavi: Studi in onore di Sante Graciotti. Roma, 1990. C. 455—466; Malek E. «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. С. 10, 47; Ромодановская Е. К. Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников. II. Повесть о бражнике // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 13—16; Семячко С. А. 1) К интерпретации «Повести о бражнике» // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 405—409: 2) Древнерусская «Повесть о бражнике» и западноевропейские варианты обработки этого сюжета // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 7—13; Литература Древней Руси. С. 145—146.

С. А. Семячко, И. П. Смирнов

Повесть о Брунцвике — переводная рыцарская повесть, появившаяся в русской литературе не позже сер. XVII в. Оригиналом для русского перевода послужила либо чешская рукопись, типа списка из Университетской библиотеки в Праге,' XI.B.4, сер. XV в., либо какое-то печатное издание (самое раннее, оломоуцкое 1565 г., до нас не дошло, а издания 1691 г. и другие с русским переводом не совпадают). Чешские повести о Брунцвике восходят к средневековой немецкой поэме конца XIII или нач. XIV в. о Рейнфриде Брауншвейгском. В чешском варианте П. ей предшествует рассказ об отце Брунцвика Штильфриде, на русский язык не переведенный. Штильфрид помог неаполитанскому королю Астрологу в борьбе с английским королем Философом. В награду в чешский герб с изображением котла был добавлен орел, а дочь Астролога Неомения была выдана за Брунцвика замуж. Брунцвик продолжает дело своего отца и отправляется в странствие, чтобы получить на герб изображение льва. Он должен вернуться домой через семь лет и дать знать Неомении о себе при помощи кольца. Если через семь лет он не вернется, Неомения может снова выйти замуж. Далее П. рассказывает о приключениях Брунцвика, попавшего сначала на магнитную гору, затем унесенного оттуда птицей ног. Брунцвик получает в спутники льва, которому он помог одолеть змея-василиска, попадает в страну царя Олимбриуса, у которого два рта и две пары глаз —

спереди и сзади, освобождает его дочь, находит в замке Олимбриуса меч-кладенец, убивающий всех врагов хозяина. Этим мечом он убивает Олимбриуса и его дочь Африку и пускается в дальнейшие странствия по землям и островам, где встречает много диковинок — людей, опаляющих огнем, людей-«неведомцев», царь которых Астриол хотел посадить Брунцвика на огненного коня. С помощью волшебного меча и льва Брунцвик побеждает всех и возвращается в Прагу как раз в тот момент, когда отец Неомении собирается выдать ее замуж за асирского князя Клеофа. Под видом странника Брунцвик появляется на свадьбе своей жены и, с помощью перстня, опущенного в кубок, дает ей знать о своем прибытии. Победив на поединке Клеофа, Брунцвик возвращается к жене и живет еще тридцать пять лет, у них рождается сын Владислав. После смерти Брунцвика лев затосковал и умер на гробнице князя. Брунцвик достиг своей цели: на чешском гербе стали изображать льва на черном поле.

П. была очень популярна на Руси и сохранилась в большом количестве списков. В истории Брунцвика читатель XVII в. на каждом шагу наталкивался на знакомые ему по другим произведениям ситуации: муж на свадьбе своей жены (ср. былину о Добрыне и Алеше Поповиче); меч-кладенец (ср. Повесть о Петре и Февронии, см. *Ермолай-Еразм*); лев, служащий спасшему его человеку и умирающий на его могиле (ср. патериковый рассказ о льве аввы Герасима или античный сюжет об Андронике и льве, пересказанный *Симеоном Полоцким*). Птица ног фигурирует а *Апокрифах о Соломоне*, в русских сказках. Хорошо знакомы древнерусской литературе и фольклору сюжеты о змееборцах. Наконец, сведения об удивительных странах и чудовищах русский читатель находил в Александрии (см. *Александрия Хронографическая* и *Александрия Сербская*), *«Откровении» Мефодия Патарского, Сказании о Индийском царстве.*

В нач. XVII в. на Руси уже были известны рыцарские романы — *Повести о Бове* и *о Еруслане Лазаревиче*, во многом близкие П. А. М. Панченко указывает, что П. отличается от них своеобразием главного героя. Если Бова и Еруслан ищут опасностей и сражений, отправляются в путь, чтобы испытать свою богатырскую силу и доказать свое превосходство, то Брунцвик скорее робок и боязлив: он боится льва, побеждает только с помощью волшебных сил; поступает не по-рыцарски, убивая Африку и ее отца (правда, подобное немотивированное убийство совершает и Еруслан Лазаревич). П. удовлетворяла разнообразным интересам читателей: мотив добывания герба был понятен на Руси, где в 1670-х гг. разрабатывалась русская геральдика, зафиксированная в *Титулярнике* 1672 г. Для читателя XVII в. чудеса и чудовища П. были вполне реальны, подобного рода сведения он находил даже в сочинениях географического характера.

В 1892 г. Й. Поливка разделил известные ему 15 списков П. на три вида: краткий (первая редакция), пространный (вторая ре-

дакция), список С. Кульбнцкого (третья редакцня) н особый спнсок И. А. Шляпкина, представляющий в своей первой части один из видов краткой редакцни, а затем дающий индивидуальную переработку текста. А. М. Панченко, расширивший круг прнвлеченных к исследованню спнсков до 35-ти, уточнил деленне Й. Поливки. Так, краткая (первая) редакция подразделяется на трн вида — основной (первая и вторая группы), вид А и внд Б. Пространная редакцня нмеет промежуточный внд н основную группу с видами А и Б. Третья редакция, как у Й. Поливки, представлена списком С. Кульбнцкого, а список И. А. Шляпкнна выделен в четвертую редакцню. М. Н. Сперанский называет еще два списка, не привлеченные в работе А. М. Панченко — ГБЛ, собр. Тнхонравова, № 480 н ГИМ, собр. Уварова, № 578.

Характерной особенностью рукопнсной традицни П. является ее бытование в поздних спнсках. Всего несколько из ннх датнруются XVII в. (самый раннний — БАН, 34.8.25, 3-я четв. XVII в.), большинство же относится к XVIII и XIX вв. Древнерусские произведення беллетристического жанра обычно подвергалнсь в XVIII в. значительным переработкам, иногда пересказывались, так что каждый список представлял собой индивидуальный вариант (ср., напрнмер, *Повесть о Аполлонии Тирском*). Так обстоит дело н с П., нз разновидностей которой одним списком представлены вид А краткой редакции (ГПБ, собр. Титова, № 483, 1781 г.), вид Б краткой редакции (ГПБ, собр. Колобова, № 397, 1801—1802 гг.), промежуточный внд пространной редакцин (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 486, 2-я пол. XVIII в.), третья редакцня (ГБЛ, собр. Ундольского, № 664, 1753 г.), четвертая редакцня (Научная бнблиотека Саратовского ун-та, собр. Шляпкина, № 379, конец XVIII—нач. XIX в.).

В 1888 г. М. Петровский издал текст П. по одному списку (БАН, собр. Текущих пост., № 15; по классификацнн А. М. Панченко, он относится ко второй группе основного внда краткой редакцин). Й. Поливка напечатал тексты краткой и пространной редакцин параллельно, создав сводный текст каждой нз ннх н указав в разночтеннях чтения других списков, а также отдельно текст третьей редакцнн (ГБЛ, собр. Ундольского, № 664, список С. Кульбнцкого) н вторую, индивидуальную часть четвертой редакцни (собр. Шляпкнна, № 379). Й. Полнвка издал и чешскнй текст, но не по спнску Уннверситетской бнблнотеки в Праге, а по более далекому от русского перевода спнску Баворовского 1472 г. Список БАН, 34.8.25 издан А. М. Панченко в ПЛДР; нм же в книге «Чешско-русские литературные связн XVII века» составлен археографическнй обзор 35-тн списков П.

Изд.: Петровский М. История о славном короле Брунцвике. СПб., 1888. С. 1—76. (ПДП, вып. 75) (рец.: Murko M. // Archiv für slavische Philologie. 1891. Bd 13. S. 300—308); Polívka J. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře. Praha, 1892 (рец.: Шеффер П. // Библиограф. 1894. Вып. 2. С. 82—83; Сперанский М. Н. // Древ-

иостн: Труды Славянской комнссии нмп. Московского археологнческого общества. М., 1895. Т. 1. С. 283—284); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 374—388, 647—650 (подгот. текста и комм. А. М. Паиченко).

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерк литературиой истории старииных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 223—228; 2) Для любителей книжиой старины: Библиографический список рукописиых романов, повестей, сказок, поэм н пр., в особеиности из первой половииы XVIII в. М., 1888. С. 8—9; 3) Дополнения к бнблиографическому списку рукописиых романов, повестей и пр. первой половииы XVIII в. // Сборник Общества любителей российской словесиости иа 1891 г. М., 1891. С. 543; 4) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2. С. 515—518; Галахов А. История русской словесиости, древией и иовой. 3-е изд. М., 1894. Отд. I: Древиерусская словесность, § 27: Памятиики литературы повествовательиой. С. 444—448 (раздел иаписаи А. Н. Веселовским); Снповский В. В. Очеркн по истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1, вып. 1. С. 380; СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 71, 73, 136; Орлов А. С. Переводные повести феодальиой Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 136—142; Адриаиова-Перетц и Покровская. Древиерусская повесть. С. 160—163; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 387—390; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 426—428; Назаревскнй. Библиография. С. 58; Сперанский М. Н. Рукопнсиые сборники XVIII века. М., 1963. С. 157; Паичеико А. М. Чешско-русские литературиые связи XVII века. Л., 1669. С. 85—136; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 479—484 (раздел иаписан А. М. Панченко); Baumann W. Der Sage von Heinrich dem Löwen bei den Slaven. München, 1975; Исторня русской литературы XI—XVII веков. М., 1980. С. 381—383 (раздел написан А. М. Панченко); Исторня русской литературы. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 348—349, 351—354 (раздел написан А. М. Панченко); Мелнхов М. В. «Гнсторня о короле Брунцвнке»: (По вычегодскому списку XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 544—550.

М. Д. Каган

Повесть о Валтасаре королевиче — сказочно-авантюрная повесть конца XVII в. о женской неверности и лукавстве. Совпадение имени героя П. с именем библейского персонажа Валтасара Вавилонского (ср. *Повесть о Валтасаре Вавилонском*) имеет случайный характер. По своему содержанию П. близка восточной сказке, сюжет ее составляют несколько эротических эпизодов из жизни прекрасного и добродетельного королевича Валтасара и его друга-царя, которым изменяют их красавицы-жены и сожительница. Темой, которая объединяет все эпизоды П., является женская неверность, коварство и хитрость. Неверность жены Валтасара «прекрасной Фларенты» противопоставлена добродетельности купеческой жены; низость страсти царской жены подчеркивает ее измена красавцу-мужу с уродом-«поползнем»; изощренное женское хитроумие в любви проявляет заточенная в башне наложница королевича и царя, сумевшая обмануть их обоих с юным отроком; красавица обманывает даже царя-оборотня, носившего ее с собой повсюду в виде золотого кольца. В традиции древнерусского повествования автор П. рассказывает этот занимательный сюжет с целью подтвердить мораль слов Иоанна Златоуста «о злых женах», «угодницах сатаны».

Впервые в научный оборот П. была введена А. Н. Пыпиным в 1857 г., который знал ее по рукописному сборнику XVIII в., принадлежащему И. Е. Забелину (№ 67). И. Н. Жданов исследовал П. по списку Д. В. Пискарева, описанному А. Е. Викторовым (Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871. № 172, С. 44). По этому дефектному списку (без окончания) в 1923 г. было осуществлено издание текста.

Специальное исследование П. было предпринято И. Н. Ждановым и С. Ф. Ольденбургом, изучавшим ее в сопоставлении с восточными и западноевропейскими сказочными сюжетами, русскими сказками и былинами. И. Н. Жданов считает П. русской обработкой перевода, занесенного с Запада, или «переводной европейской новеллой». И. Н. Жданов сюжетные параллели к П. находит в нескольких разнородных, устных и письменных — восточных, западноевропейских, русских и венгерских источниках: в одном из рассказов Тысячи и одной ночи (о братьях Шахриаре и Шахзенане), в переложении этой новеллы итальянским писателем XV в. Джованни Серкамби, в 28-й песне поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» и в последующих французских подражаниях этой песне, одно из которых принадлежало Лафонтену, наконец, в смоленской сказке о петербургском купце Гулитове и Ваксонском королевиче. Разыскания о каждом из этих источников И. Н. Жданов снабжает основательными библиографическими сведениями и изданием текстов. Так как в арабской сказке и ее переложении Серкамби отсутствует эпизод о тройном сожительстве, а в поэме Ариосто нет заключительного эпизода, И. Н. Жданов определяет П. как некий «свод» всех сюжетов, известных по арабским и по итало-французским произведениям. Со смоленской сказкой П. расходится только в одном заключительном эпизоде: в сказке повествование о царе-льве-оборотне заменено традиционным сказочным эпизодом о муже-пахаре, носящем за спиной короб с женой и ее любовником. (И. Н. Жданов приводит к этому сказочному эпизоду близкие параллели из венгерской и ингушской сказок.) На основе этого сопоставления И. Н. Жданов приходит к выводу о «факте параллелизма книжной повести и народной сказки» и о двух разных, но близких друг другу западных источниках П. и русской сказки.

Однако выявление устных и литературных параллелей к сюжету П. еще не позволяет наметить конкретных текстологических соотношений между ними и П. Возможно, определить отсутствующее звено, через которое иноземные источники, названные И. Н. Ждановым, могли появиться на русской почве, удастся, когда будет изучена судьба первых русских переводов арабских сказок Тысяча и одной ночи и их западных переработок XV—XVIII вв. Литературную историю П., наверное, удастся уточнить и в том случае, если

будет привлечен не использовавшийся до сих пор список И. Е. Забелина.

Остается не вполне выясненной степень оригинальности П. Кроме отмеченных И. Н. Ждановым слов западноевропейского происхождения («кралевичи», «рыцари» и др.), ей присущи и другие языковые и стилистические особенности русских повестей рубежа XVII и XVIII вв., в частности, сочетание при обращении к любовной тематике неологизмов и традиционных книжных выражений («хартия», «стрельня», «вапы», «ланиты» и др.), наличие элементов русской народно-поэтической речи и разговорного языка (например, «жена его озорничает»).

Изд.: Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 62—63, 86—92.
Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 289; Жданов И. Н. Повесть о королевиче Валтасаре и былины о Самсоне Святогоре // ЖМНП. 1901. № 5. С. 1—24 (то же в кн.: Жданов И. Н. Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 842—869); Ольденбург С. Ф. 1) О черновой рукописи III части исследования о «Валтасаре» // Жданов И. Н. Соч. СПб., 1907. Т. 2. С. 511—512; 2) Отзвук мотива из «Валтасара» в олонецкой сказке // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. С. 565—566; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 163—164.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о Василии Златовласом — переводная или оригинальная повесть XVII в. Мнения исследователей относительно датировки, происхождения, жанровой принадлежности памятника значительно расходятся. Традиционно П. включается в круг переводных литературных памятников, предположительно чешского происхождения, что в значительной степени объясняется реалиями П., в которой главным героем выступает чешский королевич, а действие частично развивается в Праге. Сюжет П. близок к сюжету сказок о гордой царевне: королевич Василий Златовласый ищет себе невесту и узнает о прекрасной Полиместре, королевне французской. Но его сватовство отвергнуто из-за гордыни короля Карлуса и его дочери. Тогда королевич Василий под видом раба чешского купца плывет во Францию, чтобы поквитаться с обидчиками. Игрой на гуслях он привлекает к себе внимание короля и королевны, король покупает его. Королевич строит дом близ королевского дворца, заманивает в дом и одаривает служанок королевны. На третий раз, переодевшись служанкой, к нему приходит сама королевна. Королевич Василий наказывает ее плетью, лишает девичьей чести, дарит ей золотой венец; королевна признает в нем отвергнутого жениха, умоляет жениться на ней. Но королевич отплывает в Чехию, оставив на воротах дома ко всеобщему обозрению «лист» с рассказом о случившемся и сообщает свое настоящее имя. После трех посольств от короля Карлуса Василий женится на Полиместре. Повествование осложнено некото-

рыми деталями: аллегорической надписью на чаше, которую посылает королевич со сватами и которую королевна разбивает об пол; волшебным характером игры на гуслях, от которой все то танцуют, то вдруг засыпают; снами-загадками, которые загадывает королевич королю Карлусу. Варьируются в списках имена главных героев П.: чешский король в начале повествования именуется Мстиславом, потом Станиславом; королевич в начале П. носит имена Валамих, Валамем, Валаомем, «еже есть Василий», а потом называется только Василием; в одном из списков имя французского короля Карлуса читается в формах Корлус-Курлус.

Впервые П. была опубликована И. А. Шляпкиным в 1882 г. по единственному известному тогда списку (ГПБ, собр. Погодина, № 1603). Во вступительной статье И. А. Шляпкин отметил близость П. к народному эпосу, предположил, что на Русь она попала через Польшу, высказал надежду на обретение в будущем ее чешского оригинала. Хотя ни чешский, ни польский тексты П. до сих пор не обнаружены, точка зрения И. А. Шляпкина о чешском происхождении П. и промежуточном польском ее переводе была поддержана А. Н. Веселовским, А. Н. Пыпиным, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием, В. П. Адриановой-Перетц и др. К мнению о польском происхождении П. склонялся Ю. Кжижановский, к мнению о польско-литовском ее происхождении — Ф. Вольман. В 1941 г. Н. А. Бакланова в краткой вступительной статье к подготовленному ею изданию П. по четырем спискам (ИРЛИ, Древлехранилище, собр. ИМЛИ, № 44—машинопись) высказала предположение о переводе П. с немецкого языка. А. Вайян предложил гипотезу о южнославянском (Далмация) происхождении П. и последующем проникновении ее на Русь через молдаво-валашское посредство. Противоположная точка зрения нашла отражение в работах А. Д. Григорьева, А. В. Флоровского и А. М. Панченко, которые считают, что в тексте П. не содержится заметных следов западного оригинала. К сходным выводам пришел В. П. Бударагин, отметивший в П. несколько грецизмов.

Отдельного упоминания заслуживает монография С. Матхаузеровой, где дан подробный обзор литературы, посвященной П., и где она рассмотрена в широком историко-филологическом и культурологическом контексте. Основываясь на мнении А. Вайяна, усматривавшего в историческом фоне повествования черты, напоминающие Чехию эпохи Карла IV, но восходящие к Чехии времен Карла Великого, исследовательница приводит многочисленные исторически документированные аргументы в пользу чешского происхождения П. Однако, при всей солидности приведенной аргументации, исследовательница не склонна делать категорических выводов, оставляя за будущими учеными право внести коррективы в ее работу.

Уже первые исследователи П. отмечали сходство ее сюжета с произведениями устного народного творчества. В качестве сюжетных аналогий привлекались былины о Соловье Будимировиче и Василии Окульевиче, А. Н. Веселовский рассматривал П. в сопоставлении со сказками о мудрой деве и разборчивой невесте. Напротив, сопоставление П. с другими повестями и «гисториями» конца XVII—1-й пол. XVIII в. не привело к однозначным результатам. В 1915 г. была опубликована «История о французском сыне». В предислови к публикации С. Ф. Елеонский прямо указывал, что «История» является русской переделкой западного оригинала, а непосредственным источником ее должно считать П. В следующем году появилась статья А. Д. Григорьева, в которой он пересказал содержание обнаруженной им Повести о Франце Мензолиусе и, сопоставляя ее с П., пришел к выводу о том, что последняя «является неаккуратной переделкой другого произведения, по-видимому истории об испанском королевиче Франце». Однако в 1959 г. М. В. Николаева, сравнивая эти две повести, пришла к прямо противоположному выводу. Она утверждает, что «сказочный сюжет о добывании невесты хитростью проник в Историю о Франце не непосредственно из сказок, а через повесть о Василии Златовласом». Вопрос о взаимоотношении этих трех повестей нуждается в дальнейшем изучении. Что же касается сказочного сюжета о гордой царевне, то его структура последовательно воспроизведена только в «Истории о французском сыне»; в Повести о Франце Мензолиусе отсутствуют мотивы сватовства героя, уничижительного отказа и последующего наказания обидчицы; в П. отсутствует мотив изгнания королевны, наказание героини распадается на части, она подвергается сначала личному поруганию, а потом публичному осмеянию; в ряде мотивов сказка и П. не совпадают композиционно.

Разные исследователи, в зависимости от их взглядов на происхождение П., датировали ее по-разному — от XIV до нач. XVIII столетия. Появление ее в древнерусской литературе следует, вероятно, отнести к последним десятилетиям XVII в. В настоящее время известно семь списков П., причем один из них, изданный И. А. Шляпкиным, представляет собой пространную редакцию П., остальные шесть (ГИМ, собр. Барсова, № 2410; Музейское собр., № 1283; ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 286; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324; Государственный архив Калининской области, ф. 1409, оп. 1, № 779; БАН, 45.8.170) относятся к краткой ее редакции. Список ИРЛИ был издан В. П. Бударагиным в 1981 г., список БАН воспроизведен фототипически в монографии С. Матхаузеровой. Местонахождение известного по библиографии списка из собр. Титова, № 4105 пока не установлено. Самый ранний список П. датируется 1730-ми гг., самый поздний — 1790-ми.

Изд.: Шляпкин И. А. Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли. СПб., 1882; Саводиик В. Хрестоматия для изучения истории русской словесности. Вып. 2: Древнерусская письменность: (до конца XVII в.). 2-е изд. М., 1917. С. 305—307 (фрагмент); Бударагин В. П. Краткая редакция Повести о Василии Златовласом // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 193—208; Mathauserová S. O Vasiliji Zlatovlasém, kralevici České země. Praha, 1982; Повесть о Василии Златовласом // ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 389—406, 650—651; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 109 —129. (Б-ка русской фантастики, т. 2).

Лит.: Снегирев И. О лубочиых картинках русского народа // Сборник исторических и статистических сведеиий о России. М., 1845. Т. 1. С. 215; Веселовский А. Н. Повесть о Василии королевиче Златовласом чешския земли и народные сказки // СОРЯС. 1883. Т. 32, № 7. С. 62—80; Халанский М. Г. 1) Великорусские былииы киевского цикла. Варшава, 1885. С. 144—166; 2) Южиославяиские сказания о кралевиче Марке в связи с произведеииями русского былевого эпоса. Варшава, 1894. Ч. 2. С. 327—335; Миллер В. Очерки русской иародной словесиости. М., 1897. С. 212—216; Пыпин А. Н. История русской литературы. 4-е изд. СПб., 1911. Т. 2. С. 507—509, 543—544; Елеоиский С. История о фраицузском сыие: Новая народиая повесть XVIII в. // ЧОИДР. 1915. Ки. 3. Отд. III. С. 14—23; Григорьев А. Д. Повесть о чешском королевиче Василии Златовласом и История об испаиском королевиче Францс // Варшавские университетские известия. Харьков, 1916. Ки. 4. С. 1—32; Пиксаиов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 61; Орлов А. С. Переводиые повести феодальиой Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 129—136; Florovskij A. 1) Ein angeblicher Bohemismus in der Erzählung von Vasilij Zlatovlasyj // Zeitschrift für slavische Philologie. 1935. Bd 10, H. 2. S. 103—106; 2) Чешские струи в истории русского литературиого развития // IV Международиый съезд славистов: Славяиская филология. Сб. статей. М., 1958. Т. 3. С. 242—245; Jakobson R. Vasilij Zlatovlasý, kralevic České země // Lidové noviny. 1939. 28 srpna; Адриаиова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 164—166; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 390 (раздел иаписан В. П. Адриаиовой-Перетц); Назаревский. Библиография. С. 85—86; Гудзий Н. К. История древнерусской литературы. М., 1956. С. 444—445; Wollman F. Slovanství v jazykově literárním obrození u Slovanů. Praha, 1958. S. 47; Vaillant A. L'Histoire de Basile aux cheveux d'or prince tchèque // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1959. Књ. 25, св. 3—4. С. 237—240; Procházková H. Po stopách dávného přátelství: Kapitoly z česko-ruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959. S. 102—103; Николаева М. В. Повесть о Фраице-Имензолиусе гишпаиском: (Из истории рукописной литературы XVIII века) // Уч. зап. ЛГПИ. Л., 1959. Т. 198. С. 3—25; Панченко А. М. 1) Вопросы изучеиия чешско-русских литературиых связей // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 644—645; 2) Чешско-русские литературиые связи XVII века. Л., 1969. С. 10—13; Krzyżanowski J. Polska bajka ludova w układzie systematycznym. Wrocław, 1962. Т. 1. S. 272—273; Бударагии В. П. О происхождеиии «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 268—275; История русской литературы XI—XVII веков. М., 1980. С. 387—389 (раздел написаи А. М. Панченко); Baumann W. 1) Der Widerspenstigen Zähmung: Kommentar zur altrussischen Erzählung über Vasilij Zlatovlasyj. Hamburg, 1984; 2) Die altrussische Erzählung über Vasilij Zlatovlasyj — böhmisch oder nicht? // Bohemia: Zeitschrift für Geschichte und Kultur der böhmischen Länder. München, 1985. Bd 26, H. 2. S. 372—376; Матхаузерова С. «Повесть о Василии Златовласом», ее система и функция // Проблемы изучения культуриого наследия. М., 1985. С. 208—215; Росовецкий С. К. Одно из стилевых течений русской беллетристики второй половииы XVII—иачала XVIII в. и провинциальиый книжник Федор Злобии // Киижные цеитры Древией Руси: XVII век. Разные аспекты исследоваиия. СПб., 1994. С. 315—375.

В. П. Бударагин

Повесть о взятии Азова — публицистическое произведение, написанное анонимным автором в первом десятилетии XVIII в., между 1701 и 1707 гг., и посвященное взятию Петром I Азова в 1696 г., а также основанию Таганрога и Керченскому морскому походу 1699 г. История взятия Азова представлена в П. несколько односторонне — в основном как результат военных действий казаков. Из всех действующих под Азовом военачальников, кроме Петра I, автор упоминает только казачьих атаманов Леонтия Поздеева и Фрола Минаева. По-видимому, основной текст П. заимствован из реляций, отправлявшихся из-под Азова в Москву. Так, среди документов, опубликованных в ДРВ (2-е изд. Т. 16. С. 264—266, 271—277) под названием «Сказание о взятии Азова», встречаются тексты, полностью совпадающие с фрагментами П. («Сказание» см. также в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 1609, л. 270 и след.). На один из документов — лист гетмана (Мазепы, хотя имя его не названо) от 19 июня 1696 г. — есть ссылка и в самой П. В распоряжении автора были разряды, упоминавшие о гибели тех или иных знатных людей («И на том бою от меча падоша знатных людей человек 18, в том числе убит зело добр воин стольник Сила Васильев сын Лихарев»). Возможно, автор и сам принимал участие во взятии Азова или пользовался информацией кого-либо из очевидцев, на что указывают некоторые подробности и детали повествования: «И лутчего мурзу убили, у которого сидит Василей Воейков. И голову ево в обоз привезли, великий был наездник. Убил ево яицкий казак ис пищали в самую голову». В некоторых случаях заметно авторское отношение, комментарий к излагаемому. Заканчивая историю выдачи турками Якушки (голландского матроса-изменника Якоба Янсена, перешедшего на сторону турок во время первой осады Азова русскими в 1695 г.), автор пишет: «Изменника немчина Якушку везли, распетля на чепях, как Стенку Разина. Казнь ему была в Преображенску, руки и ноги ломаны колесом, а потом голову отсекли». Других казаков, оказавшихся у турок в Азове и по возвращении подвергнутых наказанию, называют в П. «охреяны»; так во времена Петра I называли раскольников (см.: Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 774).

Обращение к документальному материалу определило документально-публицистический характер П. Она написана деловым языком реляций и петровских «Ведомостей», в сочетании с разговорными оборотами непосредственного свидетеля событий (например: «Толко в самом Азове долго будет чистить и ровнять, престрашно от бомбов разорен, ни малого места целого нет»). Документальность П. подкрепляется ее хронологическим членением: каждое новое событие начинается с даты, сначала только с упоминания года, а затем, по мере конкретизации событий, с месяца и числа. Эта хронологическая сетка придает П. вид дневниковых записей, типичных для публицистики петровского времени, и ставит ее в один ряд с

«поденными записками», «журналами» и мемуарной литературой конца XVII—нач. XVIII в.

Скорее всего, П. создавалась в Москве. В ней использован еще один, особый вид источников: работы известного петровского гравера голландца Адриана Шхонебека, принятого на царскую службу Ф. А. Головиным. История взятия Азова заканчивается текстом, заимствованным из подписи к гравюре «Взятие Азова», созданной А. Шхонебеком в 1699 г. (см. ГПБ, отдел эстампов, Э $\frac{\text{ПогЛ}}{9\text{–}396}$). На гравюре изображена панорама Азова и расположение войск. На переднем плане помещен Петр со своими генералами и адмиралами — Шеиным, Лефортом, Гордоном, Головиным, которым инженер Тиммерман показывает карту азовских укреплений. Все объекты гравюры, в том числе и лица, помечены номерами, под которыми они поясняются в подписи. Эти номера перенесены и в текст П.

Далее автор переходит к событиям, происшедшим три года спустя после взятия Азова. Не касаясь поездки Петра в Европу, он очень кратко упоминает о постройке флота в Воронеже и об основании Таганрога. Более подробно изложена история морского похода каравана судов в Керчь в 1699 г. Она в основном заимствована из текста, сопровождающего карту Азовского моря, гравированную А. Шхонебеком в 1701 г. для адмирала Ф. А. Головина. Оригиналом гравированной карты считается чертеж, сделанный участником похода капитаном корабля «Крепость» Ф. Памбургом, хотя текст И. Голикова не дает точного указания на участие в составлении оригинала именно Ф. Памбурга (см.: Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 1. С. 345—346). В настоящее время известны две рукописные карты Азовского моря, не вполне идентичные, но близкие гравюре А. Шхонебека, — в ГИМ (см.: Незнамов П. А. Карта Азовского моря 1699 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 14. С. 73—81) и в РО БАН, № 20. На обороте экземпляра БАН находится французская подпись: «Carte de l'expedition sur la Mer d'Azow, entreprise l'an 1699 par Pierre le Grand. En car[actère] Russe» (см.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. № 591, С. 375—376); текст с карты А. Шхонебека помещен не полностью. На рукописной карте ГИМ текста нет. Из текста гравированной карты в П. взяты названия судов и имена их капитанов; суда назывались «Скарпиюм», «Начанье благодатства», «Свет воинской», «Отворены врата», «Сила», «Мочь», «Буйство», «Без страху», «Святой апостол Петр», «Меркириус», две галеры — «Правда», «Заец стоячей». В работе С. Елагина, посвященной истории Азовского флота, названия судов, взятые из документов Министерства иностранных дел (Турецкие дела 1699 г. № 9. Св. 17), звучат несколько иначе (так, галеры называются «Периная тягота» и «Заячий бег»»). Таким образом, памятники гравировального и картографического искусства интересовали автора только в

их текстовой части, только как «чертежи», послужившие, наряду с военными донесениями, источниками для его компиляции.

Выбор источников указывает на то, что автор П. был связан с деловой или, возможно, даже с дипломатической средой. Он хорошо представлял себе значение, которое имело присоединение Азова. Он понимал связь событий. Борьба за причерноморские крепости помогала укреплению России на южных морских путях. Об этом шла речь на мирном конгрессе в Вене в 1698 г., где русские интересы представлял посол *П. Б. Возницын*, и на мирных переговорах в Константинополе в 1699 г., которые вел начальник Посольского приказа Е. И. Украинцев. Керченский поход Азовского флота, в котором принимал участие царь Петр, был предпринят как для разведки морского пути, так и для сопровождения до Керчи корабля «Крепость», на котором отправлялся в Константинополь Е. И. Украинцев. То, что в рукописях вслед за П. помещались материалы, касающиеся посольства Е. И. Украинцева, следует, по-видимому, считать элементом авторского замысла: посольство было закономерным завершением тех событий, о которых рассказывалось в П.

В словарях древнерусских авторов, начиная с XVIII в., произведение, посвященное взятию Петром Азова и основанию Таганрога, атрибутируется боярину Алексею Семеновичу Шеину. «Шейн Алексей Семенович, боярин. Его сочинения Журнал о походе к Азову и о построении крепости Таганрога 1697 г. рукописною книгою хранится в императорской библиотеке» (Словарь исторический, или Сокращенная библиотека. М., 1798. Ч. 14. С. 161). Евгений Болховитинов (Словарь. Т. 2. С. 249) указывает, что Журнал боярина А. С. Шеина о походе 1697 г. (так!) к Азову и о построении крепости Таганрог напечатан в ДРВ и издан В. Г. Рубаном в 1773 г. Боярина А. С. Шеина как автора отмечает в своем словаре И. У. Будовниц (Словарь. С. 370) со ссылкой на Евгения. Однако тексты, напечатанные В. Г. Рубаном под названием «Поход боярина и большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову...» (они же встречаются в рук. ГПБ, F.IV.126; БАН, 32.6.24), и тексты в ДРВ (2-е изд. Т. 16) — не одно и то же. У Е. И. Рубана приведены материалы типа разрядов с минимальным количеством повествовательного текста; в ДРВ помещены реляции и письма из-под Азова, и обе публикации не тождественны тексту П. К последней боярин А. С. Шеин не может иметь отношения: он умер в 1700 г., в то время как автор воспользовался картой А. Шхонебека, опубликованной в 1701 г. Вообще имя А. С. Шеина упоминается в П. только дважды: в первом случае оно взято из подписи к гравюре А. Шхонебека, во втором оно фигурирует в кратком упоминании о походе из Воронежа к Азову в мае 1699 г.

П. известна в двух списках нач. XVIII в. Список ГПБ, F.XVII.10, переписанный в 1707 г. (см. запись на л. 570: «Писал Иван Васильев сын Валяев лета 1707»), происходит из библиотеки князя Дмитрия

Михайловича Голицына (см.: Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 242). В конфискационной описи 1737—1738 гг. (ЦГАДА, ф. 340, оп. 1, д. 7, № 13981) рукопись эта значится под № 29. П. во многом соответствовала интересам Д. М. Голицына, бывшего в 1701 г. посланником в Константинополе и добивавшегося там свободного плавания русских судов по Черному морю. Кроме П., материалов о посольстве Е. И. Украинцева и материалов по истории Северной войны, в состав рукописи входят сочинения эсхатологического характера, типичные для старообрядческих сборников. Вторая рукопись — ГПБ, Q.XVII.46 по своему составу ближе интересам людей делового круга: кроме П. и материалов о посольстве Е. И. Украинцева, она содержит материалы о Северной войне за 1701—1704 гг., историко-географические отрывки, роспись монастырям и пр.

Оба списка можно считать идентичными, хотя есть несколько примет, говорящих о первичности текста в списке Q.XVII.46: в нем сохранились глухие ссылки на гравюры А. Шхонебека — «выписано ис печатных государевых чертежей», с пометами на полях — «первой чертеж», «2-й чертеж». В списке F.XVII.10 эти ссылки убраны, и взятый из гравюр А. Шхонебека текст органически включен в П. В нескольких случаях слова, написанные в списке Q.XVII.46 между строк, в F.XVII.10 внесены в текст. Таким образом, список F.XVII.10 представляет собой окончательную редакцию П. Текст П. не опубликован.

Лит.: Елагин С. История русского флота: Период Азовский. СПб., 1864. С. 41—50, 124—137; Приложение. Ч. 1. С. 429—446; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 91—96, 119—121; Ровинский Д. 1) Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 3. № 454, Стб. 1651—1653; 2) Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895. Т. 2. № 23, 30, Стб. 1227—1228; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 432—459; Макаров В. К. Русская светская гравюра первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 220—221.

М. Д. Каган

Повесть о взятии Смоленска — легендарно-историческое произведение XVII в. П. дошла в составе трех летописцев неофициального характера сер. XVII—XVIII вв. в окружении других легендарно-исторических повестей (*Сказание о убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы, Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине* и др.), а также в составе Латухинской степенной книги конца XVII—нач. XVIII в. (см. *Тихон Макарьевский*). Из сохранившихся списков (ГИМ, Музейское собр., № 3996; собр. Забелина, № 263; ГПБ, Q.XVII.252; ИРЛИ, Пинежское собр., № 440), старшим является список Музейского собр., датирующийся сер. XVII в. Царь и великий

князь *Иван Васильевич Грозный*, сообщает П., стоял под «градом Смоленском» в течение трех лет. На третий год осады к царю прибыл посланник от Тверского архиепископа Евфимия и привез ему замок и ключ. Архиепископ благословлял царя и предлагал ему замыкать «тем замком и отмыкать ключом Смоленск-град». Царь воспринял послание и дар как насмешку и хотел казнить архиепископа, но «Божию помощию ... людие поседельцы град отворили и здалися царю гладные ради великие нужы». И тогда царь «той вины Тверскому архиепископу отдаша». Вымышленными являются как сюжет П., так и даты, под которыми она помещена в летописцах (1555, 1576, 1587, 1593 гг.). П. относит описываемые события к царствованию Ивана Грозного, тогда как присоединение Смоленска к Русскому государству произошло при *Василии III* в 1514 г. П. содержит реалии, позволяющие датировать ее временем после 1589 г. Есть основания полагать, что она была создана в 1630-е гг. — в период борьбы Русского государства с польским королем за Смоленск.

Изд.: Салмина М. А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 192—195; Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 78—79; ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 26.

М. А. Салмина

Повесть о видении в Владимире — легендарно-публицистическое произведение Смутного времени нач. XVII в., написанное в традиционном жанре «видений». В П. отражена общая направленность патриотической агитации в северных и поволжских городах, когда в августе—октябре 1611 г. начиналось формирование Второго народного ополчения. П. кратко передает рассказ о видении некоей Мелании, молодой жене владимирца Бориса, по прозванию Мясник, в ночь с 24 на 25 августа 1611 г. Мелании явилась Богородица в благословляющей позе: «в светлых ризах, поверх главы образ на руках держит велик и чуден велми». Богородица приказывает ей наутро проповедовать всем жителям города, «чтоб постилися и молилися со слезами», и дает обещание, что «Бог услышит моление их, и отвратит праведный гнев свой, и победит врагов, борющих и волнующих нас, и даст земли тишину и благодетельное житие». Не верящих и сомневающихся в ее пророчестве Богородица угрожала наказать «жаром» и «гадами», «жужелиц и червей множеством» и «змием превеликим». Поскольку с первого раза Мелания не осмелилась всенародно рассказать о своем видении, оно повторилось, после чего владимирцы три дня постились, молились и, по указанию свыше, распространяли рассказ о видении по другим городам («в ближние и дальние и во все грады писали»).

П., как и Повесть о видении в Нижнем Новгороде (см. *Григорий*), входила в состав «отписки» сольвычегодцев в Пермь от 9 октября

1611 г. и получила, таким образом, распространение в списках, пересылаемых по городам в составе грамот «из Ярославля и из иных городов» (под «иными» городами имеются в виду, вероятно, прежде всего Нижний Новгород и Владимир) и далее, через Вологду, Великий Устюг — в Сольвычегодск и в Пермь (ААЭ. Т. 2. № 199, С. 337; копии текста П. в издании опущены). Включенная в патриотическую переписку, которую вели северные и поволжские города России в сентябре—октябре 1611 г., П. выполняла агитационную функцию, способствуя подъему патриотического движения против иностранных интервентов, объединению растущих сил Второго народного ополчения через проведение «по совету всей земли Московского государства, во всех городах, всеми православными народы» (ААЭ. Т. 2. С. 337) всенародного трехдневного поста.

С. Ф. Платонов отмечал историческую достоверность даты, указанной в П. («августа в 24 день, против недельного дни»): 25 августа действительно приходилось в 1611 г. на воскресенье. Однако дата создания П. не имеет отношения к дням памяти Богородицы. Принимая во внимание символику видения (образ Богородицы, благословляющей на победу и угрожающей гибелью неверующим) и его датировку в П., мы имеем основания связать ее появление и распространение с получением нижнегородскими посланцами согласия *Д. М. Пожарского* стать во главе Второго народного ополчения. Именно в августе—сентябре 1611 г. посыльные из Нижнего Новгорода «многажды» приезжали к раненому Д. М. Пожарскому в его родовое поместье, расположенное в Суздальском уезде, для обсуждения вопросов, связанных с организацией Второго ополчения, а 28—30 октября 1611 г. Д. М. Пожарский уже прибыл для исполнения возложенных на него обязанностей в Нижний Новгород.

Исследователи единодушно указывают на литературную связь П. с «Повестью о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*. Хотя П. действительно унаследовала от жанра «видений» традиционные символико-аллегорические образы и прием, заключающийся в противопоставлении борющихся сил (сияния света как божественного начала — бесовским силам тьмы, в образе «гадов» и «змей», и др.), ее зависимость от Повести протопопа Терентия выражена слабее, чем в Повести о видении в Нижнем Новгороде Григория (Назаревский. Очерки... С. 139).

Судя по стилю П., автор ее едва ли принадлежал к духовному сословию. Скорее всего, он был из приказных дьяков, так как, если не считать традиционных для жанра «видений» книжных образов и приемов, для П. характерны демократизация образа повествователя (вместо благочестивого мужа — молодая посадская жена), использование образов русских народных сказок («И пахнув на мя рукавом своим, и абие поползе по земли и по мне много жужелиц и червей множество»), а также стиль, близкий стилю современных П. агитационных патриотических городских грамот,

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 240—242; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 240—242; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 240—242.

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 199, С. 337; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888. С. 125—126; 2-е изд. СПб., 1913. С. 158—159; Прокофьев Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.: (Из истории жанров литературы русского средневековья). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1949; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1964. Т. 231. С. 45—47; 3) Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII в. // Там же. 1966. Т. 248. С. 34—36; 4) Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Там же. 1967. Т. 256. С. 36—53; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 133, 139—142.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о видении в Нижием Новгороде см. *Григорий*.

Повесть о видении в Новгороде (в рук.: «Повесть зело полезна. Бысть явление в Скифополской стране, иже нарицается в Великом Новеграде, некоторому мниху, именем зовому Варлааму. В лета 7119 году, июля в 15») — произведение Смутного времени нач. XVII в., написанное в традиционном жанре «видений». П. составлена вскоре после взятия Новгорода шведами 16 июля 1611 г. Цель автора заключалась в том, чтобы показать новгородцам, «что они несут заслуженное наказание за свои грехи» (Платонов. Древнерусские сказания... 2-е изд. С. 80), и «задним числом объяснить, что же было причиной такой судьбы Новгорода» (Назаревский. Очерки... С. 129).

Этой идейной направленностью новгородская П. отличается от своего литературного источника — московской «Повести о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*. Новгородский автор использует в своем повествовании текст протопопа Терентия как литературный образец и иногда настолько слепо, что полностью выдает свой первоначальный источник. Так, например, в описании привидевшегося ему в «тонцем сне» пути к Софии Новгородской он «дивится», что «путь гладок, и сух, и чист». Такая картина действительно необыкновенна для октябрьской погоды, описанной в московском видении, но для июльского новгородского видения — удивление повествователя не мотивировано. При всем этом автор П. является опытным книжником, свободно владеющим традиционной схемой жанра «видений», символико-аллегорические образы и приемы изложения, характерные для этого жанра, он умело применяет к рассказу о новгородских июльских событиях 1611 г.

Произведение его, в отличие от московской Повести Терентия, имеющей общерусскую направленность, приобретает яркий местный колорит и содержит ряд исторических реалий из новгородской жиз-

ни. Место действия переносится из Москвы в Новгород, и само «видение» происходит накануне оккупации Новгорода шведами, в ночь с 15 на 16 июля 1611 г. В П. неоднократно говорится об угрозе вторжения шведских войск и приводится исторически достоверная топографическая деталь: «немецкие полки» стояли тогда «подли Великого Новаграда, мало боле поприща, в монастыре у пречистыя Богородицы, еже есть зовомо на Колмове». Богородица, которую Варлаам видит «в тонцем сне» через дверную скважину Софийского собора, оказывается окруженной не общерусскими святыми, а местными новгородскими. Это епископ Никита, архиепископ Иоанн, Варлаам Хутынский. Сама Богородица изображается покровительницей Великого Новгорода, однако тем страшнее ее неумолимое решение покинуть город и предать его в руки иноземцев. Поскольку П. создана постфактум, автор ее мог с документальной точностью указать, когда произойдет вторжение шведов: «уже хощет град сей во утрий день предан быти неверным людем, немцем, свеяном Свейския земли».

Среди обычного для обличительной литературы перечисления «грехов», за которые наказывается город, автор с особым осуждением говорит о бесчеловечном отношении новгородцев к людям, разоренным в годы Смуты и спасавшимся в Новгороде: «они же их оскорбляюще, и поношающе их, и наругающеся им, и досаду им приносяще».

На основании этого С. Ф. Платонов высказал предположение, что неизвестный автор П. не был коренным новгородцем, а принадлежал к числу тех, «которые искали безопасности в Новгороде, а нашли там оскорбления» (Платонов. Древнерусские сказания... 2-е изд. С. 80). Возражая ему, А. А. Назаревский (Очерки... С. 130) подчеркивает свойственный автору этого видения своеобразный новгородский местный патриотизм и отмечает, что, несмотря на присущее новгородскому писателю хорошее владение литературным стилем своего времени, речь его «не слишком книжна, не перегружена тяжелыми конструкциями» и «искусственными цветами книжно-церковного красноречия» (Там же. С. 132—133).

П. сохранилась в единственном списке XVII в., по которому и была издана.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 243—248; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 243—248; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 243—248.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888. С. 61—63; 2-е изд. СПб., 1913. С. 77—80; Прокофьев Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII века: (Из истории жанров литературы русского средневековья). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1949; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1964. Т. 231. С. 45; 3) Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII в. // Там же. 1966. Т. 248. С. 34—44; 4) Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней

Руси // Там же. 1967. Т. 256. С. 36—53; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 107, 128—135. Будовниц. Словарь. С. 223.

Н. Ф. Дробленкова

«Повесть о видении некоему мужу духовну» см. *Терентий.*

Повесть о Волоте Волотовиче см. *Беседа Иерусалимская.*

Повесть о Горе-Злочастии («Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин») — анонимное произведение, сохранившееся в единственном списке XVIII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1773, л. 295—305 об. и близкое памятникам фольклора. Хотя не раз раздавались голоса, утверждавшие, что П. — попросту запись устно-поэтического текста, все же убеждение в его литературной природе бесспорно преобладает. При том, что питательной средой П. были народные песни о горе и устная лирика, все же индивидуально-авторское начало проявляется вполне отчетливо. Оно сказалось и в использовании книжных *Стихов покаянных*, и в традиционном для средневековой культуры совмещении фольклорной темы с перспективой мировой истории в ее библейской трактовке: П. начинается с рассказа о первородном грехе, которому уподобляется поведение безымянного русского «молодца».

Проблема автора тесно связана и с проблемой датировки. В П. нет реалий, отсылающих к конкретным лицам и событиям. Единственный датирующий момент — нередкие нарушения стиховой модели в единственном списке П. (она, по определению М. Л. Гаспарова, написана «народным тактовиком» — тоническим стихом с колебаниями междуиктовых интервалов в диапазоне 1—2—3 слога). Очевидно, что оригинал был значительно старше списка. Но какова длительность этого временного промежутка, установить трудно. Если основываться на формальных критериях, то П. можно было бы поместить в широкие хронологические рамки, включающие XVII в. и первые десятилетия XVIII в. В таком случае появляется возможность произвольных датировок (эту возможность использовал П. К. Симони, который, как сообщает в юбилейной заметке Г. Виноградов, в докладе в Пушкинском Доме в мае 1934 г. отнес П. к рубежу XVI—XVII вв. и атрибутировал ее московскому протопопу *Терентию*; не будем обсуждать эту гипотезу — и по причине ее экзотичности, и потому, что аргументация П. К. Симони нам не известна).

Однако датировка памятника в целом не вызывала сомнений. Те, кто его исследовал, сходились на том, что он принадлежит XVII в. Действительно, приметы этой «бунташной» эпохи, когда ломался старинный русский уклад, в П. налицо. Ее герой презрел заветы ро-

стал «блудным сыном», отщепенцем, добровольным изгоем. Это один из самых характерных типов для XVII в., когда распадались извечные родовые связи. Датировку можно подкрепить и уточнить с помощью сравнительного анализа П. и прозы протопопа *Аввакума*. Начав свой рассказ с темы первородного греха, автор П. изложил не каноническую легенду, а версию апокрифов, расходящуюся с православной доктриной:

> Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
> прелстился Адам со Еввою,
> позабыли заповедь Божию,
> вкусили плода винограднаго
> от дивнаго древа великаго.

Из Библии не ясно, что представляло собою заповедное древо «добра и зла». В отождествлении его с яблоней есть известное вольнодумство — такое же, как в отождествлении с виноградной лозой, которое характерно для народной фантазии и восходит к временам богомильства. По народной традиции, первые люди «вкусили плода винограднаго», Бог изгнал их из Эдема, а вино проклял. Поэтому Христу, «новому Адаму», искупившему грехопадение Адама «ветхого», пришлось и с вина снять осуждение. Христос сделал это на брачном пиру в Кане Галилейской, претворив воду в вино.

«Невинно вино — виновато пьянство» — эта известная по сборникам XVII в. пословица точно выражает древнерусскую точку зрения на хмельное питие. Человек должен ограничиваться тремя чашами, которые узаконили святые отцы, — теми, что выпиваются за монастырской трапезой во время пения тропарей. В соответствии с этим родители наставляют молодца из П.: «Не пей, чадо, двух чар заедину!». Молодец не слушается их, как не послушались Творца Адам и Ева.

Такое же параллельное изображение первых людей и русских грешников XVII в. находим у Аввакума в «Снискании и собрании о Божестве и о твари и како созда Бог человека». Идея прямого подобия изложена Аввакумом очень похоже на П.: Ева, «послушав змии, ко древу приступи, взем грезн, и озоба его, и Адаму даде, поне же древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, умы слабкие, слова между собою льстивые; оне упиваются, а дьявол радуется. Увы невоздержания тогдашнева и нынешнева!.. Оттоле и до днесь слабоумные так же творят, лестию друг друга потчивают, зелием нерастворенным, еже есть вином процеженным... А после друга и посмехают упившагося. Слово в слово бывает, что в раю при Адаме и при Евве, и при змее, и при дьяволе» (Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Отв. ред. В. И. Малышев. Л., 1975. С. 103—104).

Обличеиие пьяииц и картииы пьяиства Аввакум, коиечно, мог иайти и ие в П.: в литературном обиходе XVII в. было миожество сочииений иа эту тему, в прозе и в стихах. Но изображеиие перво-родиого греха как пьянства — явлеиие в книжности чрезвычайно редкое. «Древо виноградиое» в П. и «смоковь красиая» у Аввакума — примерно одно и то же для русского человека той эпохи, потому что «смоковь» озиачает виииую ягоду. Можно предположить, что Аввакум зиал П. В таком случае П. возиикла ие позже 1672 г., когда иаписано «Снискание и собрание» протопопа Аввакума. Это дает иам (разумеется, предположительно) terminus ante quem. Однако terminus post quem остается иеизвестиым. Судя по меитальности памятника, он создан после Смуты, когда темы индивидуальной судьбы, «отцов и детей», «блудного сыиа» стали излюблеииыми темами русского искусства.

Обычно пишут, что молодец попал под власть Горя из-за «слова похвальиого», когда ои иа пиру похвастался нажитым богатством.

А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба!

Тогда-то и приметило его Горе-Злочастие, так как «хвастанье» пагубно и с церковной точки зрения (это «кичеиье», разиовидность гордыии, первого из семи главиых грехов), и с точки зреиия народной: в былинах богатыри никогда не хвастают, а редкие случаи хвастовства вызывают самые тяжелые последствия. Но после «хвастаиья» Горе лишь приметило подходящую жертву. Власть же над героем оно получило тогда, когда заставило его отказаться от невесты, привидевшись во сне архангелом Гавриилом. Персоиаж этот введен в П. ие случайио: в Евангелии ои приносит Марии благую весть о рождении сына, о том, что Мария избрана «иевестой неневестной», а в П. отвращает героя от брака, от «рождеиия человеческаго и ... любимых детей». Эта деталь показывает, как умело манипулировал безымянный автор и устиой поэзией, и апокрифами, и Писанием.

По своим воззрениям автор П. — коисерватор; он всецело за верность родовому иачалу, идеалам *Измарагда* и Домостроя (см. *Сильвестр*). Но в авторской позиции есть замечательная и иовая для русской литературы черта: ои ие довольствуется ролью обличителя, он сочувствует падшему герою. Автор считает, что человек достоин сочувствия просто потому, что ои человек, что ои несчастен, пусть он погряз во грехе. Это гуманистическая и новаторская концепция.

Изд.: Срезневский И. И. Старческая повесть о Горе и Злочастии // ИпоРЯС. 1856. Т, 5, вып. 2. С. 401—412; Костомаров Н. И. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение // Современник. 1856. № 3. Отд. I. С. 49—68; ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 1—8; Буслаев Ф. И. 1) Историческая христоматия. Стб. 1367—1383; 2) Русская хрестоматия. 13-е изд. М., 1917. С. 186—203; Горе-Злочастие: Повесть о Горе и Зло-

частии, с приложением народных былин о горюшке и добром молодце и других. М., 1864; Цветков А. Образцы древней русской словесности. СПб., 1879. С. 301—313; Глазунов И. Древнерусские повести и романы. СПб., 1895. С. 67—79; Марков Н. Горе-Злочастие: Древнее русское стихотворение. Елисаветград, 1896 (пер. на русс. яз.) (рец.: Русская мысль. 1897. Кн. 9. С. 410—412); Симони П. К. 1) Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. СПб., 1903 (фототипическое изд.) (рец.: ЖМНП. 1903. Ч. 349, № 9—10. С. 437—438); 2) Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века // СОРЯС. 1907. Т. 83, № 1. С. 1—88 (с фототипическим изд.); Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. 1—13; Дунаев Б. И. Повесть о Горе-Злочастии. М., 1914. (Библиотека старорусских повестей, вып. 2) (рец.: Назаревский А. // РФВ. 1915. Т. 73, № 2. С. 433—434); Хрестоматия по древней русской литературе *XI—XVII* веков / *Сост. Н. К. Гудзий. М.*, 1935. С. 299—313; Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1938. Т. 1. С. 236—240 (с сокращениями); 2-е изд. М., 1952. Т. 1. С. 320—326; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 103—115; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 33—44. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 597—608. (Б-ка всемирной литературы); Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 347—357; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 28—38; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 427—438; 2-е изд. СПб., 1997. С. 427—438; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 7—18. (Б-ка русской фантастики, т. 2); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 348—360. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусские повести / Ред.-сост. И. Останенко. Пермь, 1991. С. 228—239.

Лит.: Костомаров Н. И. О мифическом значении Горя-Злочастия // Современник. 1856. № 10. Отд. I. С. 113—124 (то же: ПЛ. Вып. 1. С. 12—18); Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца в иноческий чин: Древнее стихотворение // Русский вестник. 1856. Т. 4, июнь, кн. 2. С. 5—52; июль, кн. 2. С. 279—322 (то же в кн.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 548—643); Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 293—295; Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах // Древности. 1867. Т. 1, вып. 2. С. 153—196 (то же в кн.: Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков. 1914. С. 189—243); Афанасьев А. Н. Поэтические возрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 392—421 (репринт: М., 1993); Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 50—54; Петров Н. И. Южнорусские легенды: (библиографическая заметка) // Труды КДА. 1877. № 3. С. 556—557; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1, отд. 1. С. 474—480; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. X. Западные легенды о древе креста и Слово Григория о трех крестных древах // СОРЯС. 1883. Т. 32, № 4. С. 396—409; XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян // Там же. 1889. Т. 46. № 6. С. 249—260; XXIII. К развитию народных представлений о Доле // Там же. 1891. Т. 53, № 6. С. 167—183; Миллер В. Ф. Былины об Иване Гостином сыне // ЖМНП. 1896. № 4. С. 276—306 (то же в кн.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. С. 247—254); Марков Н. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца в иноческий чин // Гимназия: Журнал филологии и педагогии. Ревель, 1896. № 11—12. С. 1—45; Сонин А. И. Горе и Доля в народной сказке // Eranos: Сб. статей в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906. С. 362—425; Марков А. В. Повесть о Горе-Злочастии // Живая старина. СПб., 1913. Вып. 1—2. С. 17—24; Сумцов Н. Ф. Злыдни в бочке: К сказаниям о заключенном бесе // Сбор-

ник в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 59—67; Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 63—65; Перетц В. Н. Українська паралель до повісти «Горе-Злочастіе» // Україна. 1924. Кн. 3. С. 23—24; Луговський Б. З приводу «Української паралелі до повісти „Горе-Злочастіе"» акад. В. Н. Перетца // Там же. 1926. Кн. 1. С. 43—50; Беляев М. В. Из литературной истории русских народно-эпических представлений // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Общественные науки / Под ред. А. В. Багрия. Баку, 1926. Т. 6—7. С. 49—61; Ржига В. Ф. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе // Slavia. 1931. Roč. 10, seš. 1. С. 40—66; seš. 2. С. 288—315; Виноградов Г. 75-летний юбилей П. К. Симони // Советский фольклор: Сб. статей и материалов (1935) / Ред. М. К. Азадовский. М.; Л., 1936. № 2—3. С. 457—460; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 267—270; Львов А. С. Темные места в Повести о Горе и Злочастии // Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та. Гуманитарные науки. 1944. Вып. 1. С. 62—76; Марісова Л. Й. Поема М. Бейдемана «Ванюша» і староросійська «Повесть о Горе-Злочастии» // Студентські наукові праці. Збірн. 7: Історія та філологія. Київ, 1946. С. 33—49; Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 80, 86, 94—97; Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии»: (Стих «покаянны» о пьянстве) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 142—148; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 207—221; Mazon A. Gore Zločastie, Malheur-Mauvais Destin // Revue des études slaves. 1951. T. 28. P. 17—42; Давыдова М. К. Лексика Повести о Горе-Злочастии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1953; Harkins W. S. 1) Russian Folk Ballads and the «Tale of Misery and Ill Fortune» // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. N 3. P. 402—413; 2) The Mystic Element in the «Tale of Gore-Zločastie» // For R. Jakobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday. The Hague, 1956. P. 201—206; 3) The Symbol of the River in the Tale of Gore-Zločastie // Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of B. O. Unbegaun. New York; London, 1968. P. 55—62; Назаревский А. А. 1) Библиография. С. 86—87; 2) К изучению «Повести о Горе-Злочастии» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 199—204; Виноградова В. Л. Повесть о Горе-Злочастии: (Библиография) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 622—641; Путилов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии» // Там же. С. 226—235; Лихачев Д. С. Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-Злочастии» // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 25—27; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 454—457 (раздел написан Д. С. Лихачевым); Зырянов И. В. Связь Повести о Горе-Злочастии со свадебной поэзией // Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Т. 90: Фольклор и литература Урала. 1971. С. 47—49; Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974. С. 369 и след.; Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт // ИОЛЯ. 1979. Т. 38, вып. 4. С. 307—308; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 384—390 (раздел написан А. М. Панченко); Колгурина Н. И. К изучению состава сборника, содержащего Повесть о Горе-Злочастии // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 193—205; Алехина Л. И. 1) Текстологические заметки к Повести о Горе-Злочастии // РЛ. 1991. № 1. С. 142—144; Образ Горя-Злочастия: (К вопросу о мировоззрении автора «Повести о Горе-Злочастии») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7, ч. 2. С. 313—322; Литература и культура Древней Руси. С. 127—128; Литература Древней Руси. С. 147—148; Демкова Н. С. Евангельская притча о блудном сыне и ее русские интерпретации XVII века // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 135—147.

А. М. Панченко

Повесть о городах Таре и Тюмени — историко-публицистическое произведение, сохранившееся в единственном дефектном списке XVII в. ГБЛ, Музейное собр., № 3189. Список не имеет начала, поэтому название, под которым П. известна в литературе, условно. П. рассказывает о сибирских событиях 1634—1635 гг.: о нападении татар и «колмак» на г. Тару, разорении его и героической вылазке горожан, разгромивших войско калмыцкого тайши; о заговоре сосланных в Томск и другие остроги «литовских людей», намеревавшихся поджечь город и овладеть им, но выданных одним из заговорщиков; наконец, об опустошительном набеге на Тюмень в январе 1635 г. Отдельные эпизоды П. «связаны меж-ду собою только слабо выраженной хронологической последовательностью и территориальным единством» (Сперанский. Повесть... С. 14), но вся она объединена общей идеей отстаивания русской Сибири. Острая публицистическая направленность позволяет поставить П. в ряд историко-публицистических сочинений 2-й пол. XVI—нач. XVII в. Источниками для нее послужили Есиповская летопись (см. *Есипов Савва*), Повесть о неседальном, *Казанская история*, повести об Азове (см. *Повесть о Азове документальная, Повесть о Азове историческая, Повесть о Азове особая, Повесть о Азове поэтическая, Повесть о Азове сказочная*), *Сказание о Мамаевом побоище, Повесть о царице Динаре,* Плач о падении Царьграда из *Хронографа Русского* 1512 г., *«Троянская история» Гвидо де Колумна.* Стилистика П. полностью выдержана в традициях так называемых воинских повестей.

Автор П. неизвестен; по прорывающимся у него формам рассказа от первого лица можно думать, что он жил в Томске или временно там находился (Сперанский. Повесть... С. 15—16). М. Н. Сперанский высказал предположение, что автором П. мог быть Савва Есипов, чья летопись послужила одним из ее источников. Стилистические особенности памятника и система цитации литературных образцов в П. также необычайно близки манере Есипова. Однако этого недостаточно, чтобы безоговорочно считать его автором П., тем более что у нас нет никаких сведений о возможном пребывании Есипова в Томске.

Изд.: Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 13—32.

Лит.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892—1894 гг. М., 1894. С. 37—38; Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 344—379; Протокол 96-го заседания Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества (14 ноября 1907 г.) // Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. С. 16—18 (изложение доклада С. О. Долгова и прений); Ромодановская Е. К. 1) Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 26—32; 2) Русская литература в Сибири первой

половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 125—137.

Е. К. Ромодановская

Повесть о графине Альтдорфской — переводное произведение XVII в. В русских рукописях, как и в польских изданиях, с одного из которых был сделан в XVII в. перевод, П. следует за *Повестью о цесаре Оттоне и Олунде*. Поскольку злоключения Олунды были вызваны тем, что королеву, родившую двойню, обвинили в неверности мужу, Мартин Сенник, польский переводчик П., счел уместным для полного оправдания героини поместить в конце романа небольшие повести, доказывающие, что рождение близнецов не свидетельствует об измене мужу. Одной из них и является П., рассказывающая о графине Альтдорфской Катилине, родившей 12 близнецов.

Где, когда и при каких обстоятельствах появилась П. и кто был ее автором — не известно. Ю. Кжижановский (Romans polski wieku XVI. Warszawa, 1966. S. 64) считает, что П. заимствована Мартином Сенником из каких-то немецких хроник. По его мнению, П. относится к группе многочисленных геральдических повестей-легенд, создававшихся в средние века вокруг гербов знатных западноевропейских фамилий (ср., например, *Повесть о Брунцвике*), и была написана с целью объяснить, почему графы Альтдорфские именуются Гвельфами, что значит «выжлецы», и имеют в своем гербе голову собаки. Есть основания предполагать, что сюжет П. сложился в Италии (см. об этом: Д е р ж а в и н а. Повесть... С. 365—366).

О. А. Державина отмечает существование в русской традиции двух вариантов П.: один представлен в списках ГПБ, собр. Погодина, № 1771 и ГБЛ, ф. 152, № 5 (оба конца XVII в.), а другой — в списках БАН, 31.11.7 и ГПБ, собр. Погодина, № 1770 (оба XVIII в.). Различие этих вариантов в основном стилистическое. В списках XVIII в. изложение более сжатое, язык упрощен. Сюжет П. был знаком русскому читателю и по сборнику *Великое зерцало*. Приклад 8-й из главы 38-й этого сборника (см., например, в рук. ГБЛ, ф. 98, № 1643, л. 130 об. — 131) представляет собой, по мнению О. А. Державиной, краткий вариант П., а другой рассказ этой же главы — еще одну обработку того же сюжета (см. в рук. ГБЛ, ф. 98, № 1649, л. 126, прилог 7-й). Все рассказы 38-й главы, озаглавленной «О детищах и отрочатех» (в польском оригинале — «Dziecie»), были заимствованы составителем польского сборника «Wielkie Zwierciadło Przykładów» из латинских средневековых сборников. В XVIII в. сюжет П. послужил материалом для лубочной повести (см.: И в и н И. О народно-лубочной литературе // Русское обозрение. 1893. Т. 23, № 9. С. 251).

Следует отметить, что раньше, чем П. появилась в русском переводе, она была переведена на Украине. В 1660 г. священник Григорий из Шаргорода, составляя свой сборник «Библия малая» (который, по его замыслу, должен был стать энциклопедией народного чтения), включил в него переведенную с польского Повесть о Оттоне и Олунде вместе с П. Об этом переводе см.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. Л., 1926. С. 101—139. (СОРЯС, т. 101, № 2); Маслова О. М. Повісті про кесаря Оттона і про графиню Альтдорфську в українській літературі // Радянське літературознавство. 1948. № 9. С. 162—166; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960 (с публикацией текста П. по списку ГБЛ, ф. 310, № 527). В 1744 г. С. В. Лукомский сделал новый перевод П. на украинский язык (см. работы О. М. Масловой и Б. А. Деркача).

Изд.: Державина О. А. Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 376—381.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) О романах в старинной русской литературе // Современник. 1854. Т. 48, № 12. Отд. II. С. 94—95; 2) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 241—242; Bernacki L. Przyczynki do dziejów dawnej powesci polskiej. II // Pamiętnik literacki. We Lwowie, 1903. Rocz. 2, zesz. 4. S. 580—581; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 149—150; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 384—385; Назаревский. Библиография. С. 43; Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź. 1983. S. 34—35, 38—39, 53.

Л. В. Соколова

Повесть о **Григории, папе римском** см. *Повесть о папе Григории.*

Повесть о **Даниловском монастыре** (в рук. «Повесть о великом князе Даниилe Московском и всея России чудотворце») — памятник, обнаруженный П. М. Строевым в рук. ГИМ, Синод. собр., № 607, 1702 г. и представляющий собой соединение двух текстов. Первая часть П. — это Житие Даниила Московского, в котором основное место уделено повествованию об основании Даниловского монастыря, его истории, происходивших в нем чудесах, обновлению монастыря при *Иване IV Грозном.* Житие это было составлено, видимо, в XVI в. и вошло в состав Степенной книги (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая пол. С. 296—300). Второй частью П. является *Повесть о начале Москвы.*

Изд.: Амфилохий, архимандрит. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном великом князе Данииле Александровиче, сыне св. благоверного князя Александра Невского и о построении им за Москвой-рекой Даниловского монастыря. М., 1873.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 316; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 80—82; Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текста М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 14—15.

М. А. Салмина

Повесть о Димитрии, князе римском («Повесть о Димитрии, князе римском, како повеле слова из Евангелия вырезати, иде же написано: единым днем царь богат, и нищь, и убог»; «Повесть душеполезна о благородном князе Димитрии Римском») — одна из русских беллетристических обработок международного сюжета о царе, наказанном за неверие в текст Писания. Приказав вырезать из Евангелия слова, показавшиеся ему недостоверными, герой затем во время охоты заблудился в лесу, где был ограблен разбойниками и оказался работником у крестьянина; лишь через год, после своего покаяния, Димитрий возвращается на престол, который все это время занимал ангел в его облике.

П. создана в 1710-х—нач. 1720-х гг. Ее источниками послужили «Повесть о искушении Бога, о царе некоем», принадлежащая перу *С. В. Жюлева*, и *Повесть о царе Аггее* (скорее всего в варианте «вкупе богат и убог»). В отличие от этих образцов, цельных по своей направленности и единых по замыслу, П. внутренне противоречива. Традиционно сюжет о гордом царе строился как рассказ о его наказании, приводящем к раскаянию; сохранив эту традицию, автор П. в то же время подчеркивает богоизбранность героя, несхожесть его со всеми другими людьми, т. е. вводит черты, более характерные для агиографических сказаний, чем для повестей о наказанных грешниках. И если Повесть о царе Аггее создавалась как антицаристское произведение, выражавшее взгляды «фронды», то П. должна была продемонстрировать невозможность полного развенчания царя: даже лишенный престола, он остается Божиим избранником. По-видимому, П. появилась как противовес широко распространенным и свободно используемым в публицистике своего времени сочинениям о гордом царе и имела специальной целью снизить их критическую суть. Соединение противоречивых тенденций —книжных и фольклорных — прослеживается и в стилистике памятника, оно характерно, по-видимому, для его архетипа.

П. известна в пяти списках, представляющих три редакции. Основная редакция (в единственном списке ГПБ, собр. ОЛДП. Q.155) отличается четкостью, последовательностью, краткостью и сдержанностью повествования; по-видимому, она наиболее близка авторскому тексту. Фольклоризированная редакция, опубликованная М. И. Соколовым, отличается использованием приемов устного рассказа, последовательным объяснением книжных и малопонятных слов, чисто сказочной концовкой. Наиболее распространена Житийная редакция, сохранившаяся в трех старообрядческих сборниках

конца XVIII—1-й четв. XIX в.; здесь подчеркнуты «ужасы» испытания героя, повествоваиие иасыщено назидательными элементами и агиографически переосмыслеио. Основная и Житийная редакции П. опубликоваиы Е. К. Ромодановской.

Изд.: Древиости: Труды Славяиской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 28—29 (резюме доклада М. И. Соколова «Повесть о Дмитрии Римском»); Приложеиие. С. 57—58 (текст); Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописиой традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 226—240, 361—368; Древиерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 245—247. («Сокровища древиерусской литературы»).

Лит.: Адриаиова-Перетц и Покровская. Древиерусская повесть. С. 249; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 419; Ромодаиовская Е. К. «Повесть о Димитрии Римском» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 218—222; Dahlke M. Das Sujet vom stolzen Kaiser in den ostslavischen Volks- und Kunstliteraturen: Ein Beitrag zur vergleichenden Motiv- und Stoffgeschichte. Amsterdam, 1973. S. 49—52; Росовецкий С. К. Одно из стилевых течений русской беллетристики второй половины XVII—иачала XVIII в. и провинциальный книжиик Федор Злобин // Книжиые цеитры Древией Руси: XVII век. Разиые аспекты исследования. СПб., 1994. С. 315—379.

Е. К. Ромодановская

«Повесть о ерархе нашем Никоне чюдна зело, достойна слышанию сотворити, да познают вси боящиеся Господа и не надеются на его действие» см. *Сказания и повести о патриархе Никоне.*

Повесть о Еруслане Лазаревиче («Сказание о некоем славиом богатыре Уруслане Залазоревиче»; «Сказка полиая о славном и силиом витязе Еруслаие Лазаревиче и о его храбрости и невообразимой красоте царевие Аиастасии Вахромеевиы»; «История о славном и силном витязе Еруслане Лазаревиче») — произведение, близкое в раииих редакциях к иародной сказке, а к коицу XVII и в XVIII вв. приобретшее черты так называемого рыцарского романа. Сюжет П. пришел иа Русь скорее всего ие с Запада, а с Востока. В. В. Стасов и В. Ф. Миллер указали иа сходство некоторых эпизодов П. с персидской поэмой Шах-Наме (X в.). В. Ф. Миллер предположил, что русская сказка восходит к персидскому источнику не прямо, а через тюркскую литературу. Г. Н. Потаиин возводил П. к ордынским и монгольским сказкам, к сказаниям о Чиигиз-хане. Он полагал, что сказка родилась в Орде и в одной редакции попала на Русь, а в другой — в Иран. Но есть миение, что сюжет ее все же явился из Европы. Е. В. Барсов видел в собственных имеиах П. (Феодул, Вахромей, Епистимия, Настасия, Продора, Маидора, Легия) свидетельство греческого происхождения памятника. Правда, Е. В. Барсов оперировал текстом второй редакции П., в первой редакции этих имеи иет. Я. Гримм, назвав П. отрывком из поэмы, указывал на сходство ее стиля и размера с сербскими поэмами (Russische Volks-

märchen. Von A. Dietrich mit einem Vorwort von Jacob Grimm. Leipzig, 1831. S. VII). О. Миллер, обратив внимание на то, что иноземная основа восточной поэмы подверглась русской переработке, предположил, что русская сказка переведена с готового западного или восточного оригинала.

А. С. Орлов считал, что русская версия сюжета сложилась на Дону в XVI в. в казачьей среде, явившейся посредником между восточной и русской литературами, и первоначально существовала в устной форме. Л. Н. Пушкарев ставил П. в связь с появлением в нач. XVII в. литературы посадских демократических слоев, испытавшей сильное влияние фольклора. П. вобрала в себя так много черт русского фольклора и русского быта, что ее можно назвать оригинальным произведением с заимствованным сюжетом. Уруслан называет себя «русин» и «христианин», в трудных положениях он обращается с молитвой к Богу. В П. на каждом шагу встречаются эпизоды, общие с русскими былинами об Илье Муромце, Иване Годиновиче, Подсолнечном царстве.

Русский вариант сюжета принято датировать первым десятилетием XVII в. Старшие списки П. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 930, принадлежавший *Кариону Истомину,* и ГПБ, собр. Погодина, № 1556) относятся к 1640-м гг. Но сложный путь развития сюжета, вернее свода сюжетов, дает возможность предположить и более раннее их появление: так, П. В. Владимиров думал, что восточная сказка перешла на русскую почву не позднее XIII—XIV вв.

Герой П., названный в самом раннем списке (первая редакция) Уруслан Залазоревич (перс. Рустам, тюркск. Арслан, сын Заль-Зара, позже, в русской традиции — Еруслан Лазаревич), вырастает богатырем, получает волшебного коня Араша (перс. Рахш). Он сражается с ратями Данила, князя Белого, с войском царя Феодула, освобождает свое царство, где правит царь Киркоус (перс. Кейкаус), находит меч-кладенец, хранимый гигантской головой, и побеждает Зеленого царя (змея). Его кровью и печенью богатырь излечивает от слепоты Киркоуса, своего отца Залазара и других пленников. Уруслан сражается с богатырями, князем Иваном, Ивашкой белой поляницей, разыскивает девиц-красавиц, стремится помериться силой с самым могучим богатырем, найти самую красивую женщину. Освободив от змея дочь индийского царя, он женится на ней, но оставляет ее на следующий же день, узнав, что в Солнечном городе живет еще более красивая царевна. В его отсутствие у индийской царевны рождается сын, также названный Уруслан, который находит отца и сражается с ним. Уруслан едва не убивает сына, но узнает его по камню на перстне. Уруслан возвращается в Индийское царство к жене, а молодой Уруслан на вещем Араше уезжает казаковать в поле. Сюжет осложнен целым рядом деталей волшебной сказки. Исследователи отмечали «сводный» характер П., вобравшей в себя многие эпические мотивы. «Компилятивность» сюжета сказалась во

внутренних противоречиях повествования: в одних случаях Уруслан руководствуется богатырским кодексом чести — не убивает спящего врага, не берет подарков, в других — совершает злодейские и немотивированные убийства.

Г. Н. Потанин разделил письменный текст П. на три варианта (их можно назвать и редакциями): первый представлен списком Ундольского, № 930 (опубликован в «Летописях Тихонравова»), второй, по представлению исследователя, — переделанный, известен по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1773, конец XVII в. (опубликован в ПЛ), третий, еще более поздний вид, читается в лубочных изданиях XVIII в. (опубликован Д. Ровинским). По-другому распределил списки между редакциями Л. Н. Пушкарев. Не приведя текстологического исследования и не восстанавливая генеалогии списков, он насчитал пять редакций: Восточную (ГБЛ, собр. Ундольского, № 930), Полную сказочную (ГПБ, собр. Погодина, № 1773; Q.XV.115; собр. Титова, № 3650; Q.XVII.4; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324; ГИМ, собр. Барсова, № 2331; МГУ, I Ry 679; БАН, 4.7.14; 33.14.20; 21.11.4), Краткую сказочную (ГПБ, собр. Погодина, № 1556), Волшебно-рыцарскую (ГБЛ, собр. Ундольского, № 931), Фольклорную (ГИМ, собр. Забелина, № 500). Л. Н. Пушкарев установил, что для текста лубочных картинок конца XVIII—нач. XIX в. источником послужила Полная сказочная редакция. В приложении к своей книге он называет еще семь списков, не соотнося их с рассмотренными прежде редакциями (ГПБ, Q.XV.96; ГИМ, собр. Вахрамеева, № 585; ИРЛИ, Мезенское собр., № 79; Красноборское собр., № 5; Р. IV, оп. 23, № 43; БАН, 28.6.50; Научная библиотека Саратовского гос. ун-та, собр. Шляпкина, № 445).

Литературные деятели XVIII в. — А. П. Сумароков и другие считали, что П., равно как *Повести о Бове*, *о Петре Златых Ключей* и др., «служат к утешению неученым людям». Действительно, П. стала любимым народным чтением, выдержав в XVIII в. несколько изданий (1700, 1792, 1797 гг.), а позже, в XIX в., перешла в разряд детской литературы. Д. Ровинский указывает четыре издания сказки в 32-х картинках, вышедшие с 1810 до 1832 г. В переработанном виде П. попала в сказочные сборники XVIII и XIX вв., повлияла на сюжет «Руслана и Людмилы» Пушкина. Из лубочных и печатных изданий П. перешла в фольклор и зафиксирована как в относительно полном виде, например, в записи Б. и Ю. Соколовых, сделанной в Кирилловском уезде (1915 г.), так и в очень кратком пересказе, например, в записи А. М. Смирнова, сделанной в Рязанской губернии (1917 г.)

Изд.: Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазоревиче // Летописи Тихонравова. М., 1859. Т. 1, кн. 2. С. 100—128; ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 325—339 (переиздано в кн.: Д у н а е в Б. И. Библиотека старорусских повестей [М., 1915]. Вып. 5); Б у с л а е в. Историческая хрестоматия. Стб. 1515—1521; Р о в и н с к и й Д.

Русские народные картинки. Кн. 1: Сказки и забавные листы. СПб., 1881. С. 40—76; А ф а н а с ь е в А. Н. Заметка о сказке «Еруслан Лазаревич» // Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. 3-е изд. М., 1897. Т. 2. С. 441—445; С о к о л о в ы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915. № 115, С. 209—214; Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 611—613; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 3-е изд. М., 1938. С. 296—308; П у ш к а р е в Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980; ПЛДР. XVII век. Книга I. М., 1988. С. 301—322, 643—645 (подгот. текста и комм. Н. С. Демковой); Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 84—108. (Б-ка русской фантастики, т. 2): Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 256—278. («Сокровища древнерусской литературы»); К а п и ц а Ф. С. Восточная редакция «Повести о Еруслане Лазаревиче» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 4: XVII—начало XVIII вв. М., 1992. С. 28—64.

Лит.: П ы п и н А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 297—298; С т а с о в В. В. Происхождение русских былин. Ч. 1: Сказка о Еруслане Лазаревиче // ВЕ. 1868. Год 3, т. 1. С. 171—208; М и л л е р О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 43—49; В е с е л о в с к и й А. Н. 1) Сказание о красавице в тереме и русская былина о подсолнечном царстве // ЖМНП. 1878. Апрель. С. 237—238; 2) Финские варианты былины об Илье Муромце // Там же. 1890. Март. С. 6—18; Р о в и н с к и й Д. Русские народные картинки. Кн. 4: Примечания и дополнения. СПб., 1881. С. 135—142; Кн. 5: Заключение и алфавитный указатель имен и предметов. СПб., 1881. С. 114—119; Б а р с о в Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 421—422; М и л л е р В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. VI: Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1892. С. 152—171; Г а л а х о в А. История русской словесности, древней и новой. Т. 1: Древнерусская словесность. 3-е изд. М., 1894. С. 431—432 (раздел написан А. Н. Веселовским): В л а д и м и р о в П. В. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896. С. 152—153: П о т а н и н Г. Н. 1) Восточные основы русского былинного эпоса // ВЕ. 1896. № 4. С. 622—627; 2) Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. Гл. 16. С. 286—347; 3) Отголоски сказки о Еруслане // Этнографическое обозрение. 1900. № 3. С. 14—64; № 4. С. 1—34: С и п о в с к и й В. В. Очерки по истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1, вып. 1. С. 23, 46, 50, 380—381; СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 73. 108, 136, 228; П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 59—60; О р л о в А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 77—85: А д р и а н о в а-П е р е т ц и П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть. С. 143—146; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 113—117; Г у д з и й Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 367—371; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 99—100; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 313—315; А с т а х о в а А. М. К вопросу об отражении в русском былинном эпосе сказания о Еруслане // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 504—509; П у ш к а р е в Л. Н. 1) Литературная обработка повести о Еруслане Лазаревиче в XVIII веке // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 206—236; 2) «Восточная» редакция Повести о Еруслане Лазаревиче // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 214—217; Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 650 В* = АА* II: Еруслан Лазаревич. С. 169; К а п и ц а Ф. С. 1) Фольклорные мотивы в сказочной повести XVII века: (на примере «Повести о Еруслане Лазаревиче») // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987. С. 44—51; 2) «Повесть о Еруслане Лазаревиче» как образец жанра сказочной повести XVII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987; Литература и культура Древней Руси. С. 128—129; Литература Древней Руси. С. 150—151.

М. Д. Каган

Повесть о Ерше Ершовиче — памятник древнерусской смеховой литературы, сохранившийся в многочисленных списках XVII—XVIII вв., усвоенный сказочным фольклором и лубком. П. была создана на исходе XVI в. (по датировке Н. А. Баклановой) или, может быть, в самом начале XVII в. (согласно В. П. Адриановой-Перетц), во всяком случае, — до Уложения 1649 г.

Для П., как и для других памятников сатирической литературы, характерна неустойчивость текста. Исследователи насчитывали разное число вариантов произведения — от двух изводов у И. А. Шляпкина, до шести редакций у А. Т. Романовой. Наибольшее распространение в научной литературе получила классификация В. П. Адриановой-Перетц, которая выделила четыре основные редакции текста и стоящий особняком раешный рассказ о Ерше, представляющий собой подборку рифм к цепочке собственных имен. В разных редакциях П. не полностью совпадают между собой изображаемые юридические реалии, варьируется последовательность сюжетных звеньев, неодинаковы функции персонажей и отчасти их оценки, меняются пропорции ритмизованной прозы и сказового стиха.

Принадлежащая к распространенному в мировой средневековой литературе жанру животного эпоса П. пародирует процедуры и языковые шаблоны русского судопроизводства XVI—XVII вв. В памятнике под комическим углом зрения переосмысляются способы составления челобитных и судных списков, правила вызова, отвода и допроса свидетелей, формы принесения присяги, прений сторон, установления истины, наказания виновного и т. п.

Все четыре редакции текста объединяет друг с другом мотив тяжбы из-за Ростовского озера, которую Лещ да Голавль ведут с Ершом (упоминания этого озера дали повод для предположения о том, что памятник возник в Ростове). В старшей редакции П. «лихой человек» Ерш из рода Вандышевых (от «вандыш», в расширительном значении — «мелкая рыба») называет себя сыном боярским, исконным владельцем озера; «сироты божии» — «крестьянишька» Лещ и Голавль обвиняют «обманщика и обайщика» в захвате их вотчины. Сельдь, Лодуга и Сиг свидетельствуют в пользу челобитчиков, уличая Ерша во лжи: «А изстарины словут Вандышевы, Переславцы. А промыслу у них никаково нет, опричь плутовства и ябедничества...». После рассказа Осетра и Сома о проделках Ерша, уморившего их родственников, виноватого выдают «Лещу с товарищи ... головою», но тот ускользает от наказания благодаря хитрости.

Свойства различных представителей природного царства обыгрываются П. таким образом, что в ней устанавливается подобие социальной иерархии. Носителем комического начала оказывается существо, у которого нет своего места в этой иерархии, которое

покушается на чужую собственность и метафорически связывается с низами общества («а тот Ершь ... воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бываеть»). Причисляющий себя к «детишкам боярским» комический персонаж может быть сопоставлен с неприкаянными героями *Азбуки о голом и небогатом человеке*, *Повести о Шемякином суде*, *Сказания о крестьянском сыне*. В финале текста Ерш приговаривается судом «жить ... во крестиянех» — нарушенная социальная гармония восстанавливается.

Проводя комические аналогии между животным миром и человеческим обществом, П. использует возможность двойного (каламбурного) прочтения одних и тех же значений. Такова ссылка Ерша на то, что он известен именитым московским людям (метафорический мотив знания-поглощения): «Человек я добрый, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские ... и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь». Вместе с тем столкновение реалий, взятых из природного и культурного рядов, позволяет создать эффект комической нелепицы (ложной аналогии), как, например, в рассказе Ерша о сгоревших «крепостях» на спорное озеро: «И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатьца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела». Комизм ситуаций вырастает в П. из речевого комизма, языковые значения в прямой или обращенной формах воплощаются в действиях персонажей; выданный Лещу с Голавлем «головою» изворотливый плут перетолковывает решение суда: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

Словесная фактура П. отличается изощренной звуковой инструментовкой и обилием лексических повторов. Элементы текста связываются с помощью парономасий («взял в понятые Язя ... да медкого Модю»), тавтологий («а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать...»), подчеркиваний внутренней формы слова («Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Голавль, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: Бьют челом и плачутца сироты божии...»), глагольных рифм («...приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился, что он кормился по волостям по дальним») и иных типов созвучий.

В младших редакциях памятника его звуковая организация могла усиливаться за счет перевода ритмизованной прозы в сказовый стих и достигла максимума в рифмованных прибаутках о ловле и съедении Ерша. Рождению этих прибауток, рассчитанных на устную передачу (непосредственно адресованных слушателям), способствовало, по-видимому, то обстоятельство, что текст книжной П. был насыщен

зарифмованными названиями рыб («Сом з болшим усом»; «секретарь Осетр головой трясет»; «Елец ст[р]елец, удалой молодец» и т. п.). Отталкиваясь от этой особенности текста, раешный рассказ охватывает сетью рифм людские имена и становится своего рода антитезисом по отношению к книжной П. — обращает смех на самих смеющихся, делает объектом комизма уже не животный мир, а мир человека и его личных знаков.

Особую научную проблему представляет характер взаимоотношений письменной П. с фольклорным (Сказка о Ерше) и лубочным текстами. По мнению А. Н. Веселовского, М. Н. Сперанского и С. В. Савченко, это движение от рукописной повести через лубок к сказке. С точки зрения З. И. Власовой, это путь от скоморошьего фольклора к сказке, а от нее к письменному тексту. Однако «при всех сюжетных совпадениях сатирический животный эпос — не фольклорное, а литературное явление. Фольклорный материал не только коренным образом переработан и связан с гротеском нового типа, но и значительно переосмыслен. В литературном животном эпосе пародируются расхожие литературные стилистические формулы, штампы официальной речи. Такого типа пародирования народная сказка не знает» (Костюхин. Типы и формы животного эпоса. С. 207). Е. А. Костюхин показывает, что вырастающая на фольклорной основе П. не является «переработкой народной сказки: фольклор столь сложных сюжетов с социальными аллегориями не знает ... Сказки о Ерше обнаруживают зависимость от повести, а не наоборот. Связь „Повести о Ерше Ершовиче“ с фольклором не сюжетно-тематическая, а более глубинная: повесть вырастает из фольклорной речевой стихии» (Там же). В. В. Митрофанова показала, что лубок не был посредствующим звеном между П. и сказкой, сказка и лубок независимо друг от друга восходят к П. При этом «сказка о Ерше утвердилась в устной традиции не путем однократного знакомства какого-то исполнителя с рукописной „Повестью“ и дальнейшего устного распространения этого пересказа, не благодаря обращению разных сказителей к одному рукописному или печатному источнику, а путем многократных встреч сказителей с рукописными текстами разных редакций» (Митрофанова. Народная сказка о Ерше... С. 175). П. входит в число произведений литературного животного эпоса. «Возникнув на фольклорной почве, пародируя литературными средствами официальные нормы и официальный язык, помогая смехом преодолеть суровую действительность, эти произведения были манифестом нового демократического сознания. Выполнив свою функцию, они ушли туда, откуда вышли, — в устное народное творчество, в сказку, снова растворившись в фольклорной стихии» (Костюхин. Типы и формы животного эпоса. С. 209).

Следует иметь в виду, что при публикации произведений о Ерше тексты не всегда получали точное определение (например, под видом сказки издавалась П. и т. п.). В перечне изданий, прилагаемом к настоящей статье, учитываются все типы текстов.

Изд.: Л я л н к о в Ф. Спнсок с рукопнсиой старииной сказкн // Московский телеграф. 1832. № 18. С. 291—293; О Ерше Ершове сыне Щетиииие: Русская иародная сказка (рассказаииая Иваном Сахаровым) // Лнтературная газета. 1841. № 6. С. 21; С а х а р о в И. П. Русскне иародные сказки. СПб., 1841. С. 154—173, 271—272; З ы р я и о в А. Ерш // Пермскнй сборннк. М., 1859. Кн. 1. № 9. С. 125—126; А ф а и а с ь е в А. Н. Народиые русские сказки. 2-е нзд. М., 1873. Т. 1. С. 123—139 (то же: М., 1957. Т. 1. С. 111—123; Т. 3. С. 314—315); Р о в н и с к и й Д. А. Русские иародные картннкн. СПб., 1881. Кн. 1. С. 402—405; Кн. 4. С. 271—280; Ки. 5. С. 151—154; Живая старнна. 1898. Вып. 2. С. 244; 1899. Вып. 4. С. 523; С р е з н е в с к н й В. И. Сведення о рукопнсях, печатиых издаииях и других предметах, поступнвших в Рукопнсное отделеиие Библиотекн нмп. Академнн иаук в 1902 году // Известия нмп. Академнн иаук. СПб., 1903. Т. 19. С. 42, 103—106; О н ч у к о в Н. Е. Севериые сказки. СПб., 1908. № 1, С. 2—3. (Запнски нмп. Русского географнческого общества по Отделеиию зтнографнн, т. 33); Сборинк великорусских сказок архнва Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1. С. 165—166, 252—253; Вып. 2. С. 618, 749—750. (Записки Русского географнческого общества по Отделению зтнографин, т. 44); О з а р о в с к а я О. Э. Пятнречье. Л., 1931. № 25, С. 213; Хрестоматия по древней русской лнтературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзнй. М., 1935. С. 343—346; 8-е нзд. М., 1973. С. 444—446; Ярославскнй фольклор: Дооктябрьский / Сост. Б. Н. Быстров н Н. Е. Новиков. Ярославль, 1938. С. 47—49; К о н а ш к о в Ф. Сказка про Ерша Ершовича // Карелия: Альманах Союза советскнх пнсателей. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. С. 114—115; Сказы н сказки Беломорья н Пннежья / Запись текстов, вступ. ст. и комм. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941. № 30, С. 110; Русские сказки в Карелнн / Подгот. текста, ст. н комм. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947. С. 205—212, 234; Русская демократнческая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 7—9, 188—193, 218—225; 2-е изд. М., 1977. С. 7—16, 143—147, 168—174; Б а к л а н о в а Н. А. О датировке «Повестн о Ерше Ершовнче» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 310—331; Русская повесть XVII вска / Сост. М. О. Скрнпиль. М., 1954. С. 136—139, 428—440; Народное устно-поэтнческое творчество Вологодского края: Сказкн, песнн, частушкн / Под ред. В. В. Гура. Вологда, 1965. С. 217—218; Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1966. С. 104—106; «Изборинк»: (Сборник пронзведеиий литературы Древней Руси). М., 1969. С. 581—587; Р о ж д е с т в е н с к а я Т. В. Новый список «Повести о Ерше Ершовнче» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 187—191; С м н р н о в И. К. Сказка про Ершишку // Сказки Леииirрадской области. Л., 1976. С. 76—77; Повесть о Ерше Ершовнче / Подгот. текста А. М. Панченко // Пламенное слово: Проза и поэзия Древией Русн / Сост. В. В. Кусков, С. С. Жемайтис. М., 1978. С. 238—244; Древиая русская литература: Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980. С. 349—354; «Изборник»: Повести Древией Русн / Сост. Л. А. Дмнтриева, Н. В. Поиырко. М., 1986. С. 318—321; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былиннна, В. А. Грихииа. М., 1987. С. 146—152, 447—449. («Сокровища древиерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 176—181, 602—603; Литература Древней Русн: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 461—466; 2-е изд. СПб., 1997. С. 461—466; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужаикова. М., 1991. С. 234—240. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: П ы п и н А. Н. Очерк лнтературной истории старнnных повестей и сказок русскнх. СПб., 1857. С. 299—300; С н е г и р е в И. М. Лубочиые картиикн русского народа в московском мнре. М., 1861. С. 59—66; Б у с л а е в Ф. И. Лекции по истории русской литературы // Летописи Тнхонравова. М., 1861. Т. 3, ч. 1. С. 65; Г а л а х о в А.

История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 508—511 (раздел написан А. Н. Веселовским); Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 315; [Письмо М. Гастера к К. Крумбахеру] // Byzantinische Zeitschrift. 1904. Bd 13. S. 231—232; Шляпкин И. А. Сказка об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове // ЖМНП. 1904. Август. С. 380—400; Эдинг Б. фон. Прошлое Ростова Великого // Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 12—14; Сушицкий Ф. П. Из литературы эпохи Петра Великого: Повесть о Ерше и Челобитная царю Петру Алексеевичу // Филологические записки. 1913. Т. 4. С. 534—546; Савченко С. В. Русская народная сказка: (История собирания и изучения). Киев, 1914. С. 54; Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917. С. 51; Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 124—162; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 271—275; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 192—196; Назаревский. Библиография. С. 100—101; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 305—307; Романова А. Т. 1) О редакциях древнерусской повести о Ерше Ершовиче и о времени ее возникновения // Славянский филологический сборник, посвященный V Международному съезду славистов. Уфа, 1962. С. 325—343. (Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 9: Сер. филологических наук, № 3); 2) Сюжет о Ерше Ершовиче в устном народном творчестве // Там же. С. 406—420; 3) Повесть о Ерше Ершовиче: (Редакции повести о Ерше Ершовиче XVII—XVIII вв. и сказки о Ерше в записях XIX—XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1962; Хабургаев Г. А., Рюмина О. Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века: (К вопросу о понятии «литературности» в Петровскую эпоху) // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1971. № 4. С. 65—76; Митрофанова В. В. Народная сказка о Ерше и рукописная повесть о Ерше Ершовиче // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 166—178; Бахтина В. А. Эстетическая функция сказочной фантастики: Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов, 1972. С. 41—44; Кожин А. Н. Выразительные средства разговорной речи в «Повести о Ерше Ершовиче» // Вопросы филологии. М., 1974. С. 91—95; Коржева П. Б. Пародийное использование стиля деловых документов в сатирических повестях XVII в. «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде» // Гуманитарные науки: Сб. статей. Караганда, 1975. Вып. 2. С. 112—116; Мартынов И. Ф. К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в.: (Проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги) // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 193—205; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 19, 45 (то же в кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 15, 43); Боева Л. Русские сатирические повести XVII века // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. Славянски литератури. 1979. Т. 72, кн. 2. С. 163—227; Федотов О. И. Эмбриональные элементы народно-речевого стиха в памятниках древнерусской литературы // Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 120—137; Коткова Н. С. Грамотеи и азбуки-прописи XVII века // Русская речь. 1983. № 2. С. 100—103; Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 200—209; Peters J.-U. Die russische Satire im 17. Jahrhundert: Überlegungen zur Gattungstradition und Funktionsgeschichte // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen. Wiesbaden, 1987. S. 133—154; Власова З. И. Ерш Ершович: Возможные истоки образа и мотивов // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 250—268; Литература и культура Древней Руси. С. 129—130; Литература Древней Руси. С. 151—152.

С. А. Семячко, И. П. Смирнов

Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне — легендарно-историческая повесть XVII в., входящая в цикл произведений об *Иване IV Грозном*, в которых его исторический образ подвергся переосмыслению в духе устного народного творчества (см., в особенности, *Повесть о взятии Смоленска, Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине, Повесть о царе Иване и старце*). П. сохранилась в единственном списке конца XVII—нач. XVIII в. ГПБ, собр. ОЛДП, Q.155, л. 204—219, название отсутствует, озаглавлена впервые отметившим ее Х. М. Лопаревым по колонтитулу на л. 204: «О взятии Астрахани». В основе П. лежат подлинные и не связанные между собой исторические факты — присоединение к России Астраханского царства в 1556 г. и женитьба царя Ивана вторым браком на Гуащэней, в крещении Марии, дочери Кабардинского князя Темрюка Идаровича, в 1561 г. Однако автор П. полностью переосмыслил ход событий, и под его пером «мурза черкасов горских Теврюг Юнгичь» соглашается сдать Астрахань русскому войску при условии, что его дочь станет русской царицей. Описанию переговоров, приготовлений к свадьбе и самого бракосочетания и посвящена П. Издатель ее С. К. Росовецкий отмечает в П. многочисленные следы влияния сказочного фольклора: это влияние заметно и в идеализации образа Грозного, и в описании красоты невесты, и в типично сказочной концовке: «И нача с царицею своею царь и великий князь Иван Васильевичь, с великою княгинею Мариею Теврюговною, царствовать любезно». Однако на этой концовке не завершается текст П. Финальное сообщение возвращает нас к книжной традиции, на которую ориентировано произведение, подражающее летописному повествованию, с точными датами. Автор сообщает, что через полтора года после свадьбы царица «окормлена бысть от изменников отравою», а царь их за это «злой смерти предаде: в котле свари. А род их весь перевешал и з женами и детми».

Некоторый провинциализм литературной начитанности автора П., бытование ее списка в Нижегородских землях, знакомство писателя с топографией Астрахани, наконец, сам выбор темы свидетельствуют, по мнению С. К. Росовецкого, о Поволжье как о месте составления памятника. Исследователь датирует П. последними десятилетиями XVII в. и отмечает стилистическую ее близость с 3-й редакцией Повести о Петре и Февронии (см. *Ермолай-Еразм*), которая читается в той же рукописи, причем этот ее список — также единственный. Скорее всего, произведения написаны одним автором.

Изд.: Росовецкий С. К. Повесть о женитьбе Иваиа Грозиого на Марии Темрюковие // Памятиики культуры. Новые открытия. Ежегодиик 1975 г. М., 1976. С. 27—37; ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 5—15.

Лит.: Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 227; Росовецкий С. К. Устная проза XVI—XVII вв. об Иване Грозном — правителе // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 93.

Д. М. Буланин

Повесть о житии Варлаама Керетского (в рук.: «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком. Вкратце изложено»; «Житие и жизнь и отчасти чюдес сказание преподобнаго Варлаама Керетскаго чюдотворца»; «Жизнь и чюдеса преподобнаго Варлаама Керетскаго чудотворца») — житийная повесть, основанная на предании о необычной судьбе Варлаама, уроженца села Керети (расположено в устье реки того же названия на берегу Кандалакшской губы Белого моря), священника церкви Николая чудотворца города Колы. Согласно П., Варлаам, по дьявольскому наущению, убил свою жену (в устных народных преданиях преступление Варлаама объясняется ревностью). Раскаявшись в содеянном, Варлаам сам наложил на себя тяжелое испытание — положив тело убитой жены в ладью, стал по Белому морю «с места на место плавати, донде же оно мертвое тело тлению предастся». Желая получить извещение свыше о прощении своего греха, Варлаам молит Бога, чтобы тот уничтожил «морских червей», которые в изобилии водились в море около Святого Носа и протачивали корабли. По молитве Варлаама, «абие черви без вести сотворишася», и путь для мореходов около Святого Носа стал безопасным. После этого Варлаам поселяется на берегу моря в Чупской губе (недалеко от Керети), где ведет отшельническую жизнь. Тут он умирает, тело его переносят в Кереть и погребают около керетской церкви.

Время жизни Варлаама самой П. отнесено к царствованию *Ивана IV Грозного*. Текстологическое исследование семи известных в настоящее время списков П. (два из них— в ГПБ, а 5 — в ИРЛИ) позволяет сделать вывод, что первоначальный текст произведения, без рассказов о чудесах, был написан в конце XVI — 1-й четв. XVII в. Позже к этому первоначальному тексту были присоединены четыре рассказа о чудесах Варлаама. В 1-м, 3-м и 4-м повествуется о спасении Варлаамом мореходов и рыбаков, терпящих бедствия в Белом море. 2-е чудо — рассказ об исцелении воеводы города Колы Гурия Волынцова (лицо историческое, воеводствовал в Коле в 1630—1640-х гг.). 1-е, 2-е и 4-е чудеса представлены как рассказы «некоего мужа» Петра Буторина, причем в 1-м чуде сообщается, что Петр Буторин рассказывал эти истории в 1664 г. Отсюда следует, что первоначальный текст П. был дополнен рассказами о чудесах в конце 1660-х гг. Не позднее 1658 г. известный книжник *Сергий Шелонин* написал канон и тропарь Варлааму Керетскому. В XVIII в. старообрядческим писателем *Трифоном Петровым* была создана новая редакция П.

Сюжет рассказа о Варлааме весьма необычен для житийного жанра и бесспорно указывает на местное — поморское происхождение П. (Варлаам Керетский оставался местночтимым святым и канонизирован не был). Варлаам пользовался большой популярностью среди поморов. Легендарные рассказы о нем, о его судьбе, о его покровительстве рыбакам и мореходам широко бытовали в устной традиции. Отголоски их сохранялись в Беломорье до недавнего времени. Несмотря на необычность сюжета и краткость повествования, первоначальный текст П. замечателен книжно-риторическим стилем изложения. В. О. Ключевский считал, что автором П. «был монах, живший в Керети в качестве сельского священника и приказчика Соловецкого монастыря» (Соловецкий монастырь имел в Керети свои угодья с XVI в.). Иным стилем написаны чудеса. Это живые зарисовки трудных, полных опасностей повседневных будней беломорских мореходов, промысловиков и рыбаков. Рассказы о чудесах отличаются прекрасным знанием поморского быта, сюжеты их очень жизненны и реальны. Отличное знание местной топографии, точное и привычное употребление в этих рассказах мореходной и промысловой терминологии диалектного характера — все это заставляет видеть в авторе рассказов о чудесах местного жителя, помора.

Изд.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1889. Т. 6. С. 17—20; Знаменский П. В. Повесть о преподобном Варлааме Керетском // СОРЯС. 1893. Т. 55. С. XV—XXI; Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 178—196; ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 305—309; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 173—178. (Б-ка русской фантастики. т. 2).

Лит.: Максимов С. Год на Севере. СПб., 1859. Т. 1. С. 250; Ключевский. Древнерусские жития. С. 341—342; Яхонтов И. Жития св. северорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 154—157; Белов М. Северорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 239; Шергин Б. Запечатленная слава: Поморские были и сказания. М., 1967. С. 230—232; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 234—249, 290.

Л. А. Дмитриев

«Повесть о житии, и рождении, и воспитании, и о кончине Никона, бывшаго патриарха Московскаго и всея Росии, собранная от многих достоверных повествователей, бывших во дни отец наших» см. *Сказания и повести о патриархе Никоне.*

Повесть о зачале Москвы — легендарно-историческое произведение XVII в. (М. Н. Тихомиров и Л. Н. Пушкарев датировали П. 2-й пол. XVI в.). В П. заключена публицистическая идея — о праве Москвы являться столицей великой державы, поскольку она, как и

другие столицы, основана «на крови». Эта публицистическая идея облечена в форму рассказа о судьбе князя *Андрея Боголюбского*, убитого заговорщиками, в числе которых, по сюжету П., оказалась и его жена — княгиня Улита. Далее в П. говорится о расправе над заговорщиками, учиненной братом Андрея Михаилом и кратко, в форме погодных записей, сообщается об основных этапах в истории Москвы и о династии великих московских князей.

Источниками П., видимо, явились поздние летописные своды (типа летописцев ГПБ, F.IV.343 и ГИМ, собр. Уварова, № 670), *Хронограф Русский* редакции 1512 г., откуда в П. включены два фрагмента (из рассказа об основании Капитолия в Риме и из главы, повествующей о византийском императоре Никифоре Фоке), а также устные легенды о боярине Кучке, первом владельце Москвы.

П. известна в 30 списках 2-й пол. XVII—XVIII вв., которые относятся к трем видам. Старший из известных ныне списков читается в рук. ГИМ, Синод. собр., № 964, 1674 г.

Изд.: Тихомиров М. Н. Древияя Москва: (XII—XV вв.). М., 1947. С. 11—14, 209—214; Пушкарев Л. Н. Повесть о зачале Москвы // Материалы по истории СССР. Вып. 2: Докумеиты по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 211—246; Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салмииой. М.; Л., 1964. С. 5—81, 173—198.

Лит.: Татищев В. Н. История российская с древиейших времеи. М., 1773. Ки. 2. Прнмеч. 418; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 2. Примеч. 301; Буслаев Ф. И. Местные сказаиия владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихоиравова. М., 1862. Т. 4. С. 9; Беляев И. Сказаиия о иачале Москвы // Русский вестиик. 1868. Т. 74, март. С. 5—26; Забелии И. 1) История и древности Москвы // Забелин И. Опыты изучения русских древиостей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 125—130; 2) История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 36—40; Шамбииаго С. К. Повести о иачале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 59—76; Тихомиров М. Н. Сказаиия о иачале Москвы // ИЗ. М., 1950. Т. 32. С. 233—236; Салмиина М. А. 1) «Еитииарий» в «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 362—363; 2) Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // Там же. С. 378—388; 3) Источники «Повести о зачале Москвы» // Там же. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 245—256; Дуйчев И. Одна цитата из Манассиевой Хроиики в среднеболгарском переводе // Там же. С. 647—649; Зайцев В. Повести о начале Москвы // ВЛ. 1965. № 3. С. 232—234; Топоров В. Н. 1) Древияя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследоваиия—1981 г. М., 1982. С. 44—45; 2) О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // Там же — 1982 г. М., 1983. С. 223—227.

М. А. Салмина

Повесть о златом руне волшебного овна — рассказ, входящий в состав *Хронографа Русского* редакции 1617 г. и восходящих к нему редакций. П. создана древнерусским книжником, — видимо, составителем Основной редакции Хронографа 1617 г., — на основе главы «О златом руне и о войне Троянской с греки» из русского перевода 3-го издания *Хроники Мартина Бельского*.

В П. рассказывается о судьбе Фрикса и Геллы (золотое руно было снято с того чудесного барана, на котором Фрикс достиг Колхиды), о похищении руна Язоном, разрушении Илиона Геркулесом, Теламоном, Кастором и Поллуксом, основании Трои Приамом, похищении Елены Парисом и о Троянской войне. Таким образом, за исключением истории руна, сюжет П. был знаком древнерусским книжникам по переводу *«Троянской истории» Гвидо де Колумна.*

Составитель П. пересказал текст Бельского с некоторыми сокращениями, но одновременно дополнил повествование сюжетом о Леде и Юпитере, который у Бельского излагается в другом месте (в русском переводе соответствующая глава именуется «О родстве и о житии поганских богов»). Текст П. идентичен в гл. 24-й («О златом руне волшебного овна») Основной редакции Хронографа 1617 г. и одноименных ей 32-й главе Распространенной редакции и 24-й главе первого и третьего видов Хронографа редакции 1620 г. В списках второго вида этой редакции в текст П. сделаны две вставки из древнерусского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна (Троянские сказания. С. 185—186). П. встречается также в сборниках как самостоятельное произведение. В конце XIX в. она была использована как один из источников компилятивной повести о Троянской войне, созданной в старообрядческой среде и отразившейся в сборниках № 66 и 267 Усть-Цилемского собрания ИРЛИ.

Изд.: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Л., 1972. С. 139—147, 159, 160, 184—186. (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 60; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 100, 101, 186; Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 228—241.

О. В. Творогов

Повесть о Иване Пономаревиче (в рук.: «Повесть об Иване Пономаревиче, како имел брань с турским салтаном») — оригинальное русское произведение, написанное на рубеже XVII и XVIII вв. П. вобрала в себя мотивы как русского фольклора, так и переводных авантюрных рыцарских романов, вроде *Повестей о Бове королевиче, о Еруслане Лазаревиче, Брунцвике* и др. Герой П. Иван, сын пономаря Герасима, живущего близ Турецкой земли, приглянулся турецкому послу, захотевшему подарить юношу турецкому султану. Двести посланных за ним турок Иван побивает «забориной», а затем отправляется в поход против тысячного турецкого войска. Оставив отцу своего коня, Иван предупреждает, что если будет убит, конь «станет в крови по колено», тогда отцу надо оседлать коня и ехать к телу сына. Разбив турок, Иван продолжает путь и поочередно находит

три побитых рати аринарского царя Алиострога, которые были побеждены турецким султаном, «доступавшим» дочь аринарского царя Клеопатру. Уцелевший воин указывает Ивану лежащие под ракитовым кустом мечи-кладенцы, но только третий из них пришелся Ивану по руке. В Аринарской стране Иван поступает на службу к некоему князю и трижды отбивает нападение турок, затем женится на Клеопатре, а после смерти Алиострога становится королем. Султан, переодевшись нищим, навещает Клеопатру, завладевает чудесным мечом и в следующей битве убивает Ивана. Победителю достается все Аринарское королевство и Клеопатра, которая принимает султана с радостью. Отец Ивана, обнаружив коня по колено в крови, находит тело сына и с помощью коня воскрешает его. Это происходит довольно сложно: конь велит себя зарезать, вымазать своей кровью тело Ивана, а внутренности использовать как приманку для ворона, который летит «на Волконские реки к королю Редозубу», чьи девицы моют королевское платье. Там, похитив лучшую одежду, ворон требует за нее живой и мертвой воды для воскрешения Ивана. Иван отправляется в Аринарское царство. По пути он оборачивается златошерстным конем, которым прельщается султан. Но Клеопатра узнает в коне Ивана Пономаревича и велит срубить ему голову. Тогда Иван оборачивается поочередно быком, яблоней, селезнем. В этом волшебно-сказочном единоборстве герой побеждает султана вместе с Клеопатрой и казнит их.

Как отметил А. М. Панченко, сюжет П. выстроен весьма неумело. Действительно, повествование отличается нагромождением мотивов. Авантюрная завязка с непременным путешествием героя и битвами сменяется рассказом о злой жене-изменнице, затем волшебной сказкой с колдовством. Ряд коллизий и деталей никак не мотивирован: два меча-кладенца, изначально обладающие волшебной силой, не играют в рассказе никакой роли; богатырский конь вместо того, чтобы служить волшебным помощником, выполняет чисто вспомогательную функцию, являясь приманкой для ворона; не понятно, зачем нужно было его кровью обмазывать тело Ивана, не ясно, зачем султану нужно было вести войну из-за аринарской царевны, которая и без того охотно соединилась с ним, предав Ивана. В П. несколько раз используется троичность ситуаций, но сами они совершенно идентичны и механически повторяют друг друга. Русский автор, заимствовавший схему авантюрного рыцарского романа, не справился с его композицией, с соединением разнородных мотивов.

П. дошла до нас в одном списке 1-й четв. XVIII в. в составе очень интересного сборника, подаренного в 1859 г. Ф. И. Буслаеву студентом Московского университета П. Ф. Историным (ГПБ, O.XVII.57). Как писал М. Н. Сперанский, в этом сборнике «представлен почти весь круг интересов читателей начала XVII в.; здесь

налицо почти все градации литературы переходного времени, начиная от жития святого и библейского рассказа, через повести благочестиво-учительного характера, вплоть до бытовой сатиры и произведений устной словесности (устного духовного стиха и сказки с былиной)».

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 319—322; Перетц В. Н. Из истории русской повести // Университетские известия. Киев, 1907. Год 47, № 9. С. 65—70; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 250—255. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1897. С. 291—298; Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 3, вып. 1. С. 218; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 275; Назаревский. Библиография. С. 102; Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С. 30—31; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 488—490 (раздел написан А. М. Панченко); История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 386—387 (раздел написан А. М. Панченко).

М. Д. Каган

«Повесть о избавлеиии града Устюга Великаго от безбожные литвы и от черкас, как з Двины шли» — произведение, посвященное одному из эпизодов в истории Смуты нач. XVII в. П. обнаружена М. В. Кукушкиной в сборнике 1630—1640-х гг. БАН, Арханг. собр., К. 51 (нач.: «Благословен Господь Бог Израилев..., яко посети, и наказа, и сотвори избавление людем своим града Великаго Устюга...»). Автор П., по предположению М. В. Кукушкиной, был выходцем из духовной среды, человеком образованным и хорошо знающим книжность и русскую историю. В числе использованных им литературных источников — *Хронограф Русский* и Житие Феодора Иоанновича (см. *Иов*).

Хотя П. сюжетно и тематически находится в ряду других повестей Смутного времени, рассказывающих о видениях (ср. «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*, *Повесть о видении в Новгороде*, Повесть о видении «человеку благочестивому» *Григория*, *Повесть о видении в Владимире*), видение здесь является лишь эпилогом к рассказу о реальных событиях. П. — единственный источник, повествующий о приходе в 1613 г. польско-литовских войск под стены Устюга. Отдельные приводимые в ней факты могут быть признаны достоверными: в П. много точных топонимических указаний, названные в ней лица известны по другим документальным источникам. П. была использована при составлении рассказа о 28-м чуде Прокопия Устюжского, входящего в *Житие Прокопия Устюжского*.

Изд.: Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374—387.

Лит.: Власов А. Н. 1) Идейно-стилистическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII века // Стиль и время: Развитие реалистического повествования. Сыктывкар. 1985 (на обложке 1986). С. 18—30; 2) Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XVI—XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1985.

М. А. Салмина

Повесть о иноке, снявшем иноческий образ — произведение, встречающееся в сборниках учительного характера XVII—XVIII вв. и основанное на идее о невозможности отказаться от монашества после пострига и на представлении о бане как о «нечистом» месте. В рук. называется: «Повесть (Сказание) о некоем юноше, иже сложи иноческий образ, зело страшно», «Повесть зело страшна о некоем юноше, облеченнем во иноческий образ и паки поверже», «Повесть о юноши, иже в Риме», «О некоем юноше, иже поругася иноческому образу, зело страшно». Герой П., царский слуга, постригается в монахи во время болезни, после же выздоровления хочет уйти из монастыря. Не принятый прежним окружением, он бежит заграницу, скрывает свое пострижение и служит у «некоего синхлета», после смерти которого наследует его богатство и женится на его вдове. При посещении ночью бани герой погибает в страшных мучениях — «все тело его разлияся и с костми вкупе». Мораль подводится в конце П., где говорится не только об отходе души грешника «к негасимому огню», но и о невозможности поминать его и отмаливать: «и имя его погибло на небеси; мирское имя заглажено чернечеством, а чернеческое имя заглажено злочеством».

Происхождение П. не установлено. Возможна генетическая связь ее с патериками, в некоторых списках встречается отсылка к *Патерику Скитскому*. Уже в конце XVII в. П. вошла в дополнения к русскому переводу *Великого зерцала*. Сюжет П. близок «Притче о цареве сыне, иже пострижеся и паки розстригся и женитися восхоте», которой во Временнике *Ивана Тимофеева* заканчивается глава о Лжедмитрии (*Григории Отрепьеве*). Однако расхождения между ними существенны (распространение отдельных эпизодов в Притче по сравнению с П., разные мотивировки событий, характеристики героя, стилистическое оформление); среди наиболее значимых различий, надо отметить название героя в Притче «царевым сыном», а не «слугой», и то, что поход в баню оправдан у Тимофеева свадебным обрядом, а не простым обычаем «миряном мытися». И Притча, и П. являются разными редакциями одного сюжета; взаимоотношения между ними пока не ясны.

Изд.: Ромодановская Е. К. Об одной литературной параллели к Временнику Ивана Тимофеева // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 291—296.

Лит.: Солодкнн Я. Г. Русская публнцистика начала XVII века: Проблемы пронсхождения крупнейших летописных памятннков н «Временннка» Ивана Тнмофеева. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1991. С. 42—43; Ромодановская Е. К. Русская лнтература на пороге Нового временн: Пути формировання русской беллетристикн переходного пернода. Новоснбнрск, 1994. С. 116—119.

Е. К. Ромодановская

«Повесть о искушеннн Бога, о царе некоем» см. *Жюлев С. В.*

Повесть о испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии см. *Повесть о Петре Златых Ключей.*

Повесть о Карпе Сутулове («Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене ево, како не оскверни ложа мужа своево») — русская новелла рубежа XVII и XVIII вв. П. отличается чертами, характерными для литературы переходного периода. Необычным следует признать то, что главной героиней сделана простая женщина, купеческая жена. Ее действия направлены на приумножение богатства, хитрость и лукавство роднит ее с героинями переводных польских *Фацеций*, она в какой-то мере напоминает даже Фрола Скобеева (см. *Повесть о Фроле Скобееве*) умением создавать выгодные для себя ситуации и оборачивать житейские затруднения в свою пользу. Все герои П., и поименованные (купец Карп Сутулов, его жена Татьяна, его друг, богатый купец Афанасий Бердов), и безымянные (священник, архиепископ, воевода), — лица целиком вымышленные, но по своей социальной функции они хорошо знакомы русскому читателю. Возможно, присутствие в П. воеводы с его неограниченной властью, распространяющейся даже на лиц духовного звания, указывает на хронологическую грань — 1708 г., когда городовые воеводы были заменены комендантами. Обобщенный характер персонажей сочетается с неопределенным местом действия — «во граде некоем», откуда Карп Сутулов едет по торговым делам и Литву. Русский быт П. абстрагирован от каких-либо исторических реалий и временных особенностей. Все это делает П. законченным беллетристическим произведением.

П. можно отнести к явлениям смеховой культуры Древней Руси. В ней присутствует смех открытый и скрытый. Откровенно комедийна ситуация, подстроенная Татьяной, предавшей на всенародное осмеяние своих незадачливых любовников, — сидящими в сундуках в неприличной их сану и положению одежде: «гостя ... во единой срачице», «попа во единой же срачице и бес пояса», «архиепископа в женской срачице и бес пояса»; «воевода же, видя их таковых безчинных ... посмеяхся...». Комедийность усугубляется как эффектом неожиданного появления этих троих, так и уставной

недопустимостью такого маскарада, особенно для духовенства (ср. с приписками в рукописном сборнике XV в.: «Аще кто ляжет бес пояса, сей закона не имат»; «Аще ли кто бес срачицы ляжет наг, сей веры не имат»).

Скрытый смех можно видеть в именах действующих лиц. Хотя отмечалось, что фамилии, встречающиеся в П., зафиксированы в документах, в контексте П. они могут иметь и собственно литературное значение. Прозвище Бердов могло означать человека, отступающего от своего слова («бéрдо» — «деталь ткацкого стана»; «бердить» — «подавшись вперед, пятиться, откачиваться назад, как бердо, пятиться от слова или дела»; см.: Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 81—82). Слово «сътулитися»—«скрыться», встречающееся в Псковской судной грамоте (С р е з н е в с к и й И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 3. Стб. 851) в соотнесении с прозвищем Сътулов, возможно, характеризует роль данного персонажа в П. Имена Карп и Афанасий, скорее всего, нейтральны и не поддаются толкованию, в то время как имя героини — Татьяна (учредительница), может быть, выбрано автором и намеренно.

Другой план смеховой организации П. — в ее «перевернутости». Вместо того, чтобы быть объектом нравственного поучения, женщина-мирянка сама читает проповеди своим духовным отцам на тему о необходимости соблюдения заповедей. Татьяна поучает архиепископа и попа изречениями, близкими к текстам Священного писания: «Требуеши облещи на ся одежду ветхую самую; не добро пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветущим народе и Бога славиши» (ср. Пс. LXVIII, 12; Иез. XLII, 14); или: «Бог ... вся видит деяния наша; аще от человек утаим странствие наше, но он вся весть обличения не требует» (ср. Быт. XXXI, 50; Иов. XXXIV, 12; Прит. V, 21) и др. Для увещания купца избирается изречение о злой жене из *Пчелы.*

П., опирающаяся на книжные источники, сама является произведением вполне книжным. Автор применяет обороты с дательным самостоятельным, форму простых прошедших, охотно пользуется церковнославянизмами. Прямая речь, которой обильно насыщено произведение, в большинстве случаев не просторечна; она скорее напоминает язык деловой письменности («Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем») или риторически организованную ораторскую прозу («Госпоже моя, Татиана, буди Бог между нами. Егда начнеши творити без меня частые пиры на добрых жен на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер»). Изредка встречающиеся просторечные выражения придают повествованию бытовой колорит («ажно ко вратом гость», «ты

бы де положила на соблюдение человеку доброму до меня», «ляг со много на ночь» и пр.).

Будучи произведением книжным, П. по своей композиции напоминает сказку. Автор прибегает к приемам, типичным для стиля устного произведения: трижды пересказываются условия договора Карпа Сутулова с Афанасием Бердовым, трижды излагает Татьяна ситуацию, в которой оказалась по вине Афанасия Бердова, согласившегося дать ей обещанные деньги только в обмен на ее любовь. Трижды пугает она гостей одного за другим под предлогом, что вернулся ее муж, и прячет их в три сундука. Отсюда замедленность рассказа, характерная для фольклорных произведений. Типичен для сказки и счастливый конец: добродетель Татьяны награждена сказочно большой суммой, выплаченной в виде штрафа ей и воеводе посрамленными ловеласами, и похвалой вернувшегося мужа.

П., наряду с *Повестью о Савве Грудцыне* и Повестью о Фроле Скобееве, представляет собой один из первых образцов русской новеллы. Однако, как то было отмечено А. Н. Пыпиным и подробнее исследовано Ю. М. Соколовым, сюжет П. не оригинален. Он широко распространен в мировой литературе. Среди различных его вариантов, русская версия наиболее близка к бытующим в восточных литературах (древнеиндийской, древнеарабской, персидской, турецкой, афганской и др.) сказкам и их книжным переложениям (см.: Ольденбург С. Ф. Фаблио восточного происхождения // ЖМНП. 1907. Май. С. 46—82). Путь проникновения этого сюжета на Русь пока не известен. Ф. Е. Корш высказал мысль о возможной передаче его непосредственно с Востока через азиатские народы, например, через киргизов (см.: Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 39—41 (Прения по докладу Ю. М. Соколова)). Поскольку сюжет существовал и в западноевропейской литературе, не исключено, что он пришел с Запада, хотя версии, близкой к П., там не обнаружено.

Ряд исследователей (Н. К. Гудзий, М. О. Скрипиль) высказывали мысль о первоначально устном бытовании этого сюжета на Руси. Однако сравнение П. с многочисленными русскими, белорусскими, украинскими сказками (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 1730, С. 354) не обнаруживает ни одной, содержащей все мотивы П. Наиболее близка к древнерусскому сюжету только сказка А. К. Барышниковой «Умная жена», записанная в 1939 г. В. А. Тонковым в Воронежской области, но и в ней совершенно другая концовка и отсутствует ряд важных деталей (см.: Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940. № 5. С. 180—182. Примеч. на с. 229—230). Эти различия заставляют предположить независимость книжной версии от фольклорной.

Ю. М. Соколов допускал и обратное влияние книжной П. на русские сказки, но при условии, что в народной переделке сюжет был осложнен соприкосновением с другим циклом сказок.

Высказывая соображения об авторе П., Н. К. Пиксанов решительно отрицал возможность ее появления в церковной среде и несколько прямолинейно предлагал видеть в авторе «молодого купца, ведущего торговлю с англичанами или немцами, может быть побывавшего за границей». В. П. Адрианова-Перетц предлагает искать автора П. среди мелких приказных служащих, плебейской части духовенства, представителей крестьянства, примыкавших к оппозиционной части посада. Высокие художественные достоинства П. позволяют считать ее автора профессиональным писателем. Если принять во внимание сатирическое изображение в П. представителей официальной церкви, нельзя исключить возможности того, что она появилась в старообрядческой среде. Характерно, что одна из сказок с родственным сюжетом была записана И. В. Карнауховой в Усть-Цильме со слов старообрядческой начетчицы (см.: Сказки и предания Северного края / Записи, вступ. ст. и комм. И. В. Карнауховой. Л., 1934. № 151; Коммент. С. 423).

П. известна в одном, очень неисправном списке нач. XVIII в., принадлежавшем профессору М. И. Соколову (ГИМ, собр. Соколова, № 196[а], л. 95—99 об.; в некоторых советских работах список П. ошибочно признается утраченным). А. Н. Пыпин, познакомившийся при жизни М. И. Соколова с текстом П., в 1890-х гг. дважды напечатал ее пересказ. Текст П., подготовленный к печати М. И. Соколовым, был издан в 1914 г. его сыном Ю. М. Соколовым, продолжившим начатое отцом исследование памятника. Издание сопровождается подробным описанием всего сборника; в текст П. внесено много исправлений и конъектур. Недавно был найден отрывок П., датирующийся 1-й пол. XVIII в. и получивший шифр ГИМ, собр. Соколова, № 196[б] (Шульгина Э. В. М. И. Соколов и его рукописное собрание // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 54. (Труды ГИМ, вып. 71)).

Изд.: Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове: (Текст и разыскания в истории сюжета) // Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1914. Т. 4, вып. 2. С. 3—8; Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 36—37, 43, 66—67, 75—80; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 5-е изд. М., 1952. С. 431—436; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 114—120, 214—215, 279—280; 2-е изд. М., 1977. С. 90—94, 165—166, 216—217; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 148—154; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 384—389 (пер. на русс. яз.); Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 235—242. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 65—70; Бегунов Ю. К. Повесть о Карпе Сутулове: Проблемы датировки и жанра // Zeitschrift für Slawistik. 1988.

Bd 33, H. 6. С. 816—834; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 360—366. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: П ы п и н А. Н. 1) Дополнения к библиографическому списку рукописных романов, повестей и пр. первой половины XVIII в. // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 556; 2) История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 552; СПб., 1899. Т. 3. С. 391, 418; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 228—230; Г у д з и й Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 388—391; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 341—343; Истоки русской беллетристики. Л. 1970. С. 557—558; Л и х а ч е в Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 113, 136; Д е м и н А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 55—56, 82; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 404—405; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 369—371, 377—379; Литература Древней Руси. С. 152—153.

М. Д. Каган

Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском — компилятивное произведение, посвященное герою Смутного времени М. В. Скопину-Шуйскому. П. была издана А. Н. Поповым по единственному списку ГПБ, собр. Погодина, № 1451. В 1904 г. П. Г. Васенко опубликовал повесть «*О рожении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина*», написанную в нач. 1620-х гг. и «*Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина*», появившееся вскоре после смерти М. В. Скопина-Шуйского в 1610 г. Они расположены в одной рукописи рядом в виде самостоятельных произведений и, как выяснилось, являются составными частями изданной А. Н. Поповым компилятивной П., сохранившей заглавие первой из них.

Основываясь на общности некоторых «стилистических приемов» и, в первую очередь, на «сходстве отдельных выражений» в повести «О рожении» и в «Писании», В. Ф. Ржига считал, что они написаны одним автором, хотя и в разное время, и поэтому признавал их не отдельными произведениями, а первой версией компилятивной П. Предпочтительнее, однако, представляется точка зрения П. Г. Васенко, который склонялся к мысли о том, что произведения написаны разными авторами, а их общие черты объяснял влиянием «Писания» на повесть «О рожении». Указанные В. Ф. Ржигой сходные выражения «дружина хоробрая», «воин и воевода» являются в П. «О рожении» заимствованиями из «Писания», а такие выражения, как «да что много глаголати», «не убо вскоре возможно изглаголати или писанию предати», — широкоупотребительные формулы, применявшиеся для усиления эмоционального воздействия. Цитирование текстов ветхозаветных книг, наблюдающееся в обоих произведениях (при этом тексты не совпадают), было общепринятым приемом в древнерусской литературе. Индивидуальный признак писательской манеры, указывающий на одного автора, В. Ф. Ржига усматривал в общем для обо-

их произведений стилистическом приеме — сравнении Скопина с библейскими героями. Не говоря о том, что этот прием тоже был очень распространенным явлением в средневековой литературе, отметим, что использование его в повести «О рожении» и в «Писании» отличается. Это различие находит себе объяснение в разной идейной направленности повести «О рожении» и «Писания» и в разной жанровой природе этих произведений. «Писание» представляет собой панегирик, в котором превозносятся воинские доблести князя-воеводы, освободителя страны от поляков, поэтому Скопин сравнивается с Иисусом Навином, Гедеоном, Вараком, Самсоном, Давидом, Иудой Маккавеем, т. е. с теми библейскими героями, которые прославились своими воинскими подвигами. В повести «О рожении» Скопин сравнивается только с теми библейскими и новозаветными героями, которые совершали духовные подвиги за веру, — с пророком Ильей и апостолами, ибо цель автора состояла в том, чтобы представить воеводу ревностным христианином и защитником православной веры, т. е. написать житие благочестивого князя.

Литературная история П. представляется в следующем виде. С нач. 1610-х гг. и до нач. 1620-х гг. существовало «Писание» — сообщение только о смерти и погребении Скопина. В нач. 1620-х гг. создается повесть «О рожении» — написанный в агиографическом стиле рассказ о жизненном пути и подвигах князя. Оба произведения помещаются в рукописи рядом, но объединяются только темой, составляя последовательное повествование о жизни и смерти М. В. Скопина-Шуйского. Наконец, под пером какого-то книжника произошло слияние текстов двух произведений, что вызвало некоторые переделки, обусловленные композиционными и идейными соображениями. Текст повести «О рожении» сохранился полностью, только рассказ о Клушинской битве и захвате Новгорода Яковом Делагарди, которым она заканчивалась, перенесен в самый конец объединенного текста. Текст «Писания» претерпел значительные сокращения. Устранено генеалогическое вступление «Писания», где выявлялась династическая близость Шуйских, в том числе М. В. Скопина-Шуйского, к царствовавшим до Смуты потомкам Калиты. В период укрепления новой династии такие сведения были неуместны, поскольку могли быть опасными для Романовых. Этой же причиной объясняется, вероятно, отсутствие в П. панегириков князю, содержавшихся в обращении Якова Делагарди к русскому народу, а также сравнений с библейскими героями во всенародных плачах и в видении.

Несмотря на эти изменения, объединение повести «О рожении» и «Писания» произведено в значительной мере механически. Поэтому остается непонятным, почему после победы под Калязиным монастырем М. В. Скопин-Шуйский приехал в Москву из Алек-

сандровой слободы, о которой ранее ничего не было сказано. Требование народа положить тело Скопина в Архангельском соборе, рядом с гробами царей, «поне же он от их же рода и колена», сопровождается указанием «яко же преди рекохом». Эта отсылка в П. не имеет адреса, поскольку в ней отсутствует имевшаяся в «Писании» генеалогическая справка. В переработанном виде П. полностью вошла в *Повесть о победах Московского государства*, написанную в конце 1620-х гг.

Изд.: Изборннк славянскнх н русскнх сочнненнй н статей, внесенных в хронографы русской редакцнн / Собр. и нзд. А. Попов. М., 1869. С. 379—388.

Лит.: Васенко П. Г. Повести о князе Мнхаиле Васильевнче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30. (ПДПИ, вып. 156); Платонов С. Ф. Древнерусские сказання н повестн о Смутном времени XVII века, как историческнй нсточннк. 2-е изд. СПб., 1913. С. 348—351; Ржига В. Ф. Повесть н песни о Мнхаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 81—107; Серова И. Ю. Новые списки Повести о М. В. Скопнне-Шуйском // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 44—46.

Г. П. Енин

Повесть о кончине царя Михаила Феодоровича — рассказ об истории сватовства датского королевича Вальдемара к царевне Ирине Михайловне. В рук. П. называется по-разному: «Повесть и писание известно о еже случися быти в нашей Рустей земли, в нынешних настоящих летех, осмыя тысящи во втором сте в пятой десяторице, во втором и третием лете, есть же убо и слезам достойно»; сокращенные названия: «Повесть о внезапной кончине государя Михаила Феодоровича, случившейся по безуспешному делу супружества княжны Ирины Михайловны с Вальдемаром королевичем» и «Повесть о Российской земли убо слезам подобно о дацком королевиче». Текст П. не опубликован; он известен по упоминаниям в трудах ученых XIX в. и особенно по цитатам и пересказам Д. В. Цветаева и А. Голубцова, которые обращались к трем спискам произведения — из собр. Барсова (Д. В. Цветаев указывает № 59, А. Голубцов — № 19), л. 3—42; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1327, л. 1—33; ГИМ, собр. Уварова, № 1822 (534) (398), л. 308—346.

В 1644 г. датский королевич Вальдемар приехал в Москву для женитьбы на царевне Ирине Михайловне и был благосклонно принят царской семьей. Однако непременным условием предстоящего брака было требование, чтобы Вальдемар крестился по православному обряду, что вызвало решительное противодействие королевича. Завязавшаяся по этому поводу богословская полемика, в которой приняли участие русские богословы и сопровождавший королевича пастор Фельгабер, тянулась полтора года и была прервана смертью царя *Михаила Феодоровича* 13 июля 1645 г. После

случившейся вскоре кончины царицы *Евдокии Лукьяновны Стрешневой* (18 августа 1645 г.) Вальдемар был отпущен из Москвы с богатыми подарками. Прения с лютеранами оставили заметный след в русской общественной мысли и породили большое количество полемических сочинений, посвященных богословским и обрядовым вопросам (Голубцов А. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. II). Вся история сватовства происходила на фоне довольно сложных отношений между Швецией, Данией и Россией и династических коллизий как в Московском, так и в Датском государствах.

Автор П. воспринял несостоявшийся брак королевича и царевны как трагедию. По его мнению, от огорчения умерли царь и царица: «Тот окаянный королевич жив и здоров остался и никакой тщеты не сотворилось ему, а нам, православным христианом, не благо явилось — царя и царицы лишились. Точно по смерть самодержца и самодержици приходил окаянный». Оскорбляло русских и поведение Вальдемара и прибывшей с ним свиты в бытность их в Москве: «Повседневно бесновался по своему беззаконию, обычаю и вере; в трубы и органы и прочие разные писки не преставали играть на его дворе, а об ином срам и писати». Автор сравнивает пребывание королевича в Кремле с нашествием врагов — «не менее иной рати царскую казну истощил и всем людям вред учинил».

С другой стороны, автор видит и хорошие стороны в неудаче брачного предприятия, он подозревает, что, войдя в царскую семью чуть ли не вторым лицом после царевича *Алексея Михайловича*, Вальдемар со своими «немцами» после смерти царя Михаила претендовал бы на власть в государстве. Даже в случае крещения, он скорее всего в глубине души остался бы лютеранином. Отсюда урок на будущее: русским не надо дружить, тем более вступать в родственные связи с иноверцами. В П. дана самая отрицательная характеристика латинству; тем самым П. как бы подтверждает мысли и аргументы, изложенные русской стороной в прениях о вере 1644—1645 гг. Возможно, что в П. отразилась точка зрения противников брака — боярской аристократии и руководства православной церкви, настаивавших на перекрещивании Вальдемара, понимавших, что отказ королевича станет препятствием к заключению брачного союза (Булычев А. А. О публикациях постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2: XVI—начало XVIII веков. М., 1989. С. 53—55).

П. написана по свежим следам событий — в 1647 г., как явствует из послесловия в списке ГИМ, собр. Уварова, № 1822: «Списано и сложено в царствующем граде Москве лета 7155 (1647) го-

ду, ключ слова Щ, круг солнцу 15, луна 11, въруцелета 4, рукою многогрешнаго простаго монаха, а не еромонаха, аминь» (Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 139—141). Это изысканное послесловие и ряд других признаков позволяют видеть в авторе профессионального писателя. Поскольку конечная формула этого послесловия («рукою многогрешнаго простаго монаха, а не еромонаха») читается также в *Житии Иоанна, московского юродивого, по прозвищу Большой Колпак*, А. Голубцов предполагал, что два эти сочинения принадлежат одному лицу (Голубцов А. Памятники... С. VII). П. была написана по заказу какого-то «благоразумнаго и честнаго мужа, добраго и великаго рачителя и разумителя Божественнаго писания»; для собственной же характеристики автор применил традиционную уничижительную формулу — «в философских училищах не бывал и риторических учений не навык». Однако П. выдает в нем начитанного человека: в его сочинении прослеживается влияние Священного писания, произведений отцов церкви, *Пролога*, Хронографов, Степенной книги (см. *Афанасий, митрополит*), сказаний о Смутном времени, есть выдержки из *Азбуковников*, из сочинений Платона и др. Автор имел какое-то представление о современной ему западной периодике. Отвечая на свой же риторический вопрос, зачем надо было писать столь печальную П., автор ссылается на то, что «в странах немецких пишут и печатают в книгах и на листах о военных действиях; почему же мы ленимся, боимся или срамимся писать и печатать о том, что случается в Русской земле не от человеческой храбрости или хитрости, но Божиего посещения».

Книжный язык сочетается в П. с разговорным, автор применяет рифмованную прозу и народные пословицы, для сравнений заимствует примеры из сельского быта: «Как волка не корми, а он все в лес глядит, так и того окаянного колико кормихом, колико поихом, колико чести воздавахом..., а добра не получихом», или: «Как два зверя не уживаются в одном логовище, так и благочестивому не ужиться с нечестивым в одном царстве, православному быть вместе с неверным так же нелепо, как незлобиве овце с волком. Не след быть траве в чистой пщенице — заглушит ее, или мутной воде вступать в чистую — возмутит ее, так нельзя входить нечестию в благочестие — смятет его, и будет великая беда и крамола всем православным христианом». Хотя автор стремится воссоздать исторические факты, его сочинение, проникнутое горечью и полное личных эмоций, ближе по своему жанру не к исторической повести, а к нравственно-назидательному трактату.

Исто́рия сватовства королевича Вальдемара была описана и кем-то из сопровождавших его датчан. Автор дал свою версию событий, отразив прения о вере очень неточно, несмотря на то, что в изложе-

ими фактов основывался на датских документах. Между прочим, этому автору были доступны секретные письма польского посла Гавриила Стемпковского к королевичу Вальдемару, которому он помогал в спорах с русскими богословами (см. перевод этого произведения: Известие о поездке в Россию Вальдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Феодоровича Ириною // ЧОИДР. 1867. Кн. 4).

Лит.: Цветаев Д. В. 1) Из истории брачиых дел в царской семье Московского периода. М., 1884. С. 73, 75, 96—97, 102, 104—105; 2) Литературиая борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 110—111, 120—122; 3) Протестаитство и протестаиты в России до эпохи преобразоваиий. М., 1890. С. 475—476, 480—481, 483, 487—489, 499, 506, 509—511, 669; Голубцов А. Преиия о вере, вызваиные делом королевича Вальдемара и царевиы Ириины Михайловиы. М., 1891. С. 320, 324—325, 328—329, 334—342.

М. Д. Каган

Повесть о королевиче кипрском Велиаме («Повесть о королевиче кипърском Велиаме, как, не ведав, женился на сестре своей родной») — произведение, построенное по схеме эллинистического романа, возможно, перевод с польского (источник не установлен). П. дошла в единственном списке ГИМ, собр. Забелина, № 498, в составе тематического сборника повестей нач. XVIII в. Чертами сходства с эллинистическим романом отмечен сюжет П. — разлучение сирот, королевича Велиама и его сестры Июлии, мнимая смерть сестры, ее спасение и воспитание в семье купца, а затем у королевской четы, сватовство к ней родного брата, затем обнаружение истины. Благополучна концовка П. — злодеи наказаны, брат счастливо водворяется на отцовский престол, а сестра — в соседнее королевство. Завязка сюжета происходит у моря, действие развертывается в двух землях — Кипре и Пентиполе. Совершенство героини Июлии определяется ее воспитанием: она приобщается к «всяким наукам» в доме купца, а затем, в более высокой среде, к «всяким королевским поступкам».

Изд.: Белоброва О. А. Повесть о королевиче кипрском Велиаме // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 259—267.

Лит.: Пыпии А. Н. 1) Очерк литературиой истории стариниых повестей и сказок русских. СПб, 1857. С. 286; 2) Для любителей кииижиой старииы: Библиографический список рукописиых ромаиов, повестей, сказок, поэм и пр. — в особеииости из первой половииы XVIII в. М., 1888. С. 11; Сперанский М. Н. Рукописиые сборники XVIII века. М., 1963. С. 91; Белоброва О. А. 1) Кипрский цикл в древиерусской литературе. Автореф. дисс. ... каид. филол. иаук. Л., 1967. С. 6, 14; 2) Кипрский цикл в древиерусской литературе. Л., 1972. С. 28.

О. А. Белоброва

Повесть о Красногорском монастыре см. *Повесть о Черногорском монастыре.*

Повесть о купце Григории («Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена с чародеем уморити») — русская переработка конца XVII—XVIII в. «Приклада о преступлении душевном и о ранах, уязвляющих души человеческие» («О чернокнижнике и рыцарской жене»), входящего в «*Римские деяния*». П. сохраняет сюжетную схему своего образца: неверная жена римского купца Григория уговаривает своего любовника-чародея извести ее находящегося в отсутствии мужа; чернокнижник изготовляет из воска портрет Григория и трижды стреляет в портрет из лука; некий мудрец спасает героя, посадив его в чан с водой и дав зеркало, в котором Григорий видит все, что делается в его доме; скрываясь под водой в момент выстрела, герой спасается, а чернокнижник погибает от собственной третьей стрелы, и любовница закапывает его под супружеской постелью; вернувшись домой, купец собирает в гости всех родственников жены, рассказывает о ее злодеянии и указывает на спрятанный труп; судья приговаривает виновную к жестокой казни. В сравнении с «Прикладом», словесное оформление П. полностью изменено, язык освобожден от полонизмов. Изображение магических действий «мудреца» отлично от действий «мистра» в «Прикладе»; реакция героя на увиденное в зеркале обогащается новыми оттенками; но самое главное — автор П. заменяет безымянного героя-рыцаря, отправляющегося с паломничеством в Святую землю, купцом, путешествующим по торговым делам, и дает ему имя — Григорий. Данная замена носит принципиальный характер: повести о купцах играли большую роль в создании древнерусской беллетристики (см.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 526—528; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 160). Все эти отличия позволяют считать П. не переводом «Приклада», а оригинальным русским сочинением, созданным на основе заданных заранее элементов повествования.

Автор П. едва ли не впервые в русской литературе сделал главным сюжетообразующим элементом своего произведения тему колдовства и доброй магии (своеобразное соревнование доброго и злого волшебников), полностью отказавшись от традиционного для древнерусской литературы христианского обличения любых колдовских действий; в этом нашли отражение новые качества литературы XVII в., прежде всего, ее обмирщение.

П. известна в четырех списках XVIII—XIX вв.; один из них (БАН, 45.5.30) представляет собой небольшой отрывок из другой редакции текста, полностью не сохранившейся, где совершенно иначе

изображена процедура колдовства: чародей погибает не от стрелы, а от руки Григория, ударившего ножом по зеркалу.

Изд.: С к р н п н л ь М. О. Неизвестные н малоизвестиые русскне повестн XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 328—332; ПЛДР. XVII век. Кннга 1. М., 1988. С. 95—97; Звездочтец: Русская фаитастика XVII в. М., 1990. С. 46—48. (Б-ка русской фантастики, т. 2); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 367—369. («Сокровнща древнерусской лнтературы»).
Лит.: Р о м о д а и о в с к а я Е. К. 1) Западные сборинки н оригннальная русская повесть: (К вопросу русификацнн заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 167—174; 2) Русская литература на пороге Нового времеин: Пути формнрования русской беллетрнстнки переходиого периода. Новосибнрск, 1994. С. 155—164.

Е. К. Ромодановская

Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей — произведение, переведенное с польского языка во 2-й пол. XVII в. Оригиналом русского перевода была польская повесть — обработка сюжета девятой новеллы второго дня «Декамерона» Дж. Боккаччо, выполненная в конце XVI в. польским гуманистом Беняшем Будным для составленного им сборника «Апофегмата» (ср. *Апофегматы*; см.: K r z y ż a n o w s k i J. Romans polski wieku XVI. Warszawa, 1962. S. 227—230). А. Н. Пыпин ошибочно отождествлял этот прозаический текст Б. Будного с анонимной стихотворной обработкой того же сюжета, озаглавленной «Historya barzo piękna o Barnabaszu. Jako się ten zacny kupiec z drugim kupcem na cnotę żony swojej założył o zakład niemały». По мнению О. А. Державиной, перевод П. был осуществлен вместе с переводом сборника *Фацеции*. П. встречается в списках, как правило, вместе с фацециями, а позднее — вместе с новеллами из *Великого зерцала*. В наиболее раннем из сохранившихся списков фацеций (ГПБ, Q.XVII.12) П. уже читается.

В настоящее время известно двенадцать списков П., из которых три датируются XVII в.: ГПБ, Q.XVII.12; Солов. собр., № 242/242; Дрезденская королевская библиотека, 6.Of.90. По мнению Э. Малэк, архетип перевода лучше всего сохранился в списке Соловецкого собрания и в Q.XVII.12. Однако ни один из них не является протографом перевода: в списке из Соловецкого собрания встречаются, по наблюдениям Э. Малзк, пропуски значимых слов. Нет в нем и заключительного виршика. В списке Q.XVII.12 на полях читаются глоссы, многие из которых в других списках уже внесены в основной текст. Из двух названных списков лучшим и более близким к польскому оригиналу следует признать, по мнению Э. Малзк, последний.

Сравнивая русский перевод по списку Q.XVII.12 с польским оригиналом П. по изданию 1614 г., Э. Малэк отмечает, что «переводчик бережно отнесся к тексту оригинала, в результате чего русский чи-

татель получил произведение, почти не уступающее ему по своим достоинствам». Вместе с тем стремление автора перевода во всем придерживаться своего оригинала повлекло за собой обилие полонизмов в лексике и синтаксисе. Единственное значительное отступление от польского текста — это переработка конца П. в духе других памятников переводной беллетристики, в которых повествование доводится до смерти главных героев.

Литературная история П. на русской почве изучена недостаточно. В существующих работах дана характеристика лишь отдельных редакций П. Одна из них представлена списком БАН, 45.5.30, опубликованным О. А. Державиной. Он озаглавлен: «Повесть утешная и прилога достойная о двух купцех, и о залоге добродетелныя ради жены, и о злом и лукавом вымысле единаго, и о злоключимом убожестве другаго». Данный список представляет собой, по словам О. А. Державиной, подновленный вариант первоначального текста — переписчик стремится развить изложение за счет дополнительных слов, эмоциональных эпитетов, сравнений и пр. Другая редакция П. представлена списком ГИМ, собр. Соколова, № 75, опубликованным в ПЛДР.

Третья редакция, выделенная О. А. Державиной и представленная списком Дрезденской королевской библиотеки, подробнее была охарактеризована Э. Малэк. П. здесь озаглавлена: «Повесть о двою купцех зело полезна о Викетии, иже бысть от града Еневы, да о Амбросии, иже бысть от града Пляцентии; един со другим билися об великий заклад о добродетели жен своих». По словам Э. Малэк, «стилизация заглавия повести отражает ... сознательное, хотя не всегда выдержанное в деталях, редактирование текста. Правка затрагивает здесь как сюжет, так и стиль повести». Данную переработку можно отнести к дидактическим редакциям переводных приключенческих романов. В ней, как в дидактических редакциях других произведений, появляется открытое морализирование, отсутствовавшее в архетипе перевода. В соответствии с древнерусскими литературными традициями «злые» поступки Амброзия объясняются кознями дьявола, добавлено пространное обвинение женщин в непостоянстве.

Особую редакцию П. содержит список ГПБ, F.XV.34, где произведение озаглавлено: «Повесть чудна, како жена избавила мужа своего от смерти». Эта редакция, существенно удаляющаяся от польского оригинала, близка русской народной сказке на сюжет П., записанной в нач. XX в. братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми у сказочницы Маремьяны Ивановны Медведевой (см.: Державина. Фацеции. С. 76, 93). В П. было много элементов, способствовавших ее переходу в сказку и закреплению в народной среде (мотивы спора-залога, клеветы, переодевания в мужское платье, узнавания). Закономерно, что под влиянием П. была создана сказка

А. М. Ганина «Как купец бился об заклад о своей жене» (ее можно назвать фольклорным пересказом П.) и сказка М. И. Медведевой «Верная жена».

Изд.: Д е р ж а в и н а О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 174—185; ПЛДР. XVII век. Книга I. М., 1988. С. 79—94.

Лит.: П ы п и н А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 277—278; П т а ш и ц к и й С. Л. Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 355—357; А д р и а н о в а-П е р е т ц и П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть. С. 181; Б е р к о в П. Н., М а л ы ш е в В. И. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века: («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии») // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 410—411; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 117; Д е р ж а в и н а О. А. 1) Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских сборниках фацеций XVII в.: К истории русско-польских литературных связей // IV Международный съезд славистов: Славянская филология. Сб. статей. М., 1958. Т. 2. С. 273—307; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 5, 167, 172; М а л э к Э. 1) К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 332—338; 2) Bieniasz Budny w Rosji wieku XVII—XIX // Ruch Literacki. 1981. Rocz. 22, zesz. 4/5 (127/128). S. 377—380; 3) Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 217—227.

Л. В. Соколова, Е. Э. Худницкая

Повесть о купце, купившем мертвое тело («Повесть о некотором купце, как мертвое тело у жидовина скупи и царство себе приобрете») — произведение конца XVII—нач. XVIII в., созданное на основе сказочного сюжета о благодарном мертвеце (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. № 507, 508**). В П. рассказывается о приключениях купеческого сына, который все отцовские деньги потратил на выкуп у заимодавца и похороны мертвого христианина; не решаясь вернуться к родителям, герой отправляется в неведомые страны и по пути встречает человека, напросившегося к нему в слуги. Слуга-помощник (ангел покойника) спасает его от разбойников, добывает богатство, помогает жениться на царевне, очистив ее чрево от змеиного гнезда, после чего герой наследует царский трон.

П. четко следует законам построения сказочного сюжета и близка ряду сказочных записей XVIII—XX вв. (С к р и п и л ь. Народная русская сказка... С. 310—313). По наблюдениям М. О. Скрипиля, наиболее близка к П. «Сказка о Силе царевиче и о Ивашке белой рубашке», известная в записи 1780-х гг. (см.: Русские сказки в ранних записях и публикациях: (XVI—XVIII вв.) / Вступ. ст., подгот. текста и комм. Н. В. Новикова. Л., 1971. № 28). В этой сказке «тот же состав эпизодов, что и в повести, за исключением только эпизода пребывания у разбойников, который в сказке просто отсутствует. В ней сохраняется такая же последовательность этих эпизодов, как и

в повести. Но эпизоды, из которых складывается фабула сказки и повести, только равнозначны по своей роли в развитии фабулы произведения, но неодинаковы, а, наоборот, различны по своему конкретному содержанию и изложению» (С к р и п и л ь. Народная русская сказка... С. 310). Расхождения связаны прежде всего с появлением в сказочном сюжете книжных элементов: как отметила Н. С. Демкова, в П. вместо благодарного мертвеца слугою делается ангел, погребение происходит в монастыре святого Николая (ПЛДР. XVII век. Книга 1. С. 611). Возможно, начальный эпизод (высвобождение христианского тела от заимодавца-жидовина) также появился под влиянием книжнной *Повести о Федоре купце* (см. *Пролог* под 31 октября и 30 июня). Во всяком случае, в сказках такого противопоставления нет, встречается даже указание на еретичество покойника (см. «Сказку о Силе царевиче» в кн.: Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964. № 89).

П. не содержит исторических реалий, позволяющих уточнить время ее создания. По мнению Н. С. Демковой, тип героя, разработка темы судьбы и лексика позволяют связать ее не с XVII в., а с нач. XVIII в. (ПЛДР. XVII век. Книга 1. С. 610—611). Все известные в настоящее время списки П. относятся к XVIII—XIX вв. Вместе с тем, П. несомненно связана с таким явлением, как внедрение сказочных сюжетов в литературу переходного времени.

Изд.: С к р и п и л ь М. О. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—нач. XVIII в.: («Повесть о купце, купившем мертвое тело») // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 308—325; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 126—135, 274—284, 424—427; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М. 1986. С. 309—318 (пер. на русс. яз.); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 71—78, 610—611; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 37—45. (Б-ка русской фантастики, т. 2); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 370—379. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Р о м о д а н о в с к а я Е. К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 136—137, 142.

Е. К. Ромодановская

Повесть о Максиме митрополите — памятник владимирской агиографии XVII в. П. известна в единственном списке рубежа XVII и XVIII вв. ГБЛ, ф. 256, № 364, л. 337—340 об., где она озаглавлена: «Месяца декабря в 15 день сказание о святем блаженнем первопрестольнике чюдном митрополите Максиме Владимирском и Московском и всея России» (нач.: «Яко же свет солнечный увеселяет очеса зрящих, тако и о первосвятителях слово осиявает умы послушающих...»).

П. посвящена митрополиту *Максиму*, который в 1299 г. переехал с митрополичьей кафедрой из Киева во Владимир, а в 1305 г. умер

во Владимире и был погребен в кафедральном Успенском соборе. В XVII—XVIII вв. над погребением митрополита помещалась древняя икона — так наз. Богоматерь Максимовская (ныне в г. Суздале в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника). Сюжет иконы объясняет читающаяся на ней древняя надпись (см. Иоасаф, иеромонах. Церковно-историческое описание... С. 87—88). Согласно надписи, Богоматерь явилась митрополиту во сне, по приезде его из Киева во Владимир, и благословила на пастырство в «своем граде» омофором. Чудесный омофор, не исчезнувший после пробуждения митрополита от сна, вложили в золотой ковчег, установленный в соборе. После этого была написана икона, изображающая вручение Богоматерью омофора митрополиту Максиму. Утрата омофора и ковчега связывается в надписи с разграблением собора при нашествии царевича Талычи в нач. XV в.

Автор П., положив в основу своего рассказа текст *Летописи Воскресенской* (годовые статьи за 6791—6793, 6796, 6797, 6803, 6807, 6808, 6812, 6818 гг.), включил в него и текст надписи. При этом он сделал существенное добавление к сведениям своих источников. В летописный рассказ о ключаре Патрикие, укрывшем во время нашествия Талычи на хорах собора церковные ценности, вставлено уточнение со ссылкой на народную молву, что, среди прочего, спрятаны были чудесный омофор и золотой ковчег. И спрятал их Патрикий не просто на хорах, как то следует из летописи, а в стене собора.

Кроме надписи на иконе и Воскресенской летописи, составитель П. привлек *Житие митрополита Петра* в редакции митрополита *Киприана* — отсюда заимствовано описание встречи Максима с будущим митрополитом *Петром*. Заимствование это, вероятно, было сделано через посредство Степенной книги (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая пол. С. 323—324), список которой был вложен архиепископом Вологодским *Ионой Думиным* в Рождественский монастырь г. Владимира в 1594 г. (ныне в ЦГАДА, ф. 381, № 346). Немногим ранее, в 1590 г., Иона Думин вложил в тот же монастырь и список Воскресенской летописи (вторая половина которого находится ныне в ГИМ, Синод. собр., № 144). Если предположить, что автором П. были использованы именно эти списки, можно думать, что она была написана в стенах Рождественского монастыря. Скорее всего, П. нужно датировать 1-й пол. XVII в. В это время во Владимире на основе Воскресенской летописи было создано еще одно произведение — так называемый Летописец Владимирского Успенского собора (см.: Сиренов А. В. О начале традиции описей древних гробниц // «Сих же память пребывает во веки»: (Мемориальный аспект в культуре русского православия). Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 86—91). Текст памятника не издан.

Лит.: Иоасаф, иеромонах. Церковно-историческое описание владимирских достопамятностей. Владимир, 1857. С. 87—88; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 346—347.

А. В. Сиренов

Повесть о Марфе и Марии (иначе Сказание о Унженском кресте) — легенда о явлении чудотворного креста в Унженском погосте. В списках старшего варианта Моисеевой редакции (названа по упоминанию Моисея, бывшего архиепископом Рязанским и Муромским с 1638 по 1651 г.) П. озаглавлена: «Сказание (в старшем списке, ГИМ, Синод. собр., № 850, — „Слово“) о явлении чудотворного креста Господня, иже есть в Муромском уезде. Списано по благословению Моисея Рязанского и Муромского».

Хотя тема П. — явление креста, в центре повествования оказалась необычная судьба двух сестер, уроженок Мурома, Марфы и Марии. Они вышли замуж: старшая Марфа за небогатого, но знатного рязанца Иоанна, а младшая Мария — за незнатного, но богатого муромца Логгина. Однажды на пиру Иоанн и Логгин повздорили из-за почетного места и запретили своим женам видеться и писать друг другу. Спустя некоторое время Иоанн и Логгин умерли «во един день и во един час», а Марфа и Мария одновременно отправились друг к другу и встретились в пути. Затем им обеим порознь в «тонце сне» явился ангел и дал Марфе золото для «устроения» креста, а Марии — серебро для ковчега, наказав отдать драгоценности «иже заутра преждеидущим человеком». Вложенное во сне «в зарукавие» золото и серебро сестры, проснувшись, обнаружили наяву. Утром мимо них проходили «трое мужей во образе инок», которые взяли предложенные им Марфой и Марией золото и серебро, сказав: «Мы сего ради дела к ваю приидохом».

Сестры приехали в Муром. Пришедшие к ним родственники, узнав об отданных ценностях, с негодованием отправились на розыски старцев. Придя на место их встречи с сестрами, родственники решили, во избежание возможной кражи, послать на поиски «коегождо господина с чужим рабом и раба с чужим господином». Однако еще до начала разысков старцы появились сами, неся в руках золотой крест и серебряный ковчег. Вначале их заметили только «нецыи юноши», которые хотели отнять сокровище. Но тут муромцы увидели приближающихся старцев и «устремишася на сретение честнаго креста». Старцы вручили Марфе и Марии крест и ковчег, а на вопросы их спутников сказали, что прибыли из Царьграда, откуда вышли три часа назад. Отказавшись от предложенной трапезы, мнимые иноки «невидими быша от них». Тогда все поняли, что это были ангелы. У сестер возник вопрос, где же должен находиться полученный ими крест. Ответ они вновь

получают в видении: во сне им указывается церковь архистратига Михаила, «иже бе во уезде града Мурома, яко двадесяти и пяти поприщ града не достигши, пребывания имея во Уньженском стану на реке Унже». По водворении креста на указанное место там начали происходить исцеления, слава о кресте широко распространилась и дошла до Москвы, куда его стали ежегодно приносить. В большинстве списков П. предпослано вступление, в котором излагается история создания произведения, а завершается она похвалой чудотворному кресту, который «паче солнца многоразличными чудесы в Муромстем граде осия».

Ф. И. Буслаев, первый исследователь П., определил ее характерную черту как «символизм и строгую, но наивную симметрию иконописного стиля» (Буслаев. Идеальные женские характеры... С. 249). Последовательно проведенный принцип симметрии на всех уровнях художественной структуры П. — идейно-тематическом, композиционном, языковом, стилистическом позволяет говорить о ней как о произведении чисто книжном, «сконструированном» (Брун. К вопросу о возникновении... С. 217—220). Эта точка зрения противоположна мнению Ф. И. Буслаева, М. О. Скрипиля, Н. С. Демковой, считающих, что до литературной обработки П. продолжительное время существовала в устной форме. Так, М. О. Скрипиль датировал устное предание об Унженском кресте концом XV—нач. XVI в. (Русская повесть XVII века. С. 360). Н. С. Демкова, опираясь на данные, содержащиеся в предисловии, выделяет несколько этапов в истории П.: «старинный сюжет, находившийся в погибших „древних писаниях“, устные формы ее (П. — *Т. Б.*) бытования (после гибели текста), краткая „просторечная“ запись легенды „памяти ради“ и, наконец, литературная обработка предшествующей записи автором XVII в.» (Истоки русской беллетристики. С. 517). Однако из того же предисловия следует, что автор писал свою П. без опоры на какое-либо устное предание («...они же о сем ничто же известно рекоша, зане убо многим летом претекшим»), а ссылка на «древние писания» носит явно этикетный характер. Упоминаемая в предисловии просторечная запись сведений о кресте не могла содержать отразившуюся в П. легенду, связывающую крест с сестрами Марфой и Марией, так как эта легенда могла появиться не ранее того времени, когда был создан ковчег. Ведь источником имен действующих лиц П. послужило изображение на самом кресте. На его верхней крышке находится распятие с предстоящими, вокруг нимбов которых читаются надписи: МАРІА, МР ѲУ, ІОАН, ЛОГИНЪ (о возможности ошибочного прочтения заключенного под титла греческого имени Богоматери как «Марфа» говорится в одном из текстов *Максима Грека*; см.: Буланина. Об именах героев «Повести о Марфе и Марии». С. 411). Между тем, как показывает надпись на том же

ковчеге, он был сделан «животворящему кресту Господню в Муром в соборную церковь архистратига Михаила в ... 7123 фев. 4», т. е. в 1615 г. (Т и х о н р а в о в. Древний крест... С. 7). Имена действующих лиц не могли быть привнесены в ранее сложившуюся легенду. Они не просто являются одним из многих симметрических элементов П., они представляют собой источник этой симметрии, восходящей к памятнику изобразительного искусства (Б р у н. К вопросу о возникновении... С. 221—225).

Из надписи на ковчеге следует, что он был сделан на уже существовавший крест, причем находившийся не на Унже, а в Муроме. Неизвестны причины и точное время перенесения креста с ковчегом из Мурома на Унжу: это произошло не ранее 1615 г. (а может быть, и 1630 г.) и не позднее 1644 г. (Б р у н. К вопросу о возникновении... С. 224). В самой П. мотив перемещения креста из Мурома на Унжу не нашел отражения. Напротив, факт его поставления в церкви Унженского погоста органично включен в систему симметрических элементов: это ближайшая церковь к месту встречи сестер (т. е. к условной середине пути между Муромом и Рязанью), где они получили золото и серебро, отдали его по указанию ангела первым встречным, а затем получили готовую святыню. Так подтверждается предположение о возникновении П. после перенесения креста из Мурома.

Некоторыми исследователями автором П. признавался *Калистрат (Дружина) Осорьин*, написавший Житие своей матери Ульянии Осорьиной (Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870. Стб. 284; Л е о н и д, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 417), однако в списках памятника указаний на авторство Осорьина не обнаружено (см.: Д е м к о в а, Д м и т р и е в а, С а л м и н а. Основные пробелы в текстологическом изучении... С. 155, примеч. 108). М. О. Скрипиль полагал, что автором П. был «какой-то неизвестный нам муромский писатель первой половины XVII в.», который «в рамках легенды об Унженском кресте нарисовал картины живой действительности так, как это мог сделать идеолог дворянского класса» (Русская повесть XVII века. С. 361). О том, что П. принадлежала к литературе феодальных верхов, свидетельствуют стилистические (В о р о б ь е в. Дательный самостоятельный... С. 231; Б р у н. К вопросу о возникновении... С. 220) и идеологические (Д е м и н. Писатель и общество... С. 83—84) ее особенности.

Изучение сохранившихся списков П. позволяет выделить три ее редакции: две представлены публикациями в ПЛ (I и II варианты), третья напечатана в остальных изданиях. Эту последнюю — Моисееву редакцию, сопровождаемую упоминавшимся предисловием, а в некоторых списках — похвалой кресту, следует признать наиболее

близкой к авторскому тексту (Б р у н. К вопросу о возникновении... С. 216). Во-первых, промежуток времени, когда появилась эта редакция (1638—1651 гг.), наиболее близок ко времени, когда могла быть создана легенда (1615 (или 1630) — 1646 гг.), во-вторых, именно в ней в наибольшей степени отражен организующий произведение симметрический принцип. Наконец, наиболее ранний список этой редакции — ГИМ, Синод. собр., № 850 (опубликован Н. С. Демковой) датируется сер. XVII в. и является самым ранним из известных списков П.

Н. С. Демкова, рассмотревшая основные разновидности текста П., назвала ее редакции соответственно Риторической (I вариант), Краткой (II вариант) и Украшенной. Последней она считает центральную часть Моисеевой редакции, выделяя предисловие и ритмизованную похвалу кресту как отдельные части торжественного похвального «Слова о явлении ... креста, иже есть в Муромском уезде». Н. С. Демкова считает, что Украшенная редакция создана одновременно со «Словом» и также ставит ее в ближайшую связь с архетипом П. (Д е м к о в а. Повесть о Марфе и Марии... 1986. С. 201). Моисеева редакция (т. е., по Н. С. Демковой, «Слово» с Украшенной редакцией в центральной части) представлена в списках двумя вариантами — старшим и младшим, последний связан со сборником произведений муромского цикла (Муромским сборником) и встречается только в его составе, в списках не ранее 2-й четв. XVIII в. Этот вариант отличается от старшего разложением принципа симметричности, в основном на языковом уровне (утрата двойственного числа, лексических оппозиций), упрощением синтаксиса и сокращениями в предисловии (иногда оно вовсе отсутствует) и в похвале. Принцип симметрии деформируется и в редакции, которую Н. С. Демкова называет Краткой. В ней нарушены бинарные оппозиции, заданные в начале текста, что свидетельствует о вторичности Краткой редакции. Специфическую особенность этой редакции Н. С. Демкова видит в указаниях на реальную основу описываемых чудесных событий. Анализ Риторической редакции, в сопоставлении с Краткой и Украшенной, обнаружил «стремление редактора к выявлению симметрии и гармонии при воссоздании сюжетной ситуации Повести» (Д е м к о в а. Повесть о Марфе и Марии... 1986. С. 198). Это ставит Риторическую редакцию в ряд риторически украшенных сюжетных повестей XVII в. с моральным уроком и в ряд новых, так называемых «дидактических редакций» (термин Л. В. Соколовой) произведений, которые на более ранней стадии развития были чужды нравоучения. «Дидактические редакции» характерны для «той среды консервативных книжников из духовенства, которая занимается созданием массовой литературной продукции в век „перехода“». (Д е м к о в а. Принципы сюжетной организации текста... С. 40). Еще один, не изученный пока вариант текста П. представлен в сборнике ГПБ, собр. Титова, № 2478, л. 116—123.

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 55—57, 58—59; [Отрывок из Сборника XVIII в. с лицевыми изображениями]. СПб., 1877. (Изд. ОЛДП, № 15); Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 48—53, 359—365; Демкова Н. С. Повесть о Марфе и Марии (Сказание об Унженском кресте) и ее переделки в XVII в. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 191—208; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 105—111; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 164—176. («Сокровища древнерусской литературы») (с пер. на русс. яз.).

Лит.: Тихонравов К. Н. Древний крест в церкви погоста Унжи Меленковского уезда Владимирской губернии // Известия имп. Археологического общества. 1859. Т. 1, вып. 1. С. 6—9 (то же: Владимирские губернские ведомости. 1857. Часть неофиц. № 25. С. 150—152); Буслаев Ф. И. Муромское сказание о Марфе и Марии // Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. С. 56—62 (то же: Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 238—268); Воробьев В. П. Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII в. // Уч. зап. Саратовского педагогического ин-та. 1958. Вып. 30. С. 230—243; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении древнерусских оригинальных повестей // ТОДРЛ. М.; Л. 1964. Т. 20. С. 154—155 (раздел написан Н. С. Демковой); Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 513—519 (раздел написан Н. С. Демковой); Брун Т. А. К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 216—226; Буланина Т. В. Об именах героев «Повести о Марфе и Марии» // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 413—414; Демин А. С. 1) Литература XVII века // История русской литературы XI—XX веков: Краткий очерк. М., 1983. С. 72; 2) Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985. С. 83—84; Демкова Н. С. 1) Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII века // Вопросы сюжета и композиции: (Межвузовский сборник). Горький, 1984. С. 33—41; 2) «Повесть о Марфе и Марии» («Сказание об Унженском кресте») и ее переделки в XVII веке // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 103—121; Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 40; Рудн Т. Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII—XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 207, 210, 213.

Т. А. Брун

Повесть о Московском восстании 1682 года — единственное, кроме «Созерцания краткого» (см. *Карион Истомин, Сильвестр Медведев*), сочинение, в котором восстание 1682 г. рассматривается от его начала в мае и до конца — до перемирия между восставшими и правительством и возвращения двора в Москву 6 ноября. Автор, судя по ее языку и искреннему преклонению составителя перед патриархом *Иоакимом,* был лицом духовного звания, скорее всего, священником в одной из московских церквей. Его отличает доверчивость к официальным сообщениям об обстоятельствах воцарения Петра Алексеевича, прениях в Крестовой палате с раскольниками, причинах бегства царей в Троице-Сергиев монастырь и т. п. Видимо, своей близостью к прихожанам автор был обязан знакомству с многочисленными слухами, отражающими народные оценки событий восста-

ния. При том, что автор был явно «прост умом», его повседневные наблюдения и скрупулезная точность описаний делают П. ценным историческим источником. П. читается в сборнике ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 792, л. 1А—13, 1743 г.

Изд.: Богданов А. П. Нарратнвиые источникн о Московском восстаини 1682 года // Исследования по источинковеденню нстории Росснн (до 1917 г.): Сб. статей. М., 1996. С. 39—62.

А. П. Богданов

Повесть о Московском восстании 1682 года Барсовская — сочинение, которое написано стрельцом, непосредственным участником восстания, в разгар событий, и которое охватывает период подготовки и проведения вооруженного выступления против правительства. Все содержание небольшой П. посвящено обоснованию правомерности выступления стрельцов, солдат и поддержавших их слоев посадского населения против «изменников — бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших 15—17 мая. Автор передает устойчивую устную легенду о событиях в столице, созданную и распространявшуюся самими восставшими. Легенда эта, послужившая источником для *Аверкия*, автора Спасо-Прилуцкого летописца, Романа Ракушки-Романовского и Бутенанта фон Розенбуша, учитывавшаяся *Сильвестром Медведевым* и автором *Летописца 1619—1691 гг.*, передана в П. наиболее убедительно. Автор весьма настойчиво пытался придать описанию московских происшествий эпический размах («речи» стрельца-челобитчика и царевича Ивана, действия «бояр», скрывающих от царя злодея — виновника восстания, и. т. п.). В П. отчетливо проявилось стремление автора превратить свое сочинение в публицистический памятник, направленный против официальной правительственной пропаганды. Простонародный, ясный и выразительный язык П. особенно проявляется в монологах действующих лиц. П. известна в единственном списке ГИМ, собр. Барсова, № 1578, л. 336—341 об., конец XVII в.

Изд.: Буганов В. И. Новый нсточиик о Московском восстаинн 1682 г. // Исследования по отечественному источииковедению. М., 1964. С. 318—324.

Лит.: Буганов В. И. 1) Летопнсные известия о Московском восстаиии 1682 г. // Новое о прошлом нашей страиы. М., 1967. С. 310—319; 2) Московские восстаиия коица XVII века. М., 1969. С. 17—18, 31—33 и др.; Богдаиов А. П. 1) Начало Московского восстания 1682 г. в современиых летописных сочинеииях // Летописн и хроники — 1984 г. М., 1984. С. 131—146; 2) Нарративиые нсточинкн о Московском восстанин 1682 года // Исследоваиия по нсточннковедению исторнн России (до 1917 г.): Сб. статей. М., 1996. С. 39—62.

А. П. Богданов

Повесть о мучении старцев Петра и Евдокима — памятник ранней старообрядческой публицистики. В рук. П. даются разные названия: «О святых новых исповедницех Евдокиме и Петре»; «Мучение святых исповедник Петра и Евдокима»; «О великом чудеси, иже за древнюю веру показа Бог с рабы своими»; «Слово о проповедниках истиныя православныя веры Христовы Евдокима и Петра»; «Мучение некоих старец и исповедник Петра и Евдокима»; часто П. встречается без заглавия. П. рассказывает о том, как в 1669 г. два старца, Петр и Евдоким, были приведены на суд царя *Алексея Михайловича* «за проповедь истинаго крестнаго знамения Христова» и как безбоязненно исповедовали старцы свою веру перед царем, обвиняя при этом патриарха *Никона* в том, что он «пременил времена и закон веры» и «тщится прелестию и мечтанием постигнути престол четвертого Рима». Разгневанный царь повелевает сжечь старцев в железном котле. Петр и Евдоким обращаются к Богу с молитвой, и совершается чудо — старцы выходят из котла живы и невредимы. Посрамленный царь вынужден отпустить старцев «по своей их воле». П. была создана, скорее всего, ок. 1669 г., который упоминается в самом памятнике, и не позднее 1670 г., ибо в допросных речах инока *Авраамия* (1670 г.) упоминается сочинение о том, «как в котел сажаны, да не сгорели». Эту датировку подтверждает список ЦГАДА, ф. 181, оп. 5, № 434/893, л. 291 об.—298, который по бумаге датируется 1650—1660-ми гг., но включает тексты, относящиеся к событиям 1669—1670-х гг.

П. строится как прямой спор между старообрядческими идеологами и царем; используется традиционный жанр прения, весьма популярный в старообрядческой литературе (Сарафанова Н. С. Прение верного инока с отступником: (Из истории старообрядческой литературы XVII века) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 283; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 227). Ситуация П. повторяет ситуацию библейского рассказа о Навуходоносоре и трех отроках. В соответствии с традициями старообрядческой публицистики П. уподобляет Алексея Михайловича Навуходоносору (Елеонская А. С. Русская публицистика... С. 91; Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 193). Тем самым создается образ царя, диаметрально противоположный принятому в официальной литературе, где тот же библейский сюжет используется для противопоставления Алексея Михайловича Навуходоносору (Демин А. С. Причины появления театра и драматургии в России // Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 19—28. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первой половины XVIII в.)).

П. проливает дополнительный свет на развитие некоторых историко-политических представлений 2-й пол. XVII в., в частности на судьбу идеи «Москва — третий Рим». Рассуждения старцев о притязаниях Никона на престол четвертого Рима, особенно в сопостав-

лении с сочинением диакона *Феодора* «О познании антихристовой прелести», дают основания думать, что в какой-то части старообрядческой среды имело место не только переосмысление идеи «Москва — третий Рим» (см.: Гольдберг А. Л. Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // История СССР. 1975. № 4. С. 68—77), но и дальнейшее развитие этой идеи — создание учения о четвертом, антихристовом Риме.

П. весьма распространена в рук. XVII—XIX вв. (известно 45 списков). Впервые она была опубликована в составе сборника старообрядческой типографией в Супрасле ок. 1789 г. В Супрасльском сборнике П. помещена среди сочинений диакона Федора, что дало основание ряду исследователей приписывать ее перу диакона. Так думали Александр Бровкович и автор статьи о диаконе Федоре в ПС. Н. И. Субботин и П. С. Смирнов отрицали атрибуцию Федору. При этом Н. С. Субботин, опубликовавший П. по списку ГИМ, собр. Хлудова, № 273 с разночтениями по Супрасльскому сборнику, полагал, что это произведение относится к 1-й четв. XVIII в. П. С. Смирнов, отрицая авторство Федора, возникновение П. относил к более раннему времени — ок. 1670 г.; при этом он ссылался на допросные речи инока Авраамия.

При решении вопроса об авторе П. следует учитывать наличие двух вариантов текста, у каждого из которых была своя судьба в рукописной традиции. Один из вариантов, по ряду разночтений более поздний, встречается в составе сборников в непосредственном окружении сочинений Федора — его Повести об *Аввакуме, Лазаре* и *Епифании* и его Прения с Афанасием Иконийским. Другой вариант, более ранний, читается в сборниках один — без конвоя из сочинений Федора. Наличие этого варианта заставляет отнестись к гипотезе об авторстве Федора более критично. Не следует исключать возможность того, что к возникновению и судьбе произведения был причастен инок Авраамий, с именем которого связано самое раннее упоминание П.

Учение Петра и Евдокима, изложенное в П., близко к взглядам капитонов, как они представлены в «Извете» (1666 г.) старца Серапиона царю Алексею Михайловичу (см.: Кузнецова. Повесть... С. 213). Позднее П. широко использовалась в старообрядческой среде, в частности, с ее помощью обосновывалось учение странников (см.: Пятницкий И. К. Секта странников и ее значение в расколе. Сергиев Посад, 1906. С. 54; Максимов С. В. Скрытники и христолюбцы // Максимов С. В. Собр. соч. СПб., 1906. Т. 6. С. 193, 196; Кузнецова. Повесть... С. 212).

Изд.: [Сборник]. [Супрасль, ок. 1789]; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 6, ч. 3. С. 302—309, XXVI—XXVII; М., 1885. Т. 7. С. 409; Кузнецова В. С. Повесть о мучении некоих

старец Петра и Евдокима // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 206—215.

Лит.: Из истории русского раскола: Дьякон Федор, его сочинения и учение // ПС. 1859. Ч. 2. С. 326—327; Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Т. 1. С. 28—29; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XCII—XCIII; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 276—277; Будовниц. Словарь. С. 193; Лабынцев Ю. А. Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 212—213; Кузнецова В. С. Памятник старообрядческой публицистики «Повесть о Петре и Евдокиме»: (Текстологические наблюдения) // Материалы XIX Всесоюзной научной студенческой конференции: Филология. Новосибирск, 1981. С. 43—52.

В. С. Кузнецова

Повесть о начале Москвы см. *Повесть о зачале Москвы.*

«Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Росию грех ради наших, и о видении некоего знамения в нынешнем последнем роде нашем» см. *Евстратий.*

«Повесть о некоем убогом отроце, иже молением материим ко святому отцу Николаю чюдотворцу не токмо богатства получи, но и царем соделася» — произведение XVII в., сохранившееся в двух списках: ГПБ, собр. Титова, № 830, л. 85—89 об., 2-я пол. XVIII в.; ЦГАДА, ф. 187, собр. ЦГАЛИ, оп. I, № 66, л. 1—7, 1-я четв. XIX в. П. представляет собой не очень умело составленную книжную вариацию сюжета, известного по сказке «Иван купеческий сын отчитывает царевну» (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1985. Т. 3. С. 73—75). По молитве матери к Николаю чудотворцу, купеческий сын, обнищавший после смерти отца, получает «помощника и заступника» в лице Николы. Никола берет отрока на корабль и отправляется с ним торговать «в некоторое царство», куда отплыли со своими кораблями и дядья отрока. Однако царство, куда прибыли дядья и их племянник, поразило несчастье: там в церкви лежит мертвая царевна, «обладанная дияволом, и поедает еретичеством своим на каждый день по человеку». Условием торговли царь ставит купцам чтение Псалтири над мертвой царевной. Благодаря помощи Николы, отрок справляется с заданием: он сначала читает Псалтирь за каждого из двух своих дядей, за что получает их корабли с товарами, а потом читает за себя. Герой не только остается невредимым, но и спасает от заклятия царевну, которая становится его невестой. Таким образом, нищий отрок делается царем и возвращается с женой и чудесным помощником к матери. И здесь происходит вторая развязка казалось бы уже исчерпанного сюжета, которая также находит близкие аналогии в народных сказках. С тем, чтобы

окончательно избавить царевну от бесовской власти, Никола намеревается разрубить ее пополам, при этом «изыде из нея демон», которого святой благополучно умерщвляет. Исцеленную царевну он вручает мужу. Для историка литературы П. представляет дополнительный интерес вследствие несомненной близости ее содержания к сюжету повести Н. В. Гоголя «Вий». Издатель П. не исключает, что она входила в круг чтения писателя.

Изд.: Демкова Н. С. Из истории русской повести XVII в.: Об одной древнерусской параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий»: («Повесть о некоем убогом отроце») // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 404—409 (то же в кн.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 167—176); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 342—347. («Сокровища древнерусской литературы»).

Д. М. Буланин

«Повесть о Никоне патриархе» см. *Сказания и повести о патриархе Никоне.*

Повесть о папе Григории — произведение, входящее в группу древнерусских повестей о кровосмесителе (ср. *Повесть о Андрее Критском* и *Сказание Иеронима о Иуде Предателе*). В рукописной традиции встречаются разные варианты заглавия П.: «Марта в 12 день. Повесть зело полезна о преподобном отце нашем Григории, папе римском, о зачатии и о житии его»; «Приклад о дивном промысле Божии и почитании святаго Григория»; «Сказание дивное и жалостное о рождении святаго Григория, патриарха Иерусалимскаго»; «Слово о Григории, папе римском, како родися от брата и от сестры 12 марта»; «Месяца декемврия в 20. Слово о преподобном отце нашем Григории, папе римском, о рождении и о зачатии жития его»; «Сказание дивное и живописное о рождении святаго отца преподобнаго Григория рицера»; «Житие и подвизи преподобнаго отца нашего папы стараго Рима Григория мниха»; «Повесть о дивном смотрении Божии и о початии святаго Григория и да никто же да не отчаевается своего спасения»; «Повесть о Григории, как бысть папою в Риме, выписано из Барония»; «Стория о едином кролю, именем Тарцисе, з римской печатной книги перевод»; «Повесть о королевском роде, како дивно сотворися»; «Повесть еже о Григории, декаполите Палестинском».

История папы Григория, именем которого назван один из основных типов «Эдипова сюжета» (Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 261), помимо восточных славян, известна на католическом Западе, у поляков и чехов по тексту *«Римских деяний»,* представляющему собой сокращенный пересказ французской народной книги XI—XII вв. «Жизнь папы Григория Велико-

го». Некоторые западноевропейские ученые пытались связать появление этой книги с борьбой папы Григория VII против движения incestuorum, оправдывавшего близкородственные браки в королевских семействах (Грейт, Литтре, Д'Анкона), или с другими событиями XI в. (А. Зелиш), однако эти гипотезы, как справедливо указывалось М. П. Драгомановым, крайне неубедительны. Наличие других обработок этого типа «Эдипова сюжета» (с героем, носящим другое имя), в частности, очень сходной с П. коптской «Истории царя Армениоса», возникшей еще в домагометанский период, позволяет предположить существование общего для всех этих обработок источника восточного происхождения — византийского или египетского, занесенного в Западную Европу паломниками.

Вопрос о времени появления П. у восточных славян до сих пор не решен, так как, кроме текста, пришедшего на Русь в составе «Римских деяний», в древнерусской рукописной традиции была распространена другая редакция памятника (опубликована В. Н. Перетцем в «Университетских известиях», далее обозначается как краткая). Это позволило А. Н. Пыпину (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 195) и С. Л. Пташицкому (Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах: Истории из Римских деяний (Gesta Romanorum) // Историческое обозрение. СПб., 1897. Т. 90. С. 115), а позднее Н. К. Гудзию предположить, что П. появилась на Руси до перевода «Римских деяний». Их предположение подтверждается датировкой некоторых списков краткой редакции П. (например, список ГИМ, собр. Уварова, № 171 (1338)—1645 г.). Указание А. А. Назаревского на список П. XVI в. ГИМ, собр. Уварова, № 308 (252) (142) при проверке оказалось ошибочным. Заслуживает внимания и вскользь высказанное предположение А. Н. Пыпина о возможном южнославянском источнике П. Ее краткая редакция обнаруживает текстуальные совпадения со «Словом о душевном исправлении», другой обработкой того же типа «Эдипова сюжета», известной у южных славян с XIV в. (ср.: Николова С. Переводная беллетристика в древнеболгарской литературе // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 111). Окончательное решение вопроса о времени появления и источнике П. возможно лишь при детальном изучении всех ее списков.

П. активно переписывалась вплоть до сер. XIX в., став самой популярной из русских повестей о кровосмесителе. Гармоничное сочетание дидактики и занимательности, драматизм и исключительность изображаемых событий, острая фабула — все это обеспечило П. интерес читателей самых разных литературных вкусов, не ослабевавший в течение почти трех веков, и обусловило разнообразие

рукописных редакций П. Всего к настоящему времени выявлено около 120 списков произведения.

Как выяснил Н. К. Гудзий, бóльшая часть сохранившихся списков П. близка либо к тексту «Римских деяний» (далее: редакция РД), либо к краткой редакции. Последняя отличается от редакции РД более конспективным изложением событий, а также особой трактовкой многих эпизодов (подробно об этом в ранней статье Н. К. Гудзия). Распространению редакции РД в русских рукописных сборниках в известной мере препятствовал ее католический колорит и непривычный для русского книжника облик главного героя, сочетающего в этой редакции черты монаха и наемного рыцаря. В краткой редакции католические подробности отсутствуют, ее герой более традиционен и лишен сугубо европейских черт (в миру он становится купцом и «великим воином»). Это, вероятно, и обусловило бóльшую популярность краткой редакции. Один из самых ранних списков памятника, входящий в сборник, составленный в Шаргороде в 1660 г. священником Григорием (ГБЛ, собр. Ундольского, № 527 — опубликован В. Н. Перетцем в СОРЯС), представляет собой авторскую редакцию. Это сильно сокращенный, с исключением почти всех диалогов, перевод на украинский язык польского текста «Римских деяний».

Дальнейшая судьба П. в восточнославянской письменности определялась особенностями ее сюжета, содержащего ряд мотивов, актуальных для литературы Нового времени (в первую очередь, авантюрно-галантных), и, кроме того, открытого для проникновения элементов из других повестей о кровосмесителе (более всего из Повести об Андрее Критском), а также из фольклорных обработок той же темы и легенд о раскаявшихся разбойниках. Все это приводит к возникновению нескольких вторичных редакций П., условно обозначаемых как «документальная», «фольклорная», «галантная», «компилятивная» и «сыктывкарская», каждая из которых представлена одним списком. Приспособление П. в редакции РД (реже в краткой редакции) к новым литературным потребностям происходит то путем детализации эпизодов, что придает повествованию оттенок документальности («документальная» редакция — ЦГАДА, Типографское собр., № 394, конец XVII в.; опубликована Н. К. Гудзием в ТОДРЛ), то через изложение фабулы былинным складом («фольклорная» редакция — ГИМ, собр. Соколова, № 15, XVIII в.; опубликована там же), то путем развития содержащихся в сюжете авантюрных и романтических мотивов в духе галантной литературы Петровского времени («галантная» редакция — ЦНБ АН УССР, ДА/П-443, XVIII в.; опубликована Н. К. Гудзием в ИОРЯС).

Список ГБЛ, собр. Тихонравова, № 361, нач. XVIII в., опубликованный Н. К. Гудзием в ТОДРЛ и условно называемый «ком-

пилятивной» редакцией, представляет собой произвольное соединение весьма слабо связанных между собой мотивов из П., Повести об Андрее Критском и сюжета «Два великих грешника». При этом рассказ о судьбе самого Григория занимает менее половины текста. Возможно, что это даже не редакция, а новое произведение, возникшее в результате соединения нескольких сходных сюжетов. Идея всесильности покаяния, трижды варьируемая в ходе повествования, приобретает особую убедительность. Текст П. из «сыктывкарского сборника» (Библиотека Сыктывкарского ун-та, Гагаринское собр., № 12, 1797 г.; опубликован Т. Ф. Волковой) возник в результате расширения и детализации краткой редакции, при этом источником многих деталей, а также реплик персонажей послужила Повесть об Андрее Критском. В трех списках известна поздняя редакция П., герой которой именуется Григорием, «декаполитом Палестинским» (опубликована Э. Малэк по списку ИРЛИ, колл. Смирнова, № 6). Создатель ее произвольно соединил тексты редакции РД и краткой, последовательно заменяя католические подробности православными и усиливая дидактику повествования.

П. (вероятно в краткой редакции) явилась одним из предполагаемых источников Повести об Андрее Критском, а позднее сыграла важную роль в сложном процессе взаимовлияния русских повестей на «Эдипов сюжет». Обработка П. вошла также в состав «Вертограда многоцветного» *Симеона Полоцкого* («Блуд с сыном сотворшая мати»), хотя источником виршей Симеона, скорее всего, послужил польский или латинский текст «Римских деяний» (см.: Майков Л. Н. Симеон Полоцкий // Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 99—100). Проводилась параллель между П. и повестью Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница»: (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 209—211). Свидетельством популярности П. является ее переход в фольклор (устные переработки П. перечислены в ранней статье Н. К. Гудзия). Фольклорные переработки, распространенные на Украине, в Белоруссии и в юго-западных районах России, характеризуются смешением подробностей из разных редакций П., заимствованием элементов из других типов «Эдипова сюжета» и из сюжетов о раскаявшихся разбойниках, заменой католических деталей православными и, наконец, смягчением и редуцированием эпизодов кровосмешения. В результате история папы Григория превращается просто в рассказ о необычном происшествии. В фольклоре завер-

шается процесс обмирщения П., наметившийся в ее вторичных редакциях.

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 418—420; Римские деяиия. СПб., 1878. Вып. 2. С. 338—361. (Изд. ОЛДП, № 33); Перетц В. Н. 1) Из истории старииной русской повести // Университетские известия. Киев, 1907. № 9. С. 49—52; 2) Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков // СОРЯС. 1926. Т. 101, № 2. С. 121—124; Гудзий Н. К. 1) К истории легенды о папе Григории // ИОРЯС. 1915. Т. 19, кн. 4. С. 234—256; 2) Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 182—191; Małek E. Nieznana redakcja opowiesci o św. Grzegorzu papieżu // Studia Filologiczne: Filologia rosyjska (6) / Wyższa szkoła pedagogiczna w Bydogoszczy. Bydogoszcz, 1985. Zesz. 16. S. 5—15; Волкова Т. Ф. «Повесть о папе Григории» в крестьяиской обработке // Памятиики письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1, вып. 1. С. 243—253; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужаикова. М., 1991. С. 139—148. («Сокровища древиерусской литературы»).

Лит.: Костомаров Н. И. Легенда о кровосмесителе // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследоваиия. СПб., 1872. Т. 1. С. 309—311; Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 737; Diederichs V. Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russische Revue. 1880. Bd 17, H. 9. S. 119—146; Seelisch A. Die Gregoriuslegende // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1887. Bd. 19. S. 385—412; Bystroń J. Polskie podania ludowe, spokrewnione ze średniowieczną legiendą o świętym Grzegorzu // Wisła. 1888. T. 2. S. 762—766; Драгоманов М. П. Славянските преправки на Едиповата история. София, 1891. Отд. отт. из кн.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 5, 6, 11; Grabowski. Podania o związkach między najbliższym rodzeństwem // Wisla. 1892. T. 6. S. 54—79, 279—299; Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. Протоколы. С. 4 (доклад М. И. Соколова о принадлежащем ему сборнике повестей нач. XVIII в.); Яцимирский А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Гудзий Н. К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // РФВ. 1915. Т. 73, № 1. С. 11, 18; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 166—171; Назаревский. Библиография. С. 88—92; Małek E. 1) Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 141—148; 2) Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988. S. 118, 126, 128—130; Климова М. Н. 1) О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 42, 45—46; 2) Повесть об Аидрее Критском: (Проблемы текстологии и литературиой истории). Автореф. дисс. ... каид. филол. наук. Л., 1989; Elstein Y. The Greogorius Legend: Its Christian Version and its Metamorphosis in the Hassidic Tale // Fabula. 1986. Bd 27, H. 3/4. S. 195—215.

М. Н. Климова

Повесть о Петре Златых Ключей — рыцарский роман, переведенный во 2-й пол. XVII в. Вопрос об оригинале П. был поставлен еще П. М. Строевым, который высказал предположение, что она является переводом с латинского языка (Строев П. М. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848. № 438, С. 541). Исследователь исходил при этом из указания в некоторых списках П., что она «выдана с латынского на славено-

российский диалект». А. Н. Пыпин оспорил эту точку зрения на том основании, что, во-первых, латинская версия П. неизвестна, а во-вторых, в русском тексте имеется большое количество полонизмов — следов польского оригинала. Предположение А. Н. Пыпина о польском оригинале русского памятника подтвердил позднее С. Л. Пташицкий, сравнивший с русским текстом шесть изданий польской «Истории о Магелоне». В 1911 г. к этой точке зрения присоединился В. И. Резанов. Новые доказательства того, что П. была переведена с польского, а не с латинского языка находятся в монографическом исследовании памятника В. Д. Кузьминой. Согласно этому исследованию, литературная история П. представляется в следующем виде.

Первоисточником П. является французский куртуазный роман XV в. Памятник этот не был типичным рыцарским романом. По словам французского исследователя М. Рока, автор романа, «подобно многим своим современникам, питал больше любопытства к блестящим остаткам рыцарства, чем был действительно проникнут его идеями. Его, несомненно, занимали вопросы религии, но еще больше — вопросы морали, ... вопросы честности и почти буржуазных приличий» (цит. по кн.: Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. С. 150). Французский роман о Петре и Магелоне соединял в себе некоторые особенности средневековой культуры и культуры Возрождения. В славянских литературах французский роман появился во второй редакции, возникшей в 1450-е гг. В ней, по словам В. Д. Кузьминой, намечается отход от рыцарско-феодальных традиций как в идеологии, так и в стиле произведения, любовная тема трактуется в духе идеалов Возрождения, намечена эволюция образов. Оригиналом для русского перевода послужил польский текст, который, в свою очередь, являлся переводом немецкой версии В. Варбека или чешского перевода последней. Близость немецкого и чешского текстов не дает возможности ответить на вопрос, который из них явился оригиналом для польского переводчика. Польский автор допустил ряд отступлений от оригинала. Он создал не перевод, а скорее свободное переложение своего источника, значительно его расширив. Все особенности польской версии сохранились и в первоначальной русской редакции П.

На Украине и на Руси П. появилась во 2-й пол. XVII в. Украинский перевод представлен единственным списком в Шаргородском сборнике священника Григория «Библия малая» — ГБЛ, собр. Ундольского, № 527, 1660 г. Он представляет собой довольно точный перевод польского текста; творчество переводчика ограничивается сокращением оригинала. Русский перевод П. был сделан, судя по указанию некоторых списков, в 1662 г. В. Д. Кузьмина считает, что перевод был выполнен служащим Посольского приказа, о чем, по ее мнению, свидетельствует язык произведения. Характеризуя пере-

вод, исследователи (В. И. Резанов, В. Д. Кузьмина) отмечают, что он, хотя и пестрит полонизмами, далеко не везде является дословным. Здесь есть сокращения, вставки, замена косвенной речи на прямую и др. Несколько изменено было и заглавие П. Если в польском она называлась «Историей о Магелоне», то почти все русские списки указывают в заглавии имена обоих героев, причем имя Петра стоит на первом месте. Характерными чертами русского перевода являются также ослабление католического колорита, пропуски эпизодов, чуждых русскому быту, введение русской фразеологии, попытка сблизить образ рыцаря Петра с образами русских богатырей, бóльшая сжатость изложения.

П. была очень популярна у русских читателей XVII—XIX вв. Об этом говорит уже число сохранившихся списков (более 100). Если в XVII в. она читалась, по-видимому, лишь в придворной среде, то в XVIII в. она становится одной из самых популярных «гисторий», распространяясь в различных читательских кругах: среди дворян, чиновников, купцов, мещан, крестьян, музыкантов, низшего духовенства и т. д. Новая читательская среда обусловила возникновение в XVIII в. новых и разнообразных вариантов первой редакции П.: русифицируется язык и персонажи, вводятся новые эпизоды, или, напротив, сокращаются существующие. Более серьезные изменения текста приводят к появлению новых редакций П. В. Д. Кузьмина выделяет, кроме первоначальной, еще три редакции, созданные в XVIII в. Во второй редакции П. утрачивает черты рыцарского романа и превращается в повесть о добывании невесты знатным кавалером и о приключениях влюбленных, оказавшихся в разлуке. Язык П. приобретает галантность и метафорическую украшенность. В духе чувствительно-риторической лирики 1-й пол. XVIII в. разработаны монологи-жалобы родителей Петра. Третья редакция определена исследователями (В. Ф. Покровской, В. Д. Кузьминой) как агиографическая. Вероятно, правильнее будет отнести ее к дидактическим редакциям переводных приключенческих романов, поскольку редактор стремится к созданию не житийной, а просто душеполезной повести в духе старой традиции. Здесь сокращены любовные эпизоды, к месту и не к месту вставлены благочестивые рассуждения, наставления, молитвы, цитаты из Ветхого и Нового заветов. Язык П. в этой редакции пестрит славянизмами. Во втором варианте агиографической редакции, изданном В. Ф. Покровской, повествованию предшествуют три нравоучительных предисловия. Четвертая, сокращенная редакция П. известна в двух вариантах. Первый вариант (список ГИМ, собр. Соколова, № 143) является промежуточным звеном между рукописными списками второй (русифицированной) редакции и текстом Краткой лубочной сказки. Эпизоды в этом списке последовательно объединяются, но сохраняются любовные диалоги. Характерна для этой редакции и дальнейшая русификация воинских эпизодов. Вторым вариантом четвертой редакции является

печатный текст Краткой лубочной сказки с 8 картинками и рукописные копии лубочных изданий. Наибольший успех выпал на долю первоначальной редакции. Именно она (особенно ее русифицированный вариант) представлена в наибольшем количестве списков и была использована при инсценировке П. в XVIII в. в театре царевны Натальи Алексеевны (см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны*).

В 1780 г. был сделан новый русский перевод французской Повести о Петре Златых Ключей. Его непосредственный источник — переделка средневекового романа о Петре и Магелоне, выполненная Ж. де Кастилоном, автором «Голубой библиотеки», состоящей из семи рыцарских романов. Ж. де Кастилон, свободно обращаясь с первоисточником, почти вдвое увеличил размеры произведения: он развернул едва намеченные эпизоды, широко ввел в свое произведение рассуждения на философские и общественно-политические темы. Эти особенности переделки Ж. де Кастилона сохраняются и в русском переводе. Имя русского переводчика неизвестно. В. Д. Кузьмина предполагает, что инициалы «Д. М.» на титульном листе смоленского издания «Истории о Петре Прованском» («В приказе общественного призрения 1796 года. Переведено с французского Д. М.») указывают на Ф. И. Дмитриева-Мамонова как на ее переводчика. Ф. И. Дмитриев-Мамонов, чьи поместья находились неподалеку от Смоленска, играл известную роль в работе типографии, выпустившей книгу.

Изд.: Покровская В. Ф. Повесть об испанском королевиче Бруие и его супруге Мелеонии: (К истории переводной литературы XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 186—198; Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 275—331; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 323—373.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) О романах в старинной русской литературе // Современник. 1854. Т. 48, № 12. Отд. II. С. 82—89; 2) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 235—237; Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. XXV—XXVI. (ПДПИ, вып. 128); Пташицкий С. Л. Обзор материала по истории средневековой повести в Польше // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 350; Георгиевский Г. П. Две драмы петровского времени // Там же. 1905. Т. 10, кн. 1. С. 185—204; Резанов В. И. Непосредственный источник романа о Петре Златых Ключах // Там же. 1911. Т. 16, кн. 3. С. 141—150; Бадалич И. Об одном драматическом памятнике петровского времени // Там же. 1926. Т. 31. С. 231—266; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 192—199; Назаревский. Библиография. С. 125—127; Кузьмина В. Д. 1) Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии: («Бова» и «Петр Златые Ключи») // IV Международный съезд славистов: Славянская филология. Сб. статей. М., 1958. Т. 2. С. 355—396; 2) Русский перевод польского текста «Истории о Магелоне» (Повесть о Петре Златые Ключи) в XVII веке // Всесоюзная конференция по славянской филологии 17—22 декабря 1962 г. в ЛГУ: Программа и тезисы докладов. Л., 1962. С. 24—25; 3) Polska wersja «Historii o Magelonie», jej przeklad ukrainski i rossyjski z XVII wieku // Slavia Orientalis. 1962. Rocz. 11, N 3. S. 323—350; Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 22—32.

Л. В. Соколова

Повесть о победах Московского государства («Повесть известна о победах Московскаго государства, колики напасти подъяша за умножение грех наших от междоусобныя брани от поганых ляхов и от литвы, и от русских воров, и како от толиких зол избавил ны всемилостивый Господь Бог наш своим человеколюбием и молитвами пречистыя его Матери, и всех ради святых, обращая нас в первое достояние своим человеколюбием. Написано вкратце») — произведение, посвященное событиям Смутного времени нач. XVII в. П., известная в единственном списке XVIII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1501, была написана в конце 1620-х или на рубеже 1620-х и 1630-х гг. Последнее описанное в ней событие — принесение в Москву дара шаха Аббаса в 1625 г. (ср. *Сказания о даре шаха Аббаса*). Главным аргументом в пользу указанной датировки служит тот факт, что автор, который проявляет повышенное внимание к судьбе захваченного Польшей Смоленска, подробно рассказав о борьбе за его освобождение в 1613—1615 гг., ничего не сообщает о неудачной осаде города русской армией во главе с боярином М. Б. Шеиным в 1632—1634 гг.

Совершенно необычное для литературных памятников о Смуте оптимистическое заглавие объясняется тем, что, в отличие от других писателей, автор П. оценивал прошедшие события с точки зрения общего исхода Смуты. Сохранив нарушенный в Смутное время феодальный порядок, Россия одержала общую победу, которая была достигнута в результате малых и больших побед. Есть верить П., все победы были одержаны при участии смоленских дворян, к числу которых, по-видимому, относился и автор П. Его цель состояла в том, чтобы представить смоленских дворян спасителями страны, указать на их выдающуюся роль в благополучном исходе Смуты, поэтому основное содержание П. составляет рассказ о тех событиях, в которых действия «смольнян» имели решающее, по мнению автора, значение.

Замысел автора обусловил и хронологические рамки повествования. В отличие от других повестей и сказаний о Смуте, П. начинается не описанием преступных деяний *Бориса Годунова,* а рассказом о подавлении восстания *И. И. Болотникова* в 1606—1607 гг., когда смольняне, согласно автору, совершили свой первый значительный подвиг, выступив против внутренних врагов. Выделяется П. среди исторических повестей о Смуте более сложной сюжетно-композиционной структурой. Последовательно развивая основную тему — смоленские дворяне в Смутное время, автор постоянно прерывает ее, обращаясь к другим, более частным темам. При этом он не исчерпывает их в одном месте, но развивает каждый сюжет, как правило, в нескольких отступлениях. Героические действия М. В. Скопина-Шуйского и история осады Смоленска раскрываются в трех отрывках, размещенных в разных частях П. Несколько таких отрывков, посвященных разным темам и

расположенных рядом, подчинены более общей теме. Например, тема «смятения велия», т. е. наступившего после свержения Василия Шуйского периода растерянности и безвластия, изложена в отрывках, рассказывающих о смерти М. В. Скопина-Шуйского, Клушинском поражении и измене шведских наемников, пленении Василия Шуйского поляками, признании королевича Владислава русским царем вопреки запрету патриарха *Гермогена.*

Примечательна в П. характеристика царя Василия Шуйского. Хотя все русские монархи вызывают у автора только почтительное отношение, Василию Шуйскому он посвящает восторженные панегирики, превосходящие своей эмоциональностью хвалы представителям новой династии — *Михаилу Феодоровичу* и *Филарету.* Объяснение этого факта находится в тексте П., где неоднократно подчеркивается, что между царем Шуйским и смоленским дворянством в ходе гражданской войны установилось взаимное расположение. Смольняне преданно служили этому царю, оставаясь верными ему в самые сложные моменты его царствования — в борьбе с крестьянской армией Болотникова и с «тушинским вором», которого поддерживали польско-литовские войска. Василий Шуйский, в свою очередь, постоянно отличал смольнян среди других дворян, «много жаловал и их службу и радение пред всеми похвалял».

Работая над П., автор опирался не только на личные наблюдения, но пользовался также рассказами земляков, которые сообщили ему о подробностях обороны Смоленска, обращался к Разрядным записям. В П. обнаруживается влияние довольно значительного круга как современных автору, так и более ранних произведений. П. — единственный памятник, в котором всерьез отразилось *«Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина».* Настроения создателя «Писания» были близки автору П., искренне сожалевшему о неожиданной смерти народного героя. Он также считал, что Скопин был умерщвлен завистливыми боярами, поэтому в рассказе о смерти воеводы «Писание» используется и как источник, и как литературный образец. Сохранив почти все плачи «Писания», но переделав их, автор П. написал плач княгини Александры Васильевны, жены Скопина, который отличается от ее плача в «Писании» лиризмом, бóльшим объемом и является последним из известных в древнерусской литературе вдовьих плачей. Рассказ об осаде Смоленска обнаруживает зависимость от «Повести о взятии Царьграда» *Нестора Искандера,* так как в глазах автора П. падение Смоленска имело для России такое же значение, как падение Константинополя для Византии. Панегирические портреты царя Феодора и Бориса Годунова из составленной патриархом *Иовом* «Повести о житии царя Феодора Иоанновича» служили примером автору П. при создании образов Скопина-Шуйского, царя Василия Шуйского и др. В заключительной части П. автор использует идею

Сказаний о даре шаха Аббаса: «божественный дар» — риза Христова послана Богом Михаилу и Филарету Романовым в знак благоволения к ним, как свидетельство окончания всех бедствий, прощения грехов русского народа.

Среди идеализированных образов положительных героев выделяется в П. своей сложностью образ Козьмы Минина. Он тоже обладает идеальными чертами, но подробный, часто реалистически написанный рассказ о действиях Козьмы Минина делает этот образ жизненно правдивым.

Рассказывая о подвигах смольнян, автор П. описал все важнейшие эпизоды крестьянской войны и национально-освободительного движения. Поскольку автор П. был одним из этих смольнян, П. насыщена его собственными впечатлениями и такими подробностями и фактами, которые не встречаются ни в других литературных произведениях, ни в документальных материалах. В частности, П. рассказывает о Козьме Минине, что он, сталкиваясь с отказом богатых жителей Балахны и Ярославля обеспечивать ополчение материальными средствами, выполнял «приговор всеа земли» и прибегал к насилию. Впервые в источниках русского происхождения в П. названо имя Андрея Беляницына, который взорвал во время последнего штурма Смоленска древний Успенский собор, заполненный не пожелавшими сдаваться в плен защитниками и жителями города.

Изд.: Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Енин Г. П. 1) Вариант повести о князе М. В. Скопине-Шуйском // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Л., 1975. С. 16—17; 2) Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. М., 1977. С. 12—22; 3) Новый источник по истории России начала XVII века // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. С. 132—143.

Г. П. Енин

Повесть о победе под Москвой и Земском соборе 1613 года — публицистическое произведение нач. XVII в. П. сохранилась в составе хронографической компиляции, читающейся в списках Государственного литературного музея, инв. № 53173 (конец XVII в.) и БАН, 33.10.13 (последняя четв. XVIII в.), а также в «Истории» *Авраамия Палицына* по списку БАН, 32.4.4 (нач. XVIII в.), не учтенному издателями памятника. В последней рукописи находим также *«Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина»* (оно присутствует и в хронографической компиляции), причем, подобно П., оно написано другим почерком, нежели текст «Истории». Очевидно, источником этих интерполяций явился компилятивный хронограф, но в списке, отличающемся от

дошедших до нас. Сохраненный компиляторами текст П. не вполне исправен. Так, после сообщения о заключении «больших панов по темницам ... и по городом» маловразумительно сказано о том, что «мысль имеяше с Литвою мирнаго времени» (очевидно, предполагался размен пленных по условиям мирного соглашения с Речью Посполитой). Сомнительно, однако, что известие П. о «польских» казаках является опиской, как представлялось издателям произведения (по их мнению, речь должна идти о волжских казаках). Вероятно, здесь имеются в виду полевые казаки, т. е. выходцы из «польских» уездов («Поля»).

Публикаторы П. сводят ее к рассказу об избрании на русский престол *Михаила Феодоровича*. Впрочем, А. Л. Станиславский, автор вступительной статьи к изданию произведения, не исключает, что повествование о Земском соборе 1613 г. служит «частью более обширного сочинения». Начало этого повествования («По взятии царствующего града Москвы многих литовских людей посекоша...») подтверждает такое предположение, наводя на мысль о том, что в П. шла речь по крайней мере еще и об освобождении столицы от поляков в 1612 г. Действительно, во всех трех списках рассказ Палицына о победе ополченцев над войсками гетмана К. Ходкевича дополнен сообщениями, которые можно отнести к тому же произведению, что и описание воцарения Михаила Федоровича, т. е. к П.

Согласно П., *Д. Т. Трубецкой* был недоволен долгим пребыванием *Д. М. Пожарского* в Ярославле и Троице-Сергиевом монастыре; из-за вражды предводителей ополчений погибло много людей; видя это, Палицын и Козьма Минин не раз приезжали к воеводам, со слезами умоляли их помириться. Те же, попросив прощения друг у друга, объединили свои полки, осадили в Кремле «литву» и возле собственных станов «крепости поделали». 22 августа 1612 г. ополченцы нанесли поражение войскам Ходкевича под Москвой. Об освобождении столицы от оккупантов в компилятивном хронографе рассказывается по «Истории» Авраамия Палицына. Видимо, у его составителя имелся такой список П., в котором текст о московском «взятии» полностью не сохранился, либо, что вероятнее, оно было описано в П. менее обстоятельно, чем в палицынской «книге». После освобождения «царствующего града» бояре выдвинули из своей среды восемь кандидатов на престол, но медлили с избранием государя. Казаки, внушавшие страх знати, ускорили «царское обиранье»; вопреки расчетам вельмож, они добились воцарения юного Михаила Романова (которого не было среди названных боярами претендентов) и заставили «начальствующих» присягнуть ему.

П., отражающая живые впечатления современника, вероятно, сложилась в среде посадских людей столицы. Сообщая об осаде

Кремля и сражении с Ходкевичем, ее автор перечисляет башни и ворота московских «градов», точно указывает, куда отступили поляки после неудачной попытки ворваться в Москву. Из П. узнаем о том, что в составе войска Ходкевича, помимо «польских и литовских людей», были немцы, черкасы, «угры», выходцы из Лифляндии. Все это может свидетельствовать об участии ее создателя в боях у стен столицы. По мнению А. Л. Станиславского, он вступил в ополчение после «московского разорения» 1611 г. и вернулся к прежним занятиям, когда оккупационный гарнизон сложил оружие. Исследователь думает, что автор П. принадлежал «к посадским людям или близким к ним социальным слоям, а может быть, и сам торговал с казаками на московском базаре» (в произведении упоминается о «гулянии» толп казаков «в базарь»). Менее убедительно заключение А. Л. Станиславского о том, что П. возникла «скорее всего в 1613 году». По свидетельству публициста, казаки покинули Москву и «сташа в поле» после приезда Михаила Федоровича из Костромы в столицу и «утверждения» его на престоле (возможно, после коронации). Между тем, известно, что казаки выступили из Москвы к Смоленску (данный факт отметил сам А. Л. Станиславский) и в поход против И. М. Заруцкого в марте—апреле 1613 г., т. е. еще до воцарения Михаила Федоровича. Объединение земских ополчений произошло не накануне сражения с Ходкевичем, а месяц спустя (Садиков П. А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение 1611—1612 гг. // ЛЗАК за 1927—1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 10). Свойственная П. «известная упрощенность в изображении хода Земского собора» объясняется не «острой публицистической антибоярской направленностью сочинения», как полагает А. Л. Станиславский, а недостаточной осведомленностью автора. Вопреки его утверждению, предложение казаков об избрании на царство Михаила Романова не могло быть неожиданным для боярского руководства Земского собора, эта кандидатура выдвигалась с конца 1612 г. и поначалу была даже отвергнута собором (Замятин Г. А. К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. 1926. Т. 3. С. 20—23, 25, 29—31, 41, 42, и др.). Не было неожиданным и крушение надежд Трубецкого на получение трона; вслед за Д. В. Цветаевым, Н. П. Лихачевым и А. А. Семиным, можно считать, что это стало ясно еще в январе 1613 г. К тому же казаки поддерживали притязания Трубецкого не только во время пиров на его дворе. А. Л. Станиславский находит достоверным приведенный в П. список претендентов на престол, хотя признает, что один из них — князь И. Б. Черкасский не пользовался популярностью среди участников освободительного движения. В казачьей среде был популярен Д. М. Черкасский, кандидатура которого, по показаниям лифляндского дворянина Г. Брюнно, выдвигалась на соборе (Замятин Г. А. К истории... С. 31, 49, 72). Как указывает А. Л. Станиславский, в П. сильно завышена численность казаков, находившихся

в Москве в конце 1612—нач. 1613 г. Известно также, что сторонниками Михаила Романова являлись не одни казаки. Допущенные автором П. фактические неточности позволяют думать, что он не писал по горячим следам событий. Ясно, что П. создана до возвращения в Москву патриарха *Филарета* (июнь 1619 г.). Определить время ее появления с бóльшой точностью затруднительно.

П. по многим признакам сходна с другими произведениями о Смуте. Автора интересуют мотивы действий его героев (к примеру, Трубецкой щедро угощал казаков, думая с их помощью добиться трона, а потом горько каялся в том, что не «познал лести» казаков и расточал им милости). В П. обращено внимание на изменение внешнего облика людей вследствие внезапных потрясений (лица бояр, услышавших требование казаков об избрании Михаила Федоровича, «кровию пременяющеся», а у Трубецкого, расставшегося с надеждами стать «на Росии царем», «лицо ... почерне»). В П. находим примеры ритмической речи. В рассказах автора о пирах, устроенных Трубецким для казаков, и его болезни «с кручины», звучат фольклорные мотивы.

Изд.: Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года // ВИ. 1985. № 5. С. 89—96.

Лит.: Станиславский А. Л. 1) Русское казачество в первой четверти XVII века. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1984. С. 16, 17, 26—28; 2) Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 84—90, 256, примеч. 8, 271.

Я. Г. Солодкин

Повесть о португальском посольстве («Повесть бывшаго посольства в Португальской земли, история о португальском и брандебургском мудрецах») — произведение рубежа XVII и XVIII вв., разрабатывающее сказочный сюжет о сватовстве к королевской дочери, успех которого определялся победой в споре и в отгадывании загадок. Португальский король, отец прекрасной дочери, обещает отдать ее в жены тому царю или королю, мудрец которого переспорит португальского мудреца. В бранденбургской земле отыскался человек «от проста некто и неславна рода, и весма не имый ни от кого чести», который взялся тягаться с португальским мудрецом. Его отправляют послом к португальскому королю. Ситуация эта, как отметил Н. С. Тихонравов, хорошо известна произведениям мировой литературы, ср. словесные соревнования Эзопа и Ксанфа, Маркольфа и Соломона, хитрости Панурга, Эйленшпигеля, и др. Встречаются подобные коллизии и в народных анекдотах, где дураки и шуты оказываются мудрее книжников и ученых философов.

Состязания в П. происходят в разной форме — сначала жестами, ибо португальский король поставил условием, чтобы иноземный мудрец мог дать ответ немому. При этом повторяется прием, извест-

ный по спору Соломона и Маркольфа, когда на глубокомысленные изречения Соломона Маркольф дает заведомо сниженные ответы при помощи пословиц или притч, переводящие спор на низменную почву житейских отношений. Так, если португальский мудрец, подняв один перст, спрашивал, кто сотворил небо и свет, то бранденбургский, показав два перста, объяснял это так: «твой мудрец ... хощша жива кверху подняти, аз же ... и к самой земле приклоню и ударю о землю, и с землею смешу», и т. д. Возможно, источником этой части П. послужило «Слово о вере христианской и жидовской», где в споре о вере между христианином и иудеем Тараской применяются те же приемы спора при помощи жестов. Совпадает с рассказом П. и часть сюжетов. Н. С. Тихонравов, опубликовавший русскую версию Спора о вере по списку XVII в., находит ей аналогии в средневековой немецкой литературе XV в. (см.: Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. С. 66—78).

Следующий круг спора происходит уже гласно и касается вопросов географии, зоологии, происхождения человека и животных. Обсуждаемые темы несколько напоминают вопросы *Голубиной книги, Беседы Иерусалимской* и *Беседы трех святителей* (например: «высоко ли от нас и далеко ли небо?»; «коли есть глубина морская величеством?»; «кто родися не умре?»; «кто прежде Адама со брадою сотворен бе?» и др.), хотя ответы не всегда повторяют те, что читаются в названных произведениях. Затем состязание мудрецов переносится за обеденный стол, где бранденбургского мудреца потчуют громадным сыром, мясом, дыней, капустой, огурцом, и всякий раз бранденбуржец описывает более гигантские предметы, будто бы существующие в его стране (в сыр провалились жеребенок и теленок, в дыне едва не утонул человек, капустным листом накрыта изба и пр.). Этот фрагмент П. сопоставим с сюжетами славянских сказок, в некоторых из них также присутствует мотив сватовства и участвует хитрый сват-враль (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 1920 А: Лгала и Подлыгала, С. 376; № 1960 Д, 1960 Е, С. 379). Возможно, фольклорного происхождения и рецепт необыкновенного пирога, сделанного бранденбургским послом — «без муки и воды, ни печен, ни варен, ни жарен». На всех этапах спора португальский мудрец признает себя побежденным.

П. Н. Шеффер, первый интерпретатор П., осторожно назвал ее русской переработкой чужого материала и определил как светскую повесть, построенную на литературном материале, обращавшемся в допетровской Руси. В. В. Сиповский, опубликовавший текст П., предположил, правда, без достаточных оснований, что она могла быть русифицированным переводом какого-либо польского произведения. Фольклорист В. Андерсон определил П. как русское оригинальное произведение, возникшее на рубеже XVII и XVIII вв. и состоящее из ряда весьма распространенных анекдотов и загадок. Современная исследовательница Э. Малэк также не находит для П.

польского прототипа и относит ее к оригинальным произведениям русской прозы. Исследуя источники П., она отмечает ее компилятивный характер и указывает целый ряд сюжетов, почерпнутых из письменной и устной литературы: из Судов Соломона (см. *Апокрифы о Соломоне*) — разделение одинаково одетых мальчиков и девочек, из второго перевода *Великого зерцала* — рассказ о бесе, сторожившем у пустынника репу, из жарт и басен — повестушку на тему «От чего в мире брани, и свары, и гнев бывает». Загадки о рюмке с вином и о рукописных книгах Э. Малэк сопоставляет с текстами, читающимися в русских сборниках конца XVII в. (ГПБ, собр. Титова, № 1766; собр. Тиханова, № 217; O.XVII.260). По ее словам, П. «сотканная из готовых книжных элементов, вплетенных в сказочную рамку, является ... ярким примером сочетания книжником переходного периода фольклорного и книжного начал». Наличие, в числе источников П., второго перевода Великого зерцала подтверждает ее датировку концом XVII—нач. XVIII в.

Первым исследователям П. она была известна в одном списке 1-й пол. XVIII в. БАН, 13.6.8. Э. Малэк разыскала еще два списка — БАН, 21.8.34, сер. XVIII в. и ГИМ, Музейское собр., № 1388, нач. XVIII в. Во многих местах они более исправны по сравнению с опубликованным.

Изд.: Сиповскнй В. В. Русские повестн XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. LXII, 268—284; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 468—483; Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 210—211, 405—406. («Сокровнща древнерусской литературы») (фрагменты).

Лит.: Народные славянскне рассказы, нзданные И. Боричевскнм. СПб., 1844. № 34; Веселовский А. Н. Славянскне сказання о Соломоне н Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлнне. СПб., 1872. С. 246, 248; Тнхонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 1. С. 314—317; Шеффер П. Н. [Резюме доклада] // Отчет о заседаиии Общества любнтелей древией письменностн в 1899—1900 гг. С приложением. СПб., 1901. С. 17. (ПДПИ, вып. 141); Андерсон В. Император н аббат: История одного народного анекдота. Казаиь, 1916. Т. 1. С. 392; Адриаиова-Перетц и Покровская. Древиерусская повесть. С. 199; Предаиия н сказки Горьковской области / Запись и редакцня текстов, вступ. ст. н прнмеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1956. № 18, С. 99—102; Державнна О. А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 243; Русский фольклор в Литве / Исслед. и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975. Отд. «Сказки». № 166. С. 337—339; Малэк Э. О происхождеиин н нсточинках «Повестн бывшего посольства в Португальской земле» // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria. 1988. Т. 22. С. 7—16.

М. Д. Каган

Повесть о разорении Московского государства («Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли, како и от чего и откуда начало изыде тех бед и напастей») — произведение, посвященное событиям Смутного времени нач. XVII в. и написанное в 1654 г. Заглавие П. имеет добавление: «Выписано из летописных книг

и от иных повестей». Тем самым автор указал на компилятивный характер своего сочинения. Неоднократно повторяя это указание в тексте, он называет в некоторых случаях конкретные источники. Так, о *Борисе Годунове* и царе Феодоре Иоанновиче он сообщает, «яко же о нем писано в житии его», имея в виду «Повесть о житии царя Феодора Иоанновича» патриарха *Иова.* Под «летописью русской» автор подразумевает *Летопись Никоновскую* с ее продолжением — *Летописцем Новым,* из которого в П. больше всего заимствований: отсюда взяты описание гибели царевича Димитрия, рассказ о гонениях Бориса Годунова на митрополита Дионисия и на бояр, история *Григория Отрепьева,* сообщение о распространившихся при Годунове разбоях и борьбе с ними и т. д. Подобно авторам *Хронографа Русского* в редакции 1617 г. и *«Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго»,* автор П. проводит аналогию между событиями нач. XVII в. и историей Византии. Из «Истории» *Авраамия Палицына* в П. перешли, помимо других известий, описания пожара в Москве после смерти царевича Димитрия, голода 1601—1603 гг., венчания на царство Бориса Годунова и др. Из отдельных замечаний автора ясно, что он и сам был современником Смуты, но полная зависимость от перечисленных произведений снижает ценность П. как исторического источника. Автор П. и не ставил своей целью сообщить что-то новое о давно минувших событиях. Он проявляет самостоятельность в их осмыслении. Заметно желание автора П. подробно объяснить все, о чем в источниках только бегло упомянуто или недоговорено. Например, противопоставление злодеяний Бориса Годунова и его заботы о народе во время голода в ранних произведениях дается только путем перечисления фактов. В П. это противопоставление сопровождает обширный разъясняющий комментарий. Добрые дела не избавили Бориса от Божьего суда: Богу «его добродеяния не угодно бысть», ибо он убил своего господина и захватил его «достояние».

Внутриполитические события эпохи Смуты часто изображаются в П. как проявление социально-классовой борьбы: первыми поддержавшие Григория Отрепьева донские казаки преследовались правительством Годунова; принявшие самозванца многолюдные «украйные грады» были сплошь заселены беглыми крестьянами и холопами; армию *И. И. Болотникова* составляли «холопи боярские и донские казаки», которые казнили «во всех градех бояр и воевод ... и дворян честных»; неудача ополчения князя *Д. Т. Трубецкого* имела своей причиной «нелюбие» «уездных людей» к дворянам.

Рассказ о Смутном времени играет в П. служебную роль. Намерение автора заключалось в том, чтобы показать польского короля и «сенаторей» главными виновниками разорения России и гибели

множества русских людей. Эту мысль он последовательно доказывает на протяжении всей П., перечисляя их «неправды». Согласно автору П., польское правительство сознательно воспользовалось внутренними неурядицами России для нападения на нее с целью установить «латинскую веру». Других причин не было, поскольку «ни земли их не заяхом, ни ссоры порубежныя с ними ни сотворихом, но пребывающе в мире и любви мнозе». Поляки причинили неисчислимое зло русскому народу, лишив жизни множество людей, огнем и мечом уничтожив города, монастыри и деревни.

Через всю П. проходит мысль о божественной справедливости. Бог наказал русский народ «за грехи», но он и защитил его, сохранил страну и православие в России. Все виновники «московского разорения», начиная с Бориса Годунова и Отрепьева, наказаны. теперь пришло время возмездия для Польши. Наказание уже началось. как видно из того, что в Польше сложилась обстановка, подобная ситуации в России в нач. XVII в. Орудием божественного возмездия должна стать Россия, потому что, кроме мести за «разорение», у нее имеются еще причины наказать «еретиков». Главная из них состоит в том, что поляки, когда-то сами бывшие в православии, притесняют в Малороссии православных христиан, которые обратились к царю с просьбой о защите и помощи.

П. представляет собой настоящий политический памфлет, который содержит доказательства справедливости начатой Россией войны и откровенный призыв к беспощадному возмездию: «...день отмщения настоит, и время воздаяния належит нечестивым, и унижения гордым». Автор П. является представителем крайнего направления, образовавшегося в России в период длительного обсуждения вопроса о присоединении Украины к России, т. е. вопроса о войне с Польшей. Весьма пристрастный в суждениях о поляках, автор П. не менее субъективен и в отношениях к своим оппонентам, которых характеризует довольно оскорбительными словами. Кто упрекает его, что он радуется кровопролитию в Польше, «той зело млад есть не токмо леты, но и умом», ибо сам не помнит, а из книг и устных рассказов не познал всех бед «от тех еретиков».

Стилистические особенности П. обусловлены в значительной мере ее компилятивным характером и публицистической задачей автора. Экспрессивные риторические восклицания по поводу несчастий страны были свойственны всем литературным источникам П., как и обвинения в адрес поляков. Впрочем, в последнем случае автор чаще всего проявляет собственную инициативу. Ссылки на библейские книги традиционны для всей древнерусской литературы, однако П. отличается особенной продуманностью в их использовании. Во-первых, в ней присутствуют цитаты почти исключительно из Псалтири. Во-вторых, их чрезвычайно много, и они за-

ключают каждую мысль, каждый аргумент автора. Отличительной чертой П. служит традиционное по содержанию, но изложенное в стихотворной форме начало. Автор говорит в нем о сложностях творчества:

Труд душевиый глаголати понужает мя,
а язык молчати осужает мя;
болезни сердечныя вещати наставляют,
а мысли разумныя душу оставляют;
очи желают точити слезы,
и душа моя болезнует, еже прияти мысли трезвы.

П. дошла до нас в двух списках, которые сохранились в сборниках 2-й пол. XVII в., — ГБЛ, собр. МДА, № 201 и 203. Список П. в рукописи № 203 весь испещрен поправками и добавлениями, написанными над строкой и на полях рукописи. Список № 201 представляет собой беловой вариант списка № 203, ибо в него бережно внесены все добавления и поправки из списка № 203. Обе рукописи происходят из библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Сборник № 203 содержит вкладную запись бывшего владельца *Симона Азарьина.* Исходя из этого, А. Н. Попов признавал список П. в сборнике № 203 автографом Симона Азарьина, а его самого автором П. Эта атрибуция казалась ученому тем более надежной, что он не знал в Троицком монастыре в сер. XVII в. другого писателя, способного создать подобное произведение. Н. М. Уварова, новейшая исследовательница П., подтвердила предположение А. Н. Попова. По ее мнению, «отношение к тексту „Повести" в сборнике № 203 и характер исправлений позволяют предполагать, что переписчик и автор повести, по-видимому, являются одним и тем же лицом». Произведенный ею палеографический анализ свидетельствует о том, что оба списка написаны рукой Симона Азарьина.

Наблюдения А. Н. Попова и Н. М. Уваровой могут быть уточнены, если сравнить П. с другим сочинением Симона Азарьина — «Книгой о новоявленных чудесах преподобного Сергия» (СПб., 1888. С. 1—131. (ПДП, вып. 70)). Их сближает ряд признаков: время и обстоятельства появления, содержание и стиль. Отдельные факты и события в них описаны в сходных выражениях, иногда совпадающих дословно.

Изд.: Попов А. Н. Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. Отд. IX. С. 1—51.

Лит.: Леонид, архимандрит. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 1. С. 86—92, 140—156; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 396—401; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 66—67, 256—257; Уварова Н. М. Симон Азарьин как писатель середины XVII века. Авто-

реф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975; К л и т и н а Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 298—307.

Г. П. Енин

Повесть о разуме человеческом («От книг бытей татарских о разуме человеческом») — русская обработка двух сюжетов восточного фольклора: о умном человеке, который спасает своего глупого брата, осужденного царем за ложь, и о укрощении свирепого хана его советником. На Востоке эти сюжеты самостоятельны и встречаются как в сказках, так и в ранних народных книгах («Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна», «Книга мудрости и лжи» С.-С. Орбелиани и др.); в русской версии они объединены именем главного героя — мудреца Алтына Золотое Слово. В первой части П. Алтын спасает от казни своего брата, который сказал царю, что убил оленя одной стрелой в правое ухо, в левое ухо и в копыто левой задней ноги. Алтын объясняет, что олень левой ногой отбивал от левого уха мошкару, поэтому стрела, попав в правое ухо, вышла в левое и задела копыто левой задней ноги. Во второй части, имеющей особый заголовок «Иная притча о том же царе», но в самостоятельном виде не зарегистрированной, использован широко распространенный в мировом фольклоре мотив «птичьего языка»: некий человек, спасаясь от казни, обещает царю научить его понимать звериный и птичий язык. Суровый хан приказывает «перенять» это умение Алтыну, которому человек признается в обмане. Однако Алтын не выдает его и использует ситуацию, чтобы, «переводя» будто бы диалог двух сов, обличить хана в жестокости и немилосердии. Заключительная мораль толкует о необходимости царям быть милостивыми и о силе премудрости.

Время возникновения П. устанавливается лишь по косвенным данным. Л. Н. Пушкарев относил ее к 1620-м гг. на основании предложеной О. А. Яковлевой датировки сборника с *Летописцем Пискаревским*, где читается самый ранний список П. (см.: Пискаревский летописец / Подгот. текста, вводн. ст., примеч. и указатель О. А. Яковлевой // Материалы по истории СССР. Вып. 2: Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 9). Однако детальный анализ филиграней, проведенный Т. В. Диановой, сдвигает датировку этого сборника к 1640-м гг. (см.: Д и а н о в а Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники — 1976 г. М., 1976. С. 142—147). По-видимому, именно в 1640-х гг. появляется и П. Для этого периода характерен не просто интерес к теме грозного царя, который Л. Н. Пушкарев связывает с итогами Смуты, но и более общее, «всемирное» осмысление ее и в теоретических трактатах, и в формах сказочно-притчевых, псевдоисторических (ср. *Повесть о царе Газие*, *Слово о благочестивом царе Михаиле* и др.). Вывод М. Н. Тихомирова (см.: Т и х о м и р о в М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 247) и

Т. В. Диановой о связи сборника, содержащего Пискаревский летописец, с деятелями Печатного двора, возможно, указывает на те литературные круги, в которых возникла П.

П. сохранилась в двух списках XVII в., учтенных при ее издании.

Изд.: Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестиые русские повести XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 324—327; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 484—486, 661—662; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужаикова. М., 1991. С. 230—233. («Сокровища древнерусской литературы»); Древиерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехииой. М., 1991. С. 229—232. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Пушкарев Л. Н. «Повесть о разуме человечсском» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 322—325; Ромодаиовская Е. К. Русская литература на пороге Нового времеии: Пути формироваиия русской беллетристнки переходиого периода. Новосибирск, 1994. С. 15—27, 41, 136.

Е. К. Ромодановская

Повесть о Савве Грудцыне — произведение, разрабатывающее на русском материале классическую тему средневековых европейских литератур, тему продажи души дьяволу за мирские блага. Название П. сильно варьируется в рук.: «Повесть зело предивна и истинна, еже бысть во дни сия, како человеколюбивый Бог являет человеколюбие свое над народом христианским»; «Повесть зело пречудна и удивлению достойна, иже содеяся во граде Казани некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве»; «Повесть убо сия страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивления достойна, како человеколюбивый Бог, долготерпелив сый, ожидаяй нашего обращения, и неизреченными своими судбами всякаго человека приводит ко спасению, еже бысть во дни сия, и являет человеколюбие свое над родом христианским»; «Повесть сия зело предивна, страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивления достойна, како человеколюбивый Бог долготерпеливый ожидает обращения нашего и неизреченными судбами всякаго приводит ко спасению, еже содеяся в царствующем граде Москве, от чудотворной иконы Богоматери, пресвятыя Богородицы Казанския»; «Повесть зело предивна бысть в древние времена и лета града великого Устюга купца Фомы Грудцына о сыне его Савве, како он даде на себя диаволу рукописание и како избавлен бысть милосердием пресвятыя Богородицы Казанския»; «Сказание о Фоме Грудцыне и о сыне его Савве, како он для женской красоты отдался рукописанием во власть диаволу и како обратился покаянием»; «Повесть о устюжском купце Фоме и о сыне его Савве Грудцыных Усовых. Зело полезно»; «Чюдо пресвятыя Богородицы от иконы ея святыя, нарицаемыя Казанския, о некоем юноше Савве Грудцыне». Действие П. разворачивается в промежутке времени от «лета от сотворения мира 7114», т. е. 1606 г., до Смоленской войны 1632—1634 гг. М. О. Скрипиль, проведя анализ историко-бытовой основы П., пришел к выводу о написании ее в 1666—1668 гг. или в

ближайшее к ним время. Традиционную точку зрения на П. как на произведение XVII в. пыталась оспорить Н. А. Бакланова, считавшая, что реалии, отраженные в П., свидетельствуют о создании ее в нач. XVIII в. С. В. Калачева подвергла критике аргументы Н. А. Баклановой и вернула П. прежнюю датировку 1660-ми гг. Однако не следует преувеличивать историчность П. Спор вокруг реалий П. не может иметь решающего значения для ее датировки, а саму датировку нельзя считать окончательной.

П. является характерным произведением переходного периода в истории русской литературы. В ней переплетаются черты старой, религиозно-дидактической и новой, светской литературы. Двойственна жанровая природа П. Уже первые исследователи видели, что она стоит «на меже между рассказом о чудесах и собственно светской повестью» (Галахов. История русской словесности... С. 485). Д. С. Лихачев определил П. как «модификацию старого телеологического сюжета о грешнике, продавшем душу дьяволу, наказанном и покаявшемся» (Истоки русской беллетристики. С. 536). Данный телеологический сюжет положен, например, в основу «Чуда о прельщенном отроке», где он имеет четко выраженную морально-дидактическую направленность и не содержит ни одного лишнего для назидательности эпизода. В П. же основной сюжет оказывается «дополненным множеством лишних для первоначальной концепции, но чрезвычайно интересных для читателей моментов» (там же). Автор отразил в них быт и нравы России XVII в., что дало основание исследователям видеть в П. первый опыт русского романа (А. Н. Пыпин, В. Кожинов). «Занимательные» эпизоды П. оказывают влияние и на основной телеологический сюжет, они не просто «дополняют» его. Под их влиянием сама схема «чуда» оказывается взорванной, основной дидактический смысл, сконцентрированный в последней части П., перестает быть однозначным. Благодаря цепи увлекательных эпизодов П. удовлетворяла новым читательским вкусам и стала важным этапом на пути русской литературы к беллетристике.

А. С. Демин соотносит П. с новыми явлениями в русской литературе 2-й пол. XVII в., возникшими в связи с общим оживлением общественной жизни. П. отразила актуальные для этого времени представления о переменчивости жизни, о насыщенности ее событиями, отвечала потребности в герое действующем, живом, энергичном. Савва Грудцын, подобно персонажам многих произведений этого времени, находится в беспрерывном движении — «сегодня купец, завтра солдат, а послезавтра инок» (Демин. Русская литература... С. 177). Заключив договор с дьяволом ради любви, Савва вскоре забывает о греховной страсти и отправляется «погуляти». Автор П., будучи по своим взглядам консерватором, осуждает легкомыслие своего героя, поддавшегося суете и порочности земной жизни. Вместе с тем, оставаясь человеком своего времени, автор отразил

новые веяния, допустив разрушение телеологического сюжета и создав пестрое, насыщенное событиями повествования. Написанная в эпоху позднего средневековья, П. отразила процесс распада понятия рода и появления новой, эмансипированной личности, приобретающей индивидуальную судьбу.

П. — сложное в композиционном отношении произведение. Она испытала на себе влияние легендарной литературы (прежде всего сюжетной схемы «чуда»), фольклора (волшебной сказки) и живых в XVII в. религиозно-мифологических представлений (критический обзор мнений о литературных источниках П. см. в статье М. О. Скрипиля 1936 г.). Утверждая связь основного композиционного принципа П. с сюжетной схемой «чуда», исследователи размышляли о возможном влиянии на П. конкретных памятников легендарной литературы. О близости П. к упомянутому «Чуду о прельщенном отроке» писали Н. И. Костомаров, П. В. Владимиров, В. В. Сиповский, Д. С. Лихачев. По мнению М. О. Скрипиля, эпизод посещения Саввой дворца Сатаны напоминает легенду о Меситечародее, читающуюся в *Прологе* под 2 декабря.

Исследователи отмечали близость П. к легендам из таких переводных сборников, как *«Звезда Пресветлая», Великое зерцало*, «Грешных спасение» Агапия Критянина. В «Великом зерцале» встречается несколько новелл, где бес служит человеку. Особенно близка к П. легенда «Како враг диавол служа некоему честну человеку и како не терпит, иде же приносится молитва» (Державина. «Великое зерцало»... С. 230—231). Помимо мотива беса-слуги, в легенде есть эпизод, напоминающий сцену перехода Саввы и беса через Днепр. Сходны даже речи преследователей, сравнивающих беглецов с бесами в человеческом образе. О слугедьяволе говорится и в легенде «О воине непостоянного жития и о неизреченней благодати пресвятыя Богородицы» (Державина. «Великое зерцало»... С. 205—207). Русские переводы «Великого зерцала» включают и ссылку на «Чудо о прельщенном отроке» (переписчик выписал заглавие «Чуда» и сослался на Пролог), что увеличивает вероятность связи между П. и «Великим зерцалом».

Сборник «Грешных спасение» Агапия Критянина содержит, по наблюдениям В. А. Розова, несколько легенд, напоминающих П.: чудо 23 («Об отвержении Христа писанием»); чудо 24 («Чудо о Феофиле»); в чуде 56 святой прозорливец изобличает дьявола. Бес-слуга, дающий деньги, чувственные наслаждения, изображен в нескольких чудесах сборника; есть в сборнике и эпизод посещения царства бесов, и мотив перенесения бесом героя по воздуху; в легенде о Каруле дьявол появляется в образе воина.

На связь с фольклором указывают как чисто «сказочные» сцены П. (эпизод сражения Саввы с польскими исполинами, по словам М. О. Скрипиля, «соткан из народно-поэтических мотивов»: Русская

повесть XVII века. С. 391), так и ее отдельные сюжетные звенья, восходящие к структурным элементам волшебной сказки: отъезд Саввы из отчего дома сопоставим со сказочной отлучкой, забота царя о Савве, намерение беса с Саввой «царю послужити» — с «царской темой» волшебной сказки, предусматривающей счастливый финал — женитьбу героя на царевне (см. работу И. П. Смирнова).

В П. отразились демонологические представления русских людей позднего средневековья, в частности, о возможности заключения договора с дьяволом. Аналогии к П. отыскиваются в документальных источниках XVII—XVIII вв., а также в фольклорных и этнографических записях более позднего времени. Впервые с сюжетом П. сопоставил одно из следственных дел о продаже души дьяволу В. Н. Перетц. Связь П. с демонологическими представлениями объясняет присутствие в ней беса-слуги, играющего важную роль в развитии сюжета. Из следственных дел по колдовству и из фольклорно-этнографических источников явствует, что существовало представление, будто, отрекшись от Бога, от церкви, от роду и племени, человек получал от дьявола беса-слугу, который, неотступно следуя за своим новым «хозяином», исполнял все его желания, касавшиеся прежде всего земных благ — любви, богатства, славы. Служба беса, по мифологическим представлениям, была надежной и даже навязчивой — но непременным ее условием являлась продажа души дьяволу. В этом отличие представленной в П. ситуации от мотива бесовской службы в патериках, житиях и в сборниках, вроде «Великого зерцала», а также в бытовых сказках. Там герой повествования более ловок, умен, он хитростью или силой молитвы заставляет служить на себя беса, соответственно, там отсутствует необходимость заключать договор с дьяволом. О связи П. с мифологическими представлениями говорят, кроме того, эпизод с «волшебным зельем», которое применяет жена Бажена Второго, чтобы отомстить Савве Грудцыну, эпизод, когда «гостинник» с женой спрашивают совета у волхва (он «чарованием своим сказуя, кому какова скорбь приключится»; характерно, что об этом говорится в П. без всякого осуждения).

Та же мифологическая основа послужила почвой для появления других произведений XVII—XVIII вв., в том числе *Слова и сказания о некоем купце* и *«Повести о убогом человеке, како от диавола произведен царем»*. Однако из всех русских повестей, разрабатывающих «фаустовскую тему», П. наиболее полно отразила не только быт, нравы и историю Руси XVII в., но и тогдашние мифологические представления.

М. О. Скрипиль выделил две редакции П., из которых первая редакция представлена в его классификации тремя вариантами; он же восстановил архетип П. Однако из известных М. О. Скрипилю 80 списков к анализу было привлечено 68, разночтения приводились по «наиболее исправным или интересным своими оригиналь-

ными чертами спискам». В. Ф. Ржига, в результате анализа одного из списков П., отнесенного М. О. Скрипилем к первому варианту первой редакции, но не совпадающего с архетипом П., показал, что этот старейший датированный список (1715 г.) дает во многих случаях чтения более правильные в грамматическом отношении и что его лексика в некоторых случаях более архаична или оригинальна.

П. многократно издавалась, в том числе в хрестоматиях и популярных сборниках. Ее мотивы использовались и в новой русской литературе, в частности, А. С. Пушкиным в «Уединенном домике на Васильевском» (через посредство М. Чулкова) и Алексеем Ремизовым («Савва Грудцын», 1949).

Изд.: Летописи Тихоиравова. М., 1859. Т. 2. С. 61—80; ПЛ. СПб., 1861. Вып. 1. С. 169—180, 180—192; Писарев С. Повесть о Савве Грудцыие. СПб., 1880. С. 43—66. (ПДП, вып. 3); Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII веков. СПб., 1905. С. 22—38; Скрипиль М. О. «Повесть о Савве Грудцыне»: (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1946. Т. 5. С. 225—308; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 82—102, 243—263; Ржига В. Ф. «Повесть о Савве Грудцыне»: (по старейшему датированному списку) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 313—325; «Изборник»: (Сборник произведеиий литературы Древией Руси). М., 1969. С. 626—674. (Б-ка всемирной литературы); «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 328—346 (пер. на русс. яз.); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 39—54; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 438—453; 2-е изд. СПб., 1997. С. 438 453; Звездочтец: Русская фаитастика XVII в. М., 1990. С. 19—36. (Б-ка русской фантастики, т. 2); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 309—328. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусские повести / Ред.-сост. И. Остапеико. Пермь, 1991. С. 240—257 (пер. на русс. яз.).

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерк литературной истории старииных повсстей и сказок русских. СПб., 1857. С. 278; 2) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2. С. 545—547, 561; СПб., 1902. Т. 3. С. 399—400; Галахов А. История русской словесности, древней и иовой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 485—491 (раздел написаи А. Н. Веселовским); Владимиров П. В. 1) К исследованию о «Великом Зерцале». Казань, 1885. С. 379; 2) О цикле сказаиий о прельщеиином отроке // Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письмеиности в 1885—1886 гг. СПб., 1887. С. 33. (ПДП, вып. 66); Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 131—134, 223—224; Тихоиравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 1. С. 65—66; Мадуев А. «Повесть о Савве Грудцыие» и легенды о Феофиле Икоиоме // Древиости: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. Протоколы. С. 47; Розов В. А. «Повесть о Савве Грудцыне» // Eranos: Сб. статей в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906. С. 231—241; Перетц В. Н. Из истории старинной русской повести // Уииверситетские известия. Киев, 1907. № 8. С. 33—39; Сиповский В. В. Очерки по истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 136, 228; Петухов Е. В. Русская литература: Исторический обзор главиейших литературных явлеиий древиего и иового периода. Юрьев, 1911. С. 544—546; Рязановский Ф. А. Демонология в древиерусской литературе. М., 1916. С. 51, 59, 60, 65—66; Сперанский М. Н. История древиерусской литературы Московского периода. 5-е изд. М., 1921. С. 206—207; Скрипиль М. О. «Повесть о Савве Грудцыне» // ТОДРЛ. М.: Л., 1935. Т. 2. С. 181—214; М.; Л., 1936. Т. 3. С. 99—152; Баклаиова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыие» // Там же. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 445—461; Калачева С. В. Еще раз о датировке «Повести о Савве Грудцыне» // Там же. М.; Л., 1955.

Т. 11. С. 391—396; Лозанова А. Н. Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг. // Там же. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 326—329; Гусев В. Е. К вопросу о жанре Жития протопопа Аввакума // Там же. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 201; Кожинов В. Происхождение романа: Теоретико-исторический очерк. М., 1963. С. 195—203; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 139—179; Schmücker A. Gestalt und Wirken des Teufels in der russischen Literatur von ihren Anfängen bis ins 17. Jahrhundert. Bonn, 1964. S. 140—168; Державина О. А. «Великое зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 98—100; Лихачев Д. С. 1) Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 299—329; 2) Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 112—113, 117—118, 135; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 525—536 (раздел написан Д. С. Лихачевым); Alsheimer R. Das Magnum Speculum Exemplorum als Ausgangspunkt populärer Erzähltraditionen: Studien zu der Wirkungsgeschichte in Polen und Rußland. Frankfurt am Main, 1971. S. 51—54; Смирнов И. П. 1) От сказки к роману // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 290—304; 2) «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 207—215; Фойтикова Э. Русская бытовая повесть накануне Нового времени. Praha, 1977. С. 59—64; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 67, 108—110, 112, 177; Ромодановская Е. К. 1) Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164—167; 2) Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994; Грачева А. М. Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип // ТОДРЛ. Т. 33. С. 388—400; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 342—348; Багно В. Е. Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и в европейской литературной традиции // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 364—372; Döring-Smirnov J.-R. Dämonologische Vorstellungen in zwei anonymen russischen Erzählungen des XVII. Jahrhunderts // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31/32. P. 101—112; Горелкина (Журавель) О. Д. 1) Русские повести конца XVII—начала XIX в. о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 41—54; 2) Мотив бесаслуги в русских повестях конца XVII—начала XVIII в. о договоре с дьяволом: (В связи с народными представлениями) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 248—258; 3) К проблеме литературных источников Повести о Савве Грудцыне // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Ч. 2: Археография и книжность. Лингвистическое изучение европейского Севера. Сыктывкар, 1990. С. 33—34; 4) К проблеме литературных источников Повести о Савве Грудцыне // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 53—73; 5) Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996; Ильев С. П. Притча о блудном сыне как параболическая основа «Повести о Савве Грудцыне» и «Огненного ангела» В. Брюсова // Академик Василий Михайлович Истрин: Тезисы докладов областных научных чтений, посвященных 125-летию со дня рождения ученого-филолога 11—12 апреля 1990 г. Одесса, 1990. С. 98—100; Литература и культура Древней Руси. С. 132—133; Литература Древней Руси. С. 162—163; Демкова Н. С. Евангельская притча о блудном сыне и ее русские интерпретации XVII века // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 135—147.

О. Д. Горелкина (Журавель)

Повесть о семи мудрецах — переводный памятник, представляющий собой собрание новелл, заключенных в «рамочную» композицию с самостоятельным сюжетом. В древнерусских рук. фигурирует под разными названиями, в том числе: «Повести римские области о некоем цесаре Елеазаре, и о злой жене его, и сыне его Диоклетиане, и о семи мудрецах». Римский цесарь Елеазар, овдовев, послал своего сына Диоклетиана постигать науки у семи мудрецов. Придворные уговорили Елеазара жениться вторично. Молодая жена, узнав о существовании наследника, решила его погубить. Она уговорила цесаря вернуть сына домой. Мудрецы, гадая по звездам, узнали, что Диоклетиан в первые семь дней пребывания дома не сможет вымолвить ни слова. Мачеха, воспользовавшись немотой Диоклетиана, оклеветала его, обвинив в покушении на ее честь. Елеазар велит казнить сына. Мудрецы, тайно сопровождавшие своего ученика в Рим, выступают в его защиту, рассказывая цесарю притчи о коварстве женщин. После каждого рассказа Елеазар отменяет казнь, но мачеха, в свою очередь, рассказывает истории, из которых следует, что сыну нельзя доверять, и цесарь вновь отдает приказ о казни. На восьмой день Диоклетиан обретает дар речи и разоблачает мачеху не только в клевете, чуть не приведшей к его смерти, но и в измене цесарю, ибо под видом одной из служанок она скрывала в своих покоях любовника. Мачеху и ее любовника казнят. Диоклетиан рассказывает еще одну историю — о двух друзьях Александре и Лодвике, сложностью и запутанностью сюжета напоминающую авантюрные переводные повести XVII в. (см. *Повесть о Александре и Лодвике*).

Подобное «рамочное» построение, в котором основной сюжет изложен в начале и в конце, а середина заполнена вставными новеллами, характерно для восточных, преимущественно индийских произведений. Сюжет П. восходит к древнеиндийской литературе первых столетий нашей эры («притчи Синдабада» возникли, возможно, при династии Аршакидов — в 256—323 гг.), хотя индийский оригинал до нас не дошел. Произведение было переведено почти на все восточные языки, а через арабскую (VIII в.), сирийскую, греческую (XI в.) и, наконец, еврейскую (XII—XIII вв.) версии проникло в Европу, где в XV в. с еврейского был сделан латинский перевод П. (Historia septem sapientum Romae). Если в восточных версиях действие происходило в Китае, Индии, Персии, то в западных оно разворачивается в Константинополе и в Риме. В 1540 г. П. была переведена Яном из Кошичек с латинского на польский язык; впоследствии польский перевод был напечатан. Русский перевод П. восходит к польскому оригиналу, однако отличия его от польских изданий заставили ученых предположить существование не дошедшей до нас рукописной польскоязычной версии произведения. М. Мурко дока-

зывал, на основании языковых данных русского перевода, что П. попала в Москву через Белоруссию и Новгород.

О широкой популярности П. в русской литературе свидетельствует наличие около ста ее списков XVII—XVIII вв. Светский характер П., занимательность как рамочного рассказа, так и вставных новелл, соотнесенность части притч с широко распространенными на Руси повестями и поучениями о злых женах — все это привлекало к П. русского читателя. В притчах содержался ряд морально-этических положений, соответствовавших средневековым представлениям, а также рассуждения о смысле жизни, о добре и зле, о человеческих взаимоотношениях. С другой стороны, русский читатель знакомился с новым для него повествовательным материалом — рыцарским бытом, хитрыми проделками ловких женщин, сценами трогательной любви. Две новеллы — о короле, отдавшем рыцарю свою жену и о двух друзьях уже в XVII в. отделились от П. и переписывались самостоятельно. Многие мотивы новелл — говорящие птицы, вещие сны, предсказания, путаница, возникающая из-за сходства героев, исцеление детской кровью и последующее воскрешение детей — были знакомы русским сказкам. В европейской литературе отдельные сюжеты П. встречаются в составе «Декамероне» Дж. Боккаччо.

Предположение некоторых исследователей (А. Н. Пыпина, М. Мурко, А. И. Лященко, Е. В. Петухова) о том, что перевод П. на русский язык был сделан в конце XVI в., и никак не позже нач. XVII в., подтвердилось в результате более точной датировки известных уже списков и благодаря открытию новых списков 1610—1620-х гг. Тем самым оказались неосновательными высказывавшиеся кое-кем сомнения в существовании списка 1634 (или 1637) г. из сгоревшего в 1812 г. собрания Ф. Г. Баузе (Моисеева Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. № 101, С. 319). Ранние списки — ГПБ, собр. Тиханова, № 709; О. XV. 2; ГИМ, собр. Уварова, № 1828 (560) (389) содержат редакции, отошедшие уже от польского оригинала и избавившиеся от большинства полонизмов. Наличие этих списков опровергает утверждение В. Н. Перетца, будто украинский список священника Григория 1660 г. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 527), содержащий краткую версию П., предшествовал русскому варианту.

М. Мурко, исследовавший в 1890-х гг. сорок списков П., разделил их на два класса и три редакции — А, В, С, в зависимости от их близости к архетипу. Это деление на редакции в целом было принято последующими текстологами, хотя характеристика, данная им М. Мурко, непоследовательна и неточна. Например, далеко отстоящие друг от друга редакции А и В исследователь отнес к одному классу. Привлечение новых списков позволило сделать выводу, что редакция А стоит ближе к польскому оригиналу и содержит большое количество полонизмов, а редакции В и С близки друг другу, совпа-

дая во вставных новеллах почти дословно, за исключением диалогов. Расхождения касаются в основном рамочной конструкции. Таким образом, редакции В и С представляют собой варианты одного и того же текста, восходят к общему протографу и характеризуются разной степенью переработки первоначального перевода.

Редакция В еще во многом сохраняет полонизмы оригинала, все вставные новеллы названы в ней повестями, как самостоятельные главы выделены эпизоды ведения царевича на казнь. Редакция С сокращает или вообще убирает некоторые эпизоды, например, размышления Елеазара о необходимости учить сына, совет его с боярами, беседы с мудрецами, договор мудрецов о том, как каждый из них в определенный день избавит царевича от смерти, тайное появление их в Риме. Эти сокращения ведут к упрощению сюжетной линии, повествование теряет напряженность, а герой — часть своих достоинств. Так, в редакции В Диоклетиан сам узнает по звездам условия своего спасения, а в редакции С их сообщают царевичу мудрецы. Но в редакции С появляются психологические мотивировки поступков персонажей, попытка логического обоснования их. Стилистической особенностью этой редакции являются витиеватые фразы, повторы.

Редакция С легла в основу переработки П., сделанной в конце XVII в. иеродиаконом Холопьего монастыря на р. Мологе *Тимофеем Каменевичем-Рвовским,* о чем он сообщается в предисловии к рук. ГПБ, Q. XV. 28, являющейся, по-видимому, его автографом: «Написашася и направишася з древних переводов смиренным канселиром Рвовским Каменевичем во двосотом (1692) годе ... августа 6-го дня». По этому списку текст П. опубликован в ПЛДР.

Различия между списками П., особенно между списками редакции А, с одной стороны, и списками редакций В и С, с другой стороны, столь велики, что А. Н. Пыпин предполагал даже существование двух или более самостоятельных переводов текста. Однако в исследовании М. Мурко определенно установлено, что перевод все же был один, о чем свидетельствуют содержащиеся во всех списках два фрагмента, в которых неверно понят польский оригинал. В четвертой новелле польский текст таков: «żrodlo, z ktorego płynoło siedm strumieniow ow wrzących» (т. е. «источник, из которого вытекало семь горячих ручьев»), между тем русские списки дают: «родник, а на нем семь страментов ворочаются». В притче третьего мудреца «О некоем госте и о птице глаголемой сороке» польское слово «drabine» («лестница») переосмыслено как «дробина»: «и лила воду и на ту строку шибала дробинами и малыми камешки».

Впервые полный текст П. был издан по-русски в 1847 г. и представлял собой перевод с армянской рукописи 1687 г., писанной в Испагани при шахе Сулеймане. Это следует из предисловия

переводчика Давида Серебрякова (История семи мудрецов или воспитание Диоклетиана, римского императора. С 15-ю повестями. Перевод с армянского. М., 1847). Во 2-й пол. XIX в. П. издавалась не только полностью, чаще печатались отдельные новеллы. А. Н. Пыпин опубликовал рассказы «О псе и о соколе», «О некоем вепре и о статусе», «О некоем рыцаре убогом и о детех его» по рук. ГПБ, О. XV. 2. Ф. И. Буслаев издал «Сказание дивно и славно о притчах семи мудрецов. Притча 5-я цесаревы о некоем рыцаре, иже любяше злато» по рук. В. А. Волегова. Ф. Булгаков отдельно опубликовал «Повесть четвертого мудреца Мелихараса о некоем рыцаре и жене его» по рук. ГПБ, собр. Вяземского, Q. 36 и Q. XVII. 27. М. Мурко напечатал повесть третьего мудреца «О мещанине и жене его и о сороке» по рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 1338.

Изд.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 251—260, 353—357; Буслаев. Историческая хрестоматия. Стб. 1393—1398; «Книга седми мудрецов Римския земли о королех и о цысарех и о сыне цысареве Диоклитиане». СПб., 1878—1880. (Изд. ОЛДП, № 29 и 35) (рец.: Nehring W. // Archiv für slavische Philologie. 1880. Bd 4. S. 335—338); Булгаков Ф. История семи мудрецов // Отчет о деятельности Общества любителей древней письменности с 25-го ноября 1879 г. по 1-е апреля 1880. СПб., 1880. С. 7—15. (ПДП, вып. 2); Murko M. Bugarski i srpski prijevod knjige o sedam mudraca, njen izvor i kratak obsir na druge slovenske redakcije // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1890. Kn. 100, N 29. S. 169—209; Гудзій М. К. «Історія семи мудріців» в українській обробоці // Радянське літературознавство. 1959. № 4. С. 117—123; Повесть о семи мудрецах / Подгот. текста и комм. И. Д. Казовской // ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 192—266, 637—638; Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 248—267. («Сокровища древнерусской литературы») (фрагменты).

Лит.: Пыпин А. Н. 1) О романах в старинной русской литературе // Современник. 1854. Т. 48, № 12. С. 98; 2) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2. С. 528—532; Буслаев Ф. И. 1) Повесть о Горе Злочастии // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 590—591; 2) Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 314—318; Петров Н. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 767—769; Murko M. Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1890. Bd 122. Abhandlung X. S. 87—138; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1. Отд. 1. Древнерусская словесность. С. 440—443 (раздел написан А. Н. Веселовским); Жданов И. Н. Русский былевой эпос. II. Повести об Александре и Людовике и былина «Нерассказанный сон» // ЖМНП. 1894. Июль. С. 62—102 (рец.: Соболевский А. // ЖМНП. 1895. Октябрь. С. 355—356); Л[ящен]ко А. И. Семь мудрецов // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29. С. 468; Соболевский. Переводная литература. С. 43, 45; Петухов Е. В. Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Юрьев, 1912. С. 331—334; Русская устная словесность. Т. 2: Былины, исторические песни. М., 1919. С. 229—230; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков // СОРЯС. 1926. Т. 101, № 2. С. 128—133; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—

XVII веков. Л., 1934. С. 120—128; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 199—206; Державин Н. С. «Повесть о семи мудрецах» в болгарской версии как памятник эпохи Возрождения // Державин Н. С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.; Л., 1941. С. 170—213; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 109—112 (раздел написан В. П. Адриановой-Перетц); Назаревский. Библиография. С. 134—136; История русской литературы. Т. 1: Литература X—XVIII веков. М.; Л., 1958. С. 312—313; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960. С. 36—42; Державина О. А. 1) Переводная новелла на русской почве в XVII—XVIII веках // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 134; 2) Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 232—255; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966. С. 450—454; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 542, 543, 549, 550 (раздел написан А. М. Панченко); Азволинская (Казовская) И. Д. «Повесть о семи мудрецах»: (датировка древнейших русских списков XVII в.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 255—258; Runte R. The Seven Sages of Rome and the Book of Sindbad: An Analytical Bibliography. New York, 1984; Małek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988. S. 96—117; Литература и культура Древней Руси. С. 58—59.

И. Д. Азволинская (Казовская), М. Д. Каган

Повесть о Скандербеге, князе Албанском — произведение, посвященное историческому лицу, албанскому князю Георгию Кастриоту (1404/1405—1468 гг.) и его борьбе против турок. Согласно П., Иван Кастриот, отец героя, вынужден был отдать сыновей султану в заложники. При дворе султана Георгий был обращен в мусульманство и стал знаменитым полководцем, за что получил в честь Александра Македонского имя Скандербег (Искандер-бег). После смерти Ивана Кастриота султан отравил братьев Скандербега, и тот, боясь такой же участи, воспользовался поражением турок в битве при Неше на реке Мораве и ушел с албанскими воинами на родину. Там он собрал союз албанских князей и, при поддержке сербских и некоторых итальянских правителей, Венеции и папы Пия II, повел успешную войну против турок, препятствуя не только завоеванию Албании, но и проникновению турок в Европу. В войне Скандербег действует против полчищ врагов малыми силами, умело применяя партизанские методы в условиях горной Албании и используя неприступность ее крепостей. Только после смерти Скандербега туркам удалось добиться успехов, взять ряд крепостей, в том числе столицу Албании Крою (Круяю). В городе Леше турецкие солдаты раскопали могилу Скандербега и сделали из его костей амулеты.

Путь истории о Скандербеге к русскому читателю был довольно сложным. Непосредственным источником П. считается *Хроника Мартина Бельского*, что указано и в заглавии большинства списков: «Повесть о Скандербеге, княжати Албанском, выложена с польские кроники на руское, с Мартинова писма Бельского». Бельский, в свою очередь, использовал сочинение младшего современника Скан-

дербега Мартина Барлетия (1450—1512 гг.), жителя города Шкодера, и анонимную южнославянскую повесть, отождествившую Скандербега с его союзником и родственником — сербским владельцем княжества Зета Стефаном Черноевичем. Повесть о Скандербеге-Черноевиче также восходит к книге Барлетия.

Исследователи заметили существенное отличие П. от 4-й главы Хроники Мартина Бельского — как по идейной направленности, так и по тексту. Сравнение П. с Повестью о Скандербеге-Черноевиче показывает, что она ближе к П., чем Хроника Бельского. Возможно, ссылка на Бельского появилась у позднейших переписчиков, сопоставивших П. с широко известной Хроникой и не знакомых с южнославянской повестью (от конца XVI—нач. XVII в. до нас дошел один ее список ГПБ, Q.IV.341; опубликован: Лавров П. Разбор труда П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем»..., представленного на соискание премии проф. Котляревского // СОРЯС. 1906. Т. 81. С. 57—106).

Барлетий строил свое повествование на легендах, устных преданиях, что делало его книгу произведением скорее литературным, нежели историческим. Это расхождение с исторической действительностью было воспринято и П., отличающейся большим количеством исторических неточностей. На самом деле братья Скандербега не были отравлены, сам он не бежал из турецкого войска, а был отправлен султаном Муратом на родину в качестве санжака и только потом поднял Албанию на борьбу с турками. Султан Мурат умер не под стенами Круи, а уже вернувшись в Адрианополь, и пр.

Следуя за предшествующими ей сочинениями, П. рассказывает о военных событиях в хроникальном стиле, нигде не прибегая к характерным образам воинских повестей. В центре повествования стоит народный вождь Скандербег, его военное искусство, его патриотизм, его забота о подданных и воинах. Большое место в П. занимают его речи, обращенные к народу, и его послания к врагам. Жизненный путь Скандербега завершается последней битвой, ради которой он встал со смертного одра, «скорбно изнемогаючи». Устно-поэтические мотивы, заимствованные из книги Барлетия, обусловили легендарно-беллетристический характер П. Легендарны приметы, связанные с рождением Скандербега, — его мать видела вещий сон, будто бы она родила ужа, который гонит и кусает турок. На плечах Скандербега было знамение в виде меча. Традиционна тема издевательских подарков — Скандербег посылает турецкому полководцу, албанцу по происхождению, Балпбану-паше соху и предлагает ему вернуться на родину и, как прежде, пахать землю (ср. с началом *Легендарной переписки Ивана Грозного с турецким султаном:* «Плужному моему ратаю и тележному паганатаю...»). К устному творчеству можно отнести пословицы и афоризмы, которыми

насыщена П., например: «притягаешь меня к себе гладким словом, что магнит железо»; «что глухому сказывать, коли не слышит, а глупому, коли не разумеет»; «малые люди великих бьют, потому что их много, а нас мало, и нам есть кого бить, а им некого» и пр. Отголоском народных плачей можно считать плач по Скандербегу его соратника Лека Дукаина: «Ныне городы наши и стены повалились, ныне сила и слава наша вся упала, ныне надежда наша вся миновалась...».

П., как и южнославянская повесть, отличается от рассказов Барлетия и Бельского отсутствием ученых цитат и параллелей. Здесь нет ссылок на античных авторов, сравнения речей Скандербега и Цицерона, а также Скандербега и его противников с полководцами древности — Александром Македонским, Пором, Дарием, Ксерксом и др. Книжные темы и сюжеты сохранились в тех случаях, когда они соответствовали интересам и знаниям русских читателей. Прежде всего, это Повесть о взятии Царьграда *Нестора Искандера*, которая соседствует в сборниках с П. О взятии Царьграда повествуется также у Мартина Бельского, в сочинениях *Ивана Пересветова*, в *Хронографе Русском* редакции 1617 г. Судьба Царьграда непосредственно связана с борьбой Скандербега против турок, ибо, как признается султан Мурат перед смертью своему сыну, будущему завоевателю византийской столицы, — «уже бы в то время Царьград взял, только бы мне не Скандербег мешал».

В П., как и в некоторых других памятниках древнерусской литературы, поднимается вопрос о происхождении турецких султанов. В противовес турецким хронистам и некоторым византийским историкам, в *Повести о Темир-Аксаке*, в сочинениях Ивана Пересветова, в Хронике Мартина Бельского, у публицистов 1-й четв. XVII в., в повестях о Азове (см. *Повести о Азове документальная, историческая, особая, поэтическая, сказочная*) говорится о низком происхождении османских правителей — от разбойничьих атаманов. В П. идет религиозно-идеологическая полемика о превосходстве вер: султан призывает Скандербега вернуться к мусульманству, Скандербег же видит единственное спасение султана и его подданных в принятии христианства. Эти же вопросы дебатируются в вымышленных публицистических посланиях, написанных по единому образцу (см. легендарную переписку с султаном *Ивана IV Грозного, Легендарную переписку турецкого султана с цесарем Леопольдом*).

П. относится к памятникам беллетристической публицистики антитурецкого направления, начинающейся *Повестью о двух посольствах* и кончающейся вымышленными посланиями султана, созданными во 2-й пол.—в конце XVII в. Во всех этих произведениях турки выступают врагами всего христианского мира. На этом фоне П., рассказывающая об успешной борьбе с турками, отвечала политичес-

ким интересам русских читателей, ощущавших реальную угрозу военных столкновений с Турцией и находившихся в почти постоянном военном конфликте с союзными Турции татарскими государствами.

Исследование П. нельзя считать завершенным. Рукописная традиция ее изучена недостаточно. Известно десять списков памятника 2-й пол. XVII в. В основу существующих изданий положены разные списки, причем представления издателей о движении текста диаметрально противоположны: Н. Н. Розов считает представителем архетипной группы список ГПБ, Солов. собр., № 1495/36 (не сер. XVII в., а 1670—1680-е гг. XVII в.), П. Н. Попов считает первичным список ГБЛ, собр. Егорова, № 862 (2-й пол. XVII в.), сохранивший бо́льшее количество украинизмов (или полонизмов). Ни тем, ни другим издателем не представлена стемма соотношения списков. Не доказана датировка П. концом XVI—нач. XVII в. Требует дополнительных доказательств предположение о ее появлении на Украине либо в пограничных с Польшей областях Украины или Белоруссии. Нет никаких препятствий для того, чтобы считать П. сочинением, вышедшим из московских деловых кругов.

Изд.: Повесть о Скандербеге / Изд. подгот. Н. Н. Розов и Н. А. Чистякова. М.; Л., 1957. (сер. «Литературные памятники»); Попов П. М. Албанія в російській та українській літературах XV—XX ст. Київ, 1959. С. 43—111, 258—295, 314—315.

Лит.: Димитрова А., Янакиев М. Предания за исторически лица в българските народни умотворения // Известия на семинара по славянска филология на университета в София. София, 1948. С. 510—511; Розов Н. Н. Повесть о народном герое Албании в древнерусской письменности // ИОЛЯ. 1953. Т. 12, вып. 6. С. 497—509; Дуйчев И. С. Георги Кастриоти-Скандербег в славянската литература от XV—XVII в. // Георги Кастриоти Скандербег (1468—1968). София, 1970. С. 79—110.

М. Д. Каган

Повесть о Смуте из статейного списка — одно из первых публицистических сочинений, посвященных событиям Смутного времени нач. XVII в. П. дошла в единственном списке ЦГАДА, ф. 79, № 26, она открывает в рукописи подборку материалов о дипломатической миссии в Речь Посполитую князя Г. К. Волконского и дьяка А. Иванова (1606—1607 гг.). От имени правительства Василия Шуйского они выступили с отрицательной оценкой авантюры Лжедмитрия (см. *Григорий Отрепьев*) и попытались сохранить с Речью Посполитой мирные отношения. В описи посольского архива 1614 г. значится «свяска тетратей непереплетенных. 114-го году, после Ростригина убивства, отпуск в Литву государевых посланников князя Григорья Волконского да дьяка Ондрея Иванова» (Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 111). Возможно, одну из этих тетрадей занимала П., служившая инструкцией мос-

ковским дипломатам. Она появилась в конце мая — начале июня 1606 г. П. завершается сообщением о коронации Шуйского 1 июня 1606 г., но ее автор еще не знает о переносе в Москву мощей царевича Димитрия (3 июня); по его словам, они «лежат на Угдече, чюдеса деюще безчисленна». П. содержит довольно мало конкретных данных о правлении Самозванца и воцарении Шуйского, причем в ней навязчиво подчеркивается стремление Расстриги утвердить «латынскую ересь» и «побирательство» за «истинную веру» царя Василия. По-видимому, П. написана представителем кремлевского соборного духовенства. Об этом может свидетельствовать и то, что в ней, как и в чине венчания Шуйского на царство (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 105), Лжедмитрий уподобляется Юлиану «Законопреступнику».

Л. В. Черепнин думает, что П. основана на материалах архива Самозванца, попавшего в руки нового правительства. Однако, обличая Расстригу, неизвестный публицист не приводит тех аргументов, которые можно было извлечь из архива Лжедмитрия, в том числе из адресованных ему посланий, и которые уже были использованы в первой «окружной» грамоте Шуйского, разосланной по городам сразу после его воцарения. Отметим, что, согласно П., в миру Отрепьев именовался Юшкой Богдановым сыном (об этом сказано и в других материалах статейного списка), тогда как в первой «окружной» грамоте он назван Гришкой Богдановым. Есть мнение, что П. испытала влияние «Повести, како отомсти...» (см. «*Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго*»), о чем якобы свидетельствуют параллельные известия двух произведений о гонениях Лжедмитрия на Шуйских (Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 238—239). Однако сходство этих рассказов весьма относительно, так что оно не может свидетельствовать о зависимости П. от «Повести, како отомсти...». К тому же последняя, вероятно, появилась уже после отъезда Г. К. Волконского и А. Иванова в Речь Посполитую.

Идейно-политическая направленность П. прозрачна. Выступление Лжедмитрия автор объясняет «действом диавола», а его успех приписывает помощи со стороны Сигизмунда III и «панов-рад» Польско-Литовского государства (эта версия будет надолго усвоена московской дипломатией), а также простого народа, не послушавшегося «мудрых кормчих» — бояр. Из числа последних автор называет только Василия Шуйского, который является главным героем П. Он представлен пламенным борцом за «истинную веру». Соглас-

но П., Шуйский обличал Лжедмитрия, когда он только вступил на территорию России (хотя и не сумел убедить «безумный» народ в самозванстве Расстриги), а затем сразу после его воцарения, за что подвергся мучениям и ссылке. По возвращении в Москву Шуйский показал народу, что под именем «царя Димитрия» скрывается еретик, и народ покончил с Расстригой. П. завершается обоснованием прав Шуйского на престол. Автор ссылается на его царское происхождение, «премудрость» и «крепкостоятельство» за православную веру, единодушное решение русских людей, в котором нашел отражение божественный промысел. С другой стороны, создатель П. оправдывает выступление народа против *Бориса Годунова* тем, что «сей скифетро правяще сурово, а не царски» (он обвиняется и в гибели царевича Димитрия). Стремясь усилить эмоциональное воздействие П., автор иногда рифмует глаголы, что весьма характерно для публицистики Смутного времени.

Как показал С. А. Белокуров, П. почти целиком воспроизведена в *Грамоте Утвержденной 1613 г.* Известно, что Записной приказ, призванный составить продолжение Степенной книги, получил в 1659 г. статейный список посольства Г. К. Волконского и А. Иванова (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 67, 73—75). Возможно, внимание приказных привлекла и краткая П. о начале Смуты.

Изд.: Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1904. Стб. 11—12, примеч.; Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. I. С. 28—33; Сборник Русского исторического общества. М., 1912. Т. 137. С. 193—197.

Лит.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 81—128.

Я. Г. Солодкин

Повесть о Соломонии бесноватой см. *Иаков.*

Повесть о Сухане — литературный памятник, в основу которого положена одна из версий былины о Сухане (Сохмате, Сухмане), богатыре, победившем татарское войско. Интерес к героической теме — борьбе русского народа с «неверной силой» поддерживался в XVII в. непрекращающимся противостоянием Русского государства, с одной стороны, Крыма и Турции, с другой стороны. Взяв за основу былину о Сухане, автор П., владея приемами былинного стиля, обращался для украшения своего рассказа к мотивам и других былин, тех в основном, где также описывалась борьба богатырей с «неверной силой». Но, сохраняя основные черты былинного стиля в повествовании о богатыре, в том числе былинную фразеологию, выдерживая некоторые эпизоды в ритме былинного стиха, автор П.

одновременно использует приемы, характерные для воинских повестей Древней Руси. По мнению В. И. Малышева, исследователя П., отдельные элементы в описании боя восходят в ней к *Сказанию о Мамаевом побоище.* В литературном стиле Сказания и других воинских повестей автор развивает и былинную тему защиты «веры христианской».

Автор П. стремится приблизить свой рассказ к реальной действительности: Сухан представлен служилым человеком, он оценивает свою борьбу с врагами как «государево дело», называет себя «холопом» своего государя. Ряд деталей в П. свидетельствует о том, что они появились в ней независимо от литературных влияний. Так, В. И. Малышев предполагает, что образ «красного кречета» появился в П. «из запаса наблюдений автора над обычаями соколиной охоты», а образ «человека с прапором» опирается на военную практику пограничной службы. Автор П. был, по-видимому, выходцем из служилой среды.

П. известна в двух списках. Один из них, хранящийся в ИРЛИ (Древлехранилище, Р. IV, оп. 23, № 39) и датирующийся XVII в., был в 1948 г. обнаружен В. И. Малышевым, им же впоследствии исследован и издан. Наличие в тексте описок, пропусков, искаженных слов свидетельствует о том, что этот список является копией с более древнего оригинала. Кроме того, в списке утерян один лист, содержавший около 22 строк текста. Текст второго списка П., XVIII в., также издан в монографии В. И. Малышева — вместе с ранее не публиковавшейся статьей литературоведа П. О. Морозова «Пересказ былины о Сухане по рукописи XVIII века». Статья была написана в 1875 г. и хранится в Отделе рукописей и редких книг Центральной научной библиотеки Харьковского гос. ун-та. П. О. Морозов датировал рукопись XVIII в., но не указал ее местонахождения и владельца. По наблюдениям В. И. Малышева, рукопись, бывшая в руках у П. О. Морозова, является копией, притом не очень исправной, со списка ИРЛИ или с общего оригинала двух списков. Кроме того, фрагмент, содержащий начало П., обнаружен в рук. 1740-х гг. из собрания А. П. Голубцова ГБЛ, ф. 569, № 14, л. 146 об. (Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М. 1996. Т. 1, вып. 3. С. 291—293). Иногда фрагмент содержит более исправные чтения.

Изд.: Малышев В. И. 1) «Повесть о Сухане»: (Неизвестное произведение русской литературы XVII века) // ИОЛЯ. 1954. Т. 13, вып. 3. С. 282—288; 2) Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века. М.; Л., 1956 (рец.: Вернадский Г. В. Повесть о Сухане // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 196—202; Дедов А. «Повесть о Сухане»: Находка в Институте русской литературы // Русские новости. Париж, 1957. 27 сентября. № 643; Дилевски Н. М. // Език и литература. 1958. Кн. 4. С. 297—300; Домановский Л. Неизвестная воинская повесть // Вечерний Ленинград. 1957. 9 апреля. № 84; Зайцев В. Повесть о Сухане // ВЛ. 1957. № 1.

С. 228—229; Зимин А. А. // ИОЛЯ. 1957. Т. 16, вып. 3. С. 267—269; Кузьмина В. Д. // Slavia. 1959. Roč. 28, seš. 1. С. 81—85; Новые труды по древнерусской литературе // Псковская правда. 1956. 20 января, № 14. С. 4; Панченко А. Повесть о Сухане // Там же. 1957. 30 января, № 21. С. 4; Пропп В. Я. // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 348—350; Путилов Б. Обретенная ценность // Звезда. 1957. № 4. С. 216—217;*** Ценная находка // Литературная газета. 1956. 8 декабря, № 146. С. 2; Oinas F. J. // The American Slavic and East European Journal. 1959. Vol. 17 (N. S., vol. 3), N 1. P. 68—69); Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 45—49, 161—162. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Повесть о Сухане / Подгот. текста и комм. В. П. Бударагина // ПЛДР XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 135—138, 622—623.

Лит.: Скрипиль М. О. Былины. Пословицы // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 339—340; Малышев В. И. 1) Повесть XVII века о защитнике родины // Советский воин. М., 1955. № 12. С. 29; 2) Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1956; 3) Некоторые замечания к Повести о Сухане // РЛ. 1961. № 3. С. 195—196. Бударагин В. П. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома: (К 25-летию) // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 85—89; Венедиктов Г. А. Эволюция социального протеста в былине и проблема коллективного сознания крестьянства // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 15: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. С. 9; Смирнов И. П. Эпическая метонимия // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 175, 203; Литература Древней Руси. С. 163—164.

В. А. Романов, М. А. Салмина

Повесть о Тверском Отроче монастыре — историческая легенда о женитьбе великого князя тверского Ярослава Ярославича (ум. в 1271 г.) и об основании Тверского Отроча монастыря. Как показывает анализ упоминаемых в произведении реалий, впервые проведенный Р. П. Дмитриевой, П. была создана во 2-й пол. XVII в. Не вызывает сомнения, что П. была написана в Твери. Тот факт, что одним из источников П. явились грамоты, хранившиеся в Отроче монастыре, позволяет предположить, что местом ее создания был сам монастырь.

П. дошла до нас в восемнадцати списках XVIII—XIX вв., содержащих три разновидности текста (Краткая и два вида Распространенной редакции), весьма близкие друг другу по содержанию и по времени возникновения. Все разновидности П., равно как и большинство ее списков, тверского происхождения. Краткая редакция и Распространенная редакция вида А независимо друг от друга восходят к не дошедшему до нас первоначальному тексту, причем Краткая редакция в бóльшей степени передает особенности этого текста. Вид Б Распространенной редакции является результатом некоторой доработки вида А. Краткая редакция читается в двух списках (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.731, 1730—1740-е гг.; Q.I.637, 1840-е гг.), так же как и вид А Распространенной редакции (БАН, собр. Успенского, № 118, 1761 г.; Государственный архив Тверской области, ф. 1409, № 170_2, 2-я пол. XVIII в.). Наибольшее распространение получил текст Распространенной редакции вида

несомненно наиболее совершенный в художественном отношении. Он известен в двенадцати списках: ГИМ, собр. Забелина, № 524, сер. XVIII в.; БАН, собр. Лукьянова, № 12, сер. XVIII в.; ГИМ, Музейское собр., № 2563, 1760-е гг.; ГПБ, собр. ОЛДП, № 713, 1770—1780-е гг.; Государственный архив Тверской области, ф. 1409, № 170₁, 1780-е гг.; № 772, 1780-е гг.; ГПБ, Эрмитажное собр., № 455, 1780-е гг.; собр. Титова, № 3315, конец XVIII в.; ГИМ, собр. Щукина, № 175, нач. XIX в.; Тверской областной краеведческий музей, № 1866, 1820-е гг.; ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, № 179, сер. XIX в.; ГПБ, F.XVII.112, 1860-е гг. Список ГБЛ, ф. 803.I, № 17, 1860—1880-е гг. является механическим соединением текстов вида А и вида Б Распространенной редакции, а список ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 96, № 17676/3256, 1870-е гг., возможно, восходит к тексту, бывшему промежуточным этапом между видом А и видом Б.

За изменениями текста П. не скрываются ни идеологические, ни политические, ни религиозные идеи. Проблема истории текста П. — это проблема художественная. П. несомненно задумывалась автором как произведение, прославляющее монастырь, рассказывающее об истории его основания и объясняющее его название. Развитие текста в Краткой редакции, в сравнении с архетипом, весьма характерно для произведений подобного рода: к основному тексту присоединяются эпизоды, связанные с судьбой монастыря, текст повести об основании монастыря получает тенденцию к превращению в монастырский летописец. При небольшом количестве разночтений относительно текста Краткой редакции, Распространенная редакция П. имеет совершенно иной характер. В ней отсутствует противоречащий основному тексту эпизод о приходе в Отроч монастырь митрополита *Петра*, а некоторые списки утрачивают и общее для всех вариантов текста сообщение о грамоте великих князей. Характер переработки текста в Распространенной редакции позволяет сделать вывод о том, что редактор преследовал, прежде всего, цели художественного совершенствования произведения (внимание к психологическим мотивировкам, уточнения и дополнения, не разрушающие занимательности и напряженности сюжета, стремление избежать неувязок, придать тексту более правдоподобный вид, стилистическая орнаментация). Произведение о монастыре превращается в этой редакции в рассказ о человеке, его любви, его судьбе. Поэтому постепенная утрата дополнений к основному тексту вполне естественна: повесть о человеке должна заканчиваться пострижением и смертью героя. П. в этой редакции встает в один ряд с такими произведениями, как *Повесть о Горе-Злочастии* и *Повесть о Савве Грудцыне*.

Композиция П. полностью соответствует принципам построения, свойственным жанрово-тематической группе повестей об основании

монастырей: предыстория, объясняющая причину поставления монастыря; поиски места; знамение, указывающее на место для монастыря; расчистка этого места; строительство монастыря; сообщение о его процветании. Однако предыстория, не имевшая самостоятельного значения в других повестях об основании монастырей, содержит в П. основную сюжетную коллизию. К тому же она имеет вполне светский характер, что не типично для повестей об основании монастырей.

П. рассказывает о любви княжеского отрока Григория к дочери церковнопричетника из с. Едимонова красавице Ксении и о том, как в день свадьбы князь отнял невесту у своего любимца, а тот ушел от людей в лес и основал там монастырь. Эта история не соответствует историческим фактам, известным по летописям и другим документам: Ксения была в действительности второй женой Ярослава Ярославича, ее отцом был новгородец Юрий Михайлович, а князь к моменту своей второй женитьбы был значительно старше, чем это изображено в П. В сущности, П. является развернутым этимологическим толкованием названия монастыря.

Очевидна связь основной сюжетной коллизии П. с одной из сцен свадебного обряда — сценой «сымания свадебного отрока» (когда жених или его дружка прогоняют мальчика, игравшего в свадебном обряде роль ложного жениха), да и героям П. находятся соответствия среди персонажей, «чинов» свадебного обряда (жених-князь; невеста-княгиня; «отрок», занимающий в первой части обряда место жениха и впоследствии прогоняемый; «бояре» из свадебного поезда, сопровождающие жениха и невесту). Влияние свадебного обряда сказывается и в использовании в П. символики свадебных лирических песен, что было отмечено еще В. Ф. Ржигой.

Предполагая непосредственную связь П. со свадебным обрядом как источником, подчеркивая ее литературность «сделанность», С. А. Семячко отказывается от предположения о существовании предшествующей П. легенды о женитьбе князя на крестьянке. К тому же анализ легенды, опубликованной Н. Н. Овсянниковым в книге «Тверь в XVII в.» (С. 82—83, примеч.), показал, что она имеет вторичный по отношению к П. характер, являясь, по сути дела, ее пересказом (таким образом, спор по этому поводу между В. Ф. Ржигой и С. К. Шамбинаго разрешается в пользу первого исследователя). Однако последние исследования Н. С. Демковой внесли существенные коррективы в вопрос об источниках П. Введя в оборот «Сказание о Отроче монастыре, еже есть во Твери», сохранившееся в составе *Летописца Пискаревского* (см.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 98—99; Демкова. «Повесть о Тверском Отроче монастыре»... С. 153—154), Н. С. Демкова указала на существование устной легенды, предшествовавшей П. и послужившей общим источником для

П. и для Сказания из Пискаревского летописца. В Сказании история неравного брака и основания монастыря связана с именем великого князя Михаила Ярославича Тверского. Это позволяет нам с бóльшей степенью уверенности, нежели раньше, установить нижнюю временную границу создания П.: она появилась не ранее 1652 г. В это время было написано *Житие Анны Кашинской,* в котором новая святая была названа супругой великого князя Михаила Ярославича (см.: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1998. Т. 51 (в печати)). Вероятно, прославление жены Михаила Ярославича как святой и привело к тому, что сюжет, связанный с основанием Отроча монастыря, был перенесен с Михаила и его супруги на Ярослава и Ксению.

Что касается свадебного обряда, то совпадение соответствующей сцены Сказания (и его источника — устной легенды) со сценой «сыскания свадебного отрока», отмеченное Н. С. Демковой, кажется случайным. Сознательное обращение к композиции и стилистике свадебного обряда произошло в процессе переработки легенды в П., причем возможно, что само совпадение основной сюжетной коллизии легенды с одной из сцен свадебного обряда и привлекло внимание автора П. к этому обряду. Необходимо отметить, что символический подтекст, читающийся в П., полностью отсутствует в Сказании.

П. насыщена топографическими реалиями, среди ее источников и княжеские грамоты, и, по всей вероятности, какая-то летопись. Однако реалии П. характерны не для 2-й пол. XIII в. (время действия П.), а для 2-й пол. XVII в. Исторический материал использован лишь для придания вымышленному рассказу внешне «достоверного» вида. Почти не имея ценности как исторический источник, П. чрезвычайно важна для понимания процесса перехода от литературы древней к литературе Нового времени. В этом произведении, по словам Д. С. Лихачева, «впервые в русской литературе конфликт перенесен из сферы мировой борьбы зла с добром в самую суть человеческой природы» (Лихачев. Избранные работы. Т. 2. С. 298). Помимо работ, перечисленных в библиографии, П. посвящена неопубликованная немецкая диссертация: Peters U. «Повесть о Тверском Отроче монастыре»: Zur struktural-synthetischen Integration verschiedener Komponenten des gesellschaftlichen Bewußtseins. Diss. Leipzig, 1990.

П. послужила одним из источников Жития Михаила Ярославича Тверского, написанного тверским архимандритом Макарием (Житие и страдания святого и благоверного князя Михаила Ярославича Тферского чудотворца, сочиненное в Тфери 1765 года, Тферской семинарии ректором и архимандритом Макарием. М., 1798. Л. 1. об.—3) и пересказанного Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» (Т. 4. Примеч. 118). С другой стороны, сюжет П. стал ос-

новой для одного из рассказов «Дорожника» И. Ф. Глушкова (Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами и дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические. СПб., 1801. С. 102—107; 2-е изд. СПб., 1802. С. 165—173). Лишь через посредство «Истории» Н. М. Карамзина и «Дорожника» И. Ф. Глушкова сюжет П. попал в литературу Нового времени и нашел свое отражение в произведениях В. Т. Нарежного, А. А. Шаховского, С. Н. Глинки, Ф. Н. Глинки, В. К. Кюхельбекера, В. С. Глинки, П. Н. Полевого, Т. Северцова (Полилова) и др. Вариации на сюжет П. см.: Щекатов А. Словарь географический государства Российского. М., 1804. Ч. 2. Стб. 341—344; Taschenbuch auf der Reise von St. Petersburg bis Moskwa, nebst einen Anhänge über die landesüblichen Reisearten und ihren Kostenbelauf. Aus dem Russischen. Leipzig; St. Petersburg, 1805. S. 147—153; R. Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg nach Deutschland. 9. Brief // Der Freimüthige, oder Ernst und Scherz. Berlin, 1806. 2. Januar, N 1. S. 2—3; Письмо путешествующего немца из Твери // ВЕ. 1806. Ч. 25, № 3. С. 215—217; Глинка С. Н. Григорий: Историческая русская повесть // Русский вестник. М., 1808. Ч. 2, № 5. С. 133—161; Нарежный В. Т. Георгий и Елена // Цветник, издаваемый А. Измайловым и П. Никольским. СПб., 1810. Ч. 5, № 2. С. 123—147; Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. М., 1815. Ч. 3. С. 29—49; Григорий, княжий отрок: Исторический анекдот // Повести, анекдоты и смесь, изданные М. Каченовским. М., 1819. Ч. 3. С. 234—238; Шаховской А. А. Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне: Русская быль в четырех действиях, с песнями, хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса. СПб., 1823; Кюхельбекер В. К. Юрий и Ксения [1836 г.] // Кюхельбекер В. К. Избранные произведения / Подгот. текста и примеч. Н. В. Королевой. М.; Л., 1967. Т. 2. С. 7—73. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-я изд.); Глинка В. С. Отрочь монастырь, быль XIII-го столетия. СПб., 1837; Дмитриев И. Путеводитель от Москвы до С.-Петербурга и обратно, сообщающий исторические, статистические и другие сведения о замечательных городах, местах и предметах, находящихся по дороге между обеими столицами. М., 1839. С. 51—57; Третьяков Н. Отрочь-монастырь: Тверское предание XIII столетия // Сын Отечества. 1842. Ч. 3, № 5. Отд. III. С. 1—16; Полевой П. Н. Ненароком: (Из тверских преданий) // Полевой П. Н. Исторические рассказы и повести. СПб., 1892. С. 5—22; Северцов (Полилов) Т. Княжой отрок: (Историческая повесть из преданий

XIII века) // Детское чтение. 1904. № 1—11. С. 46—54, 175—192, 310—328, 422—450, 565—578, 720—734, 827—838, 1009—1024, 1127—1141, 1242—1256, 1368—1398.

Изд.: О зачатии во граде Тфери Отроча монастыря // Тверские губернские ведомости. 1865. Часть неофиц. № 36. С. 200—205; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 4-е изд. М., 1947. С. 390—397; 8-е изд. М., 1973. С. 431—438; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954. С. 116—125, 418—423; Повесть о Тверском Отроче монастыре / Подгот. текста и комм. Р. П. Дмитриевой // «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 675—693, 791. (Б-ка всемирной литературы); «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 300—309 (пер. на русс. яз.); Повесть о Тверском Отроче монастыре / Подгот. текста и комм. С. А. Семячко // ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 112—120, 616—618 (то же: Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 453—461; 2-е изд. СПб., 1997. С. 453—461); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 298—308, 421—423. («Сокровища древнерусской литературы»); Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994.
Лит.: Федоров Б. О жизни и сочинениях девицы Поспеловой // Отечественные записки. 1824. Ч. 17, № 46. С. 185—201; № 47. С. 457—470; Ч. 18, № 48. С. 75—86; Памятная книжка Тверской губернии за 1863 год. Тверь, 1863. С. 73; Соколов А. Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской. Тверь, 1864. С. 26; Тверские губернские ведомости. 1865. Часть неофиц. № 38. С. 211—213; Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 82; Матвеев В. Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878. С. 9—10; Село Отроковичи // Тверские епархиальные ведомости. 1884. Часть неофиц. № 10. С. 304—312; Овсянников Н. Н. 1) Тверь в XVII в.: Исторический и археологический путеводитель по городу Твери. Тверь, 1889. С. 80—82; 2) Указатель тверской старины. Тверь, 1903. С. 39; 3) О новгородском и московском культурном влиянии на Тверь в эпоху самостоятельности Тверского княжества // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10—20 августа. Тверь, 1908. Отд. II. С. 35; Некрасов И. С. О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии. СПб., 1892. (ПДП, вып. 87); Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 257; Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края / Подгот. к изд. В. Колосов. Тверь, 1893. С. 38—39 (репринт: Тверь, [1991]); Отрочь монастырь в г. Твери. Тверь, 1894; Димитрий, архимандрит. Тверской патерик. Казань, 1908. С. 20—21 (репринт: Тверь, 1991); Колосов В. И. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1917. С. 18; Ржига В. Ф. 1) Из истории повести // Известия Тверского педагогического ин-та. 1928. Вып. 4. С. 97—116; 2) Из истории одного литературного сюжета: («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 538—544; Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 80—82; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 251—253 (раздел написан С. К. Шамбинаго); Воробьев В. П. 1) Сложносочиненное предложение в русских оригинальных бытовых повестях второй половины XVII века // Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та. Вып. 12: Кафедра русской литературы, русского языка, психологии. 1948. С. 163—191; 2) Из наблюдений над синтаксисом русских повестей XVII века // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Т. 20: Выпуск филологический. 1948. С. 253—268; 3) Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века // Уч. зап. Саратовского пед. ин-та. Вып. 30: Кафедра русского, немецкого, английского и французского яз. 1958. С. 230—243; Базанов В. Г. 1) Очерки декабристской литературы: Публицистика. Проза. Критика. М., 1953.

С. 46—48; 2) Очерки декабристской литературы: Поэзия. М.; Л., 1961. С. 304—309; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 348—349 (раздел написан И. П. Ереминым); Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 13—14 (то же в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). Л., 1966. С. 201—202; Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 306—307); Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 155—156; Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов: (1816—1825). Куйбышев, 1968. С. 324—330. (Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та, вып. 56); Дмитриева Р. П. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 210—213; Лихачев Д. С. 1) Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 316—318; 2) Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 157—159 (то же в кн.: Лихачев Д. С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 1. С. 194—195); 3) Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 288—299; 2-е изд. М., 1979. С. 330—341 (то же в кн.: Лихачев Д. С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 2. С. 297—307); Водовозов Н. В. Одна старинная русская повесть и ее позднейшие вариации // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1970. Вып. 389. С. 115—129; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 492—500 (раздел написан Д. С. Лихачевым); Левин Ю. Д. 1) Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре»: («Юрий и Ксения») // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 128—138; 2) К истории обработок «Повести о Тверском Отроче монастыре» // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 210—213; Макарова Т. И., Николаева Т. В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // Советская археология. 1976. № 4. С. 100—110; Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 139—140; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 336—342 (раздел написан А. М. Панченко); Семячко (Якунина) С. А. 1) К изучению списков «Повести о Тверском Отроче монастыре» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 410—413; 2) Переработки XVIII—XX вв. «Повести о Тверском Отроче монастыре» // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 290—300; 3) Отношение «Повести о Тверском Отроче монастыре» к фольклорным источникам // Проблемы развития русского фольклора и литературы XII—XX вв.: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 6—7 апреля 1988 года. Л., 1988. С. 22—24; 4) «Повесть о Тверском Отроче монастыре»: (Историко-литературное исследование). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1991; 5) «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и древнерусский свадебный обряд // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 273—285; 6) К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев: («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря») // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 245—265; Волкова Т. Ф. Сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» в пересказе устькуломского крестьянина И. С. Рассыхаева // Российское государство XVII—начала XX вв.: Экономика, политика, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613—1993). 25—28 марта 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 29—33; Демкова Н. С. 1) Проблема отношения к литературному тексту в русских памятниках XVII века // Studia Russica Thorunensia. Toruń. 1994. Т. 2. С. 5—6; 2) «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и «Сказание о Отроче монастыре, еже есть во Твери»: Оправдание любви // Демкова Н. С. Средневековая русская лите-

ратура: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 147—163; Литература Древней Руси. С. 164—165.

С. А. Семячко

Повесть о том, как скоморох в ад ходил (в рук.: «О некоем купце лихоимце») — произведение рубежа XVII—XVIII вв. на распространную в древнерусской письменности тему, тему спасительности заупокойных служб. П. сохранилась в единственном списке в составе выговского сборника, составленного профессиональным писцом из различных бумаг и тетрадей сер.—3-й четв. XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 187, л. 107—108). По мнению издателя произведения, оно появилось в новгородско-псковских землях: об этом свидетельствуют не только очевидная зависимость П. от новгородской *Повести о посаднике Щиле* и знакомство автора с новгородской былиной о Садко (как у былинного героя, у скомороха «внезапу порвеся струна в гуселех»), но также тот факт, что институт скоморошества был особенно развит в новгородских пределах. Традиционный мотив легенды о Щиле — идея о влиянии поминальных молитв, заказываемых родственниками покойника, на его посмертную участь модифицировался в П. духе времени в плутовскую новеллу. Главным героем произведения оказывается скоморох, выступающий в роли посредника между людьми и миром ада, в который попал купец-лихоимец: скоморох спускается в преисподнюю, узнает, как спасти душу купца — именно пением «сорокоуста», и, обманув бесов, возвращается на землю.

Изд.: Демкова Н. С. Из истории демократической беллетристики XVII в.: (Неизвестная повесть о том, как скоморох в ад ходил) // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 49—54 (то же в кн.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 176—182); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 380—383. («Сокровища древнерусской литературы»).

Д. М. Буланин

Повесть о трех иконах Шемахинских — произведение 1-й пол. XVII в., рассказывающее о том, как некий купец иудей обратился в христианство после чудес, случившихся от трех икон. Герой П. отправился по торговым делам в Иерусалим, где купил три полюбившихся ему образа — Богородицы, Николая Чудотворца и Георгия Победоносца. На обратном пути его стали одолевать сомнения в религиозной правомочности этой покупки и он решился ударить копьем икону Богородицы. Но его остановил глас от иконы, который возвестил купцу: «Аз дом твой соблюдох от огня и все имение твое сохраних». Когда купец прибыл домой, он узнал, что икона изрекла правду; более того, выяснилось, что и другие иконы сотворили чудеса: икона Николы спасла брата купца во время бури, а икона Ге-

оргия избавила его сына от пленения во время битвы. Купец поведал о случившемся епископу города и крестился со всем своим домом, а в честь изображенных на иконах святых в Шемахе были воздвигнуты три церкви.

С. Н. Гухман, издавшая П., полагает, что она была сочинена кем-то, хорошо осведомленным о положении дел в Шемахе — крупном торговом центре Кавказа и о притеснениях, которые там чинились христианам. Она указывает и на конкретное событие, которое могло послужить поводом для написания П.: посетивший Шемаху Адам Олеарий рассказывает о том, как живущие там армяне просили посольство ходатайствовать перед ханом о возможности закончить строительство монастыря и как было удовлетворено это ходатайство. Соответственно, исследовательница датирует П. 1630—1640-ми гг. Главная цель произведения — поднять авторитет христианской церкви среди иноверцев. По наблюдениям С. Н. Гухман, П. характеризуется жанровой неоднородностью: в ней несомненно использованы отдельные мотивы сказаний об иконах, но вместе с тем она родственна другим произведениям, рассказывающим о герое-иноверце, который с помощью чудодейственных икон обращается в христианство. В частности, сюжет П. может быть сопоставлен с *Повестью о Петре, царевиче ордынском* и, в меньшей степени, с популярной в русской письменности *Повестью о Федоре купце*. Но особенно близка П. Повесть о Федоре Иерусалимлянине, напечатанная по списку XVIII в. (Летописи Тихонравова. М., 1859. Т. 2, ч. 3. С. 69—71).

П. сохранилась в трех старообрядческих списках XIX в. — ИРЛИ, Латгальское собр., № 16, 66, 353, которые содержат две ее редакции — первоначальную, Распространенную, и Краткую, причем в обеих редакциях произведение приписано Кириллу Александрийскому. С. Н. Гухман связывает восприятие П. старообрядческой книжностью с широко практиковавшимся в XIX в. переселением старообрядцев в Закавказье. В Распространенной редакции (Латгальское собр., № 16, 66) П. озаглавлена: «Повесть о чудесех триех икон, писанное от иже во святых отца нашего Кирила, архиепископа Александрийскаго. Благослови, отче». Задача составителя Краткой редакции заключалась прежде всего в прославлении христианства, поэтому он опускал второстепенные, с его точки зрения, детали и элементы сюжета. В Краткой редакции (Латгальское собр., № 353) П. озаглавлена: «Слово святаго Кирила о трех иконах. Благослови, отче».

Изд.: Гухман С. Н. Повесть о трех иконах шемахинских // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 109—124.

Лит.: Маркелов Г. В. Рукописи из Латгалии // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 435.

Д. М. Буланин

Повесть о убиении царевича Димитрия Угличского — произведение XVII в., посвященное трагической гибели последнего представителя династии Рюриковичей. П. сохранилась в единственном списке сер. XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1563, л. 97—99, изъятом П. М. Строевым из сборника ГИМ, Синод. собр., № 850 (У о Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 198; Л., 1977. Т. 32. С. 158—159). Возникла П. не ранее 1606 г., во всяком случае, как полагал А. И. Тюменев, до 1630 г. (впрочем, его ссылка на то, что в П. незаметно влияние статьи *Летописца Нового* о смерти царевича Димитрия, представляется небезупречной). Вероятно, П. была написана в связи с канонизацией младшего сына *Ивана IV Грозного.* Судя по введению, которое можно считать распространенным заглавием П., она начинала собой какой-то служебный текст, по-видимому, службу святому; недаром произведение завершается указанием на время рождения и продолжительность жизни царевича.

В П. с протокольной точностью переданы подробности событий, разыгравшихся 15 мая 1591 г. в Угличе. Из всех сочинений 1-й пол. XVII в. в ней наиболее обстоятельно рассказано, чем занимался Димитрий в день смерти, причем, по замечанию О. А. Державиной, автор пытался придать образу героя черты живого человека. Сообщив о его убийстве Д. Битяговским и Н. Качаловым, которых затем самих «побиша» угличане (эти сведения имеют аналогии в первой редакции *Жития Димитрия Угличского*), писатель отмечает, что царица Мария неотлучно находилась возле тела сына в Преображенском храме Углича в течение восьми суток, упоминает о приезде в удельную столицу царских посланцев и погребении Димитрия, пострижении и заточении его матери в монастыре «на Вычегде» (в действительности, Марфа была сослана «на Выксу»; возможно, ошибка допущена переписчиком, но не исключено, что создатель П. точно не знал, где находилась вдова Грозного до лета 1605 г.).

Едва ли справедливо мнение издателя П., будто она вышла из окружения Нагих, ибо последним отведена здесь скромная роль, а царице Марии даже приписана инициатива расправы с убийцами Димитрия. Нет и уверенности в том, что произведение, как думали А. Ф. Бычков и Н. И. Костомаров, написано современником и очевидцем смерти царевича. В частности, автор П. не знаком с топографией Углича (по его словам, посланцы царя, осмотрев тело Димитрия, «отъехали прочь за Волгу»), достоверность ряда приводимых им фактов сомнительна. С другой стороны, трудно согласиться с утверждением В. С. Иконникова, будто П. — «пример переделки данных „Следственного дела“ (о смерти царевича. — *Я. С.*), предпринятой „в обвинение Бориса“» (И к о н н и к о в В. С. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государ-

ства. Киев, 1889. С. 44), она не обнаруживает зависимости от документальных материалов. Зато в ней явственно различимы фольклорные мотивы. В «слезной и горкой» П. говорится про «звон велик и страшен», мы читаем в ней, как «стекошася» и «крикнуша» «вси народи», как голова царевича «с плеч покатилася». Ощутима в П. и житийная традиция. Так, автор подчеркивает, что Димитрий часто посещал церковь и «вкушал» «хлеб Богородичен». Поэтому, вслед за С. Ф. Платоновым, можно думать, что в П. запечатлелось «простое предание с примесью благочестивой легенды». По-видимому, она сложилась в светской, скорее всего, посадской среде (очевидно, вне Москвы). Стиль произведения лаконичен и прост, что сближает его с деловой письменностью. П. осталась неизвестной авторам многочисленных сочинений XVII—нач. XVIII в. о Смутном времени.

Изд.: Бычков А. Ф. Повесть о убиении царевича князя Димитрия // ЧОИДР. 1864. Кн. 4. Смесь. С. 1—4.

Лит.: Костомаров Н. И. О следственном деле по поводу убиения царевича Димитрия // ВЕ. 1873. Кн. 9. С. 166—167; Тюменев А. И. Пересмотр известий о смерти царевича Димитрия // ЖМНП. 1908. № 5. Отд. II. С. 99—100; № 6. Отд. II. С. 344—348; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 363—368; 2) Борис Годунов. Пг., 1921. С. 104, 105; Державина О. А. Анализ образов повести XVII века о царевиче Димитрии Угличском // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1946. Т. 7. вып. 1. С. 22; Лихолат С. В. Литературные особенности историко-публицистических произведений начала XVII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев. 1963. С. 15—16.

Я. Г. Солодкин

«Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем» — одно из произведений, в основу сюжета которых положен договор человека с дьяволом (ср. *Слово и сказание о некоем купце*, *Повесть о Савве Грудцыне*). Если в одном случае купец заключает договор с дьяволом, чтобы вернуть богатство, а в другом из-за любви к женщине, то в П. убогий и погибающий от голода человек предается дьяволу, чтобы стать царем. Характерно, что во всех случаях героями становятся купцы (в П. герой сначала делается купцом). По наблюдению Д. С. Лихачева, именно в рассказах о купцах древнерусскому писателю было легче освободиться от строгого подчинения литературному этикету, допустить бо́льшую свободу повествования, ввести элементы вымысла (Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 527).

Благодаря пособничеству дьявола герой П. последовательно становится купцом, затем вельможей и боярином; после смерти царя он женится на царице и становится царем. Заключая договор с дьяволом, герой П. снял с себя крест, отрекся от Христа и никогда с той поры не ходил в церковь. Был нарушен и другой

христианский запрет, заключающийся в том, что человек не должен знать своего смертного часа: дьявол обещал сообщить герою — убогому человеку о его смерти за день. Используя это знание, герой, сделавшийся царем, исповедался протопопу и получил отпущение грехов. Однако автор высказывает сомнения в возможности спасения души таким способом: «А что ево души учинено будет, про то не можно никому ведать». Н. С. Демкова, издатель П., отметила неортодоксальность подобного сомнения в силе исповеди; отрицание возможности отпущения грехов было характерно для некоторых еретических учений.

П. дошла до нас в поздних списках, причем в двух вариантах — в основном и в устьцилемской обработке, принадлежащей, скорее всего, перу устьцилемского писателя и книжника И. С. Мяндина (1823—1894 гг.). Основной вариант представлен двумя рук. — ИРЛИ, колл. В. В. Лукьянова, № 12, 1760-е—нач. 1770-х гг. и неполным списком БАН, 21.11.2, посл. четв. XVIII в. Устьцилемская обработка читается в рук. XIX в. ИРЛИ, Печорское (Усть-Цилемское) собр., № 70. Все три списка изданы Н. С. Демковой.

Устьцилемская обработка, озаглавленная «Повесть о некоем богоизбранном царе и о прелести дияволи», сохранив костяк сюжета, как текстуально, так и в деталях повествования сильно отличается от основного варианта. Вывод автора однозначен — герою удалось спастись. Для этого перед назначенным часом смерти он велел себя казнить и тем приобрел мученический венец. Если в основном варианте подчеркнуто противоречивое положение царя — справедливого и милостивого правителя, но в то же время богоотступника, то в варианте XIX в. линия богоотступничества как бы выпрямляется: человек только «целовал» дьявола, но не дал на себя «рукописания», он нарушает договор тем, что тайно ходит в церковь и молится о спасении своей души. В обработке XIX в. герой страдает не от убогой жизни, а от темничного заключения, он сразу становится царем, причем не через женитьбу, а в результате всенародного избрания. Заключая с дьяволом договор, будущий царь оговаривает привилегии своих подданных: он требует не посылать в его град бесов, «дабы мои подданные не подвергались никаким слабостям. Даже в моей области не было бы ни тадьбы, ни разбою, ни бляденей, ни пиянства и других порочных дел» (едва ли здесь не реминисценции из произведения XV в. с элементами утопии — «Слова о рахманах и предивном их житии»; см.: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 47—48). Обе версии П. близки к традициям повествовательной прозы XVII—XVIII вв. и носят черты народной сказки.

Изд.: Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. «Повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 252—258; Демкова Н. С. Повесть о убогом человеке, како ево диявол произведе царем // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976. С. 38—40 (то же, испр. и доп.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 198—205).

Лит.: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XIX вв. Сыктывкар, 1960. С. 119—121; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 168; Горелкина (Журавель) О. Д. 1) Русские повести конца XVII—начала XIX в. о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 41—54; 2) Мотив беса-слуги в русских повестях конца XVII—начала XVIII в. о договоре с дьяволом: (В связи с народными представлениями) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 248—258; 3) О художественных особенностях «Повести о убогом человеке, како ево диявол произведе царем» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 111—125; 4) Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996.

М. Д. Каган

Повесть о Ульянии Осорьиной см. *Осорьин Каллистрат (Дружина) Георгиевич.*

Повесть о Усть-Шехонском Троицком монастыре («О зачале и создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексны реки, иже первие стояше в Плеществе водном и в говоромели шума воды рекомаго Бела озера за градом Белозером от западныя страны, и в кои лета и ким составися святая обитель сия») — рассказ об истории одного из белозерских монастырей. П. создана в 1620 г. неизвестным автором, по всей видимости, игуменом Троицкого Усть-Шехонского монастыря, который хотел рассказать о возникновении обители, показать, что она самая древняя в Вологодской земле, указать места, на каких она раньше стояла, описать ее современное географическое положение, намекнуть, что неплохо было бы перенести ее еще раз — на более удобное место (которое он косвенно указывает), и побудить братию, нравственным состоянием которой он недоволен, к более благочестивой жизни.

П. начинается рассказом о нашествии царя Батыя на Русскую землю, говорится о гибели князей Георгия Всеволодовича Владимирского и Василька Константиновича Ростовского, затем — о детях Василька Константиновича, Борисе и Глебе, из которых второй после гибели отца начал княжить в Белозерске, Вологде и Устюге.

Возникновение обители автор связывает с чудом прозрения сына Глеба, княжича Михаила, у иконы святой Троицы в церкви под Белозерском. В благодарность за исцеление сына, посоветовавшись с укрывавшимся — очевидно, от татар — в Белозерских пределах «в

некоем острове» епископом Ростовским Лукою, Глеб Василькович основал Троицкий монастырь. Это событие датировано в П. 1251 г. (что оказывается в противоречии с данными самой же П.: там говорится, что сын Михаил родился у Глеба Васильковича «не по мнозе времени» после гибели Василька Константиновича, значит, после 1237 г.; он ослеп в три года, а прозрел через двенадцать лет и три месяца, значит, после 1252 г.). Первым игуменом монастыря П. называет Геннадия, присланного из Спасо-Преображенского Валаамского монастыря по просьбе князя Глеба. Опираясь в начале, по-видимому, на устные предания, монастырский «фольклор», далее П., скорее всего, использует какие-то документы, ибо она сообщает точные данные об архитектурных формах и размерах строившихся в монастыре церквей, приводит даты их возведения, перестройки.

После заключительной, казалось бы, просьбы автора молиться о нем, «окаяннем», повествование продолжается. Следуют два небольших самостоятельных рассказа, из которых первый начинается — в стиле основного повествования — сообщением о строительстве теплой церкви и скоро последовавшей гибели ее от огня, а заканчивается сообщением о возведении на ее месте очередного теплого храма. А в середине — объяснение причины, почему в продолжение четырех лет, протекших между пожаром и новым строительством, длилось «неуставное время», когда церковное пение зимой совершали в столовой келье. Оказывается, причина заключалась в строителе Иосифе, прибывшем в монастырь из Москвы вскоре после пожара с купленной у московских дьяков грамотой и за четыре года разорившем монастырь и посеявшем в братии раздор. В конце концов «лжеименитый строитель» был из монастыря изгнан, и церковь, в которой монастырь нуждался, вскоре возведена, хотя и не такая большая, как прежняя. Второй рассказ, совсем небольшой, сообщает о разграблении обители польско-украинским отрядом 30 июля 1612 г.

Возможно, у всего произведения был один автор. Но вполне возможно, что в составлении П. участвовали и другие обитатели монастыря, ибо по жанру своему она близка к открытой для соавторов монастырской летописи. В рук. ГПБ, Соф. собр., № 1160, XVI—XVII вв. и ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 249, нач. XIX в. (обнаружены Н. А. Охотиной-Линд) читается «Указ о кормах», который мог быть использован при создании П., но, более вероятно, он сам использовал ее текст. П. известна в следующих списках: ГПБ, Q.XVII.80, л. 17—29 об., 1670—1680-е гг.; собр. Погодина, № 1579, л. 43 об.—49 об., 1670—1680-е гг.; Новгородский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, № 10.934, л. 126—132, 1697 г.; ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 3445, XVII и XVIII вв. (обнаружен Н. А. Охотиной-Линд); ГПБ, собр. Титова, № 1296, л. 39—40 об.,

XVIII в. (только начало П.); Череповецкий музей, № 149/11 б. д., нач. XIX в. (обнаружен Н. А. Охотиной-Линд).

Изд.: Прохоров Г. М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 163—206; Бегунов Ю. К. Древнерусское Сказание об Усть-Шехонском Троицком монастыре // Мѣра. СПб., 1995. № 3. С. 68—73.

Г. М. Прохоров

Повесть о Фоме и Ереме (в рук.: «Повесть о дву братах Ереме с Фомою»; «Повесть о Ереме с Фомою» и др.) — произведение смеховой литературы XVII в. П. рассказывает о незадачливых братьях Фоме и Ереме, у которых не получается ни одно дело, за какое они принимаются. П. известна в шести списках XVIII в., причем текст ее очень неустойчив. Если в двух близких между собой списках — ГПБ, O.XVII.57 и ГИМ, собр. Вахрамеева, № 704 братья называются дворянскими детьми, то в списках ГПБ, Q.XVII.4 и ГБЛ, собр. Ундольского, № 1126 они — «торговые люди». В списке ЦНБ АН УССР, собр. Церковно-археологического музея, № 533 (О.8.32), 1724 г. добавлена нравоучительная концовка. Существует большое количество фольклорных параллелей к П., причем А. Н. Веселовский полагал, что книжный оригинал, восходящий к западной «смехотворной повести», «спустился» в устную традицию, а В. П. Адрианова-Перетц, напротив, считала устные варианты более древними, чем книжная повесть. В нач. XVIII в. П. была использована в лубочной картинке.

Д. С. Лихачев отмечает в П. проявление «смехового параллелизма», характерного для древнерусской смеховой культуры. В поздних фольклорных вариантах рассказ о Фоме и Ереме превращается в небылицу, детскую песню, плясовую, прозаическую сказку и т. д.

Изд.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 426; Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1902. Т. 7. С. 1—10 (рукописные тексты), 10—11 (лубок), 11—25 (фольклорные параллели); Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1. С. 421—423 (фольклорные параллели); Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 43—45; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 34—36; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 135—137. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 40—42, 221—224; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 317—320. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 193—195.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 301; Аристов Н. Я. Повесть о Фоме и Ереме // Древняя и новая Россия. 1876. Год 2-й. Т. 1, № 4. С. 359—368; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1. С. 502—505; Финдейзен Н.

Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1: С древнейших времен до начала XVIII века. М.; Л., 1928. Вып. 2. С. 166—167; Елеонский С. Ф. Сказки в быту и рукописиой литературе XVIII века // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 34: Кафедра русской литературы. 1954. Вып. 3. С. 95-100; Якобсон Р. О. Грамматика поэзии и поэзия грамматики // Poetics—Poetyka-Поэтика. Warszawa, 1961. С. 397—417; Богатырев П. Г. Импровизация и иормы художественных приемов иа материале повестей XVIII в., надписей иа лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 401—422; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 50—52; Литература Древией Руси. С. 167—168.

А. Г. Бобров

Повесть о Фроле Скобееве — анонимный литературный памятник новеллистического жанра конца XVII или нач. XVIII в. Ни в одном из девяти списков П. (самый ранний из них относится к 1-й пол. XVIII в.) автор прямым образом себя не проявляет. Это произведение строго эпическое, без авторских отступлений, без «мы» — либо «я» фрагментов, даже без авторских оценок. Материалом для суждения об авторе могут быть лишь данные текста — язык и стиль, фабульные реалии и сюжет. Прежде чем обратиться к этим данным, необходимо заняться вопросом о датировке произведения. Относительно датировки существуют две точки зрения. Согласно одной из них, П. возникла в конце XVII в. Единственное основание такой датировки — 1680 г., к которому отнесены похождения героя в некоторых списках. Не говоря о том, что при отсутствии научного издания мы не можем судить, содержалась ли эта дата в оригинале (или в протографе дошедших списков), использование ее в качестве датирующего признака — недоразумение. Речь идет о приурочении к определенному году описанного события, а вовсе не самого описания.

Вторая точка зрения, высказанная еще И. Е. Забелиным, поддержанная А. Н. Пыпиным, а в наше время подробно обоснованная Н. А. Баклановой, гласит, что П. была создана в первые годы XVIII в., но до введения Табели о рангах, которая в тексте никак не отразилась. Аргументы в пользу такой датировки многочисленны и весомы. Указывают на то, что автор ведет свой рассказ как повествование о минувшем. Указывают также, что в бойком канцелярском стиле П. явно отразилась эпоха реформ Петра I: здесь часто и привычно употребляются такие заимствования из западноевропейских языков, как «квартира», «реестр», «персона» (в значении «особа») и т. д. Хотя порознь все эти варваризмы можно отыскать в русских документах XVII в., в частности, в делах Посольского приказа, но, взятые в совокупности, они типичны как раз для текстов Петровской эпохи.

Самая стилистическая установка — на отказ от словесного этикета, от словесной «красоты» — характерна для этого периода. «В

Новгородском уезде имелся дворенин Фрол Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелас дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах». Понять специфику этой установки помогает литературная политика Петра I, который был заказчиком, редактором и даже соавтором многих изданных при нем книг. Петр предписывал литераторам «Посольского приказу употреблять слова». «Слова Посольского приказу» — это стиль канцелярского делопроизводства, стиль дела, а не извитие словес, стиль, который не заботится об изяществе и красоте. Им Петр объявил войну, отождествляя словесный этикет с косностью и шаблонным мышлением.

В этом отношении автор П. — «птенец гнезда Петрова». Он пишет рублеными, небрежными фразами, о чем красноречиво свидетельствует канцеляризм «иметься» — единственный глагол начальных фраз, трижды кряду употребленный. Такая манера вовсе не говорит о том, что автор П. — плохой стилист. Это не плохой стилист, а литератор, который сознательно не ценит хороший слог (в средневеково-этикетном его понимании). Для автора важна прежде всего интрига. Это понятно, поскольку П. — первая русская плутовская новелла. Хотя ей и предшествовали опыты в этом жанре (например, *Повести о Шемякином суде, о бражнике, о Карпе Сутулове*), но в них русский колорит представляет собою лишь поверхностное наслоение. Национальные реалии в ранних новеллах легко поддаются устранению или замене, и в итоге на первом плане оказывается интернациональный новеллистический субстрат.

Автор П. завязывает интригу как мастер и чисто по-русски. В первой части П. действие протекает на святках — в период ряжения и эротических игрищ. Неигровое поведение Фрола Скобеева уместно для русского читателя именно в это время. Вторая часть П. построена на других принципах. По отношению к первой она контрастна. Этот композиционный контраст воспринимается как сознательный авторский прием, как художественное замещение непредсказуемого сюжетного поворота, узаконенного поэтикой новеллы. Во второй части сюжетная занимательность отодвигается на задний план. Не события, а характеры, не поступки героев, а их переживания интересуют теперь автора. В первой части он был мастером интриги. Во второй он проявил себя знатоком психологии. Он — впервые в русской литературе — индивидуализирует речь персонажей, отделяет их высказывания от авторских. Из реплик героев читатель узнает не только об их действиях и намерениях — он узнает также об их душевном состоянии. Этой художественной переакцентуации соответствует медленное течение сюжета, его «заторможенность» диалогами и жанровыми сценками.

Фрол Скобеев — это типичная для XVII в. фигура, появившаяся в атмосфере утверждения и постоянного возрастания «личностного» начала. Похождения Фрола датированы 1680 г. Год спустя, как из-

вестно, в торжественной обстановке царь и бояре предали огню списки разрядных книг. Это был символический акт: отныне и навсегда надлежало служить «без мест». Решившись покончить с местничеством, верхи если не упразднили сословные перегородки, то сделали их преодолимыми. Такое хронологическое совпадение, даже если оно случайно, весьма знаменательно. Отныне путь к власти и богатству не был заказан «плутам и ябедникам», таким, как Фрол Скобеев.

Отмена местничества узаконила русский фаворитизм. На сцене истории появились выскочки вроде Нарышкиных, Скавронских и Гендриковых. Литературным воплощением этого реального типа стал Фрол Скобеев. Девиз «Буду полковник или покойник!» точно выражает стремление добиться успеха любой ценой, любыми средствами. Фрол Скобеев — это фаворит в миниатюре. Социальная физиономия автора в общем ясна. Он всецело на стороне «новиков», Фрол Скобеев вызывает у него не осуждение, а полное понимание, даже восхищение. Высказывалось предположение, что автор П. — из московских подьячих (А. И. Соболевский). Это вполне вероятно, хотя представляет собою простую догадку (никаких побочных материалов об авторе в нашем распоряжении нет). Более или менее твердо можно говорить лишь о московском жительстве или происхождении анонимного автора: он прекрасно знает топографию Москвы, хорошо разбирается в московских чинах, верно отражает быт московских сословий. Предположение о том, что автор — выходец из южных уездов России (М. А. Соколова), не представляется убедительным.

На тему П. сочинил пьесу Д. В. Аверкиев (см.: Аверкиев Д. В. Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей Нардын-Нащокина дочери Аннушке // Заря. 1869. № 3. С. 1—129; то же отд.: СПб., 1872; Аверкиев Д. В. Драмы. СПб., 1887. Т. 1. С. 153—318; 2-е изд. СПб., 1906. Т. 1. С. 153—318), а по пьесе Д. В. Аверкиева, в свою очередь, была написана комическая опера Т. Н. Хренникова «Фрол Скобеев» (1950; в новой редакции — «Безродный зять», 1966).

Изд.: Историн о российском дворяннне Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нащокнна Аннушке // Москвитяннн. 1853. Кн. 1. Отд. IV. С. 3—16; Кн. 3. Отд. VIII. С. 81—82; Буслаев Ф. И. 1) Историческая хрнстоматня. Стб. 1439—1441; 2) Русская хрестоматня. 13-е изд., доп. и испр. А. И. Соболевским. М., 1917. С. 178—186; Сиповский В. В. Русскне повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. 59—70; Дунаев Б. И. Историн о российском дворяннне Фроле Скобееве. М., 1916. (Бнблиотека старорусскнх повестей, вып. 4); Покровская В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве: (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 249—297; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 326—334; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрнпиль. Л., 1954. С. 155—166; Бегунов Ю. К. 1) Тартуский список «Повестн о Фроле Скобееве» // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 119: Труды по русской н славянской филологин. 1962. Т. 5. С. 364—375; 2) Бежецкие отрывки «Повести о

Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 355—361; «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 686—696; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 390—400; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 55—64; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 476—485; 2-е изд. СПб., 1997. С. 476—485; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 329—341. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусские повести / Ред.-сост. И. Остапенко. Пермь. 1991. С. 258—268.

Лит.: Забелин И. Е. Еще несколько слов о «Фроле Скобееве» // Отечественные записки. 1853. Май. Отд. V. С. 107—108 (под загл. «Заметка о старинных повестях» перепеч. в кн.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 192—193); Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 282—284; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 2. С. 511—516 (раздел написан А. Н. Веселовским); Яворский Ю. А. Отчет о деятельности ОРЯС АН за 1907 г. // СОРЯС. 1908. Т. 84. С. 53—54; Кононов Н. Н. Повесть о Фроле Скобееве // Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 6—7; Соболевский А. И. [Повесть о Фроле Скобееве] // Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. 13-е изд. С. 177—178; Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 67—68; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 297—300; Соколова М. А. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве // Научный бюллетень Ленинградского гос. ун-та. 1945. № 3. С. 33—34; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. ч. 2. С. 235—239 (раздел написан М. О. Скрипилем); Назаревский. Библиография. С. 166; Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 511—518; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 558—561 (раздел написан Д. С. Лихачевым); История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 380—384 (раздел написан А. М. Панченко); Душечкина Е. В. Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве): Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин. 1986; Литература и культура Древней Руси. С. 134; Литература Древней Руси. С. 168—169.

А. М. Панченко

Повесть о Хмеле (в рук. «Повесть зело полезна о Хмелю и о пьянстве, сказуема от некоего философа») — памятник литературы 2-й пол. XVII в. Основной ее источник — *Слово о Хмеле.* При создании П. текст его претерпел изменения, но, как и там, в основе П. лежит речь Хмеля, обращенная к человеку. Эта речь в П. обрамлена повествованием о человеке, жившем уединенно («в дебри», «в пустыни») и однажды увидевшем не известное ему растение. Сорванная с него «смоковница» стала поводом к рассказу Хмеля о своей силе и власти (в списке ГПБ, Q.I.708, л. 335—340 об. начало короче: «Человек некто хождаше по полю, и се глас бысть от травы»). Завершают П. размышления благочестивого героя о пользе умеренности в питии и пагубности пьянства. Здесь источником, вероятно, была вторая часть «Слова святых отец о пьянстве», общая для первой и второй редакций *Измарагда* (см.: Калиновская В. Н. К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 58—59) или же почти

полностью соответствующая ей заключительная часть чтения на 7 апреля, вошедшего в печатный *Пролог* в XVII в. (см.: Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1878. С. 316).

П. обнаруживает жанровое сходство с теми произведениями, «в которых речь идет о несомненности текстов Священного писания» (Ромодановская Е. К. Неизвестная повесть-сказка в рукописном сборнике XVIII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 236), поскольку безымянный герой П. в ряде списков толкует увиденное им чудо как подтверждение слов апостола.

В сравнении со Словом о Хмеле в П. появляются новые подробности бытового характера, в ней обнаруживается бóльшее стремление к занимательности. Но одновременно используются и средства абстрагирования, усиливается дидактичность. Хмель сохраняет черты двойника человека, но путь, на который он влечет, уже не столь неотвратим, как в Слове о Хмеле, проблема нравственного выбора и ответственности человека решается в П. в традициях средневековой учительной литературы.

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 447—449; Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984. С. 81—83; Русская бытовая повесть XV–XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 85—88. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 221—224. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 205; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 251, 253—255; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 290; Назаревский. Библиография. С. 140; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 163.

Т. А. Махновец

Повесть о хмельном питии см. *Послание к некоему иноку о хмеле.*

Повесть о царе Аггее — наиболее известная русская обработка международного сюжета о наказании гордого царя, не поверившего в текст Писания и наказанного за это лишением престола, долгими скитаниями и службой нищим. Лишь после искреннего покаяния герой опять получает трон, который в течение трех лет занимал ангел в облике царя. В рук. П. называется: «Повесть душеполезна о царе Агее, како пострада гордости ради»; «Повесть о царе Агее зело полезна, како он пострада гордости ради за слово Христа Бога нашего»; «Слово о царе Агее и о преступлении его»; «Повесть о гордости царя Аггея, и како за гордость пострада и царства лишися, а за терпение паки прият е»; «Повесть о царе Агее Филуменском, како из

Евангелия издра лист»; «Сказание о царе Агее, како пострада гордости ради и обнища, и отъят Бог царство, и во второе лето вручи ему Бог по-прежнему, и повеле ему царствовати».

Происхождение П. долгое время связывалось с прикладом о гордом цесаре Иовениане, входящем в состав «*Римских деяний*», причем в некоторых исследованиях (Н. И. Петров, И. И. Огиенко) названия этих памятников взаимозаменяются и путаются. В то же время, А. Н. Пыпин, отметив сходство сюжетов П. и приклада, предположил, что П. была «переводом греческого рассказа, явившегося из „Деяний" или одного с ними источника» (Очерк... С. 455); эта «греческая гипотеза» была подхвачена А. Н. Веселовским (Галахов. История... С. 435), Я. Висковатой, В. П. Адриановой-Перетц, М. Дальке. В частности, греческим источником объясняли «значащие» имена героя и города.

Позднее в трудах А. Н. Веселовского древнерусский сюжет о гордом царе был поставлен в контекст всемирной литературы и с тех пор стал рассматриваться как один из важнейших фактов литературного общения Востока и Запада. Опираясь на теорию Бенфея, А. Н. Веселовский предложил гипотезу о пути сюжета из Индии (сказания о Викраматидье) через талмудические легенды (Соломонова сага) в Европу, где, «начиная с легенды „Gesta Romanorum"», разновидность сказания о двойниках «произвела целую литературу пересказов и переделок» (Славянские сказания... С. 45). В дальнейшем (Разыскания...) А. Н. Веселовский выявил обширный круг произведений с однотипным сюжетом, среди которых наиболее близкими к П. считал приклад о цесаре Иовениане и Сказание о царе Асе, отмечая, впрочем, что точки соприкосновения и здесь немногочисленны. Помимо общей схемы сюжета, сходны лишь отдельные эпизоды. В частности, с прикладом сходно появление двойника во время купания, но вместо приравнивания себя Богу (Иовениан) появляется неверие в текст Писания (Аггей).

Гипотеза А. Н. Веселовского о происхождении сюжета П. была поддержана Е. В. Аничковым (Христианские легенды в народной передаче // История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова. Т. 1: Народная словесность. М., 1908. С. 117—118), Я. Висковатой и в отдельных деталях разрабатывалась С. Х. Бейлиным, который утверждал, что П. «с незапамятных времен» пришла в русскую литературу непосредственно из древнераввинской письменности, восприняв ряд «сходных частностей» от талмудических сказаний о Давиде и Соломоне. Однако исследование С. Х. Бейлина методологически несостоятельно (см.: Ромодановская. Повести... С. 14—15).

В настоящее время можно считать установленным, что непосредственным источником П. послужил рассказ о гордом царе из «Неба Нового» Иоанникия Галятовского (1665 г.), где, судя по содержанию и авторским отсылкам, объединены два европейских ва-

рианта сюжета, до того существовавшие параллельно. Галятовский использовал латинскую легенду в обработке Антонина Флорентийского (1389—1459 гг.), являвшуюся одной из наиболее распространенных версий типа Magnificat, где кощунство выражено неверием в текст Евангелия (см.: Varnhagen H. Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Literaturen. Berlin, 1882. S. 45, 90), а также версию «Римских деяний», характерной чертой которой является купание царя во время охоты. Таким образом, уже здесь появились те сюжетные отличия, сохранившиеся в П., которые отмечал в ней А. Н. Веселовский. Тот же источник, по-видимому, позволяет объяснить, откуда появилось значащее — «греческое» имя героя: безымянного (как и у Антонина) гордого царя Галятовский сравнивал с «грецким» царем Иовенианом, что позволяло образованным книжникам подобрать соответствующее имя. Отсутствие в П. каких-либо других грецизмов или варваризмов снимает вопрос о переводном характере произведения.

Вторым источником П. послужило Слово о богатом и Лазаре из «Обеда душевного» *Симеона Полоцкого* (1675—1677 гг.), откуда заимствована цитата — искаженный стих Псалтири («Богатый обнища, нищий обогате»), играющая в П. сюжетообразующую роль и возводимая к Евангелию. Эта ошибка может быть объяснена тем, что в Слове Симеона текст 33-го псалма включен в толкование евангельской притчи без отсылки к источнику, т. к. он видоизменен в контексте всего Слова. Влияние Полоцкого можно видеть и в деталях характеристики царя.

Следует отметить также внутреннюю перекличку П. с *Житием Алексея человека Божия*, чей культ как патрона царя *Алексея Михайловича* переживает своеобразное возрождение в 1660—1677 гг. При особом внимании к теме нищенства, характерной для П. (это единственный памятник на сюжет о гордом царе, делающий царя прислужником нищих), вполне объяснимо обращение ее автора к темам Жития, прославляющего добровольный подвиг нищеты. Соотносимы почти все основные моменты сюжета в двух памятниках: в обоих случаях герой (добровольно или вынужденно) лишается своего законного высокого положения и занимает место ниже последнего нищего, его преследуют и обижают собственные слуги и бездомные бродяги, но все эти ситуации имеют прямо противоположные оценочные знаки. Если судьба Алексея — его добровольный духовный подвиг, символ мужественного самоотречения и самоотверженности, то судьба Аггея — наказание ему за кощунство. Поэтому контрастна и реакция героев: человек Божий все переносит «с радостию» и скрывается от любой возможности прослыть праведником — Аггей же плачется при всех испытаниях и радостно возвращается на престол. Сотнесенность мотивов, связанных с нищенством

героев, столь глубока, что можно говорить о своеобразном отталкивании автора от Жития в процессе создания П. Общая идея и фабула Жития явно присутствовали в сознании автора, заставляя его соответственно рассчитывать сюжетные ходы собственного произведения.

Установление источников П. позволяет четко датировать ее 2-й пол. 1670-х гг. и никак не позднее рубежа 1670—1680-х гг., к которому относятся древнейшие списки произведения. П. сразу же получает чрезвычайное распространение и популярность: к 1680-м гг. относятся по крайней мере четыре ее редакции, притом Основная — в разных вариантах и видах. Столь явный всплеск интереса к сюжету о гордом царе несомненно связан с социально-психологической обстановкой этого времени, когда в публицистике, придворной и низовой литературе остро встает проблема истинного и неистинного государя, приоритета светской или духовной власти, отношения к нищим, а в обсуждении личности недавно умершего царя Алексея Михайловича участвуют как старообрядцы, так и деятели Патриаршего двора.

Все эти вопросы находят отражение в П.; ее создатели несомненно принадлежали к среде московских образованных книжников, «традиционалистов» по идеологическим и литературным взглядам. Опытный автор в жанре «зело душеполезной» повести-притчи сумел выразить свое отношение к царю Алексею Михайловичу. В частности, отмеченная соотнесенность П. с Житием Алексея человека Божия показывает независимость автора от придворных и официозных литераторов, стремившихся сблизить образы святого Алексея и правящего государя прежде всего по признаку «святости»: П. использует типичный для сюжета мотив подмены гордого царя ангелом и, таким образом, подчеркивает не слияние, а противопоставление земного царя и небесного патрона. Мотив невинно осужденного иерея, характерный среди повестей о гордом царе только для П., явно содержит намек на конфликт царя с патриархом *Никоном*. Можно думать, что П. была написана в «прониконовских» кругах, полных сочувствия к низложенному владыке, за возвращение которого из ссылки шла активная борьба как раз на рубеже 1670—1680-х гг., когда создавалась П. Наконец, включение в фабулу не только сомнений царя в евангельской истине, но и оскорбления нищих возвращает П. к более древнему типу сюжета, где царь прямо противопоставляет себя Богу, поскольку вплоть до сер. XVIII в. сохраняются представления средневекового человека о том, что «дающий нищему — Христу дает», и о том, что Христос любит испытывать людей в облике нищего. Благодаря этому, смысл повествования углубляется, приобретая символическое значение, «второй смысл», характерный для жанра притчи.

Мотив нищенства в П. связан также с обсуждением этой проблемы русским обществом рубежа 1670—1680-х гг., когда готовился и

был вынесен на собор 1681—1682 г. царский указ о «разборке» московских нищих. Решение вопроса об отношении к нищим в течение нескольких десятилетий являлось таким же признаком принадлежности к той или иной партии, как и вопросы о брадобритии, табаке и т. п., и для автора П. противопоставление царя и нищих важно не только для характеристики главного героя, но и как прямой отклик на события, волновавшие, в первую очередь, церковно-монашеские круги.

П. активно живет в рукописной традиции вплоть до сер. XIX в. В настоящее время известно более 200 ее списков XVII—XX вв., представляющих 16 редакций с многочисленными вариантами, видами, группами текстов. Можно выделить несколько этапов особого интереса к ней, как чисто литературного, так и идейно-публицистического. П. воспринималась как занимательный рассказ о необычайном происшествии, как нравоучительное повествование, долженствующее внушить определенный эталон поведения, как прикровенный политический памфлет, позволяющий в аллегорической форме высказать критику в адрес правящего государя.

Именно политические идеи, в первую очередь, влияют на создание самых первых редакций и вариантов П. в 1670—1690-х гг. (Изначальная, Первоначальная, Основная редакции, вариант «вкупе богат и убог» и др.). В этот период только Симеоновская редакция, созданная известным книжником и справщиком Печатного двора *Никифором Симеоновым*, выполняет чисто литературные задачи и выделяется беллетризацией сюжета, яркостью бытовых сцен, тонким чувством слова, цельностью, определенной единым авторским замыслом. Лишь на рубеже XVII—XVIII вв. подобные литературные задачи выйдут на первый план, объясняясъ общим процессом «обмирщения» литературы. Однако процессам беллетризации, оживления рассказа, упрощения языка в литературной истории П. постоянно противостоит работа книжников-традиционалистов по стандартизации текста, усилению дидактичности, архаизации лексики. Эти процессы отразились в редакциях петровского времени: если Пискаревская создается как собственно приключенческое повествование, то в Тихомировской беллетризация ставится на службу дидактике, «духовному» началу, характерному для тех кругов, где активно обсуждают проблемы отношений царя и патриарха, неподсудности церкви государству, упадка интереса к Писанию. По-видимому изначальная связь П. с церковной «фрондой», недовольной государственной политикой в духовных вопросах, влияет на интерес к П. в церковных кругах. Это нашло отражение в Пространном варианте Книжной редакции, появление которого, скорее всего, было спровоцировано делом Арсения Мацеевича. Со 2-й пол. XVIII в. П. почти полностью уходит в демократические круги, и новые обработки, в первую очередь, выражают взгляд русского крестьянства на царя и на идеал социального устройства. Мотивы, свя-

занные с разгромом Пугачевского восстания, мечты о сытой и спокойной жизни без мятежей и разбойников, сочувствие нищим, укор царю, никогда не знавшему о бедности, прослеживаются в редакциях Марковской, со скоморохами, с Мефодием Патарским, в Выговской обработке Основной редакции. Образ идеального царя смыкается здесь с популярным в народе образом «царя от нищеты». Три особых редакции создает крестьянский писатель И. С. Мяндин (1823—1894 гг.); у него особенно любовно изображается крестьянский труд, а нищенская сума является отнюдь не символом подвига во имя Христа, как в традиционной церковной литературе, а тяжкой ношей стариков, не имеющих пропитания.

Уже в 1680—1690-х гг. П. стала оказывать влияние на другие памятники литературы. Так, ее вариант «вкупе богат и убог» послужил основой для русской версии приклада о цесаре Иовениане, сохранившейся в двух редакциях: первая — в сборнике Никифора Симеонова, вторая — в составе *Великого зерцала*. В нач. XVIII в. П. послужила одним из источников *Повести о Димитрии, князе Римском*. П. вызвала большой интерес писателей XIX—XX вв. Ее обрабатывали Л. Н. Толстой, В. М. Гаршин, А. М. Ремизов, И. Я. Франко, В. Г. Щурат, Ф. В. Волховский (см. подробнее в кн. М. Дальке).

Изд.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859. С. 84—87; Казань, 1914. С. 148—151; Шугуров М. Повесть о царе Аггее // Русский архив. 1865. № 9. Стб. 14—18; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. V. Новые данные к истории Соломоновских сказаний // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 73—150; Повести о гордом царе. Московские высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Сергиев Посад, б. г. С. 1—3 (публ. М. Н. Сперанского); Гринченко Б. Д. Из уст народа: Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов, 1901. С. 410—412, 454; Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 267—269, 639—640 (подг. текста и комм. Е. К. Ромодановской); Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 51—54. (Б-ка русской фантастики, т. 2); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 279—282, 419. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 242—244. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерки из старинной русской литературы. III. Старинный перевод Римских Деяний // Отечественные записки. 1857. Т. 110, № 2. С. 455; 2) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 196—197. 3) История русской литературы. 3-е изд. СПб., 1907. Т. 2. С. 513; Петров Н. И. 1) О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 6. С. 601; № 8. С. 734; 2) Южнорусские легенды // Там же. 1877. № 3. С. 607—611; Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 435 (раздел написан А. Н. Веселовским). Шляпкин И. А. Из народной литературы XVIII века // ИВ. 1881. № 6. С. 679—680; Бейлин С. Х. Странствующие, или всемирные повести и сказания в древнеравнинской письменности. Иркутск, 1907. С. 23—46; Огиенко И. И. Отражение в литературе «Неба Нового» Иоанникия Галятовского, южнорусского проповедника XVII века // Филологические записки. 1912. № 1. С. 3—4; Висковатая Я. К вопросу о

европейских сказаниях о «гордом царе» и их обработках // Slavia. 1935. Roč. 13. seš. 2—3. С. 345—357; Бялый Г. А. Гаршин и литературная борьба 80-х годов. М.; Л., 1937. С. 121, 136—141, 203; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 137—143; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 418—419; Назаревский. Библиография. С. 28—31; Державина О. А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 238; Dahlke M. Das Sujet vom stolzen Kaiser in den ostslavischen Volks- und Kunstliteraturen: Ein Beitrag zur vergleichenden Motiv- und Stoffgeschichte. Amsterdam, 1973; Ромодановская Е. К. 1) Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников. I. Повесть о царе Аггее и Римские Деяния // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 74—79; 2) Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников. II. Повесть о бражнике // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 13—16; 3) От цитаты к сюжету: Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С. 66—76. (Проблемы исторической поэтики, вып. 3); 4) Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994; 5) Русская версия Приклада о гордом цесаре Иовениане // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 689—693; Росовецкий С. К. Одно из стилевых течений русской беллетристики второй половины XVII—начала XVIII в. и провинциальный книжник Федор Злобин // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 315—379.

Е. К. Ромодановская

Повесть о царе Василии Константиновиче («Сказание о царе Василье Костентиновиче по имени града Костентина») — сказочно-легендарное повествование 1-й пол. XVIII в. о причине падения Константинополя при богоотступнике царе Василии Константиновиче и о победе над Турецким царством его сына царевича Константина. П. не была предметом специального исследования. В 1905 г. она была издана по единственному известному списку ГБЛ, Музейное собр., № 2432, 1750 г. В примечании к публикуемому тексту В. В. Сиповский, ссылаясь на указатель К. Крумбахера, глухо определяет П. как «русскую народную переделку чужого произведения» и отмечает в ней «полустертую связь с какими-то византийскими сказаниями о борьбе Царьграда с магометанством» (Русские повести... С. LXIII). На самом деле, появление П., вероятнее всего, нужно связывать с победами, одержанными Россией над Турецией в русско-турецких войнах 2-й пол. XVII—1-й пол. XVIII в. В ней заметно влияние широко распространенных в это время переработок *Повестей о взятии Константинополя турками в 1453 г.*, а также печатных изданий этих переработок (обзор их приведен в работе М. Н. Сперанского). Датировку П. помогает уточнить и лексика произведения (например, слово «паж» начало употребляться со времен Петра I).

Однако П. не может быть определена как историческое сказание о борьбе с Турцией: ей не свойственна историческая достоверность

изложения, и факты, описанные в ней, носят вымышленный, сказочно-легендарный характер. Достоверных исторических имен и названий в П. почти нет, кроме упоминания «града Константина» (Константинополя) и «Царьграда», а также имени «Константин», принадлежавшего последнему византийскому императору, при котором пал Константинополь. Автор П. допускает серьезные исторические ошибки: два названия города он относит к двум разным городам, которые обмениваются посольствами и воюют между собой. Именем Константин автор называет царевича-победителя, в то время как царь-богоотступник, при котором турки овладели Константинополем, назван Василием Константиновичем, а не «по имени града Костентина» (как указано в заглавии П.). Большинство действующих лиц П. — либо вымышленные персонажи, наделенные псевдоисторическими именами, либо сказочные герои (царица Ирина Дмитриевна, царь «неверных» «Долмат Евсеевич», «бусарманский» царь «Салтан Салтанович», послы, ханы, пажи, вельможи и паши, богатыри, дочь царя Долмата «прекрасная царевна», «два разбойника Перша да Ивашка» и пр.). Привлечение традиционных сказочных образов и приемов народнопоэтической сказовой речи (типа «ой-еси» и пр.) придает П. черты сказочного повествования, что усиливается фонетической манерой записи текста, присущей списку 1750 г. И все же памятник едва ли может быть отнесен к числу устных (записанных со слов) народных произведений. По всей видимости, это произведение книжное: композиция П. нечеткая, осложненная; текст состоит из двух частей, связанных между собой мотивом борьбы за православие двух раскаявшихся разбойников «Перши да Ивашки», исполняющих одновременно роль послов царевича Константина.

Историческая правдоподобность повествования достигается автором традиционным для древнерусской литературы способом оформления событий как дипломатических и военных церемониальных отношений христианских царей с ханами, царями и султаном Турецкого царства, при этом в изложение включаются вымышленные тексты посольских грамот, писем и речей, а также описание посольского ритуала обеих сторон. В связи с этим лексика П. пестрит книжными оборотами речи, которые должны придать повествованию торжественный тон. В П. заметен некоторый шутейный элемент, связанный с именами «Перши да Ивашки» и текстами так называемых посольских грамот и речей, которые напоминают отчасти *Легендарную переписку Турецкого султана с чигиринскими казаками.*

Изд.: Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. LXIII. 288—293 (рец.: Розанов С. П. // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 4. С. 272, 277); ПЛДР XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 442—447.

Лит.: Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 248—249; Сперанский М. Н. Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской исто-

рии» А. Лызлова: (Из истории русско-польско-болгарских связей на рубеже XVII—XVIII вв.) // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 211—224, 227; Демкова Н. С. Стилистическая «пестрота» народной беллетристики рубежа XVII—XVIII веков: («Сказание о царе Василии Константиновиче») // Стиль и время: Развитие реалистического повествования. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар. 1985. С. 5—17 (то же в кн.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 182—192).

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о царе Газие — сочинение, созданное ок. сер. 1640-х гг. на основе ветхозаветного сюжета из 4-й книги Царств (гл. VI—VII) о неверии слову пророка. Следуя общей сюжетной схеме библейского источника, автор П. произвел последовательный отбор эпизодов и действующих лиц, сохранив лишь наиболее яркие элементы. П. начинается с рассказа о двух вдовах, которые из-за страшного голода во время длительной осады города врагами решаются съесть собственных детей, но одна из вдов прячет своего ребенка, убедив соседку съедать их по очереди; последняя просит царя рассудить их. Ужаснувшийся царь отправляет своего «вельможу» к пророку Аггею, который дважды предрекает «заутра» горы дешевого хлеба: «Царю тот хлеб видети и ясти, а тобе, вельможа, видети тот хлеб и не ясти». Царь не верит пророку, но к утру «иноязычницы» исчезают, оставив возле города лагерь, полный зерна; горожане бросаются туда за пшеницей и в городских «вратех» «удавиша» вельможу, успевшего лишь увидеть хлеб, на чем и сбылось слово пророка.

По сравнению с Библией, автор П. изменил систему имен, реалий, бытовых деталей, вводя чисто русские понятия — рубль, пуло, кадь пшеницы и т. д., что приблизило рассказ к русскому читателю. Безымянный в Библии царь получил имя, явно навеянное образом прислужника пророка Елисея Гиезия (см. 4 Цар. V, 20—27), который в древнерусской литературе (у *Иосифа Волоцкого, Симеона Полоцкого* и др.) служил символом корыстолюбия. Герой 4-й книги Царств пророк Елисей в П. переименован в Аггея, которому приписывается широко распространенное в *Златоусте* слово с обличением «златолюбивых».

П. сохранилась в трех списках, представляющих три разные редакции. Самая ранняя из них («О осаде Еросалимской и о пророке Аггее») читается в авторском сборнике ЦГАДА, ф. 181, № 434/893 и ставит в центр внимания тему неправедного, «пагубного» богатства и тему пророка. Текст этой редакции внутренне противоречив: мысль о гибельности златолюбия воплощается в традиционном сюжете через образ царя, однако обличения собственно царя еще нет, и он сохраняет исконные для его библейского прототипа черты благостности и боголюбия. Именно эти черты последовательно убирались позднейшими редакторами. Наибольший интерес представляет

редакция («Сказание о царе Газие»), сохранившаяся в сборнике ГБЛ, собр. Большакова, № 88 и созданная не позднее 1680-х гг. Она отличается цельностью, освобождением от противоречивости первоначального текста, усилением антицаристского аспекта всего сочинения: подчеркнуты не только корыстолюбие и скупость Газии, но и его «гордость»; на первый план выходит тема не пророка, а царя, что видно даже из смены заглавия. Наконец, список П. из сборника ГБЛ, Музейное собр., № 8901 («О цари иеросалимском») отличается стремлением осторожного редактора сгладить острые моменты и сократить текст. Все три редакции П. опубликованы.

Изд.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 52—73, 280—285; Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1991. С. 238—239. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Ромодановская Е. К. 1) Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск. 1994. С. 15—27, 43, 78; 2) От цитаты к сюжету: Роль повести — притчи в становлении новой русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научных трудов. Петрозаводск. 1994. С. 66—75. (Проблемы исторической поэтики. вып. 3).

Е. К. Ромодановская

Повесть о царе и мельнике — датирующаяся рубежом XVII и XVIII вв. русская книжная обработка распространенного в мировой литературе и фольклоре сюжета о состязании переодетого героя с царем в мудрости (см.: Anderson W. Kaiser und Abt. Helsinki, 1923; первая часть издана на русс. яз.: Андерсон В. Император и аббат: История одного народного анекдота. Казань, 1916. Т. 1). П. сохранилась в единственном списке в составе сборника-конволюта XVIII в. ГПБ, собр. Титова, № 2670, л. 39—39 об., заглавие отсутствует. Тетради, на одном из листов которых переписана П., издатели ее датируют 1730-ми гг. и обращают внимание на то, что П. входит в рукописи в цикл новеллистических повествований о царях, включающий, кроме рассматриваемого произведения, «Слово о Вавилоне» (см. *Сказание о Вавилоне*) и «Повесть о царе и безумной жене». Издатели сопоставили содержание П. с содержанием переводного польского жарта на тот же сюжет (перевод жарта публикуется в приложении к статье) и с разными вариантами народной сказки, обычно озаглавленной «Беспечальный монастырь», и пришли к выводу, что стиль П. ближе тяготеет к сказке, чем стиль жарта. Особенности композиции и поэтики также сближают П. с памятниками фольклора. Однако тот факт, что в П. по преимуществу используется книжная лексика, позволяет характеризовать ее как самую раннюю в России литературную обработку народной сказки на данный сюжет.

Изд.: Демкова Н. С., Герасимова Н. М. Русская обработка сюжета о состязании мельника с царем // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 364—368 (то же в кн.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 208—217); Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 303—304. («Сокровища древнерусской литературы»); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 367—368. («Сокровища древнерусской литературы»).

Д. М. Буланин

Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине — произведение XVII в., пересказывающая легенду о времени *Ивана IV Грозного.* Царь, узнав, что его сын *Иван Иванович* умер по вине злых изменников, велит заготовить 300 плах, 300 топоров и 300 палачей. Выехав на площадь на черном коне в черном платье в сопровождении сотников, стрельцов и псарей, он приказывает взять по росписи людей из бояр, окольничих, стрельцов и купцов на казнь. Первыми казнили 7 (или 37) человек из гостиной сотни, пока не дошла очередь до Харитона Белоулина (Белоуленева, в другой редакции — Харитона Алексеева Левренского), человека высокого и могучего. Он сопротивлялся палачам и дерзко спрашивал у царя, за что тот проливает неповинную кровь. Отрубленная его голова продолжала что-то говорить, а тело, вскочив на ноги, начало трястись. Устрашась, царь уехал в свой дворец за Неглинную, выслав затем вестника объявить о помиловании остальных людей. П. была открыта Г. З. Кунцевичем, определившим памятник как предание о больших московских казнях Ивана Грозного. Г. З. Кунцевич был знаком со списком произведения нач. XVIII в. ГПБ, Q. XVII. 252.

П. читается в составе летописных сводов XVII в., где она представлена разными редакциями. В так называемом Щепкинском летописце (ГИМ, Музейское собр., № 3996, сер. XVII в.) текст П. пространный, отличается книжным характером, употребляются церковнославянизмы. Текст характеризуется рядом особых чтений: купец назван Харитоном Алексеевым Левренским; царевич умер не просто из-за измены бояр, но сам царь предал его смерти; палачи казнили 37 человек. В отличие от списков другой редакции, здесь не сказано, что царь приехал на место казни в черном платье на черном коне. В *Летописце Пинежском* и в списках ГПБ, Книга поступлений—1958, № 217, конец XVII—нач. XVIII в.; Q.XVII.252 текст краток, ему присущи фольклорные черты, церковнославянизмы отсутствуют, купец назван Харитоном Белоулиным. Третий вид текста читается в Забелинском летописном своде (ГИМ, собр. Забелина, № 263, конец XVII в.). Здесь П. открывается неверными датами — 7081 и 7082 гг. вместо 7091 и 7092 гг. (реальная дата гибели царевича), герой носит имя Харитона Белоуленева, текст П. краткий, близкий к деловой записи, но отличается несколькими выразительными деталями — только в этом

списке упомянута сверкающая «вопиющая» кровь казненного купца, сказано, что тела казненных погребли их родные.

Д. Н. Альшиц в статье 1961 г., написанной до открытия Пинежского летописца, посчитал Забелинский вариант начальным в истории текста, списки ГПБ — вторым этапом его развития, а список ГИМ, Музейское собр., № 3996 — второй редакцией П. С. К. Росовецкий наметил другое соотношение текстов: по его мнению, исходным является текст ГИМ, Музейское собр., № 3996, за ним следует список П. из Пинежского летописца, к которому примыкает список ГПБ, Q.XVII.252, с некоторыми изменениями, а к этому виду текста восходит Забелинский список. Однако полной текстологической аргументации, доказывающей такое соотношение текстов, не представлено. Д. Н. Альшиц считал автора современником московских казней 1570-х гг., датировал П. XVI в. и искал в ней исторические реалии, на основании которых можно было бы установить генеалогию текстов.

На самом деле, П. — произведение целиком вымышленное, причем литературным персонажем в ней выступает не только купец, но и царь Иван Грозный. С. К. Росовецкий полагает, что в 1570-е гг. в Москве не могло быть написано литературное произведение о казнях с заведомо вымышленным героем. В Пинежском летописце, наряду с П., помещен целый ряд исторических легенд, развивающих ту же тему — гнев и казни Ивана Грозного и последующие помилования: это рассказы о казни царем Новгорода и о спасении Пскова юродивым Николой, о наказании Вологды, *Повесть о взятии Смоленска,* рассказ о взятии Ермаком Сибири. Все эти легенды отражают народное отношение к Грозному и воспоминания о времени опричнины. П., возможно, сочинена в процессе составления Пинежского летописца. Для ее датировки важно было бы выяснить, существовала ли П., как и другие легенды об Иване Грозном, самостоятельно, или все они были написаны специально для летописного свода. Для XVII в. характерно появление вымышленных произведений о купцах как «особой жанровой разновидности повествовательной литературы» (Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 527).

Некоторые мотивы П. находят аналогии в фольклоре, в частности, в исторической песне о гневе Ивана Грозного на сына, существующей в большом количестве вариантов и возникшей, по определению фольклористов, в 1560—1580-х гг. (Пропп В. Я. Песня о гневе Ивана Грозного на сына // Вестник ЛГУ. № 14. Сер. истории языка и литературы. Вып. 3. Л., 1958. С. 75—103; Путилов Б. Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 5—32). Автор П. мог ориентироваться на это широко распространенное произведение. Другими источниками П. могли стать литературно-документальные известия о массовых казнях Грозного в Москве в 1570-х гг., после разгрома Новгорода. Так, С. К. Росовецкий предполагает, что «кани-

лер» *Иван Висковатый,* отказавшийся перед казнью признаться в приписанных ему преступлениях и обратившийся к царю с гневной речью, мог в народном представлении превратиться в купца Харитона Белоулина (см.: Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Под ред. А. И. Малеина. 3-е изд. М., 1934. С. 46—47). П., скорее всего, возникла в московской купеческой среде как литературная обработка устного предания; при этом московские устные традиции оказались очень близки к новгородско-псковским. П. можно сопоставить с распространенным в летописании XVII в. изображением новгородских и московских казней. Ср., например, соответствующие рассказы в *Летописце Пискаревском* (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 191) и в *Летописи Новгородской III* (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 254—262).

Изд.: Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 255—271; Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 57—65, 77—78.

Лит.: Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1904—1905 гг. СПб., 1906. С. 18—19 (сообщение Г. З. Кунцевича); Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1811, примеч. 6; Крупп А. А. Предания о времени Ивана Грозного // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 16. С. 211; Росовецкий С. К. Устная проза об Иване Грозном – правителе // Там же. Л., 1981. Т. 20. С. 87—89; Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 183—209. (Труды ГИМ, вып. 71); Савельева Н. В. 1) Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 262, 265—266; 2) Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—1-й четверти XVIII веков и памятники местной литературы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 24—26.

М. Д. Каган

Повесть о царе Иване и старце — памятник смеховой литературы XVII в., примыкающий, вместе с тем, к циклу легендарно-исторических повестей об *Иване IV Грозном*, в которых исторический его образ подвергся переосмыслению в духе устного народного творчества и некоторые из которых основаны на устных преданиях (см., в особенности, *Повесть о взятии Смоленска, Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине, Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне*). Рукописный оригинал П. не сохранился, существующие ее издания восходят к публикации А. Н. Веселовского, которая основана на копии со списка XVIII в., принадлежавшего Е. И. Якушкину. П. построена как состязание в мудрости и остроумии головщика Троице-Сергиева монастыря и Грозного царя, причем своими шутовскими речами и своим шутовским поведением герой П. добивается царской милости. В «смеховых» репликах и символических действиях старца-головщика

отчетливо угадываются элементы скоморошьего балагурства: к отдельным эпизодам П. могут быть подобраны точные параллели из памятников фольклора, например, к данному царем заданию прибыть в Александрову слободу «ни конем, ни пешу, ни в платье и ни нагу» (см.: Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. Л., 1929. № 875: «Семилетка»).

С. К. Росовецкий, последний исследователь П., датирует ее промежутком времени между концом 1630-х и нач. 1650-х гг. и пытается определить, кто был реальным прототипом героя П. По мнению исследователя, этим прототипом послужил уставщик Троице-Сергиева монастыря Филарет, который, как явствует из записи в рукописном Обиходнике 1594 г., «был у царя Ивана Васильевича в слободе в Александрове у Покрова диякон Фома» (ГПБ, Кир-Белоз. собр., № 735/992). При этом, считает С. К. Росовецкий, на воспоминания о Филарете в П. наслоились предания о его ученике — также уставщике Троицкого монастыря, знаменитом распевщике *Логгине Корове*, о буйном характере которого и его склонности к озорству и ерничеству подробно рассказывает Житие Дионисия Зобниновского (см. *Иоанн Наседка* и *Симон Азарьин*). По предположению исследователя, П. основана на монастырской легенде, а ее автором был кто-то из клирошан Троицкого монастыря, возможно, ученик Логгина Коровы.

Изд.: Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном // Древняя и новая Россия. 1876. Кн. 4. С. 322—323; Русские сказки в ранних записях и публикациях: (XVI—XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и комм. Н. В. Новикова. Л., 1971. С. 48—49; Росовецкий С. К. Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 241—267; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 199—202. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Росовецкий С. К. Устная проза XVI—XVII вв. об Иване Грозном — правителе // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1981. Т. 20. С. 77—79.

Д. М. Буланин

Повесть о царе Льве Премудром (в рукописной традиции встречается под названием «О премудрых делех Льва, царя Премудрого») — литературная контаминация 2-й пол. XVII в. (между 1665 г. и концом XVII в.), состоящая из цикла переводных легенд о византийском императоре Льве VI Премудром. Основным источником П. послужил русский перевод *Хроники Дорофея Монемвасийского*, бывшей одной из популярнейших книг по истории Византии как в Западной Европе, так и на Руси. Если учесть дату окончания работы над славяно-русским переводом Хроники (*Арсений Грек* начал перевод в 1655 г., а *Дионисий Грек* закончил его в 1665 г.), то верхней границей создания П. следует считать 1665 г. Нижняя граница ее

появления определяется древнейшим списком П. конца XVII в. из библиотеки Соловецкого монастыря.

П. известна в трех списках XVII—XVIII вв., представляющих, с точки зрения Ю. А. Яворского, три не зависящих друг от друга варианта текста. Текстологическое сопоставление списков позволяет выделить в них две группы и соответственно наметить два литературных пути, которыми шла обработка легенд о Льве Премудром, выписанных из русского перевода Хроники Дорофея: это, во-первых, формирование П. как цикла из пяти легенд о царе и, во-вторых, оформление двух отдельных легенд о Льве Премудром по типу жарт, в виде небольших повествований назидательного характера, снабженных самостоятельными заглавиями.

П., содержащая цикл из пяти легенд, представлена двумя списками: древнейшим, хотя и дефектным, конца XVII в. и полным списком XVIII в. В этих списках П. представляет собой законченную композицию из пяти эпизодов (легенд), соединенных посредством кратких текстуальных спаек и обрамленных кратким введением и заключением на тему о многих «премудростях» византийского императора Льва: легенда о златом древе (I), о чудесном зеркале, прорицающем будущее (II), о двух черепахах, очищающих Царьград от нечистот (III), о мраморной багряной руке — «правосудилище» (IV), о хитроумном наказании женщины, опозорившей царя Льва (V). Легенды о Льве Премудром, оформленные в виде жарт, представлены списком XVIII в. ГБЛ, собр. ОИДР, № 225, л. 386 об.—387 об. Жарты о Льве Премудром соответствуют двум последним эпизодам полного текста П. и имеют свои заглавия: «Повесть о правой руце, юже сотвори Премудры Лев астроминискою хитростию» и «Повесть о том же Лве». Тексты жарт о Льве Премудром отличаются от соответствующих эпизодов полного текста П. значительной переработкой не только стилистического, но и содержательного характера. Например, здесь изъято фривольное повествование о способе наказания женщины.

Легенды о Льве Премудром, включенные в состав П., выбирались ее составителем из разных мест перевода Хроники Дорофея, сверенного с греческим оригиналом. При этом некоторые легенды, связанные с именами других исторических деятелей, были отнесены к Льву Премудрому составителем П. Так, три последних эпизода полного текста П. (III—V) восходят к легендам Хроники о Льве, а два начальных эпизода (I и II) заимствованы из сказаний о его предшественниках — императоре Михаиле III и его отце Феофиле.

П., включающая пять легенд, могла быть создана лишь на основе устойчивой литературной традиции восприятия образа Льва Премудрого. В византийской и русской переводной письменности имя Льва Премудрого издавна пользовалось большой известностью, его сочинения или отрывки из них, авторитетность которых приравнивалась святоотеческой литературе, включались в разнообразные

сборники учительного содержания, Кормчие и литургические книги. С именем Льва Премудрого в византийской и русской литературе связывался целый ряд преданий, часто восходивший к устной византийской традиции; ему приписывались многие «премудрости» и предсказания. Византийские легенды о Льве Премудром, прорицателе исторических судеб, были известны русским читателям по «Хождению» новгородского архиепископа *Антония* и *Сказанию о Вавилоне.* Эпизод о черепахах, очищающих Царьград от нечистот, в несколько измененном варианте, с заменой черепах — жабой, известен по «Хождению» *Зосимы.* Тема Льва Премудрого как прорицателя присутствует в *Повестях о взятии Константинополя турками в 1453 г.*, в *Летописи Никоновской*, переведенной *Николаем Спафарием* книге «Хрисмологион».

Автором П. был начитанный книжник, знавший греческий язык и связанный с Московским Печатным двором, где в рукописном виде хранился основной источник его произведения — Хроника Дорофея.

Изд.: Яворский Ю. А. Византийские сказаиия о Льве Премудром в русских списках XVII—XVIII веков // ИОРЯС. 1909. Т. 14, ки. 2. С. 55—84.

Лит.: Востоков. Описаиие. С. 167—168; Строев П. М. 1) Библиотека имп. Общества истории и древиостей российских. М., 1845. С. 107; 2) Словарь. С. 25; Икоиииков В. С. 1) Опыт исследоваиия о культуриом зиачеиии Визаитии в русской истории. Киев, 1869. С. 364; 2) Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, ки. 1. С. 98; Ки. 2. С. 1350—1351, 1469, 1919—1920; Викторов А. Е. 1) Каталог славяио-русских рукописей Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 43; 2) Описи рукописиых собраиий в киигохраиилищах Севериой России. СПб., 1890. С. 29; Териовский Ф. Изучеиие византийской истории и ее теидеициозиое приложеиие в Древией Руси. Киев, 1875. С. 108; Владимиров П. В. 1) Великое Зерцало. М., 1884. С. 49; 2) К исследоваиию «Великого Зерцала». Казаиь, 1885. С. 46; Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былииам // ЖМНП. 1885. № 12. С. 188; Титов А. А. Описаиие рукописей Ростовского музея церковиых древностей. Ярославль, 1886. С. 87; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время: (1651—1709). СПб., 1891. С. 363, 415; Истрии В. М. Откровеиие Мефодия Патарского и апокрифические видения Даииила. М., 1897. С. 240; Сперанский М. Н. 1) Описаиие рукописей Библиотеки историко-филологического факультета Ииститута ки. Безбородко в Нежиие. М., 1900. С. 86; 2) Leon's des Weisen Weissagungen nach dem Evangelium und Psalter // Archiv für slavichen Philologie. 1903. Bd 25. S. 239—249; 3) Сказаиие об Индийском царстве // ИпоРЯС. 1930. Т. 3, кн. 2. С. 436—437; Описаиие рукописей ки. П. П. Вяземского. СПб., 1902. С. 122; Соболевский. Переводиая литература. С. 357—358; Яворский Ю. А. К вопросу об Ивашке Псресветове, публицисте XVI в. Киев, 1908. С. 23; Адриаиова-Перетц и Покровская. Древиерусская повесть. С. 146—147; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 415—417; Будовииц. Словарь. С. 147, 224; Лебедева И. Н. 1) Греческая Хроиика Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 298—308; 2) Греческий оригииал русского переводиого хронографа // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии иаук по кииговедению: (К 400-летию русского киигопечатаиия). Л., 1965. С. 333—335; 3) Списки Хроники Псевдо-Дорофея в собраиииях Советского Союза // ВВ. М., 1965. Т. 26. С. 100—109; 4) Греческие и русские списки Хроники Псевдо-Дорофея в собрании БАН СССР // Материалы и сообщеиия по фоидам Отдела рукописиой и редкой киши Библиотеки

Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 28—37; 5) Поздние греческие хроники: (Историко-культурное значение и переводы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1967; 6) Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968. (Палестинский сборник, вып. 18 (81)).

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о царевне Персике («Чюдо пресвятые Богородицы о царевне Персике, дщери царя Михаила Болгарского») — переводное произведение нач. XVIII в., представляет собой русскую версию широко распространенного в мировой литературе сюжета о невинно оклеветанной и лишенной рук девушке. Дочь болгарского царя Михаила Персика осталась сиротой после смерти своей матери Александры, поручившей дочь покровительству Богородицы. Царь Михаил вторично женился на красавице из «африкийских стран» Люции. Мачеха возненавидела Персику, завидуя ее красоте. В отсутствие отца она оклеветала падчерицу, велела отвезти ее в пустынное место и, отрубив руки, оставить на погибель. Там ее нашел сын Пефлагонского короля Кира Евгений, отправившийся на охоту. Он привез красавицу в золотом одеянии к матери своей Гликерии. Персика скрыла свое имя и происхождение, обнаружив при этом прекрасное воспитание и мудрость, что оценил Евгений, учившийся в Риме. Он влюбился в безрукую девушку, едва не умер от любви и добился разрешения родителей на женитьбу. Между тем, царь Михаил созвал к своему двору знатных юношей из окрестных стран для испытания их ума и знаний. Евгений оказался лучше всех, и Михаил хотел усыновить его. В это время из Пефлагонии пришла весть о рождении у Евгения двух сыновей. Люция, влюбившаяся в Евгения, поняла, что он женат на спасшейся Персике, перехватила гонца и послала в Пефлагонию Гликерии приказ умертвить Персику и ее детей. Гликерия, по совету своего дворецкого, решила отправить Персику с сыновьями в ту же пустыню, где ее нашел Евгений. Там Персика стала призывать на помощь Богородицу, которая, явившись, возвратила ей руки. Евгений, вернувшись домой, бросился искать жену и нашел ее живой и исцеленной. Царь Михаил, узнав о злодействе Люции, велел ее казнить.

Непосредственным источником П., по утверждению В. Д. Кузьминой, является перевод легенды о богородичном чуде из греческого сборника «Грешных спасение» ученого афонского монаха Агапия Критянина, который, в свою очередь, переработал латинскую драму «Stella», познакомившись с ней во время путешествия по Апеннинскому полуострову. Сборник Агапия был впервые издан в Венеции в 1641 г., а затем получил распространение в рукописях и печатных книгах у южных и восточных славян. В 1693—1705 гг. сочинение Агапия было переведено в Чудовом монастыре монахами *Дамаскиным* и *Евфимием Чудовским*. Этот перевод и послужил источником анонимному автору П. (см., например: ГПБ, Q.I.786, XVIII в.; собр.

Псковское, № 10, XIX—XX в.; см. также: Соболевский. Переводная литература. С. 336—338).

Другая точка зрения на источник П. изложена в работах В. И. Малышева. Он предположил существование не известного до сих пор латинского оригинала, основываясь на том, что в нескольких списках XVIII—XIX вв., происходящих из Архангельской области, читается приписка: «С латинского на славянский диалект преведеся в Москве в школах монахом Ерофием 1720-го года» (см.: ИРЛИ, Р. IV, оп. 23, № 154; Северодвинское собр., № 304). Об одном из этих списков, подаренном в Древлехранилище ИРЛИ нижнетоемским краеведом С. Г. Третьяковым, В. И. Малышев написал заметку в архангельской газете (Правда Севера. Архангельск, 1973, 4 марта. С. 4), где отождествил монаха Ерофия с преподавателем Славяно-греко-латинской академии 1720-х гг. Иерофеем Иосифовичем и высказал предположение, не занесен ли текст П. на Север М. В. Ломоносовым, учившимся в эти же годы в академии («школах»). Еще один список, с такой же заметкой, подробно описан Н. Е. Ончуковым; нынешнее местонахождение этого списка неизвестно.

В. Д. Кузьмина отнесла все известные ей списки П. к одной редакции, т. к. в них «нет изменений в последовательности событий, содержании, характеристике персонажей». Однако текстуальные особенности, добавления, сокращения, отличия в деталях позволяют разделить списки на три варианта (строго говоря, их можно было бы считать редакциями). К первому варианту относится список нач. XVIII в. ЦНБ АН УССР, о. л. 48/№ 534, изданный В. В. Сиповским. Второй вариант представлен списками XVIII—XIX вв. — ГПБ, O.XVII.42; Славянская библиотека в Праге, собр. Григорьева, В.7; ГИМ, Музейское собр., № 1559; ИРЛИ, Р. IV, оп. 23, № 154 (у В. Д. Кузьминой шифр не указан, рукопись упоминается как список 1810 г., найденный В. И. Малышевым); сюда можно отнести и списки ИРЛИ, Северодвинское собр., № 228, 304, оба XIX в.; колл. Амосова-Богдановой, № 75, XVIII—XIX вв. (фрагменты), не известные В. Д. Кузьминой, а также список Н. Е. Ончукова. Второй вариант отличается от первого целым рядом повторов, вставок, часть которых углубляет характеристики персонажей, мотивирует их поведение; в этом варианте увеличивается количество варваризмов. Третий вариант, вольно пересказывающий второй, читается в поздних устьцилемских списках XIX в. — ИРЛИ, Печорское (Усть-Цилемское) собр., № 35 и список И. С. Мяндина (см.: ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 368 — копия, сделанная Н. С. Демковой). Для третьего варианта характерны значительные сокращения, поновленный язык и ряд других черт, указывающих на крестьянскую среду Севера как на место появления этого варианта. Текст третьего варианта издан В. И. Малышевым по списку Печорского (Усть-Цилемского) собрания.

Для П. характерно сочетание древнерусского жанра чудес Богородицы с признаками любовно-авантюрной повести Петровского времени. В одном ряду с ней можно поставить переводные *Повести о цесаре Оттоне и Олунде, о Аполлонии Тирском.* Перерабатывая легенду Агапия, автор П. проявил самостоятельность, дал персонажам имена, превратив их из отвлеченных дидактических фигур в беллетристических вымышленных героев. Имя Персики заимствовано, вероятно, из сочинения *Николая Спафария* о сивиллах, где говорится, что первая сивилла Персика («Персидская») «ходила во златых ризах, зраку была младообразна, красотою зело добра». По сравнению с сочинением Агапия, П. изобилует живыми подробностями, диалогами; в ней уделено внимание вопросам воспитания и просвещения, усилена любовная тема. С другой стороны, утрачен ряд агиографических элементов, так, не сообщается о постройке церкви Богоматери в благодарность за исцеление Персики.

В Новое время П. перешла в устные сказки различных народов: известны ее русские, украинские, белорусские, болгарские, сербские и хорватские версии.

Изд.: Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. LXI, 254—267 (рец.: Розанов С. // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 4. С. 376—377; Перетц В. Н. Заметки по поводу издания «Русские повести XVII—XVIII вв.» под редакцией В. В. Сиповского // Там же. 1905. Т. 10, кн. 3. С. 430—431; Яцимирский А. И. // ИВ. 1905. Т. 99, кн. 1. С. 312—315); Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326—337.

Лит.: Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 758—760; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Отд. I: Древнерусская словесность. С. 448—450 (раздел написан А. Н. Веселовским); Елеонская Е. Н. Некоторые замечания о русских народных сказках // Этнографическое обозрение. 1905 (1906). Год 17, № 4. С. 95—105; Ончуков Н. Е. Печерская старина: (Рукописи и архивы церквей Низовой Печоры). СПб., 1906. С. 35; Яцимирский А. И. [Рец. на кн.: Поповић П. Приповетка о девojци без руку: Студиjа из српске и jугословенске књижевности. Београд, 1905] // ИОРЯС. 1911. Т. 16, кн. 3. С. 328—360; Кузьмина В. Д. 1) Источник повести о царевне Персике // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 449—452; 2) Вопросы сравнительно-исторического изучения сюжета в восточнославянской и южнославянской литературной и устной традиции: (Невинногонимая безрукая падчерица) // VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968): Славянские литературы. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 166—186; Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 706 (Безручка). С. 176—177.

М. Д. Каган

Повесть о царице и львице — русская обработка конца XVII в. переводной *Повести о цесаре Оттоне и Олунде.* В рук. встречается под названиями: «Повесть зело душеполезна, выписана от древних летописцев, из римских кронников»; «Повесть зело полезна, выписана от древних летописцев, из римских кронников, коя царица, мо-

ляся пресвятей Богородице, милость получи (вариант: спасена бысть от смерти)»; «Повесть зело полезна, выписана от древних летописцев, из римских кронников, о клеветанней царице по навождению свекрови своей»; «Выписано из древних летописцев о некой царице, и о чадех ея, и о львице». Сюжет Повести об Оттоне, где его развитие сдерживается вставными новеллами, подвергшись переработке автором П., получил строгое и логичное построение, в котором каждый последующий эпизод продолжает предыдущий, составляя единую цепочку повествования.

Сокращения позволили русскому книжнику остановиться на одной из тем романа, показавшейся ему особенно важной — именно, на теме оклеветанной и изгнанной царицы. В своей героине он увидел черты благочестивой мученицы, что позволило строить ее образ по законам агиографии. Противопоставление добра и зла, обязательный элемент житий, в П. имеет частичный характер — противопоставление злой жены (мать царя) и доброй (царицы). В П. обнаруживается абстрагированность, характерная для агиографии: герои лишаются имен и называются по социальному положению (некоторые поздние варианты П. нарушают первоначальную анонимность героев, наделяя их произвольными именами), место действия из Европы переносится в Палестинские страны — традиционное место действия патериков и прологов.

А. Н. Пыпин называл П. «довольно бледной и безличной» (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 240), но более прав В. П. Клингер, писавший, что «отрешение от времени и места при обработке западноевропейского сюжета — это опущение всего лишнего, вставочного» (Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903. С. 55). В. М. Жирмунский и Ю. Кжижановский указывали на сюжетную близость Повести об Оттоне и *Жития Евстафия Плакиды*. П. также сохраняет жанровое родство с этим Житием, удерживая вместе с тем отдельные особенности рыцарского романа, которые наиболее ярко проявились в описании приключений царских детей. С другой стороны, по структуре и по наличию волшебного помощника в животном облике — в облике львицы П. близка к сказке. Особую лиричность П. придают молитвы царицы; органично входя в ткань повествования, они отличаются ритмической организованностью и близостью к фольклорным плачам.

Как правило, П. встречается в сборниках религиозно-нравственного содержания. Известно около 250 ее списков, которые дают довольно устойчивый текст (Основная редакция). Варианты Основной редакции П. отличаются незначительными изменениями текста, связанными, в основном, с появлением у героев личных имен. Этот факт позволяет, наряду с данными текстологического анализа, считать первоначальной Основную редакцию. Вторичные редакции П. немногочисленны.

Музейская редакция представлена списком ГИМ, Музейское собр., № 104, л. 1—31, XVIII в. Редактор почти во всех эпизодах меняет мотивировку поступков героев, наделяя их бо́льшей, чем у героев Основной редакции, активностью; монологи и диалоги более развернуты и приближены к разговорной речи.

Монастырская редакция (названа так по месту создания, указанному в заглавии: «Повесть зело душеполезна, выписана от древних летописцев, из римских хроник, лета 7204 августа месяца 13-й день, а выписана в обители чудотворца Кириллова монастыря») представлена списком ГБЛ, собр. Шибанова, № 207, л. 1—48, конец XVIII в. и изданием 1847 г. По всей вероятности, издание выполнено с не известного нам списка, т. к. многочисленные ошибки издания не совпадают с ошибками списка ГБЛ. Данную редакцию характеризуют значительные сюжетные и идейные отличия от Основной. Автор осложнил текст рядом интерполяций, что в значительной мере повлияло на структуру П., лишив ее первоначальной стройности.

Мяндинская редакция принадлежит перу известного книжника XIX в. И. С. Мяндина. П. перерабатывалась И. С. Мяндиным дважды, о чем свидетельствуют списки ГПБ, Новое собрание рукописных книг, 1959, О.33, 1-я пол. XIX в. и ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, 3-я четв. XIX в. Расхождения между списками незначительны, что позволяет считать их не самостоятельными редакциями, а вариантами. Однако более ранний список ГПБ ближе к Основной редакции, в отличие от списка ИРЛИ, для которого характерно бо́льшее количество видений, снов, пророчеств. Перерабатывая Основную редакцию, И. С. Мяндин использовал Житие Евстафия Плакиды.

Библиографию см. в статье «Повесть о цесаре Оттоне и Олунде».

Т. Ф. (Ведерникова) Чалкова

Повесть о цесаре Оттоне и Олунде («Повесть изрядная, полезная же и утешная об Оттоне цесаре Римстем и о супруге его цесареве Олунде, юже со двема чады своими в препустую и далечайшую пустыню изгна клеветы ради и наглаголания матери своея, и како дивным промыслом и чюдным строением Божиим по многих летех в познание и соединение приидоша») — переводная повесть 1670-х гг. Древнейшая версия П. представлена французской поэмой, переделанной позднее в прозаический роман, который был издан в Париже в XVI в. С французского текста был сделан в 1535 г. перевод на немецкий язык. Немецкие народные книги о римском цесаре Октавиане явились оригиналом для польского текста, с которого, в свою очередь, был сделан русский перевод. Большинство русских рукописей указывают в заглавии как на дату перевода на 1677 г. Однако встречается также указание на 1673 и 1675 гг. По содержанию П. относится к числу сказаний о римском цесаре Октавиане (в польской

и русской версиях герой носит имя Оттон). В ней рассказывается о приключениях оклеветанной свекровью супруги Оттона — Олунды и двух ее сыновей. Обвиненная в неверности мужу, она была изгнана с двумя сыновьями-близнецами в пустыню. Однажды, заснув от усталости, несчастная мать потеряла сначала одного сына, похищенного обезьяной, а затем и другого, похищенного львицей. Первый, названный Флоренсом, был воспитан воином и, отличившись подвигами при нападении египетского султана на Францию, был торжественно посвящен в рыцари. Второй, похищенный львицей (и названный поэтому Лионом), был случайно найден матерью и вместе с ней тоже жил во Франции. Во время нашествия египетского султана ему удалось освободить Флоренса и Оттона, своего отца, захваченных неприятелем, а затем взять в плен египетского султана. После этого следуют встреча и примирение Оттона с женой и узнавание ими во Флоренсе своего сына. Далее рассказывается о женитьбе Флоренса на дочери египетского султана Маркебилле, принявшей вместе с отцом христианство, и о возведении его на английский престол. Лион, женившись на испанской королевне, наследует испанскую корону.

Русский перевод П. был сделан, согласно предположению В. Кошного, с того несохранившегося польского издания, которое использовал в «Róznych historyjach» Томаш Маргилевич. К этому несохранившемуся изданию близко, как считает Э. Малэк, издание 1569 г., переизданное в 1929 г. Ю. Кжижановским. Сравнивая с польским изданием русский перевод (по рук. ГБЛ, ф. 152, № 5, конец XVII в.), Э. Малэк отмечает, что переводчик перевел весь обширный текст романа, сохранив без изменения фабулу и композицию оригинала. Сохранены также членение на разделы и подзаголовки. Отступления от оригинала появляются, как отмечает польская исследовательница, только на языковом уровне, поскольку перевод был не пословным, а литературным. При этом синтаксис оригинала несколько упрощен, хотя и в русском тексте сохранилось много причастных оборотов, которыми так изобилует польская П. Кроме того, русский текст, по наблюдению Э. Малэк, значительно многословнее, чем польский, в основном за счет стремления переводчика нанизывать определения, что характерно для высокого стиля.

Вскоре первоначальный перевод начинает значительно изменяться русскими редакторами. Видимо, в 1696 г. (как считает Э. Малэк, исходя из заглавия списков) возникла сокращенная редакция романа, озаглавленная «Повесть о римском цесаре Антонии, выписано из древних римских летописцев 7204 году, августа в 17 день» (ГПБ, собр. Погодина, № 1617; БАН, 21.11.4; ГПБ, Q.XV.107). В данной редакции полностью меняются характер произведения, его структура, жанр. Под пером автора редакции занимательный роман о цесаре Оттоне переродился в дидактическую повесть, в назидательную историю о судьбе невинной царицы, оклеветанной злой и завистли-

ой свекровью. И все же самое широкое распространение на Руси получила не эта русифицированная обработка переводного романа, а сходный с ней вариант, который исследователи называют *Повестью о царице и львице*, или Краткой редакцией П.

В 1730—1750-х гг. появилась редакция П., названная «История о Антоне римском и о супруге его цесаре(ве) Олунде, како бысть по зависти свекрови своей ради добраго в супружестве жительства во изгнании многия лета, чрез детей своих цесаревичев Флорен(ца) и Леона в познании и в соединение приде». Поскольку эта редакция обнаружена пока только в одном списке — ГИМ, собр. Забелина, № 536, исследователи (В. Кошный, Э. Малэк) называют ее Забелинской. Автор Забелинской редакции, сохранив полностью фабулу романа, почти наполовину сократил его первоначальный текст за счет исключения различных описаний и замены некоторых диалогов, не существенных для развития действия, косвенной речью. Как в Повести о царице и львице, в этой редакции П. усилена назидательность. Автор постоянно подчеркивает, что все изменения в судьбе героев случаются по воле провидения. Псевдоисторический фон романа здесь, в отличие от Повести о царице и львице, сохранен, но султан египетский стал султаном турецким, поскольку для русского читателя сер. XVIII в. борьба христиан и «поганых» ассоциировалась с войной против магометанской Турции. Стиль и язык Забелинской редакции переработаны в духе оригинальной беллетристики сер. XVIII в.

В то же время, что и Забелинская, возникла еще одна редакция П., представленная рук. ГИМ, собр. Уварова, № 619; Музейское собр., № 1388; ГПБ, собр. Погодина, № 1770; БАН, 32.11.7 и др. Озаглавлена она так: «Повесть изрядна, полезна же и дивна о преславном римстем цесаре Оттоне и о супруге его, целомудренной цесареве Алунде, юже со двема своими чады, с малейшими младенцы, напрасно на смерть осуди, в препустую и далечайшую пустыню изгна, клеветы ради и навождения суровейшия матери своея, и како дивным промыслом и пречудным строением Божиим по многих летех вси соединишася и в познание приидоша». Все списки этой редакции сообщают, что первоисточником перевода был латинский (а не польский) текст. Исследователи, однако, не сомневаются, что редакция восходит к тому же переводу с польского, что и предыдущие. Автор этой редакции внес много мелких изменений в фабулу П. (см. об этом в исследовании В. Кошного), что характерно для редакций беллетристических произведений, возникших в XVIII в. Кроме того, как и предыдущие русские редакции П., данная обработка испытала на себе влияние русской нравоучительной литературы. Здесь, например, чаще чем в оригинале, подчеркивается зависимость людской судьбы от промысла Божьего, включены дополнительные молитвы героев и т. п. В обработке рыцарских эпизодов романа сказалось знание автором стилистики и фразеологии русской воинской повес-

ти. Отдельные, более поздние списки этой редакции (например, БАН, 32.11.7) отражают, кроме того, особенности русской послепетровской литературы. Как отмечает Э. Малэк, здесь чаще, чем в остальных рукописях, приводятся титулы и должности героев, подчеркивается, что место человека в обществе зависит от ранга, но ранг можно и нужно заслужить делами. Некоторым изменениям подверглись и любовные сцены: отношение Флоренса к Маркебилле становится более учтивым и галантным, что Э. Малэк также связывает с изменениями, происшедшими в общественной и литературной жизни России XVIII в.

В XVIII в. возникла еще одна редакция П., сохранившаяся в списках ЦНБ АН УССР, 1.594 и ИРЛИ, собр. Перетца, № 333. Эту редакцию, особенности которой описала Э. Малэк, можно, пожалуй, назвать Демократической. Изменения, внесенные автором в текст П., значительны и очень характерны для редакций других переводных романов, созданных в XVIII в. в демократической среде: текст П. сильно сокращен (более, чем в шесть раз) и создает впечатление записи, сделанной по памяти. Автор отказывается от псевдоисторического фона, действие происходит попросту «в некотором государстве», большинство героев безымянно. Мотив борьбы христиан с «погаными» отсутствует, султан египетский, названный здесь «фараоном», воюет не с Европой, а лишь с Персией, причем Персия здесь — город, столица неведомого Мастердоньского царства. Значительным изменениям подверглись многие эпизоды романа, в частности, история изгнания из царства Олунды (здесь — Дарии), эпизод погони царицы за львицей, повествование о судьбе царицы Олунды (Дарии) после того, как она отыскала сына, украденного львицей. В 1787 г. в сборнике «Повествователь русских сказок» была напечатана «Сказка о двух царевичах, рожденных вместе». Э. Малэк считает, что, хотя издатели называют опубликованный текст сказкой, он, скорее, является еще одной версией П. Никаких следов сказочной поэтики (сказочных формул, сказочных героев) здесь нет. Не известно, была ли издателями записана устная версия П. или они использовали рукописный текст. В любом случае оригинал П. был отредактирован издателями, как и все другие входящие в сборник произведения. Об этом говорит, по мнению Э. Малэк, стилистическая однородность сборника.

В 1-й пол. XVIII в. сюжет П. послужил основой для двух пьес. В театре царевны Натальи Алексеевны была поставлена «Комедия Олундина» (см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны*), а Повесть о царице и львице была переделана в драму при дворе Елизаветы Петровны в 1740—1741 гг. (см. *Акт о преславной палестинских стран царице*). Известны устные пересказы Повести о царице и львице (Е л е о н с к и й. Старинные переводные повести... С. 42—44) и сказки на ее сюжет.

Изд.: Сказка о двух царевичах, рожденных вместе // Повествователь русских сказок. М., 1787. С. 164—203; Сказка о двух королевичах, родных братьях // Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. М., 1795. Ч. 2. С. 1—23; Повесть зело душеполезна, выписана от древних летописцев и римских хроников. М., 1847; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Т. 4. С. 185—202; 2-е изд. М., 1910. Т. 3. С. 278—295; Восточное повествование о том, как львица воспитала царского сына. М., 1895; История о львице, вскормившей царского сына. М., 1900; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960. С. 70—76, 128—133; Повесть о царице и львице // ПЛДР. XVII век. Книга I. М., 1988. С. 427—441; Повесть о царице и львице // Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 130—146. (Б-ка русской фантастики, т. 2).

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 237—241; Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 756—757; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 450—451 (раздел написан А. Н. Веселовским); Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. XXXV—XLIII, 21—27. (ПДПИ, вып. 128); Пташицкий С. Л. Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 353—355; Клингер В. П. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903. С. 55; Назаревський О. А. 1) Знадоби до історії давньої повісті: Повістевий репертуар київських рукописних збірок // Записки Історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. 1929. Кн. 25. С. 333—334; 2) Библиография. С. 119—125; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 142—146; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 183—192; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 382—385; Маслова О. М. Повісті про кесаря Оттона і про графиню Альтдорфську в українській літературі // Радянське літературознавство. 1948. № 9. С. 156—167; Щеглова С. А. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 280; Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 94, вып. 8. С. 3—45; Krzyżanowski J. Romans statopolski w przekładach ruskich // Krzyżanowski J. Romans polski wieku XVI. Warszawa, 1962. S. 278—281; Košny W. Das Deutsche Volksbuch vom Kaiser Octavian in Polen und Russland. Berlin, 1967; Итигина Л. А. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 330; Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. С. 62; Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 32—62; Ведерникова (Чалкова) Т. Ф. 1) О специфике структуры и жанра Повести о царице и львице // Материалы 21-й Всесоюзной научной студенческой конференции: Филология. Новосибирск, 1983. С. 66—71; 2) О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98—113; 3) Повесть о римском цесаре Антонии и ее источник // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск. 1990. С. 222—228.

Л. В. Соколова

Повесть о Черногорском монастыре — условное название цикла из двух сказаний о богородичных иконах, Владимирской и Грузинской, прославившихся в Черногорском (Красногорском) монастыре на Пинеге. В рук. П. носит заглавия: «Сказание о иконе пресвятые владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, иже Владимир-

ская наречется, в Двинском уезде на реце Пинеге в Черной горе и о начале монастыря того»; «Повесть о пришествии другого образа пресвятые владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, иже Грузинская нарицается, в ту же обитель Черногорскую и отчасти чудес»; иногда: «Сказание о иконах пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии Владимирския и Грузинския, иже в Красной горе, и о начале обители тоя». Нераздельность сказаний отмечал еще П. М. Строев (Каталог славяно-российских рукописей, принадлежащих ... И. Н. Царскому. М., 1848. С. 59). В. О. Ключевский приписал эти сказания иноку, «который вместе с другими помогал в 1603 г. первому игумену ... Макарию в расчистке пустыни» при основании монастыря (Древнерусские жития. С. 332—333).

Время составления сказаний — ок. 1645 г.; оно указано в послесловии, сопровождающем П. в списке ГИМ, собр. Уварова, № 1831 (410): «...написася повесть сия о начале святаго места сего Черногорскаго монастыря о чюдотворных иконах ... в лето 7154 (1645) декабря в 15 день при ... Алексее Михайловиче ... Иосифе, патриархе Московском, ... и при Авфонии, митрополите Новгородском и Великолукском, и при строителе ... старце Сергии Порянине на Кулуйском посадце...» (далее упоминается заказчик списка московский купец Иван). В. О. Ключевский датировал сказания 1650 г., указанным в чуде от иконы Богоматери Грузинской. Согласно выводам Н. В. Савельевой, составитель первой редакции П. (с 15-ю чудесами) работал до 1650 г. и пользовался записями, сделанными в монастыре пинежанами, первыми его постриженниками. В ряде списков П. находится «Служба пречистой Богородице ... Одигитрии, иже Грузинская наричется», с указанием на составление ее при патриархе *Никоне* в 1650 г. Более пространная служба, нередко сопровождающая списки конца XVII—XVIII в., была составлена *Феодором Поликарповым* в 1698 г.

Текст П. неоднократно пересказывался в изданиях по истории монастыря, но ни разу не издавался. Многочисленность списков П. свидетельствует о ее популярности в читательской среде XVII—XVIII вв. Этому, видимо, способствовала необычность и занимательность произведения. В. О. Ключевский отметил, что, поскольку «основатели Черногорского монастыря на Пинеге не были причислены к лику святых», «вместо жития их» и была составлена П., содержащая «любопытные указания на движение и средства монастырской колонизации в далеком северном крае».

В первом сказании упоминается о Смутном времени, о «нестроении» в Русской земле; во втором сказании рисуется картина опустошений, учиненных шахом Аббасом в Грузии («...прииде на Иверскую землю злочестивый перский царь Аббас шах и поплени страну ту, и грады их прият, и святыя божия церкви оскверни, и честныя монастыри разори, и святыя иконы попра»). Автор проявляет начитанность: очевидно, он был знаком со *Сказанием о построении храма*

святой Софии (ср. мотив добавления золота), а также со *Сказаниями о даре шаха Аббаса* и с *Повестью о царице Динаре,* которая упоминается в тексте («о Динаре царевне бывшей, стране той самодержице, повесть поведает, како победи перскаго царя»). Автор стремится мотивировать появление на русском Севере иконы Грузинской Божьей матери, для чего сообщает, что захваченные в разоренной Грузии иконы «персяне ... продают русским купцем» и что ярославец Стефан Лазарев, «приставник имения гостя именем Георгия прозванием Лыткина», покупает икону Богоматери Одигитрии. Перемещение грузинской иконы в Двинскую область объясняется чудесным видением ярославцу Георгию Лыткину, который сообщает об этом видении патриарху *Филарету.* День перенесения иконы в Черногорский монастырь — 22 августа 1629 г. становится ежегодным праздником. Под этим днем в Прологе читается краткое сказание об иконе, по-видимому, связанное со службой 1650 г.

Первое сказание — об иконе Богоматери Владимирской сопровождается пятью чудесами. Исцеленные от этой иконы — жители Севера. Во втором сказании — об иконе Богоматери Грузинской — количество чудес в разных списках неодинаково (от 15-ти до 30 или 31-го). В этих чудесах также фигурируют жители Севера: Неонила из «веси нарицаемыя Явзгоры», Феодосия «из веси Трифановы горы», Феодор «Холмогорскаго посада», Полиект «от великия реки Двины, веси нарицаемыя Ровдины горы», Кондрат «от предел Мезенских с Вашки веси», Иаков «Кулуйскаго посада», Зиновия и Павел из «веси Чаколы», Тимофей «веси нарицаемыя Немнюги», Тимофей, «Мезенский предел, Дорогия горы, веси Монастырщины», Иоанн Андреев, «житие имея близ самого Дышущаго моря окиана, веси нарицаемыя Мудьюги» и т. д. Большинство исцеленных — поморы, рыбаки, члены их семей, реже монахи. Среди болезней упоминаются болезни глаз, зубов, паралич («в разслаблении»), «щепота», мучение «от нечистого духа». Примерно от 25-го чуда в ряде списков сбивается счет, поэтому в одних насчитывается 30 чудес, а в других 31. В последних чудесах изложение отличается распространенностью — добавлением назидательного предисловия. Примечательно чудо 1654 г., в котором рассказано, как, по обещанию серебряника Гаврилы Евдокимова, в Черногорском монастыре была сделана копия иконы Богоматери Грузинской. Еще одно — последнее чудо сообщает, что икона Богоматери Грузинской находится «на Неглинней, у мельниц» в Москве и что она положила конец моровому поветрию 1654 г. (имеется в виду церковь Троицы в Никитниках, иначе Грузинской Богоматери). Таким образом, в основном за счет присоединения новых чудес, распространялся текст П.

А. Кириллов обнаружил особую редакцию сказания об иконе Грузинской Богоматери в сборнике сер. XVII в. из Череповца. Здесь отрицается грузинское происхождение чудотворной иконы. Ее пребывание в Грузии было, оказывается, кратковременным: она была

унесена туда с Севера монахами Черногорского монастыря, пострадавшего от разорения; там ее купил приказчик Лыткина Стефан и т. д. Чудес здесь всего 18, и они связаны с культом иконы в Москве. По мнению Н. В. Савельевой, эта редакция написана на основании редакции 1654 г. с 30 или 31-им чудом не ранее этого года.

Возможно, в дополнении составляющих П. сказаний и чудес принимали участие представители посадских или купеческих кругов. Недаром в П., наряду с жителями-поморами, выступают ярославские купцы, причастные к торговым операциям в Персии и связанные с Москвой, а также ремесленник-серебряник. Последнее чудо «видех и написах своею рукою торговой человек Мина Стефанов, торгует на Москве в шелковом ряду» — так сообщает большинство списков. Наличие во 2-й пол. XVII в. в Ярославле и в Москве икон Богоматери Грузинской подтверждает почитание этой святыни по всей России.

Изд.: Пролог: Март—август. М., 1660. Л. 1739—1743.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 332—333; Макарий, епископ. Историческое описание Красногорского монастыря. 2-е изд. М., 1906; Кириллов А. В. Рукописные сборники сказаний о Грузинской иконе Божией матери, что в Красногорском монастыре Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. Часть неофиц. № 17. С. 708—715; № 18. С. 738—745; № 20. С. 797—803; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 167; Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 242—244. (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Bd 70); Савельева Н. В. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—I-ой четверти XVIII веков и памятники местной литературы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 21—22.

О. А. Белоброва

Повесть о чудесах Виленского креста («Повесть о чудесах честнаго и животворячаго креста, иже взят в литовских городах в Вилне сыном боярским арзамасцем Василием Микулиным и принесен во град Муром, иже изволил быти в девиче монастыре живоначалныя Троицы») — рассказ о появлении в церкви Муромского Троицкого женского монастыря чудотворного креста и о сотворенном им чуде. Если верить П., крест был найден арзамасцем Василием Сергеевичем Микулиным во время взятия русскими войсками Вильны. Когда некоторое время спустя Василий Микулин должен был снова отправиться на военную службу, он трижды слышал во сне голос, приказывающий отвезти крест в Муром купцу гостиной сотни Богдану Борисовичу Цветнову для передачи в монастырскую церковь. Во время третьего видения приказание сопровождалось угрозой: «Аще не отвезеши, ... зле погибнеши (по другим спискам: зле пленен будеши), а за ослушание наказан будеши». Василий привез крест муромскому купцу, который вначале не захотел принять неожиданный

дар, но выслушав рассказ Микулина о причинах, побудивших его совершить этот поступок, принял крест и поставил его в указанном месте. Василий Микулин, отказавшись взять от Богдана плату, отправился на службу и под Конотопом был взят татарами в плен. Около полугода Микулин находился в Крыму, а потом совершил побег. Это опасное предприятие закончилось благополучно, Василий вернулся на родину, по дороге побывав в Муроме, где и рассказал все происшедшее с ним.

Таково содержание П., данное в хронологической последовательности событий. В самой П. порядок изложения иной, она составлена из рассказов двух действующих лиц Тарасия — (Богдана) Цветнова, муромского купца гостиной сотни, и арзамасца сына боярского Василия Микулина. Богдан-Тарасий Цветнов — лицо историческое, он был тесно связан с учрежденным им Троицким женским монастырем Мурома, куда делал богатые вклады. Об одном из них и рассказывается в П. (свод данных о Цветнове см.: Брун. Муромская «Повесть...». С. 324). Второй герой П., видимо, принадлежал к семье арзамасских служилых помещиков Микулиных, имена представителей этой семьи неоднократно фигурируют в документах XVI—нач. XVII в. (Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты 1587—1618 гг. М., 1915. С. 109—110, 195—197, 369—370, 510, 518, 622—623). Среди них — Сергей Микулин, служивший в 1613 и 1615 гг. под Новгородом. Можно предположить, что сын этого Сергея и есть герой П.

Рассказы Богдана и Василия вычленяются в П. без труда: хотя повествование в основном переведено из первого лица в третье, текст сохранил оговорки, выдающие первоисточник рассказов, а один рассказ даже дается от первого лица. П. начинается со встречи Богдана и Василия, передачи креста и помещения его на аналое Троицкой церкви. О том, что эта часть восходит к рассказу Богдана, свидетельствует фраза: «И он Богдан усумнелся, не искус ли какой хощет учинити надо мною...». Внутрь этой части включен написанный от первого лица рассказ Василия о находке креста и бывших ему видениях (первый рассказ Василия). Повествование Микулина обработано в П. в провиденциальном духе с использованием этикетных мотивов (чудесное обретение святыни, троекратно изъявленное желание быть переданной в Муром, видения во сне, исполнившееся в дальнейшем предсказание судьбы героя).

Заключительная часть П. также восходит к рассказу Микулина: в ней неоднократно ведется речь от первого лица. Второй рассказ Василия может быть сопоставлен с близким по времени и по тематике источником — челобитной калужского стрельца Ивана Семеновича Мошкина, который просит назначить ему пособие после выхода из турецкого плена (ЧОИДР. 1894. Кн. 2. Отд. III. С. 20—27). Сходство лексики и композиционного построения этих текстов позволяет предположить, что в основе данной части П. лежит анало-

гичная челобитная Микулина, в которой, как того требовала форма документа, подробно описаны обстоятельства его побега из плена. Удачное завершение опасного предприятия было воспринято как чудесное событие и связалось с фактом передачи Василием креста в церковь. Так сложилось предание, оформившееся в П., видимо, еще при жизни Богдана Цветнова. Его участие в приобретении Муромом чудотворной святыни настойчиво подчеркивается в П.

В рассказах Василия отразились два крупных военных сражения: взятие русскими войсками Вильны 29 июля 1655 г. и сокрушительный разгром их под Конотопом 28 июля 1659 г. Однако хронологические указания П. не совпадают с реальными датами исторических событий. Отсчет времени в П. ведется с июля 1658 г., когда происходит встреча Богдана с Василием. В своем рассказе о взятии Вильны Василий говорит, что оно произошло «в прошлом де 165 (1657)-м году», т. е. на два года позднее действительного события. Далее указывается, что Василий попал в плен «в том же 166 (1658)-м году», но и эта дата П. ошибочна: битва под Конотопом произошла годом позже. Возможно, хронологические несоответствия являются результатом порчи текста в поздних списках XVIII в., в которых читается П. (в некоторых из них даты Виленского и Конотопского сражений отнесены даже к 7065 и 7066, 7067 гг.).

Двадцать известных сейчас списков П. встречаются только в сборниках постоянного состава, содержащих произведения муромского цикла — *Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора,* Повесть о Петре и Февронии (см. *Ермолай-Еразм),* Повесть о Ульянии Лазаревской (см. *Осорьин Каллистрат*), *Повесть о Марфе и Марии.* Списки делятся на три группы, которые условно обозначаем «маскара», «маскаран» и «марсака» по форме тюркского слова из второго рассказа Василия: «...татаровя ... бранят по-своему: „Ушел де гаур маскара“». Русская транскрипция «гаур» передает общетюркское слово со значением «неверный», «иноверец». Второе слово в форме «маскара» зафиксировано в близких, в том числе территориально, крымско-татарскому караимском и гагаузском языках со значением «шут; безобразник, бесстыдник», «насмешник, шут, грубиян». Словосочетание «гаур маскара», представляющее собой распространенную тюркскую конструкцию из двух безаффиксных существительных, фиксирует услышанные спрятавшимся беглецом слова, которыми преследователи его бранили, следовательно, группа «маскара» правильно передает первоначальный текст П., т. е. является наиболее близкой к оригиналу. Характер разночтений групп «маскаран» и «марсака» свидетельствует о независимой переработке ими текста группы «маскара» или ее прототипа. Группа «маскаран» появилась в результате накопления мелких исправлений, группу же «марсака» следует считать стилистической редакцией, т. к. в ней видна установка на архаизацию текста — лексическую и грамматическую. В

группе «маскаран» выделяется вариант, который по характеру правки можно назвать сокращенным. Список ГИМ, Музейское собр., № 517, л. 119—124 объединяет особенности всех трех групп, а также последовательно исправляет те места, где говорится о изъявлении воли чудотворного креста (здесь говорится о «Божьей воле»). Целенаправленность этой правки позволяет считать список идеологической редакцией, созданной, видимо, в церковных кругах.

Вопрос о времени создания П. нельзя считать окончательно решенным. Самый ранний список — ГИМ, Музейское собр., № 645, л. 24—31, датируется 2-й четв. XVIII в. Приведенные здесь соображения о роли Богдана Цветнова в создании П. позволяют, кажется, передвинуть дату ее написания ко 2-й пол. XVII в. (после 1659 г.). Тем не менее, в сборники XVII в., содержащие произведения муромского цикла, П. не включалась. Научное издание П. осуществлено Т. А. Брун (в издании Н. П. Травчетова публикация иногда заменяется пересказом).

Изд.: Травчетов Н. П. Материалы для истории Муромского Троицкого женского монастыря // Владимирские губернские ведомости. 1899. Часть неофиц. № 34. С. 3—4 (то же: Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1903. Кн. 5. С. 51—53); Брун Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 34. С. 327—331.

Лит.: Брун Т. А. 1) Возможный источник «Повести о чудесах Виленского креста» // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 87—93; 2) О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2. С. 206—216; Руди Т. Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII—XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 207—214.

Т. А. Брун

«Повесть о чудеси святых благоверных великих князей Всеволода и Доманта, во святом крещении нареченных Гаврила и Тимофея, псковских чудотворцев» — памятник литературы конца XVII в. П. составлена на основании «скаски» албазинских казаков и повествует о событиях 1680-х гг., нач.: «Лета 7198-го октября в 23-й день в Якуцком в Приказной избе перед генералом и воеводою пред Матфеем Осиповечем Кровковым албазинские казаки Ганка Флоров да Митка Тушов с товарищи семдесят три человека сказали...». Памятник сохранился в единственном списке нач. XIX в. Псковского музея-заповедника, № 277 (229), л. 127—128 (см.: Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника: (XIV—начало XX вв.) / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. Ч. 1. С. 135—136; в статье С. Н. Маркова сборник упомянут под № 290).

В П. рассказывается о походе албазинских казаков под предводительством Ганки (Гаврилы) Флорова и Дмитрия Тушова для соболиного промысла и сбора ясака по Амуру и Уде и «по иным по-

сторонним рекам». От отряда казаков отделилась «станица», к людям из которой явились «со стороны» два всадника на белых конях. Неизвестные спросили, кому отдадут албазинцы лучших из добытых соболей, на что казаки ответили, что лучшие шкурки они отнесут в крепостную церковь и посвятят псковским чудотворцам Всеволоду и Довмонту. Тогда всадники поведали, что они и есть названные псковские чудотворцы, и предсказали албазинцам: «Приидут де к ним под град китайские люди, и албазинцы де град сдадут, и после де того приидут русские люди и город замядут. И паки приидут китайцы, будут ко граду приступы и бои великие, и на тех боях будем в помощь русским людям, а града китайцы не возьмут». Предсказание чудотворцев полностью сбылось — осада Албазина войсками богдыхана началась в 1685 г. и окончилась взятием острога, но уже в 1686 г. крепость вновь перешла к русским, а предпринятая «китайскими людьми» осада 1687 г. была вскоре снята. Кроме того, в П. говорится о самовольном походе, предпринятом отрядом Ганки Флорова без ведома воеводы вниз по Амуру, а затем на реку Амгунь, на притоке которой было поставлено первое русское зимовье; о совместных действиях албазинцев с отрядом из Тугурского острога против начальника служилых людей из последнего — И. Авксентьева; о столкновении на Амгуни с отрядом «богдойского царя», имевшем место незадолго до осады Албазина.

Автором устного варианта П., который был записан в 1689 г. в Якутском остроге, является, по-видимому, Ганка Флоров, отождествляемый С. Н. Марковым с Гаврилой Фроловым. Матвей Осипович Кровков, один из первых в России генерал-майоров (ср. *Кровкова Агафья Григорьевна*), и Гаврила Фролов — лица исторические, их жизнь и служебная карьера прослеживается по современным документам. Почитание в Албазине псковских чудотворцев, послужившее поводом для создания П., дает основание предположить, что албазинцы были частью выходцами из Пскова. Присутствие П. в составе сборника, посвященного псковским святыням, показывает, что с кем-то из псковичей П. попала из Якутского острога в Псков, где по-видимому, она была переработана и получила нынешнее заглавие. По мнению Е. К. Ромодановской, П. относится к числу памятников, созданных в демократической среде, и по своему характеру значительно отличается от других сибирских агиографических произведений, вышедших из официальных церковных кругов.

Изд.: Артемьев А. Р. Явление албазинским казакам псковских святых // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1990. № 6 (39). С. 106—110.

Лит.: Ромодановская Е. К. Сибирские повести об иконах: (XVII - начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма: (XVII—XIX вв.). Новосибирск 1968. С. 84; Марков С. Н. 1) Вечные следы // ВИ. 1973. № 8. С. 209—211; 2) Вечные следы: Книга о землепроходцах и мореходах. М., 1982. С. 108—112.

А. А. Романова

Повесть о Шемякином суде (в рук.: «Суд Шемякин. Выписано из книг из жарт полских»; «Суд Шемяки»; «Сказка о судье Шемяке» и др.) — произведение демократической литературы XVII в. П. представляет собой русскую сатирическую переработку сказочного сюжета о мудрых решениях праведного судьи, сюжета, широко распространенного на Востоке и в Западной Европе, известного в фольклорных записях (сирийский, амхарский, дагестанский и др. варианты) и в литературных переработках (третья редакция шестого суда Соломона, Песнь о Карле Великом, новелла о праведном суде из сборника новелл Джованни Серкамби и др.). Сатирические версии этого сюжета представлены, кроме П., талмудическими характистиками нравов содомлян и персидской сатирой на неправедный суд. Использованный в П. мотив обмана на суде, когда обвиняемый показывает камень, бытует в мировом фольклоре, органично включаясь в различные сказочные сюжеты. В XVI в. польский писатель Николай Рей из Нагловиц создал литературную обработку мотива.

П. встречается как в прозаических, так и в стихотворных вариантах. Старший из известных списков прозаического текста датируется концом XVII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.18, л. 417 об.—421 об., без конца), самый ранний полный список относится к рубежу XVII—XVIII вв. (ГПБ, Q.XVII.41, л. 42—45 об.). В некоторых списках текст довольно свободно варьируется: распространенный вариант читается в рук. ГПБ, O.XVII.17, л. 56 об.—77 об., краткий вариант — в рук. ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 75, л. 92. В XVIII в. прозаический текст был переложен неравносложным силлабическим стихом (ГИМ, собр. Щукина, № 1080, л. 58—65; собр. Забелина, № 500, л. 51—55; собр. Уварова, № 2011, л. 136—142). Существуют также переложения П. тоническим стихом (ГИМ, собр. Барсова, № 2416, л. 63—82), шестистопным ямбом (ГПБ, собр. Титова, № 2919, л. 197—200). Начиная с 1-й пол. XVIII в. появляются лубочные издания П., воспроизводящие ее сюжет в сокращенном виде. Впервые лубочное издание было гравировано на Ахметьевской фабрике и потом переиздавалось пять раз, вплоть до издания с цензурной пометой 1838 г. Текст см.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 189—192.

Широко бытуют фольклорные варианты П., известные в записях XIX—XX вв. и близкие по сюжету книжной версии. Некоторые фольклорные параллели к сюжету П. см.: Сахаров И. П. Русские народные сказки. СПб., 1841; Чубинский П. П. Труды этнографической статистической экспедиции в западно-русский край: Юго-западный отдел. Материалы и исследования. СПб., 1878. Т. 2. С. 657 (украинский вариант); Tawney C. H. Indian Folk-Lore Notes from the Pali Ja takas... // Journal of Philology. London, 1883. Vol. 12. P. 113 (палийский вариант); Романов Е. Р. Белорусский сборник. Ви-

тебск, 1887. Т. 1, вып. 3. С. 396—400 (белорусский вариант); Clouston W. A. Popular Tales and Fictions, their Migrations and Transformations. London, 1887. T. 1. P. 62—64; Жуковский В. Персидские версии «Шемякина суда» // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1890. Т. 5, вып. 1. С. 157—179 (персидские варианты); Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2: Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. С. 214. (Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 69: Труды Этнографического отдела, т. 11, вып. 1); Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. 3-е изд. М., 1897. Т. 1. С. 277—278; Бардин А. В. Фольклор Чкаловской области. Чкалов, 1940. № 199.

На протяжении XVIII—XX вв. появляются многочисленные литературные обработки П.: анонимная 1760 г.; Ф. Задубского 1780 г., переизд. А. Осипова — 1794 и 1801 гг.; Н. Полевого — 1831 г.; О. Ф. Миллера — 1873 г.; К. Льдова — 1890 г.; Н. Попова — 1900 г.; А. Глаголина — 1936 г. (стеклограф); Б. Шергина («Шишовы напасти»). На немецкий язык П. была переведена пастором Хайдеке (Etto Schemiakin Sud: Ein Russisches Sprichwort // Janus. Riga, 1808. S. 147—151) и А. Диттрихом (Russische Volksmärchen. Leipzig, 1831. S. 187—191).

Изд.: Пыпин А. Н. Шемякин суд // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1859. Кн. 4. Отд. V. С. 1—10 (переизд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 405—406; Сухомлинов М. И. Повесть о суде Шемяки // СОРЯС. 1873. Т. 10, № 6. С. 8—12); Буслаев Ф. И. 1) Историческая христоматия. Стб. 1443—1446; 2) Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 13-е изд., доп. и испр. А. И. Соболевским. М., 1917. С. 204—206; Повесть о суде Шемяки. СПб., 1879. (Изд. ОЛДП, № 38) (переизд.: Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 5-е изд. М., 1952. С. 450—453); Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 20—29, 193—195, 225—227; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 17—25, 147—149, 174—175; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 140—142, 289—292; «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 321—324 (пер. на русс. яз.); Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 153—156. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 182—184; Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 466—469; 2-е изд. СПб., 1997. С. 466—469; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 241—244. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусские повести / Ред.-сост. И. Остапенко. Пермь, 1991. С. 269—271 (пер. на русс. яз.).

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 300—301; Тихонравов Н. Шемякин суд // Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. Отд. III. С. 34—38; Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Т. 2. С. 302; Ольденбург С. Ф. 1) Заметка об изданиях Pâli Text Society // Записки Восточного отделения имп. Русского Археологического общества. СПб., 1886. Т. 1. С. 154—160; 2) Шемякин суд // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 183—185; Льдов К. Повесть о суде Шемяки // ИВ. 1890. № 1. С. 102—114; Каллаш В. Библиографичес-

Его этюды по литературе сказочных схем и мотивов // Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 145; Яцимирский А. И. Шемякин суд // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 39. С. 462—464; Бейлин С. Х. Странствующие или всемирные повести и сказания в древнераввинской письменности. Иркутск, 1907. С. 138 и сл.; Сухомлинов М. И. Повесть о суде Шемяки // СОРЯС. 1908. Т. 85. С. 637—671; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 86; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 208—211; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 196—198; Лапицкий И. П. 1) Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 60—99; 2) Из истории русской сатирической повести XVII в.: (Шемякин суд). Тезисы дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1948; 3) Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество: (Повесть «Шемякин суд») // Уч. зап. ЛГУ. № 173: Сер. филологических наук. Вып. 20. 1954. С. 328—374; Назаревский. Библиография. С. 170—171; Пушкарев Л. Н. Обработка А. Шамиссо древнерусской повести «Шемякин суд» // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 516—532; Sofer J. Das Urteil des Schemjaka. Diss. Göttingen, 1965; Кузнецова В. П. Повесть о Шемякином суде и ее литературные переложения // Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы: Тезисы докладов X научно-теоретической и методической конференции, организованной кафедрой русской литературы МГПИ (25—27.V.1967). М., 1967. С. 41—42; Коржева П. Б. Пародийное использование стиля деловых документов в сатирических повестях XVII в. «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде» // Гуманитарные науки: Сб. статей. Караганда. 1975. Вып. 2. С. 112—116; История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 402—404; Боева Л. Вопросы древнерусской литературы. София, 1981. С. 143—144; Васильева О. В. 1) Некоторые дополнения к текстологическому комментарию В. П. Адриановой-Перетц к «Повести о Шемякином суде» // Литература Древней Руси: Источниковедение. Сб. научных трудов. Л., 1988. С. 245—247; 2) «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о неправедном судье // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1989. Т. 25. С. 91—99; Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России: (XVII—первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 312—314; Литература и культура Древней Руси. С. 134—135; Литература Древней Руси. С. 169—170.

А. Г. Бобров, О. В. Васильева

Повесть 1606 года — условное заглавие литературного памятника исторического характера, присвоенное ему С. Ф. Платоновым и принятое в научной литературе. В рукописной традиции П. заглавия не имеет и как отдельное произведение не существует. Она является первой частью так называемого «*Иного сказания*». В П. отражены события конца XVI—нач. XVII в., с момента смерти царя *Ивана Грозного* до избрания на царство Василия Шуйского и перенесения мощей царевича Димитрия из Углича в Москву 3 июня 1606 г. Заканчивается она выражением радости по поводу воцарения Василия Шуйского и избавления от «вора и еретика» *Григория Отрепьева*, который послужил орудием божественного возмездия ненавистному для автора *Борису Годунову* за убийство царевича Димитрия и незаконный захват царского престола.

Сравнение П. и «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог*

врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго» (в первой редакции «Повесть, како отомсти...») показывает, что обе повести являются разными редакциями одного памятника. С. Ф. Платонов ошибочно считал П. первоначальной редакцией (отсюда указание на время ее написания в заглавии), а «Повесть, како восхити...» — более поздней сокращенной редакцией. Е. Н. Кушева неопровержимо доказала на основе тщательного текстологического анализа и внимательного изучения источников П. обратную зависимость между краткой и распространенной редакциями памятника. Подтверждает это и датировка «Иного сказания», частью которого является П. В П. полностью сохранено идейное содержание «Повести, како восхити...». Она также проникнута ненавистью к Борису Годунову. Целью автора является разоблачение самозванства и вероотступничества Лжедмитрия I и прославление нового царя Шуйского. При этом публицистическая направленность П. усиливается за счет аргументов, почерпнутых из многочисленных и разнообразных по своему характеру источников.

Автор П. умело вводил в текст «Повести, како восхити...» заимствования из других памятников и целые произведения, но все же оставил заметные следы соединения разнородных материалов. В их число входят грамоты Лжедмитрия I к москвичам, грамоты о свержении самозванца и избрании Василия Шуйского царем, появившиеся в мае—июне 1606 г. С некоторыми переделками в П. помещен написанный при Василии Шуйском «Извет старца Варлаама». Сцена волхвования Годунова, рассказ об убийстве царевича Димитрия, заключительное сообщение о чудесах святого заимствованы из *Жития Димитрия Угличского.* Некоторые исследователи видят сходство отдельных мест П. с разрядными записями, предполагают влияние на стиль П. литературных приемов, свойственных различным редакциям *Сказания о Мамаевом побоище, Казанской истории* и другим произведениям.

Компилятивный характер П. определил ее художественные отличия от «Повести, како восхити...». Сюжетная стройность и строгое стилистическое единообразие «Повести, како восхити...» оказались нарушенными в результате заимствований из деловой письменности, жития, воинских и исторических повестей. Сохранив публицистическую направленность «Повести, како восхити...», автор П. уделил больше внимания литературной занимательности произведения. По мнению Е. Н. Кушевой, описания сражений, выдержанные в П. в стиле воинских повестей, «преследуют цель художественно-литературную».

Изд.: РИБ. СПб., 1899. Т. 13. Стб. 1—96.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 1—57; Кушева Е. Н

Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 39—61; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. I. С. 275—277; Елеонская А. С. и др. История русской литературы XVII—XVIII веков. М., 1969. С. 25—26; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231—254; Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 79.

Г. П. Енин

Подосенов Захарий Афанасьев (сер.—2-я пол. XVII в.) — справщик Печатного двора, автор полемических сочинений против лютеран. П. происходил из Вологды («вологжанин») и был зачислен в справщики 29 декабря 1641 г. с окладом в 30 руб.; в 1653 г. он получал оклад в 50 руб.; последняя запись о нем в документах Печатного двора относится к 17 июля 1674 г. По данным С. Н. Брайловского, 19 ноября 1678 г. П. по старости был освобожден от должности. П. был одним из немногих мирян, служивших справщиками. О его обособленном положении свидетельствует отсутствие указаний на духовное звание в документах Типографского архива, получение им хлебного жалованья вместе с подьячими и мастеровыми Печатного двора. По-видимому, у П. была семья. В одной из пергаменных рукописей читается следующая запись: «172 (1666) г. июня в 18 день сию книгу дал внуку своему на воспоминание свое отец мой Захарий Афанасиевич Подосенов справщик Симеону Литвинову» (Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 166).

Деятельность П. падает на 1640-е—нач. 1650-х гг., на период так называемой «иосифовской» справы (по имени патриарха *Иосифа*), считающийся расцветом книгоиздательской деятельности Печатного двора. Произведения, уже печатавшиеся раньше, и предназначенные к изданию рукописи подвергались тщательной редактуре, в них вносились добавления, сокращения, поновлялся язык; обращалось внимание на правильность конструкций, на соблюдение грамматических форм, на исправление ошибок. Издавались не только богослужебные, но и светские книги, полемические сочинения. Сослуживцами П. были известные книжники и писатели — справщик *Савватий, Иоанн Наседка,* протопоп *Михаил Рогов*, позже — *Арсений Грек.*

П. принимал участие в издании Устава 1641 г., в составлении полемического сборника «Слова избранные о чести святых икон и поклонении им» (1642) и *Кирилловой книги*, составленных из сочинений южнорусских авторов. При П. были изданы «Малый катехизис» Петра Могилы и «Книга о вере» — перевод южнорусского сборника Нафанаила, игумена Киевского Михайловского монастыря. Не исключено, что восприятие идей южнорусских авторов с их приверженностью греческому православию и обрядам

сделало возможной службу П. в качестве справщика и при патриархе *Никоне*.

В 1640-х гг. П. принимал непосредственное участие в прениях о вере, происходивших в Москве в связи с приездом датского принца Вальдемара, сватавшегося к царевне Ирине Михайловне. Конфессиональные взгляды Вальдемара, не желавшего перекрещиваться в православную веру, излагал приехавший с ним пастор Матфей Фельгабер. В ходе прений той и другой стороной было написано большое количество полемических сочинений. От имени патриарха Иосифа П., вместе с Иваном Наседкой и *Шестаком Мартемьяновым*, сочинил 23 мая 1644 г. второе послание Вальдемару, используя Кириллову книгу, Соборное изложение 1620 г. о крещении латинян, *Хронограф Русский*, творения Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста и др. Значительная часть второго послания Иосифа вошла в «Книгу о вере». В июле 1645 г. группой авторов, в том числе П. («Геннадиевой пустыни строитель Исаакий, да черниговский протопоп Михаил Рогуев, да большого собору Успения Пречистые ключарь Иван Наседка, а с ними Шестак Мартемьянов да Захарей Офонасьев Подосенов»), были составлены Ответы на письмо «немчина Матвея». Источниками сочинения послужили «Списание обличительное» Ивана Наседки, «Изложение на люторы» из Кирилловой книги, «Катехизис» *Лаврентия Зизания*, творения Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, Дионисия Ареопагита, Григория Богослова, «Епистолия на римляны» и выписки из «правила» на еретиков. Эти Ответы не были использованы в прениях, прекратившихся из-за смерти царя *Михаила Феодоровича*. Однако они распространялись в списках.

Изд.: Голубцов А. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. II. С. XI–XII, XXII–XXIII, 111—154, 263—308.

Лит.: Известие о поездке в Россию Вальдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича Ириною // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. Отд. IV. С. I—II, 1—72; Маисветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 10. 25, 27—30; Цветаев Д. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 101—126; Брайловский С. Н. Очерки по истории просвещения Московской Руси в XVII в. Вып. 2 // ЧОЛДП. 1890. Сентябрь. С. 365, 368; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1890. № 9—10. С. 464, 466; 1891. № 1—2. С. 147, 152, 153, 156—161; № 7—8. С. 157, 165, 173, 178—179; Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 118—122. 124—126, 157—171, 225—249; Никольский. Рукописная книжность. С. 101; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 161 (раздел написан А. И. Роговым).

М. Д. Каган

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—20.IV.1642) — князь, воевода, один из ведущих организаторов и руководителей Первого и Второго народных ополчений против польско-шведской интервенции, автор агитационно-патриотических грамот и посланий. Сын Михаила Федоровича Пожарского и Марии Федоровны Беклемишевой, П. принадлежал к захудалому роду князей Стародубских, которых постигла опала *Ивана IV*. Род Пожарских начал вновь подниматься при *Борисе Годунове*: в 1598 г. П. — стряпчий, а с 1602 г. — стольник. При Лжедмитрии I (см. *Григорий Отрепьев*), весной 1606 г., П. исполнял обязанности дворецкого.

С приходом к правлению Василия Шуйского и началом открытой польско-шведской интервенции П. неоднократно участвовал в военных действиях и с февраля 1610 г., став воеводой Зарайска, фактически возглавлял национально-освободительную борьбу. За воинскую доблесть в период «московского осадного сидения» и верное служение П. получил от Шуйского вотчину из своих старых родовых поместий в Суздальском уезде. П. стал одним из организаторов Первого народного ополчения, предводительствуемого *П. П. Ляпуновым*. Прибыв со своими ратниками в Москву к началу вспыхнувшего там 19 марта 1611 г. восстания против оккупантов, П. играл активную роль в уличных боях на Лубянке, в которых получил тяжелые ранения. Он был вывезен сначала в Троице-Сергиев монастырь, а затем лечился от ран в своем родовом поместье Суздальского уезда, в Мугреевской вотчине на р. Лухе. Приглашенный руководить Вторым народным ополчением, П. прибыл в Нижний Новгород в конце октября 1611 г.

В Ярославле Нижегородское народное ополчение задержалось на четыре месяца, пробыв там с первых чисел апреля по конец июля 1612 г. Это «промедление» П. было вызвано необходимостью организационного упорядочения общественной жизни ополчения, формированием временного земского правительства (собранного по два человека «изо всяких чинов»), в котором П. как военачальник земского ополчения фактически временно становился представителем закона и верховной государственной власти. (Законную силу приобретали только те документы, грамоты и распоряжения, которые были составлены от его имени и от имени членов «совета всей земли», учитывая «как будет прибыльнее земскому делу».) В Ярославле был создан ряд приказов, ведавших составлением и рассылкой деловых грамот. Кроме того, был необходим нейтралитет со Швецией, и с этой целью в конце июня 1612 г. П. успешно проводит дипломатический прием новгородских послов, фактически означавший заключение перемирия со шведами. Два послания П. отправил германскому императору Матфею с просьбой помочь «казной» и дипломатически воздействовать на короля Сигизмунда III, «отписати» ему, чтобы прекратил «кровопролитие» и вывел войска из Москвы.

14 августа 1612 г. войска прибыли в Троице-Сергиев монастырь, где П. предполагал выработать общие договорные условия для совместных военных действий с подмосковными отрядами, предводительствуемыми князем *Д. Т. Трубецким*. Однако план совместных действий Нежегородского и Подмосковного ополчений пришлось формировать уже в ходе боев с войсками Ходкевича. После победоносного сражения между П. и Трубецким установилось полное согласие: на Неглинной были поставлены общие разряды и приказы, а из грамот ополчения признавались действительными только те, которые имели подпись обоих предводителей. На следующий же день после сдачи оккупантов состоялось торжественное победное вступление в Кремль войск. На этом официально заканчивалась деятельность П. как военачальника Второго народного ополчения. Одной из последних, совместных с Трубецким, была «челобитная» П., составленная от имени всех участников освобождения столицы и царских «холопов» «Митьки Трубецкого да Митьки Пожарского» перед прибытием нового самодержца из Костромы в Москву.

За взятие Москвы, согласно «Докладной выписке 1618 г. о вотчинах и поместьях», П. получил, по распоряжению Земского собора, новой земельной «дачи 2500 чети» и был возведен в сан боярина. (Подпись «боярина» Пожарского стоит на десятом месте под *Грамотой Утвержденной 1613 г.* об избрании *Михаила Феодоровича*. Пожалования вотчинами были подтверждены царем жалованными грамотами 1619 и 1621 гг.) Однако избрание на царство Романова сильно изменило прежнюю местническую лестницу, выдвинув в первые ряды родственников царя, вследствие чего П. оказался далеко не первым среди бояр, а это, в свою очередь, повлияло на его положение при царе и вызвало его многочисленные местнические счеты (в 1613 г. с Г. Г. Пушкиным и Б. М. Салтыковым, в 1617 г. с И. А. Колтовским, в 1619 г. с Ф. Л. Бутурлиным и Г. Г. Пушкиным, в 1624 г. с Д. И. Долгоруким, в 1627 г. с князем Волконским, в 1631 г. с В. В. Волынским, в 1634 г. с Г. Г. и Б. Г. Пушкиными; в основном это случаи отказа быть в «подручных» у П., и во всех случаях, кроме одного — местнического спора с Б. М. Салтыковым — П. был оправдан).

П. принимал участие во всех торжественных церемониях, имевших важное государственное значение, начиная с венчания на царство Михаила Романова, продолжал участвовать в дипломатических переговорах и приемах иностранных послов. Однако основной его деятельностью, несмотря на недуг, оставалась воинская служба. В июне 1615 г. П., вместе с воеводой С. И. Исленьевым и дьяком Заборовским, был направлен царем против войск Лисовского. В течение 1617—1618 гг., во время вторжения в русские пределы войск королевича Владислава, царь направлял его на самые трудные участки сражений. С 21 августа 1628 г. по 1629 г. П. был воеводой Новгорода вместо умершего Г. П. Ромодановского. В конце апреля 1631 г.

П., вместе с М. Б. Шеиным, был назначен воеводой в Смоленск, но сослался на болезнь («сказал на себя черный недуг») и 4 июня 1632 г. был назначен воеводой по крымским вестям на Коломенскую дорогу. В 1637 г., в связи с угрозой нападения на столицу крымского хана Нураддина, П. был назначен смотреть за работами по обнесению Москвы земляным валом, а в 1639 г. он был поставлен воеводой в Переяславле-Рязанском.

В промежутках между исполнением воинских обязанностей П. неоднократно назначался начальником разного рода приказов: в 1619 г. он ведал только что учрежденным Ямским приказом; с 19 июля 1621 г. по декабрь 1628 г. состоял начальником Разбойного приказа и внес дополнения и изменения в его прежний устав; с 1634 г. по 1638 г. и в 1639 г. был начальником Московского Судного приказа.

П. был дважды женат и имел троих сыновей. Фамилия его первой жены Прасковии Варфоломеевны неизвестна; вскоре после ее кончины, в августе 1635 г., он женился на княжне Феодоре Андреевне Голицыной. Согласно легенде, перед смертью П. принял монашество с именем Козьмы, в память своего бывшего соратника Минина. Погребен в родовой усыпальнице Спасо-Евфимиевского Суздальского монастыря (что подтверждено раскопками С. А. Уварова 1852 г.).

Кроме агитационных грамот и посланий периода Второго ополчения, письменное наследие П. представлено подписанными им деловыми документами (известны его автографы, скрепленные личной печатью) и Разрядной книгой за 1577—1605 гг.

Из окружных агитационных грамот, составленных от имени П., по их стилистическим особенностям могут быть выделены памятники раннего, нижегородского периода (рубежа 1611—1612 гг.) и ярославские агитационные грамоты (начиная с грамоты 7 апреля 1612 г. и включая окружную июньскую грамоту в Путивль, а также послания германскому императору 1612 г.). Ранние нижегородские агитационные грамоты еще сохраняют некоторые черты, свойственные агитационной патриотической письменности (отпискам, грамотам, воззваниям), которыми широко обменивались между собой в 1608—1610 гг. северные и поволжские города: им еще присуща деловитая лаконичность и некоторая простота изложения. Однако присутствие в них риторических оборотов речи, элементов литературной обработки стиля, в отличие от живой разговорной и деловой речи агитационной письменности, а также содержание сближает их с агитационными воззваниями *Гермогена.* В ярославских же окружных грамотах 1612 г. от приемов агитационной патриотической городской письменности остались лишь традиционные обращения к адресату и призывы. Центральная часть этих грамот, так же как и посланий германскому императо-

ру от 20 июня 1612 г., содержит историко-литературное повествование о Смуте, со времени прекращения династии Калиты до распада ополчения П. П. Ляпунова. По сути это историко-публицистические повести о событиях нач. XVII в., оформленные в виде грамот и посланий. С. Ф. Платонов отмечает влияние воззваний, рассылавшихся от имени П. «со товарищи», на содержание и стиль литературных памятников той поры, в частности, на *Плач о пленении и конечном разорении Московского государства*, автор которого повествует о Смуте преимущественно по тексту грамот П., усвоив из них трактовку исторических событий одновременно с их фактическими ошибками, заимствуя из них отдельные фразы и выражения и «даже последовательность изложения» (Платонов. Древнерусские сказания... С. 112—113).

Степень участия самого П. в составлении патриотических воззваний не установлена. Деловые грамоты с распоряжениями П. составляли дьяки Сыдавней Васильев, Иван Софонов, Афанасий Евдокимов, Михайло Данилов, Семен Головин, Андрей Иванов, а «справляли» грамоты подьячие Юшка Горяинов, Семейка Матюшин. (В случае, когда документ направлялся повторно, его скрепляла личная подпись и печать П.). Эти же приказные дьяки, среди которых были опытные и литературно образованные, очевидно, принимали участие и в написании агитационных грамот, рассылавшихся от имени П.: в Ярославле это были дьяки Василий Юдин (состоявший в приказе Второго ополчения еще в Нижнем Новгороде) и Андрей Иванов, а грамоты соединенного ополчения, предводительствуемого П. и Трубецким, вероятно, составлял думный дьяк Сыдавний Зиновьев Васильев.

Разрядная книга П. за 1577—1605 гг. (ГБЛ, ф. 79, собр. Горского, № 16), исследованная В. И. Бугановым, составлялась после 1612 г., очевидно, домашним писцом под наблюдением владельца. Размашистый почерк автографов П. известен, в частности, по «данной» и дарственной его приписке на Евангелии, вложенном в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 316, л. 4 об. и 5) и др. Кроме того, дарственная запись была оставлена П. на Церковном уставе, который он вложил в Зарайский Никольский собор в ознаменование победы над Исаией Сумбуловым. Известны и другие достойные внимания рукописные книги, владельцем которых был П. Ему принадлежал такой шедевр книгописного искусства и художественного оформления последней четв. XV в., как Сборник слов Григория Богослова ГБЛ, ф. 304, собр. Тр.-Серг. лавры, № 1568, позднее вложенный в Троице-Сергиев монастырь (Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 117—125). В Соловецкий монастырь П. дал вкладом часть комплекта Миней Четиих, переписанных в 1568—1569 гг. в Алек-

сандровой слободе повелением Ивана Грозного (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 241—244).

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 15. С. 177—191; СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 281—283. С. 593—600; № 285, С. 604—607; № 287. С. 609; М., 1822. Ч. 3. № 29. С. 136—137; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 201—206, С. 338—351; № 216-II, С. 366—367; Т. 3. № 179—185, С. 261—267; № 239—240, С. 354—359; № 243—245, С. 370—374; № 247. С. 379; Adelung F. Schreiben des Fürsten Dmitri Michailowitsch Posharsky an den römischen Kaiser Mathias d. d. Jaroslawl d. 20. Juni 1612. St.-Petersburg, 1840; АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 336—339. С. 402—405; № 341—343. С. 407—408; Галахов А. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. Т. 1: (IX—XVIII ст.). М., 1848. С. 393—395, 403—404; Fidler J. Zur russischen Geschichte // Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte / Herausgeg. von F. Miklosich. Wien. 1851. Bd 1. S. 19—42; ПДС. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 984—986. 1004—1008. 1404—1432; Савваитов П. Современное известие о делах под Москвою в сентябре 1611 года // Уч. зап. Академии наук по 1 и 3 отд. 1855. Т. 3. вып. 1. С. 94—96; Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 995—999; Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе Елагину // ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1. Отд. II. С. 8—27 (№ 1—3, 6—7, 9—11, 18); Акты, относящиеся до исторического быта. СПб., 1864. Т. 2. № 191. Стб. 601—603; Памятники истории нижегородского движения в эпоху «Смуты» и земского ополчения 1611—1612 гг. // Сборник, издаваемый Нижегородской губернской ученой архивной комиссией. Т. 11: В память 300-летия Нижегородского подвига. СПб., [1912]. С. XX—XXXIII. 123—124 (№ LXXI), 131—137, 149—150 (№ LXXVI - LXXXVI). 158—274 (№ CII—CLXIV). 324—329 (№ CLXXVIII -CLXXIX). 528—538; Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Пг., 1917. Приложение. С. 237—245 (переизд. с доп.: М., 1939. С. 233—241).

Лит.: Малиновский А. Ф. Биографические сведения о князе Димитрие Михайловиче Пожарском. М., 1817; Бекетов П. П. Собрание портретов россиян ... с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1821. Ч. 1. С. 66—70; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. 4. С. 154—164; Иванов П. И. Местничество. Дела // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. М., 1838. Т. 2. С. 294—295; М., 1842. Т. 5. С. 328—329, 334—336; Мельников П. 1) Нижний Новгород и нижегородцы в «Смутное» время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. Отд. II. С. 24—32; 2) Несколько новых сведений о «Смутном» времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене // Москвитянин. 1850. № 21. Отд. III. С. 1—12; Голохвастов Д. П. Замечательные случаи по местничеству в царствование Михаила Федоровича, извлеченные из рукописной Разрядной книги // ЧОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 227—230, 252—253, 260—265; Чичагов Н. П. Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. СПб., 1848; Смирнов С. 1) Боярин и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский // Отечественные записки. 1849. Т. 67. Отд. II. С. 41—114; 2) Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М., 1852 (с родословной табл.); Серебреников С. Князь Димитрий Михайлович Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Миныч Сухорукий в Ярославле в 1612 г.: (Эпизод из неизданной истории г. Ярославля) // Ярославский литературный сборник. Ярославль, 1851. С. 39—71; Коркунов М. А. О грамоте Земской думы 1612 года // ИпоОРЯС. 1852. Т. 1. С. 189—192; Погодин М. П. Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Москвитянин. 1852. Т. 5. Отд. III. С. 39—80; Арсеньев К. И. Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича. СПб., 1857. С. 20—22; Новиков Н. Н. О доме князя Д. М. Пожарского в Москве на Лубянке // ЧОИДР. 1870. Кн. 2. Отд. V. С. 169—172; Костомаров Н. И. 1) Личности «Смутного» времени: Михаил Скопин-Шуйский. — Пожарский. — Минин. — Сусанин // ВЕ. 1871. Т. 3, июнь. С. 502—516; 2) Кто виноват в «Смутном» времени? // Там же. 1872. Т. 5(37).

сентябрь. С. 26—34; З а б е л и н И. Е. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в «Смутное» время // Русский архив. 1872. № 2—6, 12. Стб. 353—424, 581—621, 881—926, 2436—2499 (отд. изд.: М., 1883; 3-е изд. с доп. М., 1896); Б у т у р л и н М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. С. 1—47; П л а т о н о в С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о «Смутном» времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888. С. 109—116; 2) Очерки по истории «Смуты» в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в «Смутное» время). СПб., 1899. С. 365, 527, 533—565, 569, 638—647; переизд. М., 1937. 3) Московское правительство при первых Романовых // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории: (1883—1912). 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1. С. 339—406; 4) К истории московских земских соборов // Там же. С. 310—319 (см. также: П л а т о н о в С. Ф. Заметки по истории московских земских соборов // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. (1883—1902). СПб., 1903. С. 5—16); 5) «Смутное» время. Пб., 1923. С. 139—149; Б а р с у к о в А. П. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях // ЧОИДР. 1895. Кн. 1. Отд. 1. С. 5; РБС: «Плавильщиков—Примо». СПб., 1905. С. 221—247; С а в е л о в Л. М. Князья Пожарские. I. Родословие; II. Приложение. М., 1906. (Летопись историко-родословного общества в Москве, год 2, вып. 2 и 3); В е с е л о в с к и й С. Б. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. М., 1911; З а м я т и н Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол: (1611—1616 гг.). Юрьев. 1913. С. 34—94; С у х о т и н Л. М. К истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // ЧОИДР. 1915. Кн. 3(254). Смесь. С. 40—53; Л и х а ч е в Н. П. Земская печать Московского государства в «Смутное» время // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 1915. Т. 3. С. 263—283; С а д и к о в П. А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение 1611—1612 гг. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 1—10; Г е н к и н Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль. 1939. С. 155—166; К о з а ч е н к о А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII в. М., 1939. С. 129—164; Д а й р и Н. Минин и Пожарский // Исторический журнал. 1940. № 8. С. 44—58; П а р у с о в А. И. Нижегородское ополчение 1611—1613 гг. // Горьковская область. 1941. № 1. С. 40—43; Б а х р у ш и н С. В. Минин и Пожарский. Ташкент, 1942. (сер. «Великие русские полководцы»); Б и б и к о в Г. Н. 1) Минин и Пожарский. М., 1942; 2) Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой // ИЗ. 1950. Т. 32. С. 173—197; Ч е б а е в с к и й Ф. Путь Нижегородского ополчения // Исторический журнал. 1942. № 12. С. 42—47; Великое дело Минина и Пожарского / Под ред. Н. М. Добротвора. Горький, 1943 (1944). (Труды Горьковского пед. ин-та, т. 11); Д а н и л е в с к и й В. В. Димитрий Пожарский. М., 1944 (см. также изд. 1942, 1943 гг.); Б о г о я в л е н с к и й С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 285 и др.; Б а х р у ш и н С. В., С а в и ч А. А. Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 году // Вестник АН СССР. 1947. № 7. С. 62—72 (переизд.: История Москвы. М., 1952. Т. 1. Гл. 1); Ш е п е л е в И. С. Организация Первого земского ополчения в 1611 году // Уч. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. Т. 5: Кафедра общественных наук. Ставрополь. 1949. С. 179—183; Т. 6. 1951. С. 207—254; О с ь к и н Г. И., К а р а с е в А. В. Кузьма Минин и Димитрий Пожарский. М., 1951. С. 37—92; История СССР: Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. М., 1956. Т. 1. С. 388—390; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 263—264; Б у г а н о в В. И. Разрядная книга Д. М. Пожарского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 90—101; Г о л у б е в И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 396—413; С е р г е е в В. И. Д. М. Пожарский // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 246—247.

Н. Ф. Дробленкова

Поздеев Марк Иванович см. «*Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском*».

Полетаев Федор Герасимов (нач. XVIII в.) — преподаватель новгородской школы митрополита *Иова* по славянскому классу (Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Стб. 12; Приложение VIII. С. XCVIII), переводчик. П. принадлежал к числу первых в Москве учеников братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*, подобно другим их ученикам, подвизался в 1690-е гг. на Печатном дворе (Шляпкин И. А. Димитрий Ростовский и его время: (1651—1709). СПб., 1891. С. 152, примеч. 1. (Записки историко-филологического ф-та имп. С.-Петербургского ун-та, ч. 24); Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 367—481. (Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отд. Т. 5, № 5)). О П. известно также, что он подолгу не мог «вытрезвится» и потому не всегда был надежен в делах (Чистович И. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Январь. С. 86). Возможно, этим объясняется то, что *Феодор Поликарпов* отказался от своего первоначального намерения привлечь П., в числе других новгородских «доброписцев», сидящих без дела, к подготовке исправленного перевода Священного писания (Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717 // Русский архив. 1868. № 7—8. Стб. 1049).

П. перевел с греческого языка следующие книги: 1) «Новое Сокровище», содержащее девятнадцать бесед на церковные праздники; переведено в 1711 г. с венецианского издания 1672 г. (единственный список БАН, 34.4.11); 2) «Догматическое учение» Севаста Киминита; переведено в 1712 г. (списки ГПБ. собр. Погодина, № 1200; Соф. собр., № 1233; ГИМ, Синод. собр., № 864); 3) Беседы Макария Египетского; переведены в 1713 г., возможно, с франкфуртского издания 1594 или 1621 г. (единственный список БАН, 17.8.28); 4) «Сокровище» Дамаскина Студита (см. *«Физиолог» и «Сокровище» Дамаскина Студита*); переведено в 1715 г. с венецианского издания 1683 г. (единственный список БАН, 34.4.13). На списках БАН читаются записи царевича Алексея Петровича о присылке их из Новгорода в 1716 г. Переводы П. не изданы. Филарет неосновательно приписал П. составление третьей редакции *Жития Авраамия Ростовского*.

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 2. С. 129; Филарет. Обзор. С. 266; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 341, 351, 413; Лавров П. А. Сокровище Дамаскина Студита в новом русском переводе. Одесса, 1901; Соболевский А. И.

Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы // СОРЯС. 1908. Т. 84. № 3. С. 39—44; Срезневский В. И., Покровский Ф. И. Описание Рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. Пг., 1915. Т. 2. С. 3—9. 425—426. 432—433; Klostermann R. A. Die slavische Überlieferung der Makariusschriften. Göteborg, 1950. S. 25—26. (Göteborgs kungl. vetenskapsoch vitterhets-samhälles handlinger. Sjätte följden. Ser. A, Bd 4, N 3); Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. Вып. 1: XVIII век. М.; Л., 1956. С. 137, 139, 424—425; Будовниц. Словарь. С. 231; Демина Е. И. Тихонравовский Дамаскин: Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. София, 1968. Т. 1. С. 15, примеч. 3.

Т. В. Буланина

Половецкий Николай Алексеевич (сер. XVII в.) — автор послания, написанного 10 сентября 1654 г. в осажденном Смоленске и отправленного в ставку царя *Алексея Михайловича*. В послании отразились как военные, так и политические проблемы Белоруссии сер. XVII в. Автор послания прямо не говорит о своем социальном положении, но по некоторым намекам можно считать его мещанином, возможно, купцом. Ему приходилось переезжать с места на место, подвергаясь военным опасностям («близу града Лвова во всех белах брани ради и бедне скитахся»), попадать в плен, кажется, к туркам или крымским татарам («три краты в неволи варвар бедствовах сам»), разлучаться с семьей («а жена в Полше с княгинею Вишневецкою»), пережить наступление польского короля Казимира, моровое поветрие, голод. Семья соединилась в Смоленске, переехав к дяде жены П. — Андрею Ивановичу Борецкому. П. объясняет свое передвижение на восток желанием быть ближе к Руси. Однако. он не решился, будучи уроженцем юго-западных земель, переселиться к Москве, «ниже глаголания и обычая не знающе». Он ожидает прихода русских в Смоленск. Большое место в послании П. занимают конфессиональные вопросы. Он недоволен службой смоленских попов: «А зде в Смоленску попы церковные, ниже поп, ниже ксендз, ... литоргии же святой треть едва изотче, такожде и утреню. ниже Псалтыри, ниже канонов не слышах аз никогда. Всенощного на праздники и не знаша, устав церковный ни во что обратиша. пречистыми тайнами аки ксендз не в ризах, но в комжи до болных людей». Трудно сказать, имеется ли в виду униатская служба, или П. описывает краткую и упрощенную службу православной церкви, совершавшуюся в условиях осажденного города. П. — человек, начитанный в Священном писании, в своем послании он то и дело приводит изречения, скорее не цитируя, а пересказывая их по памяти (например: «Либо писано, ищите прежде Царствия божиего и правды его, а сия вся приложится вам; но неимущему повелено: просите, даст вам, и ищите — обрящете»).

Находясь в гуще военных событий, в осажденном городе, П. пересказывает ходившие там слухи: одни ждут прихода польского короля, поэтому боятся сдать город, другие слышали, что царь намерен вырезать горожан. Сам П. готов служить царю, выйти из го-

рода и сдаться, но считает более полезным остаться в осаде и увещевать народ покориться. Кончается послание челобитьем: «Молю же и аз, умилосердися над не имеющим, где главы подклонити с женою и детми ... на мне, грешном, удиви милость твою, о сем яви человеколюбие твое, повели, твое величество, ущедрити малым чим по воли своей, да имам пищу и одеяние, где ли волиши, толко умилосердися ... И аз с женою и с сыном припадающе молимся, ущедри нас не по достоинству яко, но распятого ради Христа просим, имеюще надежду на благость величества твоего, той же ся и вручаем».

С некоторыми оговорками все послание можно отнести к жанру челобитных, его цель — извлечь выгоду из взятия русскими города. Деловые формулы челобитья применяются автором в сочетании с оборотами книжного красноречия. Послание дошло до нас в копии с подлинника белорусского письма, среди прочих челобитных, которые подавали жители белорусских городов — Могилева, Орши, Витебска, Смоленска и др., излагая условия добровольного их подданства Московскому государю. Документы эти попадали в дела походной канцелярии (Походного приказа) царя Алексея Михайловича, которой ведал думный дьяк Посольского приказа Ларион Дмитриевич Лопухин. Затем эти дела передавались в Посольский приказ. В настоящее время послание П. хранится в ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, оп. I, 1654 г., № 6, л. 343—348.

Изд.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1889. Т. 14. С. I—V, 325—330.

Лит.: Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 480—484, 706—708, 710—711.

М. Д. Каган

Порошин Федор Иванович см. *Повесть о Азове поэтическая.*

Послание Александра Македонского к русским князьям см. *Сказание о Словене и Русе.*

«Послание дворительное недругу» — памятник посадской сатиры XVII в., известный в двух списках, в сборниках ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 808 (1008), сер. XVII в. и собр. Шибанова, № 431-3, конца XVII—нач. XVIII в. в составе Азбучного письмовника (см. *Письмовники*), озаглавленного: «Сказание и начертание епистолиям от божественных писаний своим любезнейшим братиям или сродником, тако ж и ко всякому человеку». П. написано в стихотворной форме. Само его название указывает на пародийность замысла: послание «услужливое» адресовано врагу. П. является прямой сатирой на адресата, подчеркивает самые непривлекательные стороны его личнос-

ти. Хотя конкретный адресат П. неизвестен (по предположению Л. С. Шептаева, им мог быть подьячий), произведение отражает черты, типичные для общественных отношений своего времени в среде городского населения. В нем раскрывается приниженное положение человека из народа и бичуются пороки приказно-бюрократической системы. П. пародирует челобитную, повторяя формулировки, типичные для деловых бумаг XVII в., обращенных к «власть имущим». По своим литературно-художественным особенностям оно примыкает к крестьянско-посадской сатире XVII в. Основным средством сатирического изображения является в нем ирония. Автор П. также неизвестен, но можно думать, что памятник вышел из среды посадской демократической интеллигенции.

Изд.: Шептаев Л. С. «Послание дворительное недругу»: (Посадская сатира XVII века) // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 371—379; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 37—38; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 30; Голубев И. Ф. Новый список «Послания дворительного недругу» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 326—328; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 115—116, 172. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 216—217; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 142—145. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 187—188.

М. А. Салмина

Послание дворянина дворянину см. *Фуников Иван.*

Послание из Москвы на Дон — сочинение монахов-старообрядцев Никифора и Ионы, написанное ок. 1680 г. П. адресовано строителю и настоятелю старообрядческой Чирской пустыни иноку Макарию и посвящено опровержению учения *Козьмы Ларионова*. Биографических данных об авторах П. не сохранилось. Его адресат Макарий — преемник в Чирской пустыни умершего ок. 1680 г. Иова. Обстоятельства появления П. таковы: ок. 1679 г. в Москве появился медведицкий расколоучитель Козьма Ларионов, по прозвищу Косой, и стал говорить московским старообрядцам, что ему известны «великие и несказанные тайны». В ответ на возражения, что его «богословие богословий», написанное им на «великих листах» и излагающее оригинальную концепцию близкой кончины мира, не имеет авторитетных подтверждений в Священном писании, Козьма Косой утверждал, что у него есть «подлинник, писанный перстом Божьим прежде сотворения мира» и что его листы писаны с того «подлинника». Однако этот сомнительный аргумент не имел успеха. Напуганные тем, что «плел бедной» «косой богослов» (а «плел» он «вещи страшныя о Божестве, и о великих непостижимых тайнах, не точию о том глаголати, но и

помыслити страшно, о нем же богословцы умолчали»), московские старцы дерзнули и «таковое его суемудренное писание все раздранию предали и огнем сожгли все без остатку», а также «возвестили о нем всем верующим, яко не право мудрствует» и противоречит христианской вере. Изложив все это в П., чернецы Никифор и Иона обращались к Макарию и другим «преподобным отцам», которыми «мрачный Дон возсиял», с просьбой оберегать паству от вредного влияния идей Козьмы Косого, ибо в противном случае «мнози к его прелести присовокупятся».

Изд.: ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. С. 133—134.

Лит.: Дружинин В. Г. Раскол иа Доиу в конце XVII века. СПб., 1889. С. 90, 96—98, 282—283; Смириов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. LXXXI, 48—49; Дружинии. Писания старообрядцев. С. 373; Клибанов А. И. Народная социальиая утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 115—121.

А. Т. Шашков

«Послание к звавшим, а самим себя и дома не сказавшим» — памятник смеховой литературы XVII в., написано раешным стихом. П. сохранилось в единственном списке в составе сборника последней четв. XVII в. ГИМ, собр. Барсова, № 470, л. 26—27 об., включающего преимущественно анонимные образцы силлабической поэзии. Наличие в сборнике послания *Петра Самсонова*, одного из поэтов «приказной» школы, побудило Н. С. Демкову причислить к произведениям этой школы и само П. В П. юмористически описывается бытовая ситуация, когда гости, рассчитывавшие выпить по «чарке вина», не попали в дом и только «ноги загрязнили». А. С. Демин, издатель П., соотносит его с антидружескими посланиями, читающимися в *Письмовниках*. О восприятии произведения в качестве эпистолярного образца, обобщающего конкретные факты, говорит несоответствие множественного числа в заглавии («к звавшим», «самим ... не сказавшим») и того факта, что П. адресовано одному человеку — хозяину (наблюдение Н. С. Демковой). С другой стороны, нельзя не отметить, что П. сохранило весьма размытые следы дружеского этикета, характерного для произведений эпистолярного жанра, в том числе для антидружеских — «ругательных» посланий письмовника. Реликтом эпистолярного этикета является юмористически переосмысленная забота о здоровье адресата: «Молим, государь, Бога, / чтоб тебе воздал за наш протор толика же блага»; «А за твою добродетель / буди ты многолетен».

Изд.: Демии А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовиках и сбориках виршевых посланий // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 78—79; Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 232—233, 240; Лихачев Д. С., Паи-

ченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 280—282; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 321—323. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 241—242, 615.

Д. М. Буланин

Послание к некоему иноку о Хмеле (в другой редакции: «Повесть о хмельном питии») — поучение в форме послания, направленное против пьянства. В научной литературе П. признается памятником 2-й пол. XVII в., восходящим, наряду с другими произведениями о Хмеле, к общему источнику — *Слову о Хмеле*. Число списков П. невелико: редакция «Послания» — БАН, собр. Текущих пост., № 613, л. 255—269, XVII в. и ГИМ, собр. Барсова, № 2766, л. 1—8 об., XVII в.; редакция «Повести» — ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 250/455, л. 358 об.—365 об., XVII в.; ГИМ, Епарх. собр., № 693, л. 88—103 об., XVII в.; ГБЛ, собр. Беляева, № 54 (1565), л. 40 об.—61, нач. XVIII в. В рук. БАН названы имена автора П. — Матвея с Усть-Шексны и адресата — Моисея из Троицкого монастыря «Вологодцкия страны». Однако эти имена чередуются в тексте с формулой «имярек», поэтому нельзя с уверенностью назвать Матвея автором произведения.

Обе редакции имеют вступление и концовку, характерные для жанра послания, и центральную повествовательную часть, озаглавленную дополнительно — «Притча». В списках Барсова и Епархиальном вступление отсутствует, и название «Притча» относится ко всему произведению. Безымянный герой притчи от невоздержанности в питии долго пребывал в «омраченном уме» и «скверном житии», но, благодаря вмешательству провидения («Богу наставляющу его на спасение»), достиг победы над Хмелем и принудил его к саморазоблачению. Хмель приобретает здесь черты, роднящие его с традиционным героем, воплощающим зло, — бесом. Хмель прибегает к помощи «споспешника, иже над пианством беса», известного по *Повести о происхождении винокурения*, которая может быть названа в числе источников П. При создании его, очевидно, были использованы и другие сочинения, призывающие к умеренности в хмельном питии (см. источники Слова о Хмеле и *Повести о Хмеле*), но материал этих источников весьма основательно переработан в П. В результате достигнуто идейное и стилистическое единство, что выделяет памятник из круга других сочинений о Хмеле, сохраняющих обычно весьма разнородные отголоски более древних произведений. Книжный характер языка, выдержанная тенденция к абстрагированию, следование православной доктрине в решении проблем добра и зла, нравственного выбора и ответственности — все это свидетельствует о стремлении автора сохранить традиции средневековой учительной литературы. По сравнению со Словом о Хмеле, смягчен зловещий характер Хмеля как двойника главного героя, в то же время больше разрабатываются некоторые специ-

фические свойства двойника: способность являться герою во сне, в бреду, стремление вытеснить героя (см.: Лихачев Д. С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII в. // Повесть о Горе-Злочастии. Л., 1984. С. 97; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 144). Дидактика соединяется с занимательностью, суровость сменяется снисходительностью к человеческим слабостям.

Стремление к занимательности более ярко проявляется в другой редакции памятника — в «Повести». Текст П. здесь несколько сокращен и значительно дополнен различного рода вставками. Заново вводится из Слова о Хмеле монолог Хмеля, появляется рассказ о выведывании у Ноя тайны ковчега, близкий к *Палее исторической* и поздней — Интерполированной редакции *«Откровения» Мефодия Патарского* (см.: Попов А. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая) с приложением Сокращенной Палеи русской редакции // ЧОИДР. 1881. Кн. 1. Приложение. С. 10—11; Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянской литературах: Исследования и тексты. М., 1897. Тексты. С. 116). В связи с обличением пьянства излагаются библейские сказания о гибели Самсона и Олоферна, кратко пересказываются хронографические известия о византийском императоре Михаиле III, подбираются назидательные изречения о вреде пьянства. Непосредственно перед заключением помещено «Двоестрочное сказание о безмерном пьянстве и злом запойстве». Все вставки озаглавлены, что придает им вид самостоятельных произведений. Именно так отдельные части «Повести» воспринимались иногда переписчиками и исследователями (см.: Буслаев. Исторические очерки... Т. 1. С. 568—569; Голубев И. Ф. Вирши о смерти и пьянстве // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 81, 84—88; опубликованное здесь произведение «О безмерном питии и о безмерном запойстве двоестрочием простообразно счинено» с прозаической концовкой представляет собой отрывок из «Повести»). Но заключение, известное по П., сохраняется и в «Повести», и это позволяет считать «Повесть» не подборкой разных текстов на одну тему, а более поздней редакцией того же произведения.

Изд.: ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 244—249.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 532—533; Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 563—569; Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1. С. 472—473 (раздел написан А. Н. Веселовским); Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 254; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 287—291; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 164—165.

Т. А. Махновец

Послание к отцу сына, «от наготы гневнаго» — памятник демократической сатиры XVII в. Как и в других памятниках этого направления, в П. используется одна из форм деловой письменности, именно — послание. Произведение начинается обращением: «Присному моему пречестному отцу ... Бьет челом сын твой Богом даной». Сын, по-видимому, — обнищавший пьяница и гуляка («хожу гол, что бурой вол»), обращается к отцу за помощью в полной уверенности, что получит ее («Ведая бо, государь, толикую твою мощ, надеюся не отъити от тобя тощ»). В духе скоморошьей речи он унижается, называет себя дураком, льстит отцу. В «смеховом» произведении иронично звучит обращение к традиционным церковным формулам: «Смилуйся, государь, для ипостаснаго троического Божества и для Христова от Девы рождества», «...угаси рыдание слезное, да в царствии небесном обрящеши пристанище полезное». Прием этот встречается и в других произведениях демократической сатиры, например, в *Повести о бражнике*, *Сказании о крестьянском сыне*.

Ситуация П. сопоставима с одним из поворотов сюжета *Повести о Горе-Злочастии*, когда молодец еще может повернуть свою судьбу и избежать окончательной гибели. Этот выход подсказывают ему «добрые люди»: «Ты поди на свою сторону к любимым честным своим родителем..., возми от них благословение родительское». Но если молодец Повести воспринимает свое положение как трагическое и безвыходное, то герой П. еще не дошел до этого понимания, он относится ко всему происходящему весело, шутит («одень мою спинку, вели дати свитку», «и я, государь, храню свой обет, и за то хощу быти одет»), в полной уверенности, что богатый отец выручит его из беды.

П. опубликовано А. С. Деминым по списку ГПБ, Соф. собр., № 1546, 1-я треть XVII в.; сборник содержит Азбучный письмовник (см. *Письмовники*), ряд других иронических посланий и пародий. Н. С. Демкова сопоставляет героев П. и героев *Азбуки о голом и небогатом человеке*, отметив, что П. является одним из ранних литературных обращений XVII в. к теме блудного сына.

П. принадлежит руке талантливого писателя, нашедшего разнообразные и точные определения, которые характеризуют социальное положение героя, и применившего оригинальные рифмы.

Изд.: Демин А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 74—79; Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 231—232, 238—239; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. С. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 277; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 285—286. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 239—240.

М. Д. Каган

Послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам см. *Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам.*

Послание турецкого султана польскому королю см. *Легендарное послание турецкого султана польскому королю.*

Посников Василий Тимофеевич (ум. ок. 1710) — дьяк Посольского приказа, автор статейного списка. Служил подьячим в Судном приказе в 1660-е гг.; с 1676 г. — дьяком в приказах Казанского дворца, в Малороссийском, Новгородском, Устюжском; в Посольском приказе работал с 1681 г. П. поручались ответственные дипломатические миссии: в 1670-е гг. он участвовал в посольствах в Польшу, в 1676 г. был послан в Вену с сообщением о смерти царя *Алексея Михайловича*, в 1682—1683 гг. направлен в Турцию. П. принимал участие в мирных переговорах с польскими послами в Андрусове в 1684 г. и позднее, в 1686 г., при подписании так называемого «вечного мира». В 1687 г. П. возглавил посольство в Бранденбург, Голландию, Англию и Флоренцию, целью которого было извещение о «вечном мире» Москвы и Польши и получение ссуд, мотивированных общей защитой против турок и крымских татар (на это откликнулся только курфюрст бранденбургский). Сохранился неопубликованный статейный список этого посольства. В 1688 г. П. с Ф. А. Головиным в Нерчинске участвует в торговых соглашениях с Китаем. В 1699 г. П. присутствует в «ответной палате» при приеме в Москве австрийского посла И. Гвариенте. П. был энергичным, деятельным человеком; нередко он вступал с разными людьми в конфликты, но неизменно держался солидного покровителя, сначала М. Ю. Долгорукого, затем *В. В. Голицына* и Ф. А. Головина. П. отдал своего сына *П. В. Посникова* на обучение в Славяно-греко-латинскую академию, по окончании которой он был направлен в Италию — в Падуанский университет.

Неизданный статейный список П. отличается пространностью и носит преимущественно деловой характер. Из его текста видно, как непреклонно добивался московский посланник соблюдения церемониальных знаков уважения к Русскому государству. Именно в этих целях П. требует торжественности обстановки при вручении государевых грамот и не соглашается на их пересылку; он настаивает, чтобы князья («курфистры»), короли или «господа статы» приветствовали московского посланника стоя и чтобы при упоминании царствующих особ — Ивана и Петра Алексеевичей и *Софии Алексеевны* они снимали или хотя бы приподнимали шляпы. Среди условий («статей») посланника постоянно фигурируют ссылки на прием его предшественников, с тем, чтобы нельзя было «превысокодостойную честь умаляти». Очевидно, посольство П. имело с

собой неоднократно упоминаемые в тексте отписки его предшественников-дипломатов (Семена Алмазова, *Петра Потемкина* и др.) для сверки. В статейном списке П. подчеркнуто, что посланник и все участники посольства являлись на официальные приемы с саблями; тщательно записано количество солдат или «протазанщиков» в карауле, количество выстрелов из пушек в честь посла и т. п. («били в барабаны, играли на фиолях»). Отмечена сухость приема в Англии, где посланников хотя и принимал король, но их не пригласили к столу. Наиболее интересны краткие описания оружейной палаты английского короля, золотой цепи «с запаною» церемониймейстера «Серчалуса», убранства «ответной палаты» — с зажженным камином, коврами и завесами, наконец, описание кораблей («Помогай» и «Иоанн Богослов») и бури, случившейся при переходе из Англии в Ливорно. В статейном списке П. видна осведомленность автора в процедуре дипломатических переговоров и в деятельности московского Посольского приказа (при проезде у берегов Испании П. отметил, что «там царского величества послы стоят князь Яков Федорович Долгоруков с товарыщи»). При описании пути употребляются разные меры длины — мили, версты и сажени. Представляют интерес топонимические обозначения европейских городов, рек, стран, а также названия профессий — «шиперы» (шкиперы), «стурманы» (штурманы) и «морские вожи» (лоцмейстеры). В XVIII в. статейный список П. вместе с царскими грамотами, отписками посла и расходной книгой был переписан и находится в составе Эрмитажной библиотеки (ГПБ, Эрмитажное собр., № 537).

Лит.: Шмурло Е. Ф. П. В. Посников: Несколько данных для его биографии // Уч. зап. имп. Юрьевского ун-та. 1894. № 1. С. 73—238; РБС: «Плавильщиков — Примо». СПб., 1905. С. 630—633; Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов: (1686—1689 гг.) // Уч. зап. ЛГУ. Сер. исторических наук. 1949. Вып. 14. С. 149; Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968. № 218. С. 80; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 426.

О. А. Белоброва

Посников Петр Васильевич (ум. после 1716) — дипломат, переводчик, автор Слова на Рождество Христово и писем. П. был сыном *В. Т. Посникова*, дьяка Посольского приказа и внуком Т. Посникова, подьячего Аптекарского приказа. П. получил образование в Москве в Славяно-греко-латинской академии, где учился не менее пяти лет, если судить по его сочинению «Слово на Рожество ... Иисуса Христа», поднесенному ок. 1689 г. московскому патриарху *Иоакиму*. Текст Слова не публиковался, оно читается в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 159—163 об. (не его ли видел П. М. Строев в Синодальном собрании?). Это подносной экземпляр, с подписью

автографом в конце: «Блаженства твоего последнейший раб, но верный и усердный Петр Посников рече». Это краткое Слово (за которое П. был пожалован высшей наградой. в 3 золотых) показывает знакомство ученика с правилами риторики; оно содержит упоминание Пифагора и ссылку на «Метафизику» Аристотеля (кн. 4, гл. 8). Наряду с обычным восхвалением патриарха, автор уподобляет «пространнейшее и благочестивейшее Московское царство» кораблю, а до этого упоминает «корабль нашего разума ко Божию познанию». Примечательно, что явление Вифлеемской звезды волхвам П. отделяет от астрологической науки, а идею троичности высшего Божества иллюстрирует следующим образом: «...в гуслех три присутствовати видятся: художество, десница, струна, обаче же един слышится звук. Художество поведует, десница прикасается, струна звенит и со струною подобне соделоваются...». Все это свидетельствует о приобщении П. к «свободным художествам, или наукам» еще в стенах Московской академии. По окончании ее П. в чине стряпчего был послан для продолжения образования в Италию. Здесь в Падуанском университете, где учились когда-то братья *Иоанникий* и *Софроний Лихуды*, П. постигал науки с 1692 г. и в августе 1694 г. был признан доктором медицины и философии. 2 мая 1695 г. П. получил докторский диплом, написанный на латинском языке (перед этим ему пришлось перейти из «юридической» корпорации в «художественную»). П. сделал при этом обязательный дар в корпорацию — передал 9 латинских и греческих книг, с латинскими автографами. П. получил в Италии специальные познания и усовершенствовался в итальянском, французском, латинском и греческом языках. Дальнейшая судьба П. сложилась таким образом, что он имел возможность, с ведома Петра I, широко применять знание языков, то при закупке лекарств и книг, то при найме медиков, то при выполнении дипломатических поручений московского двора, начиная с участия в Великом Посольстве, поручений, в основном касавшихся перевода. Все эти закупки, переговоры и переводы П. осуществлял в Европе — в Голландии, Англии, Франции, лишь изредка возвращаясь в Москву. А. А. Матвеев отзывался о П. с уважением («муж умный и дела европскаго и пользы государевой сведомый и в языках ученый»). Однако П. не удалось ни заняться интересовавшей его экспериментальной медициной, ни получить пост резидента в Италии или Англии. С 1712 г. П., именовавшийся «доктор или врачефилософ Петр Постников перворожденный» (или его младший брат, также Петр, прозванный «Петр меньшой, дьяк»), переводил в Москве сочинения французских авторов, например, Викфора «Посланник и его функции», Дю-Рие «Алькоран Магомета» и др. Привезенный из Италии диплом П. был переведен в 1701 г. с латыни на русский язык *Николаем Спафарием*; перевод сохранился в ЦГАДА, в архиве МГАМИД; латинский оригинал, находившийся первоначально в Аптекарском приказе, в XIX в. затерялся (перевод Спафария издан дважды: Р и х -

тер В. История медицины в России. М., 1815. Т. 2. С. 321—323. Прибавления. С. 143—152; Цветаев. Медики... Приложение IV. С. 54—60). Сохранились письма П. к царю Петру I. Начало одного из писем совпадает с началом «Слова на Рожество ... Иисуса Христа».

Изд.: Бычков И. А. Новые материалы для биографии первого русского доктора П. В. Постникова: (письма его к Петру Великому за 1695 и 1696 гг.) // ЧОИДР 1911. Кн. 4. Смесь. С. 41—51.

Лит.: Строев. Словарь. С. 238; Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 354; Шмурло Е. Ф. П. В. Постников: Несколько данных для его биографии // Уч. зап. имп. Юрьевского ун-та. 1894. № 1. С. 73—238; Цветаев Д. В. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896; РБС: «Плавильщиков — Примо». СПб., 1905. С. 634—635; Радовский М. И. Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961. С. 46—47; Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 128—129; Otten F. Annotationen zu den Fremdwörtern bei P. V. Postnikov (1695/96) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1983. Bd 43. S. 323—358.

О. А. Белоброва

Постников Василий Тимофеевич см. *Посников Василий Тимофеевич*.

Постников Петр Васильевич см. *Посников Петр Васильевич*.

Потап Прокофьев Игольнишников (2-я пол. XVII в.) — предполагаемый автор сборника проповедей под названием «Статир». Сборник сохранился в единственном списке ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 411, очевидно, в автографе, и состоит из следующих частей: «Предсказание о наименовании книги сея»; «Предисловие к читателю»; «Оглавление словес в книзе сей...»; первый раздел, включающий 111 поучений, начиная с Пасхи до страстной субботы; «Молитва по совершении первыя части»; второй раздел, включающий 44 слова на годовые праздники и разные случаи жизни; «Молитва Господу Иисусу Христу по совершении книги сея»; «Оглавление книги сея вторые части...»; «Стихи — в них Богу благодарение и на завистников дерзновение»; «Сия стихи к доброму читателю да и к завистливому хулителю»; поучение без номера «на день неделный». Смысл заглавия сборника раскрывается в предисловии, где автор говорит, что статир «есть камень честен, иже в Сирии родится, или четвертая часть златицы, духовне же разумеется статир исповедание слова Божия»; намекая на известный евангельский эпизод (Матф. XVII, 27), проповедник сравнивает свои творения, рожденные мятежным разумом, со статиром, извлеченным из уст рыбы.

Хотя сочинитель укрыл свое имя, он точно обозначил время, когда трудился над сборником (8 апреля 1683 г.—20 августа 1684 г.) и сообщил некоторые факты своей биографии: в сане диакона он прожил пять лет в Пыскорском Преображенском монастыре, затем служил священником при церкви Рождества Христова в Соликамске, наконец, обосновался в расположенном в устье Яйвы городке Орле, бывшем в то время административным и культурным центром вотчин Григория Дмитриевича Строганова. Будучи священником в местной церкви Похвалы Богородицы и пользуясь покровительством и поддержкой знаменитого уральского промышленника, он и составил сборник своих проповедей. Указанные события имели место после 1674 г., когда занял кафедру архиепископ Вятский и Великопермский *Иона* (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 799), согласно предисловию, поставивший автора «Статира» в диаконы и священники и благословивший его на переезд в Орел.

В предисловии к «Статиру», едва ли не впервые в русской ораторской прозе, возникает образ слушателей, к восприятию которых должен примериваться проповедник, которых он должен убедить своей речью (убеждение — persuasio издревле считалось главной задачей риторического искусства). Когда автор, рассказывается в предисловии, стал читать прихожанам Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, его не слушали, так как книга была многим знакома, а «человецы обычай имуть всегда новыя слышати»; проповеди же *Симеона Полоцкого* оказались слишком мудреными для его аудитории, не говоря уже о беседах Иоанна Златоуста — «иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху». В сложившейся ситуации писателю не оставалось ничего делать, кроме как испытать свои собственные ораторские способности.

Впрочем, не все в предисловии к «Статиру» можно принимать за чистую монету: по-видимому к экзордиальной топике нужно отнести жалобы на гонения и насмешки, которым подвергался со стороны жителей Орла новоявленный проповедник. Что автор предисловия не чужд был литературной стилизации, показывают, во всяком случае, его заявления о своем убожестве и невежестве, соответствующие и даже превосходящие требования писательского этикета: «Поселянин сый и навозогреб, сущий невежа, аще и от правоверных родителей, но от простейших, не от священного корене, ни от славна рода, ибо отца имам усмаря, деда портнягу, прадеда скотопаса, а больше сих не свем»; «окроме Буквы, Часаслова и Псалтыри, ничто же учих, и то не совершено; грамматикии же ниже слышах, како ея навыкают, а зря ее — ано иноязычнами зрится; риторика же ни мало покусихся; а философию ниж очима видах; мудрых же мужей ниже где на пути в лице усретох».

Составитель «Статира» вовсе не так прост, как он хочет представить себя, и это очевидно, если познакомиться ближе с содер-

жанием его книги. Все, кто обращался к проповедям орловского священника, единодушно отмечали замечательную начитанность автора, прекрасно ориентирующегося и в христианской классике (щедрой рукой черпает он, в особенности, из слов Златоуста), и в современной ему проповеднической литературе (Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, «Обед душевный» и «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого); в числе других его источников — слова *Кирилла Туровского*. Автор «Статира» несомненно испытал влияние западнорусских проповедников — не случайно такое восхищение вызывает у него книга Транквиллиона, так что «редкое слово его речей минуло». Чтобы привлечь внимание слушателей, оратор часто вставляет в проповеди занимательные рассказы, обращается к разнообразным историческим, географическим, естественнонаучным материалам. Заслуживает внимания, что он обыкновенно указывает источник того или иного заимствования. Выявленные недавно книги, вложенные Г. Д. Строгановым в церковь Похвалы Богородицы и Воздвижения креста, позволяют восстановить в общих чертах круг чтения подвизавшегося здесь писателя (см. статью Н. А. Мудровой).

Атрибуция сборника «Статир» П. П. принадлежит А. А. Введенскому, в изложении которого начальный период жизни орловского проповедника представляется так: П. П. происходил из строгановских дворовых деловых людей Игольнишниковых, в конце 1660-х гг. он бежал из пермских вотчин Строгановых, возглавил в Нижегородском крае восставших крестьян и шел на соединение с отрядами Степана Разина. После разгрома восстания неугомонный П. П. вернулся в пермские вотчины, надеясь поднять людей Строгановых; лишь потерпев неудачу в этой затее, он стал послушником Пыскорского монастыря. По данным А. А. Введенского, П. П. скрывался от преследований под разными кличками и именами — Илько-атаман, Попов, Долгополов и др. Служа священником в Соликамске, П. П. будто бы привлек внимание Строгановых тем, что разоблачал «гнусные методы жестокой эксплуатации бедноты соликамскими конкурентами Строгановых». Тогда-то он получил приглашение в Орел, где и дожил до конца XVII в. Трудно сказать, сколько правды в этой романтической биографии, которую историк дома Строгановых основывает на неопубликованных материалах П. Т. Алексеева и не подкрепляет ссылками на источники. Посвященная П. П. статья А. А. Введенского «Атаман повстанческого отряда Ст. Разина и поп-еретик на службе у Строгановых в их пермских вотчинах» в свое время не была напечатана и затерялась в архивах. Документально подтверждается следующее: в 1678 г., т. е. за пять лет до работы над «Статиром», при церкви Похвалы Богородицы действительно состоял «поп Потап Прокопиев, у него дети Ивашко да Павлик» (Мудрова. Книжное собрание... С. 36, примеч. 51), причем происходил

Н. П. из семьи священника Прокопия Сергеева Игольнишникова (Мудрова. Библиотека... С. 18).

«Статир», замечательный памятник ораторского искусства XVII в., как и биография его автора, нуждаются в обстоятельном исследовании и издании. На сегодняшний день из всей рукописи опубликованы только предисловие и отдельные проповеди — в переводе на русский язык и с купюрами, а также два стихотворения, написанные одиннадцатисложным размером со смежными рифмами.

Изд.: Поучение в неделю шестнадцатую по Пятдесятнице // Духовная беседа. 1858. № 35. С. 195—206; Поучение в неделю 23-ю по Пятдесятнице // Там же. № 42. С. 65—76; Поучение на преславный день Воскресения Христова // Там же. № 44. С. 150—153; Поучение в день Вознесения Господня // Там же. С. 153—157; Поучение в неделю 26-ю по Пятдесятнице // Там же. № 45. С. 161—173; Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883; Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 195—197.

Лит.: Востоков. Описание. С. 629—633; Сухомлинов М. И. О языкознании в древней России // Уч. зап. Второго отделения имп. Академии наук. 1854. Кн. 1. С. 255—258 (перепечатано в кн.: Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908. С. 434—438. (СОРЯС. Т. 85)); Яхонтов И. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. 1858. № 40. С. 26—38; № 44. С. 141—149; Малышевский И. Русский приходской священник-проповедник XVII века // Труды КДА. 1861. № 4. С. 385—466; Богословский С. Орловский проповедник конца XVII в. Пермь. 1916; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 349; Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 240—241; Алексеев П. Т. «Статир»: (Описание анонимной рукописи XVII века) // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 92—101; Робинсон А. Н. 1) Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—XVII века: (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 66—67; 2) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 346; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 1: XV—XVIII века. М., 1976. № 170. С. 79; Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // РЛ. 1980. № 3. С. 139—140; Демин А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов: (формирование литературы массового предназначения) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 225, 241. (Русская старопечатная литература: (XVI—первая четверть XVIII в.)) (то же в кн.: Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 161, 178—179); Успенский Б. А. 1) Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 116—118; 2) История русского литературного языка. München. 1987. С. 251. (Sagners Slavistische Sammlung, Bd 12); Маслов С. И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев. 1984. С. 38. 185—186; Мудрова Н. А. 1) Книжное собрание Г. Д. Строганова на рубеже XVII—XVIII вв.: (К постановке проблемы) // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск. 1986. С. 28—40; 2) Изучение библиотеки Строгановых второй половины XVI—начала XVIII в. в дореволюционной и советской историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 12; 3) Библиотека Строгановых в Сольвычегодске и на Урале во второй половине XVI—начале XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск. 1990. С. 17—18; Книги старого

Урала. Свердловск, 1989. С. 66; Елеонская А. С. Новые тенденции в развитии ораторской прозы // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII начала XVIII в. М., 1989. С. 107, 113.

Т. В. Буланина

Потемкин Петр Иванович (1617—ок. 1700) — стольник, составитель статейного списка (совместно с дьяком Семеном Румянцевым) о посольстве в Испанию и во Францию в 1667—1668 гг. Принимал непосредственное участие в русско-польской войне 1654—1655 гг., в том числе в осаде и захвате крепости Люблин; в 1656 г. командовал отрядом, взявшим шведскую крепость Канцы (Шанцы) в устье Невы, а затем и крепость Орешек. В статейном списке П. о посольстве в Испанию и во Францию, помимо официальных сведений о приемах, церемониях, речах, содержится лаконичное описание дворцов и садов Севильи, Мадрида, Эскуриала, приводятся титулы испанской знати, дается описание одежды испанцев, их торговли, земледелия и т. п. Путешествие по Франции описано в статейном списке более скупо, хотя посланникам были показаны Париж и его пригороды, Лувр, Версаль, Сен-Клу, театр и гобеленовая мастерская, а также пышный двор Людовика XIV в Сен-Жермене. Посольство П. способствовало укреплению русско-французских торговых связей. Статейный список переводился дважды в XIX в. на французский язык, а на русском языке издавался в отрывках. П. выполнял и другие дипломатические миссии московского правительства — в 1674 г. участвовал в посольстве в Вену, а в 1680—1682 гг. был в Париже и Мадриде. Последняя его должность в 1700 г. — воевода Новобогородицкий (Поволжье). Сохранился портрет П., находящийся в Прадо (копия — в Государственном Эрмитаже).

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 4. С. 457—564; Масальский К. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции // Сын Отечества. 1850. Кн. 5. С. 1—18; кн. 6. С. 1—16; кн. 9. С. 1—24; кн. 11. С. 1—28; кн. 12. С. 1—32; 1851. Кн. 2. С. 1—18; кн. 5. С. 1—16; кн. 6. С. 1—7; кн. 7. С. 1—16; Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 227—315, 356, 426—441; Записки русских путешественников XVI—XVIII вв. / Подгот. текстов и комм. Н. И. Прокофьева. М., 1988. С. 190—332. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Алексеев М. П. 1) Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании: Сб. М., 1940. С. 361—363; 2) Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 18—23; 3) Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 19—24.

О. А. Белоброва

«Потентаты или гербы многих столиц» — статья, переведенная с польского языка в 1671 г. (другое заглавие: «Перевод с астрологического календарного ключа, в котором изъявлены всех потентатов

гербы, также и градом различным, как те в календарях астрологами описаны бывают»). Статья читается в сборниках географического содержания конца XVII в. П. представляют собой обширный текст, изложение в котором строится не по географическому принципу, а по эмблемам гербов, в порядке алфавита. Расположение эмблем и символов гербов в порядке русского алфавита (от «алтарь», «ангел», «арап», до «якорь», «яблоко», «ядро») указывает на известную обработку, которой подверг оригинал русский переводчик (это отметил еще А. И. Соболевский).

Один из четырех известных списков П. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 220/381) обнаруживает бóльшую зависимость от польского оригинала (в нем, например, приведена строка «Волк — московитин», опущенная в остальных) и отличается сравнительной краткостью. Два других списка — ГИМ, Чуд. собр., № 347 и Одесская гос. научная библиотека им. А. М. Горького, № 1/46 близки между собой. Хотя в ряде случаев переписчики допускали описки, пропуски, ошибки, в обоих списках ощутима тенденция к распространению и истолкованию краткого польского оригинала. Таковы, например, строки «Бревно желтое в красном поле — провинция или удел Галанской земли Гронинген»; «Гусли желты в лазоревом поле — Ирлянское королевство, имянуется же (доб.: в календарех) и Аглинская земля»; постоянно добавляются определения «грады», «княжествы», «королевствы» и т. п. Четвертый список — из собрания Ф. Г. Баузе утрачен. Произведение не опубликовано.

П. свидетельствуют об интересе к геральдике, свойственном стилю барокко. Характерно, что в тот же период получает распространение «*Описание Российского царствия и окрестных государств и земель гербам*», переводятся статьи астрологического содержания (главным образом, с польского), составляются стихи на герб и т. д.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 144; Белоброва О. А. Географические сочинения в России XVII в. // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 316—325.

О. А. Белоброва

Праздник кабацких ярыжек см. *Служба кабаку.*

Предание о основании Москвы князем Олегом — произведение из цикла памятников, посвященных началу Москвы (см. *Повесть о зачале Москвы, Сказание о убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы, Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии*). П. приписывает основание столицы князю Олегу. После смерти «великаго новгодскаго князя Рюрика», — рассказывается в нем, — «остася... сын его Игорь, в дозоре Олгови, вельможе, сродникови своему». С помощью Олега Игорь «восприя» киевское княжение: Аскольд и

Дир, захватившие Киев, основанный Кием, Щеком и Хоривом и сестрой их «Либедью», были убиты Олегом. П. подчеркивает, что Игорь и весь род его «от колена Августа, кесаря тивириатскаго римскаго». Именно Олег пришел на Москву-реку и поставил здесь город, назвав его Москвой, и «посади ту князя, сродника своего». П. основано, видимо, на известиях тех летописей, которые признавали Олега (согласно *Повести временных лет*) не самостоятельным князем, а лишь правителем в годы малолетства Игоря.

М. О. Скрипиль писал, что П. содержит в себе «важные для укрепления московского единодержавия идеи» (с одной стороны, подчеркивается родство Игоря с римским императором Августом, с другой — поставлено в связь вокняжение в Киеве первого Рюриковича и основание Москвы) и возникло, по-видимому, в 1660-х гг., когда встал вопрос о воссоединении Украины с Москвой. П. встречается в нескольких списках конца XVII—нач. XVIII в. (два из них датированы 1698 г.) и озаглавлено «О начале царствующего града Москвы» (заглавие «Ин летописец повествует. Четвертый превод» П. носит в списках тогда, когда с ним соседствуют три другие повести о начале Москвы). Лучшим можно считать список БАН, 33.10.5, конца XVII в.

Изд.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва: (XII—XV вв.). М., 1947. С. 222—223; Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 253—259.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 1. Примеч. 292; Забелин И. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 23; Скрипиль М. А. Повести о начале Москвы // Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 381—382.

М. А. Салмина

Прение верного инока с отступником — анонимное публицистическое произведение нач. 1670-х гг., написанное защитником «старой веры» и обращенное к широким демократическим кругам. Разворачивая аргументацию в защиту дониконовского обряда крещения, автор П. демонстративно заявляет, что «отцы наши и праотцы» были «простолюдины», и строит текст таким образом, что почти не использует обычных для полемической литературы ссылок на Священное писание и святоотеческие сочинения. Он обращается исключительно к системе логических доказательств — силлогизмов, понятных даже неискушенному в вопросах веры читателю. Политика массовых репрессий правительства царя *Алексея Михайловича* против инакомыслящих старообрядцев получает в П. злую и ироническую характеристику: «Добр на вас ныне царь, горазд он вас бити кнутом да огнем жечьчи, да ребра ломать ... все власти-те на вас добры, немного дают говорить, рот-от у вас затыкают кулаками...». Яркий антиправительственный пафос П. и ориентация на демокра-

тического читателя приводят к трансформации традиционной для полемической литературы формы. Наряду с использованием стереотипных формул диалога («Верный рече», «Отступник рече» и т. п.), в тексте широко представлены устные обороты речи, и заметен отход не только от стилистических, но и от композиционных требований жанра: кроме двух спорящих персонажей, в П. вводится третье лицо — автор-повествователь в функции очевидца. Эта придает П. дополнительно черты достоверности и интимной доверительности тона и согласуется с общей тенденцией старообрядческой литературы XVII в. — стремлением к автобиографизму. Все это резко отличает П. от весьма близкого по теме «ультракнижного» полемического «Прения о двух христианинах» *Спиридона Потемкина* и делает его интересным памятником демократической публицистики 2-й пол. XVII в., ориентированным на традиции *Аввакума* и инока *Авраамия*. Не исключено, что именно «Прение» Авраамия с властями, так называемый «Вопрос и ответ инока Авраамия» (1670—1672 гг.) послужило литературным источником П. Произведение сохранилось в единственном списке конца XVII в. ГПБ, O.XVII.37, л. 37—39 об.

Изд.: Сарафанова (Демкова) Н. С. «Прение верного инока с отступником»: (Из истории старообрядческой литературы XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 281—289 (то же в кн.: Демкова Н. С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 116—127).

Н. С. Демкова

Притча о женской злобе см. *Беседа отца с сыном о женской злобе.*

«Притча о истинне господине» см. *Повести о перстне.*

Просветитель Литовский («Изложение о вере») — полемический сборник, с некоторыми изменениями изданный под названием *Кирилловой книги*. Сборник возник не позднее 1620-х гг., когда в русской идеологической борьбе был актуален вопрос об отношении русского православия к иным конфессиям. Главная идея сборника, направленного против католицизма и протестантизма, соответствует решениям собора 1620 г. Не исключено, что П. Л. был создан в среде, близкой патриарху *Филарету* или даже самим автором «Изложения на люторы» — *Иоанном Наседкой*. Для осуществления охранительных задач, стоявших перед русской церковной публицистикой 1620-х гг., естественным было обращение к южно- и западнорусским памятникам, направленным против Брестской унии 1596 г. и распространявшихся в Литве реформационных течений.

Вероятно, первоначально был создан небольшой сборник из 30-ти глав. Антипротестантская проблематика была внесена в него пере-

веденными «Книгой о образех» (Вильно, 1596) и «Книгой о Троице» (Вильно, 1596). (Следует отличать перевод «Книги о образех» в П. Л. от перевода ее в «Изложении на люторы» Ивана Наседки.) Другим источником П. Л. послужил *Хронограф Русский* Пространной редакции, где антипротестантская тема присутствовала в главе «О Люторе и его ереси». Остальные хронографические по происхождению главы П. Л. связаны, в основном, с обличением католицизма («Изложение о вере», «О римском отпадении», «О латинских ересях», «Прение Панагиота с Азимитом»), а также армянской церкви («Прение святого Иллариона Меглинского с манихеи и со армены»). Из рукописной традиции была заимствована «Повесть инока Симеона Суждальца, како римский папа Евгений составлял осмый собор со своими единомысленниками» (см. *Симеон Суздальский*). В первоначальном составе П. Л. встречается в списках ГБЛ, собр. Ундольского, № 426 и ГИМ, собр. Баратынского, № 926/1622. Видимо, сразу же после составления первоначального сборника — уже в 1620-е гг. стали создаваться его варианты с дополнительными главами. Следует отметить, что поиски наиболее удачного состава полемического сборника проходили параллельно с переработкой текста Хронографа, где также ставились полемические задачи — деление мира на истинных (православная Россия) и неистинных (остальной мир).

Было создано несколько вариантов дополнений к первоначальному тексту П. Л. В одних сборниках к полемической части присоединялись натурфилософские статьи, выписки из *Космографии* и Палеи (ГПБ, Q.I.258; ГИМ, собр. Уварова, № 1245 (755); ГПБ, Солов. собр., № 273/273; ГБЛ, собр. Егорова, № 443; ГИМ, собр. Вахрамеева, № 101; ГБЛ, собр. А. Попова, № 64), в других — русские публицистические памятники, в том числе послание *Арсения Глухого* В. А. Салтыкову, «О Троице» *Ермолая-Еразма* (статья приписана в рукописи *Зиновию Отенскому*), чин принятия в православие из Соборного изложения 1620 г. (ГБЛ, собр. ОИДР, № 195; собр. Егорова, № 1858; ГПБ, Q.I.261), в третьих — антимусульманские разделы, в частности, хронографические главы «О Моамеде» и список с «Диалога» Геннадия Схолария (Вильно, 1598) (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 560; собр. А. Попова, № 33).

Видимо, наиболее удачным был признан тот вариант П. Л., где была расширена антикатолическая часть за счет включения радикального памятника украинско-белорусской мысли конца XVI в. — сочинения Стефана Зизания «Казанье святого Кирилла, патриарха Иерусалимского» (Вильно, 1596) и статей Соборного изложения 1620 г. («Ереси римския, еже прияша от жидов, мелхиседек и армян»); были введены также догматические памятники — «Символы веры святого Афанасия», «Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского вопросы и ответы», «О святей Троицы и о вере» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1019; ГПНТБ, Алтайское собр., Q.IV/13; ГПБ, Солов. собр., № 274/274; ГБЛ, собр. Шибанова, № 133).

Сборник такого состава послужил основой для издания Кирилловой книги. Редакторы Кирилловой книги произвели при этом некоторые изменения в источнике. Был введен новый порядок глав, исключены статьи «Изложение о вере» и «Повесть Симеона Суждальца», с другой стороны, добавлены бытовавшие в русской рукописной традиции списки с острожских и киевских изданий, таких как «Книжица в десяти отделах» (Острог, 1598), «Книжица в шести отделах» Василия Суражского-Малющицкого (Острог, 1588), «Слово на латинов» *Максима Грека* (Киев, ок. 1620). Были написаны новые предисловия, включены индексы истинных и ложных книг. Рукопись Кирилловой книги была составлена не позднее 1641 г.

П. Л. остается неопубликованным.

Лит.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; Цветаев Д. Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований. М., 1890; Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; Nicss H. P. Kirche in Rußland zwischen Tradition und Glaube?: Eine Untersuchung der Kirillova Kniga und der Kniga o vere aus der 1. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1977; Опарина Т. А. 1) Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. // Литературная и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 43—57; 2) Археографическое описание списков Просветителя Литовского (вид Уид. 426) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 158—170; 3) Сибирский список «Просветителя Литовского» и его место в становлении «Кирилловой книги» // Вторые Макушинские чтения (23—24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 158—160; 4) Влияние произведений украинско-белорусских полемистов конца XVI—начала XVII вв. на борьбу идей в России XVII в.: («Кириллова книга» и «Книга о вере»). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993.

Т. А. Опарина

Прохор Тихомиров (2-я пол. XVII в.) — иеромонах Московского Новоспасского монастыря, составитель сборника под названием «Разум церковный». Все сведения о П. Т. содержатся в списке «Разума церковного» ГПБ, Q.XVII.283, являющемся, предположительно, автографом составителя. В другом списке сборника — ГБЛ, ф. 205, собр. ОИДР, № 175 имя составителя не упоминается. Из предисловия к сборнику Q. XVII. 283 явствует, что П. Т. составил его, будучи диаконом Московского Андреевского монастыря. Титульный лист книги сообщает, что данное сочинение «первое написася» П. Т. в 1670 г. Запись на нижнем поле ряда листов рукописи свидетельствует, что 13 апреля 1673 г. П. Т., уже в бытность свою иеромонахом Новоспасского монастыря, продал книгу иеромонаху этого же монастыря Макарию.

Под «разумом церковным», как это следует из «предисловия до боголюбезнаго читателя», понимаются знания о церковном календаре и летоисчислении. К предисловию примыкает дополнительная заметка, в которой сообщается, что имя составителя, «по осмочаст-

ному разуму положенное», должно было стоять в конце книги. В рук. Q. XVII. 283 «Разум церковный» имеет неоконченный вид и сопровождается рядом дополнительных статей, часть из которых присоединена позднее и не входила в первоначальный замысел составителя (например, «Сказание Иванна Пересветова о царе турском Багмете»). Оглавление «Разума церковного» не завершено и включает 27 глав. Основная часть книги посвящена подробным объяснениям календарных расчетов («яко да всяк книжный чтый возможет без учителя навыкнути сему»). Расчеты сопровождаются таблицами и толкованием значения тех праздников и постов, которые можно найти с их помощью. В «Разум церковный» вошла одна из редакций комплекса календарно-астрологических статей «Предисловие святцам» (см. *Иван Рыков*). В сборник включены рассказы о распятии и воскресении Христа, в том числе статья «Чесо ради зовется Велик День», фрагменты, заимствованные из хронографических произведений. В одной из глав рассматривается разница в счислении лет от Сотворения мира до Рождества Христова по счету «от древних писаний» (5500 лет) и от «новоисправных книг» (5508 лет). Вычисление кругов солнца и луны, индикта сопровождается примерами на «ныне настоящее лето». Многие из статей «Разума церковного» являются переводными, как можно предположить по употребляемой в них терминологии, хотя источники их еще предстоит установить. Это главы: «Краткое объявление о разделении образа и свойствах земного круга», «О лунном течении с печатных переводов», «О животном изъображении и о 12-ти месяцех, чесо ради зовутся», а также упомянутые в исследовании А. И. Соболевского «Месяцеслов Леопондийский» (в «Разуме церковном» помещен без заголовка), «Имена 12-ти месяцев разными языки», «Из астрономии с немецких переводов».

«Разум церковный» является характерным примером календарно-астрологического сборника (к такому же типу сборников принадлежит, например, «Круг миротворный» *Тихона Макарьевского* 1672 г.). Вероятно, «Разум церковный» был составлен в качестве учебного руководства по хронологическим расчетам.

Лит.: Строев П. М. Библиотека имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 62; Соболевский. Переводная литература. С. 129–131, 139, 141.

А. А. Романова

Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны — пьесы, разыгрывавшиеся в придворном театре Натальи Алексеевны, младшей сестры Петра I (22.VIII.1673—18.VI.1716). Театр Натальи Алексеевны существовал в 1707—1710 гг. в селе Преображенском и в 1711—1716 гг. в Петербурге. Его предшественниками были театр *Иоганна*

Грегори и его преемников и представления профессиональных немецких трупп Иоганна Кунста и Отто Фюрста в Москве (1702—1706 гг.). Одновременно с театром Натальи Алексеевны действовали придворный театр царицы Прасковьи (вдовы царя Ивана) и школьные театры Славяно-греко-латинской академии в Москве, а также провинциальные театры — в Ростове (театр *Димитрия Ростовского*), Астрахани, Тобольске.

Обращение к опыту предшествующих театров сказалось на репертуаре театра Натальи Алексеевны. Была возобновлена пьеса «*Иудифь*», имевшая большой успех при дворе царя *Алексея Михайловича.* Некоторые пьесы театра Кунста—Фюрста были затребованы в село Преображенское из Посольского приказа, где они переводились, — трагедия Чиконьини «О честном изменнике, в ней же первая персона арцух Фредерико фон Поплей», трагедия Грифиуса «Постоянный Пипиньянус», пьесы Мольера «Доктор принужденный» и «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер» («Амфитрион»), переделка Корнеля-младшего пьесы Кальдерона «Тюремный заключник или принц Пикельгяринг» («Сам у себя под стражей»), опера «Сципио Африканский», «О Баязете и Тамерлане», «О крепости Грубстона, в ней же первая персона Юлий Цесарь» и др. (См.: «Описание комедиям, что какие есть в государственном Посольском приказе» — ЦГАДА, ф. 139, д. 21, Посольский приказ. Комедиальные дела, л. 1—1 об.). Мы не знаем, были ли эти пьесы разыграны в театре Натальи Алексеевны. Во времена Кунста—Фюрста они не имели успеха, т. к. сюжеты их были далеки от русской жизни, характер романтической драматургии не был привычен и понятен русской публике, тяжеловесные и неумелые переводы были далеки и от литературного, и от разговорного языка и затрудняли восприятие содержания, наконец, пьесы, «трактующие зыбкость и переменчивость в судьбах коронованных особ» не вызывали «одобрения Петра I, напоминая ему о смутном начале его царствования» (Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 195—196).

Развитию русского театра мешало отсутствие отечественной драматургии. Пьесы, специально написанные для театра царевны, призваны были восполнить этот пробел. В литературном отношении это был с определенной точки зрения шаг назад — от европейского репертуара театра Кунста—Фюрста к привычной русскому читателю и зрителю древнерусской литературе. В основу репертуара были положены жития из Четьих Миней Димитрия Ростовского, киевское издание которых имелось в библиотеке царевны, и светские беллетристические повести, переведенные, как правило, с польского во 2-й пол. XVII в. Инсценировки близко следовали тексту житий и повестей, что делало их знакомыми и понятными русской публике.

Современники-иностранцы, побывавшие в России, свидетельствуют, что некоторые пьесы театра Натальи Алексеевны были напи-

саны самой царевной. Мекленбургский посланник Ф. Х. Вебер вспоминал, что «царевна написала драму и комедию на русском языке, взяв содержание их частью из Библии, частью из светских происшествий» (Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и о его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 7—8. Стб. 1424); граф Г.-Ф. фон Бассевич подтверждает это в своих записках: «Принцесса Наталья... сочинила, говорят, при конце своей жизни две-три пьесы, довольно хорошо обдуманные и не лишенные некоторых красот в подробностях» (Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. М., 1866. С. 152). Других свидетельств об авторстве Натальи Алексеевны у нас нет, новейший исследователь считает известия иностранцев литературно-биографическими преданиями (Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 116—117).

Петр I хотел видеть в театре отражение своих политических и военных успехов. Вероятно, и в комедиях, шедших в театре Натальи Алексеевны, в иносказательной форме высказывалось отношение к современным событиям. Ф. Х. Вебер писал, что в эпилоге одной из пьес, которую он смотрел в 1716 г., вышел оратор, «объяснивший историю представленного действия и обрисовавший в заключение гнусность возмущений и бедственный всегда исход оных»; его уверили, что «под скрытыми именами представлялось одно из последних возмущений в России». И. А. Шляпкин предполагал, что описываемой пьесой является «Комедия пророка Даниила», в которой можно усмотреть намек на восстание башкир в 1707 г. А. С. Елеонская полагает, что существовала пьеса, имевшая в виду события 1689 г. — стрелецкий бунт и попытку *Софии Алексеевны* захватить власть.

Большинство пьес, поставленных в театре Натальи Алексеевны, не дошло до нас полностью. Известны только фрагменты из рукописи нач. XVIII в., найденной И. А. Шляпкиным в 1892 г. в библиотеке Успенского собора Устюга Великого (БАН, Устюжское собр., № 29). Рукопись принадлежала актеру-карлику Георгию Кордовскому, игравшему второстепенные роли стариков. Тексты этих ролей и переписаны в рукописи. По фрагментам можно судить, как авторами пьес перерабатывались литературные источники — жития и повести. Эта же рукопись служит свидетельством того, что пьесы, в ней названные, действительно игрались.

Опыт предшественников сказался на характере пьес, ставившихся в театре царевны. Это были так называемые «английские» комедии, для которых характерна счастливая развязка (в применении к житийным сюжетам, она заключается в торжестве христианской добродетели над языческим злом), сочетание трагического с комическим, высокого с низким, пафоса с просторечием. В этих пьесах выведены обычные люди — правители, знать, горожане, купцы, монахи, солдаты, женщины разных сословий, действие происходит в

доме, во дворце, в городе, в монастыре, в военном лагере, представлены сцены пиров, турниров, битв, свидания влюбленных, отношения родителей и детей, страдания святых. Происходящее на сцене, хотя и с некоторой долей условности, приближалось к происходящему в жизни. С другой стороны, пьесы театра Натальи Алексеевны испытали влияние школьной драмы. И. А. Шляпкин, впервые опубликовавший рукопись Г. Кордовского, считал, что, в противоположность школьной драматургии, пьесам Натальи Алексеевны не знакомы аллегорические фигуры и мифологические персонажи, бывшие непременной принадлежностью первой. По-видимому, это не совсем так. Возможно, сложная символика школьного театра действительно не применялась в театре Натальи Алексеевны, однако совсем обойтись без нее было невозможно. Так, две пьесы, известные по другим рукописям в полном виде — «Комедия о Ксенофонте и Марии» и подробная программа «Комедии Евдокии мученицы» начинаются прологом, где действуют ангел и дьявол, выступают и произносят речи аллегорические фигуры — Вера с крестом, Надежда с якорем, Любовь с пылающим сердцем. В другом отношении пьесы театра Натальи Алексеевны действительно отличались от школьных, в них, например, не соблюдалось единство времени.

Кроме пьес, известных по рукописи Г. Кордовского, возможно, были поставлены и другие, упоминающиеся в числе книг библиотеки царевны (1704 г.): «Действие о Георгии и Плакиде», «Адриана и Наталии — 3 тетради», «Иулиана — 3 тетради», «Евстафия Плакиды — 3 тетради», «Павла и Иулиании — 3 тетради», «Искупление человека от падения его — 3 тетради», «Изъявление комедии, действуемой от ревности православия, тетрадь печатными церковными литерами» (Пекарский. Наука и литература... Т. I. С. 429—430).

Несмотря на то, что «театр петровского времени не внес существенных перемен в характер репертуара» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 20), предприятие царевны Натальи Алексеевны было попыткой создать отечественный «общедоступный» театр не только для придворных, но и для горожан, причем силами русской труппы и с репертуаром, понятным и интересным русскому зрителю.

«Комедия Андрея Первозванного». К. дошла в отрывке, содержащем конец реплики апостола Андрея и возглас народов, с радостью согласившихся принять учение Христа. Источником пьесы могла послужить статья из Четьих Миней Димитрия Ростовского «Подвизи и страданиа святаго апостола Андреа Первозваннаго» (30 ноября: Книга житий святых: Сентябрь—ноябрь. Киев, 1689. Л. 651—655 об.). Преданный мучительной казни, Андрей, умирая, прославил Христа, и народы приняли его учение. Возможно, интерес к апостолу Андрею вызван тем, что в 1699 г. в России был учрежден орден Андрея Первозванного, а в 1703 г. Петр I стал кавалером этого ордена.

«Комедия Богородице». К. построена на материале Четьих Миней Димитрия Ростовского. В первом и втором явлениях используется текст Жития Иоакима и Анны (9 октября: Книга житий святых: Сентябрь—ноябрь. Киев, 1689. Л. 62); явление третье близко к «Сказанию о введении Богородицы во храм» (21 ноября: Там же. Л. 168): источником четвертого явления послужило «Слово на благословение пресвятыя Богородицы» (25 марта: Книга житий святых: Март—май. Киев. 1700. Л. 574). В первом и втором явлениях священник Захария и некий евреин укоряют Иоакима в бесплодии и не хотят принимать его жертв Богу. В третьем явлении Иоаким и Анна приводят в храм трехлетнюю Марию и хотят посвятить ее Богу. В тексте заметны и авторские прибавления — Захария сравнивает Марию со свечой украшенной (мотив, встречающийся в Акафисте), с зарей, предшествующей солнцу, и высказывает опасение, что Мария еще мала и ее нельзя оставить без матери: «да некогда помянет матер и встужит по ней желанием». В четвертом явлении Марии уже четырнадцать лет, и ее пора выдать замуж, но она отказывается, т. к. дала обет целомудрия. Тогда Захария предлагает ей в мужья старца и ее родственника Иосифа, который будет хранить ее девство. Жезл Иосифа, оставленный на ночь в алтаре, расцвел, это означает, что Иосиф угоден Богу.

В рукописи Г. Кордовского переписана роль Захарии и реплика евреина из второго явления. В числе действующих лиц упомянуты Иоаким, Анна, Богородица, Ангел, Иосиф, мужи, последние слова которых предваряют реплики Захарии.

Богородичные мистерии были распространены в средние века в Италии и у южных славян. Известно описание такого представления, которое видел суздальский епископ *Авраамий* в 1439 г. во время Флорентийского собора (Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1874. С. 400). Очень близка К. польская пьеса XVII в. «Joachim i Anna» (Wójcicki K. W. Teatr starożytny w Polsce. Warszawa, 1841. T. 2. S. 361).

«Комедия Варлаама и Иоасафа». В основу К. положены тексты из Четьих Миней Димитрия Ростовского (19 ноября: Книга житий святых: Сентябрь—ноябрь. Киев, 1689. Л. 545), отразившиеся в роли звездочетца, и *Повесть о Варлааме и Иоасафе* в издании Симеона Полоцкого 1680 г., использованная в ролях врача и Варахии, которые переписаны в рукописи Г. Кордовского. Среди других персонажей, упомянуты первый звездочет, царь и Иоасаф.

Поскольку текст К. до нас не дошел, трудно судить, какие именно мотивы и эпизоды Повести оказались в центре внимания драматурга — это могли быть места, касающиеся торжества христианства в языческой стране, вопросы отношения священства и царства, проблемы воспитания наследника престола и закон о престолонаследии.

Для решения вопроса об идейных задачах К. у нас не хватает материалов.

«Комедия Евдокии мученицы». К. написана на сюжет из Четьих Миней Димитрия Ростовского «Житие и страдание преподобномученици Евдокии» (1 марта: Книга житий святых: Март—май. Киев, 1700. Л. 3—20). Красавица Евдокия оставляет блудную жизнь, раздает свое богатство, отпускает рабов и рабынь и, приняв христианство, уходит в монастырь. Бывший ее возлюбленный Филострат находит ее там и пытается вернуть к прежней жизни. Евдокия, дунув, умерщвляет его, затем, по повелению Христа, воскрешает, и тогда Филострат принимает христианство. Таким же образом Евдокия обращает в христианство царя Аврелиана, его сына и игемона. По повелению нового царя Диогена, Евдокия должна принести жертвы языческим богам. Она отказывается это сделать, тогда ее мучают и предают смерти. В рукописи Г. Кордовского содержатся фрагменты из 8, 9 и 15 явлений с ролями Геронтия, старого монаха, приносящего в женский монастырь фимиам и сопровождающего туда Евдокию, а затем Филострата, и Германа, старца, под влиянием которого Евдокия приняла христианство, первого советника царя Диогена. Имеются окончания реплик Диогена, второго советника и Евдокии.

Кроме отрывков в рукописи Г. Кордовского, сохранилась программа К. под названием «Действо о святей мученице Евдокии», подробно расписывающая, что происходит в каждом явлении (ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 233, 1-я четв. XVIII в.; см.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: (Обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 158). В рукописи имеется приписка «сочинися царевною Софиею Алексеевной», что вряд ли соответствуст действительности, т. к. Четьи Минеи Димитрия Ростовского вышли в 1700 г., а царевна Софья была пострижена и заточена в монастырь в 1698 г. «Действо» описывает 16 явлений, начинается сценой спора дьявола с архангелом над спящей Евдокией (явление 1) и завершается пометой: «Епилог просит прощения». Содержание фрагментов рукописи Г. Кордовского полностью совпадает с соответствующими местами программы, что позволяет отождествить К. с «Действом».

«Комедия о италиянском маркграфе и о безмерной уклонности графини его». Сюжет К., известный в западноевропейских литературах как история покорной жены Гризельды, попал в польскую литературу, возможно, непосредственно из «Декамерона» Дж. Боккаччо (день 10, новелла 10). Знатный вельможа женится на дочери бедного крестьянина. Желая убедиться в ее верности и преданности, он на протяжении многих лет обращается с ней жестоко, отнимает у нее детей, делает вид, что убивает их, выгоняет ее из дома, якобы женится на другой и заставляет Гризельду ей прислуживать. Увидев покорность жены, он возвращает ее в дом и делает хозяйкой. Не будучи переведена на русский язык, ис-

тория Гризельды все же оказалась известной на Руси, на что указывает фрагмент не дошедшей целиком К. По-видимому источником ее был польский текст, т. к. слово «уклонность» — калька польского «uklonnośc», т. е. покорность.

Сюжет К. подвергался драматизации неоднократно. В 1546 г. вышла комедия Ганса Сакса, в 1626 г. пьеса на этот сюжет разыгрывалась английскими комедиантами в Дрездене, в 1714 г. комедия о Гризельде была издана во Франции. Польская версия в XVIII в. была переделана княжной Радзивилл в пьесу под названием «Złoto w ogniu». В рукописи Г. Кордовского сохранился незначительный фрагмент русской пьесы — роль отца Гризельды, крестьянина Аниколя (у Боккаччо — Джаннуколе). Предложение графа взять его дочь в жены Аниколь воспринимает как насмешку. В явлении 2-ом происходит диалог Аниколя с графом (маркграфом). Среди немногих пьес на светские сюжеты, известных по рукописи Г. Кордовского, эта — единственная, не имеющая древнерусского литературного источника.

«Комедия о Ксенофонте и Марии». К. дошла до нас полностью в единственном списке Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина в Москве, № 162040, нач. XVIII в. (описание см. в кн.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 333—334. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первая половина XVIII в.)). Принадлежность К. к репертуару театра Натальи Алексеевны подтверждается известием о существовании в ее библиотеке рукописи, озаглавленной: «Тетрадь письменная в полдесть, по которой действовано в комедии „О страдании святых мученик Ксенофонта и Марии" — 7 тетрадей» (Пекарский. Наука и литература... Т. 1. С. 430). Основным источником К. является «Житие преподобнаго отца нашего Ксенофонта, и подружии его Марии, и двою сыну их Иоанна и Аркадиа» из Четьих Миней Димитрия Ростовского (26 января: Книга житий святых: Декабрь—февраль. Киев, 1695. Л. 579 об.—588).

Сюжет К. дидактичен. Благочестивые супруги Ксенофонт и Мария посылают своих сыновей Иоанна и Аркадия учиться в город Вирут (Бейрут). Находясь при смерти, Ксенофонт призывает сыновей проститься, но Бог дарует ему здоровье. На обратном пути корабль терпит бедствие, но юноши спасаются и в благодарность за это уходят в монастырь. Получив известие о гибели детей, отец и мать не ропщут, а благодарят Бога и отправляются к святым местам. Там они находят сыновей живыми. Составляя реплики персонажей по тексту Жития, автор дополнял их цитатами из Ветхого и Нового заветов, из святоотеческих произведений. Обнаруживается знакомство автора со «Словом о суеверии и суечастии» Симеона Полоцкого. Речь героев составлена в духе агиографических сочинений и проповеднической риторики. Это дает возможность предполагать, что

К. написана духовным лицом. Обращает на себя внимание одна фактическая ошибка — Вирут, куда юноши едут для «учения еллинскому любомудрию», вместо финикийского «града», как в Житии, назван «градом» афинским. Афины и афинская мудрость были для читателя и зрителя конца XVII—нач. XVIII в. символом светской науки и культуры. Само путешествие молодых людей в чужие земли для учения находило аналогии в бытовых реалиях петровского времени. В К. заметно влияние школьных пьес: в Прологе выступают на просцениуме символические фигуры — Вера с крестом, Надежда с якорем, Любовь с пылающим сердцем. Заканчивается К. эпилогом, излагающим в виршах содержание показанного, нравоучением и заключительным обращением к зрителям. Автор постарался придать действию напряженность и занимательность: неожиданно выздоравливает лежащий на смертном одре Ксенофонт, сыновья, которых считали погибшими, оказались живы, родители не сразу узнают в монахах своих детей. В К. введены глас с неба, предсказания, вещие сны и их толкования.

Построение К. местами напоминает «Комедию Евдокии мученицы» — в начале герой показан спящим, ангел и дьявол, вступая в действие, спорят о его судьбе. Возможно, обе пьесы принадлежали перу одного автора, либо в основе драматических переделок житийных сюжетов лежал уже выработанный стереотип.

«Комедия о прекрасной Мелюзине, яже бысть во Франции». К. написана по мотивам переводной *Истории о Мелюзине*. В ней рассказывается о женщине-оборотне, превращавшейся по субботам в змею. Она было избавилась от чар, выйдя замуж за графа Раймунда и родив сыновей, но муж, нарушив обещание, застал ее в змеином облике. Сыновья Мелюзины Урион и Гион участвуют в войне против турецкого султана, осадившего кипрскую столицу Фамаголтей (Фамагусту). В рукописи Г. Кордовского переписана роль султана, хвастающегося своей силой и угрожающего киприотам. Отрывок предварен ремаркой: «Среднюю завесу закрыт, выходит салтан, 2 советника, 4 воины». Вероятно, к султану обращается Гион, т. к. приведен конец его реплики.

Тема борьбы с турками, очень популярная в русской литературе XVI—нач. XVIII в., занимает целую главу в «Истории о Мелюзине» и перенесена оттуда в К. С большим интересом относилось русское общество и к судьбе Кипра, завоеванного в 1570-х гг. турками (Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 26—27, 50—51, 93—97). Сказочность и занимательность сюжета, с одной стороны, и турецкая тема — с другой, вероятно и явились причиной постановки К. в театре Натальи Алексеевны.

«Комедия Олофернова». К. представляет собой возобновленную пьесу «Иудифь» из репертуара пастора И. Грегори. В репертуаре театра Натальи Алексеевны — это наиболее характерный образец пришедшей в Россию из Германии «английской комедии».

Подтверждением тому, что текст «Иудифи» находился в библиотеке Натальи Алексеевны, служит список из собрания Петра I БАН, А.I.65, XVIII в., который поступил в Библиотеку Академии наук из дома царевны. См.: Мурзанова М. Н. Обзор собрания рукописных книг Петра I // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отделения Библиотека Академии наук. Вып. 1: XVIII век. М.; Л., 1965. С. 52—56; описание рукописи см.: Щеглова С. А. Новый список драмы «Юдифь» // Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Київ, 1928. Ч. 4. С. 243—252; Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 469—474. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первой половины XVIII в.)). Роли Садока и Авдии, переписанные в рукописи Г. Кордовского полностью, совпадают с соответствующими местами списка БАН, А.I.65. Первый фрагмент из 2-го действия — диалог священника Иоакима со старейшими жителями города Вефулии Садоком и Мелхией о победах Навуходоносора и угрозе городу. Следующая сцена из 3-го действия — разговор между Авдией и воеводой города Гофониилом о судьбе Вефулии, под стены которой пришел ассирийский воевода Олоферн. Из 4-го действия приведена одна реплика Авдии. Из 5-го действия переписана роль Авдии и концы реплик Финееса, Иосии, Гофониила — Авдия предлагает сдаться Олоферну, оставившему город без воды. Садок и Авдия — эпизодические персонажи пьесы.

Обращение в петровское время к пьесе «Иудифь» было вызвано идеологическими и политическими мотивами — с Навуходоносором ассоциировался Карл XII, а победа над Навуходоносором — с победой русских под Полтавой. На это указывает пролог из списка БАН, начинающийся словами: «Ныне же сподобихомся очима зрети, како шведская гордыня посрамися, и вся аръмея его до конца потребися».

«Комедия Олундина». К. написана на сюжет, известный на Руси по переводной *Повести о цесаре Оттоне и Олунде*. В рукописи Г. Кордовского переписана роль Салтана, участвующего в 4-ом и 14-ом явлениях. Салтан соединяется с королем Альбримским (olbrzym — по-польски «исполин») и осаждает Париж. Царевна, его дочь (по Повести, ее имя Маркебилла), хочет осмотреть город вблизи, для чего отправляется с королем Альбримским. В поединке с Флоренцем король погибает (об этом известно из причитаний Салтана в явлении 6-ом). В 14-ом явлении происходит сражение, египтяне разбиты. По мнению И. А. Шляпкина, К. была откликом на русско-турецкие отношения в 1-й четв. XVIII в.

«Комедия Петра Златых Ключей». К. была первой инсценировкой этого произведения в России. Переведенная с польского языка *Повесть о Петре Златых Ключей* к нач. XVIII в. получила большую популярность в России. Инсценировка была сделана по первому варианту первоначальной русской редакции, в котором, как

и в К., есть подробное описание свадьбы Петра и Магилены, эпизод вручения турецким послом подарков и грамот и торжественный отпуск посла (Бадалич И. М., Кузьмина В. Д. Памятники русской школьной драмы XVIII в. М., 1968. С. 96—100).

В рукописи Г. Кордовского переписаны роли советника и посла. Упоминаются князь Волхован и Петр. Всего в пьесе 21 явление. Ничтожность дошедших до нас фрагментов не дает возможности судить об особенностях инсценировки. В ряду житийно-религиозных постановок, К. — одна из немногих светских пьес театра Натальи Алексеевны. Инсценировки рыцарских романов были известны в Европе с XVI—XVII вв., в последней четв. XVII и 1-й пол. XVIII столетия они прочно вошли в репертуары немецких трупп (Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958. С. 141—142).

«Комедия пророка Даниила». К. написана на сюжеты Жития пророка Даниила, находящегося в Четьих Минеях Димитрия Ростовского (17 декабря: Книга житий святых: Декабрь—февраль. Киев, 1695. Л. 164—174). В К. последовательно изложены основные темы Жития. В первом и втором явлениях — история обличения Даниилом старцев, оклеветавших жену Иоакима Сусанну (ср. Дан. XIII). Явление третье — пир у царя Валтасара, на котором Даниил истолковывает таинственные письмена, появившиеся на стене (ср. Дан. V). Явление одиннадцатое — конец истории о том, как преемник Валтасара царь Дарий бросил Даниила в ров со львами, но, найдя его невредимым, приказал почитать бога Даниилова (ср. Дан. VI). В явлениях двенадцатом и тринадцатом изображена борьба Даниила с жрецами бога Вила, которых пророк уличает в обмане, разбивает идола и убивает почитавшегося в Вавилоне великого змея (ср. Дан. XIV). В рукописи Г. Кордовского переписаны роли одного из старцев и роли отсутствующих в тексте Жития советников царей Валтасара, Дария, Кира. И. А. Шляпкин, сравнивая текст Жития и К. и установив местами их буквальное сходство, отмечает и известную самостоятельность автора, приспосабливавшего текст к сценической постановке.

В западноевропейской драматургии пьесы на сюжеты Жития Даниила встречаются довольно часто, начиная с латинских обработок XII в. и пьес XVI в. (Ганс Сакс, герцог Юлий Брауншвейгский). Появлению К. в репертуаре театра Натальи Алексеевны способствовали «Пещное действо» и пьеса *Симеона Полоцкого* «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных», а также распространенность этого сюжета в школьном театре.

«Комедия Рождеству». К. написана на евангельский сюжет о поклонении волхвов младенцу Христу. Незначительные отрывки текста в рукописи Г. Кордовского не позволяют с уверен-

ностью указать на «Сказание о поклонении волхвов» Димитрия Ростовского как на источник К. (25 декабря: Книга житий святых: Декабрь—февраль. Киев, 1695. Л. 266—270). Однако, учитывая роль этого издания в формировании репертуара театра Натальи Алексеевны, можно предположить обращение к книге Димитрия Ростовского и в данном случае. Волхвы, названные, как и в «Сказании», царями, говорят о звезде, указывающей им путь в Вифлеем. В рукописи Г. Кордовского полностью переписана роль первого царя и концы реплик царей второго и третьего. Сюжет использовался в драматургии неоднократно. Его варьировали вертепные представления на Украине в XVI в. и в Белоруссии и Московской Руси в XVII в. Известна также школьная пьеса «Действие на Рожество Христово» и «Рождественская драма» Димитрия Ростовского.

«Комедия святой Екатерины». Источником К. послужило Житие святой Екатерины из Четьих Миней Димитрия Ростовского (24 ноября: Книга житий святых: Сентябрь—ноябрь. Киев. 1689. Л. 599). Дошедший до нас фрагмент буквально совпадает с текстом Жития, основываясь на котором можно восстановить содержание К. Красивая и образованная Екатерина, дочь цезаря Консты и тайной христианки, хочет выйти замуж за человека, равного ей. Духовник матери рассказывает ей о Христе и дает икону Богоматери с младенцем. Екатерина чудесным образом видит Марию и Христа, принимает христианство, обручается с Христом и получает от него перстень. Она проповедует христианство, обращает в свою веру жену кесаря и воеводу Порфирия, за что ее подвергают мучениям на колесе и отсекают голову. Житие святой Екатерины было распространено в западноевропейской литературе и послужило источником для драматических переделок в XII—XVII вв. во Франции, Германии, Польше.

В рукописи Г. Кордовского переписана роль старца (духовника). В первом явлении он рассказывает Екатерине о «пречудном отроке» и его матери деве Марии и дает ей икону. Во втором явлении старец объясняет Екатерине ее видение и предлагает ей креститься. И. А. Шляпкин обратил внимание на богословскую ошибку в тексте — о Христе сказано, что он «последи же человека содела рукама своима», и это позволяет утверждать, что автором пьесы было светское лицо. Третий фрагмент — слова, произнесенные старцем при крещении и после него: «Крещаю тя во имя Отца и Сина и святаго Духа, аминь. Се прияла еси святое крещение, иди убо в дом свой и сотвори паки молитву ко пресвятей Богородици, и узриши милость Божию паче первага, иди убо с миром». И. А. Шляпкин полагает, что К. посвящена жене Петра Екатерине I и царевне Екатерине Ивановне. Существует свидетельство князя А. А. Шаховского, основанное на семейных преданиях, о том, что его прабабка Татьяна Ивановна Арсеньева играла роль Екатерины мученицы, и Петр I, бывавший на представлениях, называл ее «Екатерина мученица большие глаза»

(Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 490—493).

«Комедия Хрисанфа и Дарии». К. написана по мотивам Жития Хрисанфа и Дарии из Четьих Миней Димитрия Ростовского (19 марта: Книга житий святых: Март—май. Киев, 1700. Л. 138 об.—146 об.). Юноша Хрисанф, сын римского сенатора, обращается в христианство. Его крестит отшельник Карпофор, скрывающийся в горах. Отец Хрисанфа, желая отвратить сына от новой веры, знакомит его с жрицей богини Афины Дарией. Однако Хрисанф и ее обращает в христианство и вступает с ней в «безбрачное супружество». Оба проповедуют новую веру, за что их после многих мучений по приказу царя Нумериана закапывают живыми.

В рукописи Г. Кордовского содержится три реплики Карфопора (так назван в рукописи отшельник) из его диалога с Хрисанфом и наставление отшельника, сопровождающее крещение. В Житии Карпофор — лицо эпизодическое и ничего не говорит. Таким образом, все реплики его в пьесе сочинены заново. По содержанию это совершенно традиционный текст о Боге — создателе всего небесного и земного и слова, сопровождающие обряд крещения. Они очень близки словам старца из «Комедии святой Екатерины». Внимание к святым, героям пьесы, нашло отражение в изобразительном искусстве: в нач. XVIII в. изображения святых Хрисанфа и Дарии были награвированы, снабжены виршами и кому-то подарены в день ангела (Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. № 1706, С. 712).

Изд.: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. I—LVI, 1—40. (ПДПИ, т. 128); Старинные действа и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И. А. Шляпкиным. Пг., 1921. С. 7—104, 161—198; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 158—221, 621—638. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первая половина XVIII в.)).

Лит.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 391—447; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 1. С. I—XLVII; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. III, 194—198, 208—210, 213, 294—295; Адрианова-Перетц В. П. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 58—60; Щеглова С. А. 1) Актеры и зрители светского театра XVII—начала XVIII вв. // Там же. С. 209—264; 2) Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 267. 271; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр от истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 109, 127—156; Асеев Б. Н. Русский драматический театр от истоков до конца XVIII века. 2-е изд. М., 1977. С. 125—132.

М. Д. Каган

Р

Радишевский Анисим Михайлов (1550-е—кон. 1620-х или нач. 1630-х) — мастер книгопечатного дела в Москве в первое десятилетие XVII в., составитель руководства по военному делу. Основные сведения о его жизни и деятельности изложены в статье М. А. Петрушенко и в кн. Е. Л. Немировского. Р. (в послесловии к Уставу 1610 г. — Радошевский) был родом с Украины: в послесловии к Евангелию 1606 г. он называет себя «волынцем». О своем образовании Р. писал: «училища мало видех» (см. послесловие к Уставу). Известные о Р. отрывочные биографические данные относятся к периоду его жизни в Москве, куда он приехал из Литвы в 1586 г. По приезде поселился на Печатном дворе и начал там службу в качестве переплетчика. В челобитной царю Федору Иоанновичу рекомендуется «печатных книг переплетным мастером» и просит выделить ему дом («пожаловать дворишком»), «чтоб меж дворы не волочился». В 1588 г. указом царя «нововыезжий литвин печатных дел переплетный мастер Онисим Михайлов» получил дом в Ругодивской слободе (челобитная и указ хранятся в ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1588 г., № 1, л. 1—2; опубликованы А. Гераклитовым). На основании названных документов С. А. Клепиков сделал предположение, что Р. принял участие в организации переплетной мастерской при Московском Печатном дворе (Клепиков С. А. Из истории русского художественного переплета // Книга. М., 1959. Сб. 1. С. 126). Деятельность Р. как самостоятельного печатного мастера проходит в годы правления царя Василия Ивановича Шуйского (1606—1610 гг.). За издание книг он взялся не по своей воле, как он сам пишет в послесловии к Уставу: «...не своею бо волею дерзнух на сие, и отрещися отнюд не возмогох, и делах, елико могох...». Наряду с Р., в Москве в эти же годы работали известные издатели-печатники *Иван Невежин* (1603—1611 гг.) и *Никита Фофанов* (1609—1618 гг.). Остается не вполне ясным, являлись ли «штанбы» их раздельными типографиями, или же это были три стана в одной книгопечатне. В связи с этим обращает на себя внимание то, что в изданиях Р., как и в двух книгах, выпущенных Иваном Невежиным (Апостол. М., 1606; Триодь постная. М., 1607), выходные даты от Рождества Христова при переводе на европейское летоисчисление вычислены с ошибкой в 8 лет (вместо 5508—5500). Указанные случаи — первая попытка в московских изданиях ввести новое летоисчисление. По наблюдениям А. С. Зерновой, в Минее общей 1609 г. Никиты Фофанова 4 из 9 заставок повторяют заставки из Евангелия Р. «Штанба» Р., содержавшаяся, как и станы Ивана Невежина и Никиты Фофанова, за счет государственной казны, была наиболее со-

стоятельной: ее издания отличались самым высоким качеством полиграфической техники.

С 1607 г. Р. начал также — по заказу Шуйского — работу над составлением «воинской книги». По-видимому, выполнение этого задания связано с появлением мастера среди служащих Пушкарского приказа. Он стал здесь одним из ведущих технических руководителей, получив звание «пушкарских дел мастера», был сослуживцем знаменитого мастера-литейщика Андрея Чохова, отлившего «царь-пушку». По переписи 1620 г. Р. — житель Пушкарской слободы (см.: Переписи Московских дворов XVII столетия. М., 1896. Перепись 1620 г. С. 7). Р. был одаренным человеком. Архивные документы представляют его как разностороннего специалиста: он принимал участие в отливке колоколов (см.: там же), строил колодцы, тайники, делал пруды (см.: Забелин И. Е. Дополнения к Дворцовым Разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Стб. 322—323, 340); проявил себя как способный военный инженер: под его руководством проводились фортификационные работы в Путивле и в Калуге (см.: Теплов. Мастер...). Последнее упоминание о Р. находится в списке служащих Пушкарского приказа, составленном по документам 1629 г. для включения в «Сметный список» на 1631 г. (см.: ВОИДР. 1849. Кн. 4. Смесь. С. 26). Без указания фамилии здесь назван «пушкарских дел мастер». М. А. Петрушенко утверждает, что речь идет именно о Р., т. к. на протяжении всего XVII в. он единственный имел это официальное звание (Друкар... С. 218—219).

В книгоиздательской практике Р. был последователем *Ивана Федорова* и *Петра Мстиславца*. В каталоге А. С. Зерновой зарегистрировано два его издания с вариантами типографского набора: Евангелие (М., 1606) и Устав (М., 1610). См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958. № 27, 28, С. 24—25; описание Устава см. также: Строев П. 1) Описание старопечатных книг славянских ... Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 48—54 (здесь же — публикация предисловия); 2) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских ... Федора Андреевича Толстого. М., 1829. С. 124—128 (здесь же опубликовано послесловие); Родосский А. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891. С. 66—68. В ГИМ имеется особый экземпляр Устава: в нем вместо послесловия на л. 233—238 (пятого счета) находится «Предисловие надписанию пасхалии».

Остается не известным, какую именно работу выполнял мастер при печатании своих изданий. По мнению А. С. Зерновой, «принимая во внимание разнообразие познаний Радишевского в разных видах мастерства, можно допустить, что ... он был и слово-

литцем, и гравером, и печатником, или, по крайней мере, был превосходным руководителем всех работ» (Зернова. Орнаментика... С. 17).

В обоих изданиях Р. был автором послесловий, написанных от первого лица. На фоне господствовавшей в XVII в. в русском книгопечатном деле традиции анонимности их отличает ярко выраженное личностное начало. Содержащееся в послесловиях указание на имя издателя («мастерством многогрешнаго Анисима Михайлова сына Радишевского волынца и прочих любезно трудившихся», «книжнаго печатнаго дела мастера Анисима Михайлова сына Радошевского») сближает их с послесловиями первых русских печатников (Ивана Федорова, Петра Мстиславца, *Андроника Невежи*). Послесловия называют также имена инициаторов изданий (Василий Шуйский, патриархи *Иов* и *Гермоген*), содержат сведения об обстоятельствах и времени печатания книг, традиционную просьбу к читателям о снисходительном отношении к недостаткам труда. Представляет интерес и предисловие к Уставу, в нем примечательны строки о том, что книга печаталась в «граде Новом Роме — Москве». Здесь же толкуется название книги: «Око умное, сиречь добрый разум просвещающе его всем добрым делом»; определяется место Устава среди других книг: в церковном обиходе он — «вождь». Сообщается о происхождении книги: «От многых бо лет сия книга, егда от греческаго языка на словеньский преведена и мнози преводницы или преписующеи или изрониша, или в чем погрешиша», поэтому книга для настоящего издания была исправлена «с прилежным усердием» и напечатана «во общую духовную пользу». Из предисловия Герасима Смотрицкого к Острожской библии 1581 г. в предисловии Р. заимствовано рассуждение о функции и форме книжных предисловий, а также некоторые формулы в послесловии к Уставу.

Издания Р. большого формата, роскошно оформлены, их крупный шрифт, напоминающий по рисунку уставное письмо, очень сходен с тем, каким набраны виленские издания Мстиславца (Евангелие 1575 г., Псалтирь 1576 г.). В подражание шрифту Р. мастер *Кондрат Иванов* отлил впоследствии шрифт, который получил название «большого евангельского» (см.: Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII в. М., 1913. С. 41). Издания Р. свидетельствуют о качественно новом уровне полиграфического мастерства в русском книжном деле. Он достигнут применением искусной техники гравирования и печатания. Вырезанные с большой тщательностью доски заставок, гравюр и инициалов давали ясные и четкие отпечатки благодаря использованию высококачественной бумаги (филиграни: в Евангелии — виноград, лилия, литеры «RG», царский венец; в Уставе — виноград и лилия; см.: Гераклитов А. А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных

печатных документов русского происхождения. М., 1963. № 1, 2, 5—38, 957, 958, 1007, 1474, 1477, 1483—1484). Бумага с филигранью царский венец, употребленная для Евангелия, была самой дорогой: по данным А. А. Покровского, в 1638 г. за стопу такой бумаги заплатили 1 рубль 3 алтына 2 деньги, в то время как средняя цена на бумагу была 20—23 алтына за стопу (Покровский А. А. Печатный московский двор... С. 44). Печать в книгах Р. — с применением киновари.

Художественное оформление изданий Р. изучено А. С. Зерновой и А. А. Сидоровым. В великолепных заставках и инициалах проявились и типично московские приемы, и глубоко оригинальные, своеобразные черты: обилие цветочного орнамента, заполненность им всего пространства гравюры, сердцевидная фигура, расположенная заострением вверх, включение маргиналий в так называемые «цветки». Особой нарядностью и пышностью оформления отличается Евангелие. Включение в него четырех фронтисписных гравюр с изображением евангелистов и их символов (по типу рукописных евангелий) явилось новшеством в московском книжном деле. Предшествовавшие настоящему изданию три анонимных Евангелия (ок. 1555, ок. 1560, ок. 1564) не имели фронтисписных изображений. В гравюрах Евангелия господствует декоративный принцип. Отдельные экземпляры его расцвечивались художниками для поднесения сановным лицам. Лучший из них и по качеству раскраски, и по сохранности находится в Отделе редких книг ГБЛ (инв. № 2242): в нем гравюры, заставки, вязь, инициалы покрыты красками и золотом. Разрисовка сближает гравюры с миниатюрной живописью рукописей. Элементом художественного убранства раскрашенного экземпляра являются так называемые «предохранители» — бумажные рамки, украшенные орнаментом, с помещенными в них шелковыми прокладками. Парадный экземпляр предназначался, по мнению А. А. Сидорова, для поднесения царю В. И. Шуйскому (Древнерусская... С. 154—159). В одном из экземпляров Евангелия, хранящемся в ГБЛ и происходящем из библиотеки Соловецкого монастыря, имеется интересная вкладная запись, сделанная вскоре после издания — в 1607 г. В ней говорится о продаже книги в Соловецкий монастырь, описан ее внешний вид, сорт бумаги, указана цена: «...Евангелие печать московская бумага браная царев венец, оболочен бархатом, кармазин по власу черчатому грады черных и на нем евангелисты серебряны. Москвитин торговый человек Гаврило Елеуферьев сын Москатинин по своей душе вкладом за пять рублев с четвертью».

Устав, напечатанный Р. в 1610 г., является первым в московском книгопечатании изданием этого памятника; объем книги — 1266 листов, это было самое монументальное издание в русском книжном деле, начиная от его истоков и включая весь XVII в. Печатание кни-

ги заняло длительный период — 3 года и 3 месяца. Устав, как и Евангелие, напечатан тщательно и красиво, но оформление его более строгое. В правление *Михаила Феодоровича* Устав подвергся цензурным гонениям со стороны церковных властей: в нем были замечены неточности и нововведения, допущенные «самовольством» редактора, уставщика Троице-Сергиевой лавры, «вора» и «бражника» *Логгина Коровы*. По указу патриарха *Филарета* экземпляры Устава были повсюду изъяты и сожжены (см.: Макарий, митрополит. История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 47). К настоящему времени от всего тиража Устава (при обычном тираже в XVII в. — 1200 экз.) сохранилось ок. 30 экз., в то время как Евангелия — ок. 60 (см.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические рекомендации. М., 1982. С. 26, 29). Е. Л. Немировский высказал ничем не подкрепленное мнение, будто гонения на Устав Р. были вызваны желанием правительства обеспечить сбыт нового издания этой книги (Немировский. Анисим Михайлов Радишевский. С. 84—85). Издания Р. принадлежат к лучшим образцам отечественного книжного искусства.

Р. составил также руководство по артиллерийскому делу «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». Начав работу над ним при Василии Шуйском, повелевшем «сию книгу с немецкого и латинского языков на русский перевести», он закончил ее уже «при державе» царя Михаила Федоровича в 1621 г. Опубликован же «Устав» был лишь в XVIII в. по приказу Г. А. Потемкина известным издателем В. Г. Рубаном. На титульном листе сказано: «выбран из иностранных военных книг». Одним из источников явилась книга немецкого военного писателя и инженера Л. Фроншпергера (Fronsperger L. Kriegsbuch. Franckfurt am Mayn, 1571—1573). В рукописи, по которой сделана публикация В. Г. Рубана, составитель назван «Онисимом Михайловым». Вопрос об авторстве Р. был окончательно решен благодаря найденной М. А. Петрушенко рукописной копии «Устава» (сер. XVII в.), в которой полностью названо имя составителя: «Анисим Михайлов, сын Родошевский» (Друкар... С. 217). Современные военные историки оценивают «воинскую книгу» Р. как труд, положивший начало военно-технической литературе в России (см. об этом у М. А. Петрушенко). Нуждаются в изучении взаимоотношения «Устава» Р. и перевода книги Л. Фроншпергера, выполненного *Иваном Фоминым Алманзеновым* и *Михаилом Юрьевым*.

Изд.: Евангелие. М., 1606; Устав. М., 1610; Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... СПб., 1777—1781. Ч. 1—2.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 104—106; Гераклітов О. До біографії Онисима Михайловича Радишевського // Бібліологічні вісті. Київ, 1926. Ч. 1 (10). С. 63—64; Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков. М.; Л., 1940.

С. 288—371; Сидоров А. А. Древнерусская книжиая гравюра. М., 1951. С. 145—159; Зернова А. С. Ориаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 16—17; Теплов Л. П. Мастер Анисим Михайлов // Техника молодежи. 1955. № 2. С. 14—16; Петрушенко М. А. 1) Друкар XVII сторіччя Онисим Радишевський // Українська книга. Київ; Харків, 1965. С. 209—219; 2) Нові матеріали про Онисима Радишевського — талановитого друкаря і «пушкарских дел мастера» XVII століття // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1965. № 1 (69). С. 56—63; Назаров В. Д. О датировке «Устава ратных и пушечных дел» // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 216—221; Каменева Т. Замечательный мастер // Культура и жизнь. 1970. № 10. С. 47—48; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 341; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 275—276; Немировский Е. Л. 1) Онисим Михайлов Радишевский // Русская речь. 1984. № 1. С. 79—87; 2) «Четвероевангелие» Анисима Радишевского // Полиграфия. 1990. № 1. С. 51—52; 3) Анисим Михайлов Радишевский. М., 1997; Иванова Ж. Н. Издания Анисима Радишевского в собрании ГИМ // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 119—138. (Труды ГИМ. Вып. 71).

А. А. Гусева, Л. И. Сазонова

«Разглагольствие Никона патриарха с Павлом, епископом Коломенским, о крестном знамении» см. *Сказания и повести о патриархе Никоне.*

«Рай мысленный» см. *Рай III; Филофей, архимандрит Валдайского Иверского Богородицкого монастыря.*

«Расписание царств, и мест, и украином, под которым знамением небесным стоят и которыми имяны именуются» — переводное сочинение XVII в., содержащее уподобление стран знакам зодиака, в духе барочных аллегорий. Восходит к печатному тексту, указанному А. И. Соболевским: Klucz prognostykarski.... W Gdańsku, s. a. Перевод не издан, известен в составе сборников XVII—XVIII вв.: ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3990, 1-я пол. XVII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 1897 (859); ГБЛ, собр. Румянцева, № 12.

Лит.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 281; Соболевский. Переводная литература. С. 145; Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 822—823.

О. А. Белоброва

Ревность православия — пьеса школьного театра Славяно-греко-латинской академии, поставленная в феврале 1704 г. в честь ряда побед Петра I в Северной войне. К этому времени русские овладели всей Ингерманландией и основали Петербург и Кронштадт. Полное название пьесы: «Ревность православия, древле чрез презелнаго ревнителя и непобедимаго вожда израильтескаго Иисуса Навина про-

образованная, ныне же в равных прехрабрых ревнителях православных истинно зримая, при благополучной державе пресветлейшаго, благочестивейшаго августейшаго царя и великаго князя Петра Алексиевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, своими явлениями в трех частех в училищах его царского пресветлаго величества чрез благородных отроков в царствующем граде Москве вкратце изображенная, лета от Рождества Христова 1704 месяца февруариа в день».

Текст Р. п. не сохранился. Ее содержание известно из подробной программы-либретто, напечатанной в Москве кириллицей в 1704 г. До нас дошло два экземпляра программы — в ГБЛ и ГИМ. В рук. нач. XVIII в. ЦГАДА, ф. 381, собр. Синодальной типографии, № 980 читается беловой текст программы с многочисленными исправлениями и добавлениями (л. 1—15). Возможно, данный список и послужил оригиналом набора. В этой же рукописи имеется черновой набросок начала текста (л. 16).

Воитель Петр отождествляется в Р. п. с Иисусом Навином. Библейские книги Иисуса Навина (III-я и VII-я) указаны в программе пьесы как ее основные источники. Однако в Р. п. использованы и другие библейские образы: в 6 явлении 2-й части в граде иноверных представлен Вавилон на звере седмоглавном, созывающий на пир всех сластолюбцев земных вместе с семью смертными грехами — пьянством, обжорством, лакомством, гордостью, завистью, гневом и ленивством. Эта сцена создана под влиянием Апокалипсиса (XVII, 3). Как и в других пьесах академии, исторические события представлены аллегорически: война России с Швецией трактуется как борьба Благочестия со Зловерием. На стороне Благочестия выступают три Благодати, на стороне Зловерия — три адские богини — Злоба, Зависть, Убийство. Россия олицетворяется Марсом и Мужеством, Швеция — Беллоной, Фортуной иноверных и Злочестием. Борьба идет за обладание четырьмя частями света. В финале Победа утверждает их в православии, Россия является на торжественной колеснице, в которую впряжены побежденные Беллона и Фортуна иноверных. Православному Марсу и Мужеству помогает Иисус Навин, разрушающий небесным огнем град иноверных, повелевающий солнцу возвратиться вспять и побеждающий шведского льва. Иисуса Навина, Марса и Мужество Россия венчает венцами. Она вручает ключи воинствующей церкви, «иже на камени крепце утверждена есть». В проповеди, произнесенной на новый, 1704 год, Стефан Яворский, прославляя победы Петра, сравнивает его с библейским героем Иисусом Навином, что, возможно, повлияло на появление этого персонажа в Р. п.

Хотя, по наблюдению Н. С. Тихонравова, в Р. п. «трудно найти даже слабые намеки на те события 1703 г., которые с такой торжественностью праздновались в Москве», все же некоторые сцены довольно выразительно указывают на жизненные ситуации: Век желез-

ый повелевает перековать «вся сосуды» на брань, что и исполняют олотобойцы (ср. распоряжение Петра после нарвского поражения); арс посылает иноверным меч и масличную ветвь, знаменующие ойну и мир (намек на дипломатические переговоры); ключ, врученый Церкви, означает Шлиссельбург, а непременное упоминание мня указывает на Петра I.

Р. п. — типично барочная пьеса, в которой библейские персонажи и символы христианского мира сосуществуют с античномифологическими фигурами, отчего возникает такая смысловая нтиномия, как «Марс православный». Постановке пьесы предшествовали торжества. 9 ноября 1703 г. Петр с триумфом въезжал в Москву. Было построено трое триумфальных ворот, одни из которых ооружала Славяно-греко-латинская академия (Первые русские Ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. М., 1903. С. 223). Подробое описание этих ворот было составлено префектом академии иеомонахом Иосифом Туробойским и издано отдельной брошюрой. ногие фигуры, украшающие ворота, совпадают с персонажами Р. п. (Марс, Фортуна, Беллона, Благочестие, четыре части света, Надежда, Зависть, Убийство). Подробное описание этих фигур в брошюре Иосифа Туробойского позволяет судить о костюмах и атрибутах, фигурировавших в спектакле. В упоминавшейся рукописи ГАДА читается приписка: «Приказа учителю Иосифу, чтобы в комедии завесы были зделаны, как в комедии, что на площади, и чтоб до самого свода было закрыто» (л. 16 об.). Участие в организации торжеств Иосифа Туробойского позволяет задаться вопросом, не был ли он и режиссером-постановщиком спектакля, а, может быть, автором пьесы. Р. п. делится на три части, предворяется «синопсисом» и прологом и заключается эпилогом; в 1-й части — 8, во 2-й — 7, в 3-й — 13 явлений. По наблюдению Н. С. Тихонравова, по своей композиции и ряду стилистических примет Р. п. сходна с более поздними пьесами академии — «*Свобождение Ливонии и Ингерманландии*» и *Божие уничижителей гордых ... уничижение*. Возможно, все три пьесы написаны одним автором.

Изд.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. С. 25—33; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 207—215, 495—498. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первая половина XVIII в.)).

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 430—439; Т. 2. С. 89—90; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 318—323; Адрианова-Перетц В. П.) Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 7—63; 2) Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. // Там же. № 29. С. 191; Перетц В. Н. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII веков // Там же. С. 64—78; Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. № 28. С. 90—92; № 32. С. 98—100, 101; Берков П. Н. усская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII века // Там

же. С. 21—22; Баранкова Г. С. Пьесы Славяно-греко-латинской академии о Северной войне: (о некоторых художественных особенностях) // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 270—278; Демин А. С. 1) Эволюция московской школьной драматургии // Пьесы школьных театров Москвы. С. 7—30; 2) Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 77, 235—237; Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 17—18, 52. (Русская старопечатная литература: (XVI—первая четверть XVIII в.)); Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в. М., 1981. С. 28, 32, 49, 84, 86, 116, 118, 125, 217.

М. Д. Каган

Ремезов Семен Ульянович (1642—после 1720) — тобольский дворянин, картограф, историк и этнограф Сибири. Р. родился в Тобольске в семье потомственных сибирских служилых людей. Его дед Моисей Меньшой был сослан из Москвы в Тобольск в 1619 г. Представители этой семьи отличались широкой начитанностью. Р. получил домашнее образование, учителями его были пленные поляки и ссыльные украинцы. Согласно автобиографии Р., сохранившейся в «Служебной чертежной книге», он поступил на государеву службу в 1682 г., тогда ему велели «быть в детех боярских». С 1682 по 1696 г. выполнял самые различные поручения по всей Сибири: собирал хлеб и оброк, следил за рыбной ловлей, совершал объезды и военные походы. В 1696 г., по распоряжению Сибирского приказа, Р., зарекомендовавший себя искусным художником, был привлечен к составлению чертежей сибирских земель, ему поручалось «зделать в Тобольску чертеж на холстине ... городу Тобольску со всяким городовым строением и острогом, и Тобольскаго уезду ясашным волостям, и русским селам и деревням, и рекам, и озерам ... написать степи от Тобольска до Казачьи орды, и до Бухареи Большой, и до Хивы, и до Еика, и до Астрахани, куда ближе и сколь далеко днями в ход пути сухим и водяным». Успешно выполнив задание, в 1697—1698 гг. Р. принял участие в составлении плана реконструкции Тобольска, для утверждения которого вместе с сыном Семеном был послан в Москву. Находясь в Москве, Р. познакомился в Сибирском приказе с богатым картографическим материалом, обучался в Оружейной палате «строению каменных дел», составил около тридцати чертежей сибирских земель. В конце 1698 г. Р. выехал в Тобольск, получив приказ «быть у всего каменного строения». Р. занимался проектированием и руководил строительством Тобольского кремля. После возвращения в Тобольск Р. создал три замечательных сборника чертежей и рисунков: «Чертежную книгу Сибири» (1701 г.), «Хорографическую чертежную книгу» (1697—1711 гг.) и «Служебную чертежную книгу» (1702—1730 гг.). Во всех картографических работах Р. помогали его сыновья. Известно, что в 1703—1713 гг. Р. продолжал государеву службу, выполняя различные поручения по устройству каменного и порохового заводов, благоустройству То-

больска, проведению переписи в Тобольском и Тюменском уездах, руководил рекрутским набором. Последнее известие о Р. относится к 1720—1721 гг., тогда с ним встречались в Тобольске немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт и пленный шведский офицер Филипп Табберт (Ф. И. Страленберг).

Центральное место в обширном письменном наследии Р. занимает Ремезовская летопись — единственная сибирская летопись, украшенная рисунками. Летопись известна в двух списках, из которых список БАН, 16.16.5 (в лист, 39 л., 154 рисунка), иногда называемый списком Мировича, по имени владельца — Петра Федоровича Мировича, является оригиналом произведения, а список ЦГАДА, ф. 181, № 272/502 — копией, снятой для Г. Ф. Миллера. В рукописи БАН имеется два киноварных заголовка: «История Сибирская» (основное) и «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская» (нач.: «Изскони всевидец християнский наш Бог, Творец всея твари, зиждитель дому своего и снабдитель винограду и мысленных овец...»). В литературе летопись упоминается также под названиями «Тобольская летопись», «Краткая Сибирская летопись», *Летопись Кунгурская*. Ремезовской летопись названа ее первооткрывателем Г. Ф. Миллером по имени предполагаемого автора. Текст летописи разделен на 157 (154) глав, каждая страница делится на две неравные части: одна десятая часть заполнена текстом, остальную часть занимает рисунок. Об авторе летописи сообщается в заключительной статье тайнописью, которая была полностью расшифрована А. Ф. Бычковым: «Писал Семен Ремезов». Этой же тайнописью (литореей) написаны имена сыновей Р. — Леонтия, Ивана, Семена, Петра. Упоминание сыновей дало повод некоторым исследователям считать их помощниками (соавторами) Р. в работе над летописью, но это не согласуется со следующим текстом заключительной главы: «Аз же в Сибирьстей быти о единодушных казацех вкратце глаголал, налично всположих в Тобольске граде всенародному зрению нескрытно, аще и языка светлоречиваго не стяжах, еже железным ключем отверзох, а златый впредь уготовах ко утешней всенародной ползе. Имя же мое знаком сим зовом с природными прослытий (разночтение по списку ЦГАДА: с родными стал известен) в Сибирьсьтей стране в начальном граде (далее следует тайнопись)».

Вопрос об авторстве Ремезовской летописи усложняется тем, что в ее текст механически вставлено другое произведение — летопись Кунгурская («Летопись Сибирская краткая Кунгурская»), занимающая главы 5—8, 49—52, 73—80, 99—102 и написанная на другой бумаге, иным почерком, с рисунками иной манеры и со своим заголовком. Таким образом, вопрос об авторстве Р. распадается на два: какова степень его участия в работе над Ремезовской летописью в целом и в работе над вставленным в летопись другим произведени-

ем. В литературе существует несколько точек зрения по этому вопросу: одни считают, что летопись целиком создана Р. или его сыновьями (С. В. Бахрушин, Е. И. Дергачева-Скоп), другие — что памятник создан самим Р., его отцом Ульяном и его старшим сыном Леонтием (В. Н. Алексеев), третьи — что сыновьями Р. написаны вставные листы (А. И. Андреев). Вопрос о времени написания Ремезовской летописи также остается спорным, предлагалось несколько датировок: конец XVII в. (С. В. Бахрушин), 1696—1697 гг. (А. И. Андреев), до 1703 г. (Л. А. Гольденберг). Последняя датировка основана на предположении, что основная часть рукописи была создана до поездки Р. в Кунгур в 1703 г., где он нашел Кунгурскую летопись, которую положил в основу своей собственной «Летописи Сибирской краткой Кунгурской». Источники Ремезовской летописи разнообразны — это устные рассказы, «скаски» сведущих людей, летопись *Саввы Есипова*, предания, песни. Отмечена зависимость рисунков летописи от рисунков *Царственной книги* (В. И. Кочедамов) и от гравюр «Синопсиса» *Иннокентия Гизеля* (Л. А. Гольденберг). Язык Ремезовской летописи характеризуется исследователями как народный, насыщенный терминологией приказов, ему присуща сжатость и простота.

Ремезовскую летопись привлекали в качестве источника при создании одного из сибирских исторических произведений XVIII в. — «Краткого показания о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах, и кто они именно, и в каких городах были, и кто какой город строил и когда...» (Тобольск, 1792).

Перу Р. принадлежит работа, посвященная этнографии народов Сибири. Она сохранилась только в составе Черепановской летописи. Составитель этой летописи И. Л. Черепанов о своем источнике сообщил следующее: «Описание о сибирских народах и граней их земли, по грамоте великого государя и по наказу сочинено ... тобольским сыном боярским Семеном Ульяновым сыном Ремезовым в лето от Адама 7206, от Р. Х. 1689, взятия Сибири 118». Этнографические описания Р. точны и обстоятельны, в них широко использованы фольклорные источники, они содержат в себе ценнейшие характеристики народов Сибири, вроде следующей: «Остяцкая земля в четыре языка разделяется: первые обдоринские остяки с самоедами емлются, другие — Кодские городки и князь особой, третьи — сургутские или Пестрая орда и князь особой, четвертые под Нарымом остяки ... в делех и пословицах во всем друг от друга разнствуют». Исследователи заметили, что «Описание о сибирских народах» по терминологии и по приемам описания близко к «Хорографической чертежной книге» (А. И. Андре-

ва, Л. А. Гольденберг). Предполагается, что этнографическое описание Р. было использовано И. Л. Черепановым лишь частично.

В конце XVII в. Р. принял участие в переписывании одного из хронографов особого состава, где изложение русских событий доведено до 1667 г.: Государственный архив Тюменской области (Тобольск), колл. рукописей, № 83. Глава 169 этого памятника соответствует тексту *Хронографа Столяровского*. При переписке Р. не ограничился только механической работой, им была создана новая редакция рассказа об Азовском сидении под названием «О взятии града Азова у турских людей» (ср. *Повести о Азове документальная, историческая, особая, поэтическая, сказочная*).

Важное место в литературном наследии Р. и его сыновей занимает «Служебная чертежная книга», работа над которой растянулась с 1699 до 1730 г. «Служебная чертежная книга» является «своеобразной записной книжкой» семьи Ремезовых (Е. И. Дергачева-Скоп), куда, помимо чертежей, вошли небольшие по объему литературные произведения и заметки: «Победа на Кучума-царя. Очищение всей Сибири», «Уподобление Сибирские страны», «Чудесная статья подобие града Тобольска» и т. д. Не все они анализировались исследователями, наиболее обстоятельно разобрано «Уподобление Сибирской страны», которое Е. И. Дергачева-Скоп определила как «Похвалу» Сибири. Эта «Похвала», состоящая из предисловия и двух статей, представляет собой поэтизированное описание Сибири, где широко использован прием аллегорического уподобления. В «Похвале» встречается ритмизованная и рифмованная проза. Р. уподобляет Сибирь «мирному ангелу», считая недостойным сравнение с «красавицей», ибо это, по его мнению, «скотозаблудно и скверножительно». В результате получился необычный образ сибиряков и Сибири: «Как ангел заочно служит Богу, так и сибирцы царевы враги воюют, своею кровию очистиша землю». Каждая часть «мирного ангела» уподобляется географической части Сибири: «Правая нога — красный сапог, пространная слава — Лена с жильем. Шуяя с сапогом — сословие Маназея с ясаком. Подножие скоб — ржа железная, еже мздоимство в Сибири велий вред от пришлых в городех». Отмечена определенная литературная близость «Уподобления Сибирские страны» Р. и «Оды на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» М. В. Ломоносова. «Служебная чертежная книга» сохранилась в единственном списке — ГПБ, Эрмитажное собр., № 237.

В «Служебной чертежной книге» содержится материал, характеризующий Р. как историка: в кратких исторических справках, хотя и не свободных от неточностей в датах, представлены биографии «державцев российских», архиепископов и митрополитов сибирских, нарисованы их портреты. Нескольких митрополитов Р. знал лично, что повышает значение его характеристик. Уникаль-

ны, например, сведения о Филофее Лещинском, о котором Р. записал: «Чинил збор попом и наплевал в церковь латинскую, и преписал чюдные иконы, и ругал, и все христианство верою смутил; и, поражен Богом, решился разума, — и поскимлен, отдохнул, а своенравия черкасского не оставил». В «Служебной чертежной книге» находится материал по генеалогии тобольских воевод, по геральдике сибирских городов, есть сведения о службе представителей семьи Ремезовых.

Изд.: Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1880; Сибирские летописи / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1907; Дергачева-Скоп Е. И. «Похвала» Сибири С. У. Ремезова // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 266—274; Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents translated from the Russian... London. 1975. P. 87—277 (пер. на англ. яз.); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 550—582.

Лит.: Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. СПб., 1750. Кн. 1. С. 39—62; Грамота тобольским воеводам о приписании города Кунгура с уездом к Верхотурью, и о поручении Семену Ремезову составить чертеж всему Кунгурскому уезду // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700—1713. СПб., 1882. С. 207—208; Филарет. Обзор. С. 232; Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при имп. Московском университете. 1916. № 3—4. С. 3—28; Андреев А. И. 1) Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. // ПИ. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 117—126; 2) Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. 2-е изд. М.; Л., 1960. С. 96—149, 183—194, 250—259. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. 2-е изд. С. 408—410; Кочедамов В. И. Тобольск: Как рос и строился город. Тюмень, 1963; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ: 1642—после 1720 гг. М., 1965; Алексеев В. Н. 1) Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: (проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 175—196; 2) Рукопись «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. (К проблеме художественного единства) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР — 1985 г. Л., 1987. С. 94—112; 3) «История Сибирская» С. У. Ремезова в литературном процессе второй половины XVII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1988; 4) К проблеме жанрово-стилистического единства иллюстрированного произведения («История Сибирская» и «Казанская история») // Проблемы литературных жанров: Материалы VI научной межвузовской конференции. Томск, 1990. С. 24—25; Русская литература Сибири: XVII в. — 1970 г. Библиографический указатель. Новосибирск, 1976. Ч. 1. С. 86—88; Дерачева-Скоп Е. И. С. У. Ремезов — сибирский просветитель конца XVII века // Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 95—106; Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. К 100-летию города Новосибирска. Новосибирск, 1993. С. 103, 162—166; Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.: Ньютонвиль, 1993. С. 72; Брюсова В. Г. Материалы к истории иконописного дела в Сибири в XVII—XVIII вв. // Памятник культуры. Новые открытия. Ежегодник 1993 г. М., 1994. С. 161; Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 149—150.

В. К. Зиборов

Ржевская Соломонида (конец XVI—нач. XVII в.) — служительница царевны *Ксении Борисовны Годуновой*, автор письма из осажденного польскими интервентами Троице-Сергиева монастыря. Р. принадлежала знатному роду дворян-царедворцев Ржевских, бывших при царе *Борисе Годунове* окольничими и думными, но в правление Василия Шуйского и «семибоярщины» (1610—1611 гг.) перешедших на сторону польского короля Сигизмунда III и королевича Владислава (см.: АИ. Т. 2. № 311-VI). Служительницей Ксении Борисовны Годуновой Р., очевидно, стала после того, как в конце 1605 г. дочь царя Бориса была пострижена в монахини под именем Ольги (в письме она именуется Ольгой Борисовной) и выслана Самозванцем (см. *Григорий Отрепьев*) из Москвы. Фефана Савиновна Ржевская, «матушка» Р., к которой адресовано письмо, как и ее дочь, проживала в монастыре («на Новоманастырском дворе») в стесненных условиях, не имея прислужницы («жоночьки или девьки»).

Письмо Р. датируется 6 июля 1609 г. («после Петрова дни») и отправлено из осажденного войсками Сапеги и Лисовского Троице-Сергиева монастыря. Оно интересно как свидетельство очевидца о состоянии защитников крепости на одиннадцатом месяце осады. Письмо написано в середине лета, после перенесенной защитниками тяжелой, голодной зимы и мора, гибели многих осажденных от цынги. Р. утешает мать («...а нету мне, государыня-матушка, здеся никоторыя нужи, Ольги Борисовны милостью»), описывает «крепкой ... приступ», бывший «в канун Петрова дни» 1609 г., с «огненым боем», пушечным обстрелом крепости «огнянками» и уничтожением «многих воров». В письме Ксении Годуновой к ее тетушке о тяготах осады говорится гораздо откровеннее, но и письмо Р. свидетельствует о высоком патриотическом настрое и героической стройкости защитников; несмотря на то, что летом мор среди осажденных «унелся», людей в крепости осталось меньше трети («а не осталося людей ни трети»). Через мать Р. пытается передать писавшему ей Макарию Карякину, что «Федор Карьцов жив, а Кашпиров, сын Дмитрей, умер», а «схоронить» им его было не на что, если бы не «пожаловала» им на похороны рубль царевна Ольга Борисовна. К моменту написания письма почтовая связь Троице-Сергиева монастыря с внешним миром уже была нарушена, письма перехватывались поляками. Р. жалуется: «...а мне, государыня-матушка, от тебя граматка не бывала от Великаго мясоеду до Петровых заговень». Письмо Р. (как и письмо Ксении Годуновой) не дошло до адресата.

Подлинник письма, писанный столбцом и сложенный пакетом, на котором написан адрес, имеет помету на польском языке, свидетельствующую, что письмо было задержано и прочитано врагами, а

затем, очевидно, при освобождении Троице-Сергиева монастыря войсками М. В. Скопина-Шуйского в союзе с шведами, попало в архивы Швеции. Письмо Р. соблюдает все основные формулы эпистолярного стиля XVII в. и в то же время сохраняет оригинальные черты разговорной речи.

Изд.: АИ. СПб., 1844. Т. 2. № 182-II, С. 213.
Лит.: Будовниц. Словарь. С. 217.

Н. Ф. Дробленкова

«Римские деяния» — сборник повестей, переведенный с польского языка в последней трети XVII в. У сборника была своя и долгая история. Сформировавшийся в Англии, по-видимому, не позднее XIII в., он получил широкое распространение во всех западноевропейских литературах. Неизвестный составитель сборника включил в него выборки из латинских авторов, легендарные повести как западного, так и восточного происхождения, псевдоисторические рассказы о римских императорах, переработки античных сюжетов (см.: Грабарь-Пассек М. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966. С. 229—240). Поскольку действие всех повестей было поставлено в «римскую» обстановку и украшено «историческими» именами, сборник получил название «Gesta Romanorum». Впрочем, возможно, первоначально туда были включены действительно рассказы из римской истории, существовавшие в самостоятельном виде; так, Я. Висковатая предприняла попытку выяснить исторический прототип героя «Приклада о гордом цесаре Иовениане» и достаточно убедительно датировала этот прототип концом IV в. — временем, когда в христианской среде резкий протест вызывали традиции божественных почестей правящему императору (см.: Висковатая Я. К вопросу о европейских сказаниях о «гордом царе» и их обработках // Slavia. 1935. Roč. 13, seš. 2—3. С. 349—353). В дальнейшем термин мог быть перенесен и на Священную Римскую империю. Однако в целом сборник «лишь внешне, и то не всегда, прикреплен к истории. Исторический элемент ограничивается несколькими именами римских кесарей, императоров, консулов, средневековых императоров, рыцарей» (История русской литературы. Т. 2, ч. 2. С. 402).

Каждая повесть сопровождается «морализацией», где дается символическое толкование всего текста, предназначенное для проповедников. Мнение, что «морализации» были добавлены позднее, скорее всего, ошибочно, т. к. тексты повестей изначально были пронизаны средневековой схоластикой (Кирпичников. Очерки... С. 266). Эти «выклады» (по русской терминологии) «придавали некоторую общую целеустремленность пестрому собранию разноречивых исто-

рий», служа материалом для проповедников (История русской литературы. Т. 2, ч. 2. С. 402).

Состав западноевропейских «Gesta Romanorum» постоянно варьировался. По-видимому, существовало два сборника с общим названием: «один, меньшего объема, составлен в Англии первоначально на латинском языке и потом переведен на английский. Из 102-х глав, составляющих этот сборник, 40 одинаковы с Гестами континентальными ... На литературу континента несравненно большее влияние имел другой сборник, составленный на континенте и содержащий в себе около 180 глав» (Кирпичников. Очерки... С. 265). Последний приписывается приору Бенедиктинского монастыря в Париже Петру Берхорию (ум. в 1362 г.) или же неизвестному немецкому монаху. Самые серьезные иследователи «Gesta Romanorum» — Г. Эстерлей и С. Л. Пташицкий находили бесполезными поиски их непосредственного составителя (Пташицкий. Средневековые... С. 7). Скорее всего, «сборник этот составился не сразу, а постепенно, так как и печатное издание разнится в числе глав» (Кирпичников. Очерки... С. 265).

Первые латинские издания относятся к XV в. «Третье издание, появившееся в Кельне у Ульриха Целле около 1473 года, содержит 181 главу, и оно послужило прототипом всех позднейших перепечаток» (Пташицкий. Средневековые... С. 7). Латинские тексты из трех первых изданий вошли в публикацию Г. Эстерлея (Oesterley H. Gesta Romanorum. Berlin, 1872). Латинские рукописи «Gesta Romanorum» сохранились, начиная с XV в. Тогда же появились первые переводы сборника на голландский, немецкий, чешский языки; не позднее XVI в. он был переведен на английский и французский, а также на польский. Следы влияния сборника отмечают уже в «Декамероне» Дж. Боккаччо, а позднее — в произведениях Чосера, Шекспира, Шиллера и др. Издание текста в переводе на русский язык см.: Средневековые латинские новеллы XIII в. / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1980.

Происхождение славянских текстов Р. д. Е. Прохазкова связывает с двумя версиями «континентального» латинского сборника. По ее мнению, одна из этих версий была переведена на немецкий, а уже с немецкого — на чешский, вторая же послужила непосредственным источником польского перевода (Procházková. Die Entstehungsgeschichte... S. 24). Ранее высказывались другие предположения: так, С. Л. Пташицкий считал, что чешский переводчик знал и немецкую, и латинскую версии (Средневековые... С. 25). Польский перевод Р. д. был осуществлен в сер. XVI в. и напечатан в 1543 г. Польские рукописи сборника неизвестны, по-видимому, в рукописном виде он не распространялся, зато неоднократно переиздавался вплоть до XVIII в. Особенностью польского текста является состав, включающий всего 39 рассказов. По наблюдениям С. Л. Пташицкого, здесь «мы имеем дело с выбором, сделанным самостоятельно, и то исклю-

чительно для польского издания» (Средневековые... С. 38). Издание см.: Hystoryе Rzymskie: (Gesta Romanorum) / Wydał Dr. G. Bystroń. Kraków. 1894.

Русский перевод был выполнен, скорее всего, с несохранившегося краковского издания 1663 г.; он совпадает с польским переводом как по числу повестей, так и по составу. В рукописях встречается указание на год, когда был сделан перевод, причем указывается 1681 или 1691 г. (ГИМ, собр. Уварова, № 555). Разночтения в датах и в текстах позволяют поставить вопрос о существовании по крайней мере двух переводов. Такого мнения придерживался А. Н. Пыпин, который полагал, что к 1691 г. относится только «переделка старого перевода». С. Л. Пташицкий, исследовавший большое число рукописей Р. д., но не знавший Уваровского списка, о котором писал А. Н. Пыпин, утверждал, что все русские списки восходят к одному переводу и составляют одну редакцию. С этим мнением согласился и Ю. А. Яворский. Л. В. Соколова на основании все того же Уваровского списка вновь поставила вопрос о существовании второго перевода. Вопрос о количестве переводов Р. д. нельзя считать окончательно решенным.

Не решен также вопрос о локализации перевода и о его исполнителе. Избранные повести из сборника зарегистрированы в книгах, находившихся в библиотеках многих известных книжников и писателей XVII в. Это вызвало серию предположений о том, кто из них мог быть переводчиком Р. д. Так, еще Филарет, ссылаясь на рукопись из собр. Царского, № 313, приписывал перевод *Феофану*, иеродиакону Чудова монастыря (Обзор. С. 256); на таком же основании высказывалось мнение об участии в переводе *Тимофея Каменевича-Рвовского*. С. Н. Браиловский предполагал, что переводчиком Р. д. или хотя бы отдельных глав сборника мог быть *Карион Истомин*, поскольку три повести переписаны в его сборнике ГИМ, Чуд. собр., № 302 (см.: Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902. С. 210, 351—352). Особая обработка нескольких повестей из Р. д. читается в рукописи *Никифора Симеонова*.

Все эти вопросы не разрешены в первую очередь потому, что текстологическое исследование сборника до сих пор не проводилось, он анализировался лишь с точки зрения его состава и полноты по сравнению с польским источником. Специфика редакций выявлена лишь для памятников, входящих в Р. д., но бытовавших и в самостоятельном виде — таких, как *Житие Алексея человека Божия* (см.: Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917), *Повесть о Аполлонии Тирском* (см.: Соколова Л. В. Литературная история Повести об Аполлонии Тирском. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982), частично — *Повесть о папе Григории*. Отдельные замечания

об особых редакциях прикладов, входящих в Р. д., содержатся в трудах Э. Малэк.

Разнообразные повести, составляющие Р. д., куда входят как средневековые легенды, жития святых, так и народные анекдоты, исторические предания, сказочные сюжеты, оказали большое влияние на развитие сюжетного повествования во всех восточнославянских литературах. Сборник получил широкое распространение на Украине и в Белоруссии, многие его сюжеты отразились в восточнославянском фольклоре и послужили источником для писателей XVIII—XIX вв.

Изд.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 180—198, 338—344; Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 1405—1409; Римские Деяния: (Gesta Romanorum). СПб., 1878. Вып. 1—2. (Изд. ОЛДП, № 5 и 33); Гнатюк В. Легенди з Хітарського збірника // ЗНТШ. 1897. Т. 16. С. 20—27; Яворский Ю. А. Повести из Gesta Romanorum в карпато-русской обработке к. XVII в. Прага, 1929.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерки из старинной русской литературы. III. Старинный перевод Римских Деяний // Отечественные записки. 1857. Т. 110, № 2. С. 449—458; 2) История русской литературы. 3-е изд. СПб., 1907. Т. 2. С. 509—513; Кирпичников А. Очерки из истории средневековой литературы. М., 1869. С. 265—274; Петров Н. И. 1) О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 733—737; 2) Южнорусские легенды // Там же. 1877. № 3. С. 607—610; Пташицкий С. Л. 1) Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Истории из «Римских Деяний» (Gesta Romanorum). СПб., 1897; 2) Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 357—358; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934. С. 90—112; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 171—176; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 401—406; Назаревский. Библиография. С. 93—96; Procházková H. 1) Po stopách dávného přátelství: Kapitoly z česko-ruskich literárnich styků do konce XVII stoleti. Praha, 1959; 2) Die Bedeutung und Verbreitung der «Gesta Romanorum» im alten Rußland // Zeitschrift für Slawistik. 1960. Bd 5. H. 4. S. 526—538; 3) Die Entstehungsgeschichte der tschechischen, polnischen und russischen Gesta Romanorum // Ibid. 1966. Bd 11. H. 1. S. 1—24; Соколова Л. В. К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские деяния» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 266—273; Крекотень В. І. Оповідання Антонія Радивиловського: З історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983; Małek E. 1) Zum Problem der Aneignung von Sujets und Genres der westeuropäischen Erzählprosa in Rußland von Ende des 17. bis zum ersten Drittel des 18. Jahrhunderts // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen. (Zweite Berliner Fachtagung 1984). Wiesbaden, 1987. S. 123—128; 2) Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988; Ромодановская Е. К. 1) Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников. I. Повесть о царе Аггее и Римские Деяния // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 74—79; 2) Русская версия Приклада о гордом цесаре Иовиниане // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 689—693; Литература и культура Древней Руси. С. 141—142; Литература Древней Руси. С. 174—175.

Е. К. Ромодановская

«Рифмы краесогласнии о прелести суетнаго сего мира» — стихотворный отклик на падение царевны *Софии Алексеевны* и ее правительства. Автор произведения неизвестен. Р., написанные между сентябрем 1690 и январем 1692 г., сохранились в двух списках. В первом из них (ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 12—18, конец XVII—нач. XVIII в.) насчитывается 148 пятистиший. Второй (ГБЛ, собр. Ундольского, № 467, л. 466—470 об., сер. XVIII в.) содержит 116 пятистиший, а также особое предисловие, написанное традиционным тринадцатисложником с парной рифмой. В заглавии второго списка («Краесогласни пятерострочии», т. е. «Рифмованные пятистишия») подчеркнута изысканная и довольно редкая в русской силлабике строфическая форма, использованная автором: пятистишие, образованное из пары двустиший и пятого холостого стиха (слоговая схема 6—6—6—6—3). Во втором списке явно нарушена композиция, некоторые пятистишия контаминированы из двух строф. Впрочем, здесь есть 20 добавочных строф, которые, возможно, восходят к авторскому тексту (то же можно сказать и о тринадцатисложном предисловии).

Из текста ясно, что автор — великоросс по рождению и воспитанию. В его языке нет ни украинско-польских вкраплений, ни гальванизированной церковнославянской лексики, столь характерной для школы *Симеона Полоцкого*. Автор явно не принадлежит к монашескому сословию. Не говоря ни слова о церковных делах, он в то же время полон живого интереса к делам мирским. По некоторым намекам (например, тема «неправого суда» в московских приказах) можно заключить, что он — человек зрелого возраста, занимающий важный пост в московской администрации.

Автор не принадлежит ни к одной из тогдашних противоборствующих группировок, ни к «латинству», ни к «старомосковству». Потрясенный падением царевны Софьи и ее фаворитов, поэт одинаково далек и от злорадного торжества, и от отчаяния. Он — одиночка, стоящий вне партий. Переворот 1689 г. дает ему повод для рефлексии: перемена лиц не означает перемены нравов, кровь пролилась напрасно, и это его глубоко печалит. Он пишет, что людям, взявшим в свои руки государственные дела, столь же недоступно совершенство, как и их поверженным предшественникам. Однако поэт не довольствуется указанием на извечную порочность властей. Ответственность за «окаянство мира» он возлагает на весь народ, в том числе на самого себя. Совершенно лишенный ханжества, он пренебрежительно высказывается о внешней обрядности, считая пост и воздержание лишь показной добродетелью:

Постна есмь жития. Не пием пития
Хмелна, а богата. Судом виновата.
Зле правим.

Лучше бы нам пити,   Да прав суд судити,
Не пост бы хранити,   Но обиды мстити
В прящихся.

Эта духовная свобода, столь необычная для человека XVII в., и сообщает Р. качество художественной уникальности.

Изд.: Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 83–94; ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 286–299.

А. М. Панченко

Рогов (Рогоев, Рогуев) Михаил Стефанович (ум. после 1650) — протопоп Московского собора черниговских чудотворцев, поэт и публицист, справщик Московского Печатного двора. В анонимном антистарообрядческом сочинении *Бразда духовная* (1683 г.), в связи с критикой *Кирилловой книги*, говорится, что она печаталась «неискусным справщиком черниговским протопопом Рогоевым, а родом ис Поморья, из Сумского острога Соловецкого монастыря вотчины» (ГПБ, О.I.209, л. 58—58 об.; БАН, Арханг. собр., Д. 512, л. 25—25 об.). В 1640 г., вместе с ключарем Московского Успенского собора *Иоанном Васильевичем Шевелевым Наседкой*, Р. был назначен главным справщиком Московского Печатного двора. По-видимому, под руководством и при участии Р. в 1640—1649 гг. были подготовлены к изданию многие книги, но доля участия Р. в книжной справе не определена.

В XVII в. Р. приписывалась главная роль в составлении знаменитого полемического сборника — *Кирилловой книги*. Так, один из идеологов старообрядчества, диакон *Феодор Иванов*, в послании к сыну Максиму писал: «А яже печатная московская Кириллова книга глаголется, и та несть Кириллова, но собирал ее черниговский протопоп Михаил Рогов с прочими избранными мужи, по повелению царя и патриарха, на многия ереси латынския, и арменския, и немецкия, и прочия» (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 6. С. 152—153). Р. приписываются и стихи, помещенные в предисловии к Кирилловой книге, в акростихе которых читается: «Господарев царев работник [и] вам божественнаг[о] закона ист[и]нном рачителем и любителем о Бозе радоватися и веселитися, а врагом [б] креста Христова и развратником [н] нашея православния християнския веры скорбети и печаловати [и]». Впрочем, более вероятна атрибуция предисловия Ивану Наседке. Главным аргументом в пользу авторства Р. служит то, что за стихотворное предисловие к Кирилловой книге именно он был отстранен *Никоном*, тогда еще Новгородским митрополитом, от службы на Печатном дворе. Случилось это в ноябре 1649 г.: «...и черниговского протопопа Михайла проклял дер-

зостно, и скуфью с нево снял за то, что он в книге Кирила Иерусалимскаго в двоестрочии не делом положил, что християном мучения не будет» (Записка о жизни Ивана Неронова // ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 346).

Р. участвовал в подготовке к изданию следующих книг: Евангелие (М., 1640), Часовник (М., 1640), Устав (М., 1641), Маргарит (М., 1641), Сборник о почитании икон (М., 1642). Ему были пожалованы в качестве «государева жалованья» печатные экземпляры этих книг (Исаевич Я. Д. Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI—первой половине XVII в. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 164; Голубцов. Прения о вере... С. 116, 118).

Многие исследователи XIX в. (П. Николаевский, А. Голубцов, И. Мансветов) объясняли совершенствование книжной справы в 1640-х—нач. 1650-х гг. (в последний год патриаршества *Иоасафа I* и во время правления патриарха *Иосифа*) начитанностью и образованностью новых справщиков, и в первую очередь — Р. и Ивана Наседки. Книжная справа этого периода характеризуется критическим отношением к источникам, обращением к греческим оригиналам, вниманием к южнорусским печатным изданиям и южнорусской полемической литературе, стремлением к стилистической и грамматической унификации. В предисловиях, сопровождающих почти каждое издание, справщики сообщали о своей «издательской программе»: о необходимости и трудности сличения между собой русских, славянских и греческих рукописей и печатных книг. Существует мнение, что автором этих предисловий (а также послесловий) был Р. В сущности, работу на Московском Печатном дворе при патриархе Иосифе можно рассматривать как начальный этап книжной реформы патриарха Никона.

Р. принимал активное участие в «прениях о вере», которые были вызваны отказом датского принца Вальдемара принять православие, что было необходимым условием для заключения брака со старшей дочерью царя *Михаила Феодоровича.* 28 мая 1644 г. Р. входил в комиссию «для ответа» датскому пастору Матфею Фельгаберу, 3 июня 1644 г. и 4 июля 1645 г. выступал в диспуте по каноническим и обрядовым вопросам. Совместно с Иваном Наседкой и старцем *Исаакием,* Р. работал над «Выписками из правил на еретиков», для которых были использованы первое правило Василия Великого о еретиках, толкование на него из «Пандектов» Никона Черногорца (см. *«Паднекты» и «Тактикон» Никона Черногорца»*), вторая глава первого состава из «Синтагмы» Матфея Властаря о еретиках и способах принятия их в церковь и другие сочинения. С 6 июля 1645 г. Р., строитель Костромской Геннадиевой пустыни Исаакий, справщики Иван Наседка, *Шестак Мартемьянов* и *Захарий Афанасьев Подосенов* «сидели в Посольском приказе за ответным письмом против датского королевича Вольдемара Христьянусовича попа Матвея».

Составленные ими «Ответы на письмо немчина Матфея обличительно, списаны протопопом черниговским Михаилом да ключарем Иваном Наседкою» должны были служить инструкцией для будущих устных прений с датчанами. В числе источников «Ответов» — Кириллова книга, «списание обличительно» Ивана Наседки, Катехизисы Симона Будного и *Лаврентия Зизания*, летописи, труды Иоанна Златоуста, Василия Великого, Дионисия Ареопагита, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина.

Последний раз имя Р. упоминается в связи с псковским восстанием 1650 г. Для мирных переговоров с Псковом была составлена особая делегация, во главе которой находились Коломенский епископ Рафаил, Андроньевский архимандрит Сильвестр и Р. С ними были посланы «выборные» люди. По мнению М. Н. Тихомирова, участники мирного посольства были выбраны на Земском соборе из числа присутствовавших на нем. Делегация получила соответствующий наказ и грамоты к псковичам от царя и патриарха. Рафаил должен был держать по наказу речь, которая оканчивалась призывом пустить Хованского с войском в город и выдать заводчиков смуты. В «Отписке епископа Рафаила царю Алексею Михайловичу» от 24 августа 1650 г., где подробно рассказывается, как уговаривали псковичей участники делегации, несколько раз упоминается и Р. Сохранились и «распросные речи» Р. по поводу инцидента, случившегося после ликвидации восстания, между воеводой Львовым и Иваном Олферьевым (Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 107—109, 111, 126, 237, 273, 291, 293, 295, 306, 388; Соловьев С. М. История России. СПб., 1860. Т. 10. С. 197).

Изд.: Кириллова книга. М., 1644. Л. 7—14; Голубцов А. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. II. С. 229—231, 263—308; Rothe H. Zur Kiever Literatur in Moskau // Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa: Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawistenkongress in Kiew. Köln; Wien. 1983. S. 233--260. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, Bd 18); Виршевая поэзия: (первая половина XVII в.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 230—237. 439—440. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Евгений, митрополит (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 71—74; Никольский А. Материалы для истории полемики против лютеранства // ПС. 1861. Ч. 2. С. 241—276, 391—418; Румянцев В. Здания Московского Печатного Двора // Древности. 1870. Т. 2, вып. 3. С. 12, 32—33; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 25; Цветаев Д. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 110; Николаевский П. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1890. № 9—10. С. 463—467; 1891. № 1—2. С. 147—186; Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 76—126. 175—216, 271—376; РБС: «Рейтерн—Рольцберг». СПб., 1913. С. 281—282; 400 лет русского книгопечатания: 1564—1964. Т. 1: Русское книгопечатание до 1917 г. М., 1964. С. 57; Опарина Т. А. Влияние произведений украинско-белорусских полемистов

конца XVI—начала XVII вв. на борьбу идей в России XVII в.: («Кириллова книга» и «Книга о вере»). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993. С. 13.

В. К. Зиборов, О. С. Сапожникова, В. В. Яковлев

Родостамов Михаил Иванович (2-я пол. XVII в.—нач. XVIII в.) — дьяк, писец, составитель литературного сборника. В 1670-х—нач. 1680-х гг. Р. работал писцом, потом подьячим на Печатном дворе, в 1683 г. — подьячим Верхней типографии; с 1685 г. — подьячим Посольского приказа, с марта 1698/1699 г. дьяком того же приказа; в 1709 г. он упомянут как дьяк в письме канцлера Г. И. Головкина.

В 1674—1676 гг. Р. в качестве писца участвовал в переводе Нового завета, предпринятом по приказу царя *Алексея Михайловича* и приговору священного собора. Главными исполнителями перевода были *Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский* и ряд других книжников. К переводу были привлечены печатные издания книг Нового завета (Франкфурт, 1600; Лондон, 1587), греческие рукописи из Типографской библиотеки, славянский перевод книг Нового завета, приписываемый митрополиту *Алексею*, а также другие рукописи. Перевод Нового завета, законченный к концу 1676 г. (А. И. Соболевскому он был известен в единственном списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 1291, конец XVII в.), не был издан, вероятно, из-за смерти Епифания Славинецкого 19 ноября 1676 г., или случившейся еще раньше, в 1675 г., смерти *Павла*, митрополита Сарского и Подонского, курировавшего работу Епифания.

В 1685 г. Р., в это время подьячий Посольского приказа, упомянут в документах как писец «Книги огнестрельного художества», переведенной в Посольском приказе с немецкого языка; за работу он получил «сукно кармазин» (И. М. Кудрявцев ссылается на рук. ЦГАДА, ф. 159, 1689 г., № 801, л. 4).

По определению С. И. Николаева, Р. является составителем литературного сборника последней четв. XVII в. ГИМ, собр. Барсова, № 1531. В сборнике содержится большое количество оригинальных и переводных стихов, несколько эпитафий, в том числе, вероятно, отцу Р. Ивану Ивановичу, и — несомненно — жене Р. Евфимии Петровне. В последней эпитафии названо имя и звание мужа умершей: «...жена ... Михаила подьячего Посолска приказа Родостамова». Среди стихов — перевод трех фрашек Яна Кохановского («На младость», «На старость», «На смерть») вместе с их польским оригиналом. Кроме того, в сборнике встречается лигатура PMR — «подьячий Михаил Родостамов». Материалы сборника разнообразны и хорошо отражают интересы его составителя. В нем представлены слова религиозно-нравоучительного содержания; имеется оглавление книг Ветхого и Нового заветов; включены беллетристические сочинения (например, фрагмент из *Повести о Аполлонии Тир-*

ском, перевод сатирического польского произведения «Наука разных философов о обирании жены»); нашли место и официальные материалы (История о венчании *Феодора Алексеевича*; молитва «за их царское величество»; стихотворный панегирик Петру I); читаются два медицинских трактата.

При статьях сборника сделаны пометы, указывающие, откуда они были переписаны, подчас это авторские сочинения. Имена, упомянутые в этих приписках, позволяют определить круг общения Р. В круг его знакомых входили известные в литературных и политических кругах лица — *Мардарий Хоныков*, Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, митрополит Павел, Самойло Николев, Афанасий Федосеев, *Никифор Симеонов*, Михаил Ртищев, *Карион Истомин*, *Андрей Виниус* и др. С. И. Николаев делит сборник хронологически и по содержанию на две части: первая относится к 1680-м гг. и связана с Печатным двором и Чудовым монастырем; вторая составлена в 1690-х гг. и связана с Посольским приказом, что соответствует развитию служебной карьеры Р. Сборник показывает, что его составитель был близок к литераторам Москвы и хорошо осведомлен о любительской литературной деятельности писателей и поэтов — служащих Печатного двора и Посольского приказа.

Менее определенно можно говорить о собственной литературной деятельности Р. Он несомненно был человеком образованным и, судя по записям в сборнике, знал польский и латынь. С. И. Николаев задался вопросом, не был ли Р. переводчиком фрашек Яна Кохановского (другой возможной кандидатурой на авторство является Мардарий Хоныков).

Имя Р. встречается в приписке XVIII в. на последнем листе (л. 92 об.) сборника БАН, 17.8.9, который содержит материалы о взятии Петром I Азова в 1696 г. и вымышленные антитурецкие грамоты, бытовавшие в среде Посольского приказа: «Помилуй мя, Боже, род Михаила Иванова сына Родостамова».

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 179-180; Древняя и новая Россия. 1876. № 2. С. 201; Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6. С. 231; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 392, 393; Соболевский. Переводная литература. С. 290—291; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 26; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 303, 308, XXV; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М., 1946. С. 131; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 214; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 449; Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. Columbus, Ohio, 1978. P. 224; Николаев С. И. 1) Три фрашки Яна Кохановского в переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289—301; 2) Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 70, 101.

М. Д. Каган

Розладин (2-я пол. XVII в.) — дворянин, по свидетельству шведского ученого, исследователя Сибири Филиппа Иоганна Табберта (Ф. Страленберга), автор журнала или записок, которые Р. вел во время второго Крымского похода 1689 г. князя *Василия Васильевича Голицына.* Узнав о записках, Голицын велел их публично сжечь, а автора посадил в тюрьму. По предположению Ф. Страленберга, если бы сам В. В. Голицын не впал в немилость и не был бы отправлен в ссылку после падения правительства *Софии Алексеевны*, Р. мог бы лишиться жизни. Хотя Ф. Страленберг считал, или знал по слухам, что в записях Р. не было ничего, что бы затрагивало интересы государства, или самого В. В. Голицына, надо полагать, само описание явно неудачного похода предопределило судьбу сочинения.

Кто из Розладиных был участником второго Крымского похода, не известно. В Боярских книгах 1690-х гг. числится четверо Розладиных — Агафон Иванов, стольник, Кирилл Иванов, стряпчий, Михаил Иванов, стольник, и Иаков Иванов, стряпчий — вероятно, братья, может быть, дети Ивана Иванова, патриаршего стольника (Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 350). Однако, в материалах, посвященных второму Крымскому походу и опубликованных Н. Устряловым, фамилия Розладиных не значится (Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 213—245. Гл. XI. Приложения VII, IX, XI).

Розладины вели свой род от Прокопия Розлады, одного из потомков Ивана Родионовича Квашни, героя Куликовской битвы. Род сильно пострадал от казней *Ивана IV Грозного.* Петр Розладин бежал в Швецию, в 1594 г. значился подполковником на шведской службе. Его сын Фриц в 1621 г. был пожалован королем Густавом II Адольфом в камер-пажи, а в 1625 г. причислен к шведскому дворянству. 7 июля 1628 г. он был ранен в колено при штурме Стралензунда Валленштейном. С его смертью прекратился род шведских Розладиных.

Ф. Страленберг (1676—1747 гг.), уроженец Стралензунда, был взят в плен в 1709 г. под Полтавой, провел в Сибири 13 лет, после чего вернулся в Швецию. В Сибири он занимался историей и географией и написал книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», которая была издана в Стокгольме на немецком языке в 1730 г. В этой книге и содержится фрагмент, посвященный сочинению Р. Книгой Ф. Страленберга заинтересовался В. Н. Татищев, сделав ее краткий перевод и снабдив свой перевод примечаниями, в которых также упоминается Р. (1738 г.). Перевод В. Н. Татищева распространялся в списках (см., например: ГПБ, F.IV.7). Ф. Страленберг мог слышать в своем родном Стралензунде о шведских Роз-

ладиных, и этим можно объяснить его интерес к разговорам о Р. — авторе журнала Крымского похода. Существовало ли в действительности это сочинение, сказать трудно, ибо о В. В. Голицыне ходило много неосновательных слухов.

Лит.: Strahlenberg F. J. Das nord- und östlich Theil von Europa und Asia in so weit solches das gantze Rusiche Reich mit Sibirien und der grossen Tataren in sich begreiffet... Stockholm, 1730. S. 102; Брикнер А. Отзывы о князе Василии Васильевиче Голицыне и о Крымских походах: Материалы для источниковедения истории Петра Великого // ЖМНП. 1879. № 8. С. 287; Грот Я. К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Труды Я. К. Грота. СПб., 1901. Т. 4. С. 136; Арсеньев С. В. Русские дворянские роды в Швеции // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1905. Вып. 2. С. 5—6; Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1908. С. 121—124; Веселовский С. Б. 1) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 5, 266, 284, 485; 2) Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 270; Панченко А. М. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 151—154; Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. Вып. 1. С. III, 56; Вып. 2. С. 224—225.

М. Д. Каган

Романчуков Алексей Саввич (1-я пол. XVII в.) — поэт «приказной школы». Р. был сыном известного московского администратора Саввы Юрьевича Романчукова, служившего дьяком (по-видимому, Денежного двора) уже в 1610—1611 г., затем, в 1614 г., получившего за «Московское осадное сиденье» вотчину в 80 четвертей в Ярославском уезде. Потом Савва Романчуков был дьяком в Новгородской чети и одновременно в Посольском приказе (упоминается еще 21 октября 1625 г.; вскоре, очевидно, умер). Его сыновья Р. и Василий были в 1627 г. «стряпчими с платьем», а Иван и Юрий — патриаршими стольниками. Среди них самой яркой фигурой был Р.

Быстро поднимаясь по служебной лестнице, Р. в 1636 г. был назначен посланником в Персию. Русская миссия съехалась с миссией голштинской 3 сентября под Самарой; далее русские и голштинцы путешествовали вместе. Адам Олеарий оставил подробную характеристику Р.: «Этот русский, посланный великим князем московским к персидскому шаху в качестве малого посла, более для того, чтобы блюсти за нашим делом и нашими отношениями, был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку; он просил, чтобы мы помогли ему в изучении этих предметов, и в Персии, где мы были вместе, а особенно на обратном пути он прилежными занятиями, постоянными разговорами и упражнением в продолжение 5-ти месяцев сделал та-

кие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои задушевные мысли. Он также быстро и с охотою уразумел употребление астролябии и все то, что относится до высоты солнца, часов и геометрии. Нашему часовщику он заказал сделать астролябию, и, когда, бывало, мы останавливались на ночлег в каком-нибудь городе или селении, особенно же в Астрахани, он выходил с этой астролябией для упражнений на улицу и рассказывал людям высоту домов и других зданий, что чрезвычайно удивляло русских» (ЧОИДР. 1869. Кн. 1. Отд. IV. С. 464—465).

Р. сошелся с голштинцами на почве не только наук, но также искусств. В альбоме записей и рисунков, который принадлежал участнику миссии доктору медицины Гартману Грамману (он перешел впоследствии на русскую службу и был при кончине царя *Михаила Феодоровича*), есть карандашный, прекрасно сохранившийся портрет человека лет тридцати в русском платье и с русскими чертами лица (ГБЛ, собр. Норова, № 40, л. 46 об.). Это, несомненно, Р. (рисовальщиком, видимо, был посольский художник Дитрих Ниман, умерший на пути из Персии). Непосредственно за портретом (на л. 47—47 об.) помещен автограф Р., сделанный 15 января в Касвине «для памяти дружелюбныя Голштенския земли дохтура Артъмана Грамба». Автограф начинается «относительно-силлабическими» виршами с акростихом — типичным альбомным стихотворением с добрыми пожеланиями. Поэтические упражнения были естественными для обеих миссий: среди голштинцев находился Пауль Флеминг, крупнейший поэт немецкого барокко, посвятивший несколько сонетов Москве (потом их переводил А. П. Сумароков). Русскую миссию возглавлял Р., тоже поэт.

Р. известен скорее как любитель книжного стихотворства: дружеские послания адресовали ему справщик *Савватий* и *Михаил Злобин*. Но и сам Р., кроме альбомных вирш, оставил стихотворение. Оно по акростиху («Алешка Раманчуков») легко извлекается из сохранившейся во многих списках компиляции «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична» (о компиляции см. *Мардарий*). Принадлежащие Р. строки отмечены глубоким пессимизмом:

Аз же отгоним бываю сего света,
лишаются дние мои и кончаются лета,
Ерихона животнаго стены разрушаются,
шумения гласящих труб на торжищи приближаются...

Это, быть может, предсмертные стихи. Существует предположение, что вскоре по возвращении из Персии в 1638 г. Р. отравился (ему грозила опала, ибо царь был разгневан результатами перегово-

ров). Но достоверных сведений о самоубийстве Р. нет. Возможно, он умер от «студеной дорогуши», болезни почек, которой страдал во время путешествия в Персию и от которой его лечил Гартман Грамман.

Изд.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 35—42, 46—48, 242—243; Виршевая поэзия: (первая половина XVII века). М., 1989. С. 215—216. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 24—25.

Лит.: РБС: «Романова—Рясовский». Пг., 1918. С. 53—54; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 93—94, 128, 292; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 451; Литература Древней Руси. С. 175—176; Дубинин С. И. Самарские сонеты Пауля Флеминга и истоки русско-немецких литературных связей // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 31.

А. М. Панченко

Роспись о приданом — памятник смеховой литературы XVII в. Известны две версии Р., одна из которых была составлена в XVII в., а другая (судя по упоминаемым там бытовым деталям) — в XVIII в. Оба варианта анонимны. Р. пародирует договорные брачные документы, перечислявшие имущество невесты, и тематически примыкает к ряду других памятников XVII в., в которых высмеивалась процедура сватовства, например, к *Сказанию о молодце и девице*. Вместе с тем в жанровом отношении Р. принадлежит к разряду шутовских «небылиц» (ср. *Сказание о роскошном житии и веселии*): названные в ней предметы изготовлены из своего рода «антиматериалов» («крашенинные сапоги, ежевая шапка»), а приводимые в зачине топографические реалии дают ложные адреса («Вначале 8 дворов крестьянских / промеж Лебедяни, на старой Резани, недоезжая Казани, / где пьяных вязали, / меж неба и земли, поверх лесу и воды»).

Р. выдержана в стиле раешного (сказового) стиха, использующего разнообразные способы рифмовки, среди которых следует особо выделить рифмы с варьированием ударной гласной («манúру — не в мéру») и созвучия, расходящиеся лишь в области опорных согласных («в ушате — на ухвате», «с бельем — с белмом»). Как отмечают П. Г. Богатырев и Д. С. Лихачев, сегменты этого текста по преимуществу основаны на двух- или трехчленном синтаксическом параллелизме, звенья которого сочетаются между собой либо как взаимоисключающие значения («шуба соболья, а другая сомовья»), либо как синонимические значения, связанные, однако, противительными союзами («жена не ела, а муж не обедал»). В обоих случаях комический эффект возникает в результате противоречия, складывающегося между формально-грамматическим и смысловым уровнями текста. По наблюдению Д. С. Лихачева, комическая двойственность

пронизывает всю Р., вплоть до заключительной характеристики ее авторов: «А у записи сидели: с(ват) Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да п(оп) Тимошка, да сторож Филимошка». Способ изображения, господствующий в Р., — это гротеск, который смешивает воедино несовместимые предметы, взятые из культурного (человеческого) и природного рядов (ср. портрет невесты: «Сама она в полдевята аршина, да поперег ее половина. / В носу у ней растет калина, а в роту выросла рябина. / Шея журавлина, ноги кораблиreferences...»).

Вплоть до нач. XX в. мотивы Р. сохранялись в устной (сказочной и балаганной) традиции. Модель, по которой была сформирована Р., оказалась продуктивной и в беллетристике XIX—XX вв. Достаточно будет напомнить об аналогично построенном перечне предметов, предназначенных для продажи, в повести Гоголя «Нос», при учете существенной для гоголевского текста темы несостоявшегося сватовства (ср. также шутку Ильфа и Петрова «гипсовое белье», близкую к одному из стихов Р.: «Алебастровый карнет (остроконечная шапочка), в котором ходят в з... на банкет»).

Изд.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. М., 1872. С. 430—433; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 367—374; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 124—131; 2-е изд. М., 1977. С. 97—103; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 119—120. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 270—271; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 324—330. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 229—230.

Лит.: Богатырев П. Г. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 454 и след.; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 17, 28—30, 46—48.

И. П. Смирнов

Руданский Иван см. *Гуданский Иван.*

Рукопись Филарета — произведение, посвященное событиям Смутного времени и охватывающее промежуток времени от начала правления царя Василия Шуйского до воцарения *Михаила Феодоровича* (1606—1613 гг.). Р. Ф. сохранилась в единственном списке (ЦГАДА, Древлехранилище, ф. 135, отд. V, руб. 11, ед. хр. 23), не считая поздней неполной копии, сделанной для Н. М. Карамзина. Из-за отсутствия начальных листов в рукописи название памятника отсутствует, и его текст начинается с полуфразы («...и боляря и прочии людие, паче и епискупы рустии; еже

и пострада. Патриарх же Игнатей поколебася и з Гришею Ростригою соединился...»). Используемое в науке название памятника присвоил ему Н. М. Карамзин на основании позднего (XVIII в.) заголовка, находившегося на обертке тетради с текстом Р. Ф.: «Повесть о бывших в России после кончины царя Бориса Годунова до избрания государя царя Михаила Федоровича замешательствах и бедствиях, сочиненная (витиевато) при патриархе Филарете Никитиче, и в некоторых местах его рукою (уповательно) исправленная». Заканчивается Р. Ф. виршами (нач.: «Сему писанию конець предлагаем...»), которые полностью соответствуют первым виршам «*Повести книги сея от прежних лет*».

П. А. Муханов, первый издатель Р. Ф., довольно подробно описал подлинник: «Он писан на столбце, длиною в 34 аршина, столбец разрезан на неравные листы, их число 67... начальных листов и в середине многих недостает, уцелевшие перемешаны без всякого порядка, были сшиты в тетрадь; столбец написан не одною, но шестью различными руками». Последний факт, а также то, что после написания Р. Ф. четыре человека вносили дополнительные исправления в текст, позволило П. А. Муханову сделать обоснованное предположение об участии в создании Р. Ф. нескольких лиц. Почерк одного из тех, кто правил текст Р. Ф., он сравнил с почерком патриарха *Филарета* и нашел, что они схожи. Тем самым он признавал участие патриарха в создании памятника. К тому же выводу склонялся С. Ф. Платонов. В литературе была высказана и другая точка зрения на происхождение Р. Ф.: А. А. Кондратьев отрицает какое бы то ни было участие патриарха в написании рукописи. Датировка Р. Ф. не вызывала споров: А. А. Кондратьев полагал, что она написана в 1630—1633 гг., С. Ф. Платонов датировал ее промежутком времени между 1626 и 1633 гг. А. А. Кондратьев на многочисленных примерах показал, что основным источником Р. Ф. была «Повесть книги сея от прежних лет». Он же отметил многочисленные дополнения в Р. Ф. относительно ее источника. Эти дополнения С. Ф. Платонов разбил на два разряда: риторические украшения и фактические дополнения, последние, по его словам, отличаются «простым языком и имеют характер простых летописных записей». В числе других источников Р. Ф., назывался *Летописец Новый*, но эта точка зрения принимается не всеми.

Л. Е. Морозова провела тщательное палеографическое исследование Р. Ф. и уточнила некоторые моменты в истории ее текста. Рукопись состоит из 90 листов расклеенного столбца, филиграни бумаги, на которой она написана, «тождественны филиграням бумаги черновой и беловой копий Описи Посольского приказа 1626 г.»; один из почерков Р. Ф. встречается в этой Описи. Исследовательница пришла к выводу, что Р. Ф. была составлена в Посольском при-

казе в 1626 г. Что касается взаимоотношения Р. Ф. и «Повести книги сея от прежних лет», то Л. Е. Морозова считает, что у них «был общий протограф, которым пользовались, каждый по своему усмотрению, создатели их».

Изд.: Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России / [Изд. П. А. Муханов]. М., 1837; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 263—330, примеч. XXXI-XXXXI.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1897. Т. 11 Примеч. 570; Т. 12. Примеч. 23, 27, 28, и далее; Кондратьев А. А. О так называемой Рукописи патриарха Филарета // ЖМНП. 1878. Сентябрь. С. 30—83; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 281—291; Зимин А. А. К изучению восстания Болотникова // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 203—212; Морозова Л. Е. К вопросу об идентификации филигранией рукописи Филарета // Филиграниологические исследования: Теория, методика, практика. Л., 1990. С. 97—105; Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 45.

В. К. Зиборов

С

Савва Долгий (в иночестве Симеон) (2-я пол. XVII в.) — священник, предполагаемый автор Покаянного исповедания. С. Д. был сподвижником, а возможно и учеником *Сильвестра Медведева*, разделявшим его взгляды на богословско-литургический вопрос о времени пресуществления святых даров. За этим вопросом стояла более широкая проблема о характере организации на Руси школьного дела, разделившая русское образованное общество на две партии — старомосковскую, сторонницу греческого образования, и западную, ратовавшую за обучение москвичей по латинскому образцу; к последней относился Сильвестр Медведев и его единомышленники.

О С. Д. известно только из розыскного дела Сильвестра Медведева и из подписанного им Покаянного исповедания, автором которого он мог и не быть («К сему моему истинному исповеданию аз недостойный и многогрешный Симеон во извещение правды руку приложил»: Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 359, примеч. 182). Из этих документов видно, что С. Д., тогда, в 1688—1689 г., уже бывший монахом Симеоном, часто посещал Сильвестра Медведева, читал его сочинения и учил других. Он же распространял

среди «священников и простецов» вышедшие из круга Сильвестра полемические сочинения, направленные против братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов.* А. Прозоровский считает, что в их число прежде всего входит произведение, известное под названием «Обличение на новопотаенных волков», названное *Евфимием Чудовским* «неистовобреханием». Как показал при розыске старец Арсений, оно было переписано в трапезной келье Сильвестра в 40 тетрадей, а затем распространялось С. Д.

Нет никаких данных о том, что С. Д. был арестован вместе с Сильвестром Медведевым и ему были предъявлены политические обвинения. Его имя фигурирует в розыскном деле только в показаниях старца Арсения. Но он был подвергнут вместе с Сильвестром церковному суду. Его Покаянное исповедание написано в декабре 1689 г., как считает А. Прозоровский, тем же лицом, которым написано Покаянное исповедание Сильвестра Медведева, на что указывают текстуальные совпадения ряда мест. Покаянное исповедание С. Д. целиком ориентировано на Покаянное исповедание Сильвестра. Так, в нем осуждается сочинение Сильвестра «Манна», которая будто бы «наполнена всякия прелести душегубительния ... обманна, отрава, чаровница, губительница, яд скорпиев» (у Сильвестра — «не есть Манна, но православных обманна и прелесть, не хлеба животного манна, но яда душегубительнаго исполнена отрава»). При всем его сходстве с аналогичным текстом знаменитого силлабического поэта, Покаянное исповедание С. Д. меньше по объему и примитивнее стилистически по сравнению с Покаянным исповеданием Сильвестра Медведева. Возможно, в Покаянном исповедании С. Д. как-то отразились истинные черты его биографии: он, по-видимому, еще будучи попом, «в мятежное время страдах от раскольников церковных». Оба Покаянных исповедания были написаны в Троице-Сергиевом монастыре, из чего следует, что С. Д. находился там вместе с Сильвестром Медведевым. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Покаянное исповедание С. распространялось в конце XVII в. в составе сборника «Остен», составленного Евфимием Чудовским из материалов, посвященных вопросу о времени пресуществления святых даров и связанной с ним полемике (см., например: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II, ч. 3. С. 424—429).

Изд.: Остен. Казань. 1865. С. 104—111.

Лит.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 554—555, 705—706; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 296, 353, 354, примеч. 154, 359—362, 577—584.

М. Д. Каган

Савва Романов (2-я пол. XVII в.) — старообрядческий писатель, автор «Истории о вере и челобитной о стрельцах», рассказывающей о выступлении в защиту старой веры, которое явилось составной частью стрелецкого восстания 1682 г. и завершилось знаменитыми прениями о вере в Грановитой палате 5 июля. Единственные сведения о личности автора извлекаются из его сочинения, в котором С. Р. говорит о себе то в первом, то в третьем лице. Из «Истории» следует, что ее автор был когда-то келейником архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря («на Желтых Песках»), но события 1682 г. застают его уже чернослободцем московской Гончарной слободы. Пребывание С. Р. в Макарьевском Желтоводском монастыре может косвенно указывать на его причастность движению «боголюбцев», тесно связанных с обителью Унженского чудотворца (Понырко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58—69). Предложенное В. И. Бугановым отождествление С. Р. и упоминаемого в «Созерцании кратком» Савватия («Савватий рострига, боярской холоп, москвитин»: Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисл. и примеч. А. Прозоровского // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. С. 85) едва ли правомочно. Во-первых, С. Р. ни разу не называет себя Савватием, во-вторых, в старообрядческом выступлении 1682 г., наряду с Савватием костромитином (так он обозначен и в «Созерцании кратком»), участвовал также другой Савватий — переславец. К нему, надо думать, и относится характеристика «Созерцания краткого».

С. Р., по-видимому, не принимал активного участия в раннем старообрядческом движении. В противном случае он был бы хорошо известен властям и не смог бы во время споров в Крестовой палате сохранить свое инкогнито, назвавшись стрелецким сотником Василием.

«История» С. Р. была весьма популярна в старообрядческой книжности, известно около сорока ее списков. Хотя текстологическим исследованием памятника никто всерьез не занимался, предварительные наблюдения позволяют выделить две редакции «Истории», которые принято называть пространной и сокращенной (названия эти не отражают сути дела, в так называемой «сокращенной» редакции текст пространной скорее перефразируется, нежели сокращается). Пространная редакция издана в «Летописях Тихонравова», сокращенная — в книге Д. Е. Кожанчикова. В старшем списке пространной редакции (БАН, 45.6.3) «История» не имеет заглавия, что, по замечанию Н. Ю. Бубнова, характерно для большинства старообрядческих сочинений XVII в. в авторских редакциях (существующее в науке название — «История о вере и челобитная о стрельцах» впервые было употреблено Макарием Булгаковым, поль-

зовавшимся миссионерским списком XIX в.). Считается, что из-под пера С. Р. вышла именно эта редакция.

Относительно происхождения сокращенной редакции существуют разные точки зрения. Заканчивается она словами: «Написана сия повесть самовидцем всего сего дела правоверным християнином Саввою Романовым. От него же зде мало скращеннее в словесех, а не в деле самом, преписася» (далее следуют известия о казни *И. А. Хованского*, о стрелецкой казни 1699 г. и о смерти царевны *Софии Алексеевны*). На основании этих слов И. Румянцев делает вывод, что сокращения произвел сам С. Р.; Филарет Гумилевский, напротив, приписывает их другому лицу. Н. Ю. Бубнов высказал предположение, что сокращенная редакция возникла на Выгу. Предположению Н. Ю. Бубнова противоречит список «Истории» в сокращенной редакции БАН, собр. Дружинина, № 978 (227), XIX в., где читается концовка: «И сия убо вся, елико видехом очима своима и елико ушима своима от своея о Христе братии слышавше, написахом. Ныне же усмотрившеся полезная по уставу и правилом, новопреписася в пользу слышащим лета 7200-го». Следовательно, для сокращенной редакции устанавливается terminus ante quem — 1692 г. Впрочем, сокращенная редакция существует в нескольких разновидностях, взаимоотношение которых еще предстоит выяснить.

«История» С. Р. по справедливости считается один из главных источников по истории «хованщины». Рассматривая произведение с позиций новейшей историографии, А. Бровкович считает хронологическую последовательность организующим принципом повествования и выделяет в «Истории» три составные части: 1) события 25 мая—23 июня, когда стрельцы, посадские люди и князь И. А. Хованский совещались о мерах по восстановлению старой веры; 2) события 23 июня—5 июля, когда ревнители «древлего благочестия» требовали соборного состязания с духовными властями; 3) события с 5 июля до прекращения мятежа и наказания его участников. В действительности, сочинение С. Р. посвящено не столько старообрядческому выступлению как историческому событию, сколько составлению и вручению челобитной. Это и подчеркивается в разных вариантах заглавия, пускай и принадлежащих позднейшим редакторам и переписчикам: «Челобитная московская»; «О подании челобитной...»; «История о стрельцах и челобитна» и т. д. Значение, которое придает С. Р. челобитной, будет понятно, если учесть, что он играл одну из главных ролей в ее составлении, распространении и обсуждении. Хотя не дошедшая до нас стрелецко-чернослободская челобитная носила компилятивный характер (в основном она следовала за текстом Пятой соловецкой челобитной), сам факт привлечения С. Р. к ее написанию свидетельствует об авторитете автора «Истории» среди явных и тайных старообрядцев. По-видимому, он обладал незаурядными способностями декламатора: во всяком слу-

чае, в «Истории» настойчиво подчеркивается, что именно С. Р. поручалось оглашать составленный старообрядцами текст. Хорошую осведомленность в истории раскола С. Р. обнаружил также во время препирательств с духовными властями, которые стихийно возникли в Крестовой палате 28 июня (эта датировка обоснована И. Румянцевым). Характерно вместе с тем, что С. Р. не принимал участия в основных прениях в Грановитой палате, уступив место главным идеологам старообрядческого движения — *Никите Добрынину* и иноку *Сергию*. Характерно, что и сама «История» не отмечена тем боевым публицистическим духом, которым проникнута ранняя старообрядческая литература и который приводил к ломке литературных канонов.

Изд.: «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. Отд. II. С. 111 - 148; «О подании челобитной» Саввы Романова // Три челобитные. Справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядчества) / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862. С. 57—143.

Лит.: Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 219—236; Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1. С. 38 64; Филарет. Обзор. С. 245: Иконников. Опыт по историографии. Киев. 1891. Т. 1, кн. 1. С. 726; 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1007; 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1868 1869; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 242—243; Румянцев И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»): Историко-критический очерк. Сергиев Посад. 1916. С. 61 63, 269—328, 568 - 641; Богоявленский С. К. Хованщина // ИЗ. М., 1941. Т. 10. С. 197, 210; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 13; Будовниц. Словарь. С. 125; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 211 235; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 284; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР Т. 7. вып. 2: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. Л., 1984. С. 51, 196. 208 209. 217, 221, 227—228, 230, 245; Бубнов Н. Ю. «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова и ее литературные источники // Книга в России XVI - середины XIX в.: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 53—61; 2) Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 174 - 181; Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник МГУ. 1990. Сер. 8: История. № 2. С. 92 - 98.

Д. М. Буланин, К. В. Орлов

Савватий (1-я пол. XVII в.) — справщик Печатного двора, поэт. Имя С. известно из акростихов, которыми начинались некоторые из его стихотворных посланий («...чернец Савватиище...», «чернец Саватий»). Из них же обнаруживается причастность С. к Печатному двору. По приходно-расходным книгам Книжной справы чернец С. служил справщиком с сентября 1634 г. по сентябрь 1652 г. с окладом в 35 рублей. Возможно, до этого он состоял в причте одной из дворцовых церквей, поскольку он сам пишет в послании к царю *Михаилу Феодоровичу*: «Богомолец твой государев царев, прежебывший у тебя, государя, служитель алтарев»; овдовев, он, по-видимому, по-

стригся в монахи. Как видно из стихотворных посланий С., он подвизался и на педагогическом поприще, состоял домашним учителем. Его ученик, князь Михаил Никитич Одоевский, сын боярина *Никиты Ивановича Одоевского*, посла в Польше, главы Казанского и Сибирского приказов, а впоследствии и Комиссии по составлению Уложения, умер молодым в 1653 г. Ему посвящены наставления учителя С. «Прещение вкратце о леностн и нерадении всякому, бываемому во учении» и «Азбука отпускная тебе, моему ученику». Исследователь детской литературы Ф. И. Сетин, сравнив стихотворное послание М. Н. Одоевскому со стихами из Азбуки *Василия Бурцева*, изданной на Печатном дворе в 1637 г., атрибутировал С. и последние стихи. Однако атрибуция Ф. И. Сетина нуждается в проверке: среди стихов С. им названо и стихотворное предисловие к басням Эзопа, переведенным в 1607 г. переводчиком Посольского приказа *Федором Гозвинским*, тогда как известно, что это предисловие сочинил сам Гозвинский.

Причины отстранения С. от книжной справы в 1652 г. с приходом к власти патриарха *Никона* неизвестны. Делались попытки объяснить его увольнение вместе со справщиком *Иоанном Наседкой* неодобрительным отношением обоих к реформе Никона и связями с одним из видных деятелей раскола *Иоанном Нероновым*. В *Житии Иоанна (Григория) Неронова* упоминается друг героя Жития — отец Савватий, умерший между 1652 и 1656 гг., могилу которого в Покровском монастыре в Москве посетили Иван Неронов, будучи уже иноком Григорием, а затем и сам Никон (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 145, 158—159). Однако не существует достаточных оснований для отождествления справщика С. с отцом Савватием, упоминаемым в Житии.

Справщик С. — представитель «приказной школы» поэтов, сложившейся в 1630-х гг. и просуществовавшей два десятилетия. Книжная справа была литературным центром, вокруг которого эта школа объединялась. В нее входили прежде всего приказные служащие — монахи-справщики, связанные друг с другом служебными и личными дружескими отношениями. К ней принадлежали и аристократы, и представители знатных приказных родов, но большинство из них — *Петр Самсонов, Стефан Горчак, Михаил Злобин, Ермолай Азанчеев*, Иван Наседка, как и С. — люди незнатные. Их поэтическая деятельность носила в основном неофициальный характер и состояла в регулярном обмене обширными посланиями.

С. обращался со стихотворными посланиями к разным лицам. Кроме собратьев по перу, среди его адресатов встречаются представители придворных кругов (Иван Никитич Романов, дядя царя, Никита, царский духовник, Василий Сергеевич Прокофьев, учитель ца-

ревича *Алексея Михайловича*, князь *Семен Иванович Шаховской*, сам царь Михаил), а также верхи приказной аристократии (дьяк Василий Львович Волков, к которому С. обращался за посредничеством, ища службы, Алексей Михайлович Львов, стольник, кравчий, а затем начальник приказа Большого дворца и Печатного двора, благодаря которому С. стал справщиком). Их имена читаются в акростихах, но часто скрываются в анаграмме, например: «Прикладом же дукс именуется, пред царем же государем говорит, не обинуется. Рождьшего же имеет тезоименита лицу Божию, и всегда покланяется царскому подножию. По реклу же именит твоему отцу...» — в послании Василию Львовичу Волкову (речь идет об Алексее Михайловиче Львове).

Часть стихотворных посланий С. написана по чисто житейским поводам — это ходатайство о должности, рассуждение о дружеских отношениях между поэтами и разногласиях между ними. Но послания могли и не иметь определенного содержания, ограничиваясь триадой: приветствие, прощание, подпись. Такие послания должны были показать только лишь литературную искушенность автора. В стихах С. отразились современные ему события, собственные его взгляды и литературные интересы. В них можно найти суждения об отношении к иноверцам как отголосок идеологической полемики, связанной с приездом в Москву датского королевича Вальдемара — жениха царевны Ирины и последовавшими за приездом диспутами. Одно из стихотворений С. посвящено работе справщика. Обвиненный в издательских ошибках, он оправдывается, ссылаясь на трудности своей работы. Перу С. принадлежит «Предисловие к Царственной книге, сииречь к Гранографу», в котором неравносложными стихами изложена вкратце хроника византийских императоров в строгом соответствии с *Хроникой Георгия Амартола*. За «Предисловием» должен был следовать прозаический текст Хронографа; стихи к этому тексту должны были служить не только предисловием, но и подробным оглавлением. Другое произведение С. — «Слово о прелестнем сем и видимом нами свете и о живущих всех нас человек в новом сем завете» и связанные с ним нравоучительные стихотворения — «О свете», «О плоти», «О утробе» развивали традиционную для христианской литературы тему суетности и бренности человеческой жизни. «Предисловие» к Хронографу и «Слово» С. хотел видеть напечатанными и просил об этом царя. Однако стихи С. напечатаны не были и известны только в рукописях. Как правило, это сборники виршевых посланий 1-й и 2-й пол. XVII в.: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380, 411; собр. Гранкова, № 98; ГИМ, собр. Барсова, № 470; Чуд. собр., № 359/57; Музейское собр., № 439, 2936; ЦГАДА, ф. 181, собр. Оболенского, № 250/455; БАН, Арханг. собр., Д. 527.

Стихотворения С. — неравносложные вирши с парной грамматической рифмой, чаще всего глагольной. «Остроумие», «острый разум», рассуждения о которых занимают в них большое место, означали умение пользоваться «витийным», поэтическим языком, противопоставленным простому, «грамматическому» языку. Пристрастие к акростиху («краегранесию», «началострочию») также было признаком изысканной литературной манеры. Излюбленным приемом С. становится принятое в «приказной школе» стихотворцев уподобление, традиционное для византийско-славянской книжности. Так, в послании к *Алексею Романчукову* темы мудрости и философии вызывали ряд ветхозаветных ассоциаций: олень течет на водные источники — разумный муж на благие словеса, солнечный свет разгоняет тучи — мудрый человек разрешает недоумения и пр. Литературные источники С. обычны для православного книжника — Псалтирь, Притчи Соломона, книги Нового завета, писания отцов церкви, *Физиолог*, *Азбуковники*, *Пчела*. Из них черпались прямые и скрытые цитаты. Особенным авторитетом пользовались в среде С. сочинения *Максима Грека*.

Изд.: Лопарев Хр. Описание рукописи Московского Чудова монастыря № 57—359. Л. 11—15 // ЧОИДР. 1886. Кн. 3. Отд. V. С. 6—9; Шептаев Л. С. Стихи справщика Савватия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 5—28; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 73—84. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 39—76, 248—259; Виршевая поэзия: (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 151—214, 424—435. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 18—23.

Лит.: Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 13; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1890. № 9—10. С. 457; 1891. № 1—2. С. 149—152; Демин А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий // ТОДРЛ. Т. 21. С. 74; Сетин Ф. И. 1) Возникновение русской детской поэзии: (Из истории древнерусской литературы для детей) // Детская литература: Сб. статей. М., 1975. С. 139—142; 2) Первый русский поэт для детей // Детская литература. 1976. № 4. С. 32—33; 3) Возникновение русской детской литературы и основные этапы ее развития. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1978. С. 9—10; 4) Возникновение русской детской литературы. М., 1978. С. 28—35; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 360—361; Литература Древней Руси. С. 176—177.

М. Д. Каган

Савватий (в миру Семен Васильев Башмак, по прозвищу Третьяк) (ум. 1670-е) — дьяк, автор писем и челобитных. В некоторых справочниках ошибочно указывается прозвище С. — «Тейща», которого нет ни в произведениях самого С., ни в современных источниках. На этот факт уже обращал внимание А. Ф. Бычков. Вероятно, ошибка возникла в результате неправильного осмысления челобитной, в которой С. называет себя «Саватеище» (в списке челобитной, который раньше других стал известен исследователям, имя автора

перенесено с одной строки на другую — «Сава//теище»). Характерно, что современник С. — поэт, книжник и справщик Московского Печатного двора старец *Савватий* также называет себя «Савватинище». Между прочим, последнего Савватия часто путают с С. (см., например: Будовниц. Словарь. С. 283).

В 1623—1626 гг. С. служил подьячим в Тобольске и Тюмени, в 1632—1639 гг. — подьячим приказа Казанского дворца и Сибирского приказа, с 1640 г. — подьячим Посольского приказа. В 1646 г. был направлен дьяком в Тобольск, где находился в течение шести лет. От этого времени сохранился составленный С. рукописный сборник, характеризующий его как человека образованного, с разносторонними интересами (старый шифр Синод. собр., № 307). Сборник содержит летописные заметки, отрывки из ветхозаветной истории, список окрестных государств, небольшой словарь польских выражений, чин венчания на царство *Алексея Михайловича*, материалы о литовских делах, в том числе рассказ о литовском после Гаврииле Стемпковском и др. Наибольший интерес представляет сохранившаяся в этом сборнике переписка С. — его письма к думному дьяку Семену Ивановичу Волошенникову, князю *Семену Ивановичу Шаховскому*, архиепископу Тобольскому и Сибирскому Симеону, князю Алексею Никитичу Трубецкому, а также несколько ответных посланий. Основная тема писем С. — беспокойство за оставленный в Москве дом и жалобы на некоего полковника Александра Крафорта, который «домишко мое, стое на нем, до конца опустошил, хоромишка все исперепортил и садишко высек», а также просьбы о возвращении в Москву. В ответ на это С. получал преимущественно просьбы о присылке осетрины, стерляди и икры. В одном из писем С. упоминает и о своих книжных интересах: «...трожды в Сибири чол Библию от перваго листа и до последняго, также и любопремудраго Дионисия Ареопагита отчасти коснулся, и еще требую сладкия сея чаши ... и государеву делу помешки тем, что почитаю книги, не чинил, на то время не досыпал». Им составлена также отписка тобольских воевод к Алексею Михайловичу о сметных книгах по ясачному сбору. В другом сборнике XVII в. сохранилось письмо С. к брату Сергею Васильеву (ЦГАДА, ф. 181, № 605/1113, л. 283—287 об.).

В 1652 г. С. был возвращен в Москву и назначен дьяком Сибирского приказа. В 1654 г. С. постригся в Чудовом монастыре. В 1659 г. он подал Алексею Михайловичу челобитную «о книжном неисправлении», в которой обвинял справщиков в умышленном искажении священных книг («книги портят и плевелы в них сеют»). Эта челобитная не сохранилась, единственное упоминание о ней содержится во второй челобитной С., которую он послал царю в конце 1660 или в нач. 1661 г. из Кирилло-Белозерского монастыря, куда был сослан в ноябре 1659 г. Во второй челобитной он подробно разбирает ошибки, допущенные, по его мнению, в печатных изданиях

Пролога, Октоиха, Триоди, Шестоднева, Псалтири, Часослова, Служебника, Минеи (замена «бысть по 2 лице» словами «был еси», написание «Иисус» вместо «Исус», попытки справщиков выкинуть из славянской азбуки ряд букв и др.), а также описывает свои заслуги на государственной службе («сорок лет есьми убогой аз был у ваших государевых дел»). Вторая челобитная сохранилась в нескольких списках: ГБЛ, собр. Румянцева, № 375, XVIII в. (по этому списку произведение было опубликовано Д. Е. Кожанчиковым, причем С. был спутан с другим Савватием — справщиком); ГПБ, собр. Погодина, № 1550, 2-я пол. XVII в. (более исправный список); ГИМ, собр. Уварова, № 497, конец XVII в.; поздний список ГИМ, собр. Хлудова, № 58[д]. Текст этой челобитной отразился в «Щите веры» и в «Ответе православных» диакона *Феодора*.

В апреле 1661 г. С. был освобожден из-под начала, однако оставлен в Кирилло-Белозерском монастыре в «рядовой братии». О дальнейшей его судьбе почти ничего не известно. В нач. 1670-х гг. он находился в тюрьме Московского Новоспасского монастыря. Об этом упоминает протопоп *Аввакум*, рассказывая в Житии о своей высылке в Сибирь в 1653 г.: «Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом в земляной же тюрьме. Спаси ево, Господи! И тогда мне делал добро». Вероятно, в этой тюрьме С. и умер.

Изд.: Переписка Третьяка Васильева // ВОИДР. 1851. Кн. 9. Смесь. С. 1—29; Три челобитные. Справщика Савватия, Саввы Романова, и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядчества) / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862. С. 13—55.

Лит.: С[убботи]н Н. Как издаются у нас книжки о расколе // Русский вестник. 1862. Т. 42, декабрь. С. 812—815; Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 1, 521; Филарет. Обзор. С. 231; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 56. С. 28; РБС: «Сабанеев—Смыслов». СПб., 1904. С. 23—24; Беляев И. С. Росписной список Москвы, 1638 г. // Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 73; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 243; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 86—87; Живов В., Успенский Б. А. Grammatica sub specie theologiae: Претеритные формы глагола *быти* в русском языковом сознании XVI—XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10, N 3. С. 267—269; Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси XVI—XVII вв. // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 212, 217—218; Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 107, 108, 320—322, 328, 343, 349, 354.

В. К. Зиборов, В. В. Яковлев

Садовулин (Садовский) Василий, предполагаемый переводчик сочинения «Описание вин или причин, которыми к погибели и к ра-

зоренью всякие царства приходят, и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца», см. *О причинах гибели царств*.

Самсонов Петр (1-я пол. XVII в.) — дьяк, поэт «приказной школы». Источники упоминают его с 1615 г., когда С. был дозорщиком в Вологодском уезде. В 1625 г. — подьячий; с 28 сентября 1631 г. — дьяк Патриаршего дворцового приказа. Принадлежал к семье, занимавшей видное место в среде московской администрации XVII в. (до десятка Самсоновых служили дьяками и подьячими в столице и в провинции).

Из стихотворных эпистолий С. явствует, что поэт какое-то время был в ссылке в глухой провинции — «в концах вселенныя», как он выражается. Некоторые авторские намеки позволяют предположить, что причиной опалы С. было его поведение в Смутное время. В некоторых эпистолиях С. просит своих московских доброхотов «печаловаться» о нем перед царем *Михаилом Феодоровичем* и позаботиться о «преселении» ссыльного поэта в Москву. В конце концов С. добился своего. Занятия стихотворством он продолжал и в столице: некоторые послания безусловно написаны здесь.

В акростихах, в частности, названы имена и отчества адресатов. Из них пока удалось более или менее уверенно отождествить только одного: два послания С. направил некоему Михаилу Стефановичу — по-видимому, протопопу собора черниговских чудотворцев и справщику Печатного двора *Михаилу Стефановичу Рогову*, также стихотворцу. Как поэт С. вполне вписывается в рамки тех эстетических канонов, которые исповедовала «приказная школа». С. заботится прежде всего о стихотворной технике, которой владеет довольно хорошо. Эпистолии С. читаются в рук.: ГИМ, собр. Барсова, № 470, л. 19—21; Чуд. собр., № 359/57, л. 11—13; ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 249(330)—260(340) об.; ГИМ, Музейское собр., № 1209, л. 253 об. — 254 об. В Музее истории религии хранится экземпляр Острожской библии, проданный С. в 1619 г. (Буланин Д. М. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков Музея истории религии и атеизма в Ленинграде // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1986. С. 31).

Изд.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 263—269; Виршевая поэзия: (первая половина XVII века). М., 1989. С. 244—254 («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Панченко А. М. Несколько замечаний о генеалогии книжной поэзии XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 241—243; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 462.

А. М. Панченко

«Свобождение Ливонии и Ингерманляндии» — пьеса, поставленная в школьном театре Славяно-греко-латинской академии в февра-

ле 1705 г. в честь взятия войсками Петра I Нарвы. Если в предыдущих пьесах школьного театра (*«Страшное изображение втораго пришествия», «Царство мира», «Торжество мира православнаго», Ревность православия*) политические события были обозначены только намеком, то в С. они становятся основной темой пьесы. Об этом говорит уже само ее заглавие, в полном виде читающееся так: «Свобождение Ливонии и Ингерманляндии отечества росска, древле чрез мужественна вожда исраилтескаго Моисеа во Исраили прообразованное, ныне же силою Вышняго чрез храброе воинство российское во отечествии своем истинно зримое, при благополучной державе пресветлейшаго и благочестивейшаго августейшаго царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, своими явлениами в трех частех во училищах его царскаго пресветлаго величества чрез благородных отроков в царствующем граде Москве вкратце изображенное, лета от Рождества Христова 1705-го, месяца февруария». Выдержанная в барочном стиле школьных постановок, действующими лицами которых сплошь являются аллегорические персонажи, почерпнутые из античной мифологии и христианской символики, пьеса С. все же несколько отходит от этой традиции. Большинство ее действующих лиц — аллегории политические. Это сами страны — Ливония и Ингерманландия, похищенные Львом (герб Швеции, обозначающий Шведское государство). Освобождающая эти страны от Хищения неправедного «Ревность росская» олицетворяет Петра I. Шведский лев борется с российским орлом — гербы воюющих государств. Действие осложнено множеством других аллегорий и символов; как это обычно для школьной драматургии, антично-мифологические фигуры (Зевс, Феб, Марс) соседствуют с библейским Моисеем, освободившим израильский народ от фараона. Проводится параллель между подвигом Моисея и подвигом «Ревности росской» (Петра), в пьесе это фигуры равнозначные. Новыми чертами является отсутствие в качестве действующего лица непременной в предыдущих пьесах Церкви и введение совсем необычных персонажей — звездочетцев, предсказывающих приметы будущего освободителя. В этом сказался как светский характер произведения, так и новое отношение к наукам, и, в частности, к астрономии.

Между пьесами Ревность православия и С. много общего: Ревность — общий герой, в первой пьесе ей помогает библейский Иисус Навин, во второй — Моисей; Хищение, как и Беллона из Ревности православия, затворяется в граде, которым овладевает Ревность. Имеется сходство и в построении пьес: обе предваряются синопсисом, в котором кратко излагается библейская параллель к сюжету пьесы, имеется пролог (в С. еще и антипролог) и эпилог, пьесы делятся не на действия, а на три части, которые в С. состоят из 8-ми и 7-ми явлений. В программах пьес не отмечены интермедии, которые, скорее всего, были импровизациями. Это сходство, возможно,

указывает на принадлежность пьес одному автору, по-видимому, преподавателю академии.

Параллели к отдельным элементам С. можно найти в других памятниках русской культуры нач. XVIII в. Так, в проповедях Стефана Яворского, посвященных победам в Северной войне, Петр сравнивается с Моисеем. Сооруженные для встречи Петра-победителя триумфальные ворота были украшены теми же аллегорическими фигурами, которые выведены в пьесе. С другой стороны, паратеатральные элементы — торжественные ворота и торжественная колесница, запряженная побежденными львами — фигурируют на сцене.

Текст С. не сохранился. Содержание ее известно по программе-либретто, отпечатанной кирилловским шрифтом в Москве в 1705 г. тиражом примерно 200 экземпляров. Из них сохранилось несколько — в БАН, ГПБ, ЦГАДА, причем часть из них имеет корректурную правку. В экземплярах ЦГАДА, происходящих из библиотеки Московской синодальной типографии, по низу листов стоят имена наборщиков — «Лаврентей», «Володимер», «Яков Сидорин». В рук. ЦГАДА, ф. 381, № 981 и 982, нач. XVIII в., находятся два рукописных списка программы С., беловой и черновой, которые предшествовали печатному тексту.

Изд.: Тихонравов Н. С. Русские драматические сочинения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. С. 345—355; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 216—227, 499—501. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первая половина XVIII в.))

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 439—441; Т. 2. С. 107; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 324—327; Адрианова-Перетц В. П. 1) Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 31; 2) Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. // Там же. № 32. С. 191; Перетц В. Н. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII вв. // Там же. С. 78, 88; Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр от истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 136; Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. № 43, С. 116—119; Баранкова Г. С. Пьесы Славяно-греко-латинской академии о Северной войне: (о некоторых художественных особенностях) // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 270—278; Гребенюк В. П. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // Новые черты в русской литературе и искусстве: (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 133—145; Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 22, 53. (Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.)); Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв. М., 1981. С. 77, 82, 91, 96, 118, 125, 153, 171, 218, 227, 231.

М. Д. Каган

Семен Денисов Вторушин (1682—1740) — один из основателей Выговского старообрядческого общежительства и второй (после

Андрея Денисова) его настоятель, автор «Винограда Российского», «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и др. В общежительство С. переселился под влиянием старшего брата Андрея Денисова, переманившего туда вскоре после основания монастыря всю свою семью (отца и сестру с двумя братьями). Несмотря на заслуги на поприще настоятельства, С. осознавался в старообрядческой среде как проповедник, ритор по преимуществу (ср. характеристику основателей монастыря в «Истории Выговской пустыни» *Ивана Филиппова*: «Даниил — златое правило Христовы кротости, Петр — устава церковного бодрое око, Андрей — мудрости многоценное сокровище и Симеон — сладковещательная ластовица и немолчная богословия уста»).

В 1713 г. С. был арестован Новгородским митрополитом *Иовом*. Более четырех лет он провел в заточении, сопротивляясь усилиям митрополита отвратить своего узника от старообрядчества. Иов возил С. в Петербург для увещевания в Синоде, но успеха не имел. В заточении были написаны первые произведения С. — три послания митрополиту Иову в защиту старой веры и более десяти посланий братии и сестрам на Выг. Согласно старообрядческому преданию, отвечать на послания к Новгородскому митрополиту было поручено *Иоаннику Лихуду*, находившемуся тогда в Новгороде. Пребывание в Новгороде явилось значительным импульсом к литературным упражнениям С. Митрополит Иов, Иоанникий Лихуд принадлежали к известному писательскому кругу, отодвинутому петровской эпохой на задний план. С. имел длительную возможность личного общения и полемики с ними. В 1713 г. в Новгороде находился *Карион Истомин*. Учитывая его опыт и пристрастие к «раскольничьим» делам, а также близость к Иову и Иоанникию (Карион был учеником Лихудов в Москве), можно предположить, что и он не остался в стороне от увещевания упрямого «раскольника». Таким образом, С. во время новгородского заточения познакомился с целой группой писателей, принадлежащих литературной школе XVII в.

Оказавшись на свободе (выговцы организовали его побег), С. захотел уединиться и заняться словесными науками. «Провел в келье шесть лет сидя, книги читая и риторики с Москвы получая, и в тех упражнялся самоукой, время оно препровождая в охоте и тщании книжном», — писал Иван Филиппов об этом периоде жизни С. Первым учителем С. в словесности был брат Андрей. Вскоре С. сам сделался учителем. До нас дошли учебные выговские рукописи (сборник упражнений по риторике — ГПБ, O.XV.51 и Грамматика — БАН, собр. Дружинина, № 299 (345)), вышедшие из мастерской С. и его учеников. В школе братьев Денисовых штудировали все общерусские риторики, известные к нач. XVIII в. В 1730-е гг. на их основе С., вместе с Мануилом Петровым, создал оригинальную выговскую Риторику-свод. В 1730 г., после смерти Андрея Денисова,

С. сделался настоятелем общежительства и пребывал им до своей кончины.

В годы управления С. монастырем Выговское общежительство находилось под следствием со стороны церковных и светских властей (с 1732 по 1738 г. — по доносу дьячка Толвуйского погоста Петра Халтурина, с 1738 по 1744 г. — по доносу бывшего выговского общежителя Ивана Круглого). По церковному ведомству выговцы обвинялись в обращении в старообрядчество окрестного населения, по гражданскому — в «немолении» за царя и царствующую фамилию. Последнее дело велось Тайной канцелярией. В общежительство была послана следственная комиссия во главе с асессором О. Т. Квашниным-Самариным. С. был арестован. Выговцы вынуждены были принять моление за царя. В 1740 г. дело Тайной канцелярии закончилось благоприятно для пустынножителей. Но С. вышел из-под ареста больным и вскоре скончался.

С. написал более 100 сочинений. Он помогал Андрею Денисову в написании «Поморских ответов». Помимо произведений деловой письменности (Уставы, соборные уложения), ему принадлежат многочисленные торжественные и проповеднические слова и послания, надгробные слова. Центральные произведения С. — «Виноград Российский», собрание мартириев старообрядческих мучеников (1730—1733 гг.), и «История об отцах и страдальцах соловецких», повествующая об осаде Соловецкого монастыря в 1667—1674 гг., — сделались самым популярным чтением в старообрядчестве всех толков вплоть до XX в. «Виноград Российский» стал источником более поздней выговской литературы, компилятивной по своему характеру; заимствования из него обнаруживаются в анонимных выговских *житиях Кирилла Сунарецкого*, инока *Епифания, Повести о боярыне Морозовой*, в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова и других произведениях. Помимо прозаических жанров, С. подвизался в силлабическом стихотворстве. Его стихи представлены многочисленными неравносложными виршами к главам «Винограда Российского» и силлабическим отрывком из «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Подробный перечень сочинений С. и их списков дан в кн. В. Г. Дружинина.

Изд.: Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т. 2. Приложения и материалы. С. 1—55; Виноград Российский. М., 1906; Sullivan J., Drage C. L. Poems in Unpublished Manuscript of the Vinograd Rossiiskii // Oxford Slavonic Papers. 1968. Vol. 1. P. 27—48; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 155—191; Юхименко Е. М. Вновь найденные письма Семена Денисова // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 409—421.

Лит.: Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1. С. 64—165; Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 303—310; История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 144—152, 219—222, 396—398, 417—418, 470—479 и др.; Барсов Н. И. Братья Андрей и

Семен Денисовы: Эпизод из истории русского раскола // ПО. 1865. Май. С. 20—48: июнь. С. 221—242; август. С. 404—423; сентябрь. С. 55—91; октябрь. С. 232—247; ноябрь. С. 412—438; декабрь. С. 514—528; Барсов Е. В. 1) Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века // Труды КДА. 1866. № 2. С. 174—230: № 6. С. 168—230; № 7. С. 285—304; № 12. С. 570—588; 2) Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг. Петрозаводск. 1869. С. 85—116; 3) Четьи минеи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663—708; Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик: Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. СПб., 1883. С. 30; Смирнов П. С. 1) Лексинская бсспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910. № 2. С. 145—172; № 3. С. 310—333; 2) Выговская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Там же. 1910. № 5—6. С. 638—674; № 7—8. С. 910—934; Дружинин В. Г. 2) Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 2) Писаиия старообрядцев. С. 133—161; 3) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 7—9. Табл. VIII—XIX; 4) Поморские палеографы начала XVIII столетия // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1—66; Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162; Юхименко Е. М. 1) «Виноград Российский» С. Денисова: (текстологический анализ) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1985. С. 249—266; 2) Рукописная традиция «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова на Севере России // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тезисы выступлений на республиканской научной конф. Вологда, 1989. Ч. 1. С. 56—58; 3) Новые данные к биографии Семена Денисова // РЛ. 1990. № 2. С. 168—170; 4) «История о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова — памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в страиах Европы, Азии и Америки: Сб. иаучиых трудов. Новосибирск, 1992. С. 107—113: 5) Лицевые списки Повести об осаде Соловецкого монастыря // И. Е. Забелии: 170 лет со дия рождеиия (Материалы научных чтений Государственного исторического музея 29—31 октября 1990 года). М., 1992. Ч. 2. С. 98—105; 6) Письменные источники «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4. С. 329—354; 7) Неизвестиый выговский писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 441—452; 8) Почитаиие Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // Там же. СПб., 1993. Т. 48. С. 351—354; 9) Свсдсния о соловецких выходцах в «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова // Герменевтика древиерусской литературы. М., 1994. Сб. 6, ч. 2. С. 264—292; 10) Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 157—176; Староватова С. К. К вопросу об источниках «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 145—157; Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.

Н. В. Понырко

Семенников Порфирий Трофимович (1621—10.XI.1696) — патриарший дьяк, переписчик книг, инициатор несостоявшегося издания Греко-славяно-латинского лексикона *Епифания Славинецкого*. Биографические сведения о С. отрывочны. Выученик Киево-Могилянской академии времен Петра Могилы, С., после присоединения Левобережной Украины к Российскому государству, занимал при-

казные должности в Киеве, где имел земельное владение (в 1680 г., вложенное вместе с тремястами «золотых польских» в Братский училищный монастырь). В 1671—1686 гг. был дьяком Патриаршего Казенного приказа.

С. принимал участие в приглашении Епифания Славинецкого и других киевских ученых иноков, основавших училище при Андреевском монастыре. Очевидно, он был каким-то образом связан с Чудовским кружком последователей Епифания Славинецкого: кончина С. отмечена стихотворной эпитафией главы кружка *Кариона Истомина* (ГИМ, Чуд. собр., № 302/100, л. 145; ГПБ, Q.XVII.96, л. 30; по последнему списку, без указания авторства, эпитафия издана В. Н. Перетцем; переизд. в кн.: ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 258; Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 57). Из эпитафии следует, что С. много трудился над перепиской книг и «оттого очей своих лишися зрения, лет десять страда, много прия терпения» (рукописи, переписанные С., до сих пор не обнаружены).

Потеряв зрение и уйдя на покой, С. в 1687 г. передал собственноручно сделанный им список Греко-славяно-латинского лексикона патриарху *Иоакиму* «под заветное патриаршее обещание, еже быти ему напечатанным тиснением во многое число для научения свободных наук православному великорусскому роду» (местонахождение рукописи неизвестно). Подтверждая обещание, патриарх вручил С. икону Богоматери, вложенную последним в московскую Ермолаевскую церковь, «что на Козьем болоте» (хранилась там еще в XIX в.), но, за кончиной Иоакима, слово не было сдержано, и издание так и не осуществилось. Впоследствии попытки издать Лексикон предпринимались, также безуспешно, еще дважды — в Москве, при патриархе *Адриане* (1690 г.), и в Новгороде, митрополитом *Иовом* (1706—1707 гг.).

С., очевидно, владел хорошим книжным собранием, в котором, в частности, находилась рукопись Сводной кормчей XVI в. — автограф митрополита *Макария* (ныне ГБЛ, собр. Ундольского, № 27), помеченная владельческой записью дьяка.

Лит.: Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. С. 31; Розанов Н. П. Древние и другие особо замечательные предметы в приходских церквах г. Москвы // Древности. 1874. Т. 4. С. 142—143; Мухин Н. Киево-Братский училищный монастырь: Исторический очерк. Киев, 1893. С. 359—363; Петров Н. И. Киевская Академия во второй половине XVII века. Киев, 1896. С. 18; Перетц В. Н. Московский книгочий XVII века // Литературный вестник. 1901. Т. 1. № 4. С. 430—431; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 468

А. В. Лаврентьев

Серапион (ум. 1653) — архиепископ Суздальский и Торусский, автор грамот и «сказки». В 1618 г. был поставлен игуменом Яро-

славского Толгского монастыря, которым руководил до своего поставления в 1634 г. в архиепископы Суздальские, занимал эту кафедру до смерти (память его чтилась 25 февраля). В 1642 г. С. был одним из кандидатов при выборе нового патриарха, но жребий пал на *Иосифа*. О жизни С. сообщается в посвященной истории Суздаля работе ключаря Суздальской соборной церкви Анания Федорова. Оттуда же узнаем об участии С. в росписи соборной церкви «стенным письмом» и строительстве храмов во имя святых чудотворцев епископов Суздальских Иоанна и Феодора; после смерти С. «положен бысть в соборной церкви у первого левого столба». С. поучал христиан своей епархии, рассылая по епархии грамоты разнообразного содержания: о выборах игуменьи в Покровском монастыре с увещеванием не ссориться (1636 г.), о соблюдении церковного благочестия (1642 г.). Среди небогатого письменного наследия С. выделяется «Сказка Суздальского архиепископа Серапиона и допросные речи Спаса-Ефимиева монастыря архимандрита Иосифа с братьею о земляном вале в Суздале» (9 и 10 апреля 1643 г.), где находятся ценные сведения по истории Суздаля: «Строение тот вал изстари Суздальских великих князей, в старину де по нем был другой город... А в прошлом во 149 году, как был в Суздале у селистреного дела князь Иван Шахматов, и городу и тому валу чертеж к Москве в Пушкарский приказ послал...». С. проявлял интерес к церковно-литургическим вопросам: ему направлено Послание о единогласии священника *Агафоника*.

Изд.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 345—346, 382—385.

Лит.: Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале / Ключаря тамошнего собора Анания Федорова // ВОИДР. 1855. Кн. 22. С. 5—6, 34—35, 116—117; Филарет. Обзор. С. 230; Карташев А. В. Очерки по истории русской церви. Париж. 1959. Т. 2. С. 113 (репринт: М., 1991); Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37, 60.

В. К. Зиборов

Сергий (XVI—нач. XVII в.) — инок Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, один из авторов службы Даниилу Александровичу, *Жития Романа Угличского* и службы ему. Точные биографические данные о С. отсутствуют. В. О. Ключевский предположительно отождествлял его с архимандритом Переславского Данилова монастыря Сергием, настоятельство которого относится к 1579—1586 гг. (см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 667; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском. Сергиев Посад, 1908. С. 32; Приложение. С. 33—40).

В соавторстве с *С. Р. Алферьевым-Безниным* С., по благословению патриарха *Иова*, написал службу князю Даниилу Александро-

вичу. Позднее, вероятно, после открытия и перенесения мощей этого святого в 1652 г. (согласно Амфилохию, в 1682—1690 гг.), служба была переработана, и в таком виде дошла до нас. В службе Даниилу Александровичу, составленной по традиционной схеме, есть примеры рифмованной прозы; встречающиеся здесь сравнения и стилистические приемы довольно однообразны (так, святой называется «светлым» либо «пресветлым светильником», «светильником света», сравнивается со светом, с «незаходным», «светолучным» солнцем). Но трудно решить, принадлежат ли эти выражения С. Р. Алферьеву-Безнину и С. или же редактору конца XVII в.

Из описания чудес Романа Угличского (начиная с чуда 2 марта 1605 г.) известно, что, вместе с С. Р. Алферьевым-Безниным, С. «сотворил» стихиры и каноны этому святому; в результате их «тщания и трудов» возникли его житие, а также повествование о первых «преславных чюдесех» («проявления» их начались 3 февраля 1605 г.); однако названные сочинения погибли во время «литовского» разорения Углича в 1609 г. (см.: Повесть о чудесех св. благовернаго князя Романа, Угличскаго чудотворца. Ярославль, 1874. С. 21). Судя по тому, что церковные иерархи, во главе с Казанским митрополитом *Гермогеном,* сообщали об освидетельствовании чудес и мощей князя Романа в Угличе самому Лжедмитрию I (см. *Григорий Отрепьев*), работа над этими богослужебными произведениями завершилась не ранее июня 1605 г. (см.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 318—319).

Изд.: Амфилохий. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 20—38.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 316—317; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 226, 227; Строев. Словарь. С. 242—243; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 146, 466—467; Филарет. Обзор. С. 221; Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 210—211, 216.

Я. Г. Солодкин

Сергий, предполагаемый автор Жития Кассиана Угличского, см. *Житие Кассиана Угличского.*

Сергий (1-я пол. XVII в.) — инок Елецкого Черниговского Богородского монастыря, сын донского казачьего атамана XVI в. Михаила Черкашенина. От лица С. ведется рассказ в «Слове о некоем старце», известном в единственном списке 1640 г. из собрания Х. М. Лопарева (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.234). В Слове сообщается, что С. был взят в плен крымскими татарами и продан в Кафу. Отсюда он совершил путешествие по странам Востока — посетил Константинополь, Аравию, Иерусалим, Египет. Х. М. Лопарев проследил судьбу вернувшегося на родину С.; между про-

чим, его брат был казнен в Крыму (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3, т. 5—6. С. 696). Исследователь «Слова о некоем старце» отметил неоднородность литературного памятника: достоверность начала и легендарность самого хождения, лишенного исторических реалий («повесть ... не знает ни сарацин, ни турок в Иерусалиме») и восходящего к древним преданиям о святынях христианского Востока. Х. М. Лопарев обращает внимание на произвольность приведенных в Слове расстояний между географическими пунктами и на другие топографические несообразности. Исследователь называет источники легендарных сказаний, отразившихся в тексте Слова, — о птице нагуе (грифе), о горном золоте, о песчаном море, о камне, о зеркале. Он приводит приметы зависимости текста Слова от древнерусской паломнической традиции (Хождение игумена *Даниила*, сочинения диакона *Зосимы*, Арсения Солунского и др.).

Изд.: Лопарев Х. М. Слово о некоем старце: Вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII века // СОРЯС. 1890. Т. 51, № 2. С. 1—55.

Лит.: Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 342; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 334—336.

О. А. Белоброва

Сергий (2-я пол. XVII в.) — иеромонах, игумен Путивльского Молченского монастыря (1667—1669 гг.); с 1668 г. — справщик Московского Печатного двора. В 1670-е гг. участвовал в переводе Нового завета с греческого на славянский язык, под руководством *Епифания Славинецкого*, вместе с *Евфимием Чудовским, Моисеем, Никифором Симеоновым, Михаилом Родостамовым* и *Флором Герасимовым.*

Лит.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 636; Маисветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 21, 27; Соболевский. Переводная литература. С. 290.

О. А. Белоброва

Сергий (в миру Семен Иванович Крашенинников) (ок. 1635—после 1710) — старообрядец, автор челобитных царям Ивану и Петру Алексеевичам. С. родился в семье нижегородского посадского человека Ивана Крашенинникова, еще подростком сблизился с семьей протопопа *Аввакума*, бывшего тогда попом в Лопатицах, стал его духовным сыном и другом Евфимия, младшего брата Аввакума. Впоследствии в своем Житии Аввакум будет вспоминать о том, как 14-летний С. помогал ему «изгонять бесов» из Евфимия (Житие про-

топопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 67—69).

В 1650-х—1-й пол. 1670-х гг. С. живет еще в нижегородских пределах, однако часто бывает в Москве. Здесь на правах духовного сына протопопа Аввакума он близко сходится с членами московской старообрядческой общины — *Ф. П. Морозовой. Е. П. Урусовой*, Ксенией Ивановной, Марементьяной Федоровной, Александрой Григорьевной (инокиней Меланьей), иноком *Авраамием*, сыном диакона *Феодора* Максимом, священниками Козьмой и Стефаном и др. С. состоит в активной переписке с заключенным в пустозерской темнице Аввакумом, привозит ему деньги. Известны три письма Аввакума, адресованные на светское имя С. (два из них — 2-е и 3-е были посланы вместе с «Книгой толкований и нравоучений»), послание «игумену» С. (называя С. «игуменом», Аввакум, видимо, имел в виду его авторитет в общине) и несколько писем, направленных С. вместе с другими членами московской общины. С. является также адресатом «Книги обличений, или Евангелия вечного», где Аввакум «себе ж самого и Сергия вообразил в тех письмах в лицах»; возможно, С. посвящена вторая часть Жития инока *Епифания*, соузника Аввакума (Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963. С. 123—124). Кроме того, ему, судя по всему, адресовано одно из последних посланий Аввакума, известное в литературе как Послание сибирской «братии» (Шашков А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 85—97). Письма самого С. не сохранились. В 1675 г. Досифей, известный поборник старообрядчества, бывший игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина, постриг С. в монахи Троицкого монастыря в Олонецком уезде. Здесь С. прожил «с полгода, и из того монастыря вышед, жил, ходя по разным пустыням» (Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 299), в том числе побывал в осажденном Соловецком монастыре, а также «жил в монастыре Антония Сийскаго полпята года дьячком» (там же. С. 299—301). В 1677 г. С. находился в Жабынской (Жебылинской) Введенской пустыни Белевского уезда, был арестован на посаде г. Белева и помещен в оковах в Преображенский монастырь, откуда ему удалось бежать «в ночи и с железами» (Источники о церковных мятежниках XVII века: (из истории раскола в центральных уездах России) / Публ. подгот. В. С. Румянцева // Советские архивы. 1973. № 6. С. 66; Смирнов. Внутренние вопросы... С. XXXI, примеч. 42).

В конце 1681 г. московские староверы во главе с Досифеем и С. собирались «с челобитными по жребию стужати царю о исправлении веры». Протопоп Аввакум в одном из своих посланий благословил

такое решение (Житие протопопа Аввакума... С. 219—220). Однако тогда сделать этого не удалось, и Досифей с С. ушли из столицы на Север, в Сунарецкую Троицкую пустынь, решив, по всей видимости, дождаться подходящего случая. И такой случай представился после начавшегося 15 мая 1682 г. московского восстания стрельцов, составной частью которого стало движение старообрядцев. В нач. июня 1682 г. С. вновь «пришел ... из тех пустынь в Москву по жребию и по посланию того Троицкого монастыря игумена Досифея для того, что велел он, игумен, бити челом великим государем» о «старой вере», и поселился в Гончарной слободе «у колашницы у вдовы Федоры». События июня—июля 1682 г. выдвинули «нового Илию, ревнителя по отеческих преданий и догматах, благоговейныя инока, во учении твердого адаманта», как характеризовал С. *Савва Романов*, на одно из первых мест. Им составляется 1-я стрелецкая челобитная о вере «от лица всех полков и чернослободцев», один из списков которой был подан «в Верх», а другой, за подписью стрельцов из 9 полков и пушкарей, положили, «запечатав», «в Титове полку». Однако «та ... челобитная с Верху сошла не помечена» и была возвращена С. После этого С. и «старцы» составили на имя царей Ивана и Петра 2-ю «большую челобитную, от лица всех православных христиан, на 20 столпцах писана». В ее редактировании принимал участие *Никита Добрынин*. Эта челобитная, посвященная обличению «еретических новшеств», введенных патриархом *Никоном*, была основана на знаменитой Пятой соловецкой челобитной 1667 г. и излагала аргументы в защиту старых обрядов. Она зачитывалась 5 июля 1682 г. во время диспута о вере в Грановитой палате. На диспуте, вместе с Никитой Добрыниным, Саввой Романовым и др., присутствовал и С.

Вскоре после поражения движения старообрядцев С. был схвачен. При аресте у него были взяты «семь тетратей в полдесть и два свертка» (т. е. свитка) с письмами «старцов из Соловецкого монастыря», а также «книга ... Соборник, писмянная, в полдесть», принадлежавшая ранее иноку Авраамию, «которой сожжен на болоте», «а старцу ... Аврамию тое книгу дал Благовещенскаго собора дьякон Федор, и черненое и прибавка и выписка ево Федорова в той книге» (Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 300—301). С. был допрошен в Крестовой палате и отправлен в заточение в Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, откуда в 1684 г. переведен в земляную тюрьму Рязанского Солотчинского монастыря без права пользоваться чернилами и бумагой. Однако С. удалось бежать. Он скрывается в нижегородских керженских скитах, приобретает здесь большой авторитет и прозвище «страдальца». В этот период С. выступает ревностным поборником самосожжений, ссылается при этом на письма Аввакума и занимается их широким распространением (Л о п а р е в Х. М. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий

трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895. С. 15, 18—20, 89, 110, 114. (ПДП, вып. 108)), особенно в конце 1680-х—нач. 1690-х гг., когда он обитает в скиту старца Онуфрия. Под влиянием С. сам Онуфрий и его последователи («зельный любитель и рачитель» аввакумовских сочинений Поликарп Петров, Измаил, Иван Грачев и др.) также начинают распространять писания Аввакума, почитать их «паче Евангелия» и даже изображать протопопа на иконах. Это привело к собору 19 августа 1693 г., организованному Ф. И. Токмачевым, побоищу между сторонниками и противниками аввакумовской «ереси» и последующим раздорам на Керженце (Материалы для истории раскола... М., 1887. Т. 8. С. 221, 238—242, 260, 294, 336—337, 346). Наконец, на соборе 28 ноября 1708 г. (по другим сведениям — 1709 г.; у А. И. Журавлева неверно — 1699 г.) Онуфрий отказался от аввакумовских писем, которые решено было вернуть их владельцу — С. В 1710 г. С. принимал участие в полемике против диаконовщины и подписал жалобу на диаконовцев (по поводу каждения и формы креста), отправленную на Ветку к черному попу *Феодосию*. По сообщению Г. В. Есипова, какой-то инок-схимник Сергий состоял в переписке с ветковскими старообрядцами еще в 1717 г., но наш ли это С. — неясно.

Имя «страдальца» С., видимо, долго было популярно на Керженце: «нижегородца» С. упоминает в предисловии к «Пращице духовной» (СПб., 1721) искоренитель керженского раскола епископ Питирим; присутствовавший в 1719 г. на «разглагольствовании» Питирима с диаконовцами *Семен Денисов* (Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921. С. 59) впоследствии поместил в Краткой редакции *Повести о боярыне Морозовой* эпизод о чудесном пострижении Морозовой в Боровской тюрьме, якобы рассказанный кому-то «страдальцем» С. (Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 204).

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 4. С. 299—312; Румянцев И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Сергиев Посад, 1916. Приложения. С. 92—108.

Лит.: Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках... 2-е изд. СПб., 1795. Ч. 3. С. 2—7; Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 38—40; Макарий (Булгаков) История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 220—226, 228—291; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 284—287; Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 38—64, 121—131; «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. Отд. II. С. 111—148; Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия: Извлеченные из Преображенского приказа и Тайной канцелярии / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863. Т. 2. С. 223, 229—231, 255, 258—259, 261—262; Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. С. 76—92; Смирнов П. С. 1) Внутренние вопро-

сы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XXI, XXVI—XXVII, XXIX—XXXII, XLIV, LII—LIII, LVII, LXII, XCIX, CXXIII, 15, 27—28, 63, 69—70, 77, 90, 111—112, 124, 171, 189, 219, 229—231, 236; 2) Из истории раскола первой половины XVIII века: По неизданным памятникам. СПб., 1908. С. 111—113; 3) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 40, 268, 270, 275, 324—325, 327—328; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 248; Будовниц. Словарь. С. 286, 364; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 278—290; Малышев В. И. История «иконного» изображения протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 382—401; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 210—235; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 84—85, 112—113; Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1990. № 2. С. 92—97.

А. Т. Шашков

Сергий (по прозвищу Шелонин, в миру Семен Михайлов, по прозвищу Москвитин) (ум. ок. 1663) — агиограф, редактор, книжник. Постригся в Соловецком монастыре не позже 1619 г. К 1638 г. стал в обители одним из «преимущих» иноков, участвовал в перенесении мощей новоявленных чудотворцев Иоанна и Логгина Яренгских. Здесь же был рукоположен в священники. Прозвище «Шелонин» происходит либо от названия реки Шелонь (в Новгородчине), либо от поморского диалектного слова «шелоник» — юго-западный ветер (Москва, откуда пришел С., находится по отношению к Соловкам на юго-западе). Единственные сведения о мирской службе С. содержатся в Приходно-расходной книге Разрядного приказа за 1617 г., где указывается, что подьячему С. был положен оклад на 1615—1616 (13 руб.) и 1616—1617 (15 руб.) гг. (РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 527, 569).

С. был незаурядным книжником. За свою жизнь он вложил в монастырскую библиотеку 31 рукопись и 6 печатных книг. Еще 16 книг поступило в библиотеку из келейного собрания С. после его смерти (Кукушкина. Монастырские библиотеки... С. 98—99). К настоящему времени известна бóльшая часть рукописей из «библиотеки» С. За исключением нескольких, рукописи находятся в составе Соловецкого собрания ГПБ. Самая ранняя из них — *Стоглав* (ГПБ, Солов. собр., № 932/1042; далее ссылка на шифры Соловецкого собр. ГПБ ограничиваются указанием номера) полностью написана рукой С. в сер. 1620-х гг. По указанию составителей «Описания рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии» (Казань, 1885. Ч. 2. С. 86), этот список Стоглава является одним из самых исправных, именно по нему была осуществлена публикация памятника в 1862 г. в ПС. Известны еще две рукописные книги, переписанные непосредственно С.: «Небеса» Иоанна Дамаскина (№ 312/332), конец 1630-х—нач. 1640-х гг. и вопросо-ответный вариант «Диалектики» Иоанна Дамаскина (№ 666/724), нач. 1660-х гг. Малое число рукописей, переписанных рукой С., свидетельствует о том, что он

был не переписчиком, а составителем и редактором рукописей. По наблюдениям Н. И. Николаева, в 1630—1640-х гг. С. занимался сопоставлением состава большинства известных в древнерусской традиции патериков по спискам библиотеки Соловецкого монастыря и созданием на их основе новых компиляций. Обнаруженные С. сюжетные, тематические, идейные совпадения зафиксированы им в маргиналиях на полях рукописей. К *патерикам Синайскому* (№ 642/700), *Скитскому* (№ 645/703), *Египетскому* (№ 638/696) С. добавил другие житийные тексты, в основном из *Пролога*, крупные главы патериков разделил на более мелкие, так что число глав везде увеличилось. Итогом всей работы С. над патериками стала грандиозная компиляция — Алфавитный патерик (№ 652/710): в традиционный состав *Патерика Азбучно-Иерусалимского* С. добавил 245 глав из Синайского, 43 главы из Египетского, а также отдельные главы из Скитского и *Патерика Киево-Печерского* (впервые в собрании переводных патериков был помещен на равных с ними правах русский представитель жанра). Все тексты, составляющие Алфавитный патерик, были неоднократно отредактированы С.: им были заменены устаревшие грамматические формы, исправлены ошибки, проведена стилистическая правка почти каждого патерикового рассказа. Созданный С. Алфавитный патерик — совершенно новый, нетрадиционный тип книги, вероятно, отвечавший запросам читателей: он распространялся в списках во 2-й пол. XVII—нач. XVIII в., а в 1791 г. был издан старообрядцами в Супрасле (Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX в.: Каталог. Л., 1991. № 354). Это издание воспроизводит текстологический слой Алфавитного патерика, относящийся к 1630—1640-м гг. (С. продолжал работать над патериком и позже). В супрасльском издании Алфавитного патерика ссылки и указания на главы других патериков относятся к дополненным С. соловецким рукописям патериков с особым числом глав.

В 1650-х гг. в Соловецком монастыре, при активном участии С., была сделана беловая копия с Алфавитного патерика — это рукопись в лист на 815 листах (№ 651/709), в которой были учтены все добавления, исправления и маргиналии С., читающиеся в рук. № 652/710. К этой копии книжник неоднократно обращался и позднее: на полях книги стоят его многочисленные пометы (зачастую это указания на жития русских святых из Пролога).

В 1643 г. в жизни С. случилось какое-то важное событие: в этом году С. частично распродал свои книги, частично вложил их в Соловецкую библиотеку. Книги он подписал одинаково, оформив записи в виде нескольких концентрических кругов: «Сия книга ... Соловецкого монастыря казенная. Дачи старца Сергиа, постриженика того же Соловецкого монастыря. А дал он и подписал своею рукою

в лето 7151-го году». Н. Н. Розов замечает об этих записях С. следующее: «Свои вклады он обычно писал в круге, в чем можно усмотреть поздний отклик на книжный знак Досифея, а Сергия — вслед за Макарием Забелиным и игуменом Иаковым, метившими свои книги рукописным „экслибрисом“ — можно причислить к соловецким библиофилам в современном понимании этого слова» (Розов. Соловецкая библиотека. С. 328). В настоящее время известно несколько рукописей с «экслибрисами» С.: Патерик Иерусалимский (№ 640/698), Патерик Синайский (№ 642/700), «Небеса» Иоанна Дамаскина (№ 310/330), Беседы Григория Двоеслова (№ 70/70), поучения аввы Дорофея с дополнительными статьями (ГИМ, Синод. собр., № 148).

Это не подтвержденное документально событие в жизни С. совпадает по времени с вызовом в Москву для книжной справы в Приказ Большого Дворца опытных книжников из монастырей (Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11. С. 91). Вероятно, С. уже был известен в Москве и специально туда затребован. Во всяком случае, дальнейшие известия о судьбе С. позволяют предположить сознательный выбор властей. Как установил Н. И. Николаев, в 1640-х гг. С. занимается в Москве подготовкой к изданию *«Лествицы» Иоанна Синайского*. Вышедшее в 1647 г. издание «Лествицы» представляет собой новый вид памятника, отсутствовавший в прежней рукописной традиции. При подготовке текста С. несомненно привлекал какие-то рукописи для сопоставления, а правку произвел по рукописи, содержащей другую редакцию «Лествицы», которая восходит к датированной рукописи 1421 г. В традиционный текст «Лествицы» с определенным числом толкований С. внес более 40 (по предварительным подсчетам Н. И. Николаева) новых толкований разной протяженности — от нескольких предложений до нескольких листов издания. Часто прежнее краткое толкование С. заменял на пространное или к прежнему добавлял новое. Обширные выписки из 1-й, 2-й, 5-й и 10-й глав «Устава» *Нила Сорского*, включенные С. в печатную «Лествицу», являются первой публикацией отрывков этого замечательного памятника русской духовной культуры. Кроме того, в издание вошла целая глава из Алфавитного патерика — глава о Георгии Арселаите, брате Иоанна Лествичника (л. 290 об.—293 об.). Маргиналии — ссылки на другие тексты приводятся с обозначением соответствующих книг и находящихся в них глав (среди них встречаются и ссылки на патерики в обработке С. с особым числом глав и на его же Алфавитный патерик). Ссылки, как и указания параллельных мест в самой «Лествице», покрывают поля почти каждого листа издания. С. составил и тематический указатель к книге — «Счисление по азбуце вещей, в сей книзе обретаемых», который не известен в предшествующей рукописной традиции. Н. И. Николаев обнаружил наборную рукопись с пометами печатников (ЦГАДА, собр. Синод. типографии, № 201),

по которой можно проследить, как происходил процесс подготовки текста к изданию. Характерно, что книга была напечатана форматом в лист, подобно другим сборникам уставных чтений, которые печатались в 1640-х гг., тогда как формат рукописного оригинала С. — в четверку.

С. получил задание готовить к изданию «Лествицу» лично от патриарха *Иосифа.* Об этом свидетельствует запись самого С., которая приводится во 2-м издании книги архиепископа Игнатия «Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере» (СПб., 1847). На с. 210 архиепископ Игнатий пишет: «На первом листе книги, значащейся ниже в Списке книг библиотеки Соловецкой, под 720-м № списка, а по описи под 599-м №, находится следующее старинной рукописи примечание: „Лета 7155 майя в 15 день, дал сию Лествицу книгу печатную Великий Государь Святейший Патриарх Иосиф Московский и всея Русии Ипатского монастыря архим. Сергию, вместо полдестевые книги писменные Лествицы, что он взял у него Сергия его письма книгу Лествицу и отослал к печати, и приказал ему изо всех книг выбирати тольки по достижению его разума, елико мочно. И благослови его рукою крестом у собя на дворе в крестовой своей келье. А Сергей поставлен в то время и совершен в архимандриты в Ипацкой монастырь: да тут же де и ему Патриарх говорил, что «книга де и печатных слов много нет, яз де ее дважды прошол, а ты ее пройди также гораздо со вниманием и исправь, елико мощно». И я Сергей по ево благословению и по приказу прочтох пятья книгу ту, и елико обретох в ней не гораздо против старых лествичных переводов, так исправих молитвами святыми ею, елико ми Бог поспешествовал“».

В записи С. указывает, при каких обстоятельствах он был назначен архимандритом Костромского Ипатьевского монастыря. Он занимал эту должность с 1647 по 1648 г. Почему С. так недолго задержался в Костромском монастыре, не известно. Во всяком случае, уже в 1650-х гг. он вновь оказывается в Соловецком монастыре и вновь занимается книжными делами. Уже в ранних работах писателя заметен его интерес к толкованию редактируемых текстов: С. проставлял глоссы к непонятным словам, приводил толкования различных понятий. Как показал в своей работе А. Н. Левичкин, в полной мере способности С.-лексикографа обнаружились в Соловецком монастыре в 1650-х гг. Здесь С. создал самый большой из древнерусских *Азбуковников* (№ 18/18). Известны еще два Азбуковника, над которыми работал С. (БАН, 33.9.1; ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 338). Последние две рукописи отразили ранние этапы работы С. над Азбуковником, в то время как рукопись № 18/18 представляет собой окончательный вариант памятника. На Азбуковник С. ссылались авторы «Сказания от божественного писания, от апостольского

предания и правил святых отец и о новых книгах» — произведения, являющегося одним из источников Пятой соловецкой челобитной. «Сказание» известно в трех списках; ссылки на Азбуковник С. наиболее полно представлены в рукописи БАН, 16.7.21, названной Н. Ю. Бубновым Никаноровским сборником (см.: Бубнов Н. Ю. Сказание ... о новых книгах (1667 г.) — источник Пятой соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР — 1985 г. Л., 1987. С. 112—113). По мнению А. Н. Левичкина, Азбуковник № 18/18 был создан не позже 1658 г. Азбуковник включает более 16 000 словарных статей, он характеризуется сложной системой перекрестных отсылок и многочисленными ссылками на источники.

В 1650-х—нач. 1660-х гг. под руководством С. были составлены и переписаны следующие книги: 1) «Небеса» и «Диалектика» Иоанна Дамаскина с Житием Иоанна Дамаскина, Грамматикой и выписками из *Хронографа Русского* (№ 315/335); 2) «О священстве» Иоанна Златоуста с *Житием Иоанна Златоуста*, сочинением Василия Великого «О рукоположении, на мзде бываемой», выписками из Кормчей, «Лествицы», «Тактикона» Никона Черногорца (см. *«Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца*), глав Григория Синаита и др. (№ 610/629); 3) Поучения аввы Дорофея с предисловием автора, «Преданием» Нила Сорского, выписками из сочинений отцов церкви и поучениями церковных писателей, касающимися монашеской жизни (№ 5/5). Тексты Иоанна Златоуста и аввы Дорофея С. взял из украинских изданий (Львов, 1614; Киев, 1628), но их грамматику и орфографию модернизировал, упростил систему просодических знаков, заменил украинизмы синонимичными русскими словами. Все три рукописи имеют ряд общих структурных особенностей: в каждой из них имеются предисловие, оглавление, тематические указатели в порядке алфавита («Счисление по азбуце вещей...»; ср. в «Лествице») с отсылками на листы рукописей, колонтитулы, полистная фолиация. Очевидно, что образцом для С. при оформлении этих рукописных книг являлись печатные издания. Поля названных рукописей (как в «Лествице» и других книгах из «библиотеки» С.) заполнены ссылками на рукописные и печатные книги. По ссылкам видно, что С. хорошо знал современные ему украинские, белорусские и московские кириллические издания и активно пользовался следующими книгами: Иоанн Златоуст. «Маргарит» (Острог, 1595); Стефан Зизаний. «Казанье Кирилла Иерусалимского» (Вильно, 1596); Иоанн Златоуст. «Беседы на деяния апостолов» (Киев, 1624); Андрей Кесарийский. «Толковый Апокалипсис» (Киев, 1625); Памва Берында. «Лексикон» (Киев, 1627); Иоанн Мосх. «Лимонарь» (Киев, 1628); Потребник иноческий (М., 1639); Пролог (М., 1641, 1642—1643); Иоанн Златоуст. «Маргарит» (М., 1641); Сборник о почитании икон (М., 1642); *Кириллова книга* (М., 1644); Сборник

слов (М., 1647); Книга о вере (М., 1648); Кормчая (М., 1650 или 1653) и др.

В эти же годы С. работает над текстом *Космографии*. В свою редакцию памятника, которая читается в рук. № 9/1468, С. добавил некоторые известия из Степенной книги, Русского Хронографа, «Хождения» *Трифона Коробейникова*, включил сведения о Соловецких островах, изменил деление текста на главы.

Пометы и маргинальные записи С. сохранились в тексте и на полях большого числа рукописных книг Соловецкой библиотеки: «Небеса» Иоанна Дамаскина (№ 309/329, 317/337), Псалтирь (№ 741/851), сочинения Григория Синаита (№ 100/100, 97/97), антилатинские сочинения Григория Паламы и Нила Кавасилы (№ 88/88), Беседы Григория Двоеслова (№ 70/70), сборник полемических сочинений (№ 604/623), *Шестодневы* Иоанна Экзарха болгарского (№ 319/339) и Севериана Гавальского (№ 1190/1300), слова Симеона Нового Богослова (№ 795/905), Патерик Киево-Печерский (№ 634/692).

С. проявил себя и самостоятельным писателем, обладавшим немалым литературным талантом. Он в совершенстве владел стилем «плетения словес», писал ритмической прозой, создавал каноны с «краегранесием». Высокий стиль легко и естественно сочетается в сочинениях соловецкого писателя с яркими описаниями северной природы, Белого моря; рассуждения о повадках китов чередуются с богословскими текстами. К настоящему времени известно несколько произведений С. Самое раннее (судя по подписи «черноризец», а не «священноинок») — Слово похвальное русским святым — известно в единственном списке-автографе (ГПБ, собр. Археологич. общества, № 15; конца рукописи недостает). До недавнего времени Слово датировалось XVI в. и, соответственно, атрибутировалось другому *Сергию*. По мнению Г. М. Прохорова, автора статьи об этом Сергии в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», вступление к Слову написано ритмической прозой и свидетельствует о совершенном владении автором книжным языком. С. принадлежит также первоначальная редакция службы Иоанну и Логгину Яренгским и *Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских*, созданные до 1645 г. После возвращения из Ипатьевского монастыря С. переделал текст. Новая редакция появилась вскоре после 1648 г. Источником для С. служили записи о чудесах от мощей Иоанна и Логгина, сделанные в 1624 г. яренгским приказным старцем Ильей Тепловым, который подал записку о чудесах патриарху *Филарету*, а также материалы следственной комиссии по делу о новоявленных чудотворцах. С. в 1638 г. сам участвовал в перенесении мощей Иоанна и Логгина и подробно описал церемонию (№ 182/182). Это описание С. включил в свою редакцию Сказания о Иоанне и Логгине Яренгских. Она озаглавлена: «Сергия, смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы сущаго понта-окияна на полунощной стране, иже на Соловецком отоце, сказание о чюдесах святых праведных Иоанна и Логгина, но-

воявленных Яренских чюдотворцев». Первоначальные рассказы о Иоанне и Логгине под пером С. приобретают вид, более соответствующий канонам жития. У С. есть и риторическое предисловие, и риторическое заключение, сообразно требованиям жанра передано содержание первоначальных записей о святых. Вместе с тем сочинение С. отличается несвойственными агиографии отступлениями от основного сюжета и сильно выраженным субъективизмом. Писатель сообщает ряд сведений о Поморье, о жизни и обычаях поморов. Он выражает свое отношение к описываемым событиям, говорит об охвативших его чувствах, что придает произведению определенную лиричность. Обилие отступлений вынудило С. сократить рассказ о последних чудесах святых. Автограф принадлежащей С. редакции Сказания неизвестен, но она сохранилась в сборнике с авторской правкой (№ 969/1079). Пересказ Сказания дан в «Житиях святых» Филарета (Гумилевского).

Следующее хронологически произведение С. — новая редакция *Жития Филиппа митрополита*, составленная на основе редакции, созданной *Германом Тулуповым* в 1610-х гг. Это более обширное и зрелое сочинение. Писатель приступил к работе над ним после 1646 г., когда мощи митрополита *Филиппа II* были эксгумированы и перенесены в Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря. Житие Филиппа, законченное в 1651 г., озаглавлено так: «Сергия, смиреннаго инока и презвитера обители Пантократоровы, сущем понта-окиана, иже на полунощной стране, на отоце Соловецком, слово на пренесение мощей иже во святых отца нашего Филиппа, митрополита Московского и всея России чудотворца. Евлогисон патера». Помимо редакции Германа Тулупова, источниками для С. послужили Жития Василия Великого и Иоанна Златоуста. Однако С. не ограничился компиляцией источников, он сформулировал свой собственный взгляд на взаимоотношения царской и святительской власти, писал о необходимости ограничения царской власти. Политическая программа С. базируется на традиционных христианских понятиях морали, главным ориентиром предстает образ монаха-аскета. Долгое время считалось, что Житие сохранилось в единственном авторском списке, черновике с большим количеством исправлений и дополнений (№ 939/1049). Судя по характеру автографа, писатель рассматривал эту рукопись как оригинал для других переписчиков. Недавно стал известен еще один список редакции С. — в рукописном сборнике 2-й пол. XVII в. из Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 292. Псковский сборник с достоверностью отождествляется по составу с упоминаемым в «Отводной книге книгохранительной казны 1658 г.» (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 256, л. 40 об.—41) и был составлен, соответственно, не позднее 1658 г. (датировка по водяным знакам не противоречит этому выводу). Рукопись написана

почерком писца, обычно работавшего для С., и содержит правку самого С. В псковской рукописи находятся также не известные ранее списки Службы Иоанну и Логгину Яренгским и Сказания о Иоанне и Логгине Яренгских в редакции С. Здесь же читаются следующие гимнографические сочинения С.: канон митрополиту Филиппу с акростихом: «Похвалу пою Филиппу, новому чудотворцу. Серги»; тропарь и канон Варлааму Керетскому (см. *Повесть о житии Варлаама Керетского*) с акростихом: «Похвалу пою Варламу новому чюдотворцу Керетцкому. Серги». Весьма вероятна принадлежность перу С. находящихся в этой же рукописи канона Трифону Печенгскому (см. *Житие Трифона Печенгского*) с акростихом: «Приими песнь, Трифоне, приемляй дни благи», канонов Герману Соловецкому (см. *Житие Германа Соловецкого*), Иоанну Яренгскому и общего канона Иоанну и Логгину (все — с азбучным акростихом), а также канона Логгину Яренгскому с обратным азбучным акростихом («краегранесие сложено вспятословесно по азбуце»). О рукописи см.: Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника: (XIV—нач. XX вв.). Псков, 1991. Ч. 1. С. 47; Турилов. К истории... С. 195—197; Стафеева (Сапожникова). Неизвестные сочинения...

Умер С. незадолго до Соловецкого восстания. Принимал ли он активное участие в событиях, развернувшихся в это время в монастыре, не известно. О смерти С. сообщает приписка к книге Григория Паламы и Нила Кавасилы (№ 87/87): «Книга сия святая и богословная святаго Григория архиепископа Селунскаго на латин, шесть тетратей, и мало к сим, писаны во 171(1663)-м году тщанием преподобнаго Сергиа, священноинока и архимандрита Ипатскаго, сь ево же тщания и дачи болшия книги уставнаго писма для переводу и времени. А больше Сергию за скорбию, в ней же и смерть постиже, писать не лучилось. Навершение же книга сия святая прият рукою москвитина из обтеки, Федора Васильева сына Семизора, в лето 7176(1668)-го, егда Соловецкой монастырь почал быть в запоре. А переплетал Макарей Силвестров сын тихвинец 178(1670)-го году. А отворился Соловецкой монастырь во 184(1676)-м году».

Изд.: Филарет (Гумилевский). Жития Святых: Июль. СПб., 1868. С. 7—13; Пренесение мощей Иоанна и Лонгина, Яренгских // Минея: Июль. М., 1988. Ч. 1. С. 179—196.

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч. 1. С. 50—61, 125; Ключевский. Древнерусские жития. С. 326; Владимиров П. В. Очерки из истории литературных движений на севере России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1879. Октябрь. С. 228—249; Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 162—182; Знаменский П. В. Сергий Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII в. // ПО. 1882. Февраль. С. 282—314; апрель. С. 666—686; Строев. Словарь. С. 243. 385; Филарет (Гумилевский). 1) Русские святые, чтимые всею церковию или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Т. 2. С. 329—331; 2) Обзор. С. 224;

Барсуков. Источники агиографии. Стб. 258—259: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 58. С. 650—651; РБС: «Сабанеев— Смыслов». СПб., 1904. С. 362; Розов Н. Н. 1) Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 303; 2) Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 328—330; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 225—234, 289—290; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 342; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977. С. 42, 80, 81, 96, 98—102, 123, 131, 163, 164; Турилов А. А. К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в.: (соловецкие рукописи в коллекции Псковского музея-заповедника) // Народная культура Севера: «Первичное и вторичное, традиции и новации». Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 195—197; Левичкин А. Н. 1) Азбуковник — вклад Сергия Шелонина в Соловецкую библиотеку // Духовная культура: История и тенденции развития. 1—5 июня 1992 г. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1992. Ч. 2. С. 111—112; 2) Соловецкий книжник Сергий Шелонин как лексикограф // Российское государство XVII—начала XX вв.: Экономика, политика, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613—1993), 25—28 марта 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 85—88; Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 277—283; Стафеева (Сапожникова) О. С. 1) Редакторская деятельность соловецкого книжника XVII в. Сергия Шелонина // Судьбы отечественной словесности XI—XX вв.: Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов. 20—21 апр. 1994 г. СПб., 1994. С. 14—15; 2) Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 617—623; 3) Труд соловецкого книжника: (о Патерике Алфавитном Сергия Шелонина) // XXX научная конференция молодых специалистов. 13—14 декабря 1994 г. СПб., 1996. С. 61—65; 4) Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998. С. 340—355; Соловецкий книжник Сергий Шелонин // ТОДРЛ. Т. 51 (в печати).

Л. А. Дмитриев, О. С. Сапожникова, О. В. Чумичева

Серков Диомид Яковлев (конец XVII в.) — составитель сборника «Крины сельныя, или Цветы прекрасныя» (вариант «Крины белейшие, сиречь цветы краснейшие»: ГИМ, Музейское собр., № 3013). Биографическими сведениями о составителе сборника мы не располагаем. «Крины сельныя» — книга, посвященная общехристианским и монашеским добродетелям. Композиция ее не отличается особенной стройностью: первая часть рассказывает «о терпении и страдании Христове и прочих святых отец», вторая содержит эпизоды из жизни разных подвижников, заимствованные из *Пролога* и *Патерика Киево-Печерского*, в третьей, состоящей из 44 глав (так сообщается в оглавлении, в тексте главы не нумеруются), автор «пишет о заповедех Божиих и о святых добродетелех». Книга открывается «Предисловием» (нач.: «Благодатию и помощию Божиею...»), вполне напечатанным в описании рукописей Ф. И. Буслаева, неозаглавленным вторым предисловием (нач.: «О человече, внимай себе разумне...»), молитвой к Иисусу Христу, эпиграфами (нач.: «Человек, яко

трава, дние его, яко цвет селный...») и оглавлением. Лишь потом идет заглавие и сам текст. Завершают книгу «Увещание» (нач.: «Молю же вас и увещаю...») и «Окончание», написанное неравносложными виршами с акростихом, частично разрушенным: «Диомид Яковлев сын Серков». Последние главы книги («О еже претерпевати скорби и беды», «О вере несуменней»), а также «Увещание» и «Окончание» присутствуют не во всех ее списках. Акростих иногда дается в усеченном виде. В старших списках имя автора указывается не только в акростихе, но и в заглавии книги; поздние списки либо вообще опускают имя, либо сообщают об авторе ошибочные сведения: «собрася ... трудолюбием Диомида инока» (ГИМ, собр. Барсова, № 520, л. 8; Епарх. собр., № 700, л. 8).

Как явствует из текста «Окончания», сочинение С. было написано в ноябре 1692 г. («Книга сия написася седмь тысящ года [двести] перваго ... Месяца ноемврия написася в день»). Ранние — до сер. XVIII в. списки «Кринов сельных» часто украшались картинками со стихотворными подписями (изосиллабическими, в отличие от вирш самого С.), которые размещены в первой части книги и представляют подвиги и страдания святых, в разных позах и видах. Картинки эти, вклеивавшиеся в рукописные копии «Кринов сельных», являются фрагментами разрезанного на части гравированного листа, описанного Д. А. Ровинским (Русские народные картинки. Кн. 3: Притчи и листы духовные. СПб., 1881. № 773, С. 151—152. (СОРЯС, т. 25)). Иногда вырезанной гравированной рамкой украшалось и заглавие «Кринов сельных». Тот факт, что в настоящее время известно не менее пяти списков книги с вклеенными гравюрами (ГПБ, собр. ПДА, № 196; ИРЛИ, Латгальское собр., № 451; ГПБ, Q.I.1151; ГИМ, Музейское собр., № 3013; собр. Барсова, № 522), указывает на едва ли не серийное ее производство. По-видимому, список из собр. ПДА, № 196 может считаться автографом С. Во всяком случае почерк, которым он переписан, тождествен почерку рук. ГПБ, F.I.187, содержащей «Венец веры» *Симеона Полоцкого.* На л. 269 об. этой последней рукописи читается запись: «В нынешнем 205 (1697)-м году априлия в 24 день спреписася 16 книга „Венец веры“ люботрудием многогрешнаго. Д. Й. С. С. во святую ползу чтущим, аминь». Ученые авторы описания рукописи, вероятно, располагавшие дополнительными сведениями, расшифровали инициалы как «Диомид Яковлев сын Серков» (см.: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей ... графа Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 36—37). Характерно, что рукопись украшена вклеенными гравюрами на меди, как это делалось со списками «Кринов сельных».

С. не был вполне оригинальным сочинителем. Как выяснилось, бóльшая часть текста его «Кринов сельных» восходит к «Цветнику священноинока Дорофея», появляющемуся в рукописной традиции

раньше, чем книга С. В рук. Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 102, вложенной в 1678/1679 г. в Соловецкий монастырь, на л. 190—200 читаются «Стихи Дорофея священноинока о умилении души и ... о житии святых», т. е. одна из частей «Кринов сельных» и «Цветника» (см.: Турилов А. А. К истории скриптория и библиотеки Соловецкого монастыря в XVII в.: (соловецкие рукописи в коллекции Псковского музея-заповедника) // Народная культура Севера: «Первичное и вторичное, традиции и новации». Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 195—197). О личности Дорофея нет решительно никаких сведений, если не считать ничем не подкрепленного предположения архимандрита Леонида о том, что автор «Цветника» — это Дорофей, основатель Южской пустыни (см.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 516). «Цветник» пользовался исключительной популярностью в старообрядческой и единоверческой среде, неоднократно издавался. С другой стороны, о нем положительно отзывались оптинские старцы, Игнатий Брянчанинов и митрополит Филарет (Дроздов).

Что касается «Кринов сельных», то их судьба в поздней рукописной книжности в значительной мере связана с возрождением монашеских идеалов во 2-й пол. XVIII—1-й пол. XIX в. Книгу переписывали ученики Паисия Величковского, не позднее конца XVIII в. она была переведена на румынский язык (см.: Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР: Коллекция Ново-Нямецкого монастыря (XIV—XIX вв.) / Сост. В. Овчинникова-Пелин. Кишинев, 1989. С. 176—180, 211—212). Скорее всего, тогда же появилась сокращенная редакция «Кринов сельных», включающая выдержку из первой части книги и полностью — третью ее часть; встречаются в сокращенной редакции купюры и в сохраненной части сочинения С. Русифицированный текст сокращенной редакции, взятый из рукописи Ильинского скита на Афоне, которую, по преданию, переписывал ученик Паисия Платон, был напечатан в Одессе в 1906 г. В заглавии книги и, с некоторыми сомнениями в ее оригинальности, в предисловии сочинение приписывается самому Паисию. В издании сохранено в его оригинальной форме, хотя и с разрушенным акростихом, виршевое послесловие С.

Изд.: Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного писания, о заповедях Божиих и святых добродетелях / Архимандрита Паисия Величковского. Одесса, 1906; Одесса, 1910 (репринты: Калуга, [1992]; Рига, [1992]).

Лит.: Алфавитный указатель книг и рукописей, поступивших в библиотеку С.-Петербургской духовной академии в 1891 и 1892 гг. СПб., 1893. С. 220—222. (Приложение к «Журналам заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии» за 1891 и 1892 гг.); Родосский А. С. Описание 432 рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание.

СПб., 1893. С. 213—214; Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1897. С. 72—74; Музейное собрание рукописей: Описание. Т. 1 : № 1—3005 / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. С. 214—215; Будовниц. Словарь. С. 286; Маркелов Г. В. Латгальская экспедиция 1988 г. // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 463.

Д. М. Буланин, А. А. Турилов

Сильвестр (в миру Семен Агафоникович Медведев) (27.I.1641—11.II.1691) — писатель, поэт. Выходец из курской «непородной» семьи, девятнадцати лет С. уже служил в Москве подьячим Приказа тайных дел. Подьячие Приказа были лично известны царю, который посылал их «с послами в государства, и на посольские съезды, и в войну с воеводами, для того что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах, а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людьми, — и те подьячие над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают; и которые послы или воеводы, ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили» (Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1909. С. 85).

С., по-видимому, сумел завоевать особое благоволение царя *Алексея Михайловича*: С. был единственным подьячим Приказа тайных дел, направленным в 1665 г. в Заиконоспасскую школу *Симеона Полоцкого*. Сохраняя чин и жалованье, С. сблизился здесь со своим наставником и остался его любимцем до самой смерти Симеона. В Заиконоспасской школе С. исправлял должность старосты.

28 мая 1668 г. С. в составе дипломатической миссии начальника Посольского приказа боярина *А. Л. Ордина-Нащокина* выехал в Курляндию и участвовал в андрусовских переговорах. Вернувшись из заграницы, С. три следующих года прослужил в Москве, а в марте 1672 г. уехал в Путивльскую Молченскую пустынь, где приблизительно два года спустя принял монашеский постриг. Судя по его письмам к Симеону Полоцкому, С. долго не решался стать монахом. В конце концов он внял увещаниям учителя. Надевая монашеский клобук, С. тем самым избирал писательское поприще, поприще «трудника слова».

Летом 1677 г., когда С. навестил Москву, Симеон Полоцкий в Заиконоспасском монастыре представил его другому своему воспитаннику, тоже поэту — новому царю *Феодору Алексеевичу*. Эта встреча имела решающее значение для судьбы С.: царь приказал ему жить в столице, взял на дворцовое содержание и отвел помещение в Заиконоспасском монастыре, сообщавшееся с покоями Симеона Полоцкого. У последнего С. был чем-то вроде секретаря. От лица учителя он сочинял письма, переписывал набело и исправлял многие

его произведения, готовил к печати сборники проповедей и стихотворений Симеона и держал корректуры тех из них, которые вышли в свет в Верхней (дворцовой) типографии. С. выступал в роли редактора и даже критика ученых текстов Симеона, уточнял ссылки на источники (Симеон часто пользовался латинскими или польскими текстами, а С. сверял цитаты с текстами славянскими).

В ноябре 1678 г. С. поступил в книжную справу Печатного двора. Обычный ход службы на Печатном дворе выглядел так: новый работник начинал с должности книжного писца или чтеца и лишь со временем бывал повышен до справщика. С. миновал низшие должности и сразу стал справщиком (редактором), причем и среди справщиков быстро занял выдающееся место. В первый год он получал жалованье в 25 рублей, а в следующем году — уже 60 рублей (для справщика это был предел).

После смерти Симеона Полоцкого в 1680 г. С. занял при дворе его место, сохраненное им и в правление царевны *Софии Алексеевны* (1682—1689 гг.), — место придворного поэта, проповедника и богослова. Сохранившиеся стихотворения С. — это почти исключительно стихотворения «на случай». По заказу царя Федора он написал эпитафию Симеону Полоцкому, которую «государь указал на дву каменных таблицах вырезав, позлатить и устроить над гробом иеромонаха Симеона» (Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 393). 1 марта 1681 г., в день именин царевны Евдокии Алексеевны, во дворце были говорены «Стиси краегласнии в похвалу преподобныя мученицы Евдокии» сочинения С. 2 апреля того же года, в великую субботу, в присутствии государя 12 певчих произносили декламацию С. «Сказание о страстех Иисуса Христа» (здесь силлабическими стихами переложены отрывки из евангелистов, которые читаются в Великую субботу). Когда 15 февраля 1682 г. совершалась свадьба царя Федора и Марфы Матвеевны Апраксиной, С. поднес молодым «Приветство брачное» (оно, по-видимому, было тогда же напечатано в Верхней типографии). Кончину своего венчанного патрона С. почтил стихотворной «книжицей» «О преставлении государя царя и великаго князя Феодора Алексиевича плач и утешение». При Софье С. продолжал писать стихотворения в том же роде.

В своем духовном завещании Симеон Полоцкий назначил С. одним из двух своих душеприказчиков, завещал ему свою библиотеку (приумноженная С., к 1690 г. она насчитывала около семисот томов) и все рукописи. С. как бы стремился повторить все «ипостаси» учителя. В последний год жизни царя Федора С. возобновил в Заиконоспасском монастыре латинскую школу, в которой в 1686 г., в последний год ее существования, было 23 ученика. Но главной своей задачей на ниве педагогики С. считал открытие задуманной еще Симеоном Полоцким академии, на роль блюстителя которой С. претендовал. Он очень ревниво относился к возможным конкурентам и всеми средствами пытался отстранить их от руководства будущей

академией. Так, он скомпрометировал *Яна Белобоцкого*, который приехал в Москву в феврале 1681 г. При Софье С. снова возобновил попытки учредить академию. В 1685 г. он пытался получить согласие правительницы на открытие этой высшей школы, пытался добиться от царевны утверждения давно заготовленной «привилегии». Однако С. не преуспел в этом. Напрасно в стихотворном «Вручении Привилегии» он сравнивал Софью с княгиней Ольгой, напрасно убеждал выполнить предначертания покойного брата-царя, напрасно молил «свет наук явити»:

Тебе бо слично иаучки иачати,
яко премудрой оны совершати,
Да за то дело славу улучити
во всем мире, и в небе будешь жити;
Еще да будет, вседушио желаю,
будет же, крепко в Бозе уповаю!
. . . .
Уклоии, Христе, ей в се и укрепи,
от всех препятных случаев заступи,
Сотвори с нею зиамение во благо,
постыдна яви ей в том противиаго.
Да вси познают в том ей помощь твою,
прославляющу ю, избранную свою!

(Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 387—388).

Хотя царевна Софья и ее окружение поддерживали С., но дело решила позиция патриарха *Иоакима*. В том же 1685 г. из Венеции, центра греческой эмиграции, в Москву приехали братья *Иоанникий* и *Софроний Лихуды*. Патриарх с радостью встретил этих «словеснейших и мудрейших учителей», поскольку они проявляли резкую враждебность к «латинству». Именно их Иоаким решил поставить во главе академии. Царевна Софья уступила патриарху: она надеялась на его поддержку в неминуемой схватке с Нарышкиными и мужавшим Петром.

Неприязнь патриарха Иоакима к С. объяснялась и различиями в культурной ориентации, и личными причинами. В отличие от Симеона Полоцкого, С. не умел ладить со своими идеологическими оппонентами. Это продемонстрировал знаменитый спор о времени пресуществления святых даров, вызвавший в середине и конце 1680-х гг. «сикилийский огонь» среди московской интеллигенции. С. считал, согласно католической традиции, что евхаристия совершается в момент произнесения на литургии «Христовых словес» («Приимите, ядите...»), а его антагонисты — после возглашения иереем молитвы «И сотвори убо...». В защиту своего мнения С. написал несколько богословских трактатов: «Хлеб животный», «Книга о манне хлеба животного», «Известие истинное». Главным противником С. был чудовский инок *Евфимий*; в полемике активно участвовали и братья Лихуды. Спор, начавшийся в спокойных тонах, вскоре

превратился в яростную, бранчивую распрю. Обе стороны прибегали к аргументам ad personam. Вот как писали грекофилы о С. уже после его падения, когда он не имел возможности ответить оппонентам: «В царствующем граде Москве бысть некто, образом монашеским одеян, именем Сильвестр..., иже во вся дни творяше распри и свары, и мняше себе мудра быти, неук сый; язык свой изостряше, яко змиин; в устнах его бе яд аспидов, полн горечи и отравы: злоковарен бо бе от юности возраста, и многоречив, и остроглаголив, и любоприв..., уста имея безъдверна, и из гортани изрыгающь яд душегубителный всякаго лжесловия и коварств, язык же непремолчно блядущь толико, яко всему телу мнетися быти языку» (Остен. С. 75).

Ослабление правительства царевны Софьи означало и ослабление позиций С. 12 марта патриарх Иоаким «благословил на книжном Печатном дворе у книжного правления быть в справщиках иеромонаху Тимофею справщика на Селиверстово место Медведева», и потому «великих государей жалованье по окладу на 197 (1689) год ему, монаху Сильвестру, не дано и у книжнаго правления быти ему не велено» (Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 167—168). Можно было ожидать, что Иоаким своей властью арестует и сошлет С. Царевна Софья уже не решалась открыто вступиться за своего придворного поэта и пошла на хитрость: с Пасхи 1689 г. верные ей стрельцы ежедневно стояли караулом у кельи С. в Заиконоспасском монастыре. Стрельцам было велено, «как ... придут от ... патриарха, и его, Селиверстка, не отдавать, а сказывать, что за ним, Селиверстком, есть государево дело» — т. е. что он уже арестован мирскими властями.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 г. Петр бежал в Троице-Сергиев монастырь, и началась последняя схватка Нарышкиных и царевны Софьи. 10 августа в Москву прибыл из Киева гетман Мазепа, в свите которого были кирилловский игумен Иннокентий Монастырский и его ученик *Димитрий Туптало*, будущий митрополит Ростовский. Целью приезда Иннокентия и Димитрия была открытая, от имени всех украинских богословов, поддержка С. в споре о времени евхаристии. По-видимому, в эти тревожные дни произошло личное знакомство С. и Димитрия Туптало. Однако вмешательство украинских «трудников слова» было запоздалым и ничего не могло изменить. Судьба С. была решена. Он хорошо знал, что ему нечего ждать пощады от патриарха.

31 августа С. с немногими провожатыми бежал из Москвы «от страха патриарха», думая переждать трудные времена в одной из подмосковных деревень, в сельце Микулине. Но 2 сентября его нагнал келейник Арсений, который сообщил, что назавтра после бегства в Заиконоспасский монастырь из Троицы приехал капитан Нечаев с приказом арестовать С. Тот со своими людьми не мешкая отправился дальше и остановился в Бизюковом монастыре Дорого-

бужского уезда, где настоятельствовал некогда им облагодетельствованный белорус Варфоломей. Настоятель сразу подал донос на своего благодетеля. 13 сентября С. задержали и в оковах отправили к Троице, куда обоз с арестантами прибыл 23 числа. На следующий день С. был учинен первый допрос.

Хотя обвинения в заговоре на жизнь Петра и патриарха были облыжными, участь С. была, разумеется, предрешена. Его расстригли, пытали в застенке и 5 октября вынесли приговор: «Сенку Медведева, что был старец Селиверстко, за ... воровство и за измену, и за возмущение к бунту, казнить смертью — отсечь голову ... Сенку Медведева за то, что вор и изменник Федка Шакловитый приезживал к нему в Спаской монастырь многожды, и говаривал с ним тайно, и умышлял про великую государыню ... Наталию Кириловну, чтоб ей ... не было, и чтоб великую государыню ... Софию Алексеевну короновать царским венцом, а святейший де патриарх и за неволю станет короновать...» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. Стб. 715—717). Патриарху удалось легко добиться смертного приговора по той причине, что С. был одним из самых близких царевне Софье людей и поддерживал дружеские отношения с Ф. Л. Шакловитым, тоже курянином по рождению и тоже начинавшим службу подьячим в Приказе тайных дел.

Однако казнь С. была отложена: патриарху хотелось, чтобы его поверженный противник покаялся в своих богословских заблуждениях. С. в колодках посадили в «твердое хранило» Троице-Сергиева монастыря и держали там больше года. Для убеждения его в ложности «латинского мудрования» к нему направили нескольких клевретов патриарха, в том числе Софрония Лихуда. Вскоре было объявлено, что С. подал Покаянное исповедание. Это исповедание, вынужденное или, скорее всего, попросту подложное, было рассмотрено и публично прочитано на «малом» церковном соборе в Москве, в крестовой палате патриарха (январь 1690 г.). В соборном постановлении Иоаким уже не настаивал на казни С., принимал его в лоно церкви «яко блуднаго сына» и повелевал ему жить в каком-нибудь дальнем монастыре «под крепким началом у самаго искуснейшаго и твердейшаго мужа и ведуща священная писания, в молитвах и постех, в смирении и трудех ... С иными же человеки сходитися ему особно и разглаголствовати ничто же велети, бумаги и чернил отнюдь не давати» (Козловский. Сильвестр Медведев. С. 40—41).

Год спустя был пойман один из близких Ф. Л. Шакловитому и С. людей, стрелецкий пристав Алексей Стрижев. Под пытками он показал, что С. якшался с некими «богоотступниками» и «волхвами» и будто бы покушался не только на патриаршество, но и на царский престол. Одного из этих «волхвов», поляка-астролога, удалось арестовать в Великих Луках. На допросе в Стрелецком приказе (С. тоже был привезен из Троице-Сергиева монастыря в Стрелецкий приказ,

где его снова пытали «огнем, бичми и прочими испытанми») астролог дал показания, окончательно погубившие С. Вскоре его свойственник *Карион Истомин* сделал в своих бумагах такую запись: «199 (1691) года, месяца февруария в 11 день прият кончину жизни своея монах Сильвестр Медведев ... Отсечеся глава его ... на Красной площади, противу Спасских ворот. Тело его погребено в убогом доме со странными в яме близ Покровского убогого монастыря» (Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 373—374). Так окончил свои дни этот блестящий представитель московской интеллигенции кануна петровских преобразований, которого граф А. А. Матвеев, враг Софьи и ее сподвижников, назвал «чернецом великого ума и остроты ученой», о котором Иннокентий Монастырский писал москвичам, что им нужно называть С. «не Сильвестр, а соль вестер — солнце ваше» (Сильвестра Медведева Известие истинное... С. 83).

В постановлении «малого» собора, который был в январе 1690 г. в крестовой палате патриаршего двора, говорилось: «Судихом ... книгу его, называнную „*Манна*", ... *отраву, прелестницу, душегубительницу*, народно сожещи, анафематствовавше писанныя в ней от него хулы и противности вся на матерь нашу восточную святую церковь. И иная его, и иных подобная его писанием, вся таковая писания, анафематствовавше, присуждаем сожещи» (Козловский. Сильвестр Медведев. С. 40). Сочинения С. подверглись анафеме и сожжению. В этом, по-видимому, причина того, что его литературное наследие, в особенности поэтическое, сохранилось лишь обрывочно. Между тем нет сомнений, что С. был плодовитым писателем. Кроме несомненно написанных им произведений, ему предположительно атрибутируются также «Оглавление книг, кто их сложил» — одна из первых русских библиографий и «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» — обширные записки о стрелецких бунтах («Созерцание», по всей видимости, — произведение двух авторов, С. и Кариона Истомина).

Изд.: «Вручение благоверной и христолюбивой великой государыне, премудрой царевне, милосердной Софии Алексиевне, привилегии на Академию...» // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 390—397; «О преставлении от земнаго царства в небесное, блаженныя памяти Божиею милостию Великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца» // Там же. М., 1790. Ч. 14. С. 95—111; «Надписи, находящиеся Заиконоспасского училищного в Москве монастыря» // Там же. М., 1791. Ч. 18. С. 198—199; Сильвестра Медведева Известие истинное православиым и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем / С предисл. и примеч. С. А. Белокурова /// ЧОИДР. 1885. Кн. 4. Отд. II. С. I—XLII, 1—88; Цветаев Д. Памятники к истории протестантства в России. М., 1888. Ч. 1. С. 219—240; Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисл. и примеч. А. Прозоровского // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. II. С. I—LII, 1—198; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования // Там же. 1896. Кн. 2. Отд. IV. С. 1—148; кн. 3. Отд. IV. С. 149—378; кн. 4. Отд. IV. С. 379—606 (рец.: Брайловский С. Н. // ЖМНП. 1897. Ч. 313, № 9—10. С. 374—387); Письма Сильвестра Медведева / Изд. С. Н. Брайловский. СПб., 1901. (ПДПИ, вып. 144); Силь-

вестр Медведев. Приветство брачное, поднесенное царю Феодору Алексеевичу 18 февраля 1682 года / Изд. Н. Н. Дурново. Харьков, 1912; Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая ред. П. Н. Беркова. Л., 1935. С. 123—136. (Б-ка поэта. Малая сер., № 3); Панченко А. М. 1) Придворные вирши 80-х годов XVII столетия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 65—73; 2) Декламация Сильвестра Медведева на тему страстей Христовых // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 115—135; 3) Материалы по древнерусской поэзии. III. Декламация Сильвестра Медведева в честь царевны Евдокии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 370—375; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 184—202. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.): Богданов А. П. Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982 г. М., 1984. С. 45—52; Dębski J. Poezja rosyjskiego baroku: Antologia. 2 wyd. Kraków, 1985; Из «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве»; Из панегирика царевне Софье Алексеевне 1682 г. // Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 53—54, 232. («Сокровища древнерусской литературы»); Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 529—531; 2-е изд. СПб., 1997. С. 529—531; Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990. С. 45—200; ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 215—242, 549—553; Лавров А. С. Гравированный лист с виршами Сильвестра Медведева // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 519—525; Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 51—52.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 42—44; Ундольский В. М. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии // ЧОИДР. 1846. Кн. 3. Отд. IV. С. I—XXX, 1—90; Остен: Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865; Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. С. 137—140; Приложение. С. 33—73; Соколов И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. С. 127—134; Смирнов П. Иоаким, патриарх Московский. М., 1881; Строев. Словарь. С. 244—247; Филарет. Обзор. С. 251—253; Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. I. Стб. 505—842; Белокуров С. А. Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархах Никоне и Иоакиме // Христ. чт. 1885. № 11—12. С. 691—727; Соколов П. Первый придворный стихотворец из воспитанников Московской Заиконоспасской школы в своих письмах и стихотворениях // ЧОЛДП. 1886. № 6. С. 581—634; Миркович Г. О времени пресуществления св. даров: Спор, бывший в Москве, во второй половине XVII-го века (Опыт исторического исследования). Вильна, 1886; Татарский И. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность). Очерк исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886; Брайловский С. Н. 1) Отношения чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву: (Страничка из истории просвещения в XVII столетии) // РФВ. 1889. Т. 22, № 4. С. 262—290; 2) Кого надо считать автором сочинения «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве»?: (Заметка по поводу статьи Е. Шмурло «О записках Сильвестра Медведева») // Там же. 1890. Т. 23, № 1. С. 103—111; 3) Кто же был первый русский библиограф? // Там же. 1896. Т. 36, № 3—4. С. 224—231; 4) Темные места в биографии Сильвестра Медведева. СПб., 1901: Шмурло Е. О записках Сильвестра Медведева // ЖМНП. 1889. Ч. 262, № 3. С. 335—369; Зубовский П. К биографии Сильвестра Медведева // Там же. 1890. Ч. 271, № 9. С. 149—157; Козловский И. Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895; Сменцовский М. Н. Братья Лихуды. СПб., 1899; Гурлянд И. Приказ Великого Государя тайных дел: (Несколько замечаний по вопросу) // ЛЗАК за 1900 г. СПб., 1901. Вып. 14. С. 44; РБС: «Сабанеев—Смыслов». СПб., 1904. С. 437—441; Дурново Н. Н. «При-

ветство брачное» Сильвестра Медведева // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 303—350; Материалы для библиографии по истории народов СССР: XVI—XVII вв. Л., 1933. С. 310—311. (Труды Историко-археографического ин-та, вып. 4); История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 353—355; Копанев А. И. Письмо Сильвестра Медведева к Симеону Полоцкому // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 281—283; Будовниц. Словарь. С. 261, 287; Колосова Е. В. «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и традиции русской исторической повести в XVII веке // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 207—229; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Волков М. Я. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 198—208; Жулин В. И. Сильвестр Медведев и становление публицистического стиля русского литературного языка в XVII веке // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977. С. 17—27; Богданов А. П. 1) Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: Похвальная рацея царевне Софье // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. Новосибирск, 1979. С. 80—90; 2) К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 127—161; 3) К полемике конца 60-х—начала 80-х годов XVII века об организации высшего учебного заведения в России // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1986. С. 177—209; 4) К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 114—146; 5) Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84—98; 6) Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII в. // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С. 48—65; 7) Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 231—382; 8) Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994; 9) София — Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7, ч. 2. С. 399—411; 10) От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века.М., 1995; Dębski J. Twórczość rosyjskich sylabistów i tradycje literackie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 223—244; Сазонова Л. И. 1) Сильвестр Медведев — редактор Симеона Полоцкого: («Вертоград многоцветный») // Теория и история литературы. Киев, 1985. С. 87—96; 2) Поэзия русского барокко: (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991; Долгова С. Р. Виленские издания в библиотеке Сильвестра Медведева // Федоровские чтения — 1982 г. М., 1987. С. 140—148; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 103—119; Лавров А. С. «Летописец» Кариона Истомина // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 411—413; Юсим М. А. Книги из библиотеки Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева // Там же. СПб., 1993. Т. 47. С. 312—327; Литература и культура Древней Руси. С. 87—89; Курукина И. Л. Богословская полемика конца XVII в. как отражение сложных процессов светской жизни // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 169—174; Фонкич Б. Л. Сильвестр Медведев и «Дело патриарха Никона» // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 624—626; Литература Древней Руси. С. 181—185.

А. М. Панченко, библиография: Д. М. Буланин, А. А. Романова

Симеон Полоцкий (в миру Самуил (Емельянович?) Петровский-Ситнианович) (XII.1629—25.VIII.1680) — поэт, драматург, оратор, богослов и книгоиздатель, крупнейший представитель восточнославянского барокко. С. П., белорус по происхождению (возможно, уроженец Полоцка), примерно в 1650 г., при ректоре *Иннокентии Гизеле* и наставнике Лазаре Барановиче, окончил Киево-Могилянскую коллегию (Лазарь Баранович впоследствии называл С. П. своим учеником). В 1650—1655 гг. завершал образование в каких-то европейских школах: на склоне лет С. П. вспоминал, что «сподобился» «странных идиомат пребогатоцветныя вертограды видети, посетити» (Симеон Полоцкий. Избранные соч. С. 206). Скорее всего, это были иезуитские училища литовской провинции (с 1608 г. иезуитский орден разделил Речь Посполитую на две провинции, польскую и литовскую), в границах которой находилась и Белоруссия (ср.: Киселев. О московском книгопечатании... С. 166, примеч. 27; Łużny. Pisarze kręgu... S. 29—31). Есть основания полагать, что С. П. учился в знаменитой Виленской академии. Возможно, он посещал и какие-то коллегии. Одной из старейших (основана в 1584 г.) и самых известных коллегий была Полоцкая. Ко временам С. П. она представляла собой обычную пятиклассную школу с тремя классами грамматики, одним поэтики и одним риторики. Кроме того, здесь, как и во многих других коллегиях, существовал дополнительный педагогический семинарий. Вполне вероятно, что через такой семинарий прошел и С. П.: он всегда подчеркивал свое звание «дидаскала». Основой иезуитского образования были идеи контрреформации, но в нем была сильна и гуманистическая струя — углубленное изучение античных авторов. Иезуитские школы считались латино-греческими (древнееврейский входил в программу только как факультативный предмет), но в практике безраздельно господствовала латынь. Не случайно московские современники С. П. отмечали, что он «греческаго писания ничто же знаяше» (Остен: Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. С. 71). Из Киево-Могилянской коллегии и европейских «вертоградов» С. П. вынес прекрасное знание латыни (и, разумеется, польского), латиноязычных авторов, навыки стихотворца и драматического писателя, умение вести диспуты и произносить орации, построенные по всем правилам риторики. С. П. получил типичное для католических писателей польского барокко образование, причем образование очень хорошее, потому что в сер. XVII в. иезуитские училища литовской провинции находились в цветущем состоянии. В Москве это бросающееся в глаза «латинство» С. П. вызвало обвинение его в униатстве. Известно, что вынужденный и временный переход в унию или прямо в католичество часто практиковался православными питомцами Киево-Могилянской школы, желавшими пополнить образование у иезуитов. В 1680-х гг. так поступил Стефан Яворский, в

последние годы столетия — Феофан Прокопович. Однако во времена С. П. такой необходимости еще не было; тогда иезуиты охотно принимали в свои училища иноверцев. Согласно инструкции, данной еще в конце XVI в. генералом ордена Клавдием Аквавивой, школярам-иноверцам позволялось не участвовать в католическом богослужении. Обязательным было только присутствие на лекциях по Библии и катехизису, а также на так называемых «контроверсиях» (опровержениях обвинений, которые предъявлялись католикам протестантами, а в конкретных условиях «литовской провинции» — и православными). В связи с этим можно полагать, что С. П. не переходил в унию и всю жизнь оставался верным православию, хотя католическое воспитание оставило заметные следы в его творчестве.

В 1656 г. С. П. принял иноческий сан в Полоцком Богоявленском монастыре и стал учительствовать в школе тамошнего православного «братства». Монашеский клобук был для С. П. не самоцелью, а средством, которое избавляло от забот о хлебе насущном и давало возможность учено-литературных занятий. Показательно, что С. П. так и не стал ни архиереем, ни даже архимандритом, хотя в Москве, при царях *Алексее Михайловиче* и особенно *Феодоре Алексеевиче*, он бесспорно мог добиться архипастырства. Он довольствовался званием иеромонаха, потому что свое призвание видел в литературе, считал себя «трудником слова». Незадолго до смерти, обозревая свой жизненный путь, он писал:

Благо есть убо, кто плод собирает
Не токмо земный, но паче духовный,
ибо есть лучши плода вещна словный;
Трудники слова Павел почитает,
честь им сугубу дати увещает.
Сию ми ползу дадеся познати,
по щедрой Бога жива благодати,
В юности версте, егда отрекохся
мира и в ризы черны облекохся

(Симеон Полоцкий.
Избранные соч. С. 217).

Школа Полоцкого православного братства, в отличие от Полоцкой иезуитской коллегии, прозябала в крайней бедности и тесноте. В скудости жил и «дидаскал» школы. «Свое полаты за печью имею», — писал С. П. в одном из ранних шутливых стихотворений (Татарский. Симеон Полоцкий. С. 60). Однако «дидаскал» не боялся трудностей и ревностно относился к своим обязанностям. Он не ограничивался тем, что обучал «малых отроков» грамоте по Псалтири. Он старался приобщить их к поэтическому искусству.

Сам С. П. писал силлабические стихи с юных лет — и на книжном «славянском» языке (с обильными белорусскими и украинскими вкраплениями), и по-польски. Сохранилось несколько десятков поэтических текстов, созданных С. П. в белорусско-украинский период.

Самый ранний из датированных текстов относится к 1648 г. Это опыты в разных жанрах: медитативная лирика (стихотворные «молитвы»), сатира, пастораль, стихотворения на темы античной истории и мифологии, «календарные» вирши, в которых, в соответствии с идеалом «сарматской простоты», прославляется труд земледельца и жизнь на лоне природы. Это, наконец, аллегории, стихотворения на темы искусства («Подражание»), столь распространенные в поэзии барокко, отклики на польско-шведскую войну. В ранний период С. П. сочинял стихотворения, которые относятся к разряду «сильвий» (так в барочных поэтиках назывались стихотворения «на случай» — например, эпитафии, эпицедии и т. п.). Среди «сильвий» главное место занимают панегирики, или, пользуясь терминологией С. П., «приветства». Именно с панегириками С. П. впервые адресовался к московскому слушателю и читателю.

Этим слушателем и читателем был царь Алексей Михайлович. Молодой полоцкий «дидаскал» привлек его внимание летом и осенью 1656 г., во время русско-польской войны, начавшейся успешно для Московского государства. Царь ездил к войскам, стоявшим под Ригой, дважды останавливался в Полоцке проездом и слушал здесь панегирические вирши С. П. Это были «декламации», которые исполнялись «отроками» Богоявленской школы. Сохранились две такие «декламации» 1656 г.; обе они носят одинаковое название — «Метры». Эти произведения, в сущности, нельзя считать оригинальными творениями С. П.: одно из них написано в сотрудничестве с «отцами и братиями» монастыря, другое представляет собой несколько измененный текст из «Просфонимы», написанной в 1591 г. в честь приезда во Львов митрополита Михаила Рогозы. В «Метрах» имя митрополита заменено именем царя.

В 1660 г. С. П., вместе с двенадцатью «отроками», в свите архимандрита Полоцкого Борисоглебского монастыря *Игнатия Иевлевича* прибыл в Москву (С. П. представлялся царю 19 января; 20 сентября он был отпущен в родной город). За те восемь месяцев, что С. П. провел в Москве, он не раз имел возможность показать царскому семейству и придворным свое искусство стихотворца: так было и в день первой аудиенции в Кремле, и на именинах царевича Алексея Алексеевича (в день *Алексея* митрополита), и на именинах самого государя (в день Алексея человека Божия). Среди прочитанных по этим торжественным поводам «приветств» обращает на себя внимание «Диалог краткий», в котором С. П. восхвалял царя с помощью особого стилистического приема, «эха», или «carmen echicum». «Диалог краткий» состоит из ряда вопросов и рифмующихся с ними ответов, чаще всего по одной паре внутри каждого стиха:

Рцы, Щасте, кому служиш, кто есть сей? Алексей.
Чыя кров? Сын Михайлов. Государев? Царев.
Кто саном? Царь роксаиом. Коль дуж? Храбрый муж...
(Хипписли. Carmen echicum... С. 363).

В 1661 г. окончилось перемирие с Польшей. Польские войска снова, и надолго, заняли Полоцк. Положение С. П. резко ухудшилось. Он, по-видимому, побывал в тюрьме, о чем можно судить по «Молитве в скорби сущего и клевету терпящего» (1661 г.):

Заступи мя, Боже, на тя уповаю.
Не даждь иевинну сущу быти посрамлению,
От клевещуща мужа в суде одолению.
Знаю я вины моя, Боже, пред тобою.
. . . .
Но иастояща дела иикако же зиаю.
(ГИМ, Синод. собр., № 731, л. 115).

В этих условиях С. П. счел за лучшее переехать в Москву. Он прибыл сюда весной 1664 г. — и остался здесь навсегда.

Полоцкий «дидаскал» попал в Москву в беспокойное время. Шел шестой год, как *Никон* самовольно оставил патриарший престол. Русская церковь переживала раскол и смуты. Ученому белорусу предстояло завоевать себе место в среде московской интеллигенции. «Ревнители древлего благочестия», как и следовало ожидать, отнеслись к С. П. враждебно. Протопоп *Аввакум* впоследствии вспоминал: «Блюдитеся, правовернии, злых делателей: овчеобразные волки Симеон и Епифаний ... Семенка чернец ... выехал от римского папежа в одну весну со мною, как я из Сибири выехал. И вмѣсте я и он были у царевы руки, и видев он ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: „откуда ты, батюшка?“, он же отвеща: „я, отеченька, из Киева“. А я вижю, яко римлянин. У Феодора Ртищева с ним от Писания в полатке до тово щиталися, — вся блядет по уставу римскому» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 332—333).

При всей запальчивости и пристрастности Аввакума здесь верно схвачен характер С. П., его мягкость, искательность и услужливость — те черты, которые позволили С. П., несмотря на его бросающееся в глаза москвичей «латинство», спокойно жить и работать в Москве в течение целых шестнадцати лет. Надо сказать, что С. П. быстро и точно сориентировался в новой обстановке. Он стал своим человеком в доме Ф. М. Ртищева, покровителя киевских ученых. Он признал авторитет *Епифания Славинецкого* и никогда не покушался на этот авторитет. Сохранилась запись богословского диспута, который позднее, в 1671 г., когда С. П. пользовался уже большим влиянием, вели Епифаний Славинецкий, *Паисий Лигарид* и С. П. с *Николаем Спафарием*. В этом диспуте разъяснения и заключения

Епифания никто не смел оспаривать (см.: Голубев. Встреча Симеона Полоцкого...).

Но главное, что способствовало адаптации С. П. в Москве, — это его активная поддержка царя и в борьбе с Никоном, и в борьбе с идеологами старообрядчества. Здесь С. П. сблизился с лжемитрополитом Паисием Лигаридом, который в то время был главным царским идеологом. 18 декабря Никон, внезапно оставив свой Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, явился в Успенский собор. Это была попытка вернуться на патриаршую кафедру. Поднялся переполох; царь обратился за советом к Паисию Лигариду (который не знал по-русски). Для перевода его латинской речи пригласили С. П. С этого момента он стал нужным при дворе человеком и был взят на дворцовое содержание. Царь определил ему для жительства Заиконоспасский монастырь, который С. П. превратил в важнейший учено-литературный центр; царь позволил ему открыть в этом монастыре латинскую школу, в которой молодые подьячие обучались латыни, поэтике и риторике. Старостой школы стал подьячий Приказа тайных дел 24-летний *Сильвестр Медведев* (тогда еще Семен), впоследствии любимый и верный ученик С. П.

С. П. принимал деятельное участие в церковных соборах 1666—1667 гг. «Царским оком» на этих соборах был Паисий Лигарид, а ближайшим его сотрудником — С. П. Последний вел протоколы соборов (он писал их латиницей на макароническом церковнославянско-польском языке). 7 мая 1666 г. освященный собор постановил составить и выпустить в свет обличение челобитных расколоучителей — суздальского попа *Никиты Добрынина* (Пустосвята) и романовского священника *Лазаря*. С. П. и написал этот трактат, «Жезл правления», который был издан Печатным двором. Год спустя, уже при участии «вселенских» патриархов, собор осудил Никона, избрал нового патриарха и предал анафеме главных вождей старообрядчества. Правда, были предприняты последние попытки заставить их признать церковную реформу. К Аввакуму «во юзилище», вместе с *А. С. Матвеевым,* царь послал С. П. «Зело было стязание много, — вспоминал потом Аввакум. — Разошлись яко пьяни; не мог и поесть после крику» (Памятники истории старообрядчества XVII века. Л., 1927. Стб. 703—704. (РИБ, т. 39)).

Активное участие в работе церковных соборов (хотя С. П. формально и не был их полноправным членом) позволило С. П. завязать тесные и дружеские отношения с московскими архипастырями, прежде всего, с новым патриархом *Иоасафом II*. Ко вступлению его на церковный престол С. П. приурочил «Приветство новоизбранному патриарху»; оно состояло из двенадцати стихотворений, в которых изъявлялась радость по поводу того, что «церковь российска преста вдовствовати». Престарелый и больной патриарх всецело доверял С. П., который, по отзывам современников, «именем его писаше, еже хотяше» (Татарский. Симеон Полоцкий. С. 98). Из

других архиереев С. П. сумел снискать приязнь Новгородского митрополита *Питирима*, впоследствии патриарха Московского и всея Руси (1672—1674 гг.), *Илариона*, митрополита Рязанского, для которого С. П. писал речи, и особенно *Лаврентия*, митрополита Казанского и Свияжского, и *Павла*, митрополита Сарского и Подонского. Над гробом последнего С. П. произнес орацию, составленную в лучших традициях барочной риторики: «Книжным же сущым он бе отец, дом его пристанище, трапеза его обилное препитание, не точию же телесное, но и духовное, ибо приседящие той толико насыщаху души си словом Божиим, елико телеса брашны. Ту бо не ины беседы бываху, точию разсуждения богословская о различных трудностях священнаго Писания, ту состязания философская совершахуся, ту недоведомых разрешения содевахуся, даже во правду леть бяше дом его училище мудрости именовати, трапезу его — трапезу богословофилософскую нарицати» (Горский, Невоструев. Описание славянских рукописей... Отд. II, ч. 3. С. 217).

С. П. пользовался и постоянным покровительством царя Алексея Михайловича, который во 2-й пол. 1667 г. назначил его наставником наследника престола царевича Алексея Алексеевича. Собственно, объявление последнего наследником произошло 1 сентября 1668 г., когда царевичу исполнилось 13 лет. 7 сентября царь устроил во дворце парадный обед, на котором присутствовал и «учитель старец Симеон», сидевший «в особом столе» по левую руку от государя (Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Т. 1. С. 199). По случаю этого события С. П. сочинил несколько «приветств» в прозе и в стихах, за что 16 сентября получил от царя награду: «Учителю старцу Симеону Полотцкому 10 аршин атласу зеленаго по двадцати по шести алтын по четыре деньги аршин; да ему ж велено дать испод соболей в 60 рублев, и ему дан сорок соболей в 60 рублев» (Там же. С. 200). После смерти царевича Алексея Алексеевича С. П. стал наставником царевича Федора; учил он и других отпрысков царя, вплоть до Петра, которому к кончине С. П. было восемь лет.

Среди разнообразных занятий С. П. на первое место надлежит поставить литературную деятельность. Он был очень плодовитым автором. Сильвестр Медведев, который с лета 1667 г. жил с ним в соседних «кельях», так описывал литературные труды своего учителя: «Присно прилежал Симеон чтению и писанию. На всякий же день име залог писати в полъдесть по полутетрати, а писание его бе зело мелко и уписисто. И пребывая на Москве 16 лет, написа своею рукою разных книг по исчислению прологов с десять или и вящше» (Татарский. Симеон Полоцкий. С. 341).

Это было не графоманство; это была творческая установка. Западник С. П. считал Московскую Русь страной, жители которой не знают «наук», «в простоте (т. е. в глупости. — *А. П.*) Богу угождают». Это элитарное пренебрежение к русской традиции С. П. выра-

зил в чрезвычайно характерном стихотворении «Глас народа», в котором задался целью опровергнуть известную формулу «глас народа — глас Божий»:

Что найпаче от правды далеко бывает,
  гласу народа мудрый муж то причитает.
Яко что-либо народ обыче хвалити,
  то конечно достойно есть хулимо быти,
И что мыслит, суетно; а что поведает,
  то никоея правды в себе заключает.
Еже гаждает дело, то весма благое,
  а еже ублажает, то бохма есть злое.
Вкратце, — что-либо хвалит, то неправо в чести,
  мир сей непостоянный весь лежит в прелести.
Не веруй убо гласу общему народа,
  ищи в деле правды человеча рода

(Майков. Очерки... С. 119).

В своих виршах С. П. изображал московское общество то «младоумным», не достигшим совершенного возраста, то слепым и нуждающимся в свете истины, то, наконец, больным, которое требует уврачевания. С. П. ощущал себя именно тем «искусным врачом», который призван и в состоянии построить новую русскую культуру. В иерархии культурных ценностей на первое место он ставил Слово, поэта считал, вслед за теоретиками барокко, «вторым Богом», — ибо поэт с помощью слова творит новую реальность. Отсюда — плодовитость С. П. Отсюда — его стремление «насытить» виршами и орациями, книгами и драмами, школами и «странними» языками, учеными диспутами и учеными людьми царский двор и палаты московской аристократии.

С. П. стал первым московским придворным поэтом. Еще в нач. 1665 г. он поднес царю «благоприветствование» по случаю рождения царевича Симеона. Любое событие в царской семье — кончины, браки, именины, рождения — давало ему повод для сочинения «сильвий». Он писал и для «ближних людей» государя — для Б. М. Хитрово, И. М. Милославского, при царе Федоре — для братьев *Алексея Лихачева* и Михаила Лихачева и др. Причем все эти лица были не только адресатами, не только слушателями его «приветств», но и исполнителями, потому что С. П. сочинял также стихотворения от их имени. С. П. самое заурядное, бытовое событие стремился «сопроводить» стихами. Когда в дом приходил гость, сын хозяина должен был встретить его равносложным «целованием»:

Благословенный дом ся нарицает,
  в он же друг благий часто прихождает.
. . . .
Многим то древле искуство случися,
  но мой родитель ныне сподобися
Блажен вашею любовию быти,
  яко хотесте дом наш посетити.

Божие вниде благословение
с вашим приходом в наше селение

(Панченко.
Русская стихотворая культура... С. 214).

Когда хозяин возвращался после отлучки, домочадцы могли прочесть «Целование господина, из путе пришедша». Если случалось, что архиерей приходил в дом «инаго архиерея», его также встречали стихами. «Приветства» эти заготовлялись С. П. не только для царской семьи и боярской верхушки, но и для людей, не занимавших видных мест в церковной или светской иерархии (надо сказать, что знакомство в Москве было у С. П. очень большое и очень смешанное). Все эти «сильвии» на склоне лет С. П. собрал в монументальном сборнике «Рифмологион, или Стихослов», до сей поры полностью не изданном. Из авторских помет в рукописи «Рифмологиона» видно, что многие «приветства» произносились С. П. или «отроками» в храмах: в данном случае С. П. опирался на католическую традицию храмовых декламаций, что было переворотом для старомосковского церковного обихода.

С. П. стал и первым придворным проповедником. Регулярное проповедничество он завел прежде всего в Заиконоспасском монастыре, а затем произносил торжественные речи и в других московских церквах. В 1675 г. из проповедей на воскресные дни С. П. составил сборник «Обед душевный» (напечатан в Верхней типографии в 1682 г.). В 1676 г. поучения на годичные праздники были собраны в «Вечере душевной» (издана там же в 1683 г.).

Наконец, С. П. был первым московским профессиональным писателем. Избрав путь «трудника слова», он избрал его раз и навсегда. Он довольствовался иеромонашеским званием. С. П. первым стал требовать регулярного вознаграждения за литературный труд. В одной из его челобитных царю Алексею Михайловичу читаем: «В прошлом, государь, во 177 (1669) году, егда изволил Господь Бог... государыню царицу и великую княгиню Марию Ильичну от временныя жизни переселити во вечную, написал я, твой государев холоп, во похвалу святаго ея, государыни, жития и воспоминание вечное добродетелей ея, вечныя памяти достойных, книжицу хитростию пиитическаго учения и вручил тебе ... ради утоления печали сердца, и за тот мой прилежный труд от тебе, великаго государя, ничим я не пожалован» (Майков. Очерки... С. 44). «Утоление печали сердца» есть христианская обязанность, но С. П. в данном случае ощущает себя не иеромонахом, а поэтом-профессионалом, который имеет право на гонорар независимо от содержания своих произведений и от обстоятельств, при которых они написаны.

В общей сложности этот гонорар был весьма значительным. Дворцовое ведомство отпускало С. П. «денежный корм» «по 5 алтын в день», а также продукты натурою для прокормления его само-

го, его родни и челяди (на попечении С. П. в Москве находились престарелая мать и племянник с семьей). Покои его в Заиконоспасском монастыре были прямо-таки роскошны (они были обновлены по указу царя Федора Алексеевича). Дрова С. П. получал с «государева дровяного двора». У него была своя прислуга (три человека) и свой выезд, причем сено для лошадей он получал с царских коломенских лугов, а овес — с житного двора.

В Полоцке С. П. начинал свою карьеру нищим «дидаскалом»:

Ума излишком, аж негде девати, —
купи, кто хочет, а я рад продати.
Вся глава умом велми ся наткана,
а мозгу мало места ся не стало.

В Москве С. П. окончил жизнь богатым человеком. Назначив в духовном завещании различные (часто довольно значительные) суммы белорусским, украинским и московским обителям, распределив пожертвования на богадельни и тюрьмы, указав, сколько должны получить его братья и другие родственники, духовный отец и душеприказчики, С. П. так высказался о своем имуществе: «На вся же раздаяния обретается у мене денег готовых: червонных золотых шестьсот, копейками рублев седмьсот. Особно расхожих мешок не целый: вынял из него рублев четыредесять» (Татарский. Симеон Полоцкий. С. 325).

С. П. основал в Москве нечто вроде писательского цеха, создал новый тип писателя-профессионала. Писатель этого типа непременно должен быть монахом, потому что монашество освобождает от забот о семье, о хлебе насущном, дает досуг для учено-литературных занятий. Писатель-профессионал одновременно и педагог: он обязан постоянно «воспроизводить» себе подобных, создавать европеизированную интеллигенцию, которая знала бы латынь и польский, античных авторов, поэтику и риторику. Не случайно С. П. потратил столько сил, чтобы добиться учреждения в Москве высшей школы, академии, по образцу Киево-Могилянской и Виленской. Смерть помешала ему осуществить этот замысел, но он завещал его Сильвестру Медведеву, как завещал ему все свои рукописи. Писатель-профессионал — это библиофил, ибо в занятиях литературой главное не талант, а знания, которые можно почерпнуть только из книг. Библиотека С. П., также унаследованная Сильвестром, состояла из шестисот томов. Это была первая московская частная библиотека нового типа. Естественно, что С. П. пытался получить доступ к печатному станку: просветительская деятельность не может иметь успеха, если сочинения остаются в рукописях, если писатель трудится «для себя» или для немногих близких людей. При царе Федоре Алексеевиче С. П. удалось, хотя и на короткое время, поколебать издательскую монополию Московского Печатного двора, единственной великорусской типографии, которой по традиции ведал патри-

арх, и завести так называемую Верхнюю типографию, в которой он печатал свои литературные труды.

С. П. был крупнейшим литератором восточнославянского барокко. Он был создателем московского варианта барокко, в котором не было присущих европейскому барокко крайностей. Стихотворная энциклопедия С. П. «Вертоград многоцветный» (1678 г.) — это квинтэссенция московского барокко. Составленный по азбучному принципу, «Вертоград многоцветный» давал всеобъемлющую, законченную поэтическую картину мира, ибо со времен Платона, затем в средние века и в эпоху барокко алфавит считался моделью универсума. В «Вертограде многоцветном», среди бесчисленного множества его исторических и псевдоисторических персонажей, мы не найдем мятежного и драматически раздвоенного человека европейского барокко. Здесь нет ни экзальтации, ни барочного пессимизма, ни столь популярной в Европе XVII в. темы безобразия смерти и загробных мучений. Московский вариант барокко, созданный С. П., отличается идеологической и эстетической умеренностью. С. П. уклонялся от крайностей, потому что ему приходилось все же считаться с русской традицией. В противном случае стихотворство, ораторская проза и драматургия С. П. не могли бы иметь успеха у московских читателей.

Однако в среде московских интеллигентов у С. П. были непримиримые идейные противники. Их возглавлял патриарх *Иоаким*, который лично уважал С. П., признавал его «добронравным», но отрицал его западническую ученость. Наиболее упорным из них был чудовский инок *Евфимий*. Когда С. П. готовил свое стихотворное переложение псалмов («Псалтырь рифмотворная» была напечатана в Верхней типографии в 1680 г.), Евфимий резко выступил против этого предприятия, заявив, что С. П. покушается на дух и букву Писания. С. П. ответил ему стихотворением «К гаждателю», которое заключает «Псалтырь рифмотворную»:

Мню аз, яко и ныне живет Зоил в чадех
нрава хулы своея и в российских градех.
Не мню токмо, но и вем, ибо еще труди
сии света не зреша, ни виидоша в люди,
А уже хулители завистиии слово
лукавое имеша во устах готово.
Колми паче, узревше, потщатся хулити
труд сей, дабы хулою славу получити.
Но, злый Зоиле, полза тебе о сем кая?
Зависти, хулительства слава, злому злая.
Конец Зоилов зол бе, и ты соблюдися,
да не тожде страждеши; от зла отвратися.
Вскую труды мои тщишися судити,
сам не хотя, ни могущ точиых положити.
Не разум тя, но злоба на то понуждает,
завистиик вся, яко сова солнце, обхуждает.
Друже, престани зубы твоя изощряти,
аз есмь сын церкве верный, а она ми мати.

Аще погрешнх иегде. она весть простити,
н иемоту чад своих весть мати любнтн
. . . .
Ты вскую любве праздный. иде же есть право
яве, да мудр зрнщися. судиши лукаво.
Но ие сей путь есть славы в людех стяжаиня,
паче вред ея добраго есть иепщевания.
Аще ти дал Бог разум, ты сам потрудися,
не в чужых делех смыслен. но в своих явися.
Ибо то буйство паче. не мудрость судится
егда кто хуленнем чуждых дел хвалится

(Псалтырь рифмотвориая. Л. 139).

Уязвленный сравнением с Зоилом, Евфимий не оставался в долгу. Он сочинял пасквили на С. П., однако имен предпочитал не называть, выражаясь иносказательно, потому что прекрасно знал, что С. П. покровительствует царь Федор Алексеевич: «Ведати подобает, како ся волк смиряет, когда овцу уловляет или коня хватает: не точию главою челом биет к земли пред овцею, но и на чреве ползает и хвостом ласкателне творит и очима блискает весело, яко свещами. Овца же разсуждает, яко то у волка и на сердце, что и на хвосте. Нет, бедная овечка! Плюй на его челобитье, утекай от него, бежи! Ибо стомах волков и чрево яко пещ халдейская на тебя распалается, згоришь без огня. Потоля ошибом ласкателствует, поколя зубов не рознял, а егда отворит, тогда тебе испод творит. Тако нецыи человецы словами ласкателными глаголют и, пред собою зряще, хвалят и яко с любовным беседуют, отшедши же уничижают и оклеветают» (Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. Отд. III. С. 17—18).

Впрочем, борьба между С. П. и грекофилами все же не выходила за рамки литературной полемики, за рамки стихотворных сатир, прозаических пасквилей и эпиграмм, вроде следующей (это одна из первых русских эпиграмм; адресат эпиграммы — «Обед душевный»):

Новосоставленная книга сия «Обед»
подвлагает сиедь, полиу душетлительных бед

(Шляпкии И. А.
Св. Димитрий Ростовский и его время:
(1651—1709). СПб.. 1891. С. 139).

Только после смерти С. П. и после смерти западника царя Федора Алексеевича «латинствующим», и в первую очередь Сильвестру Медведеву, довелось узнать, что литературная и богословская полемика может стоить головы.

Изд.: Жезл правлення. М., 1667: Поученне о благоговейиом стояиии во храме: Поучеиие от нереов сущым под ннмн в пасстве нх о еже пребывати им во всяком благочестии. М., ок. 1668; Букварь языка славенска. М., 1679; Псалтырь рнфмотворная. М., 1680; История о Варлааме н Иоасафе. М., 1680; «Увещенне к читателю» // Тестамеит, или Завет Васнлнй, царя греческого, к сыиу его Льву Философу. М., 1680. Л. 1—4; Обед душевиый. М., 1681; Вечеря душевиая. М., 1683; История или действие

еваигельския притчи о блуднем сыне, бываемое лета от Рождества Христова 1685. Цельногравированная киига сер. XVIII в.; «Комедия, притча о блуднем сыне»; «Комедия о Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи сожжеиных» // ДРВ. 2-е изд. М., 1789. Ч. 8. С. 34—60, 158—169; Сколок о комидии из притчи о блудиом сыне, преж сего печатанной в 1685 году. М., 1795; Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 89—1214; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. I. С. 296—326; Ровинский Д. Русские иародные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 8—38. (СОРЯС, т. 25); кн. 4. С. 250—252. (СОРЯС, т. 26); Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории // Сб. статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 587—668. (Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 21) (то же в кн.: Білецький О. Зібрания праць у п'яти томах. Т. 1: Давня украïиська і давня російська літератури. Київ, 1965. С. 371—416); Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого / Предисл. Н. А. Смирнова. СПб., 1915. (Изд. ОЛДП, № 133); Щеглова С. А. Русская пастораль XVII века: («Беседы пастушеские» Симеона Полоцкого) // Старинный театр в России XVII—XVIII вв.: Сб. статей. Пг., 1923. С. 65—92; Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая ред. П. Н. Беркова. Л., 1935. С. 89—120. (Б-ка поэта. Малая сер., № 3); Притча о блудном сыне // Хрестоматия по истории русского театра / Сост. В. Всеволодский-Гернгросс. М., 1936. С. 18—21; Еремин И. П. «Декламация» Симеоиа Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 354—361; Симеон Полоцкий. Избранные соч. / Подгот. текста, ст. и комм. И. П. Еремииа. М.; Л., 1953. (сер. «Литературные памятники»); Прашкович А. Н. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого: («Метры» и «Диалог краткий») // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 29—38; Łużny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska: Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII—XVIII w. Kraków. 1966. S. 147—149. (Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. T. 142. Prace historyczno-literackie, zesz. 11); Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Паичеико. Л., 1970. С. 104—173. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державииа, А. С. Демин, В. П. Гребенюк. М., 1972. С. 161—219. (Раииия русская драматургия: (XVII—первая половииа XVIII в.)); Мартынов И. Ф., Кукушкииа Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. // Памятиики культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976. С. 44—47; Dębski J. Poezja rosyjskiego baroku: Antologia. 2 wyd. Kraków, 1985; Слово в неделю 34-ю после сошествия святого Духа; Слово о суеверии или суечестии; Слово о взыскании премудрости // Красноречие Древией Руси: (XI—XVII вв.) / Сост. и комм. Т. В. Черторицкой. М., 1987. С. 366—386. («Сокровища древиерусской литературы») (фрагменты с пер. на русс. яз.); Виншоване Амфиногеиу Крыжановскому; Купецтво; Стихи утешные к лицу единому // Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 225—228, 288—289. («Сокровища древнерусской литературы»); Симеон Полоцкий. Слово в Неделю о мытаре и фарисее (проповедь) // Журнал Московской патриархии. 1987. № 1. С. 38—39; Симеон Полоцкий. Слово на Неделю 14-ю по Пятидесятнице // Там же. № 8. С. 47; Симеон Полоцкий. Слово в неделю 21-ю по Сошествии Святого Духа // Там же. № 10. С. 41—42; Симеон Полоцкий. Приветство ... царю и великому князю Алексию Михайловичу ... о вселении его благополучиом в дом ... в селе Коломенском // «Город чудный, город древний...»: Москва в русской поэзии XVII—начала XX веков / Сост. В. Б. Муравьева. М., 1988. С. 39—41; Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и комм. Л. Звонаревой, В. Былииина. Минск, 1990 (рец.: Илюшин А. «Живу и вижу» // Книжное обозрение. 1990. 10 августа, № 32. С. 2; Rolland P. A. // The Slavic and East European Journal. 1993. Vol. 36, N 2. P. 243—245); Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М., 1990. С. 523—529; 2-е изд. СПб., 1997. С. 523—529; ПЛДР. XVII век. Книга 3. М., 1994. С. 55—186, 536—545; Marinelli L. «Akafist Najświętszej Pannie» (1648) — pierwszy utwór Symeona Połockiego // Ricerche Slavistiche. 1995. Vol. 42.

P. 239—280; S i m e o n P o l o c k i j. Vertograd mnogocvětnyj. Vol. 1: «Aaron» — «Dětem blagoslovenie» / Ed. by A. Hippisley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien. 1996. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. N. F.. Bd 10/1); Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 47—50.

Лит.: Е в г е н и й (Б о л х о в и т и н о в). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 210—218; П е в н и ц к и й В. Ф. Симеон Полоцкий // ПО. 1860. № 10. С. 193—232; № 11. С. 327—356; Г о р с к и й А., Н е в о с т р у е в К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II, ч. 3. С. 210—238, 415—420, 835—841; М а й к о в Л. Н. 1) Симеон Полоцкий: Историко-литературный очерк // Древняя и новая Россия. 1875. № 9. С. 6—24; № 10. С. 117—133; № 11. С. 212—229; № 12. С. 367—380; 2) Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 1—162; 3) Симеон Полоцкий о русском иконописании. СПб., 1889; Л е о н и д, архимандрит. К биографии Симеона Полоцкого // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 398; С т р о е в. Словарь. С. 249—258; Ф и л а р е т. Обзор. С. 245—248; П о п о в В. Е. Симеон Полоцкий, как проповедник. М., 1886 (рец.: В л а д и м и р о в П. Два новые исследования о Симеоне Полоцком // ЖМНП. 1887. Ч. 250. № 4. С. 324—337); Т а т а р с к и й И. А. 1) Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886 (рец.: Г. Я. Личность и деятельность Симеона Полоцкого: (по поводу сочинения о нем И. Татарского). Киев, 1887; В л а д и м и р о в П. Два новые исследования о Симеоне Полоцком. С. 324—337); 2) О Симеоне Полоцком: (Дополнительные замечания по поводу анонимной брошюры: «Личность и деятельность Симеона Полоцкого». Киев, 1887 г.) // Творения святых отцов в русском переводе. 1888. Т. 2. Прибавления. С. 601—668; Б р а й л о в с к и й С. Отношения чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву: (Страничка из истории просвещения в XVII столетии) // РФВ. 1889. Т. 22, № 4. С. 262—290; Г л о к к е Н. «Рифмотворная Псалтырь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // Университетские известия. Киев, 1896. № 9. С. 1—18; Т а р а б р и н И. М. 1) Новые данные о Симеоне Полоцком // Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. Протокол заседания № 38. С. 14—15; 2) Апокрифический элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого // Там же. Протокол заседания № 43. С. 23—24; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 45, 89, 203—204, 364, 438; РБС: «Сабанеев—Смыслов». СПб., 1904. С. 459—462; П е т р о в с к и й Н. М. Библиографические мелочи. IV. Об изданиях «Комедии о блудном сыне» // ИОРЯС. 1912. Т. 17, кн. 2. С. 158—159; А д р и а н о в а В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 204—212; Ф и н д е й з е н Н. Ф. Сборники российских песен XVIII в. // ИОРЯС за 1926 г. 1926. Т. 31. С. 285—302; Б е л е ц к и й А. И. 1) Симеон Полоцький та українське письменство XVII-го віку // Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. Київ, 1927. С. 637—648 (то же в кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури. Київ, 1959. Т. 1. С. 319—328; Б і л е ц ь к и й О. Зібрання праць у п'яти томах. Т. 1. С. 417—433); 2) Из начальных лет литературной деятельности Симеона Полоцкого // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 264—267. (СОРЯС, т. 101, № 3) (то же в кн.: Б і л е ц ь к и й О. Зібрання праць у п'яти томах. Т. 1. С. 434—438); 3) Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 326—334 (то же в кн.: Б і л е ц ь к и й О. Зібрання праць у п'яти томах. Т. 1. С. 439—449); Л а с т о ч к и н Н. Комедия притчи о блудном сыне // Старинный спектакль в России: Сб. статей. Л., 1928. С. 99—131; Щ е г л о в а С. А. Декламация Симеона Полоцкого // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. С. 5—9; Материалы для библиографии по истории народов СССР: XVI—XVII вв. Л., 1933. С. 310. (Труды Историко-археографического ин-та. вып. 4); L a n g s c h J. Die Predigten der

«Coena Spiritualis» von Simeon Polockij vom literarischen Standpunkt aus beurteilt. Berlin. 1940. (Veröffentlichungen des slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelm-Universität Berlin, Bd 26); Еремин И. П. 1) Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Научная сессия ЛГУ: 16—30 ноября 1945 г. Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1945. С. 5—6; 2) Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.: Л., 1948. Т. 6. С. 125—153 (то же в кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 234—244; Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1987. С. 282—304); История русской литературы. М.: Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 342—353; Томашевский Б. В. К истории русской рифмы // Труды Отдела новой русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 255—257; Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 99—111; Горбач В. И., Горцев В. М. Симеон Полоцкий: (к 275-летию со дня смерти) // Известия АН БССР. 1955. № 4. С. 19—33; Тиганова Л. В. Литературно-художественная деятельность Симеона Полоцкого. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1956; Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в.: Из истории русско-белорусских связей. Минск, 1957. С. 46—49; Пузиков В. М. (Пузікаў В. М.) 1) Новыя матэрыялы аб дзейнасці Сімеона Полацкага // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1957, № 4. С. 71—78; 2) Мировоззрение Симеона Полоцкого. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Минск, 1958; 3) Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого // Научные труды по философии Белорусского гос. ун-та. Минск, 1958. Вып. 2, ч. 2. С. 3—56; 4) Симеон Полоцкий // Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии: (до 1917 г.). Минск, 1973. С. 126—135; Деркачев И. З. Заметки о силлабическом стихе // Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та. 1958. Т. 12, вып. 2. С. 271—282; Грицкевич В. П. Медико-биологические взгляды Симеона Полоцкого // Клиническая медицина. 1959. № 11. С. 136—138; Шепелева Р. Д. Формы дательного, творительного и местного падежей множественного числа в произведениях Симеона Полоцкого // Уч. зап. ЛГПИ. 1959. Т. 202: Каф. русского языка и советской литературы. С. 83—89; Українські письменники. С. 463—466; Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 164—169; Копанев А. И. Письмо Сильвестра Медведева к Симеону Полоцкому // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 281—283; Коротаева Э. И. Наблюдения над синтаксисом Григория Котошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого // Начальный этап формирования русского национального языка: Сб. статей. Л., 1961. С. 63—84; Серман И. З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 214—232; Калинин А. Д. 1) Мировоззрение и творчество Симеона Полоцкого. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1964; 2) Просветительская деятельность Симеона Полоцкого // Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та. 1964. Т. 140: Каф. методики русского языка и литературы, вып. 10. С. 293—309; 3) Педагогические взгляды Симеона Полоцкого // Там же. Вып. 11. С. 213—221; 4) Публицистика Симеона Полоцкого // Там же. С. 247—253; 5) Эстетические взгляды С. Г. Петровского-Ситниановича (Симеона Полоцкого) // Там же. 1967. Т. 192: Философия, вып. 10. С. 493—510; 6) Симеон Полоцкий: (Жизнь и творчество). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967; Прашкович Н. И. (Прашковіч М. І.) 1) Поэзия Симеона Полоцкого: Ранний период (1648—1664). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1964; 2) Беларуская паэзія канца XVI—пачатку XVII ст. // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1964. № 2. С. 78—88; 3) Старонка даўняй беларускай паэзіі // Полымя. Мінск, 1964. № 6. С. 166—171; Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 13. С. 99—119; Łużny R. «Psalterz rymowany» Symeona Polockiego a «Psalterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // Slavia Orientalis. 1966. Rocz. 15. N 1. S. 3—27; Ралько І. Д. 1) Ля вытокаў беларускага верша // Весці АН БССР. Сер.

грамадскіх навук. 1967. № 2. С. 64—71; 2) Беларускі верш: Старонкі гісторыі і тэорыі. Мінск. 1969. С. 33—54; Холшевников В. Е. Русская и польская силлабика и силлабо-тоника // Теория стиха. Л., 1968. С. 24—58; Азбелев С. Н. Летопись Петровского времени, содержащая поэму Симеона Полоцкого // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 261—265; Голубев И. Ф. 1) Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 254—259; 2) Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // Там же. Л., 1971. Т. 26. С. 294—301; Берков П. Н. Книга в поэзии Симеона Полоцкого // Там же. Т. 24. С. 260—266; Державина О. А. Пьеса о царе Навуходоносоре на европейской сцене XVII в. // Там же. С. 272—275; Lachmann R. Die Tradition des *ostroumie* und das *acumen* bei Simeon Polockij // Slavische Barockliteratur. Bd I. Hrsg. von D. Tschižewskij. München, 1970. S. 41—59. (Forum Slavicum, Bd 23); Панченко А. М. 1) Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого: (из материалов «Вертограда многоцветного») // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 232—241; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973 (рец.: Тетсни М. // Studia Slavia. 1975. T. 21. fasc. 3—4. P. 454—457; Mathauserová S. // Československá rusistika. 1975. Roč. 20, N 2. S. 82—84; Szymaszek J. // Slavia Orientalis. 1975. Rocz. 24, N 3. S. 350—354); Робинсон А. Н. 1) Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI— XVII века: (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 33—83; 2) Политическое и эстетическое значение ранней поэзии Симеона Полоцкого: (1656 г.) // Philologica: Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского. Л., 1973. С. 299—307; 3) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 73—75, 221—222, 234—249, 300—301, 341—347; 4) Закономерности движения литературного барокко: место Симеона Полоцкого в русском литературном процессе (Статья вторая) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1981. Bd 27. С. 63—85; 5) Симеон Полоцкий — астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М.,1985. С. 177—184; Русские писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1971. Т. I. С. 49—50; Hippisley A. R. 1) The Emblem in the Writings of Simeon Polockij // The Slavic and East European Journal. 1971. Vol. 15, N 2. P. 167—183; 2) Carmen echicum у Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 361—364; 3) Cryptography in Simeon Polockij's Poetry // Russian Literature. 1977. Vol. 5, N 4. P. 389—402; 4) Simeon Polotsky's Library // Oxford Slavonic Papers. 1983. N. S. Vol. 16. P. 52—61; 5) The Poetic Style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985. (Birmingham Slavonic Monographs, N 16); 6) The «Emblimata» of Simeon Polotskij // The European Emblem: Selected Papers from the Glasgow Conference 11—14 August 1987. Leiden; New York, 1990. P. 117—128. (Symbola et Emblemata, vol. 2); 7) A Jesuit Source of Simeon Polotsky's «Vertograd mnogotsvetnyi» // Oxford Slavonic Papers. 1994. N. S. Vol. 27. P. 23—40; Пушкарев Л. Н. Симеон Полоцкий // Жуков Д. А., Пушкарев Л. Н. Русские писатели XVII в. М., 1972. С. 197—334. (сер. биографий «Жизнь замечательных людей») (рец.: Осетров Е. Огонь и перо // Литературная Россия. 1973. 12 октября, № 41 (561). С. 11; Лихачев Д. С. Писатели и книжники Древней Руси // Книжное обозрение. 1973. 8 июня, № 23. С. 12); Бацвінік М. Буквар Сімяона Полацкага // Маладосць. 1973. № 7. С. 130—131; Прокофьев Н. И. О некоторых гносеологических особенностях литературы русского барокко // Проблемы жанра и стиля в русской литературе. М., 1973. С. 3—16; Надибаидзе Н. Александр Арчилович Батонишвили — переводчик произведений Симеона Полоцкого // Литературные взаимосвязи. Тбилиси, 1974. Сб. 5. С. 24—41; Матхаузерова С. 1) Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 271—284; 2) Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. (Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia, t. 63); Rolland P. A. 1) Aspects of Polotsky's Early Verse: (1648—1663). Ph. D. Diss. Indiana Univ., 1978; 2) «Dulce est et fumos videre Patriae» — Four Letters by Simiaon Połacki // Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. 9. N 1/2. P. 166—181;

3) Three Early Satires by Simeon Polotsky // The Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63, N 1. P. 1—20; 4) «Nie skoro prawi monsztuk do tych trąb otrzymacie: On Lazar Baranovyč's «Truby sloves propovidnyx» and their non-publication in Moscow // Journal of Ukrainian Studies. Edmonton, 1992. Vol. 17, N 1/2. P. 205—216; Елеонская А. С. 1) Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 149—152; 2) «Обед душевный» и «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого в историко-литературном процессе // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в. М., 1989. С. 170—188; 3) Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 86—148; Uhlenbruch B. 1) Simeon Polockijs poetische Verfahren — «Rifmologion» und «Vertograd mnogocvetnyj»: (Versuch einer strukturalen Beschreibung). Diss. Bochum, 1979; 2) Emblematik und Ideologie: Zu einem emblematischen Text Simeon Polockijs // Slavische Barockliteratur. Bd 2. Hrsg. von R. Lachmann. München, 1983. S. 115—128. (Forum Slavicum, Bd 54); Итигина Л. А. 1) Новый список «Комидии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 339—340; 2) Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе» // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 259—265; 3) Типы иносказания в русской литературе «переходного периода»: (На материале «Комидии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого) // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 20—21; Лабынцев Ю. Вместилище мудрости Симеоновой // В мире книг. 1979. № 9. С. 74—75; Лопатина Л. Е. Симеон Полоцкий: (1629—1680) // Русская речь. 1979. № 5. С. 113—119; Тарасов К. Тьмы невежества противник: К 350-летию со дня рождения Симеона Полоцкого // Неман. 1979. № 12. С. 163—172; Шалькевич В. Патриот, мыслитель, гуманист: К 350-летию Симеона Полоцкого // Коммунист Белоруссии. 1979. № 12. С. 87—88; Сазонова Л. И. 1) «Вертоград многоцветный» по автографу: (К 300-летию со дня смерти Симеона Полоцкого) // ИОЛЯ. 1980. Т. 39, вып. 4. С. 301—310; 2) К вопросу о поэзии русского барокко // ВЛ. 1985. № 8. С. 109—129; 3) Сильвестр Медведев — редактор Симеона Полоцкого: («Вертоград многоцветный») // Теория и история литературы. Киев, 1985. С. 87—96; 4) Симеон Полоцкий: Новые страницы творчества // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 199—205; 5) Поэзия русского барокко: (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991; Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Изд. подгот. В. К. Былинин, В. П. Гребенюк, О. А. Державина и др. М., 1982. (*Русская старопечатная литература*: (XVI—первая четверть XVIII в.)) (рец.: Malek E. // Przegląd rusycystyczny. 1984. T. 7, N 3/4. S. 212—217; Mercier R. // Kritika. 1983. Vol. 19, N 2. P. 71—82); Морозов А. А. Симеон Полоцкий и проблемы восточнославянского барокко // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 170—190; Былинин В. К. 1) К проблеме поэтики славянского барокко: «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 54—65; 2) К вопросу о полемике вокруг русского иконописания во второй половине XVII в.: «Беседа о почитании икон святых» Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 281—289; 3) О дате рождения Симеона Полоцкого // *Там же*. Л., 1985. Т. 39. С. 367—370; 4) Poesia docta Симеона Полоцкого // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 246—260; Былинин В. К., Грихин В. А. Симеон Полоцкий и Симон Ушаков: К проблеме эстетики русского барокко // Барокко в славянских культурах. С. 191—219; Dębski J. Twórczość rosyjskich sylabistów i tradycje literackie. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983; Звонарева (Званарова) Л. У. 1) У истоков педагогических воззрений Симеона Полоцкого // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: (Малоисследованные проблемы и источники). М., 1983. С. 64—75; 2) Гуманистические традиции белорусской литературы XVI в. в творчестве Симеона Полоцкого // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 80—88; 3) Творчество Симеона Полоцкого: Истоки, традиции, влияния. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1988; 4) Влияние педагогической системы Киево-Могилянской коллегии на формирование Симеона Полоц-

кого — преподавателя // Роль Києво-Могилянської академії в культурному єднанні слов'янських народів. Київ, 1988. С. 102—108; 5) Натурфилософские представления Симеона Полоцкого // Естественнонаучные представления Древней Руси. С. 228—246; 6) Изобразительная символика в книгах Франциска Скорины и Симеона Полоцкого // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2. С. 109—125; 7) Библейские мотивы в творчестве Симеона Полоцкого // Там же. М., 1992. Сб. 4. С. 165—179; 8) Сімяон Полацкі і маскоўскія любамудры: Супрацьстаянне літаратурна-эстэтычных канцэпцый // Беларусіка / Albaruthenica. Мінск, 1993. Кн. 1. С. 199—205; 9) Хрысціянскі ідэал жанчыны ў вершах паэта «Памежжа» Сімяона Пролацкага // Беларусіка / Albaruthenica. Мінск. 1994. С. 184—186; 10) Экфрасис в книгах Ф. Скорины и поэзии Симеона Полоцкого // Велнкою ласкою: Франциск Скорина в традициях славянского просветительства. М., 1994. С. 52—58; 11) Старазапаветныя вобразы ў творчасці Сімяона Полацкага // Беларусіка / Albaruthenica. Мінск, 1995. Кн. 4. С. 160—167; Bedaux J. B. Emblem and Emblematic Poem in the Work of Simeon Polockij // Miscellanea Slavica: To Honour the Memory of J. M. Meijer. Amsterdam, 1983. P. 53—72; Małek E. 1) Symeona Połockiego wizja świata: (z problematyki filozoficznej i światopoglądowej baroku rosyjskiego) // Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia filologiczne. Bydgoszcz, 1983. Zesz. 18. S. 5—14; 2) Uwagi o poetyce utworów panegirycznych Symeona Polockiego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. T. 668: Prace historycznoliterackie, zesz. 49. Kraków, 1984. S. 99—108; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 155, 163, 166, 197, 199; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 158—222; Гусева А. А. Оформление изданий Симеона Полоцкого в Верхней типографии: (1679—1683 гг.) // ТОДРЛ. Т. 38. С. 457—475; Былинин В. К., Звонарева Л. У. 1) Окказиональная политико-сатирическая поэзия XVII века как исторический источник // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1986. С. 142—154; 2) Ранняя политико-сатирическая поэзия Симеона Полоцкого: (польскоязычные поэмы о событиях Первой Северной войны) // Советское славяноведение. 1987. № 6. С. 46—61; Илюшин А. А. 1) Славянские и неславянские источники русской силлабической поэзии // Литературные связи и литературный процесс. М., 1986. С. 129—145; 2) Из наблюдений над текстами силлабических стихотворений XVII—начала XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. С. 244—278; 3) С польского на славяно-русский: (К проблеме перевода «Carminum variorum» Симеона Полоцкого) // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 89—95; 4) Ранние стихи Симеона Полоцкого: (заметки переводчика с польского на церковнославянский) // Studia Polonica: К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 175—192; 5) Славяно-русские силлабические переводы польских стихов Симеона Полоцкого // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 4. С. 136—164; Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // РЛ. 1988. № 4. С. 134—141; Лебедева И. Н. К истории издания Симеоном Полоцким Повести о Варлааме и Иоасафе // Рукописная и печатная книга в России. Л., 1988. С. 50—65; Хромов О. Р. 1) «Царский дом» в цикле Симеона Полоцкого // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. С. 217—243; 2) «Приветство» Симеона Полоцкого на «вселение» Алексея Михайловича в Коломенский дворец как исторический источник: (Опыт пересмотра материала) // Филевские чтения. М., 1993. Вып. 4. С. 43—54; Гребенюк В. П. Эволюция поэтических символов российского абсолютизма: (от Симеона Полоцкого до М. В. Ломоносова) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в. С. 188—200; Мончева Л. Н. О графической семантике стихотворений Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 363—368; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 245—249; Численко Н. Д. «Комидия притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого и позднеренессансная драматургия // Вестник ЛГУ. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 1989. Вып. 1. С. 34—

41; Муссурова Е. Н. Сложиые слова в русском киижиом языке XVII века: (На материале произведеиий Симеоиа Полоцкого). Автореф. дисс. ... каид. филол. иаук. Одесса, 1989; Witkowski T. From «A Forest of Things» to «A Garden of Many Flowers»: Simeon Polotsky's Polish Affiliations // Russian Literature. 1990. Vol. 28, N 1. P. 145—154; Лавреитьев А. В. К истории создаиия училища в Московской Броииой слободе в XVII веке // История СССР. 1991. № 3. С. 191—199; Николаев С. И. 1) «Зоил в российских градех»: (От Симеоиа Полоцкого до А. Каитемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17—27; 2) Стихотвореиие Якопоие да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 224—236; Игиатов В. К. Мировоззреиие Симеоиа Полоцкого: (Белорусский период). Автореф. дисс. ... каид. философ. иаук. Миик. 1992; Юсим М. А. Киигн из библиотеки Симеоиа Полоцкого—Сильвестра Медведева // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 312—327; Ромодаиовская Е. К. Русская литература иа пороге Нового времеии. Новосибирск, 1994. С. 94—95; Орлов В. «Муж благовериый, церкви и царству потребиый...» // Немаи. Миик. 1994. № 6. С. 20—21; Третьякова О. И. Памяти Симеоиа Полоцкого // Славяиоведеиие. 1994. № 6. С. 117; Яиковская Л. А. Богословское иаследие Симеоиа Полоцкого в библиотеке св. Димитрия Ростовского: (Краткое комментироваииое описание) // Филевские чтеиия. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследоваиия и материалы. М., 1994. С. 163—176; Литература и культура Древией Руси. С. 146—147; Люзияк М. М. «Учительиые» мотивы в творческом иаследии Симеоиа Полоцкого: (Некоторые аспекты киироведческого исследоваиия) // Современиые проблемы киироведеиия, киижиой торговли и пропагаиды кииги. М., 1995. Вып. 10. С. 73—81; Vroon R. Simeon Polotsky // Early Modern Russian Writers: Late Seventeenth and Eighteenth Centuries. Detroit; Washington; London, 1995. P. 291—307. (Dictionary of Literary Biography, vol. 150); Brogi Bercoff G. Plurilinguism in Eastern Slavic Culture of the 17th Century: The Case of Simeon Polockij // Slavia. 1995. Roč. 64, seš. 1—2. P. 3—14; Белоброва О. А. Симеои Полоцкий — автор вирш к гравюрам Библии Маттиаса Мериаиа // ТОДРЛ. Т. 49. С. 526—528; Маркасова Е. К. К вопросу о соотиошении древиерусской литературиой традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеоиа Полоцкого // Там же. СПб., 1996. Т. 50. С. 144—148; Литература Древией Руси. С. 185—189; Демкова Н. С. Еваигельская притча о блудном сыие и ее русские иитерпретации XVII века // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, иитерпретации, источиики. Сб. статей. СПб., 1997. С. 135—147.

А. М. Панченко, библиография: Д. М. Буланин, А. А. Романова

Симон (ум. 1685) — игумен Александро-Свирского монастыря (1660—1664 гг.), затем архиепископ Вологодский (1664—1684 гг.). Автор духовного завещания с описью имущества, в том числе книг (1681 г.), переписчик богослужебных книг, владелец обширной келейной библиотеки (около восьмидесяти рукописных книг и печатных изданий). Принимал участие в церковных соборах 1666, 1675 и 1678 гг., в частности, в розыске по делу патриарха *Никона*, который адресовал С. гневное письмо. В 1676 г. оказал материальную помощь *Юрию Крижаничу*, сосланному в то время в Сибирь (сохранилась расписка в архиве Вологодского архиерейского дома). Известны письма и грамоты С., адресованные духовным лицам (Вятскому епископу *Александру*, 1671 г., митрополиту Крутицкому, 1676 г. и др.).

Лит.: Роспись келейиой рухляди вологодского архиепископа Симоиа // ЛЗАК за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. Отд. II. С. 12—16; Строев. Словарь. С. 61; Филарет.

Обзор. С. 248; Коновалова Ж. Ф. О библиотеке архиепископа вологодского и белозерского Симона // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978 г. Л., 1979. С. 113—118.

О. А. Белоброва

Симон (в миру Савва Леонтьев сын Азарьин по прозвищу Булат) (ум. 1665) — с 1624 г. монах Троице-Сергиева монастыря, писатель, владелец обширной библиотеки. До пострижения в монахи С. был служилым человеком княжны Ирины Мстиславской; к служилому сословию относились и братья С. — Иван (государев стремянной конюх) и Михаил (слуга боярина И. Н. Романова). Шесть лет состоял С. келейником Троицкого архимандрита *Дионисия Зобниновского.* В 1630—1631 гг. С. был казначеем келейной казны патриарха *Филарета* в Москве, а в 1631—1633 гг. — строителем Троицкого монастыря в Алатыре. По возвращении в Троице-Сергиев монастырь С. стал его казначеем (1634—1645 гг.), а позднее келарем (1645—1653 гг.). Хозяйственную и административную деятельность С. сочетал с литературным трудом.

В 1640-е гг. С. создал новую редакцию *Жития Сергия Радонежского* — «Книгу о новоявленных чудесах преподобного чудотворца Сергия», неполный текст которой был издан в Москве в 1646 г. Повествование С. о новых чудесах Сергия вызвало сомнения у печатников, которые напечатали некоторые рассказы о чудесах с поправками, а другие вовсе опустили. Потребовалось вмешательство патриарха и царя, чтобы в «Службы и жития Сергия и Никона» вошло «чудо о кладезе», напечатанное на добавочных листах. После выхода в свет книги, включавшей тридцать пять чудес, С. продолжал вести записи о новых исцелениях и видениях, которых к 1654 г. набралось семьдесят шесть. Ок. 1653 г. С. написал обширное предисловие к своему сочинению, в котором прославлял Троицкий монастырь. Автор подчеркивает высокий авторитет Сергия Радонежского и значение его обители в борьбе с татарами, в походе на Казань и в событиях Смуты. Здесь же С. изложил необычную историю напечатания своего труда. В «новоявленных чудесах» фигурируют реальные исторические лица — Козьма Минин, *Иоанн Наседка*, пан Лисовский, окольничий Ф. В. Волынский, князь *Семен Шаховской* и др. Уже в XVII в. сочинение С. было использовано в двух житийных иконах Сергия Радонежского (одна хранится в Ярославском музее, а другая в Музее им. Андрея Рублева в Москве).

А. Н. Попов первым заметил сходство «Книги о новоявленных чудесах преподобного чудотворца Сергия» с *Повестью о разорении Московского государства* и предположил, что С. был автором последней. Точку зрения А. Н. Попова разделяет и современная исследовательница Н. М. Уварова. Между 1646 и 1654 гг. С. составил Житие *Дионисия Зобниновского.* Текст Жития неоднократно публиковался в XIX в. по случайным спискам. Н. М. Уварова насчитыва-

ет восемнадцать списков произведения, некоторые из них со значительными разночтениями. При составлении Жития С. использовал сведения, полученные от Ивана Наседки. По идейному содержанию Житие Дионисия входит в круг сочинений, утверждающих культ Сергия Радонежского и славу Троице-Сергиева монастыря. Примечательны главы Жития, освещающие период восстановления монастыря-крепости после осады 1608—1610 гг.; широко известно то место Жития, где архимандрит Дионисий представлен как покровитель искусств и ремесел.

С. был одним из составителей предисловий к Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1638/1639 г. и к Копийным книгам монастыря 1641 г. В этих предисловиях доказывается право церкви на владение землями.

В 1654 г. С. был подвергнут опале, и с 1655 по 1657 г. находился в ссылке в Кирилловом монастыре. Последние восемь лет жизни С. провел на покое в Троицком монастыре. Незадолго до смерти писателя, в 1665 г., более ста книг его келейной библиотеки были подготовлены для вклада в монастырь: на каждой книге была сделана вкладная запись с датой (перечень вкладов С. см.: Вкладная книга... С. 185, 202). Поиски келейных книг С. облегчает обнаруженная в ЦГАДА опись его библиотеки 1701 г.; на сегодняшний день отождествлено более пятидесяти рукописей, а также печатные книги. В составе библиотеки С. находились богослужебные и противоеретические книги, исторические и литературные произведения, учебные пособия, в том числе на греческом, польском и немецком языках.

Изд.: Службы и жития Сергия и Никона. М., 1646; Служба и житие Сергия Радонежского. Клинцы, 1786; Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевой лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1808; М., 1816; М., 1817; М., 1824; М., 1834; М., 1855; Смирнов С. О предисловии к житию преп. Сергия, писанном келарем Симоном Азарьиным // ВОИДР. 1851. Кн. 10. Смесь. С. 1—13; Попов А. Н. Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. Отд. IX. С. 1—51; Книга о чудесах преподобного Сергия. Творение Симона Азарьина / Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888. (ПДП, вып. 70); Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 11—14, 18, 274; Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост. В. В. Колесова. М., 1991. С. 119—135; Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. В переводе на русс. яз. М., 1997. С. 163—245.

Лит.: Арсений, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Святотроицкой лавры. СПб., 1863. С. 24—25; Ключевский. Древнерусские жития. С. 350—352; Скворцов Д. Дионисий Зобниновский. Тверь, 1890. С. 29—30 и др.; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 396—401; 2) Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 83—94; Никольский Н. К. К истории наказания писателей в XVII веке // Библиографическая летопись. СПб., 1914. Т. 1. С. 126—128; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI и XVII веках. М., 1958. С. 64; Филатов В. В. Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22.

С. 277—293; Федукова (Уварова) Н. М. 1) О иекоторых стилевых особеиностях агиографических сочииеиий Симоиа Азарьиииа // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Леииииа. Кафедра русской литературы. Т. 455: Вопросы русской литературы. 1971. С. 94—105; 2) О составе библиотеки Симоиа Азарьииа: (К постаиовке вопроса) // Проблемы жаира и стиля в русской литературе: Сб. трудов. М., 1973. С. 28—32; 3) Симои Азарьин как писатель середины XVII века. Автореф. дисс. ... каид. филол. иаук. М., 1975; 4) Редакцин «Жития Дноиисия»: (К проблеме изучеиия литературиой истории сочииеиий Симона Азарьииа) // Литература Древией Руси: Сб. трудов. М., 1975. Вып. 1. С. 71—89; Клитииа Е. Н. Симон Азарьии: (иовые даииые по малоизучеииым источиикам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 298—312; Болотцева И. П. «Сказаиие о Мамаевом побоище» иа икоие «Сергнй Радоиежский с житием» XVII века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 120—128; Мраморнов О. Б. Киижиик XVII века // Киижиые сокровища мира: Из фоидов библнотекн СССР им. В. И. Леиина / Сост. Е. И. Левит. М., 1989. Вып. 1. С. 51—65; Верховская Е. А. Образ Сергия Радоиежского в предисловиях Епифаиия Премудрого и Симоиа Азарьииа: (К 600-летию со дня смерти Сергия Радоиежского) // Гермеиевтика древиерусской литературы. М., 1992. Сб. 3. С. 313—326; Смнриова Е. И. Сборники с автографами Симоиа Азарьииа: (К проблеме атрибуции его сочниеиий) // Русская книга в дореволюциоииой Сибири: Рукописиая и печатиая кинга иа Востоке страиы. Новосибирск, 1992. С. 134—155; Клосс Б. М. Симои Азарьии: Сочииеиия и автографы // Сергиево-посадский музей-заповедиик. Сообщеиия 1995 г. М., 1995. С. 49—55.

О. А. Белоброва, Е. Н. Клитина

Синардацкий Христофор (2-я пол. XVII в.) — переводчик Аптекарской палаты в Москве. Ему принадлежит перевод с латинского книги по «фармакопее» («Pharmacopeia medicochimica sive thesaurus pharmacologicus»), выполненный в 1662 г. в Москве. Перевод не издан и не исследован.

Лит.: Змеев Л. Ф. Русскне врачебинки: Исследованне в областн иашей древней врачебиой письмеииости. СПб., 1895. С. 96. (ПДП, вып. 112); Ретлингер А. Р. Исследованне по историн меднцины XVII века в России // Вестник общества гнгиеиы, судебиой и практической меднцииы. 1906. Август. С. 1247; Будовииц. Словарь. С. 289.

О. А. Белоброва

Синодик ермаковым казакам см. *Киприан Старорусенков.*

«Синопсис» см. *Иннокентий Гизель.*

«Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля» — историческое произведение 2-й пол. XVII в. С. сохранилось в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 612 (1839), 3-я четв. XVII в. В нем рассказывается об опустошительном пожаре, случившемся в городе в 1658 г. в царствование *Алексея Михайловича*. Пожар начался в «Большом граде», перекинулся в Малый рубленый город, а затем за реку Которосль. Сгорели стены, сгорел почти весь город. В С. перечислены двадцать девять церквей, сгоревших в Большом и Малом городах, вне города и на другом берегу реки Которосли. Особое внимание С. уделяет спасению от огня

мощей ярославских чудотворцев — князей Василия и Константина и мощей смоленских и ярославских чудотворцев — князей Федора и «чад его» Давида и Константина. Описанное бедствие рассматривается в С. как наказание за грехи.

Автор С. хорошо знаком с торжественным стилем исторических сочинений XVI—XVII вв. Наиболее вероятными источниками его компиляции были такие памятники, как *Хронограф Русский* 1512 г., *Казанская история*, отчасти «История» *Авраамия Палицына.* В С. встречаются цитаты из Библии и патристической литературы. Таким образом, С. представляет интерес и как исторический источник, и как образец стиля компилятивного исторического произведения 2-й пол. XVII в.

Пожар 1658 г. в Ярославле описан также в «Сказании, еже по человеколюбию Божию бывшего наказания, великаго и страшнаго пожара во граде Ярославле, и о перенесении честных мощей святых чудотворцев», которое было опубликовано в 1850 г. Е. Трехлетовым. Оба произведения, по всей видимости, возникли независимо друг от друга: в каждом из них приводятся различные подробности описываемого бедствия, не обнаруживаются следы взаимного влияния и в обширных риторических отступлениях.

Изд.: Трехлетов Е. Великий пожар, бывший в Ярославле в 1658 г. // Ярославские губернские ведомости. 1850. № 10. Часть неофиц. С. 90—93; Салмина М. А. «Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 319—326.

М. А. Салмина

«Сказание вкратце о новом девичье монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи, и о чюдотворном образе пречистыя Богородица» — публицистический памятник нач. XVII в. С. сохранилось не менее, чем в трех списках: ГБЛ, собр. Строева, № 18, л. 41—45, сер. XVII в., в составе сборника, принадлежавшего ярославскому посадскому человеку С. М. Кувшинникову; ГПБ, F.IV.679, л. 608—609 об.; ГБЛ, собр. Ундольского, № 398, л. 93—96 об. Издано по списку ГПБ, который, вероятно, был сделан владельцем рукописи священником ярославской церкви Николы в Рубленом городе Ф. Петровым в 1720 г. С. представляет собой хронику борьбы земского ополчения (но не Первого ополчения, как пишет А. А. Турилов) и тушинцев в Верхнем Поволжье в конце 1608—сер. 1609 гг. (а не в 1609—1610 гг., как указывается в работах А. А. Турилова). В первой части С., завершающейся известием о разорении ярославскими «ворами» Романова, речь идет о начале движения против Лжедмитрия II, причем инициатива выступления приписана «мирским людям» поволжских городов, подвергавшихся грабежам и насилиям. Вторая часть произведения, имеющая особое заглавие («О чюдотворении образа Богоматери подобие, что явися в Казани»), едва ли может рассматриваться в качестве вставки,

как представляется А. А. Турилову, поскольку она посвящена следующему этапу борьбы с интервентами, продолжает рассказ о земском старосте В. Ю. Лыткине, не отличается от начала повествования по кругу интересов и стилю. Здесь сообщается о том, как оказалась в Ярославле особенно почитавшаяся в Верхнем Поволжье икона Казанской Богородицы (ее привез туда «литвин греческой веры», поручик Стравинского полка Я. Любский, которому она досталась при разорении Романова; «по некоему откровению» он отнес образ Лыткину, а тот вместе с братом решил передать икону в церковь Богородицы «на посаде, в Занетечье»). Автор рассказывает о поражении тушинцев на Мологе, освобождении от них Ярославля 8 апреля 1609 г., сооружении там острогов, взятии интервентами Земляного города, безуспешной осаде ими в течение пяти недель Рубленого города в Ярославле, куда был перенесен образ Казанской Богоматери, постройке в этом «городе» («меньшем остроге») «близ обители и осыпи» церкви «явления чюдотворныя иконы Казанския» по решению местных воевод и ратных людей.

Известия С. о перипетиях освободительного движения в Верхнем Поволжье отличаются достоверностью (ср.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 386—391) и порой уникальны (например, о месте разгрома интервентов на Мологе, участии романовских татар в осаде Ярославля в мае 1609 г., строительстве острогов и церкви Казанской Богородицы). Автор С. вводит излагаемые факты в круг явлений общероссийского значения. Но он умалчивает об исходе борьбы между лагерем Василия Шуйского, которого признает законным государем, и Тушинским станом. По-видимому, С. возникло вскоре после описанных в нем событий, быть может, уже во 2-й пол. 1609 г., и до низложения В. И. Шуйского, т. е. до середины июля 1610 г.

Очевидно, автор произведения был жителем Ярославля, ибо он хорошо знаком с топографией города и ходом борьбы за его освобождение от тушинцев. Допустимо считать, что он принадлежал к среде приходского духовенства. Так, в С. приведены наименования церквей, сообщается о разорении интервентами посадов и слобод около Спасского монастыря, говорится о перенесении священниками образа Казанской Богородицы и сооружении храма в ее честь по благословению Вологодского и Пермского архиепископа Иоасафа, а успех обороны Ярославля связывается с «чудотворениями» богородичной иконы. Вероятно, автор произведения был близок В. Ю. Лыткину, которого противопоставляет другим именитым ярославцам (последние, по его словам, захватив семьи и имущество, бежали в Нижний Новгород, а земский староста «многие животы за мир истощил»). Он даже уверяет, что, не желая сначала отдавать ярославцам чудотворную икону за выкуп, Я. Любский затем безвозмездно передал ее В. Ю. Лыткину. В действительности, как узнаем из патриаршей грамоты 1610 г.,

тот оказался единственным, кто смог внести требуемую «литвином» за икону сумму денег.

С. представляет собой историческую повесть, причем она отмечена явными признаками летописной традиции. В частности, изложение ведется в строгой хронологической последовательности; произведение открывается датой (7117, т. е. 1608/1609 г.), к которой приурочены все описываемые события. В С. ощутимы и черты повестей о чудотворных иконах. Оно отличается простотой стиля. В XVIII в. появилась пространная редакция памятника (известно не менее пяти списков). Она имеет другое название («Сказание или извещение о чудотворной иконе пречистыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, нарицаемыя Казанские»), лишена многих фактических сведений (дат, топонимов, указания на причину отступления ополченцев от Романова в Пошехонье), превращает В. Ю. Лыткина из земского старосты в бурмистра. Редактор преследовал главным образом религиозно-дидактические цели, уделив внимание преимущественно чудесам и видениям, фактически отсутствующим в С. нач. XVII в.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что в основе пространной редакции лежит исторический документ, современный событиям С., именно, «обыск» по спору между ярославцами и романовцами, вызванный стремлением одних оставить чудотворный образ у себя, а других — вернуть его в посадскую церковь Романова. Поэтому в тексте большое место занимают расспросные речи спасо-преображенского монаха Галактиона, в миру *Герасима Трофимова*, романовца, с которым связана вся история явления чудотворной иконы в 1588 г. в Тетюшах. Во время осады Ярославля Герасим-Галактион находился в Спасо-Преображенском монастыре и удостоился видения, которое следует рассматривать в ряду аналогичных литературных памятников Смутного времени. Тот факт, что источником пространной редакции является «обыск», объясняет присутствие во всех ее списках своеобразного «решения по делу» — грамоты патриарха *Гермогена*, очевидно, хранившейся вместе со списком следственного дела в архиве Ярославского Казанского монастыря.

Изд.: Ярославский Казанский женский монастырь. Ярославль, 1864. Приложения. С. 55—72; Заметка о хронографе ярославского священника Феодора Петрова: (Сообщил Ф. А. Бычков). М., 1890. С. 11—15.

Лит.: Турилов А. А. 1) Памятники литературы Ярославля XIV—XVIII веков как исторический источник // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР: Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 1975. С. 123—126; 2) Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV—начала XVIII в.: (Сказания о ярославских иконах) // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 168—174; Шабасова О. И. Ярославские сказания о чудотворных иконах в историко-культурной традиции края: XVII—начало XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.

Я. Г. Солодкин

13 Зак. 3636

«Сказание, еже по человеколюбию Божию бывшего наказания, великаго и страшнаго пожара во граде Ярославле, и о перенесении честных мощей святых чудотворец» см. *«Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля».*

«Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его» — произведение, рассказывающее о событиях конца XVI—нач. XVII в.: о смерти царевича Димитрия от рук нанятых *Борисом Годуновым* убийц, о гонениях царя Бориса на знатных людей, прежде всего на князей Шуйских, о появлении, царствовании и смерти первого самозванца, убитого восставшими москвичами 17 мая 1606 г. С. было известно уже Н. М. Карамзину, который назвал его баснословным, главным образом, из-за полностью вымышленного описания похождений *Григория Отрепьева* на Украине и в Польше. С. Ф. Платонов впервые указал, что С. существует в полной и краткой редакциях и что «самая неумеренная легенда» присутствует в полной редакции, тогда как содержание краткой редакции достоверно. Краткая редакция С. имеет другое заглавие: «Сказание и повесть известна, еже содеяся чюдо Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, и пречистые его Матери, и святых великих чюдотворцов московских Петра, и Олексея, и Ионы, и всех святых молитвами, во царствующем граде Москве, како избави Господь Бог от злаго и лютаго еретика, от Гришки Отрепьева, и от его злых умышленников, от поганых ляхов и литвы и от латынския иезовицкия ереси. Вкратце написано». Анализируя С., С. Ф. Платонов отметил в полной редакции стилистический разнобой в отдельных частях, неоправданные повторения, неточности и противоречия в датах, хронологическую непоследовательность, указав при этом на большую осведомленность автора при описании некоторых событий. Он не признал полную редакцию С. «произведением литературно-цельным». По его мнению, автор механически соединил отрывки разножанровых произведений, не сумев согласовать сведения нескольких источников, чем и объясняется, например, двоякая датировка одного события. Тем не менее, С. Ф. Платонов считал полную редакцию С. первоначальной и относил время ее появления к 1620-м гг. Краткая редакция, как он полагал, была образована за счет устранения легендарных известий еще позже.

Точка зрения С. Ф. Платонова на происхождение памятника была пересмотрена Е. Н. Кушевой. Сопоставив тексты обеих редакций С. по всем известным спискам, она установила, что выявленные С. Ф. Платоновым противоречия и стилистически выделяющиеся места являются позднейшими вставками в текст краткой редакции, ибо существуют в рукописной традиции независимо от С.

Краткая редакция С., по ряду признаков, появилась в 1606 г., вскоре после гибели Лжедмитрия I. Автор краткой редакции С. руководствовался не столько отвлеченным интересом к минувшим событиям, сколько задачей прославить Василия Шуйского. Особенно превозносится Василий Шуйский как организатор и руководитель восстания против Лжедмитрия и поляков, как мужественный борец «за правду и ... веру», безбоязненно обличающий обман и «еретичество» самозванца, даже будучи приговоренным к смертной казни. В то же время в С. отсутствует ряд чрезвычайно важных, казалось бы, для замысла автора фактов. Ни слова не сказано о важнейшем событии в судьбе Шуйского — избрании на царство; не упомянуто о мероприятии большого политического значения для авторитета В. И. Шуйского — перенесении мощей царевича Димитрия. Все это говорит о том, что написанное неизвестным автором С. появилось до избрания Шуйского царем и до открытия мощей царевича 28 мая 1606 г.

Краткая редакция С. написана простым слогом, отличным от стиля позднейших дополнений. Особенно заметно это в сравнении с появившейся вслед за С. и тоже вышедшей из окружения В. И. Шуйского «*Повестью, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго*». Образы главных героев раскрываются в С. не в абстрактных характеристиках, как в Повести, а в описаниях их поступков. Постоянные упоминания приказных людей, близость текста к документальным материалам (майским и июньским грамотам Василия Шуйского) и простота стиля позволили Е. Н. Кушевой предположить, что краткая редакция С. могла быть написана человеком из приказной среды.

Безыскусность стиля краткой редакции С. становится особенно заметной при сравнении с полной редакцией, где появляется баснословный рассказ о похождениях Григория Отрепьева, который отличают пространные риторические рассуждения и вопросы, полонизмы, подробные описания польского быта, длинные и сложные синтаксические периоды.

Полная редакция С. не меняет публицистической направленности краткой, а введение в текст краткой редакции как баснословных, так и достоверных описаний, которые представляют собой, по-видимому, личные воспоминания автора (рассказы о въезде Мнишков в Москву, о свадьбе Лжедмитрия I, о воинских упражнениях в стрельбе), продиктовано желанием усилить литературную занимательность С.

С. оказало заметное влияние на последующую литературу о Смутном времени. Оно было первым из произведений, появившихся в ходе литературно-идеологической кампании, организованной сто-

ронниками Василия Шуйского, и, по словам Е. Н. Кушевой, «в нем уже определилась та схема изображения событий, которая была прочно усвоена правительством Шуйского в дальнейшем: гибель истинного Дмитрия от руки подосланных Борисом убийц, царь Дмитрий, как самозванец, злой еретик и расстрига, борьба Шуйского с ним как героическая борьба за православную веру». С. широко распространилось в рукописях как самостоятельное произведение и вошло в состав исторических компиляций сер. XVII в., таких как *Летописец Морозовский*, Латухинская Степенная книга (см. *Тихон Макарьевский*) и др. Перечень списков см. в работах С. Ф. Платонова и Е. Н. Кушевой.

Изд.: Сказаиие и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о растриге Гришке Отрепьеве, и о похождеиии его / Изд. О. Бодяиский // ЧОИДР. 1847. Ки. 9. С. 1—26; РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 713—754.

Лит.: Карамзии Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 10. Примеч. 247; Т. 11. Примеч. 194, 196, 202, 207, 216, 405 и др.; Платоиов С. Ф. Древиерусские сказаиия и повести о Смутиом времеии XVII века, как исторический источиик. 2-е изд. СПб., 1913. С. 385—394; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутиого времеии // Уч. зап. Саратовского гос. уи-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5. вып. 2. С. 65—95; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 67; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 273—274; Лихолат С. В. Сказание о Гришке Отрепьеве как историко-публицистический памятиик иачала XVII века // Збіриик иаукових праць аспіраитів з філології Київського держ. уи-ту. 1963. № 18. С. 46—52; Солодкии Я. История поздиего русского летописаиия. М., 1997. С. 76. 143.

Г. П. Енин

«Сказание известно о воображении книг печатного дела» — первый исторический очерк русского книгопечатания, составленный в XVII в., скорее всего, на Московском Печатном дворе. Существуют две редакции С. — пространная и сокращенная; обе сохранились в единственном списке, сборнике разнообразного состава сер. XVII в. ГИМ, Синод. собр., № 850, где сокращенная редакция непосредственно примыкает к пространной, и обе занимают л. 73—85 об. рукописи (см. описание сборника: Описание рукописей Синодального собрания: (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2. № 974, С. 90—92). В обеих редакциях сочинение носит весьма многословные заглавия, в пространной редакции заглавие таково: «Сказание известно о воображении книг печатнаго дела и о его пресечении, и от котораго царя первее повеленно бысть в царьствующем граде Москве печатному делу быти и строитися и печатным книгам быти, и которыя мастеры прежде начаша ся быти, и ины по тех даже и до сего написания, и которыя книги первыя начаты быша печатати. И потом како было некоим приключьшимся злым временем, таковое благое дело разрушися и изгибло.

И при котором царе паки составися по-прежнему и в первое устроение прииде, скажем сице».

В датировке С. между учеными существуют разногласия. Если слависты XIX в. и последний исследователь памятника Е. Л. Немировский приурочивают его к царствованию *Алексея Михайловича*, то М. Н. Тихомиров и Ю. А. Лабынцев предполагают большой промежуток времени между возникновением пространной и сокращенной редакций: первая, по М. Н. Тихомирову, появилась вскоре после возвращения *Филарета* из польского плена (1619 г.), а вторая, упоминающая царя Алексея Михайловича и патриарха *Иосифа*, должна быть отнесена к годам правления последнего (1642—1652 гг.). Однако Е. Л. Немировский обратил внимание, что уже в пространной редакции говорится как о покойных не только об «иноке» *Марфе*, умершей в 1631 г., и патриархе Филарете, умершем в 1633 г. («еще бо ей живе сущи тогда», «еще жива суща тогда»), но и о первом государе дома Романовых («блаженныя памяти Михаил Феодоровичь»). Пространная редакция, считает ученый, умалчивающая об Алексее Михайловиче, появилась вскоре после смерти его предшественника (1645 г.), возникновение сокращенной он связывает с посещением Москвы Иерусалимским патриархом Паисием, прибытием туда киевских ученых монахов и началом «книжной справы», т. е. с 1649 г. Сравнив две редакции, Е. Л. Немировский указал, что в более поздней устранены длинноты первоначального С., исключены основанные на слухах сообщения и, главное — усилен акцент на необходимости исправления богослужебных книг. Следует добавить, что вторичность сокращенной редакции явствует не только из общих соображений, ее выдают не всегда удачные купюры: например, здесь неверно сказано, что московское книгопечатание благополучно существовало «до лета тоя же осмыя тысящи до девятаго на десять года» (в пространной правильно: «до лета осмыя тысящи втораго ста девятаго на десять года»).

На Москву как на место создания С. указывают некоторые оговорки, естественные для автора-москвича. О церкви Николы Гостунского говорится: «иже и ныне зрится той храм близ двора царева, внутрь самого Кремля града»; о постройках Печатного двора автор замечает: «яко же и ныне зрится» и, чуть дальше, — «иже и ныне зрится»; москвичу понятно было без разъяснений, что «дом» Божьей матери — это Успенский собор.

Создатель С. располагал весьма скудными сведениями об обстоятельствах «заведения» первых русских типографий. Помимо устных преданий (так, об *Иване Федорове* и *Петре Мстиславце* «глаголют же неции..., яко от самех фряг то учение прияста»), он пользовался послесловиями к старопечатным изданиям — Федоровским послесловием к Апостолу 1564 г., которое в С. воспроизведено почти дословно, и, как установил Е. Л. Немировский, послесловием к третьей четверти Трефологиона (М., 1638). Из последнего источника в

С. проникло несоответствие между двумя датами, когда правительство будто бы занялось организацией книгопечатания, — это 7061 (1553) г., с одной стороны, и тридцать пятый год царствования *Ивана Грозного*, с другой стороны. В руках у автора С., возможно, была также Степенная книга (ср. зачин произведения). В С. нашли отражение основные этапы московского книгопечатания: автор глухо упоминает какие-то дофедоровские (по мнению Е. Л. Немировского — безвыходные) издания («повествует же ся от неких, яко преже их нецыи, или будет и они сами, малыми некими и неискусными начертании печатываху книги»), подробно рассказывает о выходе в свет первенца типографии Ивана Федорова, причем Петра Мстиславца расценивает как его помощника («клеврета»); из позднейших мастеров С. называет *Андроника Невежу*, которого считает учеником первопечатников, и *Никиту Фофанова*, при этом знает о его деятельности в Нижнем Новгороде; пространно повествуется об ущербе, понесенном типографией в годы литовского разорения, и о новом оживлении на Печатном дворе с восшествием на престол *Михаила Феодоровича*.

К С. не раз обращались историки Московского Печатного двора. Следы знакомства с ним Е. Л. Немировский обнаружил в анонимном сочинении «О книгах старых и о книгах новых», согласно Ю. А. Лабынцеву, его использовал в своей справке об отечественном книгопечатании *Феодор Поликарпов*. Ученый мир познакомился со С. в 1822 г. благодаря К. Ф. Калайдовичу. За исключением книги И. Баса, где напечатана только сокращенная редакция, обе редакции издавались всегда одна вслед за другой.

Изд.: Строев П. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке ... И. Н. Царского. М., 1836. Приложение III. С. 437—454; Бас И. Иван Федоров. М., 1940. С. 202—204; Протасьева Т. Н., Щепкина М. В. Сказания о начале московского книгопечатания: Тексты и переводы // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 197—214; Русское историческое повествование XVI—XVII веков / Сост. Ю. А. Лабынцев. М., 1984. С. 14—15, 99—105, 323—325. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Калайдович К. Записка об Иоанне Федорове // ВЕ. 1822. Июнь. № 11—12. С. 294—295, 298; Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872. С. 7, 13; Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. Ч. 1: Русская книга от начала письменности до 1800 года. М., 1924. С. 71—72; Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания. С. 16—19 (перепечатано в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 298—300); Немировский Е. Л. 1) Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси. III. «Сказание известно о воображении книг печатного дела» — как исторический источник // Книга: Исследования и материалы. М., 1962. Сб. 7. С. 251—361; 2) Источниковедение и историография русского первопечатания. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук (по специальности «книговедение»). М., 1964. С. 7—8.

Д. М. Буланин

«Сказание, киих ради грех попусти Господь Бог наш праведное свое наказание и от конец и до конец всея Росия, и како весь словенский язык возмутися и вся места по Росии огнем и мечем поядена быша» см. *Авраамий Палицын.*

Сказание о богатом купце — назидательная повесть, встречающаяся в четьих сборниках XVII—XVIII вв. В С. рассказывается о богатом купце Бендере из града Вавилона. Он не пустил к себе на пир Христа в образе нищего. Изгнанный сторожами купца Христос предрекает Бендеру злую погибель и переход всех его богатств к сыну бедняка Фиврану, который женится на купеческой дочери. Попытки купца обойти судьбу и погубить Фиврана составляют увлекательный рассказ, завершающийся смертью злодея.

С. несет черты душеполезной дидактической литературы, в которой представлена идея наказания гордеца и чванливого богача. Образ Христа-нищего известен в учительной традиции (ср. *Пролог* под 18 октября: «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего»). Основная сюжетная нить С. совпадает с русской народной сказкой «О Марке богатом» и имеет сходство с некоторыми мотивами сказки о царе Соломоне (замена младенца щенком). Е. К. Ромодановская полагает, что в данном случае сказки подверглись влиянию книжных повестей. Наряду с легендарными, сказочными чертами, С. отмечено близостью к книжной традиции — к русским повестям XVII—нач. XVIII в. и является образцом беллетризации дидактического сюжета.

Изд.: Белоброва О. А. Сказание о богатом купце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 263—265; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 384—388. («Сокровища древнерусской литратуры»).

Лит.: Ромодановская Е. К. 1) Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 170—174; 2) Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 159—164

О. А. Белоброва

Сказание о взятии Астрахани Степаном Разиным см. *Золотарев Петр Алексеевич.*

***«Сказание о древе златом,* и о златом попугае, и о царе Михаиле, да о царе Левкасоре»** см. *Слово о благочестивом царе Михаиле.*

«Сказание о зачале Николо-Коряжемского монастыря и началнике его старце Логине» см. *Александр, епископ Вятский и Великопермский.*

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии — древнерусская повесть, соединяющая в себе элементы публицистики и беллетристики. С. создано во 2-й пол. XVII в., не ранее 1655 г. Автор его неизвестен. В С. рассказывается о построении в княжение Даниила Ивановича (по некоторым спискам Даниила Александровича) городов Юрьева Польского, Алексина; центральное место в С. занимает рассказ о «зачатии» «престольного града» Москвы и особенно Крутицкого архиерейского дома. Князь Даниил — лицо вымышленное. Однако в С. отражены реальные исторические события. В основе произведения лежит имевший место в действительности эпизод из истории Крутицкой епархии, когда патриарх *Никон* попытался уничтожить владения Крутицкого митрополита под Москвой. С. написано в защиту интересов Крутицкого владыки. Автор проявил знакомство с легендарной родословной русских князей от Августа кесаря, с легендами о построении городов, со сказаниями о начале монастырей. С. известно в 21 списке конца XVII—XVIII вв., которые содержат два его вида.

Изд.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 2. Примеч. 301; Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 28—29; Тихомиров М. Н. Древняя Москва: (XII—XV вв.). М., 1947. С. 215—216; Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 245—250; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 121—122; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 49—50. (Б-ка русской фантастики, г. 2).

Лит.: Смирнов С. Сказания русских летописцев о начале Москвы и свидетельства иностранных писателей XV и XVI века о ее состоянии // ЖМНП. 1849. Ч. 62. Отд. VI. С. 38—40; Буслаев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонравова. М., 1862. Т. 4. С. 14—15; Шамбинаго С. К Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 92—98; Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // Там же. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 379—380; Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981 г. М., 1982. С. 42—43.

М. А. Салмина

«Сказание о зачатии московском, и кто про то знал, что Москвы царством быть и государьством слыть» см. *Сказание о убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы.*

«Сказание о златом древе и о царе Левстасаре» см. *Слово о благочестивом царе Михаиле.*

Сказание о иконе Богоматери Абалацкой см. *Есипов Савва.*

Сказание о иконе Богоматери Владимирской в г. Нерехте — рассказ об иконе, написанной ярославским «изографом» Дмитрием и в 1635 г. перенесенной в г. Нерехту. С. дошло до нас в пересказе

XVIII в. и читается в рук. 1767 г. ГПБ, собр. Титова, № 1118/3716, л. 60—157 (описание см.: Титов А. А. Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании А. А. Титова. М., 1903. Т. 3. С. 401—403). Рукопись названа «Рай мысленный» и составлена нерехтским купцом Андреем Несторовичем Третьяковым по образцу книги «Рай мысленный», напечатанной в Валдайском Иверском монастыре (см. *Рай III*, *Филофей, архимандрит*). Рукопись попала к А. А. Титову из собрания протоиерея Михаила Яковлевича Диева (1794—1866 гг.), исследователя-историка Костромского края, члена-соревнователя Московского общества истории и древностей российских и сотрудника Московского общества любителей российской словесности.

Изучая сборник А. Н. Третьякова, М. Я. Диев пришел к выводу, что С. написано им самим, но написано по не дошедшему до нас источнику. Этим источником послужило сказание, сочиненное жителем Ярославля, а затем Нерехты, Иоанном Аверкиевым. Его имя читается в сборнике А. Н. Третьякова, в находящемся на полях примечании: «От рукописцов великороссийских и отчевиста (м. б. очевидца? — *М. К.*) [списа]теля Иоанна Аверкиева от протчих достоверных повествователей вкратце собранное» (л. 60). В Словаре костромских писателей, который был составлен М. Я. Диевым, а приведен в порядок и издан А. А. Титовым, Аверкиев Иоанн стоит под № 1 (сам А. Н. Третьяков помещен в Словаре под № 122): «Аверкиев Иоанн, житель г. Ярославля, потом Нерехты; около 1635 г. сочинил Сказание о чудотворной иконе Владимирской, им принесенной в Нерехту; осталось в рукописи, теперь неизвестной. Об ней узнаем из ссылки на нее сочинителя Сказания о той же иконе — нерехчанина Андрея Несторовича Третьякова» (Титов А. А. Материалы для биобиблиографического словаря: Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописям костромского ученого протоиерея М. Я. Диева: «Ученые делатели Костромского Вертограда». М., 1892 // Библиографические записки. 1892. № 5. С. 5; № 8. С. 40. Приложение: Словарь писателей).

В тексте С. Иоанн Аверкиев выступает не столько автором, сколько героем повествования. Во сне ему является Богородица, велит купить образ Владимирской Богоматери у иконописца Дмитрия и перенести его из Ярославля в Нерехту. Иоанн не поверил явлению, и Богородица являлась ему еще дважды. Только после того, как Иоанн заболел и стал «расслабленным», приказание было выполнено. Икона стояла в доме Иоанна до весны, когда водным путем по Волге и р. Солонице ее можно было переправить в Нерехту. Там начались исцеления от иконы; выздоровел и Иоанн. Для иконы построили церковь и основали монастырь.

Слепая женщина заказала в Ярославле драгоценный венец для иконы, после чего прозрела.

К этому С. в сборнике А. Н. Третьякова присоединена Повесть о второй Владимирской иконе, также написанной в Ярославле в 1635 г. и отправленной в Нерехту в 1636 г. На сей раз образ заказала «некая вдова Екатерина Вавилова дщерь по прозвищу Владимирка». Сначала икону поставили в церковь архангела Михаила, где сразу начались чудеса исцелений, затем ее перенесли в более просторную церковь Благовещения, а потом, по приказу Ростовского и Ярославского митрополита *Варлаама II* (1619—1652 гг.), — в соборную церковь Успения. Ярославцы долго не хотели отдавать чудотворную икону в Нерехту, несмотря на просьбы строителей Сретенского Владимирского монастыря Иоанна Аверкиева и Антония. Только после того, как патриарх *Иоасаф II* послал митрополиту Варлааму грамоту соответствующего содержания, икона была отправлена в Нерехту. Жители Ярославля провожали ее с плачем и рыданиями. Повесть о второй иконе охватывает более широкий промежуток времени — ее чудеса датированы как XVII, так и XVIII в. В 1644 г. Нерехта была спасена иконой от мора; обе иконы уцелели после страшного пожара; в 1678 г. Нерехту посетил царь *Феодор Алексеевич* с братьями Иоанном и Петром и дал деньги на строительство каменного храма, который был освящен патриархом *Иоакимом* в 1686 г. Более поздние чудеса исцелений датированы 1746, 1748, 1752, 1753, 1755, 1761, 1762 гг.

М. Я. Диев считал, что Повесть о второй иконе написана А. Н. Третьяковым. В ней уже нет никаких ссылок на источник XVII в. Не исключено, что оба произведения основаны на каких-то местных нерехтских устных легендах, восходящих к XVII в.

Изд.: Диев М. Я. Сказание о находящихся во Владимирской церкви г. Нерехты двух прославленных чудотворениями св. иконах Божией матери, именуемых Владимирскими. М., 1860.

Лит.: Протоколы заседания имп. Общества истории и древностей российских 1862 г. октября 27 дня // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. С. 263—264; Полетаев Н. И. Протоиерей М. Я. Диев и его историко-археологические труды. Кострома, 1891. С. 35; Титов А. А. Ученый протоиерей Костромской епархии о. Михаил Яковлевич Диев // Библиографические записки. 1892. № 2. С. 98, 104; Диев М. Г. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века. Кострома, 1920. С. 80. Отд. отт. из XIII вып. «Трудов Костромского научного общества».

М. Д. Каган

Сказание о иконе Богоматери Казанской в Бужневской волости см. *Макарий Вуколов* (Дополнения в вып. 3, часть 4).

Сказание о иконе Богоматери Оранской — рассказ о чудесах иконы Божьей матери, полное название которого: «Повесть о новояв-

денных чюдесех от образа пресвятыя владычицы нашея Богородицы приснодевы Марии, нарицаемаго Владимирския, содеянных в пределах во едином Великия Росии от градов, нарицаемаго Нижнева Новаграда в пустыни близ Аранскаго (вариант — Оранаго) поля на Словенской горе». С. — это рассказ не столько о явлении чудотворной иконы, сколько о монастыре, так как именно история основания Оранского монастыря и роль в этой истории дворян Глядковых, которых можно назвать ктиторами монастыря, составляют сюжетный стержень произведения.

С. было написано в 1662 г., как указано в его последней фразе: «Сия повесть сочинися повелением благочестивейшего великого государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца в царствующем великом граде Москве в лето 7170-е, а еже по плоти от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1662-е лето» (Шмидт. К истории... С. 309). Однако позднее в первоначальный текст произведения были внесены некоторые поправки: так, в нем упоминается о мученической смерти Петра (после принятия монашества Павла) Глядкова. Хотя С. О. Шмидт относит это убийство к 1665 г., точная его дата ни в каких источниках не указывается. Сохранилось только устное предание о зверском убийстве 80-летнего Павла Глядкова разбойниками, напавшими на монастырь. Как бы то ни было, в 1663 г. Петр Глядков был еще жив: этим годом датирована его челобитная царю *Алексею Михайловичу* (Макарий, иеромонах. Описание... С. 53). В С. говорится также о пятистах исцелениях от чудотворной иконы со ссылкой на список этих чудес. Данные сведения могли быть вставлены в текст только после 1667 г., которым заканчивается список и к которому число чудес достигло указанной цифры. Автор С. неизвестен. Была ли она написана в Москве, или в другом месте, ясно одно: автор С. был тесно связан и с Оранским монастырем, и с родом Глядковых.

Содержание С. таково. В 1629 г. по заказу нижегородского дворянина Петра Глядкова московские «изографы» Кондрат и Григорий Черный пишут образ Богоматери Владимирской. Различные знамения, случившиеся в 1634 г., указывают Глядкову на необходимость основать монастырь на Оранском поле у горы Словено. Но тут строителю пустыни и ее братии приходится вступить в конфликт с местным населением — языческой мордвой; следующая часть С. описывает в основном различные перипетии во взаимоотношениях монахов и «разбойников»-мордвы. В С. отмечены не только вооруженные нападения «разбойников», но и «цивилизованная» — юридическая борьба против монастырской колонизации. В 1635 г. мордва отправила челобитчиков в Москву, в которой по их просьбе (или за мзду?) думный дьяк *И. Т. Грамотин* своей рукой вписал вместо слов «Петр Глядков поставил церковь» фразу: «Петр Глядков поставил насилством двор свой, а не церковь, и люди своя на том месте

устроил жителствовати; такожде и землю ораносеятелну сотворил» (Шмидт. К истории... С. 306). На основании этой фальшивой грамоты боярину и воеводе В. П. Шереметеву и Т. Обольянинову было поручено провести «розыск», в результате которого дьявольские козни были разоблачены. Ясно, что конфликты монастыря с местным населением возникали не только на религиозной почве, но и вследствие поземельных споров. С. детально описывает процедуру официального «освидетельствования» чудес, происходящих от иконы. По грамоте патриарха *Иоасафа I* (о новоявленной чудотворной иконе ему сообщил сын боярский Василий Потапов, собиравший архиерейские дани в Нижегородской земле) была создана целая комиссия, состоящая из представителей нижегородского духовенства и возглавляемая архимандритом Нижегородского Печерского монастыря Рафаилом и протопопом Архангельского собора Иосифом. Комиссии предписывалось: «...и целбу от образа того получивших, кому от каковыя болезни, и в кое время, и в коих местех, в той ли пустыни, или в их домех, или на пути, о сем приискренне повелевает изыскав свидетельствовати: колико кто лет какою болезнию одержим бе, все неизменно описати повеле. И по сем описании ради совершеннейшаго уверения и сие приложив, повеле о них испытати всеми родители и сродники, и соседы их ту близ живущыми всякаго чина духовных и мирских, яко да от неразумных не возмнится истина, лож бысти» (Шмидт. К истории... С. 308). После тщательнейшей проверки чудеса, признанные достоверными, были записаны Рафаилом и Иосифом в специальную книгу, которой предшествовала другая книга, куда вносили показания сами свидетели чудес. Проверяющие «своими печатми те книги запечатлеша» и отправили их в Москву для прочтения патриарху Иоасафу и царю *Михаилу Феодоровичу*. Только после этого Оранский монастырь получил официальное благословение на существование. В С. не называется дата этого события, но, скорее всего, оно случилось в 1635 г. — с этого времени начинают фиксироваться чудеса. Этим годом С. О. Шмидт предлагает датировать и официальное признание прав монастыря на окрестные земли — грамоту царя Михаила Федоровича, пожаловавшего обители, кроме той территории, которую она уже заняла, окрестные земли в квадратную версту с лесом и сенными покосами и право свободного въезда в мордовские земли для рубки леса и других хозяйственных нужд (грамота была утрачена уже ко 2-й пол. XIX в.; см.: Шмидт. К истории... С. 299; Гавриил, иеромонах. Описание... С. 16).

«Книга» с записью чудес сохранилась под названием «Сказание о чудесех пресвятыя Богородицы, содеянных от чудотворныя ея иконы Владимирския, яже в новой пустыни на Славенской горе в различных болезнях и скорбех слепым, хромым и безруким и всяким болящим людем, с верою и со страхом Божиим приходящим православным христианом». Во 2-й пол. XIX в. она была известна в един-

ственном списке, хранившемся в Оранском монастыре (датировка и современное местонахождение рукописи неизвестны). «Сказание о чудесех» было полностью опубликовано в переложении на современный русский язык иеромонахом Гавриилом. «Сказание о чудесех» перечисляет около пятисот чудес, случившихся в промежутке времени с 1635 до 1667 г.; к ним прибавлено одно чудо 1714 г. Список «Сказания о чудесех» находится в сборнике конца XVII—нач. XVIII в. ГИМ, собр. Забелина, № 467, л. 122 об.—223 об., где он помещен после текста С. Вероятно, этот единственный известный в настоящее время список восходит оригиналу той копии, которая хранилась в Оранском монастыре. Текст списка совпадает с публикацией Гавриила (за исключением нескольких механических утрат) и содержит перечень тех же пятисот чудес за 1635—1667 гг. В большинстве своем чудеса предельно кратки и носят характер протокольной записи: в какой день, кто именно (с указанием местожительства), от какой болезни получил исцеление. Однако в «Сказание о чудесех» включены и некоторые пространные чудеса, являющиеся небольшими литературными повестями и важные для истории монастыря (наиболее интересны два чуда 1657 г. о нападении «разбойников»-мордвы на монастырь, когда в результате мора там осталось всего три человека, включая Павла Глядкова). Сюжеты этих пространных чудес вполне могли бы занять место в самом С., наряду с аналогичными эпизодами, там помещенными. Тем не менее туда они не попали. Можно лишь предположить, что при составлении С. использовались записи чудес, сходные с теми, что читаются в «Сказании о чудесех». Трудно определить степень участия в составлении «Сказания о чудесех» Рафаила и Иосифа. Скорее всего, при них оно начало складываться. Не исключено, что какие-то записи велись еще до их приезда — так, среди чудес 1635 г. сохранилось сообщение о приезде Василия Потапова (ГИМ, собр. Забелина, № 467, л. 125—125 об., здесь он назван «нижегородским десятинником»), которое, если следовать хронологии С., произошло раньше миссии Рафаила «со товарищи».

Стремление автора С. опираться на документы и хорошо проверенные факты позволяет считать произведение надежным историческим источником. Существенно и то, что написано оно было по «горячим следам» событий. Герои С. — патриарх Иоасаф, митрополит Крутицкий *Питирим*, дьяк И. Т. Грамотин, воевода В. П. Шереметев и др. — известные исторические лица. Сохранились документы нижегородских дворян Глядковых (см.: Шмидт. К истории... С. 298). В свою очередь, С. может быть использовано для изучения генеалогии Глядковых — в нем упоминаются многие представители этого рода. О Петре Глядкове и основанном им монастыре сообщает еще один источник. В Уральском гос. ун-те хранится Апостол 1638 г. Московского издания со следующей записью: «7148 (1640)-го положил сию книгу Апостол в дом Пречистые Богородицы Словенские

горы Петр Ондреевич Глядков з детми своими с Ываном да с Олексеем и иные многие книги» (Нижнетагильское собр., № 14п/2114; описание см.: Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей Лаборатории археографических исследований. Свердловск. 1990. С. 17, 48).

С. известно в двух редакциях — полной и краткой. Т. В. Самарина в своей дипломной работе предлагает называть их соответственно «апокрифическая» и «историческая», что представляется не совсем удачным (Самарина Т. В. Из истории нижегородско-костромской литературы XVII в. Дипломная работа. Горьковский ун-т, 1989). Единственное отличие редакций состоит в том, что в полной основному тексту предшествует пространное предисловие, в котором излагается история чудес от образа Богородицы, начавших совершаться еще при ее жизни (особое внимание уделено Лиддской иконе). Вероятно, древнейшей является полная редакция — именно она содержится в наиболее ранних списках С. Переписчики более позднего времени стали опускать риторическое предисловие, которое плохо согласуется с динамичным и конкретно-историческим содержанием основной части. Интересно, что, не зная о существовании краткой редакции, С. О. Шмидт опубликовал имевшийся в его распоряжении список полной редакции, опустив предисловие, как это сделали когда-то составители краткой редакции. Ок. 1714 г. для полемического сочинения «Солнце пресветлое» (см. *Моховиков Симеон Федорович*) была создана сверхкраткая редакция С.

Списки П. довольно редки. Полная редакция представлена следующими списками: 1) ГИМ, Воскр. собр., № 63 бум. Канонник. л. 93—122 об. (в записи говорится о переписке С. в 1680 г. в Спасском монастыре «Малыя Юнги Козмодемьянского уезда», т. е. недалеко от Нижнего Новгорода); 2) Владимиро-Суздальский музей-заповедник, № 13/14969, 2-я пол. XVII в. (судя по записи, в нач. XVIII в. сборник находился в семье Глядковых); 3) ГИМ, собр. Забелина, № 467. Сборник, л. 96—223 об., конец XVII—нач. XVIII в.; 4) Кирилловский историко-художественный музей, № 10153. Сборник, л. 60—91, сер. XVIII в. Краткая редакция представлена списками: 1) ГБЛ, собр. Ундольского, № 398. «*Звезда пресветлая*», л. 115—126, конец XVII—нач. XVIII в.; 2) ГБЛ, собр. Усова, № 88. Святцы. л. 613 об.—625. 1-я пол. XVIII в.; 3) ГБЛ, собр. Беляева, № 67. Сборник выписок, л. 12—23 об., сер. XIX в.

Изд.: Шмидт С. О. К истории монастырской колонизации XVII в.: («Повесть о начале Оранского монастыря») // *ВИРА. М., 1964. Т. 12. С. 297—309.*

Лит.: Макарий, иеромонах. Описание Оранской Богородицкой пустыни. М., 1851; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 361; Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей: Нижегородская губерния. СПб., 1857; Гавриил, иеромонах. Описание Оранского Богородицкого первоклассного монастыря. Нижний Новгород. 1871; Гордеев С. П. Новый список

Повести об Оранском монастыре // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Июнь 1975 г. Л., 1975. С. 12—14.

Н. А. Охотина

Сказание о иконе Богоматери Смоленской в селе Словинке Костромского уезда — литературный памятник сер. XVII в. Датировка С. определяется по титулу царя *Михаил Феодоровича*, который называется в произведении «всея Великия и Малыя России самодержец». В действительности, основатель династии Романовых на протяжении всего своего царствования назывался «всея России самодержцем». Титул, приведенный в С., появился позднее: им пользовался *Алексей Михайлович* в период между 8 января 1654 г., после воссоединения Украины с Россией, и началом сентября 1655 г., когда царь присоединил к Русскому государству белорусские земли. 9 сентября 1655 г. был издан указ о расширении царской титулатуры, включавшей малороссийские и белорусские приобретения (Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время Польского потопа (1655—1656 гг.): Документы, исследования. М., 1994. С. 115, примеч. 48). Следовательно, С. было написано в промежутке между этими датами. Автор С. вспомнил о чуде, случившемся почти четверть века назад, в тот период, когда Русское государство вело ожесточенную борьбу за Смоленск — местопребывание чудотворной иконы, список с которой явился крестьянину Титу Гаврилову. 23 сентября 1654 г. польский гарнизон Смоленска сдался, и город был возвращен России. С. косвенно указывало на связь возвращенной святыни со всей Россией. Эта связь была понятна современникам — не случайно день празднования Словинской иконы был установлен не 15 мая, когда, согласно С., она явилась Титу Гаврилову, а 23 сентября — в день капитуляции польского гарнизона Смоленска.

С. сохранилось в двух рукописях XIX в., которые ныне хранятся во Введенском кафедральном соборе г. Галича Костромской области. Рукописи написаны одним почерком. Старшая рукопись, дефектная (недостает листа с окончанием С.), составлена в последние годы правления Александра II, вторая, полная, относится к правлению Александра III. Помимо С., они содержат службу и молитву Словинскому чудотворному образу. Можно полагать, что эти списки не единственные. Так, в книге «Упраздненные монастыри Костромской губернии» история основания Словинского монастыря излагается в соответствии с данными С.

На возможного автора С. указывает помещенный в составе службы «Канон пресвятыя Богородицы, творение монаха Игнатия». Может быть, монах Игнатий описал и историю явления чудотворного образа в Словинке? О личности Игнатия нам ничего не известно. С уверенностью лишь можно говорить, что жил он задолго до

1764 г. — года упразднения Словинской пустыни. Автор С., будь то инок Игнатий или иное лицо, не чужд был церковной книжности, о чем говорят поэтические особенности его произведения.

В С. говорится о том, как 15 мая 1628 г. тяжело больной крестьянин Тит Гаврилов, который «одержим бысть немощию», внезапно увидел «жену святолепну во одеянии червлене», повелевшую ему идти в Костромской уезд на слияние рек Словинки и Якушки и отыскать там заброшенную церковь, где находится чудотворный образ Богоматери Смоленской. Вместе со своим духовным отцом священником Евдокимом Тит Гаврилов отправился на поиски иконы. Но, проходив три дня, они так и не смогли отыскать указанного Богоматерью места и двинулись в обратный путь. Остановившись заночевать в деревне Доронино «у некоего богобоязника, мужа именем Иакинфа», охотника, странники поведали ему о явлении Богоматери, и тот отвел их на указанное ей место. Там Тит Гаврилов остался, возвел часовню, а впоследствии постригся. Так возник монастырь, который в XVII в. официально назывался «Словенская пустынь живоначальныя Троицы и чудотворные иконы пречистые Богородицы Одигитрии» (ЦГАДА, ф. 233, д. 65, л. 316 об.).

В устной традиции удержался иной рассказ о обретении чудотворного образа, совпадающий лишь с заключительной частью С. (см.: Богоматерь. С. 602). Это закономерно: С. не получило распространения в рукописной традиции, а служба не давала никаких конкретных указаний на то, как произошло ежегодно празднуемое чудо. Так что в народной памяти удержались лишь наиболее яркие эпизоды, которые были приурочены к году основания обители. 23 сентября 1635 г. некий зверолов во время охоты нашел полуразрушенную церковь, в которой все истлело от времени, кроме иконы Божьей Матери. «Зверолов понял, что икона эта охраняется невидимою благодатною силою и благоговейно преклонил пред нею свои колена, вознося молитву Богоматери». Эти факты, в частности, сообщаются в справочнике В. В. Зверинского. С. не опубликовано.

Лит.: Богоматерь: Полное иллюстрироваииое описание ее земной жизни и посвященных ее имсии чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. М., 1909. С. 602; Зверииский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православиых монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Т. 3: Моиастыри, закрытые до царствоваиия императрицы Екатериыы II. СПб., 1897. № 1844, С. 118—119; Упраздиеииые монастыри Костромской губерии. СПб., 1909. № 10, С. 10.

А. Г. Авдеев

Сказание о иконе Богоматери Толгской — рассказ о явлении иконы Богородицы на реке Толге и основании Толгского монастыря. С., вероятно, является единственным источником, зафиксировавшим

это событие. Названа в С. и дата описанного события — 1314 г., которую принято считать началом существования Толгского монастыря. В этом году Ростовский владыка Трифон (в более поздних видах текста он назван даже архиепископом), объезжая свою епархию, направлялся из Белозерья, от Кириллова монастыря, водою к Ярославлю и, не доехав до города шести поприщ, остановился лагерем на правом высоком берегу Волги напротив впадения в нее речки Толги (Толгоболки). Среди ночи Трифон, по обычаю своему, проснулся и увидел необыкновенный свет. Через Волгу оказался переброшен мост, по которому епископ, захватив свой посох, переправился на левый берег. Там он увидел огненный столп до неба и образ Богоматери с младенцем, стоящий на воздухе на высоте пяти локтей от земли. Помолившись перед иконой, Трифон вернулся в свой шатер. Утром слуги не могли найти епископского посоха, который Трифон забыл возле иконы. Посланные за Волгу, они увидели в лесу икону. Тогда Трифон прервал путешествие, воздвиг на месте явления иконы церковь, а вскоре затем и монастырь. Люди из Ярославля приняли участие в строительстве. От иконы начались чудеса исцеления. Детали этого сюжета не оригинальны: в легендах об основании монастырей часто фигурирует огненный столп, указывающий место построения главного храма; огненный столп и стоящий на его фоне на воздухе муж с распростертыми руками являлся Григорию Омиритскому (ВМЧ. 19 декабря. М., 1907. Стб. 1208—1209).

В С. бросаются в глаза анахронизмы. В 1314 г. Ростовским епископом был не Трифон, а *Прохор* (1311—1328 гг.), поставленный из игуменов Спасо-Ярославских. Он не мог в это время посещать Кирилло-Белозерский монастырь, основанный намного позже, в 1397 г.; не мог он также называться архиепископом, т. к. ростовские владыки получили этот титул только с 1389 г. Ошибки были замечены позднейшими редакторами С., опускавшими упоминание Кирилло-Белозерского монастыря. *Димитрий Ростовский*, обрабатывая сюжет для Четьих Миней, назвал основателем монастыря Прохора, якобы получившего имя Трифон в схиме. Это соображение повторялось и авторами XIX—нач. XX в., но явилось предметом критики со стороны более строгих исследователей, отметивших, что ни в летописях, ни в других источниках не говорится о принятии Прохором схимы. Стоит отметить, что в летописях не говорится и о том, что Прохор основал Толгский Богородичный монастырь. В списке ростовских иерархов за XIV в. нет вообще ни одного с именем Трифона (Хронологический указатель иерархов ростовской и ярославской паствы от учреждения ее при ... князе Владимире до настоящего времени. СПб., 1859; Титов А. А. Ростовская иерархия: Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 33—34). Зато хорошо известен Ростовский и Ярославский архиепископ Трифон, занимавший кафедру в 1462—

1467 гг. и принимавший участие в открытии мощей Ярославского и Смоленского князя Федора Ростиславича и его детей (см. *Житие Феодора Ярославского*).

Не свидетельствуют ли эти неточности о позднем написании С. и о появлении его в такой среде, где не были известны документы, относящиеся к ростовско-ярославской епархии? Очевидно у авторов не было под руками списка с именами ростовских владык. Д. Орлов, исследователь С., датирует его 2-й пол. XVI в., основываясь, вероятно, на том, что в списках, содержащих всего четыре чуда, последнее, рассказывающее об исцелении в Толгском монастыре великого князя *Ивана IV Васильевича*, датировано 1545 г. (впрочем, эта дата проставлена не во всех списках). Однако списки С., как правило, очень поздние — не ранее 2-й четв. XVII в. Исключение составляет чудо о истечении мира, сохранившееся в рук. 1-й пол. XV в. ГБЛ, собр. Прянишникова, № 103 (копия 1509 г. в рук. БАН, Арханг. собр., Д. 10). В. О. Ключевский считал С. поздним памятником. Для более точной датировки требуются дополнительные разыскания, предварительно С. можно датировать XVII в. До XVII в. почитание иконы носило местный характер. Положение меняется в 1640-х гг., возможно, в связи с тем, что архимандритом Троице-Сергиева монастыря стал Адриан (1640—1656 гг.), бывший прежде игуменом Толгским (1635—1640 гг.). Теперь культ иконы приобретает общерусское значение. Известие о явлении Толгской иконы включается в Святцы (М., 1648), позднее краткий рассказ об этом событии помещается Иоанникием Галятовским в книге «Небо новое» (Львов, 1666. Л. 78 об.—79).

С. известно в нескольких десятках списков, текст которых можно разделить на четыре вида (в основу деления положен текст самого рассказа о явлении иконы Богородицы, в то время как для полного текстологического изучения памятника следует привлечь и тексты сопровождающих этот рассказ службы и чудес). Первый — Краткий вид (списки ГПБ, собр. Погодина, № 1936, 1558; собр. Титова, № 1498 (185), 1778 (2138); собр. Михайловского, Q.523; Q.XVII.186; собр. ОЛДП, F.48(45); ГБЛ, собр. Румянцева, № 364, 380) отличается лаконизмом, отсутствием вступления и заключения, а также риторических отступлений (нач.: «В лето 6822 году бысть чюдо предивное, како явися пречистая Богородица чюдотворная икона Толская Ростовскому владыке Трифону, а владыка Трифон в то время ездил по чюдотворным местом и ехал ис Кирилова монастыря водою»). Как правило, текст Краткого вида сопровождается четырьмя чудесами. Иногда их по счету пять, но это в том случае, если первым чудом считается само явление иконы.

Второй вид — Пространный (списки БАН, Арханг. собр., Д. 233; ГПБ, собр. Вяземского, Q.179; собр. Титова, № 562 (3719), 1554 (918), 1136 (1566); собр. Колобова, № 724; собр. ПДА,

№ 270/III; Q.I.1414 — лицевая рукопись, аналогичная, по Д. Орлову, рукописи из собр. Вахрамеева, № 429) отличается риторическими распространениями. Текст С. предваряется предисловием («Благословен Бог Отец Господь Вседержитель», нач.: «Еже есть седмыя тысящи осмь сот двадесят второе лето, во время убо тех лет по случаю житейскаго кола Ростова града Трифону епископу посещающу в путешествии многия святые места») и заканчивается послесловием (нач.: «Слышите возлюбленнии! Аще будет кому от вас неверно мнится сему тако быти...», приводятся библейские и житийные примеры). К этому виду присоединено Слово похвальное (нач.: «Мы же, грешнии и недостойные, благословения молитвы возслем и умильно возопием: радуйся красоты словесного рая, радуйся полато великого небесного царя, радуйся...» и т. д.) и, иногда, молитва. Здесь обычно 26—28 датированных чудес, последнее помечено 1688 г. Этот вид опубликован в «Ярославских епархиальных ведомостях» В. Лествицыным и перепечатан Д. Орловым. В. Лествицын отметил, что датированные чудеса начинаются с 1392 г., под которым упоминается игумен Толгского монастыря Герман: до конца XIV в. перечислено 6 чудес, за XV в. — ни одного, за XVI в. — 3, за XVII в. — 17. Похвала, по мнению ученого, составлена в XVII в. в подражание акафистам.

Третий вид текста можно назвать редакцией Михаила (Ярославский музей-заповедник, № 653; ГПБ, собр. Погодина, № 582; собр. Титова, № 1135 (834), 921 (3510)). Поскольку И. У. Будовницу был известен только этот вид текста (из кн.: Описание рукописей Публичной библиотеки, доставленных на выставку при VII Археологическом съезде в Ярославле. Ярославль, 1887. С. 18—24), то в его «Словаре» Михаил назван автором Службы и Слова о явлении иконы Толгской Божьей Матери, которые датированы 1694 г. Третий вид составлен ярославским жителем (или монахом Толгского монастыря, как полагал Д. Орлов) Михаилом в 1694 г. и назван «Радость и утешение верным людем» (нач.: «Бысть пречистыя Божия Матери пречестнаго образа явление близ преславнаго Ярославля града обонпол реки Волги на месте, нарицаемом Толге»). Текст С. соединяет черты Краткого и Пространного вида и дополнен библейскими параллелями, которых в предыдущих видах не было. Хотя основателем монастыря назван Трифон, упоминание о его посещении Кирилло-Белозерского монастыря опущено. В пространном предисловии говорится: «Веселися славный граде Ярославле и торжествуйте монаси обители Толские». Михаил пытался, не всегда удачно, привязать основание Толгского монастыря к историческим лицам, указывая, что это событие произошло «по кончине князя Даниила Александровича» (1261—1303 гг.), во времена правления митрополита *Петра* (1305—1326 гг.). После двадцать седьмого чуда, датированного 1652 г., помещено обширное Похвальное слово (нач.: «Мы же воис-

тинну, братие, за толикия ея премилосердая чудотворения...»), не совпадающее с Похвальным словом Пространного (второго) вида, а затем биографическая часть, повествующая об исцелении семилетнего автора в 1670 г. от «оструплениия» копией чудотворной Толгской иконы (следовательно, в 1694 г. Михаилу шел тридцать первый год). Отец Михаила украсил эту копию серебром и золотом. Биографический фрагмент заканчивается возгласами: «радуйся!», что соответствует поэтике Похвального слова. Последнее, как и биографический фрагмент, вероятно принадлежит перу самого Михаила. Далее идет краткий перечень чудес, которых здесь 38; первые 6 извлечены из самого С.: 1) чудо о столпе; 2) о мосте; 3) о образе на воздухе; 4) о лучах от него; 5) о забытом жезле; 6) о создании церкви. Заканчивается сборник выходными данными в духе старопечатных книг: «Составися книга сия „Радость и утешение верным" от создания мира 7203 лета, от воплощения же Сына Божия 1694-го в царство благочестивыя державы великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича...». Михаила можно считать автором этой редакции, составителем всей компиляции и автором отдельных фрагментов. Он указывает и свои источники: «Аз же есть невежда и прост сый и ненаучен есмь, потщихся составити сия. Сотворих сие не от себе все, но от иных книг печатных о том». В числе печатных источников указываются Святцы 1648 г. и «Небо новое» Иоанникия Галятовского «киевской» печати 1665 г. (на самом деле — львовской). Можно предполагать, что ссылка на печатные издания понадобилась Михаилу только для придания авторитета своей компиляции, ибо краткое упоминание о празднике Богородицы Толгской в Святцах и сжатое изложение сюжета о явлении иконы у Иоанникия Галятовского едва ли всерьез помогли Михаилу в его работе.

Четвертый вид текста находится в Четьих Минеях Димитрия Ростовского, издававшихся с 1689 по 1705 г. Чтения, относящиеся к августу, по-видимому, писались в нач. XVIII в. В основу этого вида положен Краткий (первый) вид С. Основателем монастыря назван Прохор, будто бы получивший в схиме имя Трифона. Этот вид встречается и в рукописях XVIII—XIX вв. (ГПБ, собр. Титова, № 1642 (2442), 954 (376)).

Вероятно, пятым видом текста можно считать кириллическое издание С. вместе со службой, вышедшее в 1854 г. в Синодальной типографии. Текст этой книги основан на Кратком виде С. (нач.: «В лето бытия мира 6822, от Рождества же Христова 1314, во дни святаго Петра, митрополита Киевского и всея России, княжествовавшу в Ярославле благоверному князю Давиду Федоровичу, епископ Ростовский Трифон бысть в стране, где ныне монастырь преподобнаго Кирилла Белозерского, а оттуду поиде водою в ладиях вниз по реке Шексне в Волгу текущей»). В. Лествицын назвал эту публикацию редакцией бывшего Архангельского епископа Аарона, который со-

кращал, распространял и вообще менял текст С. и сопровождающих его чудес (всего их двадцать семь, последнее датировано 1691 г.). По-видимому В. Лествицын располагал какими-то косвенными сведениями об авторе, ибо в самом издании епископ Аарон не упоминается. Текст этого вида возник задолго до издания 1854 г., т. к. близкий вариант С. читается в рук. ГПБ, собр. Колобова, № 34, написанной на бумаге 1827 г. В. Лествицын знал еще одну редакцию чудес, находившуюся в его библиотеке и созданную в 1793 г. иеромонахом Леонтием. К этому перечню следует прибавить особую обработку чудес в рук. XVII в. ГПБ, Q.I.1010; ее связь с каким-либо из видов С. можно будет установить после текстологического изучения всей совокупности текстов. В настоящее время новая классификация редакций и разновидностей текстов С. предложена в диссертации О. И. Шабасовой.

История основания Толгского монастыря не подтверждена какими-либо документальными источниками, т. к. все они погибли при большом пожаре в XV в. Старшие из дошедших свидетельств относятся ко 2-й четв. XV в. Это свидетельство о вкладе в монастырь деревни Кукольцино князем Романом Ивановичем (не ранее 1426 г.), упоминаемое Кормовой книгой монастыря и надежно засвидетельствованное подтвердительной грамотой внука Романа — князя Федора Федоровича Алабыша (см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 289). Некоторые сведения о монастыре можно найти в сочинении *Иосифа Волоцкого* «Попечение государя и великого князя Василия Васильевича о церквах и монастырях рустех» (ЧОИДР. 1847. Кн. 7. Отд. IV. С. 15) и в его послании Борису Васильевичу Кутузову (Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 209), где сказано, что в XV в., при *Василии II Васильевиче Темном* (1425—1462 гг.), монастырь находился на землях князей Засецких (Засекиных), которые начали держать его в небрежении, после чего великий князь Василий Васильевич взял монастырь «в свое государство».

Ок. 1714 г. С. (точнее, чудо о истечении мира от иконы) было использовано в книге, составленной для борьбы с «иконоборческой ересью» Дмитрия Тверитинова и читающейся в сборнике *Симеона Моховикова*. Вероятно, не позднее 1-й пол. XVIII в. С. привлекли в качестве источника при составлении компилятивного Жития Трифона, архиепископа Ростовского.

Известен и сам оригинал чудотворной мироточивой Толгской иконы, хранящейся в Ярославском художественном музее. Это — так называемая «Толгская 2-я» икона, т. к. существуют три других образа Богоматери, происходящих из Толгского монастыря и тесно связанных между собой иконографически («Толгская 1-я» — «тронная» икона XIII в. в ГТГ и «Толгская 3-я» XIV в. — в Рус-

ском музее). Чудотворными считались и копии с мироточивой иконы, об одной из которых рассказывает биографический фрагмент в редакции Михаила. Еще одна копия хранилась в селе Спасском; появление ее там тоже связано с легендами — по одной версии, ее пожертвовал ярославский купец, спасенный от разбойников, по другой — она сама ушла в церковь Спасского села от купца, везшего икону домой. В 1686 г. в честь иконы Толгской Богоматери была построена церковь на Ярославском подворье. В 1744 г. в Высоко-Петровском монастыре в Москве А. А. Нарышкина, внучка царицы Натальи Кирилловны, построила церковь в честь иконы Толгской Богоматери в благодарность за спасение Петра I, бежавшего из Москвы в Троице-Сергиев монастырь в ночь с 7-го на 8 августа 1689 г. (память иконы отмечается 8 августа). Копию иконы для этой церкви сделал Иоанн Андреев, священник церкви Димитрия в Ярославле. Известна копия Толгской иконы и в Нежинском девичьем монастыре.

Есть также несколько икон с клеймами. Наиболее известна икона из собрания Ярославского художественного музея, написанная в 1656 г. Еще одна икона с клеймами, 2-й пол. XVII в., реплика с первой, находится в собрании Благовещенского собора Московского Кремля. Есть сведения о достаточно древней (XVII в.?) иконе с клеймами в церкви села Толгоболь (Песочное) под Ярославлем (некогда монастырское село). Существуют и циклы фресок, иллюстрирующие С. Вероятно, самым подробным был цикл росписей во Введенском храме Толгского монастыря (конец XVII в.), но в соборе он занимал нижний ярус и был полностью утрачен. К этому же времени (ок. 1700 г.) относятся фрески северной паперти церкви Иоанна Предтечи в Толчковой слободе в Ярославле, дошедшие в хорошей сохранности.

Изд.: Книга житий святых: Июнь—август. Киев, 1705. Л. 633—635; Служба пресвятой Богородице в честь и память явления чудотворной ее иконы, нарицаемой Толгской. М., 1854; Лествицын В. Исторические материалы Толгского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. 1880. Год 21. Часть неофиц. № 35. С. 273—280. Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 193—199, 261—263; Шабасова О. И. Страницы «золотого века» Ярославля: «Сказание о явлении и чудесах от иконы Толгской Богородицы» XVII века // Ярославский архив. Историко-краеведческий сборник. СПб., 1996. С. 6—38.

Лит.: Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 549—550; Крылов А. П. 1) Описание Ярославского первоклассного Толгского мужского монастыря. Ярославль, 1860; 2) Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии. Ярославль, 1861; Ключевский. Древнерусские жития. С. 74—75; Морев Ф. Праздник 8-го августа в Толгском монастыре // Ярославские епархиальные ведомости. 1880. Год 21. Часть неофиц. № 32. С. 252—253; № 34. С. 267—270; Гаврилов А. В. Древности Толгского монастыря. СПб., 1881. Отд. отт. из «Сборника Археологического института»; Летопись о Ростовских архиереях / С примеч. А. А. Титова. СПб., 1890. (Изд. ОЛДП. № 94); Зверинский В. В. Матери-

ал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. I. № 492, С. 259; Недумов И. Ярославский Толгский монастырь. Ярославль, 1897; Сергий, архиепископ. Русская литература об иконах в XIX в. СПб., 1900. С. 40. 54; Снессорева С. Земная жизнь пресвятой Богородицы и описание святых и чудотворных ее икон. 3-е изд. Дополнил С. А. Дестунис. СПб., 1910. С. 489—494; Орлов Д. Ярославский первоклассный Толгский монастырь: 1314—1914 (Историко-статистический очерк). Ярославль, 1913; Будовниц. 1) Словарь. С. 168; 2) Монастыри на Руси. С. 66; Турилов А. А. 1) Памятники литературы Ярославля XIV—XVIII вв. как исторический источник // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР: Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 1975. С. 124—126; 2) Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV—начала XVIII в.: (Сказания о ярославских иконах) // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 168—174; 3) Малоизвестные письменные источники о ярославских князьях конца XIV—первой пол. XV в. // Краеведческие записки. Ярославль. 1991. Вып. 7. С. 132—141; Горшкова В. В. Иконы Толгской Богоматери со «Сказанием» в музейных коллекциях Ярославля // Сообщения Ростовского музея. Ростов. 1993. Вып. 5. С. 92—101; Шабасова О. И. 1) Чудотворная Богородица // Родина. 1995. № 6. С. 13—15; 2) Сказания о ярославских чудотворных иконах как феномен культурной жизни Ярославля XVII в. // Культура. Образование. Православие: Сб. материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль. 1996. С. 202—204; 3) Культурные и исторические традиции Толгского монастыря по материалам ярославской книжности XVII—XVIII вв. // Наследие монастырской культуры: Ремесло, художество. искусство. Статьи, рефераты, публикации. СПб., 1997. Вып. 1. С. 38—47; Макарий, митрополит (Булгаков). История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 529, примеч. 66 (автор примеч. А. А. Турилов).

М. Д. Каган, А. А. Турилов

Сказание о иконе Богоматери Федоровской (в рукописях также Повесть, Сказание, Слово, заглавие памятника варьируется) — произведение сер. XVII в., рассказывающее о чудесном явлении иконы в Костроме, о построении костромских храмов и Запрудненского монастыря на месте обретения иконы. С. основано на легендах о событиях времен Батыева нашествия. В 1239 г. икона находилась в Городце, но после разорения города татарами не захотела оставаться на обезлюдевшем месте. Много лет спустя 15 (или 16) августа во время охоты ее обнаружил в лесу костромской князь Василий Квашня, а священный клир и костромичи торжественно перенесли икону в город и поставили в соборной церкви Феодора Стратилата. При этом некоторые из жителей видели, как накануне перенесения иконы ее нес воин, обликом похожий на Феодора Стратилата. Купцы из Городца узнали свою чудотворную икону Богородицы. Впоследствии церковь, где находилась икона, дважды горела, но икона всякий раз оставалась невредимой. Когда под Кострому пришли татары, князь Василий, выйдя против врагов, велел нести икону перед собою. Татары были побеждены яркими лучами, исходившими от иконы. В Костроме был построен каменный кафедральный собор в честь Успения Богородицы (праздник, в который икона явилась князю) с приделом в честь Феодора Стратилата. Икона Богородицы была помещена в приделе и стала называться Федоровской.

Обращаясь к исторической теме, автор XVII в. не представлял ясно, о каком князе Василии идет речь. В четиих минеях *Иоанна Милютина*, содержащих, по-видимому, самую раннюю версию С., князь вообще не имеет отчества; в других списках приведена его родословная: «сын благовернаго великаго князя Георгия Ярославича Владимирского, внук благовернаго князя Александра Невского» (ГПБ, Q.I.332). Это родословие попало и в *Подлинник иконописный* XVII в., в статью «О иконе пресвятыя Богородицы Федоровския»: «Явися той чюдотворный образ пресвятыя Богородицы Федоровския благоверному и великому князю Василию Георгиевичу, рекомому Квашне, сыну благовернаго и великаго князя Георгия Ярослава Владимирского, правнука же преподобнаго и благовернаго великаго князя Александра Невскаго» (ГПБ, собр. Погодина, № 1927, л. 219—219 об., XVII в., август). Однако русские летописи не знают великого князя Георгия Ярослава и его сына князя Василия Георгиевича, что отмечали уже Н. М. Карамзин и Х. М. Лопарев. Этот персонаж смущал и переписчиков С., отчего в других списках фигурирует не Василий Георгиевич, а Василий Ярославич, брат Александра Невского, младший — «мизинный» сын Владимирского князя Ярослава Всеволодовича, родившийся в 1241 г. и бывший удельным князем в Костроме в 1259—1262 гг.; в 1272 г. он стал великим князем Владимирским и князем Новгородским, но жил больше в Костроме, где и умер в 1276 г., после поездки в Орду. При нем действительно имело место нападение на Кострому татар, но, конечно, не Батыя. Устанавливая связь с Федоровской иконой князя Василия Ярославича, одна из рукописей (ГПБ, Солов. собр., № 609/990) помещает после С. «Извещение» о родословии Костромского князя Василия Ярославича Квашни, с пометой «от гранографа» (л. 227).

Текст С. сохранился в трех редакциях, которые выделил А. П. Голубцов. П. Островский выделял четыре редакции текста, но Т. В. Нечаева считает его классификацию необоснованной. Первая редакция («милютинская») читается в Милютинских четиих минеях; автором ее, возможно, был сам составитель миней, хотя А. И. Соболевский считал его только компилятором. А. И. Соболевский основывал свое предположение на том, что С. довольно часто встречается в списках, в то время как милютинские минеи не были широко известны в XVII в. Такой же точки зрения придерживается Т. В. Нечаева, которая признает наиболее ранней пространную редакцию и датирует ее 1636 г., когда Федоровская икона была поновлена по велению *Михаила Феодоровича* и благословению патриарха *Филарета*. «Милютинская» редакция читается в рук. ГПБ, Q.I.332; Солов. собр., № 609/990. На основе «милютинской» была создана пространная редакция, в которой текст дополнен риторическим вступлением, молитвами князя, протопопа, всего народа; несколько фрагментов в ней переставлены; текст С. в этой редакции разбит на

части обширными оглавлениями и имеет заключительный раздел из 35-ти чудес, последнее из которых датировано 1648 г. Пространная редакция опубликована И. Баженовым по рукописи нач. XVIII в. из Костромского Богоявленского монастыря (см. также рук. ГПБ, собр. Погодина, № 934, конец XVII в.; собр. ОЛДП, F.137, XVII в.). В рукописи, опубликованной И. Баженовым, тексту С. предпослана «авторская» ремарка: «Написася сия книга смиренным игуменом Кириллом монастыря Печенскаго по обещанию иеродиакона Логгина во обители святой живоначальной Троицы Ипацком, в лето от Сотворения света 7178, а от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1670-го месяца маия в 1 день». Эта ремарка есть не во всех рукописях, содержащих пространную редакцию. Представляя определенный ориентир для датировки пространной редакции, она дала повод видеть в Кирилле автора С., что не подтверждается ни текстологически, ни хронологически — текст Милютинских миней, датированных 1646—1654 гг., несомненно старше. В дальнейшем исследовании С. и его редакций предстоит решить, был ли Кирилл автором пространной редакции или только переписчиком. Последней точки зрения придерживается А. Эббингхаус.

Третья редакция — краткая, проложная. Если авторы «Описания рукописей Соловецкого монастыря» считали ее самой ранней, то А. П. Голубцов указывает на ее поздний характер и предполагает, что она была составлена в Москве при подготовке к печати мартовского *Пролога* 1662 г. (действительно, в Прологе издания 1642/1643 г. и 1661 г., этого текста нет). Помимо печатного Пролога, редакция встречается и в рук., например, ГПБ, Q.XVII.79; собр. ПДА, № 280. Текст ее опубликован Макарием (Булгаковым) и П. Островским. Предстоит решить, является ли проложная редакция второй после «милютинской» или она младше пространной и самая поздняя, как считал А. П. Голубцов. Несмотря на то, что именно он выделил три разновидности С., из его работ нельзя составить четкого представления о последовательности их возникновения. Похоже, что А. П. Голубцов считал пространную редакцию источником «милютинской», основываясь на традиционной формуле, которой «милютинская» редакция кончалась: «И о сем до зде слово». Исследователь видел в этом «Слове» ссылку на опубликованную И. Баженовым пространную редакцию, названную «Слово о чудеси и о явлении...». Однако в других списках концовка выглядит иначе, указывая лишь на окончание С.: «И скончавше сказание о чюдотворней сей иконе...» (ГПБ, Q.I.332). Возможно, проложная редакция появилась позднее «милютинской»; может быть не случайно и в милютинских минеях, и в Прологе памятник назван Повестью (а не Словом).

Кто бы ни был автором С., в самом тексте он сообщает кое-что о себе и о своих информаторах: «О сей пречюдной иконе, но еже слышахом от добре ведущих, иже у себе имущих писание от разорения литовских людей. И аз убо с ними много беседовах и вопрошах

их, а сладце слышах от них. И овии глаголаху тако, ини — инако, мню, яко сему быти истинне, еже хощу повести сей коснутися, дабы незабвенны были дела Божия и пречистыя его Матери, нашея заступницы и ходатаицы...». Если автором С. был Иоанн Милютин. работавший в Троице-Сергиевом монастыре, то его источниками могли быть книги и рукописи монастырской библиотеки, а информаторами старцы монастыря. Т. В. Нечаева, признающая наиболее ранней пространную редакцию, указывает, в числе источников С., «Китежеский летописец» (его протограф), *Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа, Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери, Сказание о Мамаевом побоище*. Не исключено, что существовало и первоначальное, не дошедшее до нас письменное сказание об иконе.

Сама икона датируется искусствоведами по-разному — от XII до сер. XIV в. С. И. Масленицын считает, что она была написана в 1239 г. по образцу реставрированной в это время иконы Владимирской Богоматери и едва ли не к свадьбе Александра Невского, по заказу его отца Ярослава Всеволодовича, носившего в крещении имя Феодор. Святыней и защитницей Василия Ярославича она стала в 1270-х гг. Древний подлинник Федоровской иконы поновлялся несколько раз. О первом его поновлении в 1635 г. сказано в одной из глав пространной редакции. Эта глава носит характер документальной записи о том, что с иконы снята была старая олифа и положена новая, перечисляются официальные лица, при этом присутствовавшие. Отмечено, что после поновления начались чудеса от иконы.

Повсеместное почитание Федоровской иконы в России относится к XVII в., т. к. с ней связывается избрание на царство Михаила Федоровича. В какой-то момент возникла зафиксированная в *Летописце Новом* легенда о том, что инокиня *Марфа* благословила сына на царство именно этой местной костромской святыней (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14, первая пол. С. 129—130). Кроме дня обретения Федоровской иконы (16 августа), основной ее праздник установлен 14 марта — в день избрания Михаила Романова на царство. Копия иконы Федоровской Богоматери помещена была в придворной Рождество-Богородицкой церкви Кремля. Однако участник посольства в Кострому келарь Троице-Сергиева монастыря *Авраамий Палицын* не упоминает костромскую икону. Напротив, он несколько раз подчеркивает, что из Москвы была принесена икона Богородицы, которую написал митрополит *Петр*; под ее покровительство и передала Марфа своего сына (Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комм. О. А. Державиной. М.; Л., 1955. Гл. 72. С. 233, 235, 329). В *Грамоте Утвержденной 1613 г.* об избрании на царство Михаила Федоровича говорится о чудотворной иконе Богоматери, принесенной в Ипатьевский монастырь, но она ни разу не названа Федоровской (Грамота Утвержденная об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1904. Стб. 15, 17). Участие

Федоровской иконы во всех церемониях подчеркнуто лишь в костромской версии Утвержденной грамоты, составленной в Ипатьевском монастыре и входившей в состав монастырской летописи (Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832. С. 50—55).

Копии Федоровской иконы распространились по всей Руси; они есть даже на Афоне. Со 2-й пол. XVII в. появляются иконы «с деяниями» — клеймами. В 1960 г. С. И. Масленицын нашел в подвале церкви Спаса на Запрудне в Костроме икону Федоровской Богоматери с клеймами, соответствующими, по его мнению, тексту пространной редакции.

Изд.: Пролог. М., 1662. Л. 72—74 об. (14 марта); Островский П. Ф. Историческое описание Костромского кафедрального собора. М., 1855. С. I—XV, 1—3, 5—7; Макарий (Булгаков). История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1888. Т. 3. С. 63, 302—303; Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери / С предисл. И. Бажеиова // ВАИ. СПб., 1909. Вып. 19. С. 187—260.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1819. Т. 4. Примеч. 38; Арсеньев И. Описание Костромского собора. М., 1837. С. 2—11, 30—35; Об источниках русских летописей // Москвитянин. 1843. Ч. 5. № 9. С. 138; [Дебольский Г. С.] Дни богослужения православной кафолической восточной церкви. СПб., 1846. С. 152—156; Розанов А. А. Явленная чудотворная Федоровская икона Богоматери, родовая царствующего дома Романовых. 2-е изд. М., 1855; Островский П. Ф. Исторические записки о Костроме и ее святыне благоговейно чтимой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864. С. 5, 7—8, 10—17, 19, 62—63, 65—66, 71; Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития. С. 297—298; 2) Соч. М., 1957. Т. 2. С. 26; Косолапов И. Месяцеслов православной кафолической церкви. Казань, 1874. С. 66, 201; Строев. Словарь. С. 354; Лествицын В. Записки изографа Василия Никитина 1745 года // Ярославские губернские ведомости. 1882. № 18. Часть неофиц. С. 3; Миловидов И. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1885. С. 23—25, 45—48, 50—56; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 339; Экземплярский А. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889. Т. 1. С. 40; [М. Р.] Федоровская чудотворная икона Богоматери. М., 1890; Лопарев Х. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 264—268; Бажеиов И. Сорок два старинных сборника Костромского Богоявленского монастыря: Описание сборника № 13 // Костромская старина. Кострома, 1897. Вып. 4. С. 81—83; Соколов В. А. Описание и критический разбор рукописей, содержащих службу и сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Божией Матери, имеющихся в библиотеке комиссии // Там же. Кострома, 1901. Вып. 5. С. 229—264; Сырцов И. Я. Сказание о чудотворной Федоровской иконе Божией Матери. Кострома, 1908; Возражения на реферат А. П. Голубцова // Известия IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме. Кострома, 1909. № 7 (вечернее заседание 26 июня 1909 г.). С. 7—9; Покровский Н. В. Памятники церковной старины в Костроме // ВАИ. Вып. 19. С. 33—36; Снессорева С. Земная жизнь пресвятой Богородицы и описание святых и чудотворных ее икон. 3-е изд. Дополнил С. А. Дестунис. СПб., 1910. С. 207—215, 538; Голубцов А. П. 1) Автор древней повести о Федоровской иконе Божией Матери // БВ. 1911. № 10. С. 364—371; 2) Отзыв о сочинении студента свящ. Лебедева Димитрия на тему: «Отношение древней церкви Феодора Стратилата к Успенскому собору в г. Костроме: (в связи с Повестью о Феодоровской иконе Божией Матери и топографией города)» // Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1911 год. Сергиев Посад, 1912. С. 252—259; Кондаков Н. П. Иконография Бо-

гоматери: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1911. С. 58—63; Некрасов А. И. Костромской край в истории древнерусского искусства // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. Вып. 30. Третий исторический сборник. С. 96; Анисимов А. И. Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928. [Т.] 2. С. 161; Лазарев В. Н. Живопись Владимирско-Суздальской Руси // История русского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 496; Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 163, 220, 237; Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976 г. М., 1977. С. 155—166; Шульгина Э. В. Скорописное письмо XVII в. по Милютинским Минеям-четьим // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 10—32. (Труды ГИМ); Разумовская И. М. Кострома. Л., 1990. С. 86—87; Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 204—208; Нечаева Т. В. «Сказание о Феодоровской иконе» первой трети XVII в.: Местная легенда и литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6, ч. 1. С. 140—164.

М. Д. Каган

Сказание о киевских богатырях («Сказание о киевских богатырех, как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей, учинили себе честь») — произведение 1-й пол. XVII в., представляющее собой книжное переложение былинных сюжетов. С. принадлежит к числу широко распространенных и характерных для демократической литературы XVII в. небольших по объему «повестей», «сказаний» или «историй» («гисторий») о богатырях (так называемых «богатырских повестей», типа «истории» об Илье Муромце, которую исследовавшая его В. В. Митрофанова также относит к древнерусским повестям, а не к ранним записям былин).

Патриотическая направленность и героические образы былинного эпоса оказались близки автору С., т. к. память о победе над иноземными врагами продолжала жить в народе долгое время после освобождения Москвы в 1612 г. Неслучаен, по-видимому, и выбор имен для семи прославленных богатырей киевского князя Владимира (соответственно, М. Н. Сперанский назвал С. «Сказанием о семи богатырях»): Илья Муромец, Добрыня Никитич, Дворянин Залешанин, Алеша Попович, богатырь «Глагин», «Сулан Дамантьевич», «Белая Поляница» или «Палица» (в списке, опубликованном В. И. Малышевым, действующих лиц только три: Илья Муромец, Алеша Попович и Дворянин Залешанин). В имени богатыря Дворянина Залешанина можно увидеть своеобразный отголосок национально-освободительного движения нач. XVII в., в котором, наряду с широкими массами крестьянства, заметную роль сыграло дворянское сословие. Представителем вражеского стана является в С. традиционный былинный «Тугарин Змиев», служащий греческому царю Константину и царице Елене. Датировка С. — 1-й пол. XVII в. (до 1642 г.) определяется датировкой древнейшего списка

памятника ГИМ, собр. Барсова, № 1463, л. 98—121, открытого и опубликованного Е. В. Барсовым.

С. стало предметом спора между исследователями, отстаивавшими две противоположные точки зрения: одни утверждали, что С. является подправленной записью былины (мнение, которое продержалось, начиная с работ Е. В. Барсова, до современных исследований А. П. Евгеньевой), другие, — что оно представляет собой книжную повесть, созданную на былинной основе в конце XVI—1-й пол. XVII в. (таков взгляд М. Н. Сперанского, И. П. Еремина и др.). Сторонники первой точки зрения, в частности, А. П. Евгеньева, предлагают рассматривать С. как былину, в которой сохранились типичные для этого жанра «общие места» и эпизоды (отправление на подвиги, сборы и седлание коней, встречи с каликами и богатырями, характеристики врагов, описание боя, пира и т. д.), характерные для былин поэтические приемы (ритмизация текста, постоянные эпитеты и проч.). Исследователи, отстаивающие мнение, что С. — это «богатырская повесть», отмечают наличие в ее тексте следов книжной переработки былинных источников и выделяют положенные в ее основу два своеобразно сочетавшихся и осложненных сказочными деталями былинных сюжета: об Илье Муромце и Идолище поганом и об Алеше Поповиче и Тугарине. Под пером книжника происходило частичное разрушение былинной ритмики, и стихотворная основа заменялась прозаическим повествованием; былинный стиль пополнялся книжной фразеологией и деловой лексикой XVII в., а былинный сюжет обрастал сказочными деталями и впитывал бытовые реалии XVII в. С., не имеющее четко выраженного жанрового оформления, построено по былинной схеме, которая, вместе с тем, близка композиции «хождений». Былинная патриотическая тема приобрела в С. острую публицистическую направленность.

Автор С. неизвестен. М. Н. Сперанский считает, что автор принадлежал к «грамотной посадской среде, усвоившей интерес к письменной литературе, но не порвавшей еще связей с устной словесностью народных масс» (Сперанский. «Сказание о семи богатырях»... С. 28). Исследователь высказывает в форме вопроса предположение, «не принадлежал ли сам автор „Сказания“ к числу современных ему носителей устного былинного предания?» (Там же. С. 29). С. известно в 5 списках, каждый из них публиковался отдельно, т. к. в каждом представлен особый (подчас не только стилистический) вариант текста.

Изд.: Барсов Е. В. Богатырское слово в списке начала XVII в. // Записки имп. Академии наук. 1881. Т. 40. № 5. С. 1—27 (переизд.: СОРЯС. 1881. Т. 28, № 3; Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отд. I. № 3, С. 47—53; М., 1908. С. 279—285); Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий / Приготовил к печати и снабдил объяснительными замечаниями П. К. Симони. Вып. I: «Сказание о киевских богатырех, как

ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей, учинили себе честь»: (По рукописям XVII в. Е. В. Барсова и XVIII в. Ф. И. Буслаева). Пг., 1922. (СОРЯС т. 100, № 1); Поздиеев А. В. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград // Старинная русская повесть: Статьи и исследования / Под ред. Н. К. Гудзия. М. 1941. С. 135—196; Пушкарев Л. Н. Новый список «Сказания о киевских богатырях» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 361—370; Малышев В. И. Новый список «Сказания о киевских богатырях» // Там же. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 387—390; Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова и М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 7—75, 79—204; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 5—30, 33—156. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 128—134.

Лит.: Майков Л. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин // ЖМНП. 1880. № 11. С. 215; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 256; Евгеньева А. П. 1) Язык былин в записях XVII в.: (Автореферат) // ИОЛЯ. 1944. Т. 3, вып. 4. С. 165—176; 2) О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв.: (постоянный эпитет) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 154—158, 177—189; 3) Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963. С. 326—338; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 182—184; Назаревский. Библиография. С. 54—56; Сперанский М. Н. «Сказание о семи богатырях» — повесть XVII века // Slavia. 1958. Roč. 27, seš. 1. С. 1—29 (подгот. к печати и вводная заметка В. Д. Кузьминой); История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 344—345, 678—679, примеч. 27; Митрофанова В. В. 1) Былины об Илье Муромце в рукописях XVII—XVIII веков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1960. С. 3—18; 2) «Повести», «Сказания» и «Истории» об Илье Муромце «себежской» группы: (К истории развития богатырских повестей) // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Сб. статей. М., 1961. С. 87—100; Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка: Сб. статей. Л., 1961. С. 12—21; Будовниц. Словарь. С. 294; Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние» («Деяние прежних времен храбрых человек»). М., 1962. С. 90—111; Зимин А. А. Отголоски событий XVI в. в фольклоре // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 404—414.

Н. Ф. Дробленкова

«Сказание о Кипрьском острове и о подножие креста Христова» — антитурецкое сочинение, известное в Московской Руси с 1-й трети XVII в. и повествующее о силе христианских реликвий Кипра, находящегося под властью турок. С. состоит из трех коротких эпизодов. В первом сообщается о якобы кипрском происхождении супруги византийского императора Юстиниана I Феодоры, о неприступной морской крепости Киринее («А взятьем того града взяти не умети никоторыми делы»), которую не смогли захватить турки (якобы державшие город в осаде 21 год), несмотря на многие хитрости. Этот воинский эпизод как бы восходит к впечатлениям очевидца, описавшего гавань и ее укрепления, коварство турецкого царя и неустрашимость «граждан» Киринеи. Два других эпизода повествуют о христианских реликвиях Кипра — о богородичной иконе и о подножии креста Христова, что позволяет автору вновь рассказать о горькой необходимости «молитися от нахожения иноплеменных», а

то и посрамить посланцев папы римского, коварно пытавшихся завладеть кипрской святыней. В С. проявляется начитанность автора в древнерусских хождениях, повестях о чудесах от икон и знакомство с какими-то легендами. Возникновение С. связано с распространением на Руси устных преданий о Кипре, в том числе рассказанных приезжими греками-киприотами, нередкими гостями после турецкого завоевания Кипра в 1570 г. В С. выразилось сочувствие борьбе киприотов против поработителей острова. С. известно в единственном списке XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1570, л. 185—189 об.

Изд.: Белоброва О. А. 1) Сказание «О Кипрьском острове» — неизвестный литературный памятник XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 311—325; 2) Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 82—83.

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 39—49.

О. А. Белоброва

Сказание о крестьянском сыне — памятник демократической сатиры XVII в. Крестьянский сын, не желая терпеть тяготы учения, побои за лень, становится вором, чтобы иметь «денежку скорую и горячую». Через крышу он влезает в клеть к богатому крестьянину и обворовывает его, сопровождая свои действия цитатами из Священного писания. Чаще всего он обращается к Псалтири: «Чашу спасения прииму, имя Господне призову» (Пс. CXV, 4), — говорит он, выпивая крестьянское пиво; «Одеяся светом, яко ризою» (Пс. CIII, 2), — надевая шубу крестьянина; «Окропиши мя иссопом и очищуся, и паче снега убелюся» (Пс. L, 9), — после того, как крестьянин ударил вора по лбу березовой дубиной, и пр. Часто в речах героя звучит текст Евангелия, а иногда просто упоминаются сюжеты Ветхого и Нового заветов, например: «Сниде царь Соломон во ад, и сниде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую». Глупый крестьянин принимает вора, говорящего «все божественные слова», за ангела, и не верит жене, распознавшей в ночном посетителе татя, который вместе с товарищами ограбил богатого мужика до нитки.

С. свидетельствует о раннем возникновении жанра демократической сатиры, т. к. ее фрагмент, находящийся в Оксфорде, датируется 1620-ми гг. А. М. Панченко высказал мысль, что С., наряду с другими оригинальными русскими новеллами, появилось ранее XVII в., но только в XVII в. проникло в письменность. Действительно, почти каждый список произведения представляет собой новый вариант текста, что напоминает фольклорный пересказ одного и того же сюжета и связывает С. с традициями устного народного творчества.

Возможно поэтому в некоторых вариантах С. дополнено сюжетом, соответствующим русской сказке «О воре и бурой корове»: крестьянский сын в одном варианте встречает крестьянина и уводит его корову, пародируя при этом богородичную молитву, в другом —

сводит корову со двора богатого мужика (ср.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 1529. С. 311; Даль В. И. Полн. собр. соч. Т. 9: Русские сказки. М., 1898. С. 302—305; сказка «О воре и бурой корове» воспроизводилась в лубочных изданиях). В сказках вор иногда переодевается в ангела или даже в Бога (Сравнительный указатель сюжетов. № 1525А. С. 305; № 1526 А, С. 309). В духе народных пословиц звучат концовки в некоторых вариантах С.: «Ано житницы нет колосинки, а платья ни лоскутка», или «Жить было весело, да исть нечево».

В. П. Адрианова-Перетц усматривает в С. отражение социального расслоения русской деревни, появления богатых крестьян, эксплуатирующих основную часть сельского населения. Именно такой хозяин показан в С. явно в сатирическом тоне, как антипод плута-бедняка. Другие исследователи обращают внимание не на социологическую подоплеку С., а на его связи с традицией parodia sacra.

В С., построенном на пародировании Священного писания, нет ни кощунства, ни специальной антиклерикальной тенденции — осмеянию подвергаются не священные тексты, а сама ситуация применения их при воровстве. Перед нами толкование Священного писания наизнанку: параллелями к священным текстам оказываются сугубо бытовые ситуации. Карнавальная атмосфера усугубляется «переодеванием» вора в ангела, сближением высокого (библейских сюжетов) с низким (деталями кражи). В одном из вариантов С. parodia sacra усилена тем, что в помощники себе крестьянский сын берет двенадцать товарищей — намек на двенадцать апостолов. Несколько в ином плане трактует подтекст С. один из первых ее издателей А. В. Марков. Учение, о котором говорится в начале, символизирует пытку палача: «ево мастер больно бил, подымаючи на козел». Слово «мастер» в значении «палач» встречается в грамоте 1643 г. («мастера, кому татей, и разбойников, и душегубцев пытати»), а слово «козел» означает станок, на котором пытали (Словарь русского языка, составленный Академией наук. СПб., 1910. Т. 4. вып. 4. Стб. 1340). Возможно, этот мотив действительно присутствует в С. и им предопределяется дальнейшая судьба крестьянского сына, ставшего вором.

С. в какой-то мере затрагивает проблему воровства как профессии, как выхода из положения для человека, потерявшего связь со своей средой, т. е. ту социальную проблему, которой в давние времена касался *Даниил Заточник* (см.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: Исторические очерки XI—XIII вв. Л., 1947. С. 20—21), а в XVII в. автор *Повести о Горе-Злочастии* — «а нагому-босому шумить разбой» (Лихачев Д. С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века // Повесть о Горе-Злочастии. Л., 1984. С. 89, 97).

С. издавалось несколько раз по разным спискам. В. И. Срезневский издал список БАН, 45.8.137, 1792 г.; А. В. Марков — список ГБЛ.

собр. Тихонравова, № 361, 2-я четв. XVIII в.; оба эти списка переизданы В. П. Адриановой-Перетц в кн. «Русская демократическая сатира XVII века», а список ГБЛ Н. К. Гудзием в «Хрестоматии по древней русской литературе». В. И. Малышев издал список 1728 г. из коллекции В. Ф. Груздева (в настоящее время находится в ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 170). П. Н. Попов опубликовал список первых десятилетий XVIII в. из собрания Житомирского музея (ЦНБ АН УССР, № 1. 4011). Фрагмент (начало) оксфордской рукописи 1620—1630-х гг. (Bodleian Library, Ms. Sch. Rolls, № 20) был издан Ю. Толстым, а позднее исследован и переиздан Н. С. Демковой. Кроме того, в литературе упоминаются еще не изданные списки: М. Н. Сперанский указывает список ГИМ, собр. Барсова, № 2411, XVIII в.; В. И. Малышев — список ГИМ, собр. Забелина, № 536, 2-я пол. XVIII в. и список Музея истории религии и атеизма (без указания шифра). В рукописи из собрания В. Н. Перетца, отмеченном в библиографии А. А. Назаревского (вероятно, ИРЛИ, колл. В. Н. Перетца, № 421, XVIII в.), содержится совсем другое произведение.

Изд.: Толстой Ю. Русские прописи 1620 года // ЧОИДР. 1864. Кн. 2. Отд. V. С. 9; Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 году. СПб., 1903. С. 106—107; Марков А. В. Памятники старой русской литературы: (Тексты и примечания) // Известия Тифлисских высших женских курсов. 1914. Кн. 1, вып. 1. С. 153—156; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 3-е изд. М., 1938. С. 425—427; Малышев В. И. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1948. Т. 67. С. 268 - 269; Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954. С. 110-113, 213—214, 277—279; 2-е изд. М., 1977. С. 87—89, 164—165, 215—216; Попов П. Н. Повесть о «крестьянском сыне» — «напрасном тате» по Киевскому списку XVIII столетия // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 440—443; Демкова Н. С. Фрагмент «Сказания о крестьянском сыне» в записи 1620 г. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 172—175 (то же, доп.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 164—167); Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинин, В. А. Грихин. М., 1987. С. 243—246. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 225—226; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 245—249. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 291; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 200—201; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 414—415; Назаревский. Библиография. С. 152; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 340—341; Сперанский М. Н. Русские рукописные сборники XVIII века. М., 1963. С. 72; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 166 (раздел написан Н. С. Демковой); Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 477, 553—554, 556, 572 (раздел написан А. М. Панченко); История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 402 (раздел написан А. М. Панченко); Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 36.

М. Д. Каган

Сказание о куре и лисице — цикл произведений XVII—XVIII вв., разрабатывающий общеевропейский смеховой и сатирический сюжет «проповедь ли́са петуху (гусю, стаду домашних птиц)». С. известно в прозаической (первоначальной), стихотворной («относительно-силлабической»), смешанной версиях, а также в лубочных и сказочных вариантах. Самые ранние из дошедших до нас списков С. относятся к концу XVII в. (ИРЛИ, Р.IV, оп. 5, № 7), но русская прозаическая обработка сюжета возникла не позднее 1630-х гг.: в качестве «смехотворного письма» она упомянута в известном послании стольника *Ивана Бегичева* С. Л. Стрешневу (ЧОИДР. 1898. Кн. 2. Отд. II. С. 4).

Символический ореол, окружающий лиса и лисицу в индоевропейской мифопоэтической традиции, практически единообразен. «Лисье племя» знаменует хитрость, сообразительность и терпеливость, склонность к лести и обману, к злодейству и т. п. (исключение — лиса как одна из ипостасей Диониса). Этот ореол характерен и для европейского искусства, в частности, христианского, в котором сформировался комплекс соответствующих мотивов с аллегорическими интерпретациями. 1. Голодный лис (лисица) притворяется мертвым; когда птицы слетаются на падаль, хищник пожирает их. Толкование: так и дьявол уловляет в свои сети слабодушных грешников. Эта аллегория зафиксирована еще в александрийском *Физиологе* (датируется IV в.), в южно- и восточнославянских «Физиологах», в «Бестиариях», у западных средневековых богословов и поэтов (например, в «Видении святой Бригитты»). Она отразилась и в прозаической версии древнерусского С.: «Лисица же скрежеташе зубы и гледя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан...»; 2. Лис, поднявшись на задние лапы, карабкается по виноградной лозе (изображение, часто встречающееся в декоруме готических храмов). Этот мотив, бесспорно, возник не без влияния известной басни Эзопа. В христианской традиции, начиная с Амвросия Медиоланского и блаженного Иеронима, лис в данном случае символизирует еретика и вероотступника, что было кодифицировано Фомой Аквинским (Thomae Opera omnia. Paris, 1876. T. 18. P. 568), сославшимся на текст из «Песни Песней» (II, 15): «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете». Виноградник — символ Церкви, а лоза — один из древнейших символов Христа; 3. Гуси вешают ли́са. Сцена распространена в готике, а позже в искусстве Реформации (примеры см.: Алексеева М. А. Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII—начала XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 68) и типична для идеи «мира навыворот», в котором слабый и сильный меняются местами. На Руси идея звериной травестии отобразилась, в частности, в народной гравюре конца XVII—начала XVIII в. «Мыши кота на по-

гост волокут» (лишь позже сложилось устное предание, согласно которому гравюра была карикатурой на Петра I). Сцена, в которой гуси вешают ли́са, богословского подтекста практически не имела, принадлежа мирской смеховой и сатирической сфере; 4. Проповедь ли́са-лжепророка. В изобразительном искусстве и в письменности Европы это мотив чрезвычайно распространенный, притом не дающий импульса богословско-аллегорическим толкованиям. Поэтому мотив обычно не сопоставляется с подходящим к случаю ветхозаветным текстом, в котором лжепророки сравниваются с лисицами: «Пророки твои, Израиль, как лисицы в развалинах ... Они видят пустое и предвещают ложь, говоря: „Господь сказал"; а Господь не посылал их...» (Иез. XIII, 4—6). Прямой источник мотива — история о сыне героя «Романа Лиса (Ренара)», о Ренардине (Лисенке), который, убежав из монастыря, приманивал гусей чтением «душеполезных» проповедей. Когда доверчивые и любопытные слушатели приближались, Ренардин пожирал их. Соответственно, лис изображается то в монашеском платье, то в епископском облачении (слушателями могут быть гуси, петухи, куры — в одиночку или стадом, порознь или вместе). Этот популярный мотив и разработан в С.

В экспозиции прозаической версии петух (с дерева) и лисица (с земли) ведут диспут из нравственно-богословской области, щеголяя друг перед другом знанием «душеполезных» текстов. Петух поддается на уговоры собеседницы и, уже в ее когтях, уже спустившись с «кафедры», ведет с лисицей еще один, предсмертный диспут. Комизм возникает оттого, что С. выворачивает наизнанку типичную для официальной письменности религиозную легенду. Лисица — мнимая «исповедница», петух — мнимый грешник, его после покаяния ожидает не прощение, не спасение, а погибель. Все это — типичные басенные позы, ситуации и темы, включая проповеднические замашки лисицы. Все это отразила русская басня XVII—XIX вв. — жанр, пользовавшийся успехом и вниманием в тех же демократических слоях, где одновременно обращалось и читалось рукописное С. различных версий. Ср. «Ворону и Лисицу» В. К. Тредиаковского (на сюжет из Федра), «Лисицу и Сороку» И. И. Хемницера (из Хр. Геллерта), «Лисицу и Петуха» О. П. Беляева (из Ж. Лафонтена), «Лисицу-козноделя» Д. И. Фонвизина (из Х. Ф. Шубарта, который, в свою очередь, опирался на И. В. Л. Глейма), «Лису-проповедницу» И. И. Дмитриева (из Ж. Флориана) и т. п. При «склонении на русские нравы» европейских басенных сюжетов неизбежно и всегда происходило следующее изменение: французский или немецкий Лис (le renard, der Fuchs) превращался в Лисицу, — в соответствии с вековечной русской традицией, в которой уловки лисьего племени олицетворяет самка. Иногда такое изменение в общем безразлично для сюжета. Иногда, напротив, оно ведет к эстетическим сюрпризам. Так произошло с прозаическим С.

Где, в какой среде и как оно сложилось? Судя по тому, что в конце второго диалога петух, пытаясь умилостивить лисицу, приглашает ее в просвирницы к Крутицкому митрополиту, С. сложилось в Москве, где была резиденция владыки Крутицкого и Коломенского. Безымянный автор С., обнаруживший детальное знание Писания и богослужения, принадлежал, видимо, к низовому духовенству (из этой среды вышла значительная часть произведений демократической сатиры). Нет оснований видеть в прозаическом С. фрагмент романо-германского животного эпоса, как это делал А. Н. Веселовский (см.: Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1. С. 510). Русские тексты не обнаруживают следов иноязычного источника. Почти наверное можно утверждать, что прозаическое С. — не перевод, а оригинальное сочинение. Что до исходной сюжетной ситуации, то сведения о ней могли быть получены путем устной передачи, в процессе общения москвичей с представителями иностранной колонии. Для сюжетного импульса достаточно было услышать немецкую пословицу: «Wenn der Fuchs predigt, so hüte der Gänse». Сходные пословицы существовали в речевом обиходе англичан, голландцев, французов, итальянцев: «Beware of the geese, when the fox preaches»; «Als de vos de passie preekt, boeren past op je ganzen»; «Quand le renard se met à prêcher, gare aux poules»; «Quando la volpe predice, guardate le galline» (см.: Lamke D. Mittelalterliche Tierfabeln und ihre Beziehungen zur bildenden Kunst in Deutschland. [S. l.], 1937. S. 101).

Сюжетный импульс явно был западным, ибо прозаическое С. — своего рода художественное «насилие» над русской реальностью. В культуре Московского государства очень большую роль играл институт «духовного отцовства», но никаких «духовных матерей», никаких «премудрых жен исповедниц» православная практика не знала. Западный, немецкий или французский Лис в аналогичной ситуации уместен, русская Лисица — неуместна. Это ощущал, конечно, каждый читатель и переписчик, и не каждый с этим мирился, не каждый готов был предпочесть «правде» художественный вымысел, который только-только завоевывал право на существование. Поэтому в стихотворной версии и была сделана попытка «исправить» сюжет на русский лад.

Здесь петух, ставший свидетелем внезапной смерти курицы, «от страха весь потрясеся» и задумался о своей неправедной жизни: он блудник, грешивший со многими курицами и не соблюдавший чистоты даже в праздники. Петух решает стать пустынножителем:

> И тако пошед в темную дуброву посидети
> и к жилищу своему месту себе посмотрети,
> где бы ему безмолвно одному пожити,
> . . . .
> а прежние содеянные ... грехи потребити
> и прощение себе от Бога получити,

женских лиц не точию где их видети,
ио чтоб и гласа их не слышати.

Петух ищет для «купного» жительства духовного отца и товарища, чтобы иметь возможность взаимной исповеди. Во время первого диалога петух не знает, кто его собеседник. После узнавания сюжет примерно соответствует прозаическому С.

Изд.: Старичок-Весельчак, рассказывающий давиие московские были. СПб., 1790. С. 26—42; Ровииский Д. А. Русские иародные картинки. СПб., 1881. Ки. 1. С. 272—274; ки. 4. С. 199—201; Адриаиова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. Л., 1937. С. 190—224; Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954. С. 73—106, 207—210, 269—275; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 58—84, 159—162, 208—213; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 113—141. («Сокровища древиерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 218—221.

Лит.: Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 276—278; Назаревский. Библиография. С. 117—118; Gutowski M. Komizm w polskiej sztuce gotyckiej. Warszawa, 1973. S. 131—144; Литература и культура Древней Руси. С. 150—151.

А. М. Панченко

«Сказание о милости пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, како преславно избави обитель свою, иже на Тихфине, иде же святый ея чюдотворный образ Одигитрие, от нашествия зловерных варяг, иже свияне наричются» см. *Сказание о осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.*

Сказание о молодце и девице — произведение сер. или 2-й пол. XVII в. С. представляет собой эротический диалог, в котором молодец обращается к девице с изысканными комплиментами («Душечка еси ты, прекрасная девица! Пелепелишныя твои кости, бумажное твое тело, сахарныя твои уста, ... ясна сокола очи, черна соболя брови, ... Твоя словеса аки тихая туча на обильное жито, аки медвяная роса на красныя цветы» и т. д.), на что девица отвечает ему изощренной бранью («Кошачье видение, упиревая рожа, сычевые глаза, медвежья голова, щучьи зубы, севрюжей нос, волчей рот, немилой вьзгляд, строев сын, свиной пастух. Жил бы ты дома, плел бы ты лапти», и проч.). Однако, разговор заканчивается тем, что девица велит молодцу остаться при себе («И ты живи у нас, да не буди глуп..., а у меня, госпожи своей, побывай, а мне, госпоже своей, челом побивай»), а затем уступает его любовным домогательствам, и молодец «безчестие свое заглаживает».

Некоторые места С. дают повод судить о социальном положении героев. Молодец назван сыном боярским, княжим племянником, великого роду. Служилый статус определяется признанием, что служил он царю в Орде, королю в Литве, а государем своим считает

государя Московского и «всеа Роси». Девица же уничижительно называет его дворянином, деревенским «щеголиною», «безгосподарским человеком»; то и дело возникает тема службы молодца у прекрасной, «великой» девицы («хощу ... сопротив тебя служити как верный слуга против своего господина»).

С. дошло до нас в пяти списках, из которых только три полных. Самый ранний список, конца XVII в., был опубликован В. И. Срезневским (БАН, 33.4.32; В. Н. Перетц обозначает его Ак, Л. А. Дмитриев — С); список, опубликованный Х. М. Лопаревым, датируется концом XVII—нач. XVIII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, О.132; В. Н. Перетц и Л. А. Дмитриев обозначают его Л). Список, опубликованный П. Е. Ефименко по неизвестной рукописи среди материалов по этнографии Архангельской губернии, написан не ранее XVIII в. (по обозначению В. Н. Перетца Арх, по обозначению Л. А. Дмитриева Е). К XIX в. относятся фрагмент списка, найденный А. А. Назаревским и частично опубликованный в Отчетах имп. Публичной библиотеки (ГПБ, Q.XV.107, по В. Н. Перетцу — ГПБ, по Л. А. Дмитриеву — Г), и список, содержащий только начало произведения (БАН, 33.15.138).

Диалогическая форма памятника вызвала значительные разночтения в его тексте. Каждой из трех полных списков С. представляет отдельную его редакцию, а поздний список ГПБ—Г в дошедшей его части местами близок к Л, местами — к Ак—С. Особенно разнятся речи девицы наборами сравнений молодца с различными животными, издевательскими определениями, которыми она награждает своего поклонника. Существенным отличием списка Ак—С является пассаж, отсутствующий в списке Л, где девица, огорчившись, что молодец собирается отъехать от нее в чужие страны, обращается за советом к мамушкам и нянюшкам. После их совета диалог ее с молодцем идет уже в благожелательном для него тоне.

Все три редакции восходят к общему архетипу, но относительная их близость к нему определяется по-разному. Так, список Арх—Е, представляющий собой переработку Ак—С в духе повестей XVIII в., с обилием варваризмов и канцеляризмов, с перечислением европейских стран, в которых бывал молодец, и деталей нерусской жизни, был объявлен А. В. Марковым текстом, наиболее близким к архетипу, а сам памятник был признан переводным. А. А. Назаревский, обнаруживший список ГПБ—Г, и В. Н. Перетц, изложивший в своих статьях выводы А. А. Назаревского, хотя и считали произведение возникшим на русской почве, но основанным на иноземном бродячем сюжете, и ссылались на аналогичные немецкие и польские диалоги. В. И. Срезневский считал опубликованный им список первичным, наиболее полно и логично отражающим содержание диалога молодца и девицы, в то время как в списке Л согласие девицы на любовные притязания молодца представлялось исследователю немотивированным. Л. А. Дмитриев, напротив, усмотрел логическую не-

последовательность в списке Ак—С, где девица обращается за советом к мамушкам и нянюшкам уже после того, как велела молодцу остаться при ней. Вероятно, эту непоследовательность заметил и Н. К. Пиксанов: переиздавая текст В. И. Срезневского, он сделал перестановку абзацев, правда, никак этого не оговорив. Фрагмент, в котором девица обращается за советом, он поставил после слов молодца о том, что он уедет, и перед предложением девицы остаться у нее.

Л. А. Дмитриев считает самым близким к архетипу список Л, хотя и он, по мнению исследователя, подвергся ряду искажений. Язык этого списка наиболее книжный, что, по мнению Л. А. Дмитриева, отражает и книжную лексику архетипа. Как образованного книжника автора С. характеризует его знакомство с персонажами распространенной в XVII в. *Александрии сербской*; молодец сравнивает девицу с царицей Роксаной, женой Александра Македонского. И все же даже в этой редакции налицо сильное фольклорное влияние на С. Отражение устной традиции особенно заметно в брани девицы, аналогия которой найдена в народном заговоре — «отговорить девку от парня»: «...по той ли Смородяной реке плывет смердячий челн, в смердячем челне сидит Немал-человек — чертова рожа, змеиная кожа, сычьи глаза, волчья пасть, медвежий взгляд, образ звериный, а вздох змеиный» (Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1909. Вып. 2. № 73, С. 73). Фольклорного происхождения и эротическая символика, встречающаяся в речах молодца: «...есть у тебя красное золото аравитское, вделал бы я свою жемчюжину в твое чистое серебро...». Ср. с народными песнями: «Слей мне перстень из солнечной лучи, вставь мне вставочку под восточную звезду» (Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевский. СПб., 1895. Т. 1. С. 538, 540).

Определенные трудности для исследователей представляли сравнения девицы с Настасьей, женой Даниила, и Евдокией Семеновной, женой Карамышева. X. М. Лопарев видел в них упоминание исторических деятелей нач. XV в. — князя Даниила Борисовича Нижегородского и его боярина и воеводы Семена Карамышева. На этом основании он даже высказал предположение, что сюжет С. восходит к XV в. Однако, добавление в списке Ак—С к этим именам еще и Василисы Ставровы, жены Годунова (искажено, правильно — Годиновича), дало Л. А. Дмитриеву ключ к разгадке имен: все упомянутые персонажи — героини литературно-эпического происхождения; Наталья, жена Даниила — героиня былины о Данииле Ловчанине (в списке Ак—С сохранился остаток его имени — «Вовчев»); Семен Константинович Карамышев фигурирует в исторических песнях, посвященных событиям XVI—XVII вв. Поскольку в песнях его жена не упомянута, можно предположить, что в С. сохранился отголосок какой-то песни, до нас не дошедшей. Все эти эпические произведения возникли в XVII в. Поскольку ранний список С. датируется послед-

ней четвертью XVII в. и содержит уже не самую раннюю редакцию, то возникновение С. можно отнести к сер. XVII в.

Определенный сатирический контраст между речью молодца и ответом девицы позволяет причислить С. к жанру смеховых произведений XVI—XVII вв., наряду с *Повестью о старом муже и молодой девице* и *Словом о мужах ревнивых*. У них много общих черт — как в обсуждении темы личных и семейных отношений, так и в лексике и стилистике, в употреблении простонародных, сниженных выражений и оборотов.

Изд.: Ефименко П. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2: Народная словесность // Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30: Труды этнографического отдела. М., 1878. Т. 5, вып. 2. С. 225—226; Лопарев Х. М. Сказание о молодце и девице: Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. СПб., 1894. (ПДП. вып. 99): Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 г. СПб., 1900. С. 60—66; Срезиевский В. И. Сказание о молодце и девице по списку XVII в. библиотеки Академии наук (33.4.32) // *ИОРЯС*. 1906. Т. 11, кн. 4. С. 79—90; Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 68—69, 84—85; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 299—302. («Сокровища древнерусской литературы»); Сказание о молодце и девице / Подгот. текста и комм. Л. А. Дмитриева // ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 231—233, 613—614; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 222—225. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Марков А. В. К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. С. 167—169: Перетц В. Н. 1) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г. // Университетские известия. Киев, 1912. № 7. С. 46—47; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. // Там же. 1913. № 1. С. 5—8; 3) К «Сказанию о молодце и девице» // РФВ. 1913. Т. 69, № 2. С. 376—379: Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 279—280; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 230—233 (раздел написан М. О. Скрипилем); История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 348, 394; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Уч. зап. Московского гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 61; 2) Ранние лирические книжные песни петровского времени // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1958. № 2. С. 164—165; Дмитриев Л. А. Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24 С. 205—209; Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987. С. 113, 147, 154—155.

М. Д. Каган

Сказание о нашествии ляхов на Каменскую пустынь — памятник литературы XVII в., близкий по жанру к сказаниям о чудесах от иконы Богородицы. Название С. дано В. С. Иконниковым, оно переписывалось в составе 15-й главы сборника *«Звезда Пресветлая»*, а также в качестве самостоятельного произведения, некоторые списки сохранили указание на «Звезду Пресветлую» как на источник текста: ГПБ, собр. Погодина, № 1344, конец XVII в. (С. опубликовано по этому списку); ГБЛ, ф. 212, № 59, л. 255 об.—256 об., конец XVII в.

Другие списки такого указания не содержат: ГПБ, Q.XVII.202, л. 68—68 об., 2-я пол. XVIII в.; ГБЛ, ф. 734, № 79, л. 293 об.—295 об., 1-я четв. XIX в. Большинство списков локализует действие С. в Новоторском (Новоторжском) уезде: «В Новоторском уезде пустыня есть, нареченная Каменка, в той же пустыни церковь пресвятыя Богородицы...». Список Q.XVII.202 называет местом действия Новгородский уезд. В С. повествуется о том, что «во время же розорения Московского государьства от безбожных ляхов нашествие бысть и на сию пустыню, в ней же токмо живый инок един презвитер», который «сам о себе последи повествоваше». Пресвитер этот прятался в церкви и оказался свидетелем святотатства, совершенного одним из ляхов над иконой Богоматери. Священник воззвал со слезами к Богородице, вопрошая, почему она попустила осквернить церковь, и в ответ услышал глас от образа, обещающий скорое наказание «иноязычнику» и грозящий карами самому пресвитеру: «в вечеру упиваяся допияна, а заутра служиш святую литоргию, стоя пред сим моим образом ... и лице свое сим зело омерзил еси, паче сего блуднаго поганина». Выйдя из церкви, лях погибает, загрызенный псами (в большинстве списков «Звезды Пресветлой» указание на это обстоятельство отсутствует). «Презвитер же воста, во благих поживе вся дни живота своего».

Рукописная традиция С. позволяет говорить о его популярности прежде всего в старообрядческой среде.

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 149.

Лит.: Петров Н. О влияиии западноевропейской литературы иа древиерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 743—744; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1890 г. СПб., 1893. Приложеиия. С. 195; Иконииков. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1857; Перетц В. Н. 1) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1—9 июия 1910 года. Киев. 1910. С. 97; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 года. Киев, 1912. С. 170; Клибаиов А. И. Духовиая культура средневековой Руси. М., 1996. С. 57—58.

А. А. Романова

«Сказание о Никоне, беседа старцев» см. *Сказания и повести о патриархе Никоне.*

«Сказание о Никоне патриархе» см. *Сказания и повести о патриархе Никоне.*

Сказание о осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. — рассказ об успешной обороне Тихвинского Богородице-Успенского монастыря от шведских войск. Существуют два — написанных с разрывом в полвека сказания на эту тему. По своему содержанию они сближаются с псковско-новгородскими повестями о Смуте. Раннее

из сказаний — краткое «Сказание о осаде и о сидении в пречестней обители честнаго и славнаго Одигитрея чудотворныя иконы Тихвинския» вошло в состав *Летописи Новгородской III* и, в сокращенном виде, в *Сказание о иконе Богоматери Тихвинской*, но прежде существовало как самостоятельное произведение, написанное вскоре после событий 1613 г. Подтверждением этому служит одна особенность летописного С., где, в противоречии с документальными материалами и более точным в данном случае позднейшим С., говорится, что воеводы Вельяминов и Прозоровский были посланы царем под Новгород. Правильное известие — о походе воевод в Псков было поставлено на место ошибочного при включении С. в летопись.

Раннее С. было составлено одним из защитников монастыря, человеком, по-видимому, воинского звания. В описании штурмов и сражений за пределами монастыря автор приводит такие подробности и детали, которые обличают в нем знатока воинского дела, свободно владеющего профессиональной лексикой. Все С. написано простым, часто близким к разговорному языком с ощутимым влиянием стиля воинских повестей. Автор применяет обычные в воинских повестях сравнения, метафоры, формулы для изображения растерянности и отступления неприятеля: «нападе страх и трепет велик на поганых», «побегоша погании от Тихвины посрамлени» и т. д. Все победы над многочисленными врагами одерживаются с помощью Богородицы. В целом раннее С. — это живой рассказ о тяжелой борьбе за сохранение Тихвинского монастыря в составе Русского государства, наполненный многочисленными фактами, именами, реалистическими подробностями.

Иной характер носит созданное в 1658 г. на основе раннего С. «Сказание о милости пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, како преславно избави обитель свою, иже на Тихфине, иде же святый ея чюдотворный образ Одигитрие, от нашествия зловерных варяг, иже свияне наричются». Его автором некоторые исследователи признают на основании косвенных данных иконника Тихвинского Успенского монастыря Иродиона Сергеева. Вместе с тем, в литературе высказывалось мнение, что в 1658 г. С. было лишь переписано с более раннего списка, что дает основание считать Иродиона Сергеева простым копиистом (Б е р е д н и к о в Я. И. Историко-статистическое описание Тихвинского Богородицкого монастыря. 3-е изд. Новгород, 1906. С. 22—36, примеч. 19). Позднейшее С., сохраняя всю фактическую основу раннего С., резко отличается от него по целому ряду признаков. Позднейшее С. представляет собой обширное повествование, состоящее из 122 глав, лишь 43 из которых (гл. 25—67) опубликованы. События 1613 г. рассматриваются здесь в более широкой исторической перспективе, в связи с чем автор использовал в 25-й и 27-й главах в качестве источников *Хронограф Русский* редакции 1617 г. и *Летописец Новый*. Чтобы объяснить появление шведских войск в России, захват ими

Новгородских земель, автор начинает с рассказа об осаде Москвы Лжедмитрием II и об освободительном походе русских войск и шведских наемников под руководством князя М. В. Скопина-Шуйского в 1608—1610 гг. Заканчивается С. описанием событий, последовавших за осадой монастыря в 1613 г., и сообщением о заключении Столбовского мирного договора в 1617 г.

Если краткое С. повествует об обороне монастыря от шведов, то пространное С. представляет собой рассказ о чудесах и явлениях Богородицы во время осады, количество которых увеличилось по сравнению с кратким С., а описание каждого из них снабжено отдельным подзаголовком. По словам автора, в С. «милость Богоматере да глаголется, а не ратных обычай». При этом совершенно исчезают зримые подробности кровопролитной борьбы, картины героизма и самопожертвования защитников монастыря, свойственные первому С. Они не столько сражаются, сколько молятся, умиляются по поводу чудес, постоянно плачут, отчаиваясь или благодаря Богородицу. В намерение автора входило показать, что шведы воевали, сами того не подозревая, не против русских людей, но «противу всесильнаго света Христа Матере».

Д. С. Лихачев писал: «Цель пространной повести — прославить новыми чудесами Тихвинский монастырь и потому она не столько рассказывает о событиях, сколько поучает..., передавая их назидательный смысл, чтобы возбудить в читателе благочестивое настроение». Автор решает эту задачу разными способами. Кроме описания чудес, он помещает риторическое отступление, показывая, что забота царя *Михаила Феодоровича* о Тихвинском монастыре традиционна для русского правящего дома: еще отец *Ивана Грозного* и сам Грозный проявляли особое внимание к монастырю, в котором хранилась чудодейственная икона Тихвинской Богоматери. В настойчивых попытках шведов овладеть монастырем и в стремлении правительства Михаила Федоровича не допустить этого автор видит еще одно доказательство высокого значения Тихвинского монастыря — как последней крепости на северо-западном рубеже, препятствующей распространению шведской интервенции в глубь России: «...сию токмо во окрестных пределах Великаго Новаграда его царская держава обдержаще и тою веселяшеся». Прославление монастыря завершается в чудесном волеизъявлении Богородицы, которая не позволила сдвинуть с места свою икону, когда отчаявшиеся защитники хотели покинуть обитель и унести ее с собою.

Идейное содержание позднейшего С. позволяет отнести его к жанру сказаний о местных святынях. Признаки агиографического жанра обнаруживаются и в использованных здесь художественных средствах. Еще С. Ф. Платонов отметил «риторическую напыщенность повести». С. написано в торжественно-назидательном тоне,

витиеватым слогом, насыщено молитвами, обращениями к читателю, высокопарными сравнениями, книжными эпитетами и метафорами. Из-за намеренно архаизированного языка, с обилием славянизмов, повествование становится тяжеловесным и трудно читаемым. Описание отдельных боевых действий автор стремится передать всегда обобщенно, причем воинские термины краткого С. заменяет словами, соответствующими общему стилю своего рассказа. Так, туры переименованы в «крепостные домовища», рвы и валы — в «земленая ухищрения». Вместо реалистического, наполненного подробностями рассказа раннего С. о длительной подготовке шведов к штурму и о самом приступе в позднейшем С. лишь отмечено, что они совершали «некая козноделйства крепостна зело». В отличие от краткого, пространное С. существует в рукописной традиции в отдельных списках, наиболее полный перечень которых дан в кн. С. Ф. Платонова. Особенностью рукописной традиции С. является большое число богато иллюстрированных списков 2-й пол. XVII—XIX в., в том числе старообрядческих.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 267—273, 283—305; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 405—448; Сказание о Тихвинской иконе Богородицы: Воспроизведение части лицевой рукописи XVIII в. из собрания ОЛДП, F.38. СПб., 1892. (Изд. ОЛДП. № 70).

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 426—427; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 75—76 (раздел написан Д. С. Лихачевым). Иванова И. А. Икона Тихвинской богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской богоматери» // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 419—436.

Г. П. Енин

«Сказание о Петре, воеводе Волосском», — литературный памятник XVII в., тесно связанный с сочинениями *И. С. Пересветова*. Героем С., как и Большой челобитной И. Пересветова, является «волоский» (молдавский) господарь Петр IV Рареш (1527—1538 и 1541—1546 гг.), от имени которого автор дает советы русскому государю. Вопрос о происхождении С. вызывал споры в научной литературе. И. Добротворский, издавший С., считал и его, и сами сочинения И. Пересветова легендарными памятниками конца XVI—нач. XVII в. Среди авторов, признававших историчность И. Пересветова, существовали разные мнения о С.: часть из них считала С. более ранним памятником, чем известные нам сочинения И. Пересветова, часть — более поздней переработкой пересветовских сочинений. В настоящее время можно считать доказанной вторичность С. по отношению к Большой челобитной И. Пересветова (его близость к Щукинскому списку Большой челобитной и зависимость от Сокращенного извода сборника И. Пересветова). Автор С., писавший в 1-й трети XVII в., исключил из текста наиболее смелые вы-

сказывания И. Пересветова — противопоставление «правды» «вере» и заявление, что в Московском государстве нет «правды», обосновал пересветовские высказывания против «порабощения» ссылкой на то, что «Бог сотворил человека самовластна», ввел антимусульманские высказывания и снял призывы к завоеванию Казани, ставшие анахронистическими.

Изд.: Добротворский И. Сказаиие о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благовериому царю и великому киязю Иваиу Васильевичу всеа Русии // Уч. зап. Казаиского уи-та. 1865. Т. 1, вып. 1. С. 31—46; Сочииеиия И. Пересветова / Подгот. текста А. А. Зимииа. М.; Л., 1956. С. 341—359.

Лит.: Ржига В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI в. СПб., 1908. С. 14—16 (рец.: Щеглова С. А. // ЖМНП. 1911. № 3. С. 139, 141); Philipp W. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches // Osteuropäische Forschungen. Königsberg; Berlin, 1935. N. F. Bd 20. S. 95—99, 115—119; Полосин И. И. О челобитиых Пересветова // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Леиина. Кафедра истории СССР. 1946. Т. 35, вып. 2. С. 30—37; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современиики. М., 1958. С. 292—299; Солодкии Я. Г. К датировке «Сказаиия о Петре, воеводе Волосском» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 32—40.

Я. С. Лурье

Сказание о **попе Савве** («Сказание о попе Саве и о великой его славе») — произведение анонимного автора, созданное в 1640—1650-х гг. и входящее в круг памятников демократической сатиры. Аноним, хорошо владевший раешным стихом, которым написано С., ставил перед собой прежде всего сатирическую задачу: осмеять и обличить заглавного героя, приходского священника церкви Козьмы и Дамиана в замоскворецкой Кадашевской слободе. Возможно, что реальный прототип этого персонажа и не носил имени Савва. Это имя — своего рода сатирический, смеховой псевдоним. Автор С. избрал его потому, что в древнерусской смеховой культуре, в пословицах и поговорках за многими именами была закреплена постоянная рифма. Савве, в частности, всегда сопутствовала «слава» — «великая», «мелкая» или «худая».

Анонимый автор С. — «ставленник», находящийся в зависимости от заглавного героя. В сер. XVII в. на Руси еще не было специальных школ для будущих священников. Крестьяне и посадские люди выбирали для «ставления» на церковные должности кандидатов из своей среды, «ставленников». Для обучения и последующего рукоположения в духовный сан их посылали в города, бывшие епархиальными центрами, и «прикрепляли» к местным священникам. Те, само собой разумеется, помыкали бесправными «ставленниками», заставляли их делать черную работу, вымогали деньги и другие посулы, часто давали «ставленую грамоту» не уча, за взятки. В сер. XVII в. патриарх *Иосиф* указал кандидатам из «патриаршей области» «ставиться» только в Москве. Таким образом, московские попы

получили дополнительные возможности обогащения. Один из таких «ставленников», доведенный до крайности, и взялся за перо, чтобы отомстить ненавистному попу. Смелость этого «ставленника» объясняется просто: как явствует из текста С., его патрон за свои плутни «ныне на цепь попал» и заточен в «патриаршей хлебне».

Автор С., как очевидно из текста, не москвич. Возможно, он родом туляк, из Тулы прислан в Москву «ставиться», иначе трудно понять, почему он упоминает этот город («Радуйся, град Тула, что сидит Сава у великава стула»), хотя рифма «Тула-стула» принадлежит к устойчивым пословичным и раешным рифмам. Автор проявил себя и как мастер раешного стиха, и как мастер композиции. С. начинается от первого лица. Это — авторское пародийное «слово» («Послушайте, миряне и все православные християне...») о «великом чуде», случившемся «над долгим попом, над премым дураком». Затем следует речь попадьи (пародийное «пророчество» и призыв покаяться), безнадежный «ответ» попа (пародийное письмо), «Сон попа Савы» (пародия на жанр «видения») и, наконец, «безумного попа смешной икос», где опять-таки в пародийных целях использована схема этой части канона. Итак, на небольшом сравнительно текстовом пространстве автор С. дал «смеховые» вариации нескольких популярных в Древней Руси жанров.

Изд.: Елеонский С. «Хождение попа Саввы» - неизданная антиклерикальная сатира XVIII века // Литературное наследство. М., 1933. Кн. 9—10. С. 106—111. Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 229—238; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 70—72, 206—207, 264—269; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 55—57, 158—159, 204—208; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 121—123. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.): Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 241—243; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 166—168. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 215—217.

Лит.: Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 289—290; Назаревский. Библиография. С. 134.

А. М. Панченко

«Сказание о посещении Господни в Нижнем Новеграде в Печерьском монастыре» — памятник литературы нач. XVII в. В С. рассказывается об оползне, который разрушил монастырские службы, повредил храмы, хотя все люди и животные остались целы. Вскоре после происшествия был обнаружен гроб («в третий день обрели мощи позади церкви покровены немного землею, старець схимник, гроб цел, мощи целы же и ризы, толко лише земля взяла часть от лица его ... и миро во гробе есть, а имя его Бог весть»). Как припомнили монастырские старцы, имя схимника бы-

ло Иоасаф, а погребен он был лет за тридцать до оползня. Дальнейшее повествование ведется от первого лица и свидетельствует о том, что С. составлялось очевидцем события. Когда приехал игумен Дудина монастыря Евфимий, «мы с ним вместе гроб выняли из старого места, и мощи смотрили, и своими руками осязали, и погребли его в ыном месте, и гроб поставили з землею въровень, а не покровен землею, и гробницу над ним устроили». Далее в С. повествуется об устройстве монастыря после разрушений. Почитание гробницы схимника Иоасафа, над которой воздвигли церковь, продолжалось вплоть до XIX в.

С. читается в сборнике смешанного состава 1-й пол. XVII в. ГПБ, Соф. собр., № 1521, л. 258—264, а также в составе *Летописца Нижегородского*. Из опубликованных А. С. Гациским списков, текст С. присутствует полностью только в Археографическом, в остальных он обрывается на описании ущерба, причиненного монастырю. Текст С. в летописце, как и в рукописи Софийского собрания, восходит, вероятно, к местной летописи. В датировке происшествия, описанного в С., встречаются разночтения: в некоторых списках летописца указывается 12 июля, Н. М. Карамзин, вслед за архимандритом Амвросием, относили это событие к 8 июня 1596 г. Правильная датировка — 18 июня («на память святого мученика Леонтия») 1597 г. Краткий и неточный рассказ об оползне, трактуемом здесь как «знамение велие пред преставлением царя Федора Ивановича», имеется в *Летописце Новом* (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14, первая пол. С. 48—49). Время события указано здесь как «полуденное», хотя, по С., оползень случился «в третием часу нощи»; преувеличены масштабы разрушений; о гробе схимника ничего не говорится.

В том варианте С., который читается в рукописи Софийского собрания, о *Борисе Годунове* говорится: «конюшей и болярин, а потом был государь наш царь и великий князь», что позволяет уточнить датировку произведения (после 1598 г.). В Нижегородском летописце эта фраза обрывается на словах «конюший и болярин».

Изд.: Нижегородский летописец / Работа А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. С. 36—44.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. Примеч. 364; Иоанн Серебровский. Гробница схимонаха Иоасафа в селе Старых Печерах. Нижний Новгород, 1880.

А. А. Романова

Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича — произведение сер. XVII в., состоящее из двух частей: первая часть — это пространное известие о распространении христианства и введении патриаршества в России, вторая часть содержит краткую историю Смуты, написанную на основе *Летописца Нового*, так называе-

мую «ставленую» грамоту Иерусалимского патриарха Феофана и «чин» поставления *Филарета*. В рукописной традиции С. известно под заглавием: «Сказание известно, когда и в кое время в велицей Росийстей земли просия яже во единаго истиннаго в Троицы славимаго Бога нашего вера християнская и благочестие утвердися, и коим образом росийстии митрополиты прияша власть от констянтиноградских патриарх своими епископы поставлятися и сущих под ними поставляти, и когда и коим образом в царствующем граде Москве великий патриаршеский престол устроися, и кто бысть первый патриарх и по нем друзии; в нем же и о поставлении великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всеа Русии самодержца, отца, великого государя преосвященного Филарета Никитича, митрополита Ростовского и Ярославского, на превысокий патриаршеский престол царствующаго града Москвы и всея великия Росии»).

Все исследователи, писавшие о С., относили время его создания к периоду после смерти царя *Михаила Феодоровича*. Л. В. Черепнин связывал его появление с деятельностью Записного приказа и считал, что оно было написано в 1658 г. Это мнение вполне убедительно, если иметь в виду С. в том виде, в каком оно опубликовано в ДАИ. Однако здесь представлена уже вторая редакция С. Первая редакция появилась в 1653 г. в составе Кормчей. Эта книга была напечатана в 1651 г., еще при московском патриархе *Иосифе*, но после завершения типографских работ она подверглась сверке с древними рукописными текстами. В 1653 г., по требованию патриарха *Никона*, в Кормчую внесли ряд исправлений и добавлений. Главным дополнением явилось С., предваряющее текст Кормчей и написанное, как сказано в послесловии к нему, по прямому указанию Никона.

С. в Кормчей 1653 г. имеет ряд отличий от второй редакции как в заглавии, так и в содержании. Его составители преследовали несколько иную цель, нежели создатели второй редакции, — дать общую историю патриаршества в России, представить доказательства древности русской церкви, ее самостоятельности и независимости от вселенских патриархов. Поэтому в первой редакции С. имеются материалы, которые не вошли во вторую редакцию: грамоты патриарха Иеремии, царя Федора Иоанновича, сообщения обо всех русских патриархах до Никона.

С. в Кормчей разбито на несколько статей с самостоятельными названиями. Под заголовком, который потом стал основой заглавия второй редакции С., в Кормчей содержится только так называемая «ставленая», или «благословенная» грамота Филарета, полностью вошедшая во вторую редакцию. Известно, что подлинник этой грамоты, подписанной Иерусалимским патриархом Феофаном и высшими русскими архиереями, сгорел в московском пожаре 1626 г. По просьбе чрезвычайно обеспокоенного этим Филарета патриарх Фе-

офан изготовил с присланной ему сохранившейся копии новую грамоту. Собор русских церковных иерархов тоже составил новую грамоту. Основываясь на том, что «ставленая» грамота в С. сильно отличается от присланной Феофаном и написанной в 1626 г. в Москве, а объем ее превышает объем их вместе взятых, историк русской церкви митрополит Макарий заявил, что в С. сохранилась подлинная «ставленая» грамота. При этом он не поднимал вопроса о времени происхождения самого памятника (Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 8). Все позднейшие исследователи, хотя и относили С. к сер. XVII в., не подвергали сомнению утверждение Макария. Между тем, особенности текста грамоты в С. и сравнение его с обеими грамотами 1626 г. приводят к иному выводу. Если грамоты 1626 г. имеют сугубо деловой характер, то грамота в С., напротив, отличается чрезмерной пространностью и описательностью. Начинаясь с изображения причин, побудивших Феофана ехать в Россию, и описанием сложностей путешествия, она затем подробно повествует об исключительности православия в России, об оказанном патриарху в Москве торжественном приеме. Грамота насыщена восторженными характеристиками Филарета и царя в стиле похвальных слов, риторическими обращениями к царю и народу с призывом повиноваться новоизбранному патриарху. Все это характеризует грамоту в Кормчей как литературное, а не документальное произведение. Данный вывод подтверждается заглавием грамоты в Кормчей 1653 г. Авторы текста не нашли возможным обозначить жанр произведения иначе, как «сказание», хотя и написали его в виде грамоты. С. Ф. Платонов видел в С. все признаки «официального панегирика патриарху Филарету». Грамота о поставлении является кульминационным ядром этого панегирика.

Повышенный интерес С., особенно в первой его редакции, к вопросам, связанным с введением патриаршества в России, объясняется особым взглядом патриарха Никона на роль русской церкви и ее главы в истории христианства и в общественно-политической жизни страны. Установление патриаршества, согласно С., было закономерным и неизбежным, поскольку в других странах православие пришло в упадок, а в России процветало. На этой мысли была основана известная доктрина XVI в. «Москва — третий Рим». Однако авторы С. пошли дальше идеологов XVI в., настойчиво подчеркивая самостоятельность русской церкви, ее независимость от влияния вселенских патриархов во всех вопросах веры, в том числе и в поставлении своего патриарха. Патриаршество в России введено с одобрения и санкции вселенских патриархов, но особой нужды в их разрешении не было, ибо Федор Иоаннович «и по власти можаше превысочайший престол патриаршеский устроити, яко царь и самодержец». Обращение к восточным патриархам вызвано заботой о том, чтобы никто из религиозных противников не мог упрекнуть Россию в самовольном поставлении патриарха. Об избрании Филарета патриархам

сообщается не потому, что без их утверждения невозможно его поставление, «но совершеннаго ради смиренномудрия», т. е. из моральных соображений.

Основное внимание во второй редакции С. уделено избранию Филарета Никитича патриархом. Поскольку появление в России новой царской династии явилось результатом острейшего социально-политического кризиса конца XVI—нач. XVII в., то в С. прослеживается судьба Романовых, особенно Филарета, в Смутное время. Однако события Смуты служили лишь фоном для рассказа о Романовых, поэтому они изложены описательно, а иногда искажены. Это обусловлено проромановской ориентацией авторов. Одной из главных их задач было обоснование прав новой династии на царский и патриарший престолы. По их мнению, избрание Романовых было законным и необходимым прежде всего потому, что они были ближайшими родственниками последних рюриковичей, т. е. наследниками и продолжателями угаснувшей династии. Филарет, кроме того, что был «по матери царю Федору брат», обладал еще рядом достоинств, ставивших его вне конкуренции среди церковных иерархов: он с детства был подготовлен для высокой миссии, ибо он «во священских законех и в царских обычаех воспитан», «бывый преже царского совета начальнейший болярин и в синглите зело нарочитый», искушен в государственных заботах, всем известен богословской эрудицией и непоколебимостью в вопросах веры. Заключается этот панегирик Филарету указанием на то, что он «по плоти ... царев отец, и сего ради да будет царствию помогатель и строитель». Все содержание С. подводит к мысли об исключительности патриаршего сана, носитель которого является прямым представителем Бога на земле. Отсюда следует вывод о необходимости безоговорочного послушания и беспрекословного подчинения патриарху всей паствы. Сам царь должен почитать патриарха не только «по родству», но прежде всего «по превосходящему святительству». Эта мысль, созвучная идее патриарха Никона о подчинении светской власти церковной, ослаблена во второй редакции С. тем, что используется применительно только к Филарету, родному отцу царя.

Учитывая тот факт, что составители второй редакции С. резко сместили его идейную направленность, сделав центральной темой поставление Филарета патриархом, можно предположить, что она появилась после разрыва Никона с царем, т. е. не раньше осени 1658 г.

Характерные черты С. — многословная риторика, дидактика и многочисленные цитаты из богослужебных книг. Стиль Нового летописца не оказал заметного влияния на С. Написанный на основе Нового летописца рассказ о Смуте, как и все С., обнаруживает образность, свойственную церковной и агиографической литературе.

Изд.: Кормчая. М., 1653. Л. 1—37 об.; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 76.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 346—348; Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // ИЗ. М., 1945. Т. 14. С. 113.

Г. П. Енин

Сказание о приходе польско-литовских войск под Устюжну Железопольскую — повесть о борьбе земского ополчения с тушинцами в Устюженском крае в декабре 1608—феврале 1609 гг., центральное место в которой занимает описание обороны от интервентов Устюжны Железопольской. Известно пять списков С. XVIII—нач. XX вв., один из которых восходит к рукописи рубежа XVII—XVIII столетий (Голубев И. Ф. Рукописные книги бывшей Тверской ученой архивной комиссии // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 520). Кроме того, текст С. включен в состав летописно-хронографического свода, доведенного до 1676 г. и находящегося в рук. первых лет XVIII в. ГБЛ, собр. Ундольского, № 1110, л. 245—253 об. Местонахождение списка памятника, входившего в конце XVIII в. в Эрмитажное собрание, не установлено (ср.: Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968. С. 155). В третьем издании С. (1875 г.) была использована копия текста, находившегося на обороте иконы из устюженской церкви Рождества Богородицы. По данным П. А. Колесникова, к настоящему времени эта икона утрачена; Б. М. Яковцевский же, не приводя доказательств, вообще отрицал ее существование (Колесников П. А. Устюжна: Очерки истории города и района. Архангельск, 1979. С. 153, примеч. 17; Яковцевский Б. М. Рукописные книги Устюженского районного музея Вологодской области // ТОДРЛ. Т. 12. С. 522, примеч. 1). Не менее трех из дошедших до нас списков С. устюженского происхождения.

По мнению одного из публикаторов С., произведение современно тем событиям, о которых оно повествует (Легенда... С. 355, примеч.). С точки зрения Н. Л. Рубинштейна, если учесть исключительную конкретность описания, в частности, точность датировки излагаемых фактов, произведение создано «по горячим следам событий или на основе какого-то другого современного документа» (Рубинштейн Н. Л. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века // Труды ГИМ. М., 1948. Вып. 20. С. 55). Более вероятным представляется мнение П. А. Колесникова, согласно которому С. появилось «значительно позже описанных событий» (Колесников П. А. Устюжна. С. 43). Действительно, в конце произведения сообщается о действиях под Устюжной отрядов «воровских» атаманов Наливайко и З. Заруцкого, о действиях, которые относятся к 1612—1614 гг. По словам автора, икона Богородицы, благодаря которой Устюжна будто бы избавилась от интервентов, «доныне в месте зрима» и почитаема. Далее, едва ли при царе Ва-

силие можно было назвать М. В. Скопина-Шуйского его «присным приятелем»; это определение наводит на мысль о том, что создатель произведения не знал, кем доводился отравленный воевода Василию Шуйскому. Наконец, известия о распределении воеводой и головами дворян и сотников по стенам, башням и воротам устюженского острога, о том, что осажденные молились о спасении и «от бесчисленнаго стреляния не можаху стояти на стенах», имеют аналогии в «Истории» *Авраамия Палицына*, один из древнейших списков которой (ГИМ, собр. Забелина, № 176) принадлежал, кстати, посадскому человеку из Устюжны Нефеду. Можно допустить, что С. сложилось не ранее 1620 г., но вряд ли много позже этого времени. Его заглавие («Слово похвальное пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, чудотворнаго ея образа Одигитрия, яже избави град Устюжну от безбожных ляхов и немец») в одном списке предваряется указанием на день («месяца февраля в 10 день»), когда в Устюжне отмечался праздник Богоматери, спасшей, по С., город от врагов. В связи с учреждением этого местного празднования и было составлено С., выдержанное в религиозно-назидательном духе. По всей вероятности, оно написано устюженским священником, видимо, священником церкви Рождества Богородицы, не раз упоминаемой в С. (там находилась и чудотворная икона Богоматери). Признавая сравнительно позднее происхождение С., думаем, однако, что в основе его лежит какой-то более ранний источник. Недаром памятник отличается обилием хронологических и географических указаний, достоверность которых несомненна. Источником С. могли послужить местный летописец либо отписки властей Устюжны на Белоозеро (откуда в город на «Железном поле» пришла грамота о «совете» против тушинцев) или в Москву.

Борьбу с интервентами под Устюжной автор С. по традиции рассматривает в религиозном аспекте, рисуя поляков и «литву» носителями «латинской ереси». Вместе с тем он указывает на «великие насилия» тушинцев, особенно на чрезмерные поборы, которыми они облагали население («правеж» «кормов» грозил и устюжанам). С. подчеркивает роль простого народа в освободительном движении 1608—1609 гг. Повествуя о борьбе с «ворами» под Устюжной, его автор подчеркивает инициативу посадских людей, сообщает о том, что местные дворяне и дети боярские примкнули к ним позднее и подчас старались уклониться от участия в обороне края. В произведении отмечена решимость устюженцев сразиться с врагом, им приписаны замысел боя у города и сооружение острога возле посада. Приехавший же из Москвы и избранный воеводой А. П. Ртищев, если верить С., нередко пребывал в растерянности. Автор признает значительность той помощи, которую устюжане получили из Белоозера, «Каргопольских пределов» и особенно от М. В. Скопина-Шуйского, находившегося тогда в Новгороде. С другой стороны, автор, по наблюдению И. С. Шепелева, замалчивает участие в

успешном походе на тушинцев в Устьрецкий стан ополченцев из Вологды и Кашина. Но решающая роль в победе над врагами приписана в С. божественному «заступлению», которое связывается с чудом местной иконы Богородицы. Автор описывает несколько видений (оставшихся, кстати, неучтенными исследователями этого жанра в литературе XVII в.). В соответствии с каноном жанра, «тайнозрителем» видений дважды выступает пономарь церкви Рождества Богородицы, услышавший чудесные «гласы», которые вселили в устюжан веру в спасение города от врагов (ср.: Прокофьев Н. И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы древней Руси // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1967. Т. 256, ч. 1. С. 38, 52). Одного из видений, согласно С., сподобились многие устюжане (оно укрепило их намерение отстоять «град»), другое же видение касалось осаждающих, которые заметили стоявшее «по острогу в латах и в цветном платье» небесное воинство.

Художественные средства, используемые автором С., в целом традиционны. Так, врагов он сравнивает с волками и змеями, погибающих воинов — с травой и «древием», тушинцев называет «зверообразными», говорит о дожде стрел, обрушивающемся на противника. Автор памятника не чуждается рифм. Последовательность изложения определяется в С. хронологией описываемых событий, что является признаком влияния летописной традиции. И все же нельзя, вслед за К. Валишевским, назвать С. летописью (Валишевский К. Смутное время. Перевод с франц. / Под ред. Е. Н. Щепкиной. СПб., 1911. С. 277). С. — это историческая повесть с повествовательными элементами, свойственными сказаниям о чудотворных иконах.

Изд.: Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия // Русский вестник. СПб., 1842. № 3. С. 338—355; Месяца февраля в 10 день слово похвальное пречистой владычице Богородице и приснодеве Марии, чудотворнаго ея образа Одигитрия, како избави град Устюжну от безбожных ляхов и немец // Новгородские губернские ведомости. 1859. Часть неофиц. № 26. С. 209—212; № 27. С. 217—220; № 28. С. 225—228; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 793—814; Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии / Сост. по первоисточникам и главнейшим пособиям И. Ф. Токмаков. М., 1897. С. 113—128.

Лит.: Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957.

Я. Г. Солодкин

Сказание о Расстриге — публицистическое произведение о событиях Смутного времени. Название памятника условно, оно присвоено ему Е. Н. Кушевой по Академическому списку С., датирующемуся 3-й четв. XVII в. (БАН, 34.8.25, л. 486—501 об., 522—529 об.), где так озаглавлена подборка материалов о Лжедмитрии I (см. *Григорий Отрепьев*), включающая С., «Извет» Варлаама, грамоту Самозванца в Москву от июня 1605 г., отрывок первой грамоты и вторую «окружную» грамоту Василия Шуйского (с приложениями). В дру-

гом — Лихачевском списке С., конца XVII—нач. XVIII в. (ЛОИИ, колл. 238, оп. I, № 137, л. 115—129 об.), обнаруженном В. И. Корецким, эта подборка называется иначе: «Описание бытии Гришки Расстриги, коим образом постиг Московское царство и бе царем московским и како злый зле убиен бысть» (Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 121). Последняя рукопись дефектна и сохранила лишь часть С.; в обоих списках допущена путаница листов (для восстановления текста памятника их следует расположить в таком порядке: БАН, 34.8.25, л. 529—529 об., 494—499 об.; ЛОИИ, колл. 238, оп. I, № 137, л. 126—128 об., 123—123 об.).

В С. говорится о появлении в Речи Посполитой Лжедмитрия I, его вторжении в Россию, царствовании и гибели. Автор произведения не упоминает слухов о том, что «расстрига» уцелел во время народного восстания 17 мая 1606 г., хотя сообщает о сожжении его трупа. Можно думать, что он писал с целью опровергнуть подобные толки. Недаром С. завершается мольбой о спасении царя. По-видимому, оно было создано накануне или даже в начале восстания *И. И. Болотникова.* Его нужно отнести к памятникам неофициальной публицистики Смутного времени. Вопреки мнению Е. Н. Кушевой, в нем не встречаем даже косвенного обвинения *Бориса Годунова* в гибели царевича Дмитрия и даже умеренных похвал в адрес Шуйского. Более того, руководителем восстания против Самозванца автор С. называет князя Федора Ивановича Шуйского, которого не упоминают другие источники, и откровенно осуждает царя Василия за разрешение И. Курлятеву похоронить тело П. Ф. Басманова, известного сподвижника Лжедмитрия. Он резко порицает и царицу-инокиню Марфу Нагую, признавшую «расстригу» родным сыном, но все же «прощенную» новым правительством.

Вероятно, автор С. принадлежал к московскому приходскому духовенству. Он не скупится на сентенции религиозно-дидактического характера, обнаруживает начитанность в учительной литературе, датирует события по церковному календарю, а Самозванца обличает, как заметил Н. И. Левитский, прежде всего, за оскорбление религиозных чувств русских людей (Левитский Н. И. Лжедимитрий I, как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. С. 152—153). Создатель произведения хорошо знает топографию Москвы, в частности, пишет о том, что тела Лжедмитрия и П. Ф. Басманова выволокли из Кремля на «Пожар» в Китай-городе; разоблачавший Самозванца дьяк Т. Осипов был погребен в патриаршей слободе у церкви архангела Михаила; труп «злочестивого иконоборца» сожгли за Москвой, «по Серпуховской дороге в граде на Котле»; тело Т. Осипова, убитого стражей «расстриги», принес на свой двор и затем похоронил его духовный отец священник «с Сеней» Козьма. В числе тех, кто после воцарения Лжедмитрия начал его «познавать» и за это поплатился ссылкой и заточением или даже жизнью, публицист

указывает протопопов. Вместе с тем он не знает, в какие «дальние» монастыри были отправлены «расстригой» патриарх *Иов* и царевна *Ксения*. Примечательно, что в С. подчеркнута роль народа в только что свершившихся событиях. По распоряжению Самозванца именно народ разграбил «животы» Годуновых и встречал у Москвы невесту Лжедмитрия; именно «миру» велели бояре убить «расстригу», и «литва» была истреблена «по всему посаду», причем имущество погибших досталось «всему городу»; трупы Лжедмитрия и его «угодника» П. Ф. Басманова связали «на позор миру». Не раз отмечено в С. и активное участие стрельцов в событиях 1605—1606 гг.

Автор С., вероятно, сам был свидетелем многих из запечатленных в произведении событий, а об остальных писал по рассказам очевидцев или участников пережитой драмы. К устным источникам восходят его сообщения о вторжении «расстриги» в южнорусские уезды (характерно, что публицист четко различает северские и полевые города), об обличении Лжедмитрия Т. Осиповым. В С. отразились сомнительные слухи о вызывающем поведении иноземного окружения Самозванца во время его венчания с Мариной Мнишек, хотя в целом известия произведения достоверны. Так, например, документально подтверждается свидетельство о родстве П. Ф. Басманова с И. Курлятевым (см.: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. С. 266). По-видимому, автор знал вторую «окружную» грамоту Шуйского, в которой, как и в С., кардинал Мартин Малякрида называется «утвердителем римской веры». В С. можно даже уловить скрытую полемику с этой грамотой, оправдывающей поведение Марфы Нагой и «многих людей» Московского государства, поддержавших «расстригу» (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 107, 111—112, 114, ср. с. 101). Возможно, автору была известна «Повесть, како отомсти...» (см.: «*Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врата и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго*»). В обоих памятниках читаем о самоубийстве Бориса Годунова, о том, что Лжедмитрий I оставил в живых царицу Ксению, «дабы ему лепоты ее насладитися», и стал именоваться цесарем, приводится изречение Давида, подтверждением которого явилась гибель Самозванца. Уподобления последнего Темир-Аксаку, Батыю, Юлиану «законопреступнику» свидетельствуют о знании публицистом летописей и хронографов.

Составитель подборки материалов о Лжедмитрии I, сохранившей первоначальный текст С. (по предположению Е. Н. Кушевой, подборка возникла уже в 1606 г.), разделил произведение на главы. Но деление на главы не нарушает цельности С. Оно открывается традиционными для средневековой книжности рассуждениями о божественных наказаниях за грехи (таким наказанием и стало выступ-

ление «расстриги»), а завершается формулой «Мы ж востахом, исправихомся, Господи, спаси царя и услыши ны, во иже де(нь), аще призовем тя», имеющий аналогии в церковно-служебной литературе. Ср. подобную формулу в *Сказании о осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.* (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 273). Излагая перипетии движения Самозванца, автор соблюдает хронологическую последовательность, что служит признаком влияния летописной традиции. И все же, вопреки мнению Н. И. Левитского (Лжедимитрий I... С. 153), оно является не летописью, а исторической повестью.

Наряду с риторическими пассажами, в С. встречаем отрывки, написанные простым языком, близким к разговорной речи (таков рассказ о гибели «расстриги»). Говоря о «еретическом воинстве» Самозванца и отправке им даров королю Сигизмунду, автор использует польско-литовскую лексику («могирки», «клейноты»).

В переработанном виде С. было включено в хронографы, читающиеся в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 1465 (по этому списку оно было опубликовано) и № 1616. Списки Погодина не зависят друг от друга и восходят к какому-то списку, отличающемуся от ныне известных (в свою очередь, представленный в названных рукописях хронограф был использован в кратком летописце, дошедшем до нас в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1568). При включении в состав хронографа С. пополнилось вставками назидательного и фактографического характера, например, известиями о пребывании Марфы Нагой в Угличе накануне возвращения ее Самозванцем в Москву (известие ошибочное), о принятии царем Борисом перед смертью схимы (со ссылкой «нецыи же написаша», что, по наблюдению С. Ф. Платонова, является признаком сравнительно позднего происхождения хронографа). С. стало одним из источников пространной редакции «*Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его*» (иногда в литературе С. неправильно называется это последнее произведение). Заимствование из него налицо также в особой компиляции, в основу которой положен *Летописец Новый* (ГПБ, Q.IV.355, л. 11 об., 12).

Изд.: Четыре сказания о Лже-Димитрии, извлеченные из рукописей имп. Публичной библиотеки. СПб., 1863. С. 6—20; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 414—418.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21—97.

Я. Г. Солодкин

Сказание о роскошном житии и веселии — анонимное прозаическое произведение XVII в., входящее в круг памятников демократической сатиры. Дошло в единственном списке. С. представляет собой «антиутопию»: здесь изображена «смеховая» небывалая страна, где всего вдоволь и все каждому доступно, сказочный рай обжор и пьяниц.

Приписать это произведение русскому автору можно только с существенными оговорками. По-видимому, С. восходит, в конечном счете, к какому-то польскому тексту. Об этом говорят не только полонизмы в языке С. («мосяровый» — «медный», «кружцы» — «руды» и т. п.), но и тот «смеховой» маршрут, который в С. указывает «прямую дорогу до тово веселья». Путь-небылица начинается в Кракове, петляет по Малой и Великой Польше, по Швеции и Лифляндии, по многим украинским городам и по Литве, но не заходит в Великороссию. Малая Польша и ее столица Краков в XVII в., особенно в первой его половине, были средоточием польской смеховой литературы. Здесь сочинялись, здесь и печатались произведения «рыбалтов» и «совизджалов». В польской традиции XVII в. существует немало аналогов С., в которых изображался «антирай» — Kraj Jęczmienny (нем. Schlaraffenland) или Nowy Świat.

Аналоги С. есть и в украинской литературе — в частности, в так называемых «виршах нищенских», где вожделенная страна называется «Чучъманскими краями» (это, вероятно, искаженная передача выражения Kraj Jęczmienny) и Новым Светом. «Вирши нищенские» — это колядки, которые на святках распевали бродячие украинские школяры. Контраст между картинами раблезианского изобилия в колядках и бросающейся в глаза, нищетой исполнителей, выпрашивавших у слушателей доброхотные даяния, создавал особый комический эффект. Вполне возможно, что польский прототип С., прежде чем перейти в русскую литературу, какое-то время бытовал на Украине.

Однако в русской версии иноязычные и инокультурные черты практически стерлись. Анонимный автор наполнил С. национальными бытовыми реалиями. С. превратилось в текст, написанный ритмической прозой с частыми рифмами, что типично для стиля демократической сатиры. Русский автор коренным образом переработал иноземную «антиутопию» (именно поэтому поиски прямого источника С. в польской и украинской литературе не были и, по всей видимости, не будут успешными). Он ориентировался прежде всего на пословичные образцы и на стиль скоморошьих ритмизованных небылиц.

Европейская «антиутопия» пародировала жанр утопии, который в XVI—XVII вв. культивировали Т. Кампанелла, Томас Мор и др. (от последнего и пошло название жанра). Памятники русской демократической сатиры обычно пародируют какой-то распространен-

ный в письменности или в фольклоре жанр. Какой объект пародии имел в виду анонимный автор С.? Это не традиционные произведения древнерусской литературы о земном рае и не фольклорное царство с молочными реками и кисельными берегами, ибо к ним С. не имеет непосредственного отношения. По-видимому, автор первой русской «антиутопии» пародийно откликался на распространенные в России XVII в. слухи о далеких привольных странах — о Мангазее, «серебряных и золотых островах», Даурии, о богатом острове на «Восточном океане», где всего вдоволь, много земли непаханой и никто не берет податей.

Анонимный автор С. разрушал веру в эти легенды, начав с нарочито серьезного описания сказочного изобилия, а затем доведя это описание до абсурда и переведя его в план небылицы. Автор С. в образе смехового богатства сумел изобразить реальную и безысходную «наготу и босоту» социальных низов.

Изд.: ПЛ. СПб.. 1860. Вып. 2. С. 457—458; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 31—33. 151, 184—186; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 31—33, 151, 184—186; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 219—221; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 221—224. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 189—192; Звездочтец: Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 158—161. (Б-ка русской фантастики, т. 2).

Лит.: Панченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии. IV: (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии») // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 318—323.

А. М. Панченко

«Сказание о седми свободных мудростех» — русский перевод (или обработка) неустановленного латинского оригинала, датируемого А. И. Соболевским 1-й пол. XVI в. Некоторые отрезки текста написаны неравносложными рифмованными стихами. Полный текст С. получил распространение в русской письменности с 1-й пол. XVII в. См., например, списки: ГИМ, Чуд. собр., № 298 (96); Синод. собр., № 353, 623, 933; собр. Уварова, № 1707 (45); ГБЛ, собр. Румянцева, № 376; собр. А. Н. Попова, № 66; собр. Большакова, № 318. Однако сам перевод может быть предположительно датирован концом XVI в. на основании следующих соображений. В. И. Аннушкин, исследователь первой русской «Риторики», приписывавшейся Новгородскому митрополиту *Макарию*, установил, что одно из предисловий к «Риторике», которое читается в наиболее раннем списке памятника (ГИМ, Синод. собр., № 933, 1620 г.) и которое Д. С. Бабкин опубликовал как оригинальное русское сочинение, представляет собой извлечение из С. (глава, посвященная «Риторике»). Тот же исследователь установил текстуальную связь главы о «Риторике» из С. с начальными статьями первой русской «Риторики» (в целом эта

«Риторика» представляет собой перевод учебника Филиппа Меланхтона в обработке Луки Лоссия) и высказал на этом основании предположение, что переводчик «Риторики» и С. — одно лицо. Если В. И. Аннушкин думает, что перевод «Риторики», а следовательно и С. — московского происхождения, а время перевода не относит далеко от даты старшего списка, то Т. В. Буланина полагает, что «Риторика» появилась в конце XVI в. в одной из западнорусских школ. Перевод С., как и перевод «Риторики», вполне правомерно привязать к Западной Руси конца XVI в., где сложился настоящий культ свободных наук («мудростей»).

С. или отдельные его части использовались, помимо первой «Риторики», и в других восточнославянских сочинениях. Похвала первой из семи мудростей, читающаяся в «Грамматике» *Мелетия Смотрицкого*, очевидно, восходит к латинскому оригиналу С. То же С. послужило источником для «Книги избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» *Николая Спафария* (1672 г.), а из последней, в свою очередь, сделана выборка, озаглавленная «Мудрость, или описание седми свободных художеств, как что в себе содержит. Из еллинского диалекта изследованны во словенский язык чрез Николая Спафария лета Господня 1673-го» (известна в трех списках: Одесская гос. научная библиотека им. А. М. Горького, № 1/46; ГПБ, Q.XVII.29 — без окончания; ГБЛ, Рогожское собр., № 26). Возможно, С., в числе других источников, пользовались авторы пьесы нач. XVIII в. — *Действа о семи свободных науках.*

Изд.: Мелетий Смотрицкий. Грамматика. М., 1648. Л. 40—44 (фрагмент); Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 407—408 (фрагмент); Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1. С. 614—616 (фрагмент); Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 336—337 (фрагмент); Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост., переводы и общая вступ. ст. А. И. Рогова. М., 1973. С. 146—150 (фрагмент); Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 141—153.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 166—169; Белоброва О. А. 1) К изучению «Книги избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 307—317; 2) Аллегории наук в лицевых списках «Книги избраной вкратце...» Николая Спафария // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 107—120; 3) Из литературной истории некоторых сочинений Николая Спафария // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 73—78; 4) Об источниках миниатюр к сочинениям Николая Спафария 1670-х гг. // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 414—434; Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика»: (Из истории риторической мысли). М., 1989. С. 20—24. («Лекторское мастерство». 1989. № 8).

О. А. Белоброва, Т. В. Буланина

Сказание о Словене и Русе (в рук.: «Написание о зачале в Славенорустей земли первоначальнаго Великого Новаграда»; «История о зачяле Руския земли и создании Новаграда»; «Начало Словенску, еже есть Великий Новград именуетца» и др.) — новгородское по происхождению легендарно-историческое сочинение, рассказывающее о происхождении славян и начале Русского государства. С. впервые появляется в сборниках конца 1630-х—нач. 1640-х гг., причем в таких, которые переписаны за пределами Новгорода: ГБЛ, собр. Андронова, № 2, л. 136—137 об., ок. 1638 г. — великоустюжская рукопись; ГИМ, собр. Уварова, № 1819 (553) (396), л. 193 об.—202, ок. 1642 г. Кроме того, А. С. Мыльников обнаружил следы знакомства с грамотой Александра Македонского, являющейся частью С., в стихотворном панегирике профессора Торуньской гимназии Конрада Тамнитиуса, посвященном матери польского короля Яна Казимира (1640 г.). Начиная с древнейших списков, в заглавии С. читается указание «[Выписано] из История (*так!*) печ. Киевского», которое прежние исследователи, датировавшие С. более поздним временем, ошибочно рассматривали как ссылку на «Синопсис» *Иннокентия Гизеля* (1674 г.).

С. представляет собой комплекс этногенетических легенд, возводящих этнонимы и топонимы, особенно новгородские топонимы, к именам потомков Ноя, с рассказа о разделении земли между которыми после потопа и начинается произведение. Правнуки Иафета Скиф и Зардан (вариант: Казардан) переселились из западных стран в Причерноморье («Ексинопонт»), позднее их потомки получили название Великой Скифии. К роду Скифа, согласно С., принадлежали братья Словен, Рус, Болгар, Коман и Истр («Истер»), равно как хозары («от сих же племени во время последнее и коган сыроядец ускочи»). Из-за возникшей усобицы Словен и Рус со своими людьми переселились на север, и случилось это в 3099 г. от Сотворения мира.

После долгих странствий переселенцы достигли озера Мойска, получившего затем название Ильмень («Илмерь»), в честь сестры Словена и Руса. На берегу реки Мутной, переименованной в честь старшего сына Словена в Волхов, князь построил город Великий Словенск, со временем получивший название Новгорода. Рус же основал Русу, впоследствии Старую Русу. Подобным образом вся новгородская топонимика производится от имен княжеских родичей. Старший сын Словена Волхов, в соответствии со своим именем, был колдуном и прорицателем, он мог преображаться в крокодила и наводил страх на непокорных. «Невегласии» почитали его богом и называли Перуном, в честь которого Волхов основал «градок мал на месте Перыня». Б. А. Рыбаков усматривает в легенде о Волхове отражение древнего местного культа (см.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 259—260).

Сыновья и внуки Словена и Руса в своих походах достигли Ледовитого океана, Урала и страны за горами, «рекомой Скирь, иже

есть Сибирь». Александр Македонский, не имея возможности покорить славянских князей «ради далняго разстояния пуста и неудобопроходных морских вод и превысоких гор», послал им грамоту со «златокованным гербом», в которой подтвердил за ними и их потомками право владеть землями «от моря Варяжскаго до моря Хвалимского». В старшем списке дается рисунок печати Александра Македонского с изображением распластанной одноглавой птицы (ГБЛ, собр. Андронова, № 2, л. 138). Грамота была повешена князьями в святилище, справа от идола Велеса. Согласно С., Великий Словенск дважды приходил в запустение и дважды возрождался славянами, являвшимися с Дуная вместе с сородичами — болгарами и скифами.

После второго возобновления Словенска, он был построен ниже по течению Волхова, а «старейшиной и князем» его стал Гостомысл. Отсюда славянские племена расселились по всей Восточной и Юго-Восточной Европе. Гостомысл, потомки которого умерли еще при жизни, посоветовал новгородцам призвать из Прусской земли самодержцев «от рода Августова». С. заканчивается приходом Рюрика, названного здесь «курфистром или князем великим».

С. появилось в результате развития и приспособления к местным условиям легенды о Чехе и Лехе, впервые зафиксированной в Великопольской хронике XVI в., а позднее трансформировавшейся в легенду о Чехе, Лехе и Русе — родоначальниках соответствующих славянских народов. Рус, игравший в западнославянских легендах скромную роль младшего брата или потомка Леха, становится в С., наравне со Словеном, предком всех славянских народов. Новым в русской историографии было утверждение С. о родстве славян с кочевыми народами, прежде всего, скифами (ср. польскую сарматскую теорию). Но самым главным отличием С. от *Повести временных лет* в представлениях об этногенезе славян является то, что их прародиной признается Новгород. Разрыв с концепцией Повести временных лет скрадывается тем обстоятельством, что С. повествует о более древних временах, чем киевская летопись. Из источников С., помимо ПВЛ и *Сказания о князьях владимирских*, использованных в заключительной части произведения, следует указать на грамоту Александра Македонского, латинские списки которой известны с XV в. Грамота, включенная в С., по-видимому, восходит к польскому оригиналу, на что указывает форма «Марша» (Марса) и употребление слова «лист» в значении «послание». Не исключено, что текст ее заимствован из *Хроники Мартина Бельского*, русский перевод которой существовал с 1584 г. Относительно оригинала грамоты, в С. изменены лишь адресаты и география пожалований.

Наличие в С. некоторых сибирских мотивов (страна «Скирь», сибирское название соболя — «дынка») дало А. В. Лаврентьеву основание атрибутировать произведение Новгородскому митрополиту *Киприану* (1626—1634 гг.), бывшему до того архиепископом Тобольским и Сибирским (1620—1626 гг.). Не лишено вероятия и предпо-

ложение, что какая-то ранняя версия С., утверждающего исключительное значение Новгорода в славянской и русской истории, могла возникнуть в годы шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.). В таком случае, С. могло обосновывать право Новгорода на выбор государя для себя и для всей России. Идея об этническом родстве славян и скифов не была вполне чужда новгородской письменности этого времени. Ср. *Повесть о видении в Новгороде*, где рассказывается, что «бысть явление в Скифополской стране, иже нарицается в Великом Новеграде».

В сер. XVII в. С. было включено в *Летописный свод патриарший 1652 г.* и тем самым признано официальной версией начальной русской истории. Свидетельством широкой его известности во 2-й пол. XVII в. могут служить и критика С. *Юрием Крижаничем*, для которого свод 1652 г. являлся основным источником сведений по русской истории (Юрий Крижанич. Политика / Подгот. В. В. Зеленина, пер. и комм. А. Л. Гольдберга. М., 1965. С. 283—284), и перевод грамоты Александра Македонского на латинский язык, осуществленный, как установил А. С. Мыльников, ок. 1665 г. участником посольства Августина Мейерберга Себастианом Главиничем (издание см.: Pfister F. Das Privilegium Slavicum Alexanders des Großen // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Bd 6, H. 3. S. 343).

Во 2-й пол. XVII—XVIII вв. С. использовалось во многих исторических компиляциях, в том числе в Латухинской Степенной книге *Тихона Макарьевского*, в исторических сочинениях *Тимофея Кифича Каменевича-Рвовского*, в анонимном «Кронике Псковском», Иоакимовской летописи (см. *Иоаким, епископ Новгородский*) — какой бы реальный памятник ни стоял за этим источником В. Н. Татищева, в *летописях Новгородской Забелинской* и *Новгородской Погодинской*, в «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии», в «Кратком описании народа славенскаго» П. Н. Крекшина. Текстом С. дополнялись (порой оно приплеталось в начале кодекса) списки более ранних летописей, в частности, *летописей Никаноровской, Холмогорской, Никоновской* (в списке *Арсения Суханова*), списки Степенной книги (см. *Афанасий, митрополит*). В XVIII—XIX вв. к С. обращались авторы провинциальных летописцев (см., например, Углицкий летописец), его охотно использовали и авторы фальсификатов — от А. И. Сулакадзева до составителей «Влесовой книги».

Количество списков С. не поддается учету. Текст произведения достаточно устойчив, если не считать того, что в летописном повествовании памятник мог разбиваться на отдельные фрагменты, размещавшиеся между другими известиями в соответствии с хронологической сеткой. Так поступил *Исидор Сназин*, составитель Мазуринского летописца. Различия между списками, положенные в основу их классификации А. Л. Гольдбергом, не носят принципиального характера.

С. как памятник, рассказывающий о древнейшей русской истории, рано привлекло внимание ученых. При этом В. Н. Татищев категорически причислял его к разряду «баснословий», а М. В. Ломоносов усматривал в нем, особенно полемизируя с Г. Ф. Миллером, отзвуки исторической действительности (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 38, примеч. 5, 194—195, 296, 554—555).

Изд.: Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1798. Ч. 1. С. 1—12; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1. Примеч. 70 (пересказ); Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 442—447; Гиляров Ф. Предания русской Начальной летописи: Приложения. М., 1878. С. 15—22; ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 137—141; М., 1968. Т. 31. С. 11—12, 13, 27—28, 36; Л., 1977. Т. 33. С. 139—142.

Лит.: Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. М., 1927. Т. 21. С. 254—270; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 95—96; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 40, примеч. 35, 45—55, 73, 76, 77, 87, 130, 132, 152, 155, 158, 160, 162, 164, 166, 167, 169, 171, 172, 174, 177, 181—182, 186, 189, 191, 195, 260; Николаева М. В. О некоторых источниках «Подробной летописи»: («Синопсис», «Сказание о граде Славенске») // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 344—348; Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 50—63; Лаврентьев А. В. 1) Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 11; 2) Летописный свод 1652 года как источник для изучения русской средневековой повести XV—XVII вв. // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 164—168. (Труды ГИМ, вып. 71); Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 192; Лаврентьев А. В., Турилов А. А. «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. Тезисы 15 конференции. М., 1996. С. 19—25; Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 45—94, 138—203.

Д. М. Буланин, А. А. Турилов

Сказание о Соловецком монастыре — одно из произведений соловецкого цикла, рассказывающих о каменном строительстве на Соловках при митрополите *Филиппе II*. С. невелико по объему, нач.: «В отоце великаго моря окияна рекомаго Студенаго есть монастырь...». Литературный сюжет в С. отсутствует, дано словесное изображение церкви Преображения, с приделами Зосимы и Савватия, архангела Михаила, Феодора Стратилата, Иоанна Лествичника, собора 70 апостолов, 12 апостолов, церкви Успения с трапезной и приделами Иоанна Предтечи и Димитрия Солунского, церкви Николая Чудотворца.

С. известно в двух вариантах. В большинстве списков (ГПБ, собр. Погодина, № 1553, л. 222 об.—225, сер. XVII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 840, л. 101—102, конец XVII в.; ГПБ, Соф. собр., № 1521, л. 264 об.—267, 1-я пол.—сер. XVII в.; ГБЛ, собр. ОИДР, № 225, л. 403—404, XVIII в.) оно озаглавлено «Сказание о святей и

велицей обители Соловецкой, како стоит, и о чину монастырском, как есть», хотя о «чину монастырском» в нем не говорится ни слова. Надо отметить, что состав сборников из собраний Уварова, Погодина и ОИДР почти идентичен (различаются лишь 3—4 статьи), они явно восходят к одному протографу, составителя которого интересовала история строительства монастырей и церквей (см.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 317—319; Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 86—92; Строев П. М. Библиотека имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 107). Другой вариант читается в списке ГПБ, Q.XVII.305, л. 251—253, 2-я пол. XVII в., где произведение озаглавлено «Сказание о Соловецком монастыре», а в конце, вместо сообщения о приделе Димитрия Солунского, говорится о количестве братии в монастыре (270 человек) и описывается его крепостная стена. Поскольку придел Димитрия Солунского был освящен в 1605 г., можно предположить, что перед нами две редакции: первая — конца XVI в. и вторая — созданная после 1605 г. Нельзя исключить, однако, и обратную последовательность: фраза о количестве братии и о стене могла быть включена в текст позднее.

С. текстологически очень близко *«Сказанию о Филиппове строении»* и обнаруживает сходные мотивы с *Написанием о Соловецкой обители*. Эти три произведения в процессе их переписки постоянно влияли друг на друга (см. в статье «Написание о Соловецкой обители»), поэтому невозможно установить хронологический порядок их создания. Г. Г. Латышева, которой С. было известно только в списке ГПБ, Q.XVII.305, считала, что оно послужило источником «Сказания о Филиппове строении». Ее аргументация строилась на том, что в «Сказании о Филиппове строении» уже говорится о приделе Димитрия Солунского и поэтому хронологически оно является более поздним. Не отрицая возможности того, что составитель «Сказания о Филиппове строении» использовал С. первой редакции (хотя он мог пользоваться и второй редакцией), укажем и другой возможный вариант взаимоотношения текстов: С. могло быть просто выдержкой из «Сказания о Филиппове строении». Если принять такую версию, то становится понятным происхождение заголовка, читающегося в большинстве списков, так как о «чину монастырском» говорится именно в «Сказании о Филиппове строении», а не в С. Памятник остается неизданным.

Лит.: Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. М., 1974. С. 39—40.

Н. А. Охотина

Сказание о убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы — произведение, сюжетно соотносимое с *Повестью о зачале Москвы*. В отличие от последней, С. совершенно отступает от исторического правдоподобия: в нем рассказывается, как князь Даниил Александрович Суздальский был убит братьями Кучковичами по наущению влюбленной в них княгини Улиты. Узнав о гибели Даниила, его брат Андрей расправляется с заговорщиками и на месте их «сел красных» основывает Москву. Исторический Даниил княжил в Москве в конце XIII—нач. XIV в., а изложенная в С. история его гибели — это литературная реминисценция из Повести о зачале Москвы, в которой рассказывается об убийстве *Андрея Боголюбского* теми же Кучковичами, по наущению княгини Улиты, но там жена князя Андрея — не возлюбленная Кучковичей, а их сестра. Источниками С., помимо Повести о зачале Москвы, явились паремийное чтение о Борисе и Глебе и, вероятно, какие-то устные легенды.

Автор С. неизвестен. Его атрибуция *Тимофею Каменевичу-Рвовскому* представляется неосновательной. С. было создано не ранее 2-й четв. XVII в., но до составления *Летописи Новгородской Забелинской*, в составе которой уже находится С., и при этом не в своем первоначальном виде. Первоначальный вид С. читается в сборнике ГИМ, Музейское собр., № 3996 в составе летописца. Кроме того, оно известно в более пятидесяти списках XVII—XIX вв.

С. привлекало внимание своей сюжетной занимательностью. В XVIII в. его использовал как исторический материал А. П. Сумароков в статье «О перьвоначалии и созидании Москвы», опубликованной в январском номере «Трудолюбивой пчелы» за 1759 г.

Изд.: Сказание о начале Москвы / Сообщено А. Д. Чертковым // ВОИДР. 1851. Кн. 11. Отд. III. С. 25—29; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск, 1864. С. 185—190; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Т. 4. С. 157—162; Лопарев Х. М. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. СПб., 1901. (ПДПИ, вып. 141); Забелин И. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 30—36; Тихомиров М. Н. Древняя Москва: (XII—XV вв.). М., 1947. С. 13, 216—222; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 74—81, 235—242, 376—384; Салмина М. А. Особая редакция «Сказания о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 316—321; Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 199—244; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы / Подгот. текста и примеч. М. А. Салминой // «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 576—580; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // Русское историческое повествование XVI—XVII веков / Сост., предисл., подгот. древнерусских текстов, пер. и примеч. Ю. А. Лабынцева. М., 1984. С. 149—161, 327—328. («Сокровища древнерусской литературы»); Повесть о начале царствующего града Москвы / Пер. Т. А. Ивановой и Ю. С. Сорокина // «Изборник»: Повести Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1986. С. 295—300; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 123—127; Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 203—210. («Сокровища древнерусской литературы»); Древнерусские повести / Ред.-сост. И. Остапенко. Пермь, 1991. С. 191—197 (пер. на русс. яз.).

Лит.: Татищев В. Н. История российская с древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. Примеч. 418; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 2.

Примеч. 301; Смирнов С. Сказания русских летописцев о начале Москвы и свидетельства иностранных писателей XV и XVI века о ее состоянии // ЖМНП. 1849. Ч. 62. Отд. VI. С. 36—40; Буслаев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонравова. М., 1862. Т. 4. С. 11—13; Беляев И. Сказания о начале Москвы // Русский вестник. 1868. Т. 74, март. С. 5—26; Забелин И. История и древности Москвы // Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 130—132; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 59—70, 75—92; Тихомиров М. Н. Сказания о начале Москвы // ИЗ. 1950. Т. 32. С. 236—241; Салмина М. А. 1) К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 231—234; 2) «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник // Там же. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 272—280; Топоров В. Н. 1) Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования — 1981 г. М., 1982. С. 44—45; 2) О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // Там же — 1982 г. М., 1983. С. 223—227.

М. А. Салмина

Сказание о Унженском кресте см. *Повесть о Марфе и Марии.*

«Сказание о Филиппове строении» — произведение из цикла памятников, рассказывающих о строительстве на Соловках во 2-й пол. XVI в. (ср. *Написание о Соловецкой обители, Сказание о Соловецком монастыре*). Написано не ранее 1605 г. и представлено двумя редакциями: более ранняя редакция известна по трем спискам (ГПБ. O.XVII.15; ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 1837; ф. 236, собр. А. Н. Попова, № 37), вторая редакция содержится в списке сер. XVIII в. ГПБ, Q.I.1038. Более ранняя редакция текстуально ближе Сказанию о Соловецком монастыре, которое, по мнению Г. Г. Латышевой, послужило для нее основным источником. В свою очередь, вторая редакция текстуально ближе статье «О строениях», которая в рукописях переписывалась вместе с «Повестью о Филиппе». Все эти факты установлены Г. Г. Латышевой в связи с изучением истории текста *Жития Филиппа митрополита*. Как показала Г. Г. Латышева, вторая редакция С. ближе соответствующему месту Жития Филиппа Колычевской редакции. Видимо, глава «О устроении мельницы» из Жития Филиппа Колычевской редакции послужила дополнительным источником для С. второй редакции, а сведения о монастырских службах и о кирпичном заводе заимствованы в этой редакции из Написания о Соловецкой обители. Два названных дополнительных источника С. об одном и том же периоде деятельности Филиппа на Соловках независимы друг от друга. Памятник остается неизданным.

Лит.: Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. М., 1974. С. 38—41.

Р. П. Дмитриева

Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича — произведение XVII в., рассказывающее о событиях эпохи Смуты. Принятое в научной литературе заглавие памятника лишь в незначительной степени отражает его содержание. Царю Феодору и его царствованию в С. уделено места меньше, чем другим главным героям, и лишь постольку, поскольку события, рассказ о которых составил первую часть С., произошли в его правление. В большей мере отражает содержание С. существующее в рукописной традиции (с небольшими разночтениями) пространное заглавие: «Сказание о царстве царя и великого князя Феодора Иоанновича, и о убиении брата его царевича Димитрия Иоанновича, и о царствии злопрелестника и святоубийца Бориса Годунова, и о прелести злопроклятого еретика Гришки Отрепьева». Однако и это заглавие передает не все главные разделы С. Частичное несоответствие заглавия С. его содержанию обусловлено тем, что автор использовал два разных источника — *«Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя, еретика розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Углецкаго»* и *Житие Димитрия Углического* из Миней *Иоанна Милютина*. С. полностью сохраняет идейное содержание источников: публицистическую направленность и обличения *Бориса Годунова* и *Григория Отрепьева* и прославление Феодора Иоанновича и Василия Шуйского. В заключительной части автор С. акцентирует внимание на избрании царем Василия Шуйского и начальном периоде его царствования, снабдив рассказ об этом особым подзаголовком: «О царствии государя царя и великаго князя Василья Иоанновича всеа России».

То обстоятельство, что автор С. почти не изменяет почерпнутые из своих источников сведения и факты, не выходит за хронологические границы этих источников и сохраняет их идейное содержание, вызвало предположение о возникновении памятника в 1620-х гг. Однако это предположение нуждается в более основательных текстологических и палеографических доказательствах. Предпочтительнее выглядит датировка С. Ф. Платонова, который, основываясь на том, что С. сохранилось только в списках XVIII в., перечисленных в его книге, и на особенностях языка С., относил его создание к концу XVII в. Следует отметить и то, что литературная манера автора С. не находит аналогий ни в одном произведении 1-й трети XVII в. По словам В. П. Адриановой-Перетц, С. обнаруживает «явные признаки бытового повествования».

Литературные особенности С. вытекают из отношения его автора к источникам. В отличие от других писателей, которые старались сохранить заимствованный материал в неизменном виде, автор С. обращается с источниками чрезвычайно свободно. Например, чтобы ярче оттенить роль Василия Шуйского как организатора восстания

против Лжедмитрия I и показать его авторитет в народе, он замалчивает общеизвестный факт возвращения Шуйского из ссылки самим самозванцем. Вместо этого автор пишет, что Шуйского вернули москвичи, когда им «омерзело» поведение Отрепьева. Используя отдельные выражения источника, он сознательно изменяет их так, что они приобретают совершенно другой смысл. Например, в «Повести, како восхити...» быстрое продвижение Лжедмитрия I к Москве объясняется тем, что все города сдавались ему добровольно, «а за щитом богомерзкий он не взя ни единоя веси» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 159). В С. эти слова выражают совсем другую мысль: «А шел он окаянный в то время за щитом, нелзя никоторыми делы его вскоре узнать».

Автор С. легко вводит новые факты, причем всегда либо вымышленные, либо имевшие место в другое время и при других обстоятельствах. К ним относится, например, сообщение о том, что царевича Димитрия сопровождали в Углич огромная свита и «четыре приказа стрельцов». Из того, как автор изображает действительные, многократно описанные до него события, видно, что он не считал себя обязанным придерживаться подлинных фактов и давал волю собственной фантазии. Трудно допустить, что он действительно считал не «тушинского вора», а Лжедмитрия I отцом сына Марины Мнишек, или что он считал, будто Василий Шуйский, умерший раньше Марины, сперва отправил ее в ссылку, а потом велел вместе с сыном «в струбе сожещи».

Схематичные описания событий и краткие упоминания о них в источниках становятся в С. сюжетной основой обширных и вполне завершенных рассказов. Так, например, беглое сообщение «Повести, како восхити...» о пристрастии Бориса Годунова к волшебству превращается в С. в пространную и насыщенную вымышленными подробностями сцену волхвования. При этом автор всегда стремится достичь в своих вставках полной убедительности. В отличие от предшественников, рисовавших поведение героев условно-этикетными формулами, он сопровождает каждый рассказ конкретными деталями и подробностями, настолько жизненно убедительными, что создается обманчивое впечатление полного правдоподобия всей картины. Наглядным примером может служить сцена убийства царевича Димитрия. Убийцы спрятались под лестницей. «И как царевич пошел по леснице и будет посреди лесницы, и дьяк Мишка Битяговской скоро вскочил ... и ухватил его ... сквозь лесницу за ноги, сын же его, Данилка, за честную его главу..., племянник же Микитка Качалов вынял нож и заколол его».

Существенные расхождения с источниками наблюдаются в изложении причин случившихся событий. Традиционное провиденциальное объяснение остается главным и в С., но оно, видимо, не удовлетворяет автора, поэтому он пытается вскрыть реальные при-

чины, а если не находит их, прибегает к вымыслу. Причины признания беглого монаха сыном *Ивана IV Грозного* он объясняет с помощью вымышленных деталей. Во-первых, в городах, через которые самозванец шел к Москве, не было людей, знавших его раньше; во-вторых, тот скрывался «за щитом», так что узнать его было невозможно; в-третьих, он «власами оброс и мужеством возмужал и пременился в лице». Русские люди считали, что он послан свыше в наказание Борису Годунову, и радовались, ожидая избавления от Бориса, а те, кто узнал в самозванце Отрепьева, молчали «страха ради смертнаго». Однако автор С. не всегда справляется с полетом своей фантазии и часто впадает в противоречия. Стремясь подчеркнуть важность участия в событиях Василия Шуйского, он помещает рассказ о том, как Лжедмитрий задаривал Шуйского, боясь разоблачения, поскольку боярин знал его еще диаконом Чудова монастыря. С другой стороны, Шуйский будто бы долгое время не узнавал расстригу, т. е. считал его настоящим царевичем Димитрием, чего не могло быть, поскольку, как сообщается в начале С., Шуйский сам хоронил подлинного царевича. Чувствуя, вероятно, это противоречие, автор С. прибегает к спасительной формуле: «уж то так Богу изволившу попустити грех ради наших».

Значительно сложнее, чем в источниках С., становятся в нем образы главных героев. Если в «Повести, како восхити...» сделан только первый шаг к изображению различных сторон характера Годунова, то в С. ему дается развернутая и разносторонняя характеристика. Годунов — преступник и злодей, увлеченный предосудительным чародейством, преследователь бояр, но, с другой стороны, он был «человечен и велеречен, и умом превзыде многих; и Бог его одарил паче человек умом и человечеством». Еще бóльшую выразительность, по сравнению с Житием царевича Димитрия, на основе которого строится первая часть С., приобретает в нем образ царя Федора. Благодаря развернутой прямой речи, использованию разговорной лексики, которая меняется в зависимости от обстановки, благодаря передаче психологических побуждений царя в разных ситуациях он предстает в С. не в схематичном иконописном изображении, а наделенным общечеловеческими положительными качествами. Он мягок, добр и доверчив, но при необходимости может быть твердым и мужественным. Что касается образов двух других главных героев С. — Отрепьева и Василия Шуйского, то они почти не претерпели изменений по сравнению с «Повестью, како восхити...», поскольку заимствования из этого источника подверглись переработке в меньшей степени, чем заимствования из Жития.

В С. сохраняются многие характерные признаки стиля исторических повестей нач. XVII в. — дидактизм и риторика, оценочные

эпитеты, метафоры, пышные сравнения из богослужебной литературы, цитаты из Евангелия и библейских книг. Вместе с тем внимание к бытовым реалиям, попытка передать душевные побуждения героев привели к заметному упрощению стиля и языка. Показательным примером служат многочисленные афористические высказывания, к которым автор обнаруживает большое пристрастие. Наряду с книжными изречениями, в С. часто встречаются простонародные выражения: «и праведнику смерть страшна, не токмо что простому человеку»; «чего возжелал, то и получил» и т. д. Еще более это заметно в прямой речи героев. Автор С. постоянно обращается к устному народному творчеству. Фольклорные заимствования видны и в словах царя Федора, и в афоризмах, отразивших народную мудрость, но с наибольшей силой они проявляются в плаче царицы Марии Нагой. Этот плач — подлинная похоронная причеть. В. П. Адрианова-Перетц писала, что «по свежести выражения подлинного материнского горя этот плач может быть признан одним из старших образцов нового реалистического стиля в литературе XVII в.».

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 755—836.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 413—418; Адрианова-Перетц В. П. 1) Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 149—150; 2) Исторические повести XVII века и устное народное творчество // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 76—77 (то же в кн.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 74—76); История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 67—68; Лихолат С. В. Литературные особенности историко-публицистических произведений начала XVII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1963. С. 4, 16—18.

Г. П. Енин

Сказание о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских — памятник севернорусской агиографии XVII в., посвященный двум соловецким инокам, утонувшим в Унской губе Белого моря и ставшим предметом местного почитания. Со временем над их мощами возник Пертоминский монастырь, первый храм которого был освящен в 1619 г. После чудесного спасения Петра I, случившегося около этого монастыря в 1694 г., состоялось освидетельствование мощей Вассиана и Ионы.

С. соединяет в себе жанр видений и жанр чудес; собственно агиографическая часть отсутствует, за неимением каких-либо сведений о жизни преподобных. Автор лишь сообщает, что они были учениками *Филиппа II*, митрополита Московского, когда он был соловецким игуменом, и что гибель их произошла в 1566 г. Соловецкие летописцы подтверждают эти сведения, но указывают, что герои С. утонули в июне 1561 г. и что вместе с пертоминскими чудотворцами погибли

Иоанн и Логгин Яренгские (ср. *Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских*). Прежним исследователям С. было известно только в списках XVIII—XIX вв., история его текста оставалась неизученной.

Обнаруженные в настоящее время списки С. можно разделить на три редакции. Первая — краткая редакция («Явление и чудеса преподобных и богоносных отец наших пустынножителей Вассиана и Ионы, Пертоминскаго монастира, во Унских рогах») читается в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 810, включающей и другие жития северных святых. В сборнике сохранилась владельческая запись 7152 (1644) г. Однако по филиграням рукопись можно датировать 1660—1670-ми гг., так что запись, по-видимому, восходит к источнику рукописи. С. представляет собой небольшое произведение, где рассказы о чудесах перемежаются с главами, описывающими создание Пертоминского монастыря. Факты, изложенные в С., подтверждаются грамотой 1621 г. (БАН, Арханг. собр., Д. 596, л. 15), где пересказывается челобитная игумена *Иакова*. В ней кратко изложена история основания монастыря, в частности, сооружение в 1599 г. часовни над мощами Вассиана и Ионы иноком Мамантом. Произведение заканчивается описанием ряда чудес, из которых можно выделить два последних, где фигурируют московский дьяк Иван Болотников и князь Феодор Хилков. В пространной редакции эти чудеса дополнены сведениями о пожертвованиях, сделанных в монастырь названными лицами; в числе дарителей назван и Андрей Васильевич Хилков, умерший в 1644 г. Можно предположить, что краткая редакция была составлена до этого времени.

Пространная редакция («Сказание о проявлении, и о обретении, и о чудесех преподобных отец наших Вассиана и Ионы, иже на примории Студенаго моря великаго океана в затоце во Унских нарицаемых рогах пертоминских чудотворцев») представлена шестью списками, которые несколько отличаются друг от друга. В пространной редакции первоначальное С. было обработано в соответствии с канонами агиографического жанра. Появились обширное вступление и заключительная часть. Основным источником для пространной редакции послужил текст краткой, частично переработанный и значительно расширенный. С. было дополнено пятью чудесами, заканчивающимися обширным повествованием о приходе Петра I в Пертоминский монастырь во время его путешествия на Соловецкие острова, после чего были освидетельствованы мощи Вассиана и Ионы. Игумен получил предписание «приити в Москву, да тамо, сочинивше службу преподобным от чудес, повелением царевым в тиснение предати...». Одним из источников рассказа о пребывании Петра I в монастыре послужило произведение, приписываемое *Афанасию, архиепископу Холмогорскому*, — «О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексиевича ... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших...» (М., 1783). Однако архиепископ не упоминает

в своем сочинении о канонизации преподобных. С. сообщает, что «...в неверствии бяше архиепископ исперва ко святым...», только благодаря чудесному видению он изменил свое к ним отношение. Сюжет, связанный с путешествием Петра I в Соловецкий монастырь, нашел отражение и в записках иностранцев, и в фольклоре. Но сведения С. оригинальны, видимо, они опираются на местные монастырские записи. Завершает пространную редакцию еще несколько чудес. В наиболее раннем ее списке, принадлежавшем Соловецкой библиотеке (ныне Архив Музея истории религии, колл. 3, оп. I, д. 48), последнее чудо датируется 1706 г. Два более поздних списка (ГПБ, Солов. собр., № 189/189, сер. XVIII в.; № 182/182, XVIII—XIX вв.) содержат еще два чуда. Причем в наиболее позднем из чудес фигурирует келарь Варсонофий, который стал строителем монастыря в 1708 г. Таким образом, можно предположить, что ранний вариант пространной редакции был составлен между 1706 и 1708 гг. Поздний вариант относится к периоду до 1725 г., так как в С. нет упоминания о смерти Петра I, которая не могла быть не замечена автором (Никодим, иеромонах. Верное и краткое исчисление... С. 48). В рукописях Соловецкого собрания находятся тропарь, кондак и молитва Вассиану и Ионе, а в сборнике ГПБ, Солов. собр., № 182/182 — служба святым.

В 1822 г. игуменом Пертоминского монастыря Логгином была составлена «Памятная книга» Пертоминского монастыря (БАН, Арханг. собр., Д. 596), в которой, наряду с копиями грамот XVII—XIX вв., находится и пространная редакция С. Список редакции — неполный. Отсутствуют вступление и ряд чудес. История о посещении монастыря Петром I помещена отдельно. Объясняется это тем, что рассказ о путешествии Петра заимствован не из С., а из произведения архиепископа Афанасия. К пространной редакции можно также отнести списки С., читающиеся в рук. Соловецкой библиотеки, № 947 (нынешнее местонахождение неизвестно) и в сборнике, принадлежавшем В. О. Ключевскому, а ныне хранящемся в ГИМ, Музейское собр., № 1510.

Существует, наконец, особая редакция памятника («Сказание вкратце о пертоминских чудотворцах, Вассиане и Ионе»). Это небольшой по объему текст, читающийся в *Патерике Соловецком* (ГПБ, Соф. собр., № 452, конец XVII в.). Одним из источников особой редакции послужил Соловецкий летописец, сообщающий о гибели пертоминских и яренгских чудотворцев в 1561 г. Интересно, что в летописце, помещенном в этой же рукописи, нет отдельного известия о гибели Иоанна и Логгина Яренгских. Возможно, это первая попытка объединить даты смерти пертоминских и яренгских чудотворцев. Коснувшись обстоятельств погребения Вассиана и Ионы, автор редакции не рассказывает о чудесах, но сразу переходит к подробному описанию деятельности строителя монастыря Михаила Харзеева (1675—1689 гг.). В С. сообщается, что он «иде в царствую-

щий град Москву и возвести» царю *Феодору Алексеевичу* и царевнам «о учениках святителя Филиппа». Видимо, результатом этой поездки стали многочисленные льготы, дарованные монастырю. С. заканчивается известием о построении двух храмов «строением и рачением» того же иеромонаха Михаила. Сам он вряд ли был автором особой редакции, так как освящение храма Успения, о котором сообщает С., состоялось в 1692 г., в то время как Михаил Харзеев за многочисленные преступления был, усилиями архиепископа Афанасия, задержан в Москве и выслан в Тобольск в 1690 г. (Верюжский. Афанасий... С. 278). Время составления особой редакции можно ограничить 1-й пол. 1690-х гг.

В издании С. вместе со службой, вышедшем в XIX в., была использована пространная редакция, отличающаяся, однако, от ее вариантов, представленных в рукописях.

Изд.: Служба преподобным отцам Вассиану и Ионе, Пертоминским чудотворцам. СПб., 1861; 2-е изд. М., 1902.

Лит.: Амвросий (А. А. Орнатский). История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 508—517; Досифей. 1) Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до нашего времени... М., 1833. С. 30; 2) Географическое, историческое и статистическое описание ... Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 77; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1836. С. 61; ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. № 71, С. 300—310; Ключевский. Древнерусские жития. С. 348; Соловецкий патерик. СПб., 1873. С. 70—73; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 831—832; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 157—158; Макарий, епископ. Историко-статистическое описание заштатного Пертоминского мужского монастыря // ЧОИДР. 1881. Кн. 4. Отд. IV. С. 1—20; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 99; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях. Т. 2: Монастыри по штатам 1764. 1786. 1795 гг. СПб., 1882. № 1041, С. 264—265; Филарет, архиепископ. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. Ч. 2: Май. июнь, июль, август. СПб., 1882. С. 237—239; Толстой М. В. Книга, глаголемая описание о российских святых. М., 1888. № 317. С. 161; Леонид (Л. А. Кавелин). Святая Русь. СПб., 1891. С. 104—105; Добровольский И. Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря. Архангельск, 1894; Никодим, иеромонах. Верное и краткое исчисление сколь можно было собрать преподобных отец соловецких. СПб., 1900. С. 15—16, 40—50, 113—120; Голубинский. История канонизации. С. 133—134; Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908.

О. А. Белоброва, А. Н. Симонов

«Сказание о явлении святых мощей преподобных и богоносных отец наших Никиты, Кирила, Никифора, Климонта и Исакия, новгородских чюдотворцов, нарицаемых Алфановых, единородных братий по плоти» — памятник агиографии нач. XVII в. Братья Алфановы упоминаются в летописи под 1389 г. как основатели Новгородского

Сокольнического монастыря. Филарет указал на то, что в рукописных святцах Алфановы называются посадниками, и предположил, что братья были родственниками двинского воеводы Якова Анфала (упоминается под 1398 г.).

На основании того, что в одном из чудес, входящих в С., говорится о исцеленном в 1592 г. новгородце Иване Усе, причем отмечается «а ныне преставися во 114 году», В. О. Ключевский датировал С. 1606 г. Кроме С., в рукописной традиции встречаются служба, тропарь и кондак братьям Алфановым. Н. П. Барсукову было известно три списка С.: из собр. Барсова, № 83, XVIII в.; собр. Румянцева, № 158; собр. Ундольского, № 1039 (С. и служба). К названным можно добавить следующие списки условно выделяемой полной редакции: БАН, собр. Текущих пост., № 754, последняя четв. XVII в., включает тропарь, кондак, службу (л. 1—24 об.) и С. (л. 25—38); ГПБ, собр. Погодина, № 788, 1670-е гг., включает тропарь, кондак, службу (л. 312—342) и С. (л. 343—359 об.), а также список сокращенной редакции БАН, 34.8.20, л. 26—29 об., 2-я четв. XVIII в. Краткая редакция С., с изменениями и искажениями в тексте, включающая главу «О явлении мощей» и первое из чудес, читается в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 826, л. 1—3 об. Глава «О явлении мощей» находится также в сокращенной редакции *Летописи Новгородской Погодинской* (БАН, 17.8.25, л. 113—114 об., конец XVIII в.). Отенские святцы 1718 г., цитируемые Филаретом, упоминают только чудеса, тропарь и кондак.

С. повествует об обретении мощей святых в 6670 (1162) г., при князе Романе Мстиславиче и архиепископе *Иоанне*. В. О. Ключевский отметил хронологическую несообразность этого сообщения с рассказом о чуде, происшедшем будто бы «не по мнозех летех» с некиим боярином «славнаго града Москвы» (в С. по спискам БАН и по спискам из собр. Погодина это чудо не датировано; по сведениям В. О. Ключевского, оно имело место в 1562 г.). В Летописи Новгородской Погодинской сообщение о явлении мощей сопровождается следующей хронологической заметкой: «В лето 6670-е..., а по инем летописцам в 6677, по тому пишут, что де в сем 6670-м году не было еще князя Романа и архиепископа Иоанна». Другие девять чудес, включенные в списки БАН и список собр. Погодина, № 788, произошли в 1592—1603 гг.; повествуют они преимущественно об исцелениях. В летопись добавлены сведения о том, что мощи братьев Алфановых были перенесены в Антониев монастырь в 1775 г. и что почитание их продолжалось до конца XVIII в.: «и доныне опочивают благодатию всесвятаго Духа, точаще исцеление». Текст С. не издан.

Лит.: Муравьев А. Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. Ч. 2. С. 359—360 (репринт.: М., 1990); Ключевский. Древнерусские жития. С. 464—465

Филарет. Русские святые. 3-е изд. СПб., 1882. С. 260—261; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 33—34; Будовниц. Словарь. С. 298.

А. А. Романова

Сказания и повести о патриархе Никоне — написанные старообрядцами рассказы о патриархе *Никоне*, их главном идеологическом противнике. С. появились очень рано и широко распространялись по стране в устной передаче еще при жизни патриарха. Первый свод этих рассказов был составлен в Пустозерске уже в 1670-х гг. сосланными сюда писателями-старообрядцами, которые оформили С. в виде отдельной книги с общим заголовком: «О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча антихристов». Это сочинение встречается в древнейших рукописях пустозерского происхождения, прежде всего, в Пустозерском сборнике — БАН, собр. Дружинина, № 746 (790) и в рук. БАН, собр. Дружинина, № 762 (806), датируемых 1670-ми гг. Произведение состоит из краткого введения, шести сюжетных статей и заключения: введение (нач.: «Христос, истинный Бог наш, Спаситель всего мира, предвозвести нам пресвятым своим евангелием о безбожных еретиках...»); свидетельство о Никоне соловецкого старца Кирика (нач.: «Егда бывшу тому змию лукавому на патриаршестве...»); свидетельство о Никоне старца Андриана (нач.: «Вторый свидетель сему делу ученик его Никонов именем Андреан...»); «Како Никон хулил святых российских чудотворцев и из помяновенных книг вынял» (нач.: «Он же, Никон, окаянный хульник...»); о Нафанаиле Киевлянине (нач.: «Он же, Никон, сосуд лукаваго духа, мучил священноинока Нафана Киевлянина...»); о *Иосифе Волоцком* (нач.: «Он же, Никон, преподобного Иосифа Волоколамского чудотворца злословил и поносил...»); о приезде патриарха Никона в Москву, в Успенский собор (нач.: «И по сему знатно лукавство отступника Никона, егда Богом изгнан ис церкви скверный он...»); заключение (нач.: «Слыши небо и внуши земле глаголы рабов христовых...»). Произведение издано Н. И. Субботиным и В. Н. Перетцем, однако издано не полностью, причем по поздним спискам. О его авторе у издателей и исследователей нет единого мнения. Н. И. Субботин приписывает сочинение перу дьякона *Феодора Иванова*. П. С. Смирнов, В. Н. Перетц и В. Г. Дружинин оставили вопрос об авторстве открытым. В пользу принадлежности пустозерской редакции произведения дьякону Федору говорит то, что во многих списках оно следует непосредственно за «Ответом православных» — главным идеологическим сочинением пустозерцев, созданным дьяконом Федором при участии его соузников в 1667—1669 гг. Произведение как бы продолжает имеющийся в «Ответе» перечень догматических нововведений Никона в церковную практику перечнем его частных, нравственных преступлений: «Богоотметство же его сие есть и кроме пре-

вращения догмат церковных». Особенности стиля и композиции произведения очень близки к другим сочинениям Федора.

В XVIII в. возникает значительное количество новых сочинений о патриархе Никоне, нашедших отражение в старообрядческой письменности. Назовем прежде всего Сказание о Никоне, встречающееся в рукописях вместе с Житием инока Корнилия в редакции инока *Пахомия*, созданной на Выгу в 1723—1727 гг. и в ее «украшенной» переделке, принадлежащей выговскому уставщику *Трифону Петрову* (1731 г.). Названное Сказание является по существу выговской редакцией пустозерского произведения о патриархе Никоне, с добавлением двух новых статей: рассказа «О Никоне, како носил образ пресвятые Богородицы в башмаках» (нач.: «О том же Никоне хощу же вам, братия, сицеву вещь поведати...»), или «Видение Димитрия иже с Волги» (нач.: «Хощу вам, братия, о Никоне ину повесть поведати...»), и рассказа под названием «Повесть душеполезна о Никоне и змии» (нач.: «Поведоша отец Корнилий, яко слыша от соловецких старец...»). Тексты изданы В. Н. Перетцем. Как видим. первый из дополнительных рассказов о Никоне, включенных в выговскую редакцию, встречается в списках в двух вариантах — простом и «украшенном», что соответствует двум редакциям Жития инока Корнилия — Пахомиевской и Трифона Петрова. Это позволяет с некоторым основанием приписать выговскую редакцию Сказания о Никоне именно этим книжникам.

Другие С. о патриархе Никоне, встречающиеся в старообрядческой рукописной традиции XVIII—XIX вв., таковы:

1) «Повесть о Никоне патриархе» (нач.: «Глаголати о сем недоумеваю, иже не у младенчества устрабися...»). См.: Дружинин. Писания старообрядцев. № 2, С. 216; № 6, С. 217; изд.: Перетц. Слухи и толки... С. 169—173.

2) «Повесть о ерархе нашем Никоне чюдна зело, достойна слышанию сотворити, да познают вси боящиеся Господа и не надеются на его действие» (нач.: «Что сей ерарх сын сопротивника диявола отца нижайшаго сатаны...»). См.: Дружинин. Писания старообрядцев. № 5, С. 216—217.

3) «В лето 7150» (нач.: «И паки слышахом брата, глаголюща слово, како советова, егда прииде к Никону, Арсений старец пресмотрить вси книги печатныя и старописьменныя...»). См.: Дружинин. Писания старообрядцев. № 7, С. 217.

4) «Повесть о житии, и рождении, и воспитании, и о кончине Никона, бывшаго патриарха Московскаго и всея Росии, собранная от многих достоверных повествователей, бывших во дни отец наших» (нач.: «Поне же убо по древлецерковнем отеческом благочестии аще и горячею жалостию снедаем есть...»). Создание этой повести В. Н. Перетц датирует временем после 1716 г. Ее автор использовал различные материалы, в том числе Житие патриарха Никона, написанное *Иоанном Шушериным*. См.: Дружинин. Пи-

сания старообрядцев. № 8, С. 217; № 9, С. 217—218; изд.: Бороздин. Протопоп Аввакум. Приложение 33. С. 145; Перетц. Слухи и толки... С. 177—190.

5) «О Никоне, патриархе Московском, о еже за какия вины повелением царским извергоша его вселенстии и рустии архиереи... Извещение или объявление совершенное низложения Никонова и низвержения» (нач.: «Поне же Никон, бывший патриарх Московский...»). См.: Дружинин. Писания старообрядцев. № 10, С. 218.

6) «О патриярсе Никоне», «выписано из обличения священномученика Аввакума протопопа о патриархе Никоне отступнике» (нач.: «О братия моя христоименитая, страждуще о Христе Исусе...»). В действительности, это произведение протопопу *Аввакуму* не принадлежит. См.: РИБ. Т. 39. С. LXXXIII; Демкова. Неизвестные и неизданные тексты... С. 222, примеч. 53; изд.: Древнерусские рукописи... С. 189—191.

7) «Сказание о Никоне, беседа старцев» (нач.: «Некий брат поведаша, бывший слуга его верный...»). См.: Дружинин. Писания старообрядцев. № 22, С. 220.

8) «Разглагольствие Никона патриарха с Павлом, епископом Коломенским, о крестном знамении» (нач.: «Бывшу разглагольствию у Никона патриарха с Павлом, епископом Коломенским...»). См.: Белокуров. Арсений Суханов. Ч. 2. С. 31; Дружинин. Писания старообрядцев. № 25, С. 220.

9) «Сказание о Никоне патриархе» (нач.: «Таковое бе житие в мире Никоново, поне же острожелчив и яростен и злопамятлив...»). См. в рук. БАН, собр. Дружинина, № 154 (190), л. 156 об.—161 об., 1820-е гг.

Все перечисленные здесь С. изучены недостаточно и требуют текстологического и литературоведческого анализа.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1881. Т. 6. С. XXVI—XXVII. 299—302; Перетц В. Н. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. // ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 1. С. 123—190; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900. Приложение 33. С. 145; Древнерусские рукописи Пушкинского дома: (Обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. Л., 1965. С. 177—178, 189—191.

Лит.: Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. Примеч. 325; Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 457—458, примеч. 4; Дружинин В. Г. 1) О житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием // ЖМНП. 1884. Ч. 235. № 9. С. 10—11; 2) Писания старообрядцев. С. 215—219; 3) Пустозерский сборник. СПб., 1914. С. 7; Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1894. Ч. 2. С. 31; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1900. С. XCII, примеч. 160; РИБ. Л., 1927. Т. 39. С. LXXXIII; Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 222, примеч. 53; Брещинский В. Г. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // Там же. Л., 1979. Т. 33. С. 127—128; Бубнов Н. Ю.

1) Рукописное наследие пустозерских узников: (1667—1682 гг.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 80—81. 2) Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 243—244, 264.

Н. Ю. Бубнов

Сказания о даре шаха Аббаса — цикл произведений XVII в., получивших в исследованиях С. Н. Гухман названия «Документальное» сказание (далее: Д. с.), Краткая повесть (далее: К. п.), «Легендарное» сказание (далее: Л. с.) и Проложное сказание (далее: П. с.). Все произведения посвящены знаменательному историческому событию: 25 февраля 1625 г. посол шаха Аббаса Русамбек, грузин по происхождению, привез царю *Михаилу Феодоровичу* и патриарху *Филарету* дар шаха — часть от ризы Христа, хранившуюся в грузинском кафедральном соборе Мцхетском Светицховели и захваченную шахом в качестве военного трофея в 1617 г. во время военного набега на Грузию. 11 марта дар был передан царю и патриарху. Подарок шаха был продуманным ходом в дипломатической борьбе, таким образом он пытался вынудить русского царя не вмешиваться в грузинские завоевания шаха. Грузия формально находилась под покровительством России, и шах лицемерно заверял, что она ему не нужна.

В свою очередь, русские правители использовали дар шаха в политических интересах. Выход из сложной ситуации (христианская святыня была получена из рук мусульманского монарха и на ней были обнаружены латинские надписи) был найден традиционным для русской церкви образом: святыню стали носить по монастырям и церквам и исцелять больных. К концу марта с помощью ризы исцелилось четырнадцать человек, о чем было подробно рассказано в росписи крестовых дьяков Ивана Семионова и Михаила Устинова, носивших ризу. Собор признал ризу подлинной святыней и постановил праздновать ее положение 27 марта (позже праздник был перенесен на 10 июля). Появление ризы в Москве было названо не земным, но небесным делом. Оно означало признание богоизбранности новой династии Романовых.

Впервые о намерении шаха Аббаса прислать ризу, или хитон, Христа Московское правительство узнало из донесения русских послов Василия Коробьина и Евстафия Кувшинова, возвращавшихся из Ирана и пославших весть из г. Терки 27 июня 1624 г. В Москве о происхождении ризы расспрашивали греков — келаря Новоспасского монастыря *Иоанникия* и архиепископа Вологодского и Великопермского Нектария. Оба в свое время побывали в Грузии и слышали там легенду о ризе Христа. Признание дара шаха подлинной святыней сильно подорвало позицию бывшего в то время в Москве грузинского посольства во главе с архимандритом Феодосием. Уве-

рения грузин в том, что подлинный хитон Христа по-прежнему хранится в Грузии, а посланный шахом — ненастоящий, было оставлено без внимания. По приказу патриарха митрополит Крутицкий *Киприан* написал Службу на положении ризы, напечатанную к январю 1626 г. и разосланную по церквам и монастырям. Сама риза была помещена в Успенском соборе.

Одновременно со Службой было составлено и первое официальное произведение — Д. с. В его основу положены документы Посольского приказа и Патриаршего двора — выдержки из отписки послов В. Коробьина и Е. Кувшинова, показание келаря Иоанникия, данное им дьяку *Ивану Грамотину*, документ о встрече персидских послов в Москве, царская грамота на перенесение ризы, роспись чудес. Включена в Д. с. и грузинская легенда о происхождении ризы, и выдержки из Евангелия, повествующие о разделе одежд Христа. Чудеса от ризы подкрепляются аналогией с испытанием царицей Еленой креста Христова в Константинополе. Текст Д. с. был известен С. А. Белокурову и А. Н. Попову в шести списках. С. Н. Гухман обнаружила их еще несколько десятков. Она же установила несколько редакций памятника. По мнению С. Н. Гухман. Д. с. было написано в кругах, близких патриарху. Используя документы Посольского приказа и другие бумаги, оно сохраняет их стиль и лексику. Все последующие сказания зависят в той или иной мере от Д. с., используя его как литературный источник.

С материалами, на которых построено Д. с., был хорошо знаком князь *Семен Иванович Шаховской*. В мае 1625 г. он, по поручению патриарха, составлял ответное послание шаху и, возможно, принимал участие в написании Д. с. По-видимому, не удовлетворившись слишком деловым и сухим изложением сюжета в Д. с., С. И. Шаховской в конце 1620-х—нач. 1630-х гг. пишет свое собственное сочинение о ризе, называемое в рукописях Повестью (ГБЛ, собр. МДА, № 191), Словом (ГПБ, собр. Погодина, № 936, л. 67—84) или Сказанием и Словом (ГПБ, собр. ОЛДП, О.707). Это торжественно-риторическое произведение, начинающееся словами: «Праведный и истинный Господь наш Исус Христос, той бяше сам Божие Слово, предвечный, невидимый, бесплотный...». Это не только прославление христианской святыни, перед которой преклоняется даже персидский шах, но одновременно панегирик русскому царю и его отцу патриарху. Повесть С. И. Шаховского не опубликована.

Панегирическую линию продолжает К. п., возникшая в сер. XVII в. и известная в двух списках: ГБЛ, ф. 37, собр. Большакова, № 37 и ф. 205, № 439. К. п. находится в том же официальном проромановском русле, что и Д. с., но тяготеет к стилю ораторской прозы, начинаясь словами: «Се же подобает нам, братие, мало побеседовати о благодати Христа, Бога нашего, о чудотворной

его ризе, како объяви пречистое свое сокровище напоследок человеческому роду». Грузинская легенда занимает центральное место в К. п., затем рассказывается о пребывании ризы в Персии, где от нее происходят чудеса, а шах видит вещий сон и излечивается от болезни. Тогда он решает послать ризу русскому царю. В К. п. чувствуются отголоски произведений о Смутном времени, содержатся идеи *Грамоты Утвержденной 1613 г.*, *Хронографа Русского* в редакции 1617 г., *«Иного сказания»*. Автор прибегает к историческим параллелям, упоминает нашествие Батыя, победы Александра Невского, ссылается на другие легенды — о кресте и гвоздях Господних, о нерукотворном образе, о поясе Богородицы, использует монологи, диалоги, прямую речь. К. п. не опубликована и мало исследована.

В печатном *Прологе* 1660 г. (июнь—август) под 10 июля помещена самостоятельная обработка сюжета о ризе — П. с. Она начинается прославлением «тишайшего» русского царя, чье царство «бысть в мире и тишине». Шах Аббас, посылая ризу в Москву, прославляет христианского Бога и угрожает сожжением тем, кто не чтит Христа. П. с. приводит легенду о ризе, описывает хитон, сотканный Богородицей, однако опускает ряд деталей. Автор признается, что ему не известно, как хитон после персидского разорения оказался в грузинской митрополии и был спрятан в храме под столпом. В П. с. не перечисляются московские исцеления, а только упоминается о них. В основе П. с. лежат те же рассказы Иоанникия и Нектария, которые использованы в Д. с. П. с. читается во всех изданиях Пролога после 1660 г. и встречается в рукописных списках.

Сведения о присылке шахом Аббасом ризы Христовой, как правило, — краткие, помещены в ряде исторических сочинений XVII в.: в «Ином сказании» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 137—138), в *Летописце Новом* (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14, первая пол. С. 151—152), в Продолжении Хронографа 1617 г. (Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 207—208, 247, 279, 390, 425—427). в *Повести о победах Московского государства* (Енин Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. М., 1977. С. 15).

Л. с., по мнению Г. П. Енина, отличается от официальных произведений как идейным содержанием, так и литературной формой. С. Н. Гухман выделяет три редакции произведения, которое известно ей в тринадцати списках. Л. с. появилось около сер. XVII в. в демократической среде, посадской или крестьянской. В нем нет никаких следов деловой письменности, нет и книжной риторики. Язык памятника близок к разговорному, особенно в диалогах. Авторы Л. с. хотели по-своему объяснить появление на Руси христианской святыни, присланной мусульманским правителем. Для этого изменя-

лась последовательность событий: согласно Л. с., русские послы приходят в Персию до похода шаха на Грузию и, в сущности, понуждают шаха отправиться за святыней. Шах становится союзником и чуть ли не единоверцем русского царя.

Используя фактическое содержание Д. с., Л. с. интерпретировало свой источник довольно свободно. Особенно это касается «Грузинской» редакции, согласно которой ризу посылает в Москву не шах, а сами грузины. Во втором виде «Русской» редакции сказано, что риза была разделена на четыре части, посланные в Иерусалим, Рим, Царьград и Москву.

По наблюдению Г. П. Енина, списки Л. с. очень индивидуальны, каждый отличается собственными чтениями, как будто они записывались по памяти. Это в какой-то степени сближает Л. с. с фольклором, на что обратил внимание еще Ф. И. Буслаев, опубликовавший один из вариантов «Грузинской» редакции. С. Н. Брайловский опубликовал вариант «Русской» редакции.

Изд.: Пролог. М., 1660. Июнь—август. С. 1329—1338; Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 762–822; Буслаев Ф. И. [Рец. на кн.: Jahrbuch für romanische und englische Literatur unter besonderer Mitwirkung von F. Wolf, herausgeg. von Dr. A. Ebert, an der Universität Marburg. 1858—1859. T. 1, N 1—3] // Летописи Тихонравова. М., 1859. Т. 1. Отд. III. С. 170—171: Брайловский С. Н. Новый вариант Повести о ризе Господа нашего Иисуса Христа // Библиограф: Вестник литературы, науки и искусства — 1889 г. СПб., 1890. № 1. С. 17–21; Белокуров С. А. Дело о присылке шахом Аббасом ризы Господней из Персии в Москву в 1625 году. М., 1891; Гухман С. Н. 1) «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 255–270; 2) Соловецкая редакция «Документального» сказания о даре шаха Аббаса // Там же. С. 376—384.

Лит.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 661—666; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11. С. 63—66; Строев. Словарь. С. 294, 403; Белокуров С. А. Арсений Суханов. Ч. 1 // ЧОИДР. 1891. Кн. 1. С. 299—300; Накашидзе Н. Т. Грузино-русские отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968. С. 77, 81–87; Гухман С. Н. 1) Краткая повесть о даре шаха Аббаса России // Уч. зап. Азербайджанского пед. ин-та языков им. М. Ф. Ахундова. 1972. Сер. 12. № 2. С. 57—62; 2) Сказания о даре шаха Аббаса России. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1973; Енин Г. П. К литературной истории Сказания о даре шаха Аббаса // Мравалтави. Тбилиси, 1985. Сб. 11. С. 149–167; Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 77.

М. Д. Каган

Сказка о некоем молодце, коне и сабле — произведение конца XVII в., представляющее собой гиперболизированное описание молодца, его коня и вооружения. В рукописи произведение не имеет заглавия. С. оно было названо издателями — Н. И. Костомаровым или Ф. И. Буслаевым. В 1859 г. С. была опубликована в приложении к речи Ф. И. Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе», а в 1860 г. — во 2-м выпуске ПЛ. Есть, однако, основания полагать, что публикация Ф. И. Буслаева вторична по отношению

к изданию Н. И. Костомарова: в обоих случаях шифр рукописи указан неверно, как ГПБ, собр. Погодина, № 1773. В случае с изданием ПЛ это объяснимо: там по названной рукописи издано еще несколько текстов, в том числе *Повесть о Горе-Злочастии.* На самом деле шифр рук. — ГПБ, собр. Погодина, № 1772.

С. входит в состав сборника, который составлялся и переписывался подьячим Троице-Сергиева монастыря Анфимом Шешковым в конце 1690-х гг. С. была записана Шешковым в 1696 г., о чем свидетельствует владельческая запись переписчика по нижнему полю листа, на котором заканчивается текст. Анфиму Шешкову принадлежит еще один рукописный сборник, который он переписывал и составлял в период с 1718 по 1732/1733 гг. — ГИМ, собр. Уварова, № 619 (1931). Из владельческих записей в этом сборнике, автор которых величает здесь себя «Анфим Иванов сын Шешкова», узнаем, что Шешков после 1690-х гг. был «конным слугою» Троице-Сергиева монастыря, а затем стал копиистом «канцелярии рекрутного щетного правления». Состав Погодинского и Уваровского сборников свидетельствует, что любитель книжного чтения Анфим Шешков интересовался весьма широким кругом произведений: сюжетно-повествовательными, географическими, историческими, справочными.

В издании ПЛ С. определена как «отрывок». Но в самой рукописи текст графически оформлен как полный и законченный: он оканчивается на середине листа и после него нарисована завершающая концовка. Почерк, которым написана С., отличается от остальных вариантов почерка большей небрежностью и большей скоростью письма. Вероятнее всего, это следует объяснить тем, что С. Анфим Шешков не переписывал из другой рукописи, а записывал по памяти. Тем самым подтверждается предположение А. М. Панченко, что С. — запись фольклорного текста. Действительно, целым рядом приемов, использованных для описания молодца, его богатырского коня и вооружения С. близка к былинным традициям. Но преувеличенная гиперболичность (почему текст и был назван издателями «сказкой») всех описаний, наличие в С. несвойственных фольклорно-эпическим произведениям мотивов привели исследователей к заключению, что она представляет собой пародию.

В. П. Адрианова-Перетц, называя С. «загадочным» произведением, очень осторожно высказывала мнение о пародийном характере памятника: «Гиперболическое описание коня и оружия „доброго молодца“, возможно, пародирует входившие в моду в XVII в. приключенческие романы-сказки типа „Бовы королевича“, „Еруслана Лазаревича“» (Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. С. 169, примеч. 1). Характерно, что В. П. Адрианова-Перетц не включила текст С. в корпус произведений демократической сатиры

XVII в. Более решительно на этот счет высказывается А. М. Панченко: «Уже в XVII в. „богатырская“ схема осознавалась как схема, даже как штамп. Это доказывается пародийной „Сказкой о некоем молодце, коне и сабле“... Нельзя сказать, что это пародия на переводной рыцарский роман; здесь пародируется богатырская тема вообще, причем автор пародии, которая, возможно, является записью фольклорного произведения, явно намекает на былину: на коне 12 подпруг, по аналогии с этим числом конь определяется 12 приметами и т. д. Однако некоторые мотивы свидетельствуют, что автор знал и авантюрные повести» (Истоки... С. 490—491). «Явной пародией на рыцарский роман» названа С. в «Заключении» к цитированному коллективному труду «Истоки русской беллетристики» (автор «Заключения» — Я. С. Лурье).

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 409; Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Речи и отчеты, произнесенные в Торжественном собрании имп. Московского ун-та 12 января 1859 года. М., 1895. Приложения. С. 16; Дмитриев Л. А. «Сказка о некоем молодце, коне и сабле» // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 305—310; ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 237—238.

Лит.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 322—323; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 278; Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 169 (то же в кн.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 143); Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 490—491, 565.

Л. А. Дмитриев

Скоморошина о чернеце — памятник смеховой литературы рубежа XVII и XVIII вв., находящий близкие аналогии в устных народных песнях о монахах и монахинях, где нередко встречается любовный мотив, часто скабрезного толка, и варьируется тема отречения от аскетизма монашеской жизни. В С., как и в народных песнях, создается образ веселого и пустившегося в разгул чернеца. С. состоит из двенадцати строф, в тексте каждой из них последовательно проведен принцип параллелизма: «милостина» в буквальном смысле слова, которую просит и получает чернец в девичьем монастыре, оказывается ему не нужна, его интересует «милостина» в переносном — любовном значении. На протяжении произведения отчетливо заметно нарастание обеих линий: все более лакомой становится выносимая «милостина», все более дерзкими любовные поползновения чернеца. Кульминация достигается в последней строфе:

Вывели ему красну девицу.
Он принял ее под власяницу.
То-то, чернице.

То-то, сестрице,
Чернцова милостина.

С., представляющая собой почти буквальную запись фольклорного текста, дошла в единственном списке, в составе сборной рук. конца XVII—2-й пол. XIX в. ГИМ, Музейское собр., № 516, которая, по мнению издателя произведения, сохранила часть дворянского архива. Фрагмент рукописи, включающий С. и следующие за ней две транслитерированные русскими буквами польские песни, написан на бумаге нач. XVIII в. и входил ранее в состав обширного песенника. На то, что С. является песенным текстом, указывает помета против рефрена, завершающего каждую из строф — «2-ж[ды]», т. е. перед нами не только рефрен, но и припев. Предположение о некоторой книжной адаптации устной песни может быть подкреплено тем фактом, что переписанная в нач. XVIII в. С. подверглась в середине этого столетия редакторской правке, коснувшейся как текста, так и композиции произведения.

Изд.: Панченко А. М. Скоморошина о чернеце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 89—93; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 245—246; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 216—218. («Сокровища древнерусской литературы»).

Д. М. Буланин

Слово и сказание о некоем купце — произведение XVII в. на тему о договоре человека с дьяволом. С. известно в единственном и дефектном списке 1791 г. ЦНБ АН УССР, ДА/П — № 469 (0.4.5); в самом начале С. утерян лист или два, в конце текст передан довольно сбивчиво. По этому списку произведение было опубликовано В. Н. Перетцем. Хотя С. сохранилось в позднем списке, язык и характер повествования указывают на его принадлежность XVII в., скорее всего, второй его половине или концу. Богатый купец Феодосий, умирая, наставляет своего сына Иоанна: «Буди милостив и нищелюбив, не пьянствуя, и с кабацкими голями не водись». Сын напивается уже на поминках по отцу и в дальнейшем, вероятно, пропивает все свое богатство. Чтобы поправить дела он обращается к сатане и дает на себя рукописание. Сатана приставляет к молодому купцу своего раба, который должен ему служить и исполнять его желания. По наблюдению Д. С. Лихачева, дьявол в роли слуги впервые появляется в русской литературе именно в этом произведении. Условие сатаны — «на стене ни креста на вороте не держи, в церковь не ходи, и молитвы не твори, и попу на исповедь не ходи» — выполняется юношей. Слуга сатаны носит купцу товары, помогает ему разбогатеть и жениться на дочери богатого купца. Жена обращает внимание на безбожие мужа и начинает борьбу с дьяволом: запирает лавки и сараи, чтобы он не мог носить туда товары, идет за помо-

щью к Антонию Новгородскому. Антоний на три ночи заключает купца в церкви, где тот молится до первых петухов, в то время как бесы осаждают церковь и пугают его, «великими страстми грозя». Сатана сам приходит, чтобы забрать грешника, но рукописание купца оказывается в руках у Антония. По приказу Антония имение купца делится на три части: «и то треть себе, а другую в монастырь, а третью треть нищим. И отпусти его с радостию великою».

С. восходит к греческому памятнику, известному в древнерусском переводе с XII в. под названием «Чудо святого Василия Кесарийского о прельщенном отроке» (древнейшая пергаменная рукопись — ГПБ, F. п.I. 46, л. 85 об.—90; текст издан: Соболевский А. И. Жития святых по древнерусским спискам. СПб., 1903. С. 40—48; см. также *Пролог* под 2 января и *Великие Минеи Четии* под 1 и 2 января). В С. действие перенесено в русскую купеческую среду, условно приурочено к Новгороду (кроме имени одного из героев — Антония Новгородского других признаков места в С. нет). Если в переводной версии соглашение с дьяволом понадобилось герою для женитьбы, то в русском произведении толчком для развития сюжета является неподчинение сына заветам отца, пьянство героя и потеря им богатства. Начало и некоторые мотивы С. близки к *Повести о Горе-Злочастии*, дальнейшее изложение событий напоминает сюжет «Чуда о прельщенном отроке». С. стоит в ряду произведений, развивающих фаустовскую, демонологическую тему, особенно ярко проявившуюся в *Повести о Савве Грудцыне*. Однако в художественном отношении С. довольно схематично, лишено как социальных коллизий Повести о Горе-Злочастии, так и психологической трагедийности Повести о Савве Грудцыне, развязка его вполне благополучна. Возможно, в XVII в. существовала и устная народная сказка на эту тему, во всяком случае версия, существующая в поздней записи, очень близка С. (см.: Записки Русского географического общества. Т. 20: Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский. СПб., 1891. Ч. 1. № 9, С. 650—651). Не исключено, что жанровое определение в заглавии С. — «Слово и сказание» как-то намекает на устное происхождение версии. Сама дидактическая направленность С. не лишает его сказочных черт. Светский характер сюжета проявляется в целом ряде деталей: роль кабака в жизни средних слоев русского общества, обряд сватовства, реалии купеческого быта.

Как отметил Д. С. Лихачев, повести о купцах занимают особое место в развитии русской беллетристики XVII в. В них часто роль завязки играет борьба дьявола за человеческую душу; появление героя-купца освобождает произведение от строгого подчинения литературному этикету, допускает бо́льшую свободу повествования, усиливает элемент вымысла.

Изд.: Перетц В. Н. Из истории старинной русской повести // Университетские известия. Киев, 1907. № 8. С. 33—36.

Лит.: Петров Н. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 747—748; Белецкий А. И. Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии // Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском ун-те. 1911. Вып. 5. С. 60—64; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 276; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 169; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 525—528, 530, 531 (раздел написан Д. С. Лихачевым); Багно В. Е. Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и в европейской литературной традиции // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 364—372; Горелкина (Журавель) О. Д. 1) Русские повести конца XVII—начала XVIII в. о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 41—54; 2) Мотив беса-слуги в русских повестях конца XVII—начала XVIII в. о договоре с дьяволом: (в связи с народными представлениями) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Сб. научных трудов. Л., 1988. С. 248—258; 3) Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996.

М. Д. Каган

Слово о благочестивом царе Михаиле — цикл легендарных рассказов о византийском императоре Михаиле III, сложившийся во 2-й пол. XVII в. Цикл включает две повести. В рукописной традиции, начиная с древнейшего сборника 2-й пол. XVII в., они иногда встречаются под одним и тем же названием, однако вторая повесть цикла известна и под следующими заглавиями: «Сказание о древе златом, и о златом попугае, и о царе Михаиле, да о царе Левкасоре» (см., например: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238); «Сказание о златом древе и о царе Левстасаре» (см., например: ГПБ, собр. Погодина, № 1776). Цикл из двух повестей известен в составе переписанного одним почерком сборника *Кариона Истомина* (см.: ГБЛ, собр. Ундольского, № 942 и 943), некогда представлявшего собой пестрое собрание различных «историев» для занимательного чтения и подаренного знаменитым московским писателем монашенке Московского Вознесенского монастыря Любови Степановой, но впоследствии расплетенного на отдельные тетради, хранящиеся в одном и том же собрании под различными номерами.

Первая повесть цикла — собственно С. навеяна событиями византийской истории IX в., когда, убив Михаила III, в Царьграде воцарился Василий Македонянин. Основываясь на исторической канве византийских хроник и свободно используя их отдельные мотивы и ситуации, русский книжник создал оригинальное, остросюжетное повествование с яркими чертами московского быта XVI—XVII вв. Под его пером император Михаил превращается в благочестивого царя, лишенного каких-либо отрицательных черт (увлечений конным спортом, попойками), а Василий Македонянин становится «Московской области извоздником» Василием, русским былинносказочным богатырем, который добился полцарства, укротив ска-

зочного («чюдного») царского коня. Василий Македонянин «отомстил царю Михаилу позор свой», зарубив его ночью, а затем похоронив с должными почестями и став царем «надо всем Царьградом».

Вторая повесть цикла четко делится на две части: в первой рассказывается о том же благочестивом царе Михаиле, достойно владевшем чудесным «златым древом» с сидевшими на его ветвях и поющими золотыми птицами. Михаил, говорится в повести, не променял это «златое древо» — символ расцвета Византийской империи ни на какие дары иноземных послов. Последняя часть второй повести представляет собой позднюю переработку *Повести о Валтасаре Вавилонском*. Хотя М. Н. Сперанский относил последнюю к числу повестей рассматриваемого цикла, следует учитывать, что Повесть о Валтасаре Вавилонском в состав цикла входит уже в значительно переработанном виде и имеет свою самостоятельную литературную историю, восходящую к XVI в. и, возможно, связанную с именем *Максима Грека*.

Как установил М. Н. Сперанский, основными источниками первой повести и первой части второй повести послужили славянские переводы *Хроник Георгия Амартола*, *Константина Манассии* и *Иоанна Зонары*, а также *Хронограф Русский* в редакции 1512 г. Источником последней части второй повести является, в конечном счете, библейская история (выписка из V книги пророка Даниила) о сыне Навуходоносора Валтасаре, который превратился в С. из вавилонского царя в царьградского и получил имя «Левтасара» или «Левкасора». Этот «Левтасар» является наследником «благочестивого» царя Михаила, убитого Дарием «Мелденином», «Мелденисом» или «Мелдеником» (т. е. Дарием Мидяниным) по предречению вещей птицы — золотого попугая в наказание за разрушение полученного им по наследству «златого древа». Библейский Валтасар изображен как царь-пропойца и наделен теми отрицательными чертами византийского императора Михаила III, которые характеризуют царя в *Повести о царе Льве Премудром*, русском переводе *Хроники Дорофея Монемвасийского* и в Хронографе 1512 г. Таким образом, при включении в цикл Повесть о Валтасаре Вавилонском подверглась не только стилистической обработке, но и испытала воздействие общей сюжетной линии всего цикла, включив новые темы — о «золотом попугае» и благочестивом царе Михаиле.

Отмечая эволюцию поэтических приемов повестей данного цикла, близких новеллам и фацециям, а также стилистическое единство повестей и общую композиционную завершенность цикла, М. Н. Сперанский высказал предположение, что сочинителем его мог быть «один человек» из московских служилых людей, «носителей и любителей литературы» (Сперанский. Эволюция... С. 161).

Изд.: Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 137—170; ПЛДР. XVII век. Книга 1. М., 1988. С. 448—454; Звездочтец. Русская фантастика XVII в. М., 1990. С. 147—150. (Б-ка русской фантастики, т. 2); Русская бытовая повесть XV—XVII веков / Сост. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 211—219. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858. С. 123; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III // СОРЯС. 1881. Т. 28, № 2. С. 53—56 (Приложение IV); [Жданов И. Н. Итоги сообщения «Повести о Василии извозчике Московском и цареградском царе Михаиле»] // Отчеты о заседании Общества любителей древней письменности в 1893—1894 году (с Приложениями). СПб., 1894. С. 10—11. (ПДП, вып. 102); Яворский Ю. А. Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVII—XVIII веков // ИОРЯС. 1909. Т. 14, кн. 2. С. 10, 18—19; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 249—251; Назаревский. Библиография. С. 118—119; Будовниц. Словарь. С. 294; Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 79—80; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 178; Прокофьев Н. И. Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII века // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1966. Т. 248: Вопросы русской литературы. Труды кафедры русской литературы. С. 41; Демкова Н. С. К изучению народной беллетристики рубежа XVII—XVIII вв.: (Новый список «Повести о царе Михаиле и золотом древе» в собрании рукописей Научной библиотеки Ленинградского университета) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 110—115 (то же: Демкова Н. С. «Повесть о царе Леватасаре и пророке Данииле» — новый вариант «Повести о царе Михаиле и золотом древе»: (Из истории народной беллетристики XVII века) // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 192—198)

Н. Ф. Дробленкова

«Слово о купцы, и сыне его, и жене сыновне» — произведение XVII в. на сказочный сюжет о силе отцовских слов. С. сохранилось в единственном дефектном списке сер. XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1571. Богатый константинопольский купец Иван, умирая, завещал сыну своему Василию хранить три отцовских слова: «Первое слово не повелел ему с царем знатися, второе слово — за татя и разбойника и за всякого бражника и за лжива человека ко царю не печаловатися, третьее слово — не сказывать ему жены правды ни в чем». Сын желает проверить истинность отцовских слов. Он заводит тесную дружбу с царем, становится его побратимом, затем крадет и прячет царского сына, а жене показывает испачканную куриной кровью рубашку и поверяет тайну, будто он убил ребенка. Он спасает от виселицы татя. После ссоры с мужем жена доносит на него царю, а спасенный разбойник соглашается быть его палачом. Список на этом обрывается, но развязку легко реставрировать, обратившись к многочисленным народным сказкам на эту тему (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 911 = К 910 В, С. 229—230). Купец представляет живым царского сына и оправдывается, убедившись в силе отцовских заповедей.

Разные варианты сюжета, развиваемого в С., широко распространены в фольклоре, преимущественно в белорусском, украинском и польском; возможно, это свидетельствует о западнорусском происхождении того варианта, который представлен в С. Очевидно, список XVII в. содержит самую раннюю запись этого сюжета. От поздних опубликованных вариантов С. отличается целым рядом деталей: только здесь действие происходит в Константинополе, а побратимом героя становится царь, только в С. в число советов отца входит запрет не заступаться за татя — во всех остальных сказках его место занимает приемный сын, согласившийся стать палачом отца. Как правило, героем сказок является не купец, а любимый слуга пана, садовник или лесничий, чье преступление заключается в мнимом убийстве панского сокола (лебедя, жар-птицы). Только в украинской сказке, записанной М. Левченко, фигурирует якобы убитый панский сын (Казки та оповідання з Поділля. В записах 1850—1860 pp. / Упоряд Микола Левченко. Київ, 1928. Вип. 1—2. № 242, С. 174). Эти отличия не позволяют говорить о первичности С., а скорее указывают на независимое бытование сказок, восходящих к общим источникам. Один из мотивов сюжета — оскорбленная жена выдает мужа, якобы совершившего убийство, А. Н. Веселовский отмечает в западных повестях (Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 89).

По стилю и языку С. далеко от книжного произведения и больше похоже на запись устной сказки, только отчасти обработанной. Как и другие сказки, зафиксированные в более поздних записях, С. включает в себя многочисленные диалоги, содержит характерные для устного произведения утроения. Небольшой текст С. отличается обилием просторечных выражений: «дружбу любовну имети», «повелел кликати по всему граду, кто бы сына его показал жива или мертва и многи дары сулит и жалованье», «бысть котора велика и муж udари жену боляче», «и повеле царь побратима всадити в темницу, и повеле кликуну кликати на торжище по всяк день, кто бы на купецкого сына, а на царского побратима осил положил», и др. Возможно, данное в рукописи жанровое определение произведения — «слово» является отголоском его устного происхождения.

О времени создания С. можно говорить только предположительно. Вряд ли упоминание Константинополя позволяет отнести историю о купце к XV в., до взятия города турками; скорее всего, это вполне условная локализация, соответствующая «некоторому царству» сказок. Поведение царя и его слуг на купеческом пиру в какой-то мере может намекать на времена опричнины *Ивана IV Грозного*: «И царь приедет ко двору, иде же дом Василев, и Василей постелет сукни дорогие скарлатные, и царь по тем сукнам идет за стол с своею околничею, и вшед за стол и велит своим людем сукна те взяти на собя. И тако быша многижды». Даже если устный вариант относил-

ся к XVI в., то в письменном виде С., скорее всего, появилось в XVII в., став в один ряд с повестями о купцах, сыгравшими особую роль в формировании древнерусской беллетристики (см.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 525—528 — раздел написан Д. С. Лихачевым). Особенностью С. как беллетристического произведения является его вымышленный сюжет и светский характер повествования.

Текст С. был отмечен А. Ф. Бычковым в составленном им описании рукописей и полностью опубликован М. О. Скрипилем. Однако, ни сам М. О. Скрипиль, ни кто-либо другой этот текст специально не исследовал.

Изд.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. I. С. 66 (фрагмент); Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. II. Слово о купцы и сыне его и жене сыновне // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 327—328.

М. Д. Каган

Слово о мужах ревнивых — памятник демократической сатиры XVII в. С. дошло в единственном списке конца XVII—нач. XVIII в. БАН, 45.10.9, л. 123—125 об. С. в гротескном стиле изображает ревнивого мужа, который не может ни есть («А хлеб режет, как не зарежется»), ни спать («А спать ложится, а не ляжет, а хотя паки и ляжет, и опять вскочит»), ни работать («И топор емлет, как не посечется»; «А осил ставит, как не удавится»), ни ездить на пир («Он сам не едет, ни от себе жены не отпустить»). Карауля свою жену, он бессмысленно мечется по дому и подворью («А шед в гумно, и под овин лезет и не лезет..., ин опет воротится, выскочит на гумно, имет вертится..., кругом по заовинью рыщет, и по соломе скачет...»). В грубоватой манере поведение ревнивого мужа сравнивается с поведением больных животных — недужной овцой, коровой, свиньей, кошкой, курицей, он уподобляется слепой кобыле и бешеной собаке. По словам В. П. Адриановой-Перетц, «очевидно в представлении автора „Слова“ ревнивый человек своим поведением напоминает больного».

В конце XVII в. в литературу проникает тема семейных и интимных отношений, что отражается как в крупных повестях (*Повесть о Савве Грудцыне, Повесть о Флоре Скобееве, Повесть о Карпе Сутулове*), так и в небольших сатирических зарисовках-диалогах (*Сказание о молодце и девице, Повесть о старом муже и молодой девице*). В младшей редакции Повести о старом муже, относящейся к XVII в., много общего со С. Принято считать, что С. как бы подсказано Повестью, разрабатывает один из ее мотивов. Однако последний пассаж Повести, написанный совершенно в духе С. («от людей стар бегает, в пиру не сидит, к людем не пристанет, а от ворот не отстанет, в ызбу не лезет, а хотя и влезет, и он не сядет, а верх глядит, голову

закинул, язык закусил, кропчется, что лихая собака...»), возможно, говорит об обратной зависимости: не повлияло ли С. в этом фрагменте на автора Повести.

В С. отразилась не только вполне определенная семейная ситуация, но и быт русской семьи вообще, особенности хозяйства, характерные для городских демократических слоев, или даже зажиточного крестьянства, описываются изба и подворье, где и находится вся та живность, с которой сравнивается ревнивый муж; перечисляются работы, которыми должен заниматься хозяин; намекается на определенный семейный уклад, на формы общения с окружающими (езда на «пир», фигурирующая и в других демократических произведениях, например, в Повести о Карпе Сутулове). В. И. Срезневский предположил, что С. могло быть написано женщиной. Оно противостоит всей массе произведений, посвященных «злым женам»; в С. женщина — положительное начало.

Изд.: Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1900 и 1901 гг. Приложение I. СПб., 1903. С. 142. 192—193; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 132—133, 217, 289—290; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 104, 164, 225; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 331—333. («Сокровища древнерусской литературы»).

Лит.: Лопарев Х. «Сказание о молодце и о девице»: Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. СПб., 1894. (ПДП, вып. 99); История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 233—235.

М. Д. Каган

«Слово о некоем мужи имеием Тимофей» — старообрядческое произведение, составленное на Дону в конце XVII—нач. XVIII в. С. известно в единственном списке XVII в. ГПБ, O.XVII.37, л. 44 об.—55 об. (в литературе упоминается под неверным шифром Q.XVII.37). Список дефектный: в нем недостает конца, а в середине утрачены листы, нач.: «Не умолчю бывшия благодати Божия на роде человечестем...».

С. рассказывает о том, как «муж некий именем Тимофей», родом из Донской области, ушел «из мира с женой и чады» и поселился в Чирской пустыни (на реке Чир — притоке Дона), «близ обители пречистые Богородицы Покрова». Здесь он был пострижен Покровским игуменом Досифеем в иночество под именем Тарасия и вскоре умер. Далее описывается видение, бывшее 7 января 1687 г. десятилетнему сыну Тимофея Иоанну, записанное 3 февраля этого же года неким иноком Покровской обители. Иоанну представился во сне Страшный суд и рай, в котором он увидел и основателя обители Иова, и отца Досифея, и своего отца Тимофея, убившего на своем веку четырех человек, но прощенного «поне же исповедался и пострижеся в иноческий образ». Он видел здесь протопопа *Аввакума* и прочих

мучеников за истинную веру, видел страдания грешников, противников ее распространения на Дону, атаманов Донских — Корнилия и Михаила Самарина, описаны здесь и мучения «бреющим брады». По словам В. Г. Дружинина, издававшего С., памятник изобразил «приемы раскольников, к которым они прибегали для распространения своего учения среди казаков»; с одной стороны, лица, умершие «в вере предков», изображались испытывающими блаженство после смерти, а их противники казнились дьяволом, с другой — наличествовало стремление возвысить Чирскую пустынь в глазах казаков рассказом о прощении убийцы Тимофея за одно только пострижение в ней.

Автор С. при изложении придерживается двух эсхатологических сказаний — Повести о видении Козьмы-игумена и Слова в неделю мясопустную Палладия-мниха. Ряд особенностей памятника, в том числе намеки на лица и события, современные автору, заставили В. Г. Дружинина предположить, что существовали конкретные цели, ради которых составлялось С.

Изд.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 233 244.

Лит.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 66–67; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1867.

М. А. Салмина

«Слово о некоем старце» см. *Сергий, инок Елецкого Черниговского Богородского монастыря.*

«Слово о рассечении человеческого естества, како сечет в различныя вещи» — памятник 2-й пол. XVII в., связанный с литературной деятельностью старообрядчества. С. состоит из 55 глав, в каждой из которых человек и отдельные черты его природы уподобляются различным природным объектам (небо, земля, солнце, металлы, камень, животные); таким образом, памятник может быть причислен к кругу древнерусской символико-толковательной литературы. Уподобления природным объектам сближают С. с *Физиологом* и *Шестодневами* Василия Великого и Иоанна Экзарха Болгарского. В отличие от последних, в С. основное внимание уделяется не догматическим, а морализаторским толкованиям, рассмотрению нравственных качеств человека. Источниками материала для составителей С. могли быть сочинения Василия Великого и Иоанна Дамаскина (об этом часто упоминается в заглавии произведения), а также «Собрание о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита (например, главы о гусях, журавлях; см. *«Физиолог» и «Сокровище» Дамаскина Студита*), древнерусские *Азбуковники* (например, главы о саламанд-

ре, орле, фениксе и др.), *Голубиная книга* (глава о инороге, который, подобно зверю Индрику духовного стиха, «ходит под землею»).

С. — это свод уподоблений, построенных по принципу художественного параллелизма, поэтому неосновательным представляется вывод Ф. И. Буслаева о связи этого произведения с так называемым «звериным стилем». Каждая глава С. представляет собой двухчастный фрагмент, открывающийся обязательным зачином типа: «Человек не человек еси, древо не древо еси, человек...». Далее следует краткий рассказ о природном объекте (отмечаются только те его свойства — иногда фантастические, из которых автор намерен сделать нравственные выводы) и сравнение его с теми или иными чертами человеческого характера. Все толкования С. направлены на то, чтобы объяснить, каким должен и каким не должен быть истинный христианин. Высоко оцениваются такие добродетели, как смирение, соблюдение поста, стремление к нравственному совершенствованию. Из пороков осуждаются лицемерие, жестокость, тщеславие, лень, разврат.

Н. Н. Дурново, исследовавший и впервые опубликовавший полный текст С., отмечал связь этого памятника с кругом старообрядческой литературы. Для С. характерно скептическое отношение к государственной власти, царям и князьям (главы о земле, о льве); неоднократно упоминаются еретики, преследующие правоверных (например, глава о гусях — «лютые еретики, иже снедают душа наша, купно же и телеса наша сжигают»). Гипотезу Н. Н. Дурново о связи С. со старообрядческой литературой отчасти подтверждает изображение в одном из лицевых списков произведения человека, осеняющего себя двуперстным крестным знамением (ГПБ, собр. ОЛДП, О.133). Бóльшая часть списков С. относится к XVIII в.; среди них есть лицевые (ГПБ, собр. ОЛДП, О.133; ИРЛИ, колл. И. Н. Заволоко, № 257), отличающиеся необычными изображениями животных (например, зайца, рыси, обезьяны, ехидны и др.). Среди выявленных к настоящему времени списков (около 15) выделяется список БАН, собр. Текущих пост., № 1064, 2-я пол. XVII в., отразивший черты южнорусского произношения: написания типа «хрѣхóмъ», «гризéть», «оугризýетъ» (исправления *х* на *г*, *и* на *ы* внесены впоследствии другим писцом). Текстовые различия между списками незначительны.

Возможно, в С. нашли отражение некоторые из народных поверий о животных. В главе о ехидне, где она названа также черепахой, рассказывается, что ехидна настигает разорителя своего гнезда и убивает его («сцом своим уморяет»), а также знает некий «корень», с помощью которого можно разрушить любые ограды. Источником этого мотива можно считать славянские народные поверья о ядовитости черепахи (Украина) и о том, что черепаха умеет находить «разрыв-траву», при помощи которой она освобождает своих детей

из закрытого гнезда (южная Россия, Украина, восточная Сербия, западная Болгария). Рукописная традиция С. изучена недостаточно.

Изд.: Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1899. Ч. 3. С. 147—153; Дурново Н. Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе // Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 60—118.

Лит.: Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887. С. 468—470; Карнеев А. Д. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». СПб., 1890. (Изд. ОЛДП, № 92); Белова О. В. Что мы знаем о ехидне? // Русская речь. М., 1992. № 2. С. 102—105.

О. В. Белова

Служба кабаку (иначе: Праздник кабацких ярыжек) — произведение демократической смеховой литературы XVII в., написанное в форме пародии на церковную службу. Композиция С. воспроизводит построение церковных песнопений (в основном, это традиционные тексты Всенощного богослужения), включая паремии и житие. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, изложение истории обобранного в кабаке пропойцы в виде церковной службы мученику нарушало все привычные ассоциации, связанные с этой литературной формой, сближало два резко противоположных образа, заостряя с помощью этого сближения сатирическое изображение и самого пьяницы, и кабака. Д. С. Лихачев отметил специфику средневековой пародии в С., где осмеивается не объект, а сам текст пародийного произведения. С. сохранилась в трех списках XVII–XVIII вв.: ГИМ, Музейское собр., № 3860, л. 280—314, 1666 г.; № 3859, л. 1—30, 1-я пол. XVIII в.; ГБЛ, ф. 29, собр. Беляева, № 51 (М. 1565), л. 4—39 об., сер. XVIII в. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, список 1666 г. содержит текст, наиболее близкий к первоначальному. Оба других списка восходят к общему протографу: они имеют общие пропуски, перестановки, ошибки и сопровождаются одними и теми же статьями о пьянстве. Этот общий протограф, в сравнении со списком 1666 г., использовал более книжный язык. Однако в нескольких случаях списки XVIII в. восполняют явные пропуски и исправляют ошибки старшего списка. В списке ГБЛ произведению предшествует пространное предисловие (л. 1—3; начало утрачено), составленное для оправдания в глазах читателя того способа обличения пьянства, которое использовано в С. Вероятно, С. была создана в Сольвычегодском крае, во владениях Строгановых, т. к. в тексте упоминаются географические названия «Вычеготского Усолия» — реки Вычегда, Лала и Виледь; примечательно также, что во владельческой записи на списке 1666 г. назван Прилуцкий монастырь. В С. сильно влияние разговорного языка, устно-поэтической речи; образная система С. отразила категории и символы народной культуры. Анализ севернорусских

диалектизмов в С. способствует пониманию ряда неясных мест текста. В то же время автор С. опирался на традицию учительной проповеди, используя сюжеты, мотивы и лексику обличительных слов против пьянства, язычества и т. д. До наших дней дошло несколько свидетельств о бытовании С. в XVIII в. в Москве и Нижнем Тагиле. В Сибири произведение было известно вплоть до начала XX в., о чем свидетельствует письмо М. Горького к В. И. Анучину от 4 октября 1912 г.: «Не поскупитесь на время и напишите подробнее, что это за „Служба кабаку" и „Праздник кабацких ярыжек", которую поют Ваши сибирские семинаристы? Будущие попы и такое великое кощунство!! Показательная для Руси штука» (Труды Самаркандского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. Т. 2, вып. 3: Письма М. Горького к В. И. Анучину. Самарканд, 1941. С. 16).

Изд.: Адрианова-Перетц В. П. 1) «Праздник кабацких ярыжек»: Пародия-сатира второй половины XVII века // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 171—247; 2) «Праздник кабацких ярыжек»: Пародия-сатира второй половины XVII века. М.; Л., 1936; 3) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 27—96; 4) Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1954. С. 46—64; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 37—50; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 224—237; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 172—215. («Сокровища древнерусской литературы»); «Служба» кабаку. Подгот. текста и комм. Н. В. Понырко // ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 196—210.

Лит.: Викторов А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 33—36; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 190—193; Лихачев Д. С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей в честь 75-летия М. М. Бахтина. Саранск, 1973. С. 73—90; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. М., 1976. С. 8—16 (рец.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // ВЛ. 1977. № 3. С. 155—157); История русской литературы. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 367—368; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала: (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 187—189; Ромодановская Е. К. Служба кабаку перед церковным судом XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература эпохи феодализма. Новосибирск, 1990. С. 189—195; Стафеева (Сапожникова) О. С. 1) К проблеме изучения литературной пародии XVII в. // Проблемы развития русской литературы XI—XX вв.: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18—19 апреля 1990 года. Л., 1990. С. 15—16; 2) «Служба кабаку» и традиции учительной литературы: (к постановке проблемы) // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 42—47; 3) Проблема редакций «Службы кабаку» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 276—284; 4) Народная обрядовая символика и мифологические представления в поэтике «Службы кабаку» // Там же. СПб., 1996. Т. 49. С. 133—140; Смилянская Е. Б. К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в.: (Следственное дело о «Службе кабаку» в комплексе документов о богохульстве и кощунстве) // Там же. СПб., 1992. Т. 45. С. 435—438; Литература и культура Древней Руси. С. 157; Литература Древней Руси. С. 210.

А. Г. Бобров, О. С. Сапожникова

Собакины Василий Никифорович (ум. 29.IV.1677) и **Михаил Васильевич** (ум. после 1713) — отец и сын, окольничие, книголюбы, составители рукописных книг и сборников. Происходили из дворянского тверского рода Нагих (в 1495 г. в Москву выехал родоначальник Собакиных — Даниил Григорьевич Собака Нагой). Будучи близок к дворцовой партии Морозовых—Милославских, отец С.-отца Никифор Сергеевич 1 октября 1645 г., сразу после венчания на царство *Алексея Михайловича*, получил чин окольничего (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 20). С.-отец впервые упоминается на службе в 1650/1651 г. в чине стольника (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 205). В 1650 г. он находился в Пскове вместе с отцом, тогда — псковским воеводой. Восставшие псковичи обвиняли С. старшего и его младшего брата Григория в том, что они «мужних жен и дочерей позорили насилством» (Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г.: Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в. М.; Л., 1935. С. 74, 186). В дальнейшем С.-отец служил при дворе, сохраняя политическую ориентацию на Милославских. После смерти царя Алексея Михайловича он за короткий срок становится последовательно комнатным стольником, думным дворянином и, наконец, 1 октября 1676 г. — окольничим (Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton, 1983. P. 200). С.-сын — старший и единственный из детей С.-отца, доживший до его смерти, был женат на Евдокии Давыдовне Племянниковой. В сентябре 1674 г. С.-младший впервые упоминается в чине стольника. В 1675/1676 г. он уже комнатный стольник царевича Ивана, а в 1676/1677 г. — царя *Феодора Алексеевича*. 14 октября 1687 г. ему «сказан» чин окольничего. В 1690—1692 гг. С.-сын служил воеводой в Пскове (Сборник Московского архива министерства юстиции. М., 1914. Т. 6. С. 275), в 1696—1698 гг. — в Переяславле (ГПБ, F.II.66). Политическая ориентация С.-сына была традиционной для его семьи. Вместе с тем, он сохранял лояльность к правительству Петра I, хотя и не был активным проводником в жизнь петровских «новин». Последнее упоминание С.-сына относится к 1713 г. (Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. P. 200).

Все рукописи С.-отца и С.-сына включают тексты исторического содержания — от исторических повестей до документальных памятников. Причем содержание последних выходит далеко за рамки практических потребностей — местнических разбирательств. В этом отношении показательна глосса в сборнике ГИМ, собр. Вахрамеева, № 492: «А Михайла Собакин говорит, что Тмутаракани Тверь была звана. Сказывает, видел на писме встарь» (Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 25). Интерес к истории и книжности был у Собакиных в роду. В частности, в описи архива Разрядного приказа 1626 г. указана «отписка ис Путивля Сергея Собакина, а пот отпискою лист, писал книжным писмом род великого князя Влади-

мира Киевского» (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. Приложение IV. С. 53). Сергей Собакин (ум. 1625 г.) — это дед С.-старшего, а отписку следует датировать 1620—1622 гг. (Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 719, 761; Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. № 150, С. 174—176). В настоящее время обнаружено десять рукописей, которые, как следует из владельческих записей, входили в собрание С.-сына; из них семь принадлежали ранее его отцу.

К концу 1640-х гг., ко времени пребывания С.-отца в Пскове, относится создание трех рукописей. Сборник ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 145/212 содержит хождения и житийные памятники, связанные с Псковом, а также Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых и Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. Сборник ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 447/915 содержит список ПIЛ с дополнительными статьями (см.: *Летописи Псковские*). В числе дополнительных статей в сборнике читается список краткого собрания ханских ярлыков, Устав князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках и оригинальный текст нравственно-учительного характера (л. 143—146 об., опубликован А. Н. Насоновым). Рук. ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 69/92 представляет собой список ПIIIЛ с приписками за 1645—1650 гг. Текст протографа летописи оканчивался записью о поставлении в 1650 г. Митрофана архимандритом Печерского монастыря. Приписки к тексту продолжают это известие: «А был тогда во Пскове государев воевода околничей Никифор Сергеевич Собакин да дьяк Иван Степанов, а во дворце был дьяк Иван Дмитриев». Приписки содержат сведения о пожалованиях в думные чины. Выполнены они одним из писцов рукописи Андреем Ильиным, по прозвищу Коза, согласно указаниям заказчика рукописи — С.-отца. Вероятно, в этих приписках использовались документы Разрядного приказа, в частности, особая, утраченная ныне «Книга..., кому велено быть в боярех и в окольничих з 99 году» (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Приложение IV. С. 77). Нельзя исключать и того, что приписки делались на основе записей фамильного архива Собакиных. С 1946 г. обе рукописи с текстом псковских летописей имеют в архиве единый шифр (№ 69 + 447). Как явствует из владельческих записей на них, обе рукописи составил дьячок Андрей Ильин Коза.

Особый интерес представляет сборник ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 119/166. Сборник составлен в 1659 г. и состоит из трех рукописей 1630—1640-х гг. Первая представляет собой компиляцию из разрядов и семи глав *Казанской истории*. Рукопись принадлежала князю Д. Г. Гагарину, вотчиной которого владели Собакины. Каких-либо литературных достоинств компиляция не имеет. Составитель стремился соединить все фактические данные, касаю-

щиеся описываемого события. Предпочтение при этом он отдавал лаконичным известиям разрядов. И только то, что отсутствовало в них, было дополнено по Казанской истории. Компиляция получила некоторое распространение в рукописной традиции: известен список ее 2-й пол. XVII в. с более исправными чтениями (БАН, 16.17.34). Вторая рукопись сборника — это список разрядной книги 1613—1645 гг. с известиями за 1613—1644 гг. (Собакинской редакции). Третья рукопись содержит компилятивный летописец частного характера, оканчивающийся записями за 1642 г. (л. 229—305). Известия начинаются текстом *Хронографа Русского*, русские известия читаются с л. 236: «По сем же скажем Повесть временных лет, откуду пошла Руская земля...». Наиболее подробные записи датированы 1627—1633, 1642 гг.; многие из них составлены на основе документальных источников.

Рук. ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 110/156, 1620-е гг. — это разрядная книга с записями за 1489—1606 гг. Текст за 1489—1556 гг. представляет собой краткие выписки из разрядов; далее следуют записи «Государева разряда» 1585 г. (2-й редакции, по В. И. Буганову); заключительные известия представлены разрядами «древнейшей традиции». Сборник ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 71/94 содержит подборку исторических повестей. Древнейшей из рукописей, принадлежавших С.-отцу и С.-сыну, является хронограф редакции 1512 г. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 564), датируемый 1540-ми гг. Из рукописей, созданных по заказу и, возможно, при участии С.-сына, наибольший интерес представляет сборник ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 115/162, составленный, как установил В. И. Буганов, из нескольких частей в 1680-х гг. В состав сборника входят преимущественно исторические памятники документального характера: «Книга выписная пожалований», «Местнический справочник», «Книга дядькам и мамкам и боярыням верховым». Среди других статей сборника — записи о восстаниях в Москве 1648 и 1662 гг. В. И. Буганов установил, что записи были сделаны под впечатлением восстания 1682 г. со слов Г. Н. Собакина, дяди С.-сына.

Последнему принадлежали еще две рукописи. Одна из них — Ирмологий киевского роспева (ГПБ, собр. Погодина, № 391) переписана по его заказу в августе 1700 г. в Переяславле (Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 31—33). Другая рук. — ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 123/171 представляет собой сборник 1670-х гг., содержащий списки документов Разрядного и др. приказов. Сборник составлен, видимо, еще С.-отцом; текст содержит известия о придворной службе Собакиных и открывается росписью свадьбы *Ивана IV Грозного* и Марфы Собакиной. Помимо перечисленных рукописей, есть основания считать, что С.-отец и сын владели некоторыми другими книгами, не содержащими владельческих записей XVII в. Такова, например, рук. ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 117/164 — сборник, в составе

которого находятся две разрядные книги. Одна из них содержит подборку «собакинских известий» и разряды, восходящие к сборнику ЦГАДА, ф. 181, № 119/166. Наконец, до сих пор не обнаружены две рукописи с текстом Книги Большого Чертежа, принадлежавшие Собакиным и использованные Н. И. Новиковым при издании этого памятника в 1773 г.

Лит.: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке Ф. А. Толстого. М., 1825. № 85. С. 101—105; Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 1—80; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. XXX—XXXI; 1852. Т. 2. С. II, стб. 822—824, 859—862; 1852. Т. 3 (под литерой «Н»): Дополнение к тому 3-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 397—444; ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 73—74; Оболенский М. А. Книга дядькам и мамкам // ВОИДР. 1851. Кн. 9. Смесь. С. 46—51; Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 96; Переписка И. Д. Беляева с учеными и литераторами // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Отд. V. С. 21—22, 23—25; Кунцевич Г. З. 1) История о Казанском царстве: (ее списки). СПб., 1901. С. 56; 2) История о Казанском царстве или Казанский летописец // ЛЗАК за 1903 г. СПб., 1905. Вып. 16. С. 112; Серебрянский Н. И. 1) О редакциях жития преподобного Никандра Псковского. СПб., 1904. С. 47—56. (ПДПИ, вып. 157); 2) Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 538—545; 3) Княжеские жития. Приложение. С. 143—156; Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище // СОРЯС. 1906. Т. 81, № 7. С. 190; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: (7113—7121). М., 1907. С. X, 226—228; Иконников В. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1200; Псковские летописи / Подгот. А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. VI—VIII, XXI—XXIII, XXXI—XXXII, 141—142; М., 1955. Вып. 2. С. 70—77, 251—290; Яковлева О. А. К истории псковских летописей // Записки Научно-исследовательского ин-та при Совете министров Мордовской АССР. Саранск, 1946. Вып. 6. С. 132—146; 1947. Вып. 9. С. 218—228; Буганов В. И. 1) Описание Московского восстания 1648 г. в архивском сборнике // ИА. 1957. № 4. С. 227—230; 2) Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 гг. // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 99—113; 3) Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 44—48; Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968. С. 51—52; Мингалев В. С. Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА // Советские архивы. 1970. № 6. С. 105; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 193; Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв. / Подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 153—159; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985. С. 14—15, 168, 171, 195—199; Петров К. В. 1) Дворяне Собакины и их рукописи: (К истории книжных собраний XVII в.) // Россия в X—XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 423—428; 2) Разрядные книги XVII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.

К. В. Петров

Соборник — определенный тип древнерусской печатной книги XVII—нач. XVIII вв. С. был назван первый из напечатанных на Руси календарный сборник уставных чтений, вышедший в Москве в 1647 г. Редакторы метафорически поясняют содержание книги: «Книгу, глаголемую Соборник, юже аз воистину нарицаю рай, от нея же обымающе плоды духовныя..., цветник же паки или рай сию

книгу глаголю, зане яко же в чювственом раю содержатъся различныя и многия плоды, тако же и сей имать святых и преподобных богоносных мужей учителная словеса...» (Соборник. М., 1647. Л. 880, 880 об.—881). Таким образом, за С. закрепляется и второе название — Рай (см. *Рай II*). Статьи С. следуют в порядке недель триодного цикла и приходятся на воскресные и будние дни 18 недель года: от недели «мытаря и фарисея» до недели «всех святых». В составе С. 70 сочинений нравственно-учительного, полемического и панегирического содержания, значительная часть которых является толкованием и риторическим распространением евангельских сюжетов.

Литературный материал в С. в тематическом и жанровом отношении распределен относительно равномерно: на каждую неделю в С. включается по 2—4 статьи, развивающих традиционную тематику недель четыредесятницы и пятидесятницы; соблюдается равновесие между эпидейктическими и дидактическими жанровыми формами. В этом заключается главное отличие С. от других триодных сборников уставных чтений — от древнерусской книги Рай (см. *Рай I*), в которой особо развивается тематика «страстной седмицы», от *Златоуста*, где наиболее полно отражены недели и дни, подготовительные к посту, и период Великого поста. По структуре и жанровым особенностям статей С. сближается с триодным *Торжественником*, что дало основание А. С. Орлову идентифицировать эти два сборника (Орлов. Сборники... С. 20). И все же Торжественник и С. — два разных сборника. Сохраняя форму и частично содержание триодного Торжественника XVI в., С. в то же время включает в свой состав значительное число сочинений из рукописных Златоустов XVI—нач. XVII вв. По составу С. занимает промежуточное положение между рукописными триодными Торжественниками и печатным Златоустом, первое издание которого вышло в 1795 г. За исключением двух слов (Иоанна Златоуста в понедельник V седмицы Великого поста «Что есть житие настоящее» и Епифания Кипрского «Слово на погребение Иисуса Христа»), печатный Златоуст не помещает тех произведений из рукописных триодных Торжественников и Златоустов, которые уже вошли в состав С. Но характерно, что печатные С. и Златоуст, разнясь и в сущности не пересекаясь друг с другом, не включают в свой состав ни одного слова, сверх тех, что уже известны по рукописям триодных Торжественников и Златоустов XV—нач. XVII вв. Следовательно, разница между печатными триодными сборниками заключается только в несколько иной компоновке старого литературного материала.

Литературной основой С., как и других триодных четьих сборников, являются переводные византийские и южнославянские сочинения, а также произведения русских авторов — *Кирилла Туровского*, *Григория Цамблака*, безымянные произведения.

Редакция С. 1647 г. была повторена в изданиях Почаевской (1787 г.) и Львовской (1793 г.) типографий. В издании 1700 г. текст

С. 1647 г. был исправлен по греческим и славянским книгам, состав С. при этом пополнился словом Григория, папы Римского, в неделю о блудном сыне. С. 1700 г. вышел с пространным названием: «Книга сия Соборник, сие есть собрание слов нравоучительных и торжественных, собраное от учителей святыя восточныя церкви, святых отцев, исполнено богомудрых учений и толкований, богословских, гражданских же и нравных разумений». Существует также несколько изданий С. XIX—XX вв.

Изд.: Соборник. М., 1647, 1700; Почаев, 1787; Львов, 1793.
Лит.: Амфитеатров Я. Чтения о церковной словесности или гомилетика. Киев, 1846. Ч. 1. С. 259—260; Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905. С. 20—22. (ПДПИ, вып. 158).

Т. В. Черторицкая

«Солнце пресветлое» см. *Моховиков Симеон Федорович.*

Сон Богородицы — апокрифическое сочинение, появившееся на Руси на рубеже XVII—XVIII вв. С. Б. входит в круг чтений Пасхального цикла. Текст по-видимому польского происхождения; известен польскоязычный вариант С. Б. 1546 г. из Летописца Ерлича. Большинство списков С. Б. — южнорусского извода. Наиболее популярным апокриф становится с конца XVIII в. Специального исследования, посвященного С. Б., нет. Наибольшее внимание уделил ему Н. Ф. Сумцов, который выделил две основные части, составляющие апокриф: «1) описание самого сна и объяснение к нему Христа и 2) заговорное значение сна и объяснение того, какая польза носить его ... или хранить дома». А. Н. Пыпин и Н. Ф. Сумцов отнесли С. Б. к разряду «ложных молитв». П. А. Безсонов указал на то, что в основе апокрифического сказания, как и духовного стиха на эту тему, «лежит известное церковное песнопение — „Не рыдай Мене Мати“, из чего сделан разговор по поводу виденного пророческого сна».

С. Б. представлен тремя редакциями, которые различаются сюжетами своей второй части. Первую часть всех редакций неизменно составляет видение Богородицы, т. е. рассказ о распятии Христа и о его воскресении. 1-я редакция носит компилятивный характер и встречается, как правило, в сборниках южнорусского извода. Первая часть этой редакции изложена кратко и близка польскому тексту из Летописца Ерлича. Но, в отличие от польского варианта, русский текст 1-й редакции содержит вторую часть — описание божьих заповедей и кар, обрушивающихся на их нарушителя, — которое является отрывком, а иногда почти полным текстом апокрифа «Иерусалимский свиток».

2-я редакция, самая распространенная, носит характер «лжемолитвы». Она известна в двух вариантах: кратком и полном — «фольклорном». Первая часть (видение) сходна в обоих вариантах, но более пространна по сравнению с 1-й редакцией. Вводятся также описания сцен снятия с креста и сошествия в ад. Во второй части следует перечень «охранных» функций текста С. Б. В кратком варианте этот перечень касается лишь наиболее «общих» проблем — охраны дома, человека в пути, в лесу, в плавании, при венчании, в том случае, когда надо идти к царю, вельможе или судье. В полном или «фольклорном» варианте этот перечень делается более обширным, в него включаются порча, «двунадесять трясовиц», «лихая красавица» и т. д. Заканчивается этот вариант формулой «замка» заговора или молитвой об охране и помощи. На основе 2-й редакции были созданы одноименный духовный стих и «чистый» заговор (в нем отсутствует описание распятия). Характерно, что разные варианты С. Б. в этой редакции, подобно заговорам, могут коллекционироваться, собираться в одной рукописи. Именно родство С. Б. во 2-й редакции с заговорами вызывало особенно неприязненное отношение властей к апокрифу (Покровский Н. Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII—XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII—начале XX в. Новосибирск, 1975. С. 126; Журавель. Сведения... С. 31—32).

3-я редакция — наиболее поздняя, не опубликована, читается в рук. 1788 г. ГБЛ, ф. 299, № 8, л. 20 об.—23. Первая часть 3-й редакции близка первой части 2-й редакции, вторую часть составляет диалог Христа и Богородицы, молящей сына о прощении грешников. Делается попытка психологизации героев и известной театрализации повествования. В отличие от 1-й и 2-й редакций, в 3-й на первый план выдвигается тема Богородицы — заступницы христиан. В этом 3-я редакция сходна с духовным стихом, в котором также ставится эта тема. Но, в отличие от духовного стиха, в апокрифе Богородица не теряет своего ореола святости, не превращается в простую крестьянку, оплакивающую сына-кормильца.

С. Б., как правило, встречается в рукописях в сопровождении других апокрифов — «Иерусалимского свитка», *Сказания о двенадцати пятницах*, *Хождения Богородицы по мукам*.

Изд.: Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860. С. 48—50; ПЛ. СПб., 1862. Вып. 3. С. 125—128; Безсонов П. А. Калеки перехожие. М., 1864. Вып. 6. С. 175—235; Барсов Е. В. Материалы этнографические из записей Е. В. Барсова. 1. Сон Богородицы в живом народном пересказе // ЧОИДР 1886. Кн. 3. Отд. V. С. 1—2; Франко. Апокрифы. Т. 4. С. 79—80; Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Записал и собрал В. Бонч-Бруевич СПб., 1909. Вып. 2. С. 259—278.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888; Соболева Л. С. Апокриф «Сон Богородицы» в поздней рукописной традиции: (По материалам территориальных собраний УрГУ) // Источники по

истории народной культуры Севера: Межвузовский сб. научных трудов. Сыктывкар. 1991. С. 65—70; Журавель О. Д. Сведения о древнерусской литературе в материалах судебно-следственных дел о волшебстве: (XVII—XVIII вв.) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 31—32.

Е. М. Варенцова

София Алексеевна (17.IX.1657—4.VII.1704) — царевна, автор писем *В. В. Голицыну.* Дочь царя *Алексея Михайловича* и М. И. Милославской, С. А. была правительницей России в 1682—1689 гг. По свидетельству современников, С. А. была очень умна, начитанна, проницательна, энергична и честолюбива. Предприняла неслыханную для Руси попытку покинуть «терем» и активно участвовать в государственной политике и борьбе придворных партий.

После смерти брата, царя *Феодора Алексеевича*, С. А. воспользовалась стрелецким восстанием в Москве (май 1682 г.) и фактически возглавила правительство при малолетних Иване и Петре Алексеевичах. Опираясь на боярскую партию Милославских, на канцлера князя В. В. Голицына, боярина Ф. Л. Шакловитого. правительство С. А. провело несколько важных акций: был несколько ослаблен сыск беглых крестьян, сделаны уступки посадам, заключены важные для России мирные договоры с Швецией (1683 г.), с Польшей («вечный мир» 1686 г.), осуществлены походы В. В. Голицына в Крым (1687, 1689 гг.). В 1682 г. С. А. активно участвовала в «прениях о вере» в Грановитой палате Кремля. В 1687 г. С. А. санкционировала открытие первого высшего всесословного учебного заведения в Москве — академии, на основе школы при Богоявленском монастыре (впоследствии Славяно-греко-латинская академия). В 1689 г. борьба за обладание престолом между Нарышкиными и Милославскими завершилась победой группировки, поддерживающей Петра Алексеевича. Правительство С. А. пало, она была заключена в Новодевичий монастырь, где в 1698 г. под именем Сусанны пострижена в монахини; здесь она и скончалась.

Одно время считалось, что С. А. была автором не сохранившейся до нас трагедии «Обручение святыя Екатерины», ставившейся в 1680-х гг. во дворце. Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (М., 1820. Т. 7. С. 293) писал о С. А.: «Мы читали в рукописи одну из ее драм, и думаем, что царевна могла бы сравняться с лучшими писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением». Никаких достоверных сведений об опытах царевны в области драматургии не сохранилось. По мнению новейшего исследователя, столь же неосновательно приписывались С. А. и другие литературные тексты, в том числе вирши к портрету В. В. Голицына (1689 г.). Известны два письма С. А. к В. В. Голицыну, написанные во время его крымских походов (опубликованы Н. Г. Устряловым). Эти письма любовного содержания написаны

цифровой тайнописью. Одна из ее рукописей — роскошно украшенное лицевое Евангелие, изготовленное в подарок В. В. Голицыну, находится в Древлехранилище Пушкинского Дома (Карельское собр., № 241). С. А. посвящали свои панегирические вирши *Сильвестр Медведев* и *Карион Истомин*.

Изд.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. Приложение X. С. 382—384.

Лит.: Семевский М. Современные портреты Софии Алексеевны и В. В. Голицына. 1689 // Русское слово. 1859. № 12. С. 411—458; Шмурло Е. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С. 38—95; Помяловский М. София Алексеевна // РБС: «Смеловский—Суворина». СПб., 1909. С. 126—144; Богданов А. П. София — Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна: Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Гермеиевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7. ч. 2. С. 399—428; Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1997. С. 114—116.

Г. В. Маркелов

Софроний (в миру Стефан Батаврин) (1653—1693) — строитель, затем настоятель Софрониевой Молченской пустыни, автор писем. С. происходил из путивльских горожан и был, по-видимому, человеком предприимчивым. При нем пустынь достигла своего расцвета, получила во владение земли, леса, луга, рыбные ловли, славилась плодовыми садами. С. был близок *Симеону Полоцкому*. В 1672 г. в пустынь приехал ученик Полоцкого *Сильвестр Медведев*, года через два постригшийся там. В последующие годы дружба С. с ними продолжалась. В 1672 г. игумен Большого Путивльского Молченского монастыря Афанасий пытался закрыть Софрониеву пустынь, а монахов перевести в свой монастырь. Сильвестр Медведев и Симеон Полоцкий хлопотали перед московскими иерархами — *Павлом*, митрополитом Сарским и Подонским, и *Иоакимом*, архимандритом Чудова монастыря, будущим патриархом, и спасли пустынь от разорения. В 1676 г. Софрониева пустынь получила самостоятельность.

Следующее вмешательство Сильвестра Медведева потребовалось в 1677 г., когда у С. возник конфликт с украинскими гетманами Мазепой и Самойловичем, в результате которого он был вызван в Москву и сослан. Сильвестр Медведев обращался за помощью к князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому и сыну его Михаилу Григорьевичу, объясняя, что С. возбудил против себя гнев властей «по своей великой простоте, а не от злобы в словесех» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 793, л. 30). Их заступничество было успешным, и С. возвратился в свою обитель.

До нас дошло несколько благодарственных писем самого С. или написанных от его имени. В 1672 г. он писал *Евфимию Чудовскому* и Тихону (3 апреля). Эти письма читаются в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 191, 191 об., вместе с черновиками писем Сильве-

стра Медведева. Писал он и Сильвестру Медведеву, посылая ему 26 сентября 1677 г. «кадушечку меду пудна в три и 30 яблок» (ГИМ, Чуд. собр., № 302/100; описание рукописи см.: Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 10—11, 196—213). Благодарственные письма написаны в традиционной риторической манере.

Изд.: Письма Сильвестра Медведева / Сообщ. С. Н. Браиловского. СПб., 1901. С. 60—62, 62—63. Примечания. (ПДПИ. вып. 144).

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 186—190; Описание Путивльской Молченской Софрониевой пустыни, находящейся в Курской епархии. СПб., 1846; Н. С. Софрониева и Глинская пустыни // Странник. 1862. Т. 4, декабрь. С. 529—534; Соколов П. Первый придворный стихотворец из воспитанников Московской Заиконоспасской школы в своих письмах и стихотворениях // ЧОЛДП. 1886. № 6. С. 597, 601, 603, 613—614; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 93. 98, 105—107. 114—116. 121. 125, 142—147.

М. Д. Каган

Спарвенфельд Иоганн Габриэль (Sparwenfeld Johan Gabriel, Иоанн Гавриил Иванович Спарвенфельд) (17.VII.1655—02.VI.1727) — шведский ученый, лингвист, путешественник, автор стихов и славяно-латинского словаря. В 1684 г. прибыл в Москву в составе шведского посольства. Получив королевскую стипендию, оставался в России до 1687 г. для изучения русского языка, которым занимался под руководством переводчика Посольского приказа *Стахия Гадзаловского*. Занятия лексикографией послужили побудительным мотивом к созданию славяно-латинского словаря, который стал главным делом жизни С. При работе над славянским словарем С. использовал словари *Епифания Славинецкого*, *Арсения Сатановского*, Памвы Берынды, Я. Микалия. К работе над словарем он привлек русского резидента в Стокгольме А. И. Хилкова, его секретаря А. Манкеева и переписчиков М. Забани и Шепелина. При жизни С. славянский словарь, работа над которым продолжалась более 20 лет и который включает около 25 000 слов, так и не был напечатан. Спустя три века его публикацию осуществила шведская исследовательница Улла Биргегорд.

В Государственном архиве Швеции хранится дневник русской поездки С., написанный на шведском, французском и итальянском языках. С. принадлежат также три стихотворения на русском языке (1684, 1697, 1704 гг.), которые были известны В. К. Тредиаковскому и считаются одними из первых в русской поэзии тонических стихотворений. На русском же языке С. написал в 1697 г. «Плачевную речь» — надгробное слово королю Карлу XI.

Во время пребывания в России С. собрал большую коллекцию русских книг и рукописей, которые он подарил Упсальской библио-

теке. Небольшая часть собрания С. хранится в библиотеке г. Вестероса, вблизи которого находилось его имение Обылунд (Åbylund).

Изд.: Петровский Н. М. Analecta metrica. VI. Мелкие заметки // РФВ. 1914. Т. 71, № 2. С. 534—538; Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 67—70; Быкова Т. А. К истории русского тонического стихосложеиия: (Неизвестное произведеиие И. Г. Спарвеифельда) // Там же. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 449—453; Lexicon Slavonicum / Ed. U. Birgegård. Uppsala, 1987—1990. Т. 1—4 (рец.: Otten F.// Zeitschrift für slavische Philologie. 1994. Bd 54. H. 2. S. 397—401); Биргегорд У. Плачевная речь по Карлу XI-му на русском языке // Подобаетъ память сътворити: Essays to the Memory of A. Sjöberg. Stockholm, 1995. С. 25—37. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, t. 24).

Лит.: Пекарский П. Переписка Лейбиица с разными лицами о славянских наречиях и древиостях // Записки имп. Академии иаук. 1864. Т. 4. С. 4—7; Jacobowsky C. V. J. G. Sparwenfeld: Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 470—481; Birgegård U. 1) J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten. I—II. Uppsala, 1971. 2) И. Г. Спарвенфельд и его лексикографические работы // Scando-Slavica. 1973. Т. 19. С. 135—141; 3) Глоссарий русского разговорного языка конца XVII века // Russian Linguistics. 1975. Vol. 2, N 1/2. С. 193—218; 4) Лексикографические работы И. Г. Спарвеифельда и их место в истории русской лексикографии // Slavica Lundensia. 1975. Т. 3. С. 29—55; 5) Славяиский словарь Спарвенфельда // Русская речь. 1979. № 4. С. 112—117; 6) Большой славяио-латииский словарь коица XVII в. // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 152—157; 7) Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slovenicum: His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography. Uppsala, 1985; 8) Соображения о русском языке в письмеиином иаследии И. Г. Спарвеифельда // Доломоносовский период русского литературного языка: Материалы конференции иа Фагеруддс, 20—25 мая 1989 г. Stockholm, 1992. С. 41—59. (Slavica Suecana. Series B: Studies, vol. 1).

Г. М. Коваленко, С. И. Николаев

Спиридон (в миру Симеон Потемкин) (ум. XI.1664) — архимандрит Покровского монастыря в Москве, старообрядческий писатель. С. был выходцем из высших кругов боярской аристократии, приходился дядей боярину и окольничему Федору Михайловичу Ртищеву (ср. также другого родственника С., также идеолога раннего старообрядчества — *Ефрема Потемкина*). Родился в Смоленске, где, по-видимому, получил неплохое образование. По свидетельству современников, знал пять языков, в том числе латинский, греческий и немного древнееврейский, неплохо разбирался в классической философии и догматическом богословии, «всеизрядно книги чтяше и художественнаго ведения не неискусен» (Семен Денисов. Виноград российский... Л. 38 об.). В 1662 г., вскоре после пострижения в монахи, С. был назначен архимандритом Покровского «что на убогих домах» монастыря, основанного в 1656 г. царским духовником *Стефаном Вонифатьевым* на личные средства царя *Алексея Михайловича*. С самого начала церковных реформ С. выступил убежденным противником нововведений, заявляя, что любое изменение «буквы» обрядов открывает путь антихристу для окончательного по-

корения «под свою руку» последнего православного царства — Святой Руси. Духом эсхатологизма пронизаны все сочинения С., ставшего еще при жизни признанным авторитетом у первых идеологов старообрядчества.

Главным сочинением С. считается его «Книга» по вопросам веры, состоящая из 11 «слов», большинство из которых было написано им в период с 1656 по 1658 гг. Некоторые из слов С. содержат полемику с сочинениями, включенными в сборник «Скрижаль» (М., 1656), вышедший под редакцией патриарха *Никона*. Именно на эти оригинальные и переводные сочинения опирался патриарх при проведении церковной реформы. В своих сочинениях С. рассматривает реформу церковных книг и обрядов с точки зрения апокалиптических предсказаний украинских богословов конца XVI в. о «поэтапном», трехчастном завоевании мира антихристом и о Московском государстве как последнем оплоте православия. Согласно этой теории, изложенной еще в «Книге о вере» (М., 1648), приход антихриста на Русь ожидался в 1660 г., а конечная его победа над миром — в 1666 г. В церковной реформе патриарха Никона ученый богослов стремится разглядеть и разгадать признаки антихристова прихода, тенденциозно истолковывая каждое «исправление» церковных обрядов и служб, каждое, казалось бы, незначительное изменение, внесенное в богослужебные книги при правке их по греческим образцам.

Новейшее исследование «Книги» Н. Ю. Бубнова позволило прийти к выводу о том, что отдельные части («слова») этого обширного сочинения в первые годы после их написания распространялись в списках порознь и лишь позднее, уже после смерти автора, были собраны в специальную книгу одним из почитателей «богомудрого старца». Составитель пронумеровал собранные им слова, снабдив каждое из них пространным заголовком-комментарием. При этом «Книга» была дополнена и некоторыми сочинениями, не принадлежащими С. Есть основания предполагать, что составителем «Книги» был московский диакон *Феодор Иванов*, считавший С. своим духовным наставником и учителем. Диакону Федору принадлежит весьма лестный отзыв о старце, стилистически перекликающийся с заголовками слов из «Книги»: «Бысть убо старец честен, и боголюбив зело, и премудр, и писанию святых книг искусен вельми, умея бо сам гречески и латински язык до конца и польский, и ученый бе человек, и все дни живота своего над книгами просидел и вина, и секира, сиречь всякаго пития піянственнаго, отнюдь не пия от юности. Имя ему бе в мире Симеон, Потемкиных дворян честных от роду, живый в Смоленске до мору. После же мору взят бысть к Москве и мало пожив и пострижеся на Москве в Покровском монастыре Убогом за Яузою, во иноцех Спиридон имя ему, окольничему оному Федору Ртищеву дядя бе по сродству плотскому...» (Материалы... Т. 6. С. 230—232).

«Книга» С., пользовавшаяся особым авторитетом у старообрядцев, широко распространялась в списках. Имеется две редакции сочинения с различным подбором, порядком расположения и нумерацией слов. Первая или первоначальная редакция, созданная, по мнению Н. Ю. Бубнова, диаконом Федором в 1664—1666 гг., состоит из 12 слов или глав, включая послание Андрея Плещеева к протопопу *Аввакуму* и ответ на него последнего (слово без номера и слово 6-е), датируемых 1664 г., когда Аввакум находился в Москве. Таким образом, в «Книге» всего 10 слов, принадлежащих С., а именно: слово 1: «О крестном знамении»; слово 2: «О святом Дусе, меч духовный, глагол Божий» (это слово без заголовка распространялось в списках до оформления «Книги»); слово 3; «Написано прение о двух христианех...»; слово 4: «Слово вопросительное, како слепии видящих водят»; слово 5: «Страшно удивительная догмата всему исполнению церковному от божественных писаний о связании сатаны и о хулении на святый Дух»; слово 7: «О хулении на святой Дух»; слово 8: «О символе святыя православныя веры...»; слово 9: «Беседа о нечювственных христианех...»; слово 10: «Яко не ходяй дверми во двор овчий, но пролазай инуде, той тать есть и разбойник...»; слово 11: «О еже соедени Господь земная с небесными и совокупи все языки человеческие со ангельскими, глаголя: аллилуия, аллилуия, слава тебе Боже». Кроме перечисленных текстов, некоторые списки первоначальной редакции «Книги» включают «Слово о кресте Господа нашего Исуса Христа», надписанное именем С. и помещаемое либо в начало, либо в конец «Книги». В старейший свод сочинений С. это слово, видимо, не попало.

Вторая редакция «Книги» С. возникла не ранее 2-й четв. XVIII в., по-видимому на Выгу, так как содержит выписку о С. из сочинения *Семена Денисова* «Виноград российский» (1725 г.). Эта редакция подразделяется на три вида, различающихся составом, расположением и нумерацией входящих в нее слов. Помимо названного «Слова о Спиридоне Потемкине», в состав редакции входит послание диакона Федора к Иоанну Аввакумовичу, а также небольшие выписки из «Книги о вере» (М., 1648) и *Кирилловой книги* (М., 1644). В то же время во всех трех видах этой редакции отсутствует слово 3-е («Написано прение о двух христианех...»). До недавнего времени исследователям была известна только эта редакция «Книги» с неполным (по сравнению с первой редакцией) набором слов. «Книга» С. написана усложненным церковнославянским языком, с обилием западнорусизмов и полонизмов, включает много цитат из сочинений украинских богословов. Сочинения С. до сих пор не издавались.

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 6. С. 78—79; М., 1885. Т. 7. С. 230—232; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1898. С. 104—112; Семен Денисов. Виноград российский.

или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906. Л. 38 об.; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 231—236; Бубнов Н. Ю. 1) Спиридон Потемкин и его «Книга» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 345—363; 2) Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 123—138.

Н. Ю. Бубнов

Спиридон Иванов (1-я четв. XVIII в.) — старообрядец поморского согласия, автор посланий. В 1712 г. был послан *Андреем Денисовым* в Стародубскую слободу Ардонь Чернецкую наставником. В эти же годы в Ардони появились старообрядцы — выходцы с Керженца, которые стали проповедовать несогласное с поморским учение о перекрещивании. Против этого учения и было написано в 1715 г. послание С. И., направленное представителям беспоповского старообрядчества на Керженце («Послание Спиридона Иванова от Малороссии до Нижних пределов для подлинного совета об искомых»). Второе дошедшее до нас послание С. И. написано в 1724 г. и касается вопроса об антихристе и втором пришествии. В нем автор ссылками на авторитеты доказывал неким Петру Ларионовичу, Михайле Ивановичу, Василию Кузьмичу и Гавриле Ивановичу, что о времени второго пришествия не дано никому знать, и просил их утвердиться «в том же разумении», отложив распри. Стиль посланий С. И. носит на себе следы влияния выговской литературной школы, выражающиеся в склонности к риторичности и «ращению словес».

В 1722—1724 гг. С. И. покинул Ардонь, укрывшись от миссионерской деятельности иеромонаха Иосифа Решилова, развернувшейся здесь в эти годы: «от лет Грешилова гонения со многими в Волохи отлучишася» (см. анонимное «Сказание о раздоре в крещении», написанное в 1751 г. по поводу послания С. И. о перекрещивании). Перечень списков посланий С. И., из которых опубликовано лишь первое, дан в кн. В. Г. Дружинина.

Изд.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 0106—0116.

Лит.: Лилеев М. И. 1) Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1893. С. 14—18; 2) Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1895. С. 339—341; Смирнов П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. С—CI; 2) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 202—210; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 174—175.

Н. В. Понырко

«Список судного дела, как тягался волк с лисицею» — переделка басни Эзопа «О льве и волке», известной русским читателям с нач. XVII в. в переводе *Федора Гозвинского*. Перевод Гозвинского неоднократно подвергался переделкам, сближаясь то с русской сказкой, то с нравоучительной новеллой. Как отметила В. П. Адриа-

нова-Перетц, С. испытал на себе влияние произведений демократической сатиры, использовавших формы деловой письменности. В сборнике из собрания Ф. И. Буслаева (ГПБ, O.XVII.57, 1-я пол. XVIII в.), содержащем единственный список С., помещены многие произведения этого жанра, в том числе два варианта *Повести о Ерше Ершовиче*, один из которых назван «Список судного дела, как тягался Лещ с Ершом о Ростовском озере и о реках». Скорее всего, это и дало повод автору пересказать басню Эзопа в форме судного дела. Сходство переделки с судебным протоколом и деловым документом здесь ограничивается заглавием, датой, введением в повествование диалогов, наименованием зайца приставом, а волка — истцом. Тем не менее сближение с деловой письменностью не случайно: на протяжении XVII в. идет широкая беллетризация документа, форма которого захватывает и исконно беллетристические жанры. Форма документа пришла к басне не из судебной практики, а из демократической сатиры. В басне рассказывается о том, что к заболевшему царю зверей льву пришли все звери, кроме лисицы. Волк, давний враг лисицы, начал клеветать на нее льву. Лисица объяснила свое опоздание тем, что искала лекарство для льва — надо снять с волка шкуру и обвязать ею голову льва. Так волк был наказан, а лисица могла радоваться гибели своего врага. В сентенции осуждается волк. В переделке черты басни утрачены, нет обязательной сентенции, сделана приписка — «Лисица лукавая зверь», что допускает произвольное толкование сюжета, делает отношение автора к персонажам двойственным, противоречивым.

Возможно, дата, включенная в текст С. — 1689 г. («...во сто девяностом 7 году генваря в 21 день бысть у волка с лисицею великая недружба»), как-то связана с временем возникновения произведения. Период правления *Софии Алексеевны* и начало самостоятельного царствования Петра I отмечены политическими заговорами, казнями, гибелью крупных политических деятелей. В этой обстановке переделка эзоповской басни приобретала особое социальное звучание.

Изд.: Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и комм. В. П. Адрианової-Перетц. М.; Л., 1954. С. 224—225; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 173—174.

Лит.: Бычков И. А. Каталог рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. С. 291—298; Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 1. С. 217—220; Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963. С. 30; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 170; Каган-Тарковская М. Д. Басня Эзопа «О льве и волке» в русских переделках XVII в. // Там же. Л., 1969. Т. 24. С. 245—248; Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 50, С. 58.

М. Д. Каган

Станкевич (XVII в.) — ротмистр, автор не дошедшей до нас «Истории Сибири». О сочинении С. известно из трудов В. Н. Татищева, называвшего его то «История Сибири», то «Летописец Тобольский». В 1749 г., в отзыве на первый том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, В. Н. Татищев писал: «Летописец Тобольской я имею, сочиненной ротмистром Станкевичем, которой я древней у архимандрита Долматского монастыря Исакиа списал, и к тому продолжение о воеводах дополнил. Он был во времена Годунова, Шуйского и царя Михаила. В нем нечто полняе или иначей нахожу» (Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 438). Еще раньше, в 1736 г., в письме в Академию наук от 30 декабря, В. Н. Татищев сообщал, что «Историю Сибири», «которую 110 лет тому назад написал некто Станкевич и продолжение которой находят в разных местах», он дополнил из других летописных списков (А. И. Андреев считал, что под этим продолжением следует понимать широко распространенное в рукописях «*Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее*») и кое-что в соответствующих местах добавил «на основании архивных данных многих городов», однако в ней очень многого недостает (Там же. Т. 1. С. 20).

В трудах В. Н. Татищева сохранилось несколько ссылок на «Историю» С. Среди источников «Истории Российской», отмеченных в «Предъизвесчении», В. Н. Татищев «Историю Сибири», «Станкевичем сочиненную», обозначает как «топографию», т. е. местную летопись (Там же. Т. 1. С. 84). В первоначальной редакции 22-й главы «Истории Российской» по Академическому и Уваровкому спискам, исследуя вопрос о расселении монголов, татар и русских в Сибири, В. Н. Татищев обращается к «Истории Сибирской» С.: «Что до древних обитателей сея страны принадлежит, то я по многим обстоятельствам мню, быть мугалом. Обаче оное разумею о южной стране Сибири, а северная, может издревле была без жителей. Но во время Чингизово, как они чрез нападение их в Азию отдалились, а татары в Европу отделясь, сарматов утеснили, то оные во множестве для спасения своего чрез те великие горы ушед, на запад поворотясь, по вершине Яика и реке Белой оставленные от могол места населили. Но и тут им в исходе 15 ста татара, а потом руские в покое владения не оставили, о чем в „Истории Сибирской“ Станкевич показал» (Там же. Т. 1. С. 427).

В «Общем географическом описании всея Сибири», написанном в 1736 г., в главе 1 «О имяни Сибири», В. Н. Татищев, опираясь на татарские летописи и «Историю» С., производит имя страны от названия татарского города Сенбирь на р. Иртыше, что значит «первый», или «главный»: «Оный город стоял ниже Тобольска 30 верст на той же правой стороне. О причине имяни его гистория татарская и сочиненная Станкевичем русская сказуют тако: когда Магомет сын Оберов хисчника прародительского своего престола Онака хана победил и град его Чингидин разорил, тогда построил себе новый

город ниже на Иртыше и назвал Сенбирь, но в которое время он построил, того точно в истории не написано» (Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 46).

В «Лексиконе российском, гисторическом, географическом, политическом и гражданском», над которым В. Н. Татищев работал в 1741—1745 гг., им используются сведения С. об «Идоле сарматов», известном у некоторых сибирских народов («кондинских» остяков и «обдоров»), живущих «против самого устья Иртыша» (Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 290). Наконец, в «Введении к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи», законченном после 15 марта 1744 г., в главе 8 «О животных, и рыбах, и птицах, и насекомых», В. Н. Татищев отмечает, что до прихода русских в Сибири не было воробьев, «о чем Станкевич в гистории упоминает, что воробьи уже при нем в Енисейске показались» (Татищев В. Н. Избранные труды... С. 170).

Впервые В. Н. Татищев побывал в Далматовском монастыре в 1721 г. (Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 253). Судя по всему, именно тогда он и сделал копию с «древнего» оригинала «Истории» С., принадлежавшего Далматовскому архимандриту *Исааку*, которую потом дополнил новыми сведениями. В 1750 г., уже после смерти В. Н. Татищева, она, вероятно, погибла вместе с другими книгами и рукописями историка во время пожара в его подмосковном имении в с. Грибанове. Оригинал «Истории» С. после смерти в 1724 г. архимандрита Исаака хранился в монастырской библиотеке. Он упоминается среди рукописей «в полдесть» в книжных описях 1730 и 1732 гг.; в описи 1748 г. его уже нет (Манькова И. Л., Шашков А. Т. Библиотека Далматовского монастыря в XVII—первой четверти XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 49, 53). Исчезновение рукописи из монастыря можно объяснить тем, что в 1736 г. В. Н. Татищев, вторично посетивший монастырь (Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 253), сумел получить «Историю» С. в свою собственность. Уезжая в 1737 г. в Самару, В. Н. Татищев передал эту рукопись, в числе остальных своих книг, Екатеринбургской горной школе. Это нашло отражение в каталоге татищевских книг, составленном в 1737 г. преподавателем немецкого и латинского языков пастором Л. Сехтингом, где под № 206 в разделе, содержащем перечень книг по истории и географии в четвертую долю листа, названа «Станкевича сибирская история письменная», оцененная в 1 рубль (Астраханский В. С. Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980 г. Л., 1981. С. 26). Дальнейшая судьба этой рукописи неизвестна.

В. Н. Татищев сравнивал «Историю» С. с сибирскими летописями, использованными Г. Ф. Миллером, — Ремезовской (см. *Ремезов Семен Ульянович*) и краткой и распространенной редакциями Еси-

повской (см. *Есипов Савва*). На этом основании А. И. Андреев сделал вывод, что «История» С. представляла собой повесть о первоначальном завоевании Сибири в XVI—нач. XVII в. того же типа, что и другие сибирские летописи — Есиповская, Строгановская (см. *Летопись Строгановская*), Ремезовская и пр. Исследовательница сибирских летописей Н. А. Дворецкая сделала попытку уточнить, что из себя представляла «История» С., предположив, что Абрамовский список Есиповской летописи, названный *Летописцем Тобольским о Сибирской стране* (Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 241—261), мог быть сводом, близким к Летописцу Тобольскому, т. е. «Истории» С. Однако, само название еще не говорит о близости текстов: в других сибирских летописях присутствует большой пласт известий, связанных с Тобольском и его историей, Тобольским летописцем Г. Ф. Миллер называл Ремезовскую летопись.

В. Н. Татищев датировал «Историю» С. 1626 г. (в 1736 г. он писал, что сочинение С. написано 110 лет назад). Он обратил внимание на то, что С. жил в Енисейске, т. е. появился в Сибири после 1618/1619 г. (время основания Енисейска). Следовало бы попытаться объяснить, почему В. Н. Татищев пишет, что С. жил во времена *Бориса Годунова*, Шуйского и царя *Михаила Феодоровича*. Не говорит ли это о том, что в сочинении С., кроме истории и этнографии Сибири и, весьма вероятно, истории ее завоевания Ермаком, отразились также события Смутного времени? Не дает ли основание польская фамилия автора и его чин ротмистра видеть в нем участника польской интервенции, попавшего в плен и сосланного позднее в Сибирь? В 1666 г. в верхотурских переписных книгах значится некий иноземец шляхтич Степан Станкеев, который «живет на чужом дворе, а корму государева денежного жалованья емлет по государевой грамоте по 4 алтына на день. А прислан он, Степан, на Верхотурье из Тобольска... во 168 (1660) г....» (Дмитриев А. Извелечение из переписных книг Григория Черткова и Андрея Бернацкого 1666 г. // Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7. С. 187). Не исключено, что эта запись 1660-х гг. относится к автору «Истории». Среди источников по истории Смутного времени известны дневники пленных поляков, например, М. Стадницкого, С. Немоевского, А. Рожнятовского и др. (История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1: XV—XVIII века. М., 1976. № 107, 108, 111, 119). Ответить на эти вопросы можно будет только в том случае, если будет обнаружен оригинал или копия «Истории» С., представляющей несомненный интерес как один из ранних источников по истории Сибири, а, возможно, и как свидетельство очевидца событий Смутного времени.

Лит.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 445; Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 201; Евгений. Словарь. Т. 2. С. 176; Материалы для истории русской литературы / Изд.

П. А. Ефремов. СПб., 1867. С. 99; РБС: «Смеловский—Суворина». СПб., 1909. С. 319; Андреев А. И. 1) Труды В. Н. Татищева по географии России // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 8, 34; примеч. С. 74, 75, 196; 2) Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. С. 152, 154, 195, 230—231, 232, 283; 3) Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 20; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Там же. Т. 1. С. 42; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 8; Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало русских летописей // Летописи и хроники — 1980 г.: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 9; Гузнер И. А. Книжное собрание В. Н. Татищева в составе библиотеки Екатеринбургской горной школы // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 164; Шашков А. Т. Летопись ротмистра Станкевича // Уральский следопыт. 1982. № 5. С. 62—63; Манькова И. Л., Шашков А. Т. 1) Летопись ротмистра Станкевича и В. Н. Татищев // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII—начало XX в.: Материалы региональной научной конференции. Свердловск, 1983. С. 155—157; 2) Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVII—XVIII вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 55—56; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод: (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 6—7; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 18—20 (автор раздела А. Т. Шашков).

М. Д. Каган, А. Т. Шашков

Станкевич Аркадий (1-я пол. XVII в.) — смоленский шляхтич, перевел с немецкого языка сочинение рижанина «стольника Крестьяна Алгердовича сына фон Лессиина» (фон-Лесси) «Книгу охотничей регул, или Порядок о содержании псовой охоты», посвященную царю *Алексею Михайловичу* и составленную в августе 1635 г. В посвящении указан возраст фон-Лесси — 63 года. Книга о псовой охоте в четырех частях была переведена с рукописного оригинала (его местонахождение неизвестно). Перевод сохранился в единственном списке ГПБ, Q.X.3, сер. XVIII в., не издан и не исследован, хотя его текст привлечен в качестве источника в Словаре русского языка XI—XVII вв. (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв.: Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1975. С. 48). Появление перевода связано с характерной для XVII в. ритуализацией придворной жизни русского царя, в этом смысле он может быть поставлен в один ряд со знаменитым *Урядником сокольничьего пути*.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 111—112; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 99.

О. А. Белоброва

«Статир» см. *Потап Прокофьев Игольнишников*.

Степенная книга Латухинская см. *Тихон, архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря*.

Стефан (2-я пол. XVII в.) — царский переводчик. В августе 1662 г. он переводил ответы *Паисия Лигарида*, митрополита Газского, на тридцать вопросов, представленных боярином Семеном Лукьяновичем Стрешневым, дядей царя *Алексея Михайловича*. Эти ответы известны под заглавием «Отписка к боярину Симеону Лукьяновичу Стрешневу митрополита Паисия Газского и на тридесять вопросов ответы новых обычаев Никоновых бывшего патриарха Московского во 171-м году» и встречаются в сборниках XVII—XVIII вв.

Тридцать вопросов Семена Стрешнева касались целого ряда канонических вопросов и организации церковных дел. Один из вопросов касался лично Стрешнева, которого *Никон* проклял за то, что тот научил свою собаку благословлять передними ногами и называл ее Никоном. Этот сюжет фигурировал затем в письме патриарха Никона к Константинопольскому патриарху Дионисию и даже на соборе 1667 г., осудившем Никона. Стрешнев спрашивал, имел ли Никон право его проклясть, на что Паисий ответил отрицательно. Ответы Паисия ходили в списках и попали в руки Никона, который написал на них свои возражения, составившие целую книгу.

Поскольку Паисий не знал русского языка, при нем постоянно находился переводчик, которому выдавали на корм по 4 деньги в день. А. И. Соболевский упоминает о том, что оригинал Паисиевых ответов написан по-гречески. Следовательно, С. был переводчиком с греческого, возможно, сам был греком. Макарий (Булгаков) назвал его перевод очень плохим и темным. Не исключено, что перевод не удовлетворил и самого Паисия, который в дальнейшем не пользовался услугами С. О С. больше ничего не известно. В сношениях с восточными патриархами упоминается грек Стефан Юрьев, входивший в 1664—1665 гг. в посольство иеродиакона Мелетия и выдававший себя за племянника патриарха Дионисия. О ходе посольства этот Стефан писал Паисию Лигариду. Не одно ли это лицо — Стефан Юрьев и царский переводчик С.?

Изд.: Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 518—550, 721, 732, 768, 830, 1022—1032; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1885. Т. 7. С. 101, 107, 150—181.

Лит.: Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 490, 496, 510—530; Каптерев Н. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 181—206; Лавровский Л. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита газского // Христ. чт. 1889. № 11—12. С. 672—736; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. С. 628, примеч. 3; Соболевский. Переводная литература. С. 353—354; Макарий (Булгаков). История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1910. Т. 12, кн. 3. С. 381—433, 451—452, 479, 480, 515—516, 527.

М. Д. Каган

Стефан, игумен Богоявленского Юрьевецкого монастыря, см. *Житие Симона Юрьевецкого* (Дополнения в вып. 3, часть 4).

Стефан Вонифатьев (правильнее — Вонифантьев) (ум. 11.XI.1656) — протопоп московского Благовещенского собора, духовник царя *Алексея Михайловича*, глава кружка «ревнителей благочестия», книжник. Биографических сведений о С. В. не сохранилось. Архимандрит Леонид (Сведения... С. 208), Е. Е. Голубинский, А. П. Голубцов считали, что он происходил из Новгорода, где и начал литературную деятельность. С. А. Белокуров, описавший синодик Макарьева Желтоводского монастыря с записью рода С. В., предполагал, что его родиной был Нижегородский край; это мнение подкрепляется и более поздними нижегородскими связями С. В. (см.: Белокуров. Арсений Суханов. Ч. 1. С. 170). Мнение С. А. Белокурова поддержала В. С. Румянцева (Народное антицерковное движение... С. 32).

По-видимому, в 1645 г. С. В. был поставлен в протопопы Благовещенского собора, «что у государя на сенех»: в этом году 28 сентября он в качестве протопопа присутствует на венчании на царство царя Алексея Михайловича (ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 7. С. 240); до этого, в 1644 (7152) г., протопопом был еще Никита (см.: Забелин. Материалы... Стб. 169). Судя по владельческим записям на книгах, принадлежавших С. В., ранее он служил священником в том же соборе или в другой дворцовой церкви (Румянцева. Народное антицерковное движение... С. 32). В чине протопопа С. В. упоминается и после 1645 г. (Забелин. Материалы... Стб. 169).

Тогда же, по-видимому, С. В. стал духовником царя: эти функции при *Михаиле Феодоровиче* и Алексее Михайловиче исполняли именно протопопы Благовещенского собора (см.: Леонид, архимандрит. Духовники... С. 218—219). Скорее всего, духовником царя он оставался почти до самой смерти: С. Смирнов в списке царских духовников указывает по отношению к С. В. следующие даты: 1645—1656 гг., потом его сменил Лукиан Кириллов (см.: Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 253). Указание Леонида, что С. В. был отставлен из духовников «за соучастие в расколе», скорее всего ошибочно (см.: Леонид, архимандрит. Духовники... С. 218).

В 1653 г. С. В. основал Зосимо-Савватиевскую пустынь в Москве у Красного холма (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 247), где и постригся под именем Савватия (Румянцева. Народное антицерковное движение... С. 33). По сведениям Н. Ф. Каптерева, он постригся в Покровском монастыре «на убогих домех» в Москве, который построил в 1655 г. на средства царя (Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 132); именно там С. В. был по-

гребен после смерти, случившейся в Иверском монастыре на Валдае (Румянцева. Народное антицерковное движение... С. 33).

Будучи организатором и главой кружка «ревнителей благочестия», С. В. поддерживал отношения со многими «боголюбцами», в том числе Ф. М. Ртищевым, *Никоном, Аввакумом, Иоанном Нероновым* и др. Многих из них С. В. сам пригласил в Москву. Так, известно, что по его инициативе переехал в Москву из Нижнего Новгорода Иван Неронов (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 280), он привечал и поддерживал Аввакума во время его ранних приездов в Москву (там же. С. 484).

Руководимый С. В. кружок решительно повел борьбу за исправление церковных обрядов и на этой почве столкнулся с патриархом *Иосифом*. Основной спор возник по вопросу о единогласии, против введения которого решительно возражал патриарх. Острый конфликт между протопопом и Иосифом разгорелся на церковном соборе 1649 г., где отсутствовали единомышленники С. В. и где он был обвинен в еретичестве; 11 февраля 1649 г. царю была подана челобитная патриарха и всего освященного собора с просьбой созвать собор на С. В., чтобы предать его смертной казни за «хулныя словеса» «на соборную и апостольскую церковь» (см.: Белокуров. Материалы... С. 455—456). Челобитная была оставлена без ответа, царь не утвердил решений собора, и через два года патриарх против своей воли был вынужден подчиниться (см.: Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 471): решением очередного собора (1651 г.) в русской церкви вводилось обязательное единогласие. С. В. и весь кружок ревнителей одержал основательную победу.

Столь твердая поддержка царем своего духовника объясняется, вероятно, не только их взаимной приязнью или общей нелюбовью к Иосифу, но и преданностью С. В. царю в самые сложные моменты жизни последнего. Так, насколько известно, С. В. ни разу не выступил против проводимых реформ церкви, хотя и сожалел о расхождении со старыми друзьями, с которыми продолжал по возможности поддерживать отношения. Еще важнее позиция, которую занял С. В. во время московского восстания 1648 г.: по мнению Е. В. Чистяковой, не столько патриарх и митрополиты, сколько С. В. вели с Лобного места переговоры с восставшими; с С. В. советовался царь перед выдачей «головою» Плещеева (см.: Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века: (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 69—70). Именно его проповеди, возможно, легли в основу публикации парижской газеты «La Gazette» от 8 октября 1648 г., где излагалась «речь калугера», который «укротил ярость народа своими убеждениями» (см.: Сын Отечества и Северный архив. С. 30; Гольдберг А. Л. Известия о России в газете Теофраста Ренодо // Труды ГПБ. Л., 1963. Т. 11 (14). С. 146). По мнению

В. С. Румянцевой, атрибуция С. В. «речи калугера» вполне допустима, поскольку он «занимался увещаниями бояр-мздоимцев, выступал с обличениями иерархов на церковном соборе 1649 г., пользовался политическим авторитетом в правительстве именно в это время» (Народное антицерковное движение... С. 33). В летописных заметках сер. XVII в. зафиксировано известие о даровании 25 декабря 1651 г. «его государеву духовнику Благовещенскому протопопу» «властелинской шапки» (Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912. С. 67).

По отзывам современников, С. В. был ученым и книжным человеком. Сохранились упоминания о его беседах «от книг»; по-видимому, он владел греческим, латинским и польским языками (Румянцева. Народное антицерковное движение... С. 33, 41). Однако до нас не дошло каких-либо сочинений, надежно атрибутируемых С. В. Длительное время ему приписывалось «Слово о правде», переписанное в сборнике с владельческой записью С. В. (см.: Щапов А. П. Земство и раскол. СПб., 1862. Вып. 1. С. 14—16; Бороздин. Протопоп Аввакум. С. 14—15; Каптерев. Патриарх Никон и его противники... С. 107—108). Однако В. С. Румянцева установила, что под этим названием переписан политический трактат *Ермолая-Еразма* «Благохотящим царем правительница и землемерие», в сборник включены и другие его сочинения (Кружок... С. 184). Исследовательницей выявлено значительное число рукописей и печатных книг с записями С. В. (Народное антицерковное движение... С. 55—56, 59—60), что позволяет вполне конкретно говорить о круге его чтения и источниках его идей. Однако вопрос о собственно литературном творчестве С. В. так и не решен. Можно предположить, что собственные свои сочинения он пускал в свет под псевдонимами. В частности, очень убедительной представляется гипотеза Н. Ф. Каптерева, поддержанная В. С. Румянцевой, что послания *Агафоника* были в действительности написаны самим С. В., который только и мог себе позволить поучать членов священного собора — Суздальского архиепископа *Серапиона*, Новгородского митрополита Никона (см.: Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 90—92; Румянцева. Народное антицерковное движение... С. 37).

С. В. и кружок ревнителей благочестия сыграли большую роль в развитии печатной книги. По мнению В. С. Румянцевой, «правительство царя Алексея Михайловича могло доверить Внифантьеву верховный надзор за деятельностью Печатного двора, существовавшего на средства царской казны, так как с 1649 г. патриарх Иосиф был фактически отстранен от духовных дел» (Народное антицерковное движение... С. 44). В течение 1640-х гг. было издано книг больше, чем в предыдущие десятилетия XVII в. Особенно много их было напечатано во 2-й пол. 1640-х—нач. 1650-х гг., т. е. в период существования кружка ревнителей благочестия. В. С. Румянцева полага-

ет, что по инициативе С. В. были изданы «Грамматика» *Мелетия Смотрицкого* (1648 г.), «Книга о вере» (1648 г.), *Соборник* (1647 г.) и др. (Там же. С. 42—53).

Изд.: Сын Отечества и Северный архив. СПб., 1838. Т. 2. Разд. III. С. 30—31.

Лит.: Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею. М., 1848. Т. 1; Леонид, архимандрит (Кавелин). 1) Духовники великих князей и царей московских и всея России // ЧОИДР. 1876. Кн. 1. Отд. V. С. 216—219; 2) Заметка об одной старопечатной книге // Там же. 1880. Кн. 1. С. 4—6; 3) Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г., ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии. М., 1887. Вып. 2; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги: Материалы для книжной справы в XVII столетии. М., 1883; Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1; Белокуров С. А. 1) Материалы для русской истории. М., 1888. С. 455—456; 2) Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1; 3) Деяния московского церковного собора 1649 г. // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. III. С. 29—52; 4) Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. № 1—2. С. 147—186; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898; Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905. С. 32—33; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909—1912. Т. 1—2; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. 2-е изд. Сергиев Посад, 1913; РИБ. Л., 1927. Т. 39; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970; Румянцева В. С. 1) Кружок Стефана Вонифатьева // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 178—189; 2) Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986; Ромодановская Е. К. Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 58—64.

Е. К. Ромодановская

Стих о жизни патриарших певчих — памятник демократической сатиры конца XVII в. Название присвоено С. в XIX в. автором оглавления сборника, в составе которого находится единственный список этого произведения (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.490, л. 124 об.—126, конец XVII—нач. XVIII в.; нач.: «Монастыря подворье, о чем непокорье...»). С. изображает жизнь «малых» певчих патриаршего хора, обличает социальную несправедливость разделения на бедных и богатых. По мнению Д. С. Лихачева, С. написан не ранее 1684 г. и не позднее нач. XVIII в. Автором его, вероятно, является один из «малых» певчих, человек начитанный, употребляющий отдельные книжные выражения. В то же время автор почти не говорит от первого лица, т. е. перед нами как бы «коллективный» автор, от имени которого описываются злоключения всей группы «малых» певчих. В С. представлен новый персонаж, по сравнению с героями древне-

русской литературы предшествующих веков, персонаж, полностью лишенный идеализации. В тексте произведения обнаруживается много бытовых реалий, характеризующих время его написания. Как и многие произведения русской сатирической литературы, С. написан раешным стихом.

Изд.: Лихачев Д. С. «Стих о жизни патриарших певчих»: (демократическая сатира конца XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 423—426 (то же в кн.: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 381—382); Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 234—235; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 243—245; Сатира XI—XVII веков / Сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 233—234. («Сокровища древнерусской литературы»); ПЛДР. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 250—251.

Лит.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель музыкальной культуры XVII века певчий дьяк Федор Константинов // Древнерусская певческая культура и книжность. Л., 1990. С. 124—139.

В. К. Зиборов

Стих о злой траве шихе — нравоучительное произведение XVII в., построенное на различных сюжетах древнерусской письменности. В рук. называется: «Стих о злой траве шихе, како от нее кто побеждается и всего доброго и здесь лишается, а по смерти во ад вселяется, царства небеснаго лишается, како же рече апостол: прелюбодеи, и блудницы, и пияницы царствия Божия не наследят». И. А. Голышев в предисловии к единственной существующей публикации С. сообщает, что текст его издается по рукописи XVII в., в четверку, на 17 л., не имеющей конца. Рукопись была найдена в слободе Мстера Владимирской губернии у местного иконника. По-видимому списки этого сочинения переписывались в слободе; там сначала были найдены фрагменты С., а затем и полный текст, представленный в публикации. Рукопись, использованная И. А. Голышевым, впоследствии попала в коллекцию ОИДР (см.: Соколов Е. И. Библиотека имп. Общества истории и древностей Российских. М., 1905. Вып. 2. № 372. С. 157).

С. кратко пересказывает ритмической прозой древнерусские сочинения, касающиеся темы «злых жен». Источники этой своеобразной компиляции выясняются довольно легко. Вступление и заключение построено на различных *Словах о добрых и злых женах*, широко распространенных в древнерусской письменности XV—XVII вв., причем начало, упоминающее Адама, Иосифа, Давида, Соломона, Самсона, Иоанна Предтечу, пострадавших от жен, ближе всего к Слову Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Предтечи, а конец скомпонован из разных изречений древних авторов (например: «Яко же рече святый пророк Сирах: Блюдися женского целования, яко змиина яда...»; «Яко же рече преподобный отец Мартирий: Лучше бо есть со дияволом беседовати, нежели со женами

блудницами...» и пр.). Здесь же происходит и характерное для слов о злых женах присоединение темы хмеля, правда, несколько трансформированной — в роли хмеля выступает упоминаемая на всем протяжении С. «ших трава» («Яко магнит железо к себе привлечает, тако и ших трава малоумных прельщает, ... мужа с женою разлучает, то есть ших трава»).

Между вступлением и заключением помещены разные сюжеты. Первый — о Моисее Угрине восходит к *Патерику Киево-Печерскому* (ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 542—555), он пересказан далеко не полностью и не совсем точно. Затем идет близкий к сюжету из *Патерика Скитского* рассказ об отце Мартирии, опалившемся огнем, чтобы не соблазниться пришедшей в его келью женщиной. Он же воскрешает ее, умершую от ужаса. В Скитском патерике отшельник, сжегжий свои пальцы — герой безымянный (см.: Древний патерик, изложенный по главам. М., 1874. С. 106—107). В С. сюжет этот дополнен рассказом, который не удалось найти в патериках, о том, как Мартирий скрылся от соблазнов на каменном острове в море, но дьявол, преследуя его, и туда послал девицу, спасшуюся после кораблекрушения. Мартирий бросается от нее в море, едва не погибает, но его спасает посланный Богом дельфин.

Далее рассказано о том, как «блудная жена» оклеветала Григория Карфагенского (это имя вообще не встречается в древнерусской патериковой или агиографической литературе): «За скверное блудное дело при всем соборе злата с него просила». Григорий занимает деньги и отдает блуднице. Когда ту начинают мучить бесы, он спасает ее молитвой. Близкий сюжет имеется в *Патерике Азбучно-Иерусалимском*, в повести о Макарии Египетском (см.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. 2-е изд. М., 1846. С. 164—165). Следующий сюжет — о святой Евгении довольно точно передает сказание о ней, читающееся в *Прологе* (см. *Великие Минеи Четии* под 24 декабря, а также в рукописных прологах, например: ГПБ, Солов. собр., № 702/810, XVI в., л. 99 об.—100; ср. П е т р о в Л. Справочный богословский ... церковно-исторический словарь. СПб., 1889. С. 84).

Затем компилятор обращается к *Повести о Варлааме и Иоасафе* («Во славном во царстве Индийском у славного царя Авенира родился отрок прекрасный, Авениру царю прелюбезный, Иосафей царевич»), в основном останавливаясь на эпизодах, где волхв Февда пытается соблазнить Иоасафа девицами, чтобы отвратить его от христианства (Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и комм. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 230—234). Заключает эту подборку сюжетов библейская история грехопадения Адама и Евы («Что много святых представляю, а шиха травы злобу мало объявляю, первый человек Адам в нее влюбился, прекрасного рая лишился») и распространения первородного греха на все человечество, спа-

сенное распятием («Адам, видя Еву, прельщался, человечий род от Адама умножался, ших траву видя прельщался, за то водою потоплялся и во ад вселялся, и за весь мир Господь распинался, за то первородный грех потреблялся...»).

Каждый смысловой отрывок (стих), начинающийся в рукописи с новой строки и с киноварной буквы, заканчивается рефреном «то есть ших трава». Что такое «ших трава» — неясно. Это слово не отмечено ни в «Словаре» И. И. Срезневского, ни у В. И. Даля; не встречается оно и в диалектологических словарях. В памятнике его значение множественно. По мнению издателя текста И. А. Голышева, «под словом „ших трава" подразумевается аллегорическое представление грехов любодеяния, блуда, прельщение и соблазн, а потом вообще выражается фантазией женщина, каковою ее изображали в старинной народной книжности». К этому можно добавить, что в ряде фрагментов «ших трава» замещает хмель, а иногда просто играет роль фольклорного рефрена, благодаря чему, в сочетании с глагольной рифмой, памятник, построенный целиком на книжном материале, приобретает фольклорную окраску.

Изд.: Стих о злой траве ших / С предисл. И. А. Голышева // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. II. С. 1—12.

М. Д. Каган

Страсти Христовы — компилятивное произведение, посвященное описанию последних дней жизни, страданий и воскресения Иисуса Христа, а также последовавших за этим событий. Изложение основывается как на канонических, так и на апокрифических источниках, в том числе на *Евангелии Никодима*; в поздних изданиях и рукописях в состав С. Х. входят в виде отдельных глав *Послание Пилата к Тиберию* с ответом Тиберия, Сказание о приходе в Рим Марфы и Марии, *Сказание Иеронима о Иуде предателе*, а в прежние главы вставляется Слово на Великий пяток *Кирилла Туровского* и Слово о сошествии во ад Иоанна Предтечи Евсевия Александрийского. В изданиях С. Х. делятся на тридцать две главы (иногда они не пронумерованы), первая из которых, являющаяся предисловием ко всей книге, озаглавлена: «Во святый великий пяток Страстныя недели сказание о волном страдании и о тайней вечери Господа нашего Иисуса Христа — како волею своею нашего ради спасения страсть претерпе, и о благовестии Иоанна Предтечи во аде, и о сшествии Господа нашего Иисуса Христа во ад, и о радости праведных, и о воскресении Господни, и о введении праведных в рай». Заглавия следующих глав дают представление о содержании произведения: «О воскресении друга Христова Лазаря и о поставлении его архиереем в Китейском граде» (гл. 2); «О возвещении Господа нашего Иисуса Христа пречистей Матери своей, пресвятей Богородице, яко идет на

страсть вольную, и о умолении ея Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, дабы не шел во Иерусалим, и о поручении ея женам мироносицам» (гл. 7); «О воскресении Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божия, и о сошествии во ад, и о изведении из ада праведных в рай» (гл. 25); «О пришествии во Иерусалим Финеоса священника и Адды учителя и Исайи леввита, и о возвещении июдеом, яко видеша Иисуса на горе Елеонстей со ученики своими, и о послании мужей избранных в Галилею взыскати Иисуса» (гл. 27); «О пришествии из Иерусалима в Рим к Тиверию кесарю Марфы и Марии, сестер Лазаревых, и Марии Магдалыни со многими дарами, и о возвещении ему о распятии Господни» (гл. 29); «Послание Тиверия кесаря из Рима во Иерусалим к Пилату» (гл. 31). Существуют списки без разделения текста на главы. По мнению О. А. Савельевой, последней исследовательницы произведения, С. Х. появились на Украине, вероятно, во 2-й пол. XVI в., а позднее были переведены на церковнославянский язык, который А. И. Соболевский называет «очень приличным поздним церковнославянским». О. А. Савельева считает, что ранняя редакция этого перевода пришла на Русь, скорее всего, в годы царствования *Алексея Михайловича*; на этой редакции основана декламация *Сильвестра Медведева*. Книга оказалась очень популярной у старообрядцев. Распространена в списках 2-й пол. XVII—конца XVIII в.; некоторые из них с рисованными или гравированными иллюстрациями. В XVIII—XX вв. неоднократно издавалась старообрядцами, научное издание памятника отсутствует. В первом из изданий С. Х. (Супрасль, конец 1780-х гг.) в колофоне был дан ошибочный год издания — 1689-й, что ввело в заблуждение некоторых исследователей. В заглавии многих рукописей и печатных изданий указывается: «Списано из Киевского печатного Соборника Печерския обители»; но киевского издания С. Х. пока не обнаружено. Не обнаружено и краковское издание, на которое читается ссылка в иных из известных изданий: «С преже печатанной в Кракове». Текстологическое исследование С. Х., проведенное О. А. Савельевой, позволило ей выделить смысловое ядро С. Х., которое она отождествляет с ранней редакцией произведения и в котором повествование начинается сговором архиереев и заканчивается распятием.

По наблюдениям О. А. Савельевой, смысловое ядро С. Х. близко смысловому ядру другого произведения на сходную тему, именно, белорусского текста, также называемого С. Х. (к этому смысловому ядру белорусских С. Х. были впоследствии присоединены разделы из Евангелия Никодима). Исследовательница полагает, что оба памятника восходят к одному источнику. Белорусские С. Х., известные в трех списках XV—XVII вв., представляют собой белорусский перевод XV в. с латинского или польского (см.: Страсти Христовы в западно-русском списке...). О. А. Савельева указывает также русский перевод белорусского памятника, точнее, его смыслового ядра,

читающийся в рук. ГПБ, собр. Вяземского, Q.35. Наконец, существует еще один памятник, посвященный вольным страданиям Иисуса Христа. Как полагает А. И. Соболевский, это перевод с позднего греческого оригинала, сделанный в конце XVII в. в Москве кем-то из деятелей Чудова монастыря (Там же. С. IV). Полное название произведения таково: «Слово о страстех Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ново преведено з греческаго языка на словенский» (нач., близкое началу С. Х.: «Ныне всех пророк пророчествия збытие есть, ныне всему Писанию исполнение есть, ныне недоведомыя вещи...»). Единственный известный полный список — ГИМ, Синод. собр., № 435, конец XVII в. Произведение не исследовано и не издано.

Лит.: Булгаков Ф. И. Сказаиия о страстях Господних // ПДП. СПб., 1878—1879. Вып. I. С. 153—185; Викторов А. Е. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 24; Страсти Христовы в западно-русском списке XV века / Труд Н. М. Тупикова. СПб., 1901. Предисловие А. И. Соболевского. С. III—IV. (ПДПИ, вып. 140); Карский Е. Ф. Белорусы. Пг., 1921. Т. 3. С. 60—65; В помощь составителям Сводного каталога старопечатиых изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические указаиия. Вып. 3: Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978. С. 6, примеч. 3, 35, 42—43, 45—46, 49, 51; Савельева О. А. 1) Пассийные повести в восточно-славяиских литературах: Вопросы текстологии // Христанство и церковь в России феодального периода: (материалы). Новосибирск, 1989. С. 30—44; 2) Пассийиые повести в восточио-славяиских литературах: (к постаиовке проблемы) // Общественное сознание, кинжиость, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 203—208; 3) Апокрифическая повесть «Страсти Христовы»: Некоторые вопросы структуры и поэтики // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, ремиииеценция, мотив, сюжет, жаир. Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С. 76—83. (Проблемы исторической поэтики, вып. 3); Кириллические издания старообрядческих типографий коица XVIII—начала XIX века: Каталог / Сост. А. В. Вознесенский. Л., 1991. № 22, 29, 45, 48, 63, 108, 146, 173, 179, 190, 193, 210, 347; приложение № 71, 84; Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века / Сост. А. В. Вознесеиский. СПб., 1994. № 155, 208, 218, 229, 242, 256. (Материалы к библиографии истории и культуры русского старообрядчества, вып. 1).

Г. М. Прохоров

«Страшное изображение втораго пришествия» — пьеса, разыгранная в Москве 4 февраля 1702 г. силами учеников Славяно-греко-латинской академии. Полное название ее таково: «Страшное изображение втораго пришествия Господня на землю при державе благочестивейшаго, самодержавнейшаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великих и Малых и Белых России самодержца, действием благороднейших отроков великороссийских в его царскаго пресветлаго величества славено-российских Афинах, в царствующем и богоспасаемом великом граде Москвы явленное. Лето Господня 1702-го, месяца февруариа в 4 день». Написана пьеса кем-то из вновь прибывших учителей-украинцев, знакомых с Киевскими нравоучительными пьесами-моралите пасхального

цикла. На автора-украинца указывает язык пьесы. С. и. состоит из 13 явлений с прологом и эпилогом, с хорами, как правило, на известные церковные песнопения («Се жених грядет во полуночи», «Блажени, яже избра и прият их Господь», и пр.), и интермедиями-«посредствиями», содержание которых до нас не дошло; скорее всего, это были импровизированные диалоги или пантомимы. Пьеса посвящена всему человечеству — драматической коллизии его добродетелей и пороков, завершающейся Страшным судом. Все действие перенесено в надчеловеческий мир, основными персонажами которого являются аллегорические фигуры — Мир, олицетворяющий все греховное, Церковь с добродетелями — Истинной, Терпением, Милосердием, Незлобием и др. В качестве земных лиц привлечены библейские персонажи — царь Навуходоносор с советниками, воинами, рабами, Даниил, десять дев, отроки с талантами, наконец, просто безымянные люди — на купле, на пиру, мертвые, пробуждаемые в день Страшного суда ангелами. Православная церковь сетует на умножение беззакония в мире, Честь Божия — о умалении ее на земле. Грешный Мир торжествует распространение своей власти. Отмщение Божие предсказывает сначала умножение бед, а затем наступление праведного суда Божия, после чего Мир в отчаянии закалывается мечом. В эпилоге Церковь Божия предостерегаст грешных: «Образ сих видев, елико бе мощно, кто не восхощет в добрых делех тощно избежать ада, небо получити, и в нем со святыми вовеки почити?».

С. и. — типичная барочная пьеса с характерным параллельным построением действия и применением принципа контраста: светлые и темные силы сменяют на сцене друг друга, явления с положительными героями чередуются с показом отрицательных лиц. Герои драмы ничем не связаны, кроме общей идеи. В пьесу в качестве иллюстраций этой идеи введены так называемые «свернутые сюжеты», кратко изложенные самостоятельные драматические действа — эпизод встречи Навуходоносора с пророком Даниилом, иллюстрирующий мысль о будущей гибели человечества из-за грехов; мудрые и юродивые девы; райское прение и др. Типично для барокко и дробление одного персонажа на несколько: Милость Божия, Гнев Божий, Суд Божий, Истинна, Отмщение вычленены из фигуры Бога и замещают его, в то время как сам он появляется в пьесе под именем «Ветхого денми». Противопоставленная Жизни Смерть воплощена в одиннадцати персонажах, действующих самостоятельно, каждая со своим атрибутом (стрелами, мечом, копьем, дрекольем, оружием, лопатой, ножом, косой, граблями, жезлом). Страх отделяется от погибшего человечества («Страх! вси умроша, аз един спасохся...»). Действие происходит во всей вселенной — Миру принадлежат все страны света, рабы Навуходоносора в поисках мудрых волхвов, толкователей его снов, проходят вселенную из конца в конец.

С. и. — одна из первых пьес, выводящих на сцену политические мотивы — раздоры в польском сейме и вмешательство в них победоносного «Марса роксолянского». В 6-м и 7-м явлениях отражены русско-польско-шведские отношения 1700—нач. 1702 гг. В пьесе появляется Гений Польши, Королевство Польское, для олицетворения Петра I использована фигура античного Марса в сопровождении Фортуны и Победы. Взгляд ученых на роль этого эпизода в пьесе расходится: П. О. Морозов, и вслед за ним И. М. Бадалич, трактуют его как вставной, не связанный с остальными явлениями, в то время как Н. И. Петров видел и в других явлениях (4-м и 8-м — снах Навуходоносора и Даниила) политические намеки на победы России при Петре I.

Автор русской пьесы использовал украинский стереотип — характерное для него чередование эсхатологических и библейских сюжетов с аллегорическим изображением современных событий. За образец были по-видимому взяты моралите пасхального цикла, поставленные в Киевской академии — «Царство Натури людской, Прелестию разоренное, благодатию же Христа паки составленное» (1698 г.) и «Свобода от веков вожделенная Натуре людской» (1701 г.). Н. С. Тихонравов и П. О. Морозов усматривают источники пьесы и в церковном действе Страшного суда в неделю мясопустную, где читались паремии из Даниила и Евангелие от Матфея: II-я и VII-я книги пророка Даниила легли, по их мнению, в основу 4-го и 8-го явлений, толковый Апокалипсис повлиял на начало 11-го явления и отразился в 12-м явлении. В церковной службе фигурирует и образ Страшного суда, повлиявший на 9-е, 10-е, 13-е явления. Таким образом, кроме непосредственных драматургических реминисценций, основные элементы пьесы обусловлены книгами священного Писания, церковным обрядом и иконографией.

Постановка пьесы совпала по времени с первой крупной победой русских в Северной войне — 1 января 1702 г. русские войска под командой Б. П. Шереметьева нанесли при Эрестфере удар шведскому отряду Шлиппенбаха. Победа была отпразднована в Москве молебном и фейерверком, продолжавшимся с 6 до 9 часов вечера. Возможно, спектакль, в котором Марс говорит о своей победе в Литве, входил в столичные празднества. Для его постановки отпущено было с Казенного двора в Грановитую палату на 20 персон тафты разных цветов 200 аршин, 50 аршин лазоревой тафты на завесу, из Оружейной палаты было выдано 12 кирас (ЦГАДА, ф. 396, архив Оружейной палаты, стб. 35770). Помимо политического и панегирического назначения, постановка подобной пьесы играла и просветительскую роль. Она знакомила русское общество с абстрактными понятиями, персонифицированными в аллегорических персонажах.

Текст С. и. дошел до нас в единственном списке XVIII в. Библиотеки Загребского ун-та, R.4309. Список дефектный, в нем пропущены 6-е, первая половина 7-го и вторая половина 11-го явлений.

причем пропуски носят механический характер. Лакуны восстанавливаются по программе, которая была отпечатана кириллицей тиражом в 200 экземпляров и раздавалась зрителям (Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. № 16, С. 72). Сохранился единственный экземпляр печатной программы (ЦГАДА, ф. 1251, колл. старопечатных книг Синодальной типографии, № 302) и два списка с нее (ГБЛ, ф. 344, собр. Шибанова, № 426.3, 1760-е гг.; ф. 247, Рогожское собр., № 609, 1720-е гг., без начала); наконец, в рук. ЦГАДА, ф. 381, № 1032, нач. XVIII в. читается один только заголовок С. и.

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1789. Ч. 9. С. 465—470; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. С. 7—11; Badalić J. Iz ruske dramatike epohe Petra Velikoga // Споменик Српске краљевске Академиjе наука у Београду. 1925. Књ. 62. С. 23—59; Бадалич И. М., Кузьмина В. Д. Памятники русской школьной драмы XVIII века: (по загребским спискам). М., 1968. С. 141—178; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 84—126, 475—483. (Ранняя русская драматургия: (XVII—первая половина XVIII в.)).

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 438; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. Примечания к т. 2. СПб., 1874. С. 511—520; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 310—312; Петров Н. И. Киевская искусственная литература XVII и XVIII вв. преимущественно драматическая // Труды КДА. 1909. № 11. С. 476—480 (отдельное изд.: Киев, 1911. С. 184—188); Адрианова-Перетц В. П. 1) Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 7—64; 2) Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. // Там же. № 35. С. 192; Перетц В. Н. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII веков // Там же. С. 64—98; История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3, ч. 1. С. 109; Берков П. Н. Русская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII века // Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. С. 21—22; Демин А. С. 1) Эволюция московской школьной драматургии // Пьесы школьных театров Москвы. С. 7—30; 2) Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 212—214, 216—219, 227—230, 233—235; Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 16. (Русская старопечатная литература: (XVI—первая четверть XVIII в.)); Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в. М., 1981; История русской драматургии: XVII—первая половина XIX века. Л., 1982. С. 42.

М. Д. Каган

Суков Василий Нелюбов Семенов (ок. 1540—1610) — дьяк, один из составителей описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря, возможный автор краткой редакции «*Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его*». Вероятно, начал службу в 1560-х гг. Упоминание о том, что в 1550/1551 г. он ведал поместными делами (Шумаков С. А. Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910.

С. 48), следует считать ошибочным, в Поместном приказе С. служил позднее, до 1595 г. (Шумаков С. А. Обзор «грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 136). В качестве подьячего скрепил выпись из писцовой книги 1552/1553 г. на вотчины Рязанского Богословского монастыря (Шляпкин И. А. Книги описные Рязанского И. Богословского монастыря (1673—1687 гг.) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1904. Т. 18, вып. 3. С. 259). В 1572 г. стал опричным дьяком на Новгороде, занимался испомещением опричников на Новгородской земле; в январе 1573 г. участвовал во взятии Пайды в Ливонии, в сентябре 1581 г. сопровождал в походе *Ивана IV Грозного*. В начале царствования Федора Иоанновича служил в Разбойной избе. В 1586/1587 г. был писцом в Вяземском уезде, затем — дьяком в Казани. В 1592—1598 гг. служил в Разрядном приказе, в 1598—1606 гг. — в приказе Большого прихода, а с 1599 г. — и в приказе Большого дворца. В 1598 г. посылался в Смоленск и Псков для раздачи милостыни и приведения населения к присяге *Борису Годунову*, во время серпуховского похода был оставлен в Кремле ведать «осадное дело» (Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 138, 150). Подписал «*Грамоту Утвержденную*» 1598 г., в которой значится среди участников избирательного земского собора (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 45, 52). В боярском списке этого времени, где перечислено тридцать дьяков «по приказом», С. назван на пятнадцатом месте (Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 182). В 1599/1600 г. вместе с боярином Ф. Н. Романовым (см. *Филарет*) составлял десятни по Арзамасу, Мещере и Нижнему Новгороду. 21 июля 1601 г., вместе с Михаилом Васильевичем Молчановым, составил опись имущества Кирилло-Белозерского монастыря (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 71/1310; см.: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1983. Вып. 3. С. 358, 359). На л. 1—1 об. описи сделана запись, из которой явствует, что она была произведена по приказу царя Бориса Годунова и что, в числе прочего монастырского имущества, были переписаны книги. Что писал опись один дьяк С., известно из его постскриптума на л. 504: «А Михайлове руки в сей книге, Молчанова, нет: сказал, что он писать не умеет». Опись книг, находящихся в книгохранилище, помещена на л. 207—244, за ней (л. 245—248) следует опись «Да по церквам книг». Всего в книгохранилище исчислено более тысячи книг, а по церквам — 46.

В конце 1604 г. С. раздавал денежное жалованье епифанским служилым людям. Пик карьеры С. как дворцового дьяка приходится на первые месяцы царствования Василия Шуйского. Его скрепы имеются на десятках иммунитетных грамот этого времени; позднее он упоминается в них эпизодически, последний раз — в октябре 1609 г. (Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 200, 201, 208, 212, 216, 221, 226; АЕ за

1979 г. М., 1981. С. 215, 216, 226, 234—238, 240, 243 и др.). Лишенный затем должности в «Большом дворце», С. получил ее вновь по указу Сигизмунда III (1610 г.). По-видимому, он умер до 2 декабря 1610 г., когда поместье С. было решено передать его сыну Ивану Меньшому (АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 390).

Допустимо предполагать, что С. создана краткая редакция «Сказания и повести, еже содеяся...». После текста произведения в одном из его списков читаем: «у подлинного подписано тако: диак Василий Нелюбов» (ГПБ, собр. Погодина, № 1616, л. 105 об.). Е. Н. Кушева считала, что это указание является дьячьей скрепой на перечне поляков и «литвы», убитых и арестованных в Москве 17 мая 1606 г. (данный перечень завершает Сказание). Но поскольку С. служил тогда в приказах Большого прихода и Большого дворца, составление такого документа вряд ли входило в его обязанности. В рукописи, сохранившей упоминание о «подписи» С., Сказание включено в обширную компиляцию, создатель которой, возможно, располагал списком памятника с приведенным замечанием. Сказание содержит следующие известия, соотносимые с фактами биографии С. В нем подробно говорится о борьбе между отрядами Лжедмитрия I (см. *Григорий Отрепьев*) и войсками царя Бориса на юге России. Известно, что в конце 1604 г. С. с «разрядом» был отправлен против Самозванца в Северскую землю, в частности, под Брянск. Публицист обстоятельно рассказывает о походе «расстриги» из Тулы к Москве. С. принимал участие в этом походе в составе «дворца» «царевича Дмитрия». Согласно Сказанию, с невестой Самозванца Мариной Мнишек и ее отцом в Россию прибыли «многие воеводы литовские, и гетманы, и войты, и старосты, и рохмистры с ротами, и многое множество ляхов и з женами и з детми», а собранными для них «кормами великими» Лжедмитрий «запустоши» «дорогу Смоленскую». С. посылался в Смоленск с целью заготовки «дорожного корму» для Мнишков и их встречи (Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 41, 75; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 317—318). По свидетельству публициста, Сигизмунд III — «Свицкие земли родом, Яганов сын». Об этом вполне мог знать С., выполнявший некоторые дипломатические поручения. Так, он посылался на переговоры с датчанами в Колу, участвовал в размежевании русских и шведских земель в Карелии (1595 г.), встречах в Москве шведского королевича Густава (1599 г.) и польско-литовских послов (1600 г.), подписавших мирное соглашение с царем Борисом (о нарушении этого договора Речью Посполитой говорится в Сказании).

По предположению В. И. Буганова, С. был одним из составителей разрядной книги редакции 1598 г. (Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 208).

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 473, 474, 511—513, 556—557; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 92—93; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 17, 30, 278; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. С. 296—297, 299; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 52; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 500—501; Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // ИЗ. 1988. Т. 116. С. 189, 195, 196, 208, 209, 227, примеч. 426.

Я. Г. Солодкин

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собраииые в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии иаук. СПб., 1836. Т. 1—4.
Адриаиова-Перетц и Покровская. Древиерусская повесть	— *Адрианова-Перетц В. П.* и *Покровская В. Ф.* Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.
АЕ	— Археографический ежегодник.
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
АИ	— Акты исторические, собраиные и издаииые Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
БАН	— Библиотека Российской Академии иаук (С.-Петербург).
Барсков. Памятиики	— *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
Барсуков. Источиики агиографии	— *Барсуков Н. П.* Источиики русской агиографии. СПб., 1882.
БВ	— Богословский вестиик, издаваемый Московской духовиой академией.
Будовиищ. Моиастыри иа Руси	— *Будовниц И. У.* Монастыри иа Руси и борьба с ними крестьяи в XIV—XVI веках: (по житиям святых). М., 1966.
Будовииц. Словарь	— *Будовниц И. У.* Словарь русской, украииской, белорусской письмеииости и литературы до XVIII века. М., 1962.
Буслаев. Историческая христоматия	— *Буслаев Ф. И.* Историческая христоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.
ВАИ	— Вестиик археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.
ВВ	— Визаитийский временник.
ВЕ	— Вестиик Европы.
ВИ	— Вопросы истории.
ВИД	— Вспомогательиые исторические дисциплииы.
ВИРА	— Вопросы истории религии и атеизма.

**Примечание редколлегии.* Чтобы соблюсти едииообразие в оформлеиии статей «Словаря киижииков и киижиости Древией Руси», в «Списке сокращеиий» ие учитываются иовые иазваиия, присвоеииые за последние годы ряду учреждений бывшего Советского Союза.

ВЛ — Вопросы литературы.

Владимиров. Обзор памятников — *Владимиров П. В.* Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.

ВМЧ — Великие Минеи Четии.

ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Кн. 1—25.

Востоков. Описание. — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

Голубинский. История церкви — *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1900—1917. Т. 1—2.

Голубинский. История канонизации — *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М., 1903.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург).

ГПНТБ — Государственная Публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. М., 1788—1791. Ч. 1—20.

Древности — Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1865—1904. Т. 1—20.

Дружинин. Писания старообрядцев — *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.

Евгений. Словарь — *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1—2.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.

ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка (Львов).

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884—1919. Т. 1—33.

ИА — Исторический архив. Сборник (с 1936 по 1954); журнал (с 1954 по 1962).

ИВ — Исторический вестник.

ИЗ — Исторические записки.

ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).

Иконников. Опыт по историографии — *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908. Т. 1—2.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук (Москва).

ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Российской Академии наук.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.

ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург).

КДА — Киевская духовная академия.

Ключевский. Древнерусские жития — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

Летописи Тихонравова — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.

Литература Древней Руси — Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. М., 1996.

Литература и культура Древней Руси — Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Под ред. В. В. Кускова. М., 1994.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Российской Академии наук.

МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.

МГПИ им. В. И. Ленина — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.

МГПИ им. В. П. Потемкина — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина

МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

МДА — Московская духовная академия.

Назаревский. Библиография — *Назаревский А.* Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.

Никольский. Рукописная книжность — *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1: А—Б. (Изд. ОЛДП, № 132).

НIЛ, НIIЛ, НIIIЛ, НIVЛ, НVЛ — Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.

ОИДР — Общество истории и древностей российских.

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

ПБЭ — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—12.

ПВЛ — Повесть временных лет.

ПДА — Петербургская духовная академия.

ПДП — Памятники древней письменности.

ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
ПДС	— Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851—1871. Т. 1—10.
ПIЛ, ПIIЛ, ПIIIЛ	— Псковская первая, вторая и третья летописи.
ПИ	— Проблемы источниковедения.
ПЛ	— Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси.
ПО	— Православное обозрение.
Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные	— *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877.
Порфирьев. Апокрифы новозаветные	— *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
ППС	— Православный палестинский сборник.
ПС	— Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РБС	— Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913. Т. 1—25.
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
РЛ	— Русская литература.
РО	— Рукописный отдел.
РС	— Русская старина: Исторический журнал.
РФВ	— Русский филологический вестник.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
Серебрянский. Княжеские жития	— *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
Соболевский. Переводная литература	— *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.
СIЛ, СIIЛ	— Софийские первая и вторая летописи.
Строев. Словарь	— *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882.
Тихонравов. Памятники	— Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1—2; Т. 3: СОРЯС. 1894. Т. 58, № 4.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.
Українські письменники	— Українські письменники: Біо-бібліографічний словник. Т. I: Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклав Л. Є. Махновець. Київ, 1960.
Филарет. Обзор	— *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.

Фраико. Апокрифы — Апокріфи і легеиди з українських рукописів / Збирав, упорядкував и поясиив Ів. Франко. Львів, 1896—1910. Т. 1—5.

Христ. чт. — Христиаиское чтеиие.

ЦГАДА — Цеитральиый государствеииый архив древиих актов (Москва).

ЦГАЛИ — Цеитральиый государствеииый архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИА — Цеитральиый государствеииый исторический архив (С.-Петербург).

ЦНБ АН УССР — Цеитральиая научиая библиотека АН УССР (Киев).

ЧИОНЛ — Чтеиия в историческом обществе Нестора летописца.

ЧОИДР — Чтеиия в Обществе истории и древиостей российских.

ЧОЛДП — Чтеиия в Обществе любителей духовиого просвещеиия.

Яцимирский. Библиографический обзор — *Яцимирский А. И.* Библиографический обзор апокрифов в южиославяиской и русской письмеииости: (Списки памятиков). Вып. 1: Апокрифы ветхозаветиые. Пг., 1921.